K77 8/203

Докторъ Герхартъ фонъ-Шульце-Геверницъ,
профессоръ университета въ Фрейбургѣ.

ОЧЕРКИ
общественнаго хозяйства
И
экономической политики
РОССІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
подъ редакціей
Б. В. Авилова и П. П. Румянцева,
съ предисловіемъ
Петра Струве.

Изданіе Н. М. Глаголева.
С.-Пб., 1901 г.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
8691-34 м

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейферта, Бол. Морская, 65.
1901.

К VII 8/203
1580

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
Предисловіе П. Б. Струве	VII
» автора	1
Введеніе	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ: Прежній меркантилизмъ.	
I. Общій очеркъ	5
II. Помѣщичьи фабрики	19
III. Поссессіонныя фабрики	27
IV. Результаты предшествовавшаго развитія	34
ГЛАВА ВТОРАЯ: Хлопчатобумажная промышленность Центральной Россіи.	
I. Естественныя и экономическія условія Московско-Владимірскаго района	46
II. Владимірская льняная промышленность	59
III. Ивановское красильно-набивное производство	65
IV. Московская прядильная промышленность	72
V. Издержки производства въ Москвѣ и Западной Европѣ	88
VI. Выгодныя и невыгодныя стороны фабричнаго труда въ Средней Россіи	106
VII. „Европеизація“ фабричнаго труда въ Средней Россіи	120
Приложеніе	140
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: Славянофилы и панслависты.	
I. Славянофилы	142
II. Панслависты	157
III. Критика	163
IV. Народники	169
V. Новѣйшая политика міровой державы	181
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: Торговая политика восмидесятыхъ годовъ.	
I. Историческій обзоръ	197
II. Сторонники таможенной охраны	213
III. Критика	220
IV. Желѣзодѣлательная промышленность	223

Стр.

ГЛАВА ПЯТАЯ: Аграрныя отношенія.

I. Общія замѣчанія 254
A. Сельско-хозяйственная географія 255
B. Распредѣленіе земельной собственности 259
C. Сельско-хозяйственное производство и его хозяинъ 262
D. Недостатки русскаго крестьянскаго хозяйства . . . 274
E. Прогрессивные факторы 285
F. Формы проявленія экономическаго прогресса . . . 294
G. Аграрное законодательство 307
II. Страничка изъ дневника поѣздки по голодающимъ мѣстностямъ Россіи. 319
III. Путевыя записки Харьковской губ.
A. Общинное землевладеніе.—Передѣлы земли. . . . 332
B. Размѣры сельско-хозяйственныхъ предпріятій . . . 340
C. Крестьянская техника.—Нѣмецкія колоніи 345
IV. Путевыя замѣтки изъ Украины.
A. Организація труда 353
B. Кобелякскіе казаки 366

ГЛАВА ШЕСТАЯ: Реформа денежнаго обращенія.

I. Задачи реформы.
A. Задача валютной политики 382
B. Задача банковой политики 398
II. Курсъ рубля и рублевая биржа 412
A. Возникновеніе Берлинской рублевой биржи 414
B. Функціи Берлинской рублевой биржи 416
C. Конецъ Берлинской рублевой биржи 431
III. Финансово-политическія основы денежной реформы.
A. Податная реформа Бунге 441
B. Развитіе государственнаго кредита при Вышнеградскомъ и Витте 452
IV. Платежный балансъ Россіи.
A. Платежный балансъ 1887-98 г.г. 462
B. Торговый балансъ Россіи 472
Заключеніе 490

Предисловіе къ русскому переводу.

Книга проф. Шульце-Геверница, одного изъ самыхъ выдающихся учениковъ Брентано, не можетъ не представлять крупнаго интереса для русскихъ читателей. Всегда поучительно послушать голосъ умнаго и ученаго иностранца о нашихъ экономическихъ и общественныхъ дѣлахъ. Шульце-Геверницъ говоритъ умно, и, опираясь на солидныя (хотя и съ большими пробѣлами) знанія экономическаго положенія Россіи, онъ ставитъ вопросъ объ ея экономическомъ развитіи такъ широко, какъ этого требуетъ грандіозное историческое значеніе этой проблемы.

Школа Брентано склонна — и въ этомъ, между прочимъ, ея значеніе и заслуга въ наукѣ — вполнѣ реалистически или, какъ принято говорить послѣ Маркса и Энгельса, матеріалистически ставитъ вопросъ объ условіяхъ экономическаго развитія. Въ этомъ смыслѣ она—буржуазно-либеральное выраженіе того же самого строя идей, который извѣстенъ подъ наименованіемъ экономическаго матеріализма[1]). Въ констатированіи и теоретическомъ истолкованіи фактовъ мы не можемъ поэтому не *сходиться* часто съ авторомъ предлагаемыхъ этюдовъ, такъ какъ мы вѣдь *исходимъ* изъ одной и той же соціологической точки зрѣнія[2]). Но его буржуазныя симпатіи и—если можно такъ выразиться—вкусы намъ совершенно чужды.

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ я охарактеризовалъ школу Брентано уже въ „Критическихъ Замѣткахъ“.

[2]) Ad notam читателю предисловія автора. Мои взгляды на экономическое развитіе Россіи были формулированы еще въ 1892 и 1893 г. въ нѣмецкихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Sozialpolitisches Centralblatt“ hera-

Сильную сторону труда Шульце-Геверница составляетъ широкій сравнительно-историческій фонъ, на которомъ онъ вырисовываетъ свою картину экономическаго развитія Россіи. Тутъ сказываются результаты той плодотворной работы надъ исторіей хозяйственнаго быта, которую нельзя не признать крупной заслугой новѣйшей исторической школы въ нѣмецкой политической экономіи (Шмоллеръ, Брентано и др.). Но и матеріалистическое пониманіе исторіи, и историческія аналогія нерѣдко подсказываютъ нашему автору рискованныя обобщенія, насильственно упрощающія дѣйствительность и несостоятельныя предъ лицомъ болѣе глубокаго и пристальнаго изученія фактовъ.

Большую цѣнность для русскихъ читателей имѣетъ даваемая нѣмецкимъ ученымъ реалистическая характеристика славянофильства и смѣнившаго его болѣе грубаго національнализма. Характеристика эта превосходно обнажаетъ буржуазную подкладку въ якобы вполнѣ отвлеченной славянофильской идеологіи. Основная мысль этого сведенія славянофильства на представительство опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ не нова. Ее съ большимъ успѣхомъ въ свое время проводилъ г. Михайловскій, ее высказывали г. Ник.—онъ и гораздо позже г. Волгинъ. Но они дѣлали это мимоходомъ, тогда какъ Шульце-Геверницъ даетъ законченную конструкцію. Однако, даже міровоззрѣніе послѣдняго славянофила Ивана Аксакова нельзя свести безъ остатка на идейное представительство интересовъ московской буржуазіи. Иванъ Аксаковъ продолжалъ публицистическую работу своихъ предшественниковъ по славянофильской вѣрѣ, а они были на самомъ дѣлѣ своеобразными выразителями *сложной сѣти* интересовъ, подчасъ противорѣчивыхъ. Взять, напр., Кошелева и Юрія Самарина. Сами помѣщики, они вовсе не были принци-

---

нѣмецкихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Sozialpolitisches Centralblatt“ herausgegeb. von Dr. Heinrich Braun: 1) „Die wirtschaftliche Entwickelung Russlands und die Erhaltung bes Banerustandes“ (I Jahrg, № 34) и 2) „Zur Beurteilung der kapitalistischen Entwickelung Russlands“ (III Jahrg № 1), т. е. значительно раньше появленія первыхъ статей Шульце-Геверница.

піальными противниками землевладѣльческаго класса, но въ то же время шли довольно далеко въ защитѣ интересовъ крестьянства, будучи при этомъ рѣшительными противниками радикальныхъ коллективистическихъ идеаловъ народничества, за которые стояли Герценъ и Чернышевскій.

Въ краткой формулѣ настоящее славянофильство, какъ общественную доктрину, можно охарактеризовать такъ: это національстическій либерализмъ, одинаково благосклонный и къ господствующему аграрному классу и къ промышленной буржуазіи и въ то же время проникнутый романтическими симпатіями ко всѣмъ исторически сложившимся и упрочившимся силамъ, учрежденіямъ и бытовымъ формамъ страны. Какъ либерализмъ, славянофильство было за свободу печати, за независимый судъ, противъ крѣпостного права; какъ историческая романтика, оно отстаивало освобожденіе крестьянъ съ землей и историческій „міръ“ [1]); благосклонность его къ дворянству выражалась въ принципіальномъ признаніи историческаго сословнаго строя; отношеніе его къ промышленной буржуазіи характеризуется отстаиваніемъ протекціонизма и даже специфически предпринимательскихъ интересовъ (напр. противъ фабричной инспекціи). Кому, какому общественному слою больше всего пошло на пользу славянофильское міровоззрѣніе, какъ дѣйственная сила, и выразителемъ какого соціальнаго класса слѣдуетъ, поэтому, въ конечномъ счетѣ считать настоящее славянофильство, — это вопросъ сложный и, я думаю, и послѣ любопытной попытки Шульце-Геверница— открытый.

Конечно, истолковавъ аграрнодворянскія (вспомнимъ г. Дмитрія Самарина, подъ эгидой Ивана Аксакова проповѣдывавшаго теорію достаточности крестьянскихъ надѣловъ) и аграрно-крестьянскія (община!) симпатіи славянофильства, какъ сознательную или безсознательную идеализацію условій, мѣшающихъ развитію крѣпкихъ аграрныхъ классовъ, способныхъ къ борьбѣ съ индустріализмомъ, можно представить

[1]) Славянофилы вовсе не были „демократами“, какъ часто принято говорить. „Славянофилы стоятъ не просто за „народъ“, но главнымъ образомъ за народность“. *Иванъ Аксаковъ.* Сочиненія, т. VII, стр. 768.

славянофильство и смѣнившій его національнзмъ, какъ чистое идеологическое выраженіе интересовъ крупно-промышленной буржуазіи. Это и дѣлаетъ Шульце-Геверницъ. Но въ этомъ нельзя не видѣть явной натяжки.

Ошибочно, наконецъ, ставить знакъ равенства между Иваномъ Аксаковымъ и Катковымъ 80-хъ г.г. Разница между ними очень крупная и, въ соціологическомъ отношеніи, очень любопытная. Аксаковъ былъ и въ 80-хъ гг. близокъ къ живымъ общественнымъ потребностямъ, когда онъ отстаивалъ поперемѣнно интересы то того, то другого общественнаго класса или даже общественной культуры въ ея цѣломъ. Катковъ же въ это время уже былъ чистый государственникъ, защищавшій тѣ или другіе классовые интересы съ точки зрѣнія интересовъ государства, какъ онъ ихъ понималъ, т.-е. съ точки зрѣнія чрезвычайно несложной, скудной содержаніемъ, но совершенно недвусмысленной по своимъ практическимъ, а я бы сказалъ, полицейскимъ выводамъ государственной формулы. По существу Катковъ былъ совершенно равнодушенъ къ интересамъ и дворянства, и крупной буржуазіи. Если же онъ отстаивалъ интересы обѣихъ этихъ могущественныхъ общественныхъ группъ, то потому, что онъ видѣлъ въ нихъ (и совершенно правильно) такія общественныя силы, которыя можно было привлечь въ качествѣ столповъ той государственной программы, которую онъ проводилъ. Поэтому-то онъ, а не Аксаковъ въ половинѣ 80-хъ г.г. провозгласилъ дворянскую эру. Это вызвало отпоръ со стороны Аксакова[1]), признававшаго сословный строй, но вовсе не желавшаго дальнѣйшаго развитія сословныхъ привилегій, справедливо чуявшаго въ такомъ исторически запоздаломъ развитіи плохо скрытую заднюю мысль чисто политическаго, точнѣе, формально-государственнаго свойства, которой онъ, какъ общественный человѣкъ, вовсе не сочувствовалъ и осуществленіе которой не подняло дворянство, какъ сословіе, а уронило. Катковъ 80-хъ гг. былъ идеологомъ „казенщины“,

[1]) См. статью: „Сбыточна ли у насъ мечта о „дворянской эрѣ“ ? “ Сочиненія, т. V, стр. 528.

а не промышленной буржуазіи. Во всякомъ случаѣ, вдохновляя политику 80-хъ г.г., Катковъ выдвинулъ на первый планъ дворянство и его интересы. Между тѣмъ Шульце-Геверницъ сводитъ реакцію 80-хъ гг. къ политическому и экономическому преобладанію московской крупно-промышленной буржуазіи. Вліянію этого общественнаго слоя онъ приписываетъ не только усиленіе таможеннаго покровительства, но и весь характеръ внутренней политики и общественнаго настроенія 80-хъ г.г. Однако для всякаго, знакомаго болѣе близко съ нашей общественной исторіей и дѣйствительностью, не можетъ подлежать сомнѣнію, что корней контръ-реформъ и общественной реакціи 80-хъ г.г. слѣдуетъ искать не въ индустріальномъ, а въ землевладѣльческомъ классѣ, „обиженномъ“ 19-го февраля 1861 г. Реакціонное настроеніе дворянства подготовлялось постепенно въ теченіе всего царствованія Александра II; въ эпоху 80-хъ г.г. оно вовсе не проявилось впервые, а только стало задавать тонъ всей внутренней политикѣ, совпавъ съ опредѣленными чисто государственными тенденціями и интересами. Шульце-Геверницъ является также недостаточно освѣдомленнымъ о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, когда рисуетъ государственную политику 90-хъ гг., т.-е. нашего времени, какъ принципіально отличную отъ политики 80-хъ г.г.—этого, какъ мы всѣ хорошо знаемъ, нѣтъ. Общественное настроеніе съ 1891 г. дѣйствительно рѣзко измѣнилось, но въ государственной политикѣ эта перемѣна никакимъ положительнымъ образомъ не сказалась. Правда, чисто экономическая политика 90-хъ г.г. (политика г. Витте), являясь отраженіемъ быстраго экономическаго развитія и промышленнаго подъема самой страны, отличается гораздо болѣе широкимъ размахомъ, чѣмъ политика конца 80-хъ г.г. (политика г. Вышнеградскаго). Въ этомъ смыслѣ и современная экономическая политика, конечно, участвуетъ въ культурномъ прогрессѣ страны, отнюдь, впрочемъ, не играя въ немъ руководящей роли, а, такъ сказать, лишь искусно слѣдуя за ходомъ вещей. Но только при томъ исключительномъ вниманіи къ чисто экономическимъ факторамъ, при томъ нѣсколько узкомъ и шаблонномъ схематизмѣ экономическаго

пониманія исторіи, которое характерно для Шульце-Геверница, можно было упустить изъ виду, что внутренняя жизнь страны и даже ея хозяйственная жизнь въ гораздо большей степени опредѣляется общей политикой государства, чѣмъ его экономической политикой. А между общей политикой 80-хъ и таковой же 90-хъ г.г. вовсе не существуетъ того различія, которое стремится установить Шульце-Геверницъ, очевидно введенный въ заблужденіе такими фактами, какъ удачно проведенная валютная реформа, торговый договоръ съ Германіей 1894 г. и нѣкоторые другіе.

Непризнаніе такого очевиднаго факта, какъ руководящая роль земельнаго дворянства, его интересовъ и чаяній во всей русской политикѣ послѣдняго 20-лѣтія стоитъ у нашего автора быть можетъ, въ связи съ недостаточно правильной оцѣнкой экономическаго прошлаго этого класса - сословія. Шульце-Геверницъ думаетъ, что первые крупные шаги русскаго земледѣлія на денежно-хозяйственной основѣ причинно связаны съ пореформеннымъ экспортомъ русскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на Западъ. Исторически это невѣрно: въ дореформенной Россіи XIX вѣка сельско-хозяйственный рынокъ былъ абсолютно очень значительно развитъ, именно какъ внутренній рынокъ: значеніе внутренняго сельско-хозяйственнаго рынка было во много разъ больше, чѣмъ значеніе рынка внѣшняго. Развитіе русской промышленности въ дореформенную эпоху шло рука объ руку съ развитіемъ денежнаго земледѣльческаго хозяйства помѣщиковъ на основѣ внутренняго рынка. На внутренній рынокъ поступало въ 40-хъ и 50-хъ г.г. XIX вѣка разъ въ 7—8 больше хлѣба, чѣмъ за границу: одно винокуреніе поглощало вдвое больше зерна, чѣмъ заграничный спросъ [1]).

Отсюда явствуетъ ошибочность разсужденій Шульце-Геверница на стр. 37—38. Денежное хозяйство въ русскомъ земледѣліи имѣетъ—какъ я показалъ въ цитированной статьѣ—гораздо болѣе глубокіе корни, чѣмъ принято думать. Раз-

[1]) См. мою статью „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. „Міръ Божій“ 1899 г., октябрь—декабрь.

витіе самой барщины стояло въ связи съ развитіемъ помѣщичьяго земледѣлія на денежно-хозяйственной основѣ. Въ этомъ отношеніи аналогія между Россіей и восточными областями Западной Европы гораздо больше, чѣмъ думаетъ Шульце-Геверницъ.

Характеромъ крѣпостнаго хозяйства въ черноземной Россіи опредѣлилось и поземельное устройство крестьянъ этой полосы, ихъ скудное надѣленіе землей, которою, вопреки Шульце-Геверницу (стр. 274: „сама земля не имѣла цѣнности"), помѣщики очень дорожили и въ дореформенную эпоху, и довольно высокіе оброки (выкупные платежи). Однако, несомнѣнно, что эти оброки и соотвѣтствующіе выкупные платежи въ *черноземной* Россіи были болѣе сообразованы съ дѣйствительной цѣнностью и доходностью крестьянскихъ земель и больше соотвѣтствовали возможному приращенію этой доходности, чѣмъ въ Россіи нечерноземной, гдѣ оброки и выкупные платежи были расчитаны не на одну только землю, но едва ли не еще больше на сторонніе заработки крестьянъ. Такимъ образомъ указываемое Шульце-Геверницемъ (стр. 276) несоотвѣтствіе между крестьянскими платежами за землю и доходностью ея *характерно* по преимуществу *для нечерноземной Россіи*, и противоположное утвержденіе нѣмецкаго автора представляетъ не болѣе какъ недоразумѣніе. Именно въ нечерноземной и неземледѣльческой Россіи землевладѣніе для крестьянъ было и остается мѣстами „не правомъ, а обязанностью". Въ 80-хъ годахъ во всей черноземной Россіи доходность крестьянской земли обогнала ея обложеніе,—фактъ, какъ извѣстно, оказавшій огромное вліяніе на реальныя судьбы общиннаго землевладѣнія въ этой части Россіи. Шульце-Геверницъ, повидимому, по какому-то странному недоразумѣнію смѣшиваетъ вопросъ о соотвѣтствіи между платежами крестьянъ за землю и ея доходностью съ вопросомъ о недоимочности крестьянъ, два вопроса, вовсе не тождественные. Изъ накопленія недоимокъ на черноземныхъ губерніяхъ авторъ выводитъ, что здѣсь доходность земли не соотвѣтствуетъ лежащимъ на ней платежамъ, что на самомъ дѣлѣ характерно, наоборотъ, какъ разъ для нечерноземной промысловой Россіи, гдѣ въ выкупные пла-

тежи несомнѣнно вошелъ выкупъ за освобожденную крестьянскую личность.

Я, впрочемъ, не задаюсь здѣсь исчерпывающей критикой книги нѣмецкаго ученаго и потому не буду указывать всѣхъ фактическихъ ошибокъ, которыя можно отыскать въ его интересномъ трудѣ, въ особенности въ отдѣлѣ, посвященномъ аграрному строю и аграрной политикѣ Россіи. Для моей задачи, состоящей въ общей оцѣнкѣ предлагаемыхъ очерковъ, важнѣе подчеркнуть, что ихъ сила, заключающаяся въ рѣшительномъ проведеніи реалистической точки зрѣнія, всюду выдвигающей на первый планъ чисто экономическіе факторы, составляетъ въ то же время и слабость этого труда, тѣмъ болѣе, что авторъ и по своей буржуазно-оппортунистической позиціи, и по своей далекости отъ живой русской дѣйствительности часто недостаточно чутокъ къ своеобразнымъ нехозяйственнымъ сторонамъ нашей жизни. Онъ далеко недостаточно оцѣнилъ тотъ фактъ, что въ Россіи буржуазные классы и интересы, именно въ силу своеобразнаго историческаго прошлаго нашей страны и особыхъ условій ея настоящаго, способны подчасъ играть глубоко реакціонную роль и что поэтому надежды, возлагаемыя имъ, напр., на крестьянскую буржуазію, какъ на прогрессивную силу, требуютъ большихъ оговорокъ. Я лично всегда думалъ, что у насъ прогрессивны не столько нарождающаяся и быстро растущая буржуазія, сколько тѣ общія условія хозяйственной и культурной жизни, на почвѣ которыхъ она вырастаетъ. И теперь я продолжаю твердо держаться того убѣжденія, что нашу страну во всѣхъ отношеніяхъ поведетъ впередъ капиталистическій строй, но вовсе не—командующіе въ немъ классы. Послѣдніе, наоборотъ, сознательно стремятся сочетать выдвигающій ихъ самихъ сложный хозяйственный строй съ выгодными для ихъ командованія примитивными общественными и культурными формами и условіями. Этотъ огромный по своему соціологическому значенію фактъ неизбѣжно подрываетъ соблазнительную ясность и простоту той „матеріалистической“ схемы, въ которой Шульце-Геверницу рисуется наше общественное развитіе.

Въ заключеніе долженъ сказать, что разсужденія автора о

внѣшней политикѣ, которыми онъ заканчиваетъ свой трудъ, кажутся мнѣ объективно неправильными. Мнѣ представляется, что Шульце Геверницъ увлекся тѣмъ антианглійскимъ настроеніемъ, которое до сихъ поръ очень сильно во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго буржуазнаго общества, и упустилъ изъ виду, что Германія, какъ торговая держава, быстро догоняющая Англію, несмотря на свое успѣшное экономическое соперничество съ послѣдней или, вѣрнѣе, именно благодаря ему, все болѣе и болѣе должна становиться солидарной съ Англіей въ методахъ и цѣляхъ международной политики, поскольку они опредѣляются реальными экономическими интересами обѣихъ этихъ державъ. Возможно болѣе широкое раскрытіе свободныхъ рынковъ— вотъ въ чемъ заинтересованы оба эти торгово-промышленные исполина современной Европы. Только націоналистическіе предразсудки съ обѣихъ сторонъ могли, мнѣ кажется, до сихъ поръ препятствовать проникновенію во всеобщее политическое сознаніе англичанъ и нѣмцевъ указанной солидарности Англіи и Германіи съ точки зрѣнія реальной міровой политики.

Наоборотъ, современная Россія, какъ міровая держава [1]), ставитъ себѣ совершенно своеобразныя задачи и на Дальнемъ Востокѣ, и въ Малой Азіи, задачи, которыя отнюдь не совпадаютъ съ желаніями и притязаніями англичанъ и нѣмцевъ. Мы совершенно согласны съ Шульце-Геверницемъ въ высокой положительной оцѣнкѣ русско-германскаго торговаго договора 1894 года, какъ хорошей обоюдовыгодной сдѣлки. Но тѣ политическіе выводы и чаянія, которыя онъ связываетъ съ этимъ фактомъ, кажутся намъ неосновательными и—скажемъ откровенно—въ высшей степени нежелательными, хотя насъ, конечно, почтенный фрейбургскій профессоръ не упрекнетъ въ націонализмѣ. Что касается объективныхъ основаній нашего выше высказаннаго взгляда о реальной солидарностя Англіи и Германіи, то не является-ли его подтвержденіемъ только

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь не о той политикѣ, которая была бы желательна намъ, а о той дѣйствительной политикѣ Россіи, какъ міровой державы, которая неизбѣжно вытекаетъ изъ ея современной роли въ сонмѣ державъ и изъ историческихъ прецедентовъ.

что состоявшееся соглашеніе по китайскимъ дѣламъ? Это соглашеніе очень хорошо укладывается именно въ наше пониманіе взаимныхъ отношаній міровыхъ державъ, поскольку эти отношенія опредѣляются реальными экономическими интересами и совсѣмъ не вяжется со взглядами, высказанными въ „Заключеніи“ Шульце-Геверница.

Петръ Струве.

Октябрь, 1900 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемые очерки — результатъ работы нѣсколькихъ лѣтъ, правда, часто прерывавшейся, благодаря преподаванію въ университетѣ. Основныя идеи этихъ очерковъ я уже высказывалъ въ своихъ статьяхъ—въ январьской, февральской и мартовской книжкахъ (журнала) «Preussische Jahrbücher» за 1894 г.;—*тогда мои взгляды* были еще недостаточно обоснованы и не разработаны въ деталяхъ. Съ того времени эти идеи неоднократно высказывались въ русской періодической печати и литературѣ, частью съ указаніями, частью безъ указаній на мою работу. Я констатирую здѣсь этотъ фактъ для того, чтобы лица, знакомыя съ русской экономической литературой, не подумали, что я заимствую свои взгляды изъ извѣстныхъ сочиненій, пользовавшихся большимъ успѣхомъ въ послѣдніе годы. Я не стану спорить о пріоритетѣ. Распространеніе идеи можетъ быть только отрадно для того, кто выставилъ ее въ интересахъ выясненія истины, а не по какимъ-нибудь личнымъ соображеніямъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Благодаря любезности г. Министра Народнаго Просвѣщенія, я получилъ возможность въ теченіи всего зимняго семестра 1892—93 года заниматься экономическими вопросами при Московскомъ Университетѣ. Пребываніе въ Москвѣ дало мнѣ, однако, болѣе этого: путемъ знакомства съ самыми разнообразными, часто противоположными кругами я постарался получить представленіе о тѣхъ теченіяхъ и настроеніяхъ, которыя, какъ отраженіе жизни русскаго народа, представлены въ старой столицѣ русскаго царства. Поѣздки съ научной цѣлью въ различныя мѣстности Россіи и въ различное время года, особенно два лѣта, проведенныя мною въ земледѣльческихъ областяхъ государства, расширили мои свѣдѣнія, собранныя въ Москвѣ. Изученіемъ обширной русской литературы я старался подкрѣпить мои личныя впечатлѣнія.

Православная Россія, унаслѣдовавшая византійскую культуру, представляетъ совершенно своеобразный міръ въ сравненіи съ католической и протестантской Европой. Несмотря на это, волны тѣхъ идейныхъ теченій, которыя въ послѣднія два столѣтія прошли по Европѣ, довольно часто переливались черезъ преграды, отдѣлявшія Россію отъ Европы, и разбивались у фантастическихъ стѣнъ Кремля, принимая удивительнѣйшія формы. Русская „интеллигенція“ со временъ Петра Великаго стала принимать участіе въ идейномъ движеніи Европы, которое выражалось, правда, въ заимствованіи, и только теперь въ нѣкоторыхъ областяхъ, къ которымъ я отношу также національную экономію, она принимаетъ и активное участіе въ работѣ европейской мысли.

Но не европейскія идеи европеизируютъ русскую жизнь. Не вліяя на общественный строй, онѣ обращаются въ ограниченныхъ кругахъ литературно образованной части общества, потому что въ народной психологіи не существуетъ почвы, въ которую онѣ могли бы пустить глубокіе корни.

Философскія, политическія и соціальныя идеи Европы въ Россіи пріобрѣтаютъ значеніе только тогда, когда онѣ оказываются подходящими къ своеобразнымъ *хозяйственнымъ потребностямъ* страны. Среди этихъ хозяйственныхъ потребностей на первомъ планѣ стоятъ финансово-политическіе интересы государства, которое стремится за-границей играть роль великой европейской и даже міровой державы. Этимъ политическимъ интересамъ служитъ со времени Петра В. *торговая* и *промышленная политика* Россіи, и имъ же по преимуществу служитъ мощное развитіе крупной промышленности въ современной Россіи.

Но помимо экономическихъ потребностей, независимо отъ взглядовъ литераторовъ и государственныхъ людей, медленно совершается та европеизація, которая важнѣе всего того, что происходитъ въ верхнихъ слояхъ народа: въ широкой массѣ населенія развивается психологическій типъ европейца, и именно потому, что онъ оказывается болѣе пригоднымъ для удовлетворенія экономическихъ потребностей общества.

Рука объ руку съ этимъ все болѣе увеличивается, несмотря на меркантилистическую замкнутость, связь русскаго народнаго хозяйства съ торговой и кредитной сѣтью Западной Европы, и въ особенности западно-европейскаго материка. Это означаетъ внутреннюю *европеизацію* русскаго народнаго хозяйства. Она неизбѣжна — и именно въ интересахъ политической самостоятельности и въ интересахъ увеличенія могущества государства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Прежній меркантилизмъ.

I. Общій очеркъ.

Современная русская промышленность носитъ колоніальный характеръ; современныя формы крупнаго фабричнаго производства были перенесены сюда съ Запада и созданы непосредственно на ряду съ старинными формами „народнаго производства", которое носило характеръ домашнихъ крестьянскихъ промысловъ (Hausfleiss) [1].

Развитіе промысловъ (Gewerbe) началось въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, въ семьѣ, какъ первоначальной, независимой извнѣ хозяйственной единицѣ. Что большая и замкнутая крестьянская семья („печище") [2], по времени предшествуетъ общинѣ, для Россіи вполнѣ прочно установлено [3]. Только въ прошломъ столѣтіи въ отдаленныхъ частяхъ сѣвера отдѣльные крестьянскіе дворы были принудительно соединены въ общины.

Крестьянскій дворъ производилъ только для собственнаго потребленія, кромѣ средствъ питанія и сырыхъ продуктовъ, также и продукты обрабатывающей промышленности, прежде всего ткани.

То же самое производилъ и помѣщичій дворъ, но въ большихъ размѣрахъ, соотвѣтственно большему потребленію. Подобное самодовлѣющее земледѣльческое помѣщичье хозяйство съ высоко развитыми уже потребностями рисуетъ «Домострой», книга свѣтскихъ наставленій 16-го в., подобно

---

[1]) Здѣсь и ниже принята терминологія *Бюхера*; см. „Handwörterbuch d. Staatwissensch." статью: „Gewerbe".

[2]) Авторъ поясняетъ: „печище—большой очагъ".

[3]) *Engelmann.* Leibeigenschaft in Russland. Leipzig, 1884, S. 5, и приведенный тамъ отрывокъ изъ соч. *Ефименко*: „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ". „*Русская Мысль*". 1882 г., кн. IV и V; 1883 г., кн. VI—VII.

тому, какъ соотвѣтствующія руководства по домашнему хозяйству на Западѣ были также и начатками экономической литературы. Изъ этой книги мы получаемъ впечатлѣніе, какъ будто экономическая дѣятельность внѣ дома совсѣмъ не существовала. Ни одного намека на народное хозяйство, на связи между отдѣльными частными хозяйствами! „Вся цѣль жизни, повидимому, заключалась въ томъ, чтобы погреба, амбары съ провизіей и платьемъ были полны, чтобы запасы, собранные какъ у хомяка въ норѣ, по возможности оставались постоянными, и пополнялись съ возможно меньшими жертвами“ [1]).

Здѣсь, какъ и вездѣ, увеличеніе народонаселенія вызвало переходъ къ высшимъ формамъ хозяйства. Этимъ только и можно объяснить, что на сѣверѣ, гдѣ природа скудна и гдѣ средства къ пропитанію ограничены, крестьянскія семьи все-таки очень рано начали продавать излишки своего домашняго производства. Въ лѣсистыхъ сѣверныхъ полосахъ особенную роль играли и играютъ еще и понынѣ, рядомъ съ тканьемъ, также разнообразнѣйшіе промыслы по обработкѣ дерева, какъ напр., производство деревянной посуды, лаптей, саней, постройка рѣчныхъ судовъ, рогожный промыселъ, далѣе — обработка металловъ, гвоздарный, котельный промыселъ и пр. Средствомъ сбыта служила торговля въ разносъ: она доставляла произведенія крестьянской индустріи на югъ, который взамѣнъ поставлялъ хлѣбъ. Позже явились и иностранцы, которые стали вывозить продукты крестьянской промышленности. Особенно съ 16-го вѣка начался оживленный вывозъ сукна и льна англичанами, которые вырвали изъ рукъ Ганзейцевъ внѣшнюю торговлю Россіи. Этотъ переходъ торговли отъ Ганзейскаго союза къ англичанамъ отмѣченъ упадкомъ Новгорода и расцвѣтомъ Архангельска послѣ того, какъ англичане въ 1553 г. открыли путь въ Россію черезъ Бѣлое море. Есть извѣстія о существованіи англійскихъ торговыхъ факторій въ послѣдніе два вѣка далеко въ глубинѣ Россіи. Іоаннъ IV Грозный (1533—84 г.), разрушитель Новгорода, за свои дѣятельныя сношенія съ Англіей былъ названъ „англійскимъ царемъ“, и англичане во времена Елизаветы заявляли, что ни съ одной изъ другихъ странъ торговыя сношенія не даютъ имъ столько барыша, сколько торговля съ Россіей [1]).

---

[1]) *Brückner.* J. Possoschkoff. Leipzig, 1878, S. 243. Его же: „Russische Revue“, IV, S. 1.

[1]) *Ordega.* Die Gewerbepolitik Russlands von Peter I bis Katharina II. Tübingen. 1885, S. 35 u. 42. *Brückner.* J. Possoschkoff. Leipz., 1878, S. 237—314. Его же. Peter d. Grosse стр. 6.

На ряду съ домашними крестьянскими промыслами существовала другая форма народной промышленности — отхожіе промыслы; исходнымъ пунктомъ ихъ является также сѣверъ. Еще и теперь тысячи плотниковъ, каменьщиковъ, стекольщиковъ и др. отправляются изъ Вятки и Владиміра на земледѣльческій югъ, и здѣсь, странствуя повсюду, предлагаютъ свой трудъ [1]). Отхожіе промыслы являются почвой, на которой выросла артель. Такъ какъ человѣкъ выступаетъ въ исторіи вообще, какъ членъ группы, то, когда ему приходится оставить естественную группу, семью, онъ соединяется въ новыя искусственныя группы. Артель, подобно своему прототипу, семьѣ, носитъ, съ одной стороны, производительно-товарищескій характеръ, и въ то же время является союзомъ для организаціи потребленія. Она охватываетъ всего человѣка и связываетъ его съ внѣшнимъ міромъ круговой порукой. Замѣчательно, что наиболѣе рѣзкія очертанія она приняла у отхоже-промышленниковъ потому, что здѣсь только она стала крѣпкимъ союзомъ, замѣнившимъ семью [2]).

Приблизительно таково было промышленное состояніе Россіи въ 17 столѣтіи. Представителемъ промышленности былъ тогда и еще долго въ нынѣшнемъ столѣтіи — крестьянинъ, несмотря на всѣ меркантилистическіе эксперименты правительства.

Ремесленники, необходимые при дворѣ для построекъ дворцовъ и для производства предметовъ роскоши, выписывались тогда изъ-заграницы. Вначалѣ это были греки. Съ паденіемъ Византіи ихъ замѣнили нѣмцы. Эти иностранные мастера состояли почти на положеніи чиновниковъ и были рѣзко отдѣлены отъ туземнаго населенія. Они даже дѣлали тайной свое ремесло и остерегались знакомить съ нимъ туземныхъ жителей, въ чемъ самъ Петръ упрекалъ выписанныхъ имъ нѣмецкихъ мастеровъ. Такими заграничными ремесленниками были: золотыхъ дѣлъ мастера, мастера по литью пушекъ и колоколовъ, архитекторы, часовщики, скульпторы, художники, горнорабочіе, суконщики и пр. По Брикнеру число занятыхъ въ Россіи иностранцевъ еще до Петра достигало 17—18000 [3]).

---

[1]) *П. Струве.* Критическія замѣтки къ вопросу объ эконом. развитіи Россіи. С.-Пб., 1894 г., стр. 190—191; *Thun.* Landwirthschaft und Gewerbe in Mittelrussland Leipzig, 1880, passim.

[2]) *Stieda* въ Conrads Jahrbücher, Neue Folge, Bd. VI S. 193 ff. Мнѣ кажется, что современные союзы З. Европы не имѣютъ ничего общаго съ артелями: первые покоятся на индивидуалистической основѣ и ихъ развитіе указываютъ на будущее; артели же указываютъ на прошедшее и падаютъ съ развитіемъ индивидуализма.

[3]) *Brückner.* Peter d. Gr. Berlin, 1879, S. 200. *Ordega,* S. 7, 35, 80—83.

Такъ какъ не существовало туземныхъ ремесленниковъ, какъ особой профессіи, то не могло быть и классовыхъ движеній въ ремеслѣ: не было борьбы противъ наемнаго труда въ домахъ заказчиковъ, противъ сельской промышленности, противъ странствующихъ промышленниковъ, не существовало регулированія производства внутри самаго ремесла. Поэтому въ Россіи до Петра господствовала такая же полная свобода промышленности, какая явилась только уже въ результатѣ промышленнаго развитія въ З. Европѣ. Введенное Петромъ В. цеховое устройство носило чисто бюрократическій характеръ и учреждено было съ фискальными цѣлями. Какъ утверждаетъ Брикнеръ, цехи существовали только номинально. Указъ императора грозилъ оберъ-президентамъ городскихъ управленій тюрьмой, въ случаѣ если цехи не будутъ введены къ извѣстному сроку. Строгость наказанія во всякомъ случаѣ указываетъ на то, что усилія императора были безрезультатны [1]).

Существовавшая въ Москвѣ крупная торговля имѣла ничтожное значеніе для крестьянскаго натуральнаго хозяйства, характеризовавшаго до-петровскую Россію. Указаніемъ на отсталость въ торговлѣ могутъ служить постоянныя жалобы на обманы, въ которыхъ русскіе должно быть, далеко превосходили иноземцевъ, хотя и не достигали такимъ путемъ прочныхъ выгодъ. На подобное же явленіе указываютъ нынѣ у восточныхъ народовъ, хотя экономическое значеніе торговли въ ихъ жизни столь же велико, какъ и у западно-европейскихъ народовъ, торговля которыхъ характеризуется наиболѣе солидными обычаями, какъ напр., у англичанъ. Петръ В. грозилъ смертной казнью лицамъ, которыя увеличивали вѣсъ пеньки накладываніемъ камней, такъ какъ англичане отказывались покупать у русскихъ пеньку. Ввозъ боброваго мѣха изъ Россіи былъ запрещенъ во Францію, потому что онъ подмѣшивался кошачьимъ мѣхомъ и былъ негоденъ для выдѣлки [2]).

Дальнѣйшимъ указаніемъ на недостатокъ купеческаго сословія въ западно-европейскомъ смыслѣ служитъ фактъ коммерческаго господства иностранцевъ въ Россіи того времени. Внутренняя торговля, насколько она существовала, стояла на такой же точно ступени развитія, какъ и промышлен-

---

[1]) *Brückner.* Peter d. Grosse, S. 521. *Ordega.* S. 82. Когда для перестройки дворца было вызвано въ Петербургъ 1761 столяръ, выяснилось, что ни одинъ изъ нихъ не былъ записанъ въ столярный цехъ. *Rosenberg.* Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland. Leipzig, 1895, S. 10.

[2]) *Brückner.* J. Possoschkoff. S. 303—304.

ность. Въ большинствѣ случаевъ она служила побочнымъ доходомъ замкнутаго хозяйства. Этимъ объясняются жалобы временъ Петра на то, что всѣ сословія пускаются въ коммерческія предпріятія. По словамъ Посошкова, даже бояре и дворяне занимаются торговлей. [1]) По мѣрѣ того, какъ дворянство становилось служилымъ сословіемъ, это явленіе уже не имѣло мѣста. Крестьянское хозяйство вело и торговлю, въ формѣ торговли въ разносъ. Говорятъ, что у русскаго народа существуетъ страсть къ передвиженіямъ. Но то, въ чемъ видятъ врожденную наклонность, было и есть результатъ экономическихъ отношеній: отхожихъ промысловъ и торговли въ разносъ. То и другое, въ связи съ залежнымъ хозяйствомъ въ земледѣліи, породило ту подвижность въ русскомъ народѣ, которая и теперь еще удивляетъ западно-европейскаго путешественника: это явленіе походитъ на кучу песка, въ которой происходитъ движеніе.

Какъ мы видимъ, не существовало торговли и ремесла, какъ профессіи широкихъ и обособленныхъ общественныхъ слоевъ, которые бы въ политическомъ отношеніи выдѣлились изъ однородной деревенской массы. Къ тому же не было основы для развитія западно-европейской буржуазіи, въ кругахъ которой къ концу среднихъ вѣковъ было положено начало духовному освобожденію человѣчества. Въ Россіи „Разумъ“ не сказалъ человѣку тѣхъ словъ о достоинствѣ личности, которыя Данте вложилъ ему въ уста. Не было Возрожденія и не было Реформаціи. Когда славянофилы восхваляютъ этотъ недостатокъ индивидуализма, какъ добродѣтель русскаго народа, то это ихъ дѣло, и не съ ними спорить объ этомъ. Но вотъ что можно только сказать на основаніи изученія хозяйственной исторіи: чтобы объяснить этотъ недостатокъ, или эту добродѣтель, нѣтъ нужды прибѣгать къ какой-то самобытности русскаго народнаго духа. Это достаточно объясняется просто отсталостью всего русскаго народно-хозяйственнаго развитія.

Обыкновенно говорятъ: Петръ В. (1682 — 1725) европеизировалъ Россію, насадивъ въ ней меркантилизмъ Голландіи, Франціи и Англіи, съ которымъ онъ познакомился въ своихъ путешествіяхъ. Это такъ, но это еще не выясняетъ дѣло. Именно здѣсь то и обнаруживается ясно зависимость идей отъ экономической почвы, на которой онѣ выросли: перенесенныя на другую почву, онѣ служатъ другимъ цѣлямъ и ведутъ къ другимъ результатамъ.

Петръ былъ пропитанъ идеями Запада. Выросши подъ вліяніемъ „нѣмец-

---

[1]) *Brückner.* J. Possoschkoff. S. 279 — 304. Также *Костомаровъ*, цитир. у *М. Туганъ-Барановскаго.* Русская фабрика. С.-Пб., 1898 г., стр. 2.

кой слободы" Москвы и популярнаго въ немъ обывателя, шотландца Гордона, Петръ „любилъ нѣмцевъ", какъ, къ ужасу своему, узналъ народъ. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ онъ посѣтилъ Архангельскъ, городъ обращенный къ Европѣ, и бывшій единственной гаванью тогдашней Россіи. Здѣсь онъ научился по-голландски, познакомился съ англійскими купцами, игралъ въ кегли съ голландскими матросами и особенно старался постигнуть тайны судостроительства. Русскіе плотники (превращаются) передѣлываются въ „schiptimmermann'овъ", Архангельскій воевода въ „min her guбernor" [1]). Позже, во время его извѣстнаго пребыванія въ Нидерландахъ, Петръ сдѣлался наполовину голландцемъ. Богатство нидерландскихъ штатовъ, могущество Англіи стали для него идеаломъ, которому съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ всю свою дѣятельность. Почти всѣ мѣропріятія западно-европейскаго меркантилизма, такъ или иначе, онъ переносилъ въ Россію. Лично склонный къ меркантилистическому пониманію экономической жизни, онъ служилъ успѣхамъ меркантилизма всей своей могучей волей.

Несмотря на это, есть большая разница между меркантилизмомъ, напримѣръ, Елизаветы, Кольбера, Кромвелля и меркантилизмомъ Петра. Французскій и англійскій меркантилизмъ означалъ объединеніе городовъ и третьяго сословія, что было самымъ важнымъ результатомъ развитія среднихъ вѣковъ и что было въ то же время исходнымъ пунктомъ новаго историческаго періода, и въ духовномъ и въ экономическомъ отношеніи. Тамъ государство было ничѣмъ инымъ, какъ организаціей этого бюргерства, было ли это дѣломъ царствовавшихъ династій, какъ во Франціи и Англіи, или результатомъ борьбы съ династіей, какъ въ Голландіи. Вновь выступившіе классы воспользовались государствомъ, какъ орудіемъ, чтобы поддержать свои интересы грубо, но съ удивительной силой въ торговыхъ войнахъ, колоніальной политикѣ и т. д. Люди съ буржуазнымъ, даже купеческимъ складомъ воззрѣній впервые выступаютъ въ числѣ государственныхъ людей эпохи — de Witt, Кольберъ. Пуритане и гугеноты были городскими обывателями и промышленниками.

Двѣ особенности отличаютъ это государство отъ меркантилизма восточной Европы.

Его финансовое хозяйство было денежнымъ, потому что оно покоилось на существованіи денежно-торговаго класса. Деньгами король платилъ чиновни-

---

[1]) *П. Милюковъ.* Государственное хозяйство Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. С.-Пб. 1892, г., стр. 204.

камъ, офицерамъ и солдатамъ. Съ ихъ помощью, не завися отъ дворянства, онъ подавилъ феодаловъ и обуздалъ непокорныхъ. Въ то же время на сцену выступилъ крестьянинъ: конница Кромвелля была изъ крестьянъ. Роль французскаго крестьянства въ революціи свидѣтельствуетъ о важномъ его значеніи въ тогдашней жизни.

Въ духовномъ отношеніи это развитіе носило индивидуалистическую окраску, какъ и торговля, на которой оно покоилось. Вспомните Вилльяма Петти, этого остроумнѣйшаго меркантилистическаго писателя. На ряду съ преклоненіемъ передъ властью государства почти въ каждой страницѣ его сочиненій виденъ сильный увѣренный въ себѣ индивидуализмъ У него, у Temple'a, у Raleigh'a и др. нашелъ себѣ выраженіе тотъ смѣлый, завоевавшій міръ геній торговли. Несовсѣмъ такъ было во Франціи. Несмотря на всѣ успѣхи промышленной политики, Кольберу не удалось довести французскую торговлю до уровня ея соперниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ во Франціи не было экономическаго источника для развитія духовнаго индивидуализма: индивидуумъ былъ подавленъ государствомъ.

Въ Голландіи и въ Англіи перевѣсъ взяла торговля, носительница индивидуализма. Поэтому здѣсь, несмотря на сохраненіе государственнаго единства, свобода индивидуума не была подавлена. Но въ борьбѣ націй побѣждала та, у которой наибольшая и организованная внѣшняя сила соединялась съ наибольшимъ развитіемъ личности внутри. Ад. Смитъ съ своимъ свѣтлымъ, глубокимъ реализмомъ, который часто придаетъ такую прелесть его дедукціямъ, утверждалъ — въ согласіи съ своимъ другомъ Юмомъ: въ обладаніи большей внутренней свободой заключается важнѣйшее преимущество Англіи въ борьбѣ съ Франціей.

Сравнимъ съ этимъ Россію и восточно европейскій меркантилизмъ.

Богатое и многообѣщавшее развитіе средневѣковой Россіи было прервано татарскимъ нашествіемъ. Вся страна сдѣлалась собственностью хана, всѣ подданные — его рабами. Съ паденіемъ татарскаго ига въ 1480 г. великій князь московскій, собиравшій дань для ханновъ, захватилъ въ свои руки центральную власть и занялъ мѣсто хана. Въ 1547 г. онъ принялъ титулъ царя, причемъ государство сохранило свой прежній характеръ азіатской монархіи, покоящейся на завоеваніи, на основѣ натуральнаго крестьянскаго хозяйства. Говоря словами Маркса, крестьянство „осталось незатронутымъ бурями облачной сферы политики“ [1]).

[1]) *К. Маркс.* Das Kapital. Bd. I. 4 Auflage, S. 323.

личности. Идея правовой защиты частной жизни, въ которую государство не должно вторгаться, настолько же противорѣчила московскому царству, какъ и вообще всякое частное право. Свобода торговыхъ республикъ Новгорода и Пскова была насильственно нивеллирована Москвой.

Но и въ московскомъ государствѣ вскорѣ послѣ устраненія татарскаго ига, принудительно объединившаго Россію, появилось движеніе центробѣжнаго характера. XVI и XVII вѣка были полны внутреннихъ неурядицъ, когда царская власть, казалось, по временамъ готова была исчезнуть. Казалось, что Россія, подобно древнему Кіеву, окончитъ свое существованіе во внутреннихъ раздорахъ дворянскихъ партій.

Толчкомъ къ новому устройству монархіи послужили военныя столкновенія съ Западомъ. Уже Іоаннъ Грозный, такъ значительно расширившій свои владѣнія на востокъ, покорившій Казань, Астрахань, Сибирь, не имѣлъ успѣха тамъ, гдѣ ему приходилось, какъ напр. въ войнѣ съ Лифляндіей, бороться съ западно-европейской артиллеріей и тактикой. Немного спустя въ Россіи нѣкоторое время распоряжались поляки, также усвоившіе западно-европейскую военную технику, и въ московскомъ Кремлѣ стоялъ тогда польскій гарнизонъ. Еще немного—и Россія сдѣлалась бы провинціей какого-либо западно-европейскаго государства, какъ это было съ Индіей, Центральной Азіей и т. д. Но Россіи суждено было пойти по пути, на который недавно вступила Японія: по пути политической независимости съ помощью усвоенія западно-европейской техники.

Во время народнаго возстанія противъ польскаго владычества въ 1612 г. утвердилась династія Романовыхъ. Новое правительство занялось устройствомъ государства, защищая и расширяя границы, объединяя государство внутри и подавляя дворянскіе распри.

Перенесеніе военной техники Запада въ широкихъ размѣрахъ въ Россію было дѣломъ Петра. Этой цѣли служило государство, меркантилистическія мѣропріятія Петра. Здѣсь, на востокѣ, военныя цѣли сдѣлались самостоятельной задачей для государства; войны не имѣли характера торговыхъ войнъ, какъ на Западѣ.

Въ своемъ солидномъ изслѣдованіи финансовой системы Петра В., Милюковъ показалъ, насколько устройство войска и флота по западно-европейскому образцу было главной побудительной причиной всѣхъ нововведеній въ области государственнаго хозяйства [1]). Въ бюджетѣ 1701 г. расходы на военныя нужды составляли 78%, тогда какъ второе мѣсто занимали

[1]) *Милюковъ*, стр. 166.

расходы по финансовымъ операціямъ и меркантилистическимъ мѣропріятіямъ, которыя въ концѣ концовъ имѣли въ виду опять таки военныя цѣли. Это отношеніе все возрастало пока, въ 1705 г., военныя расходы не достигли 96% всѣхъ государственныхъ доходовъ [1]).

Но военныя цѣли государства не могли быть достигнуты тѣми средствами, какими пользовались западно-европейскія монархіи: организаціей денежнаго финансоваго хозяйства, опирающагося на буржуазію, ибо подобнаго класса не было въ Россіи. Поэтому центръ тяжести финансоваго хозяйства составляло подушное обложеніе государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ [2]). Но такъ какъ крестьяне едва ли что нибудь продавали, то у нихъ было мало денегъ для уплаты податей. Доходъ отъ нихъ исчислялся не болѣе какъ въ 4 милліона руб., которые къ тому же плохо поступали. Книга Милюкова содержитъ множество доказательствъ, какъ незначительна была платежная способность крестьянъ, которые массами разбѣгались, уклоняясь отъ уплаты податей, взыскивавшихся самыми суровыми мѣрами. Они „бѣжали частью въ Сибирь, частью къ башкирамъ, частью черезъ польскія и литовскія границы“ [3]). „Тамъ цѣлые полки,—говоритъ Милюковъ, — годами не получаютъ жалованья и обращаются въ полунищихъ, полуразбойниковъ; здѣсь эскадра не можетъ выйти изъ Невы по недостатку денегъ и припасовъ, и ея опозданіе отсрочиваетъ на цѣлый годъ предположенную компанію; „умираютъ съ голода“ артиллерійскіе служители, иностранные министры сидятъ по цѣлымъ годамъ безъ денегъ для себя и для своихъ секретныхъ раздачъ, и русская дипломатія терпитъ неудачи“. И далѣе:—„что же предпринимало правительство? Прежде всего оно, конечно, настаивало на буквальномъ исполненіи табели писало повторительные указы губернаторомъ, грозило имъ штрафями и, когда дѣйствительно штрафовало, держало губернскихъ чиновниковъ, посылало, наконецъ, истощивъ всѣ эти средства, офицеровъ въ губерніи; послѣдніе опять писали, били, штрафовали, сажали подъ караулъ и, добросовѣстно испробовавъ всѣ эти мѣры понужденія, обращались къ начальству опять съ тѣмъ же вопросомъ: что теперь еще дѣлать? Надо было обратиться къ другимъ средствамъ“ [3]).

Другіе объекты обложенія, которые были изысканы, приносили крайне

---

[1]) *Милюковъ*, стр. 162, 234.

[2]) *Янжулъ*. Начала финансовой науки. С-Пб., 1890 г., стр. 357. Далѣе *Милюковъ*, стр. 635—648, 692 и сл.

[3]) *Милюковъ*, стр. 505.

мало. Доказательствомъ тому служатъ оригинальные налоги, придуманные за отсутствіемъ лучшихъ. Налогомъ были обложены бороды, гробы, бани, дымовыя трубы, погреба и колодцы. Англичанинъ J. Perry очень рѣшительно осуждаетъ налогъ на кирпичъ—мѣра, дѣйствительно совершенно противорѣчащая духу меркантилизма [1]).

Такъ какъ не было болѣе или менѣе широкаго средняго класса, буржуазіи, который можно было бы обложить, то Петръ В. взялъ торговлю въ свои руки. Важнѣйшіе предметы торговли сдѣлались *государственной монополіей*: юфть, конопля, поташъ, деготь, воскъ, сало, конопляное масло, льняное сѣмя, щетина, икра, колесная мазь, тресковый жиръ, а прежде всего, соль, вино и табакъ. Къ регаліямъ отнесены были пчеловодство, рыболовство и торговля съ Китаемъ [2]).

Съ 1711 года Петръ уничтожилъ большинство этихъ монополій; остались только винная, табачная и соляная монополіи,—конечно не потому, какъ утверждаетъ Ordega, что царь сталъ склоняться къ болѣе „либеральнымъ“ воззрѣніямъ. Что тутъ не было принципіальнаго отказа отъ монополіи видно изъ того, что царь именно и уничтожилъ государственныя монополіи съ тѣмъ, чтобы уступить ихъ частнымъ лицамъ; часто это были монополіи удивительнѣйшаго характера [3]): напримѣръ, иностранцамъ были отданы монополіи на мачты, морскія карты и пр. Еще менѣе основательно предположеніе Шерера, будто царь понялъ, что „правитель не долженъ опускаться до подчиненной роли купца, чтобы торговля не унизила царскаго достоинства“. Гдѣ только представлялась нѣкоторая выгода, царь, подобно другимъ монархамъ его эпохи, самъ велъ торговыя дѣла, какъ напр., въ Испаніи, Португаліи и пр. [4]). Какъ мало онъ затруднялся въ этомъ отношеніи, показываетъ слѣдующая исторія: царь купилъ однажды нѣкоторое количество конопли и приказалъ доставить ее въ свои порты. Затѣмъ онъ запретилъ всѣмъ купцамъ продавать коноплю, пока онъ не сбылъ свою, за которую назначилъ высокую цѣну, послѣ чего эта кратковременная монополія на коноплю и прекратилась [5]).

Явной причиной уничтоженія монополій было скорѣе то, что они ничего не приносили, т. е. они разбивались о натурально-хозяйственный строй

---

[1]) *Brückner*. Peter der Grosse. S. 512.

[2]) *Stieda*. Russische Revue. Bd. IV, S. 229.

[3]) *Stieda*, S. 220, 229, 230.

[4]) *Brücner*. J. Possoschkoff: S. 291. *John Perry*. Etat présent de la grande Russie Traduit de l'Anglais. 1717. p. 242.

[5]) „Russische Revue“. IV, S. 226, 241.

Россіи. Всѣ иностранцы, писавшіе о тогдашней Россіи, согласны въ томъ, что хотя въ Россіи было много цѣнныхъ естественныхъ продуктовъ, „но мало денегъ“.

Такъ какъ денежная организація финансовъ оказалась не отвѣчающей цѣли, то для удовлетворенія потребностей государства и арміи ничего не оставалось, какъ перейти къ натурально-хозяйственнымъ формамъ. Армія пополнялась наборомъ. Отдача въ солдаты, которой крестьяне боялись не менѣе, чѣмъ смертнаго приговора, была самымъ страшнымъ средствомъ наказанія непослушныхъ крѣпостныхъ въ рукахъ помѣщика [1]).

И для другихъ государственныхъ работъ практиковался принудительный наборъ: такъ, на земляныхъ работахъ при постройкѣ Петербурга рабочіе были набраны принудительными мѣрами; по словамъ Брикнера, Петръ, по возвращеніи съ войны, пользовался солдатами для прорытія каналовъ и для другихъ подобныхъ работъ. Такъ какъ продовольствіе солдатъ въ мирное время представляло больше трудностей, чѣмъ во время войны на чужой территоріи, то Петръ расположилъ свои полки на большомъ пространствѣ по крестьянскимъ квартирамъ, при чемъ содержаніе войскъ возложено было на общины въ видѣ повинности [2]).

Даже нашли средство набрать офицеровъ и чиновниковъ принудительнымъ путемъ: на дворянство была возложена обязанность государственной службы, за что ему была предоставлена власть надъ крестьянами. Въ этомъ сказывается особенно глубокое различіе между западнымъ и восточнымъ меркантилизмомъ. На полѣ битвы при Tewkesbury въ 1471 г., Эдуардъ IV, типичный защитникъ западноевропейской монархіи, воскликнулъ: „щадить простой народъ, и убивать господъ!“ Въ Россіи же крѣпостное право при Петрѣ сдѣлало новый значительный шагъ впередъ, и высшаго пункта развитія этотъ институтъ достигъ въ царствованіе просвѣщенной Екатерины II. Къ этому времени всякія границы, отдѣлявшія крѣпостное право отъ рабства, исчезли: люди продавались даже безъ земли, обмѣнивались, отдавались по завѣщательному акту, закладывались. Рядомъ съ объявленіями о собакахъ и попугаяхъ въ газетахъ попадались объявленія о продажѣ

---

[1]) *Moltke.* Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei, Berlin, 1876, S. 281. „Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ регулярная армія въ Турціи, деревни не видѣли еще ни одного солдата возвратившимся со службы“.

[2]) *Brückner.* Peter der Grosse. S. 265.

[3]) *Милюковъ*, стр. 697.

горничныхъ и лакеевъ; на базарахъ въ городахъ продовались съ молотка болѣе обыкновенные экземпляры товара-людей [1]). Въ 1771 Екатерина должна была запретить продавать крестьянъ безъ земли при продажѣ имѣній съ аукціона. Только въ 1808 г. послѣдовало запрещеніе продавать крѣпостныхъ публично на рынкахъ.

Прусскій меркантилизмъ прошлаго столѣтія, который до сихъ поръ разсматривался съ точки зрѣнія Запада, слѣдуетъ сравнить съ восточно-европейскимъ. Въ сущности онъ представлялъ собою нѣчто среднее между западнымъ типомъ и русскимъ. Западную Европу, онъ напоминаетъ своими стремленіями, Россію, во многихъ случаяхъ, способомъ осуществленія ихъ.

Финансовая система Бранденбурга и Пруссіи имѣла одну западно-европейскую черту въ сравненіи съ Россіей: обложеніе налогомъ потребленія въ городахъ. Это показываетъ, что прусскіе короли имѣли въ своемъ государствѣ хотя незначительное количество платежеспособнаго бюргерства.

Но эта буржуазія, въ финансовомъ отношеніи, не была такъ сильна, чтобы можно было возложить на нее исключительно содержаніе войска, дѣлавшаго королей независимыми отъ юнкерства. Сходство съ восточно-европейскими условіями сказывается въ компромиссѣ съ дворянствомъ, на которомъ покоилось прусское государство въ прошломъ столѣтіи. Симпатіи же прусскихъ королей были западно-европейскаго характера и выражались въ постоянныхъ протестахъ противъ крѣпостного права. Такъ, Фридрихъ Великій, какъ извѣстно, подобно своему отцу въ 1763 году издалъ указъ, о совершенномъ уничтоженіи всѣхъ личныхъ крѣпостныхъ отношеній. Но еще въ 1794 г. въ прусскомъ земскомъ статутѣ крѣпостное право продолжало существовать, хотя и подъ другимъ названіемъ: даже къ тому параграфу земскихъ статутовъ, которымъ воспрещалось крѣпостное право въ смыслѣ рабства сдѣлано было еще тогда слѣдующее примѣчаніе сословіями Укермарка, Неймарка и округа Безкова и Сторкова: „этотъ параграфъ могъ бы измѣнить дѣйствующее въ странѣ право“ [2]).

«Король былъ побѣжденъ болѣе, чѣмъ на половину»—эти слова Кпарр'а означаютъ безплодность стараній прусскихъ королей, желавшихъ уничто-

---

[1]) *В. Семевскій.* Крестьяне въ царствов. Екатерины II. С.-Пб., 1881 г., Т. I, стр. 145—157. *Transehe Roseneck.* Gutsherr und Bauer in Livland Strassburg. 1890, S. 198, 199.

[2]) *Knapp.* Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit. Leipz. 1891. *Его же.* Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter. Leipzig, 1887. I. S. 120.

жить крѣпостное право вообще. То, противъ чего боролись, хотя безуспѣшно, прусскіе короли, было сознательно создано въ Россіи двумя ея великими правителями, Петромъ и Екатериной. Причина въ обоихъ случаяхъ была одна и та же: правительство нуждалось въ дворянствѣ, въ офицерахъ и чиновникахъ, но не имѣло денегъ, чтобы оплатить ихъ услуги. Оно стало платить людьми.

Роль наставника, которую играло государство по отношенію къ подданнымъ въ Пруссіи прошлаго вѣка, что повторяется также и въ Россіи, есть явленіе характерное для исторіи Восточной Европы.

„Въ Англіи,—говоритъ Брентано [1]), — правительство, въ его экономическихъ мѣропріятіяхъ, само являлось по большей части органомъ группъ, экономически заинтересованныхъ. Отъ этихъ послѣднихъ исходила инициатива: они возбуждали вопросы, предлагали различныя мѣры; правительство обсуждало ихъ и издавало соотвѣтствующія распоряженія. Въ Силезіи же само правительство руководило населеніемъ въ его экономическихъ интересахъ, по собственной иниціативѣ дѣлало нововведенія, все устраивало и направляло“. Это выражено было въ нѣсколько рѣзкой формѣ, соотвѣтствующей духу того времени, такъ: „народъ не перестанетъ тянуть свою старую пѣсню, пока не толкнешь его въ сторону его же собственныхъ выгодъ“ [2]). Петръ В. отзывался о своихъ купцахъ, какъ о дѣтяхъ, которыхъ нужно учить азбукѣ, хотя бы противъ ихъ желанія. Точно также и въ Пруссіи господствовалъ взглядъ, что купецъ остается при томъ, чему его научили,—самое печальное, что можно сказать о купеческомъ сословіи. Сильное негодованіе правителей вызывали подданные въ своей дѣйствительной ограниченности, когда они скептически встрѣчали дѣлаемыя имъ предложенія [3]). Причиной этого явленія была экономическая отсталость Востока. Ему недоставало той крупной буржуазіи, въ средѣ которой возникла литература западно-европейскаго меркантилизма, давшаго правительствамъ, какъ на Востокѣ такъ и на Западѣ, руководящія начала въ экономической политикѣ.

---

[1]) *Brentano*. Zeitschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte. Band I. S. 338, 339. II, 348. ff.

[2]) *Schmoller*. Stud. über die wirthschaftliche Politik Friedrichs des Grossen Iahrb. f. Gesetzgeb. u. Verw. N. F., VIII, S. 8. „Всѣмъ извѣстно, говорилъ также, Петръ, что нашъ народъ не начнетъ ничего самъ, пока его не заставишь. Поэтому, коммерцъ-коллегія должна руководить и направлять развивающуюся торговлю, какъ мать заботится о своемъ безсловесномъ ребенкѣ“.

[3]) *Zimmermann*. Blüte und Verfall der schlesischen Leinenindustrie. S. 129,130

Мы разобрали, такимъ образомъ, основное различіе меркантилизма Востока и Запада Европы, которое обусловливалось въ послѣднемъ счетѣ различіемъ финансовыхъ основъ государства. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы отдѣльно разсмотримъ промышленную политику русскаго меркантилизма, не касаясь отдѣльно всѣхъ ея измѣненій.

Провозглашеніе свободы промышленности Екатериной II обусловливалось ея теоретическими взглядами [1]). Несочувствіе ея привиллегіямъ-фабрикантовъ, имѣвшее физіократическую окраску, было благопріятно для крестьянской мелкой промышленности, и въ конечномъ счетѣ было на руку тому дворянству, которое предпочитало крестьянъ—промышленниковъ чистымъ земледѣльцамъ, изъ-за денежнаго оброка [2]). Такимъ образомъ, ослабленіе промышленнаго духа страны приходится разсматривать одинаково въ Россіи и Пруссіи прошлаго вѣка, какъ побѣду дворянства надъ „классовымъ самосознаніемъ“ владѣтельныхъ особъ, какъ выражается Мерингъ [3]). Императоръ Павелъ, преемникъ Екатерины, возстановившій тѣлесное наказаніе для дворянства, уничтоженное его матерью, снова учредилъ фабрики на государственный счетъ, расширилъ существовавшія и установилъ привиллегіи, монополіи и преміи фабрикантамъ.

Всѣ промышленныя предпріятія въ Россіи до реформъ Александра II распадаются на двѣ группы: *помѣщичьи фабрики* и *поссесіонныя фабрики*, находившіяся подъ правительственнымъ надзоромъ, казенныя или полуказенныя. Это различіе обусловливалось исключительно характеромъ крѣпостныхъ отношеній, достигшихъ со времени Петра своего апогея въ прошломъ столѣтіи.

Только дворянинъ-помѣщикъ имѣлъ право владѣть крѣпостными, а также неограниченно пользоваться ими для фабричныхъ работъ. Кромѣ него только одно правительство могло также принуждать крестьянъ къ работѣ на фабрикахъ и эту привилегію на пользованіе крѣпостными, въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ, передавать другимъ предпринимателямъ, не дворянамъ. За предоставленіе этой привилегіи правительство удерживало за собой право широкаго надзора за производствомъ во всей его совокупности.

Познакомимся теперь ближе съ помѣщичьими фабриками, которыя развивались независимо отъ правительства. Съ полнымъ правомъ Энгельманъ

---

[1]) Какъ извѣстно, установленіе свободы промышленности въ Пруссіи даже въ 1807 г. имѣло еще маловажное значеніе. Schmoller. Kleingewerbe. Halle, 1870. S. 51.

[2]) *Туганъ-Барановскій.* Русская фабрика. С.-Пб., 1898 г., стр. 39, 40.

[3]) *Mehring.* Lessinglegende Stuttgart, 1893, passim.

называетъ помѣстное хозяйство замкнутымъ и независимымъ „государствомъ въ государствѣ“, связаннымъ съ центральной властью только лежавшей на помѣщикѣ службой и подушнымъ обложеніемъ крестьянъ.

II. Помѣщичьи фабрики.

Крѣпостное право имѣло, конечно, огромное вліяніе на промышленное развитіе Россіи. Оно оказало такое дѣйствіе, какъ состояніе личной зависимости въ Зап. Европѣ, именно, содѣйствовало прогрессу. Какъ нѣкогда на Западѣ землевладѣльцы навязали членамъ германской марки прогрессивную земледѣльческую технику римской виллы, такъ и въ Россіи прогрессивная промышленная техника была принудительно введена тамъ, гдѣ не существовало еще условій для самостоятельнаго развитія техники.

Исходнымъ пунктомъ этого развитія было и въ Россіи, и на Западѣ, замкнутое помѣщичье хозяйство. Способные крестьянскіе дѣти брались на барскій дворъ и изъ нихъ дѣлали ремесленниковъ (т. н. дворовые) [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне, кромѣ земледѣльческихъ повинностей и барщины, должны были еще отдавать помѣщику излишки отъ своихъ домашнихъ промысловъ.

По справедливому замѣчанію А. Смита первымъ толчкомъ къ развитію денежнаго хозяйства въ чисто земледѣльческихъ странахъ служили потребности роскоши у дворянства. Точно также и русское дворянство предпочитало получать деньги, вмѣсто продуктовъ натурою. Въ своихъ путешествіяхъ и въ походахъ дворяне познакомились съ западно-европейскими потребностями, а удовлетворить ихъ можно было только съ помощью денегъ.

Но деньги крестьянинъ могъ добыть скорѣе продажей продуктовъ промышленности или путемъ отхожихъ промысловъ, чѣмъ продажей земледѣльческихъ продуктовъ. Поэтому, помѣщикъ поощрялъ крестьянскую промышленность. По Гакстгаузену, денежныя повинности особенно развиты были на сѣверѣ Россіи, гдѣ были распространены крестьянскіе домашніе промыслы, тогда какъ въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ юга преобладали натуральныя повинности и барщина. Большая часть этихъ занятій, которыя неправильно называютъ домашней промышленностью (Hausindustrie) были, безъ сомнѣнія, принудительно введены или расширены дворянствомъ. Подобное явленіе еще наблюдается и теперь. Мѣсто повинностей въ пользу помѣщика заступили теперь выкупные платежи и подати;

[1]) *Ordega.* S. 80.

чтобы вносить ихъ, крестьянину, который прежде удовлетворялъ, всѣ свои нужды натурально-хозяйственнымъ путемъ, часто приходилось работать зимой на фабрикѣ, такъ какъ только такимъ путемъ онъ можетъ добыть деньги.

Этой домашней промышленности помѣщичьихъ крестьянъ соотвѣтствовало аналогичное явленіе на Западѣ. Такъ, Брентано выяснилъ помѣщичій характеръ силезской льняной промышленности. Конечно, есть и различіе [1]).

Силезское дворянство добилось права на фабричное производство путемъ договоровъ съ городами, которымъ раньше право вести промышленныя предпріятія принадлежало исключительно. Русское же дворянство имѣло фактическую монополію на промышленныя предпріятія, такъ какъ оно одно владѣло крѣпостными, и такъ какъ не было людей, которые бы по собственному почину занялись промышленностью. Въ Силезіи, въ средніе вѣка, существовало значительное городское населеніе, но въ экономическомъ развитіи произошла остановка, обусловленная перемѣщеніемъ направленія международной торговли, тридцатилѣтней войной и пр. Въ Россіи же развитіе новѣйшей промышленности совсѣмъ не связано съ городской промышленностью.

Здѣсь только помѣщичье промышленное производство (Gewerbebetrieb) [2]) могло вполнѣ развить свои тенденціи. При помощи перенесенной изъ Европы улучшенной промышленной техники помѣщики объединили крѣпостныхъ рабочихъ въ мастерскихъ и такъ возникла помѣщичья фабрика, этотъ важнѣйшій исходный пунктъ современнаго фабричнаго производства Россіи. Начиная съ средины прошлаго вѣка до первыхъ 10-лѣтій настоящаго—помѣщичьи фабрики по своей численности и значенію имѣли перевѣсъ надъ предпріятіями, пользовавшимися привиллегіей со стороны правительства и находившимися въ рукахъ русскихъ купцовъ или иностранцевъ.

Къ числу такихъ, особенно хорошо устроенныхъ помѣщичьихъ производствъ прошлаго столѣтія принадлежали суконныя мануфактуры. Я часто встрѣчалъ въ дворянскихъ имѣніяхъ огромныя фабричныя зданія, стоящія пустыми въ развалинахъ.

Можно установить различныя стадіи въ развитіи помѣщичьяго произ-

---

[1]) *Brentano.* Zeitschr. f. Sozial. u. Wirtschafts-geschichte. Bd. I. S. 318 ff. Bd. II. S. 235.

[2]) [Авторъ избѣгаетъ употреблять слово — „фабрика“, такъ какъ т. н. помѣщичьи фабрики не соотвѣтствовали этому понятію по классификаціи Маркса, принятой авторомъ.] *Прим. ред.*

водства. Прежде крестьяне были обязаны работать нѣсколько дней, отбывая барщину въ помѣщичьихъ мастерскихъ, преимущественно зимой. Но крестьянинъ былъ совершенно неспособенъ къ работѣ, требовавшей хоть какого нибудь искусства. Крѣпостные старались работать возможно меньше, и портили данные имъ инструменты. Предстояла задача отдѣлить — промышленныя работы отъ земледѣльческихъ [1]).

Годные къ фабричной работѣ крестьяне окончательно были зачислены на фабрики, помѣщены въ рабочихъ казармахъ и тамъ получали содержаніе. Ихъ прежняя земля нерѣдко переходила въ хозяйственное пользованіе помѣщика. Такимъ образомъ создались условія, напоминавшія древнее, основанное на рабствѣ хозяйство; какъ тамъ, такъ и здѣсь, дѣло шло о наиболѣе производительномъ использованіи избытка человѣческаго матеріала [2]). Само собой понятно, что крѣпостные не получали вознагражденія, а только содержаніе. Средствомъ понужденія къ работѣ служилъ кнутъ, единственнымъ средствомъ защиты рабочаго было—бѣжать съ фабрики. По свидѣтельству одного современника, крестьяне отзывались о фабрикѣ съ такимъ же выраженіемъ ужаса, какъ о чумѣ [3]).

Но было много дворянъ, не имѣвшихъ возможности завести собственныя фабрики. Они продавали тогда, или отдавали въ наймы на чужіе фабрики своихъ излишнихъ рабочихъ („кабальные рабочіе"). Особенно въ бѣднѣйшихъ частяхъ Бѣлоруссіи агенты или посредники часто нанимали у помѣщиковъ въ большомъ количествѣ рабочихъ, какъ скотъ, и подъ строгимъ конвоемъ, какъ стадо, гнали ихъ на фабрики средней полосы Россіи. Дѣти, какъ пишетъ Гакстгаузенъ, часто отдавались фабрикантамъ въ обученіе на 7-лѣтній срокъ.

Опытъ показалъ, что такой переводъ рабочихъ съ одного мѣста на другое повышалъ ихъ трудоспособность. Поэтому очень часто и тѣ помѣщики, у которыхъ на фабрикахъ работали свои крѣпостные, стали брать рабочихъ изъ болѣе отдаленныхъ имѣній и, такимъ образомъ, создавали географическое перемѣщеніе рабочихъ. Въ этомъ отдѣленіи отъ земли лежала одна изъ причинъ возникновенія особаго класса фабричныхъ рабо-

---

[1]) *В. Семевскій.* Крестьянскій вопросъ. С.-Пб., 1888 г., т. I., стр. 333—339.—На сочиненіе по этому вопросу Имп. Вольное Экономическое общество еще въ 1812 году открыло конкурсъ.

[2]) *В. Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. С.-Пб., 1881 г., т. I стр. 479.

[3]) *Тургеневъ.* La Russie et les Russes. II. 143—144, цитировано у *Туганъ-Барановскаго.*

чихъ, который ко времени освобожденія былъ уже лишенъ земли и потому освобожденъ безъ нея [1]).

Впрочемъ, эти географическія перемѣщенія происходятъ и теперь. Только въ тѣхъ уѣздахъ Московской губ., которые издавна были промышленными, среди рабочихъ преобладаютъ по числу мѣстные уроженцы. Въ уѣздахъ же, менѣе промышленныхъ, или ставшихъ таковыми съ недавняго времени, еще и теперь пришлые рабочіе далеко превосходятъ численностью мѣстныхъ [2]).

Но и тѣ крѣпостные, которые были оторваны отъ своей деревни и работали на фабрикахъ, также не получали вознагражденія, а только содержаніе. По большей части фабрикантъ платилъ опредѣленную денежную сумму (приблизительно 25 рублей въ годъ съ человѣка) помѣщикамъ или ихъ агентамъ, которые брали на себя доставку извѣстнаго количества рабочихъ. Такіе рабочіе стоили, правда, очень дешево, но зато они годились только тамъ, гдѣ не требовалось никакого искусства. Отъ нихъ нельзя было ожидать никакого старанія, никакого порядка; фабриканту угрожали ежеминутные побѣги [3]).

Потребность въ болѣе производительной работѣ, какая необходима въ промышленномъ трудѣ, а особенно при машинной работѣ, продолжала сказываться. Гакстгаузенъ въ своей книгѣ, написаной въ 1847 г., замѣчаетъ, что русскіе — очень плохіе фабричные рабочіе, когда они работаютъ по принужденію на помѣщика. Но если они работаютъ ради собственной выгоды, то работаютъ со стараніемъ. Это замѣчаніе, конечно, справедливо по отношенію не только къ русскимъ рабочимъ. Такимъ образомъ, оставалось только посадить крѣпостныхъ на опредѣленный денежный оброкъ и предоставить имъ самимъ продавать свою рабочую силу. Прежде всего такой порядокъ установился по отношенію къ тѣмъ крѣпостнымъ, кото-

---

[1]) О помѣщичьихъ фабрикахъ см. статью *А. Погожева*: „Вотчинные фабрики и ихъ фабричные". „Вѣстникъ Европы", 1889 г., № 6, стр. 8—21. *Туганъ-Барановскій*, стр. 104 и слѣд. „Сборникъ статист. свѣдѣній по Московск. губ." Отд. санит. статистики, томъ IV, часть I, статья *Эрисмана*, въ особенности стр. 55, 69, 70, 91.

[2]) *Эрисманъ*, стр. 243. [Это явленіе — отсутствіе достаточнаго контингента постоянныхъ мѣстныхъ рабочихъ—имѣетъ мѣсто во всѣхъ промышленныхъ районахъ; нѣкоторое исключеніе представляютъ уральскіе горные заводы, гдѣ съ дореформеннаго времени существуетъ многочисленный классъ наслѣдственныхъ рабочихъ; вообще же наше фабричное населеніе рѣдко насчитываетъ болѣе 2—3 поколѣній. См. объ этомъ у *Дементьева*: Фабрика. С.-Пб., 1897 г. и земскіе сборники]. *Прим. ред.*

[3]) Цитировано у *Туганъ-Барановскаго*, стр. 92.

рые занимались торговлей или промыслами, въ качествѣ предпринимателей. Такъ, существовали богатые купцы, платившіе оброкъ помѣщику въ теченіе цѣлыхъ поколѣній, въ силу своего крѣпостного состоянія. Подобнымъ же образомъ крѣпостные крестьяне становились предпринимателями въ домашней промышленности и фабрикантами и, въ качествѣ таковыхъ, составляли себѣ часто большія состоянія.

Въ высшей степени замѣчательна исторія Морозовыхъ, одной изъ первыхъ фамилій русскихъ фабрикантовъ. Предокъ ихъ, крѣпостной человѣкъ извѣстнаго Рюмина, основалъ въ концѣ прошлаго столѣтія шелковоткацкую мастерскую, издѣлія которой отличались чистотой шелка и прочностью красокъ—то самое дѣло, изъ котораго позже развились обширнѣйшія бумагопрядильни Владимірской губ. Только въ 1820 г. Морозову удалось выкупиться за значительную по тому времени сумму—въ 17 тысячъ руб. [1]). Съ другой стороны Мальцевы, старѣйшая фамилія русскихъ фабрикантовъ, еще въ 1775 году была возведена Екатериной II въ дворянское достоинство, съ которымъ было связано важное преимущество — покупать крѣпостныхъ и обращать ихъ на фабричныя работы безъ всякаго ограниченія и правительственнаго надзора [2]).

Особенно интересна исторія села Иванова, Владимірской губерніи, ставшаго съ средины прошлаго столѣтія однимъ изъ первыхъ промышленныхъ пунктовъ, въ особенности центромъ ситце-набивного производства и пребываніемъ многочисленныхъ богатыхъ фабрикантовъ; до 1861 г. оно было собственностью графа Шереметьева. Крестьяне-фабриканты покупали и продавали землю и крѣпостныхъ для своихъ фабрикъ, но всѣ эти сдѣлки они могли заключать только отъ имени своего помѣщика. Каждая отдѣльная ихъ сдѣлка должна была совершаться съ согласія находившагося тамъ господскаго управляющаго, который при этомъ взималъ извѣстную сумму, соотвѣтственно стоимости предмета. Фабрики, машины и рабочіе юридически принадлежали помѣщику.

Помѣщикъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы промышленность развивалась по возможности безпрепятственно. Кромѣ названныхъ повинностей, помѣщикъ регулярно получалъ оброкъ, достигавшій значительной суммы— отъ 75 до 87 рублей въ годъ съ каждой семьи; за бѣднѣйшихъ общинниковъ этотъ оброкъ уплачивали крестьяне-фабриканты, получая за это

[1]) *Шишмаревъ*. Краткое описаніе промышленности въ раіонѣ желѣзной дороги Нижній—Шуя—Иваново. С.-Пб., 1892 г., стр. 92.

[2]) *Шишмаревъ*, стр. 41.

право употреблять ихъ для фабричныхъ работъ. Кромѣ того, помѣщикъ имѣлъ и другое средство извлекать выгоду изъ зажиточности своихъ крѣпостныхъ—промышленниковъ. Дочери богатыхъ фабрикантовъ, желавшія выйти замужъ за постороннихъ, что лишало помѣщика права на ихъ личность, платили 10 тыс. руб. и болѣе. Не менѣе (даже до 30 тыс. руб.) платили и сыновья фабрикантовъ, чтобы избавиться отъ военной службы, на которую могъ ихъ назначить помѣщикъ.

Особенно трудно было добиться выкупа на волю. Только въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось отдѣльнымъ фабрикантамъ выкупиться на свободу со всѣмъ своимъ потомствомъ; помѣщикъ соглашался на это крайне неохотно. Но и въ этомъ случаѣ фабрика съ принадлежавшей ей землей оставалась въ собственности помѣщика. Получившіе свободу фабриканты теперь нанимали у своего прежняго господина зданія и машины. При освобожденіи крестьянъ фабрики не прямо перешли въ собственность освобожденныхъ крестьянъ. Очень часто для этого требовалось отдѣльное разрѣшеніе, сложная юридическая сторона котораго описана Гарелинымъ[1]).

Но и тѣ крѣпостные, которые были фабричными рабочими, какъ и крѣпостные фабриканты, при подобныхъ условіяхъ являлись источникомъ дохода. Помѣщикъ довольствовался опредѣленнымъ денежнымъ доходомъ, оброкомъ, и рабочій нанимался на работы по свободному договору. Эти оброчные крестьяне, которымъ только оброкъ въ пользу помѣщика напоминалъ объ ихъ зависимости, составляли въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія значительную часть фабричныхъ рабочихъ. Замѣчательно, что они по большей части принадлежали къ помѣщичьимъ крестьянамъ, а не къ государственнымъ, такъ какъ помѣщики болѣе энергично старались извлекать изъ своего крѣпостного человѣческаго матеріала возможно большую выгоду, чѣмъ государство, владѣвшее милліонами крѣпостныхъ.

Въ общемъ эти рабочіе были болѣе дисциплинированы, чѣмъ крѣпостные, которые повиновались только внѣшнему принужденію. Такихъ рабочихъ предпочитали для болѣе сложныхъ работъ. Такъ напр., грубое солдатское сукно, которое могло разсчитывать на постоянный сбытъ казнѣ, выдѣлывалось своими крѣпостными рабочими на помѣщичьихъ фабрикахъ; для болѣе тонкаго сукна, къ производству котораго перешли въ первой половинѣ этого столѣтія, и для котораго производителямъ самимъ приходилось искать рынокъ для сбыта, пользовались по вольному найму рабочими,

---

[2]) *Гарелинъ.* Городъ Иваново-Вознесенскъ. Шуя, 1884 г., I, стр. 114, 166; II, стр. 7 и слѣд.

которые состояли на опредѣленномъ оброкѣ у своихъ господъ. Въ хлопчатобумажной промышленности съ самаго ея возникновенія примѣнялся исключительно вольно-наемный трудъ, такъ какъ примѣнявшіяся въ ней болѣе дорогія англійскія машины не могли быть довѣрены крѣпостнымъ рабочимъ и такъ какъ въ этой относительно новой отрасли индустріи ручная работа не была такъ распространена, какъ въ болѣе старыхъ производствахъ—суконномъ и льняномъ [1]). Фабрикантъ Козновъ въ 1803 г. сообщалъ, что такіе рабочіе изготовляли кусокъ ткани опредѣленной длины за 9 руб.; когда же онъ попробовалъ работать ту же ткань съ помощью выкупленныхъ рабочихъ, то уплата процентовъ и содержаніе обходились ему по 10 руб. на кусокъ.

Интересно прослѣдить этотъ постепенный переходъ, происходившій въ текущемъ столѣтіи отъ несвободнаго труда къ свободному,—явленіе которое наблюдалось и въ Западной Европѣ въ средніе вѣка, при переходѣ помѣстій къ городамъ.

Общее освобожденіе крестьянъ въ 1861 г. произошло раньше, чѣмъ закончился описываемый процессъ. Правда, возможность, и даже преимущества свободнаго труда на русскихъ фабрикахъ во многихъ случаяхъ уже были доказаны: но тѣмъ не менѣе, большая часть фабричныхъ рабочихъ работали принудительно. Только немногихъ собственный интересъ заставлялъ остаться при фабрикѣ. Освобожденные крестьяне массами бѣжали съ фабрикъ въ деревни, такъ что освободительная реформа Александра II вызвала серьезный кризисъ русской крупной промышленности [2]).

Государственные законы, если даже они глубоко затрогиваютъ экономическую жизнь, все же не могутъ сразу измѣнить психологическія условія, составляющія основу всѣхъ хозяйственныхъ отношеній. Благодаря освобожденію, крестьянинъ, правда, сталъ „свободнымъ рабочимъ“, но не сразу сталъ тѣмъ дѣйствительно свободнымъ индивидумомъ, который въ рабочемъ движеніи проявляетъ сознательное отношеніе къ своимъ интересамъ; отъ него нельзя ожидать стремленія повысить низкій уровень потребностей и соотвѣтственно повысить производительность своего труда. Какъ въ Германіи, на востокъ отъ Эльбы, духовное наслѣдіе крѣпостничества по всей вѣроятности является одной изъ причинъ, замедляющихъ тамъ развитіе про-

---

[1]) *Тугань-Барановскій*, стр. 43, 44, 81, 90.

[2]) „Обзоръ промышленности“. Изд. Департамента торговли и мануфактуръ. С.-Пб., 1886 г., т. II, глава о хлопчато-бумажн. промышл., стр. 90.

мышленности, такъ точно и русская промышленность и теперь еще страдаетъ отъ того, что занятые въ ней рабочіе по своей психологіи еще близки къ крѣпостному состоянію [1]).

Насколько фабричный рабочій крѣпостной Россіи отличенъ отъ современнаго западно-европейскаго рабочаго, столь же отличенъ былъ помѣщикъ-фабрикантъ отъ западно-европейскаго предпринимателя, который, по крайней мѣрѣ въ Англіи, уже къ концу прошлаго столѣтія въ достаточной степени осуществилъ въ жизни „идеалъ личности“ классической политической экономіи. Дворянину-фабриканту не нужно было имѣть коммерческихъ способностей, чтобы преслѣдовать свои интересы при свободной конкурренціи. Его положеніе опиралось на юридическую и фактическую монополію. Трудъ крѣпостныхъ, которымъ онъ имѣлъ право располагать совершенно свободно, позволялъ ему ограничиваться минимальными затратами капитала, въ надеждѣ возмѣстить отсутствіе техническихъ усовершенствованій примѣненіемъ труда, который ничего или очень мало ему стоилъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточность средствъ сообщенія создавала ему фактическую монополію на мѣстномъ рынкѣ. Доказательствомъ этого можетъ служить, напр., то, что петербургскіе купцы узнали о существованіи многочисленныхъ фабрикъ въ Москвѣ только благодаря выставкѣ въ 1829 г. [3]).

Пока существовало крѣпостное право, предприниматели-промышленники, вышедшіе изъ крестьянъ, обречены были на неравную борьбу. Какъ мы видѣли, они были обременены значительными повинностями въ пользу помѣщиковъ.

Когда же крѣпостное право пало, то оказалось, что пользованіе крѣпостнымъ трудомъ ослабило силу помѣщиковъ въ экономической борьбѣ. Дворяне, хотя и читали европейскія книги, но въ дѣлѣ отстаиванія своихъ интересовъ были еще менѣе европейцами, чѣмъ вышедшіе изъ крестьянъ фабриканты. Подобно квакерамъ въ Англіи, раскольники въ Россіи явились родоначальниками энергичныхъ фабрикантовъ. Какъ снѣгъ на солнцѣ таяли помѣщичьи фабрики послѣ отмѣны крѣпостного права. Остались только тѣ изъ нихъ, которымъ благопріятствовало ихъ естественное положеніе, или которыя въ техническомъ отношеніи стояли выше обычнаго уровня, но и онѣ по большей части путемъ продажи переходили къ фабрикантамъ изъ

---

[3]) Даже въ силезской индустріи обнаруживается почти аналогичное явленіе въ сравненіи съ рейнской. См. мое „Grossbetrieb“. S. 145. *Brentano.* Über den Einfluss der Grundherrlichkeit und den Einfluss Friedrichs des Grossen auf das schlesische Leinengewerbe. Zeitschr. f. Social und Wirthschaftsgeschichte. II Heft, 3 S., 341 ff.

крестьянъ, въ рукахъ которыхъ онѣ скоро значительно увеличивались въ размѣрѣ. Только теперь стали обнаруживаться тенденціи современнаго крупнаго производства — концентрація капиталовъ и географическая концентрація.

III. Поссессіонныя фабрики.

Наряду съ фабриками, возникшими безъ государственной помощи и обязанными своимъ существованіемъ только дворянству, со времени Петра были и такія, которыя пользовались привиллегіей и денежными пособіями со стороны правительства. Помѣщичьи фабрики далеко не удовлетворяли всѣхъ промышленныхъ потребностей правительства, которыя обусловливались, главнымъ образомъ, военными задачами. Предметы, необходимые въ военномъ дѣлѣ, которыхъ нельзя было купить въ странѣ, правительство стремилось производить само, чтобы не быть зависимымъ отъ сосѣдей въ случаѣ войны [1]). Поэтому, Петръ сдѣлался не только крупнѣйшимъ купцомъ, но и первымъ фабрикантомъ въ своей странѣ. Государство получило видъ одного гигантскаго хозяйства и напоминало собой средневѣковыя монархіи, но подъ меркантилистической оболочкой. Цѣль промышленной политики Петра Великаго станетъ ясной, если принять во вниманіе, что почти всѣ отрасли промышленности, пользовавшіяся особымъ попеченіемъ правительства, по большей части служили для нуждъ флота и войска.

На первомъ мѣстѣ стояли суконныя мануфактуры, задачей которыхъ было одѣвать армію. Правда, Петръ находилъ, что одѣвать армію есть обязанность купцовъ, которую они должны нести, „волею или неволею“. Но желанныя фабрики не являлись; и когда Петръ требовалъ примѣненія мѣръ насилія противъ упрямыхъ купцовъ, то эти мѣры имѣли не большій успѣхъ, чѣмъ „Palizeibereuter“, которые помѣщались въ домахъ силезскихъ купцовъ, чтобы возбудить у нихъ охоту къ занятію льняной промышленностью [2]).

Только заведя собственное производство, царь могъ хоть отчасти

---

[1]) Такое объясненіе петровскаго меркантилизма существуетъ уже давно. Его мы находимъ уже у *Scherer'a*. L'histoire raisonnée du Commerce de la Russie. Paris, 1788, цитировано у *Туганъ-Барановскаго*, стр. 14.

[2]) *Zimmermann*. Blüte und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien. S. 130 136, 138.

добиться намѣченныхъ цѣлей. Петръ поступалъ при этомъ такъ же, какъ прусскіе короли. Онъ построилъ фабрики на собственный счетъ, а затѣмъ отыскивалъ лицъ, которыя взяли бы на себя веденіе ихъ за извѣстныя привиллегіи и плату. Такими частными лицами были частью русскіе, особенно московскіе купцы, частью иностранцы.

Насколько эта система все-таки носила натурально-хозяйственный характеръ, можно видѣть изъ того, что даже сырье не покупалось: извѣстная часть государственныхъ доходовъ поступала въ видѣ шерсти. Шерсть и овечьи шкуры должны были продаваться только на казенный суконный дворъ [1]).

Только путемъ значительныхъ привиллегій удалось привлечь лицъ, готовыхъ взять въ свои рукн фабрики. Общія, предоставленныя закономъ привилегіи, были слѣдующія:

a) Освобожденіе отъ службы для основателей (включая и компаньоновъ) и части служебнаго персонала фабрики. Тотъ кто учредилъ фабрику, освобождался съ своими братьями и дѣтьми, живущими вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ домѣ, отъ всякой государственной службы.

b) Свобода отъ налоговъ. Владѣльцы фабрикъ не платили никакихъ податей и никакихъ сборовъ.

c) Таможенныя привиллегіи. Владѣльцы вновь устроенныхъ фабрикъ, которые „выказывали дѣйствительное усердіе“, пользовались свободой отъ пошлинъ какъ на товары покупаемые, такъ и на товары продаваемые, — какъ бы „въ награду“. Съ другой стороны на всѣ иностранные товары, доставляемые въ Россію, существовало или прямое запрещеніе, или высокія покровительственныя пошлины.

Такъ какъ опытъ показалъ, что, несмотря на предоставленныя привиллегіи, среди русскихъ находилось мало лицъ, бравшихся за веденіе фабрикъ, то особое покровительство было обѣщано иностранцамъ, дабы привлечь ихъ въ Россію для основанія фабрикъ и мануфактуръ. Всѣмъ иностранцамъ было дозволено заводить фабрики и обезпеченъ:

a) свободный въѣздъ въ Россію и свободный отъѣздъ, при чемъ за послѣдній не взималось налога.

b) безпошлинная продажа издѣлій, изготовленныхъ на ихъ фабрикахъ въ теченіе опредѣленнаго времени.

---

[1]) *Ordega.* S. 42, 43. *Lumley.* Report on the Present State of the Trade between Great Britain and Russia. Англійскія „Синія книги“ 1866 г., стр. 31.

c) право покупать безпошлинно въ Россіи и выписывать изъ заграницы необходимый сырой матеріалъ и инструменты.

d) Свобода отъ всѣхъ податей, повинностей, въ томъ числѣ постойной, а равно отъ подчиненія всякой другой власти кромѣ мануфактуръ—коллегіи, которая должна была помогать имъ и, въ случаѣ нужды, защищать ихъ.

e) При пріѣздѣ въ Россію они получали готовыя жилища.

f) Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они получали отъ короны денежныя ссуды.

Наибольшую заботливость Петръ В. обнаруживалъ по отношенію къ суконной промышленности.

Точнѣйшимъ образомъ было опредѣленно, какіе сорта, и какое количество сукна въ извѣстное время, и за какую цѣну должны были доставлять фабриканты. Ихъ штрафовали, если они производили меньше или не исполняли техническихъ предписаній. По большей части они обязаны были производить только солдатское сукно, такъ какъ обыкновенно потребность въ немъ далеко превышала производство.

Впрочемъ, результаты этой политики были вовсе не блестящіе. Къ концу царствованія Петръ снова открылъ доступъ для прусскаго сукна. Онъ убѣдился, что мѣстные фабриканты не могли удовлетворить потребность въ немъ. Вырабатываемое въ Россіи сукно было плохого качества и совсѣмъ непригодно. Такъ напр., въ 30-хъ годахъ, по иниціативѣ фельдмаршала графа Миниха, состоялся осмотръ всѣхъ суконныхъ фабрикъ, при чемъ много недоброкачественнаго матеріала было конфисковано, а недобросовѣстные фабриканты были жестоко наказаны. Подобнымъ же образомъ введеніе всѣхъ этихъ регламентовъ въ суконной индустріи въ 1741 г. было вызвано жалобами военнаго вѣдомства на плохое сукно.

Изъ другихъ отраслей фабричнаго производства можно назвать: фабрики селитры и пороха, оружейные заводы, въ связи съ этимъ горное дѣло и чугунно-плавильныя заводы, парусно-полотняныя фабрики и т. д. Наряду съ этимъ существовало небольшое число фабрикъ, которыя были обязаны своимъ возникновеніемъ вообще меркантилистическимъ стремленіямъ: зеркальныя фабрики, шелко-ткацкія и др.; послѣднія въ очень незначительныхъ размѣрахъ.

Всѣ эти фабрики были, какъ и фабрики Кольбера и Фридриха Великаго, въ техническомъ смыслѣ „мануфактурами“, то есть покоились на ручномъ трудѣ въ общемъ помѣщеніи, безъ всякаго примѣненія механической силы. Сбытъ ихъ продуктовъ въ казну былъ обязателенъ, но за то и казна гаран-

тировала фабрикамъ сбытъ; производство имѣло, такимъ образомъ, устойчивый неподвижный характеръ, какъ и тѣ государственныя потребности, коимъ оно служило. „Право на сбытъ“ было здѣсь, какъ и вездѣ, неизбѣжнымъ предположеніемъ „права на трудъ“ для рабочихъ, которыхъ, впрочемъ, фабриканты могли распустить, когда желали нѣсколько сократить производство. Этимъ фабрикамъ не приходилось приспособлять свои продукты, цѣны и рабочую плату къ мѣняющимся коньюнктурамъ рынка, точно также не существовало и конкурренціи между отдѣльными фабриками, которая приводитъ къ прогрессу техники. Напротивъ, все это зависѣло отъ государства, подъ строгимъ надзоромъ котораго находились фабрики. Для этой цѣли Петръ въ 1718 г. создалъ особое учрежденіе Мануфактуръ-Коллегію.

При этомъ не было большой разницы, состояли-ли эти фабрики въ собственности государства, и управлялись за его счетъ чиновниками, или они были отдаваемы въ завѣдываніе частнымъ лицамъ. И частные предприниматели были почти тѣми же чиновниками: они несли „обязанность“ производить, взамѣнъ за привиллегіи и ссуды, которыми они пользовались отъ правительства. Характерно, что они назывались „содержателями фабрикъ“. Существовала цѣлая система взысканій, чтобы заставить ихъ исполнять свою обязанность, и какъ крайняя мѣра—возвращеніе фабрики въ казну.

Русская промышленная политика прошлаго столѣтія, подобно прусской, много терпѣла отъ различныхъ иностранцевъ, искателей приключеній. Часто упоминается, что нѣкоторые только „для виду“ ведутъ фабрики, и такимъ лицамъ угрожали суровыя наказанія. Но и относительно фактически дѣйствовавшихъ фабрикъ часто оказывалось, что онѣ не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Петръ жаловался, что фабрики стоили ему „очень дорого“.

Бюрократическому производству недоставало здѣсь, какъ и вообще, того торговаго духа, который даже въ мелочахъ заимствуетъ всѣ техническія улучшенія, чѣмъ и обусловливается превосходство частныхъ предпріятій надъ казенными. Эти „содержатели фабрикъ“ временъ Петра были, кажется, очень мало заинтересованы въ успѣхѣ дѣла. Они сливались съ классомъ служащихъ, не стремившихся къ дальнѣйшему расширенію и усовершенствованію промышленности, а только думали о скорѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ, чтобы достигнуть почестей и беззаботнаго существованія [1]).

Что за рабочіе были на этихъ казенныхъ и полуказенныхъ фабрикахъ,

---

[1]) *Нисселовичъ.* Исторія фабрично-зав. законодательства Россійск. Имперіи. С.-Пб., 1883 г., I, стр. 82.

которые, по одному проекту, правда не приведенному въ исполненіе, должны были даже носить форму? Семевскій, въ своей замѣчательной книгѣ о крестьянахъ въ царствованіе Екатерины II, даетъ на этотъ счетъ указанія. Если трудно было найти фабрикантовъ, готовыхъ добровольно заняться производствомъ, то еще труднѣе было найти рабочихъ. Какъ солдатъ набирали принудительно, такъ и фабричная работа принудительно возлагалась на крестьянъ. Прежде всего царь, владѣвшій большимъ числомъ крестьянъ, употреблялъ ихъ для промышленности, сколько требовалось. Государственные крестьяне, съ землей или безъ земли, составляли обычный контингентъ рабочихъ на основываемыхъ фабрикахъ. Эти крестьяне были „на вѣчно приписаны“ къ фабрикамъ, т. е. становились неотчуждаемой принадлежностью фабричнаго предпріятія, разсматривавшагося, какъ вѣчное, и какъ нѣчто постоянное по размѣру и роду производства [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, фабриканты уже при Петрѣ получили право покупать крѣпостныхъ для фабрикъ у помѣщиковъ [2]). Послѣ нѣсколькихъ колебаній это право было подтверждено въ 1798 г. императоромъ Павломъ I, а въ 1802 г. при Александрѣ I, оно было ограничено: запрещено было отрывать фабричныхъ крѣпостныхъ отъ родной земли и переводить на другія фабрики. Это отношеніе къ человѣку, какъ къ принадлежности земли, а не какъ къ движимой собственности, означало смягченіе крѣпостного права. Только въ 1816 г. право фабрикантовъ покупать крѣпостныхъ для фабрикъ съ землей или безъ земли было окончательно уничтожено [3]).

Но фабриканты могли добыть необходимую рабочую силу дешевле, чѣмъ покупкой. Этому способствовала суровость крѣпостного права въ деревняхъ. Страна кишѣла бѣглыми, не называвшими своего имени, когда ихъ ловили. Для того, чтобы содѣйствовать успѣхамъ фабрикъ, Петръ уничтожилъ право помѣщиковъ требовать выдачи бѣглыхъ крѣпостныхъ, которые были заняты на фабрикахъ; это право, впрочемъ, было взято назадъ его преемниками, болѣе уступчивыми по отношенію къ дворянству [4]).

Эти бѣглые въ значительной степени содѣйствовали образованію фабричнаго пролетаріата; приписывались они къ фабрикамъ между прочимъ

---

[1]) *Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. С.-Пб., 1881 г., I., стр. 463.

[2]) *Семевскій*, стр. 394.

[3]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 88.

[4]) *Семевскій*, стр. 399. Указъ 1736 г. обязываетъ фабрикантовъ къ денежному удовлетворенію прежнихъ собственниковъ, при чемъ они имѣли право удержать за собой рабочихъ. Подробности у *Туганъ-Барановскаіо*, стр. 22, 23.

и для того, чтобы государство не лишилось въ нихъ плательщиковъ налоговъ. Свобода отъ налоговъ, обѣщанная фабричнымъ рабочимъ съ цѣлью поощрить промышленность, была уже отнята въ царствованіе императрицы Елизаветы.

Въ 1718 г. была произведена облава на несовершеннолѣтнихъ, занимавшихся нищенствомъ на улицахъ Москвы и Рязани. Публичныя женщины и осужденные преступники, дѣти солдатъ, дѣти изъ большого Воспитательнаго Дома въ Москвѣ, отпущенные солдаты и военноплѣнные, особенно шведы, взятые послѣ Полтавской побѣды, были распредѣлены на фабрики. Жены солдатъ посылались на фабрики на то время, когда ихъ мужья были на войнѣ, и часто случалось, что мужья не требовали ихъ назадъ [1]). По крайней мѣрѣ Семевскій замѣчаетъ, что разъ попавшіе на фабрику, хотя бы на время, обыкновенно были прикрѣпляемы за ней, какъ сами, такъ и съ своимъ потомствомъ.

Не смотря на свое различное происхожденіе, всѣ, приписанные къ фабрикамъ, крѣпостные въ началѣ этого столѣтія слились въ одинъ классъ, такъ-наз. „поссессіонныхъ“ крестьянъ, которые не могли быть отдѣляемы отъ фабрики, какъ земледѣльческіе крестьяне отъ земли [2]). Въ то время какъ государственные крестьяне, будучи приписаны къ фабрикѣ, спускались этимъ ниже своего прежняго уровня, крѣпостные, бѣжавшіе отъ помѣщиковъ, наоборотъ, безспорно попадали въ лучшее положеніе, разъ ихъ приписывали къ сословію фабричныхъ рабочихъ [3]). Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ постоянные жалобы дворянства на то, что бѣглыхъ принимали на фабрики. Въ этомъ случаѣ, какъ и на помѣщичьихъ фабрикахъ, рабочіе, занятые въ промышленности, возвышались такимъ образомъ надъ самой глубокой ступенью личной зависимости.

Государство, предоставивъ фабрикантамъ-недворянамъ право владѣть крѣпостными, удержало за собой право регулировать условія труда. Поссессіонные крестьяне никогда не смотрѣли на себя, какъ на крѣпостныхъ людей фабрикантовъ, но скорѣе были того мнѣнія (соотвѣтствовавшаго ихъ происхожденію, преимущественно изъ государств. крестьянъ), что „царь не продаетъ людей“. Этому соотвѣтствовало и положеніе фабрикантовъ, кото-

---

[1]) *Семевскій*, стр. 403, 404. Также *Туганъ-Барановскій*, стр. 17 и сл.

[2]) См. объ этихъ классахъ, кромѣ *Семевскаго*, статью въ „Вѣст. Евр.“ за 1877 г., окт., стр. 615 и сл. и ноября стр. 153 и сл. Выраженіе „крестьянинъ“ означаетъ по-русски, какъ извѣстно, не занятіе, а правовое положеніе несвободнаго человѣка, или бывшаго несвободнымъ.

[3]) Этого взгляда придерживается и *Семевскій*, стр. 405, 411.

рые были наполовину на положеніи чиновниковъ. Они получали рабочихъ для фабричныхъ работъ, и не имѣли права ни отдавать ихъ третьимъ лицамъ для другой работы, ни отпускать на оброкъ. Государство также регулировало рабочее время и рабочую плату, по меньшей мѣрѣ, какъ высшая инспекція. Въ другихъ случаяхъ правительственныя учрежденія устанавливали норму рабочей платы черезъ каждые 5—10 л. Ссылка ослушныхъ крѣпостныхъ въ Сибирь, что было во власти помѣщика, нуждалась, когда она касалась поссессіонныхъ крестьянъ, въ утвержденіи Мануфактуръ-Коллегіи, которая смотрѣла на обученныхъ фабричныхъ рабочихъ, какъ на цѣнное имущество государства. Вопросъ о безработицѣ для этого класса рабочихъ не существовалъ, такъ какъ фабрикантъ не могъ уменьшить размѣры производства. Кромѣ того правительство требовало надѣленія рабочихъ землей.

Права этихъ рабочихъ обезпечивались правомъ жаловаться правительственнымъ учрежденіямъ, что они часто съ успѣхомъ и дѣлали [1]). Мануфактуръ-Коллегія, а позже Коммерцъ-Коллегія, постановляли рѣшеніе на основаніи устнаго разбора дѣла.

Прямымъ подчиненіемъ государству, какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ вызвано было строгое запрещеніе стачекъ, что имѣетъ мѣсто и въ современной Россіи, какъ результатъ прежнихъ условій. Для усмиренія волненій среди рабочихъ всегда посылались войска. Виновные наказывались плетьми, и притомъ въ присутствіи своихъ товарищей. Въ 1752 г. на Уральскихъ желѣзо-дѣлательныхъ заводахъ въ одномъ подобномъ случаѣ произошло настоящее сраженіе, въ которомъ были ранены 9 офицеровъ и 188 солдатъ [2]). Но именно возможность болѣе или менѣе крупныхъ движеній среди рабочихъ указываетъ на болѣе благопріятное ихъ положеніе, по сравненію съ крѣпостными, связанными съ правительственной властью черезъ посредство помѣщика. О томъ же свидѣтельствуетъ и заявленіе Мануфактуръ-Коллегіи на „склонность къ анархіи“, какъ на изстари „характерную черту, поссессіонныхъ крестьянъ“. У болѣе забитыхъ помѣщичьихъ крестьянъ о такой „склонности“ не могло быть и рѣчи.

Относительно лучшія условія этихъ фабрикъ видны и изъ многочисленныхъ опредѣленій продолжительности рабочаго дня, которыя, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ вызывались интересами его удлиненія. Пока

---

[1]) *Семевскій*, стр. 465. *Туганъ-Барановскій*, стр. 120 и слѣд.

[2]) См. выше указанную статью въ „Вѣсти. Европы“, 1877 г., окт., стр. 641 и сл.

не было необходимости въ амортизаціи (погашеніи стоимости) дорогихъ машинъ, рабочій день въ Россіи, какъ и на Западѣ, ограничивался свѣтлымъ временемъ дня; по Эрисману средняя продолжительность рабочаго дня была равна 10—12 часамъ, затѣмъ послѣдовало значительное удлиненіе его въ теченіе настоящаго столѣтія [1]). Это соотвѣтствуетъ и наблюденіямъ, сдѣланнымъ на Западѣ: такъ, напр., въ Англіи рабочій день сильно удлинился съ возникновеніемъ современной крупной индустріи.

На одинъ ткацкій станокъ въ Россіи насчитывалось не менѣе 42 душъ [2]). Это указываетъ на то, что характеръ этого класса рабочихъ былъ полу-крестьянскій и что рабочія силы растрачивались чрезмѣрно не экономно.

IV. Результаты предшествовавшаго развитія.

Еще въ срединѣ нашего вѣка Россія была въ общемъ страной земледѣльческой. Промышленная политика Петра не имѣла существеннаго успѣха, подобно тому какъ и результаты политики Фридриха въ этомъ отношеніи были ничтожны. Это слѣдуетъ уже изъ того, что вплоть до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія Восточная Пруссія почти не была заинтересована въ покровительственныхъ пошлинахъ для промышленности. Постоянно издавались распоряженія съ цѣлью развитія отдѣльныхъ отраслей промышленности, но именно вѣчное ихъ повтореніе, усиленіе строгости наказаній за несоблюденіе ихъ и т. д., служитъ указаніемъ на безуспѣшность этихъ усилій.

Петръ придавалъ большое значеніе обилію металловъ въ Россіи и старался всѣми мѣрами способствовать ихъ добыванію; Посошковъ обратилъ вниманіе на существованіе въ Россіи массы красильныхъ матеріаловъ; онъ связывалъ большія надежды съ открытіемъ русской сѣры, нефти и русскаго каменнаго угля. Но, несмотря на всѣ попытки меркантилистической политики, эксплоатація этихъ природныхъ богатствъ и связанныя съ ней производства оставались долгое время безъ всякаго развитія. Уже въ 1723 г. были открыты каменноугольныя богатства Днѣпровскаго бассейна; Петръ посылалъ для изслѣдованія залежей спеціалиста. Но только въ послѣднія десятилѣтія нашего вѣка эта промышленность получила развитіе [3]).

---

[1]) См. упомянутую выше ст. въ „Вѣст. Евр.“ 1877 г., ноябрь, стр. 163, далѣе,— *Эрисманъ*, стр. 72. 78, 85, и, наконецъ, *Семевскій*, стр. 476.

[2]) *Эрисманъ*, стр. 64.

[3]) *Stieda* Peter der Grosse, als Merkantlist. Russ Revue. Bd. IV, S. 206, 215.

То-же говоритъ и Брикнеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ эпохи и исторіи Петра. По его словамъ, „ученикъ и единомышленникъ Петра, Посошковъ, надѣялся, что производство стекла получитъ въ Россіи такое развитіе, что она будетъ снабжать стеклянными издѣліями всѣ страны. Но этому оптимизму отнюдь не соотвѣтствовало то, что стеклянныхъ фабрикъ была всего одна, и притомъ съ незначительнымъ производствомъ".

Резюмируемъ нашъ выводъ: поскольку можетъ быть рѣчь о русской промышленности въ прошломъ столѣтіи, она преимущественно носила характеръ крестьянскихъ домашнихъ промысловъ (Bäuerlicher Hausfleiss), состоявшихъ отчасти въ продажѣ излишковъ замкнутаго домашняго хозяйства при посредствѣ торговли ярмарочной и въ разносъ, отчасти въ капиталистически-организованной системѣ раздачи работы на домъ (Verlagssystem). И та и другая имѣла въ виду потребленіе мѣстное и народное. Въ противоположность этому фабрика, которая технически была мануфактурой, производила преимущественно для нуждъ войска, двора, дворянства, въ интересахъ конкурренціи съ иностраннымъ ввозомъ, а рѣже съ туземной крестьянской промышленностью. Тамъ, гдѣ началась конкурренція съ этой послѣдней, мы слышимъ жалобы фабрикантовъ, что крестьянская домашняя промышленность одерживаетъ верхъ [1]). Объясняется это тѣмъ, что техника въ обѣихъ формахъ производства была одинакова, но крестьянинъ могъ продавать по болѣе низкимъ цѣнамъ, такъ какъ онъ получалъ средства къ жизни натурально-хозяйственнымъ путемъ изъ земледѣлія.

Въ русской промышленности вплоть до середины нашего столѣтія господствуетъ *полный застой техники*. Вотъ причина, почему прекратился существовавшій раньше вывозъ продуктовъ промышленности, напр., льняныхъ тканей въ Европу, суконъ въ Китай. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія треть всѣхъ продуктовъ льняной и парусно-полотняной промышленности вывозилась въ Западную Европу, а также не малое количество и въ Америку [2]). Равнымъ образомъ въ началѣ нашего вѣка существовалъ значительный вывозъ желѣза, составлявшій 13% всего вывоза. И онъ съ 20-хъ, а еще болѣе съ 40-хъ годовъ сталъ сильно уменшаться, и конечно не вслѣдствіе недостатка заботъ со стороны правительства. Къ желѣзнымъ промысламъ Урала были приписаны 177 тыс. душъ мужского пола; правительство дало имъ окололо 15 милл. руб. въ безпроцентную ссуду, предоставивъ къ тому же огромные лѣса! Причина регресса была каждый

[1]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 52.

[2]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 68, 69, 83.

разъ одна и та же: Европа и Америка обгоняли Россію въ техникѣ. Онѣ, напр., сумѣли вытѣснить изъ текстильной индустріи ручной трудъ машинами, онѣ научились выплавлять желѣзную руду углемъ, чрезвычайно удешевили цѣны товаровъ. Во всемъ этомъ Россія осталась позади.

Какимъ же причинамъ нужно приписать неудачи русскаго меркантилизма? Промышленность требуетъ для своего процвѣтанія двухъ условій: *рынка* для ея продуктовъ и *торговли*, связывающей ее съ рынкомъ. Давленіе этихъ условій приводитъ къ необходимости *свободы труда* и техническаго прогресса. Но эти условія суть результатъ постепеннаго духовнаго и экономическаго развитія. Только тамъ, гдѣ оно происходитъ, вмѣшательство государства можетъ ускорить внѣшній успѣхъ.

1. Такъ, изъ многочисленныхъ изслѣдованій послѣдняго десятилѣтія о промышленной политикѣ Фридриха Великаго вытекаетъ тотъ выводъ, что главнымъ препятствіемъ къ развитію индустріи было отсутствіе *рынка*, который могъ бы и имѣлъ бы желаніе покупать (lines kauffähigen und kauflustigen Marktes). Силезскіе купцы отказывались производить болѣе тонкое камчатное полотно, къ чему побуждалъ ихъ Фридрихъ, такъ какъ никто не покупалъ у нихъ этотъ товаръ. Королевскій дворъ былъ главнымъ потребителемъ продуктовъ ткацкаго производства, вызваннаго къ жизни съ большими жертвами — въ Берлинѣ и Потсдамѣ. Колонія гугенотовъ въ Магдебургѣ распалась благодаря недостатку въ сбытѣ [1]). Пруссія прошлаго столѣтія по большей части также состояла изъ отдѣльныхъ замкнутыхъ дворянскихъ и крестьянскихъ хозяйствъ; вывозъ заграницу находился въ состояніи упадка, такъ какъ техническій прогрессъ требуетъ для себя атмосферы свободы и конкурренціи; только паденіе монопольнаго положенія и наступившее затѣмъ стремленіе къ удешевленію издержекъ производства пробуждаетъ духъ изобрѣтательности [2]).

Въ еще большей степени сказанное имѣетъ значеніе для Россіи. Здѣсь совершенно отсутствовали духовныя и экономическія условія для существованія внутренняго рынка, при чемъ сбытъ заграницу, какъ мы видѣли, прекратился вслѣдствіе отсталости техники.

Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что отсутствіе потребностей у на-

---

[1]) См., напр.: *Schmoller*. Iahrbüch. f. Gezetzgeb. u. Verwaltung. N. S. Iahrgang XI, Stud. über die wirthschaftliche Politik Friedrichs d. S. Art. XII S. 48 и много разъ уже цитированную книгу *Циммермана*.

[2]) См. цитированную выше статью *Брентано* въ „Zeitschrift für Social und Wirthschaftsgeschichte“ о конкурренціи ирландской и силезской льняной промышленностью. Далѣе, см. мою книгу: „Der Grossbetrieb“. S. 29 ff.

родовъ съ натурально-хозяйственнымъ строемъ является сильнѣйшей задержкой индустріальнаго развитія. Только продолжительное и частое соприкосновеніе съ странами болѣе развитыми пробуждаетъ потребности цивилизаціи. У народовъ Западной Европы, жившихъ къ сѣверу отъ Альповъ, уже рано появилось сознаніе бѣдности и неприглядности ихъ жизни, благодаря крестовымъ походамъ и соприкосновенію съ болѣе высокой культурой средиземныхъ странъ. Вспомнимъ о томъ времени, когда Гогенштауфены, окруженные восточной пышностью, торжественно открывали собранія народныхъ представителей въ Германіи. Подобнымъ же образомъ воздѣйствовалъ и Петръ Великій на Россію, когда онъ стремился ввести западно-европейскія привычки въ жизнь высшихъ сословій своего народа. Такое же значеніе имѣло приглашеніе иностранцевъ въ Россію, европейское устройство двора, научныя путешествія въ Европу, куда Петръ посылалъ многихъ молодыхъ людей, основаніе столицы западно-европейскаго типа, войны со шведами и поляками, пріобрѣтеніе прибалтійскихъ провинцій, а также несправедливо осмѣянное измѣненіе одежды. Всѣмъ этимъ Петръ сдѣлалъ безъ сомнѣнія болѣе для будущаго промышленнаго развитія своей страны, чѣмъ своими искусственно основанными фабриками. Этими мѣрами онъ пробудилъ впервые потребность въ продуктахъ промышленности.

Но для возникновенія рынка, кромѣ потребности покупать, нужны были еще покупательныя средства. Таковыми являются деньги, а обладать ими можно только путемъ продажи продуктовъ труда. Одной изъ роковыхъ ошибокъ меркантилизма было то, что онъ не оцѣнивалъ этой связи. Развитіе промышленности въ Россіи было возможно только въ той мѣрѣ, въ какой развивалось денежное хозяйство въ широкихъ земледѣльческихъ слояхъ дворянства и крестьянъ. Но это предварительное условіе было осуществимо только путемъ продажи продуктовъ земледѣлія заграницу. Тѣ дорогіе естественные продукты, которые вывозятся даже при неразвитыхъ торговыхъ сношеніяхъ, мѣха, металлы и т. д., не имѣли такого значенія въ Россіи, чтобы пустить въ обращеніе среди народныхъ массъ достаточно денегъ. Такимъ образомъ въ Западной Европѣ должны были сначала появиться государства торговыя и промышленныя, которыя нуждались въ ввозѣ хлѣба, прежде чѣмъ въ Россіи могло развиться денежное хозяйство. Экономическое развитіе Россіи далеко не находилось внѣ зависимости отъ Западной Европы; важнѣйшій моментъ экономическаго развитія, — переходъ къ денежному хозяйству въ земледѣліи, предполагалъ, какъ условіе, существованіе спроса въ Западной Европѣ на про-

дукты земледѣлія; безъ послѣдняго не было бы возможно освобожденіе крестьянъ, какъ и развитіе русской промышленности. Еще и теперь существуетъ эта зависимость: русская промышленность потому находитъ потребителей, что русскій земледѣлецъ сдѣлался способнымъ покупать, благодаря сбыту своихъ продуктовъ на Западъ.

2. Но развитіе промышленности требуетъ не только рынка, но и *торговли*, связывающей ее съ рынкомъ. Теперь признано, что въ экономической исторіи торговля предшествуетъ промышленности, вопреки ошибочному мнѣнію Фр. Листа. Даже при отсутствіи условій для развитія промышленности мы встрѣчаемъ мѣну дорогихъ естественныхъ продуктовъ туземнаго происхожденія,—напр., благородныхъ металловъ, янтаря, рыбы, мѣховъ, — на продукты промышленности и земледѣлія изъ-заграницы, — напр., чай, вино, сахаръ. На такой основѣ покоилась старая Ганзейская торговля, которая мало доставляла на рынокъ продуктовъ собственной промышленности; такова же была торговля допетровской Россіи, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что вплоть до нынѣшняго вѣка московское купечество, которое теперь является ревностнымъ сторонникомъ протекціонизма, было расположено къ свободѣ торговли. Но предметомъ торговли прежняго времени служили дорогіе, не громоздкіе товары, за которые можно было назначать монопольныя цѣны. Современная же торговля, соотвѣтственно массовому производству современной крупной индустріи, есть *массовая торговля*, и она покоится на конкурренціи.

Эта массовая торговля прежде всего нуждалась въ извѣстныхъ техническихъ условіяхъ въ отношеніи путей сообщенія. До новѣйшаго времени водные пути были настолько лучше сухопутныхъ, что существованіе ихъ, а особенно приморское положеніе страны, имѣло рѣшающее значеніе для развитія ея торговли. Современное крупное производство въ видѣ скупщической системы (Verlagsystem) прежде всего возникло въ странахъ близкихъ къ морю (Лукка, Флоренція); здѣсь массовой вывозъ дѣлалъ возможнымъ и массовое производство. Расцвѣтъ торговли въ Италіи и Германіи, позже превосходство Англіи надъ Франціей также указываютъ на важность подобныхъ географическихъ преимуществъ. Россія самая континентальная часть Европы и потому была наименѣе доступна воздѣйствію торговли. Позже— область, которая во всей русской рѣчной системѣ является наиболѣе доступной, именно бассейнъ верхней Волги и Оки, сдѣлалась средоточіемъ торговли и промышленности. Но развитіе техники въ отношеніи средствъ сообщенія преодолѣваетъ природныя препятствія, сначала путемъ прорытія каналовъ, потомъ—постройкой желѣзныхъ дорогъ. Эту технику, какъ и всякую,

можно перенести изъ одной страны въ другую. Построивъ каналы, и особенно связавъ систему Волги съ Балтійскимъ моремъ, Петръ положилъ этимъ прочное основаніе для позднѣйшаго развитія промышленности.

Есть множество свидѣтельствъ того, какъ сильно затруднялся обмѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ на промышленные въ Россіи, благодаря дурнымъ путямъ сообщенія. Посольства русскія, назначаемыя въ средиземныя страны, предпочитали, до завоеванія балтійскаго побережья, сухопутному путешествію,—путь моремъ, длившійся нѣсколько мѣсяцевъ и опасный, черезъ Архангельскъ по Сѣверному океану [1]). Для нѣмецкихъ промышленныхъ фирмъ, ввозившихъ въ Россію свои издѣлія, продолжительные дожди вызывали остановку въ дѣлахъ, вслѣдствіе непроходимости дорогъ ведшихъ въ Россію [2]). По разсчету Wendland'a, желѣзная дорога въ настоящее время взимаетъ за провозъ поверстно съ 1 пуда зерна: на короткихъ разстояніяхъ — $^1/_{20}$ коп., на разстояніяхъ въ 500 километровъ — $^1/_{40}$ коп., и въ 1,000 килом.—$^1/_{70}$ коп., а это въ 4, 8, 14 разъ дешевле, чѣмъ гужевая перевозка, даже при хорошихъ дорогахъ. Но послѣдняя прекращается вовсе во время осеннихъ дождей и во время весенней распутицы [3]). Какимъ препятствіемъ для сношеній должны были служить большія разстоянія и полнѣйшее отсутствіе удобныхъ дорогъ въ прошломъ столѣтіи! Тогда оставалось только сообщеніе на саняхъ зимою.

Но если техническія основы торговли допускаютъ перенесеніе ихъ изъ одной страны въ другую, то это бываетъ не такъ относительно духовныхъ условій. Мыслимо установить регламентъ въ промышленномъ производствѣ. Тогда фабрикантъ и рабочій находятся въ отношеніяхъ къ государству на положеніи чиновниковъ. Эти отношенія уподобляются какъ бы военной субординаціи. Но современная торговля, напротивъ того, требуетъ съ момента своего появленія индивидуалистическихъ побудителей, ибо она опирается на конкурренцію и спекуляцію, а не на привиллегіи, подобно торговлѣ средневѣковой. Въ этомъ случаѣ технически невозможно установить въ подробностяхъ предписанія для торговыхъ предпріятій, какъ это отчасти было возможно въ средніе вѣка въ производствахъ — суконномъ, зеркальномъ и въ торговлѣ гальдейскихъ союзовъ. Обсужденіе всѣхъ неизвѣстныхъ, могущихъ наступить обстоятельствъ, должно быть предоставлено по ея существу ей самой, и должно совершаться при опасностяхъ риска. Мало того, совре-

---

[1]) *Brückner*. Peter. d. Gr. S. 8.

[2]) *Bein*. Industrie des Voigtlandes. II, S. 88.

[3]) *Wendland*, Die deutsche Getreidezölle. Berlin, 1892, S. 56.

менный купецъ является self made man'омъ, который независимо отъ состоянія, въ которомъ онъ родился, копитъ деньги, чтобы этимъ поднять свое общественное положеніе, въ противоположность своему средневѣковому собрату, который былъ таковымъ потому, что ему это званіе принадлежало по рожденію. Купечеству тяжело тамъ, гдѣ почести даетъ только служба, какъ это до послѣдняго времени было въ Россіи.

Глубокое различіе между западнымъ и восточнымъ меркантилизмомъ проявилось въ различныхъ отношеніяхъ правительства къ торговлѣ. И тамъ и тутъ правительство поощряло торговлю. Но на Западѣ государство являлось органомъ, на Востокѣ опекуномъ ея. На Западѣ государство опиралось на торговое сословіе, когда оно сложилось, въ результатѣ средневѣковаго развитія городовъ. Вспомнимъ Венецію, бывшую источникомъ и образцомъ для всякаго меркантилизма послѣдующаго времени, далѣе — вспомнимъ и Нидерланды этого преемника Венеціи на сѣверѣ. На Западѣ часто во главѣ управленія стояли купцы, какъ, напр., Медичи во Флоренціи, Кольберъ во Франціи, или монархи, всецѣло пропитанные духомъ торговли. На Востокѣ же монархи, хотя и поощряли торговлю, но были ей чужды. Они относились къ ней какъ къ homunculus'у подъ стекляннымъ колпакомъ, удивляясь ей, какъ произведенію, созданному съ большимъ искусствомъ, но не понимая ее. Петръ всю свою жизнь жаловался, что коммерція доставляетъ ему особыя трудности;—и что онъ не можетъ ясно понять ея общій смыслъ.

Чиновники слѣдуютъ примѣру монарха. На Востокѣ купца цѣнили столь же мало, какъ яичную скорлупу. Думали, что понимаютъ дѣло лучше тѣхъ, кто является непосредственно его участникомъ, а поэтому, какъ говоритъ Брикнеръ, гораздо чаще вредили, чѣмъ приносили пользу. Въ Англіи, говоритъ John Perry, опытный человѣкъ, современникъ Петра, „sporneman“ промышленниковъ и торговцевъ, побуждаютъ къ дѣятельности, а въ Россіи, напротивъ, грубость и хищничество подавляютъ всякую производительную работу. Здѣсь не можетъ быть дѣйствительнаго богатства. „Историческіе источники,—прибавляетъ Брикнеръ,—сообщаютъ о многочисленныхъ случаяхъ самого дурного обращенія чиновниковъ съ купцами. Многіе лишились жизни и имущества; иные замучивались до смерти“. По словамъ этого историка, промышленные и торговые люди скрывали свое состояніе, чтобы избѣжать мученій отъ чиновниковъ [1]).

---

[1]) *Moltke.* Briefe über Zustände und Begebenheiten in Türkei. Berlin, 549. „Условіемъ всякаго богатства,—говоритъ авторъ,—является возможность его скрыть. Райя

Поучительна исторія купца Соловьева, временъ Петра Великаго. За жалобу на запрещеніе вывоза зерна изъ Россіи, онъ былъ колесованъ, при чемъ ему поломали руки и ноги и отняли у него 1 милл. руб. Позже царь созналъ его невинность и просилъ у него прощенія, но милліона ему не возвратилъ. Въ противоположность Франціи, гдѣ Кольберъ приглашалъ дворянъ принять участіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ, въ противоположность Англіи, гдѣ земельная аристократія и горожане слились, въ Россіи, наоборотъ, торговля считалась не согласной съ честью дворянъ, которые, въ качествѣ чиновниковъ, присваивали себѣ купеческія богатства путемъ болѣе простымъ, именно—взяточничествомъ [2]). Отраженіемъ этихъ отношеній является экономическая литература. Западно-европейская литература меркантилизма, соотвѣтственно сущности его, индивидуалистична. Побудительнымъ моментовъ въ экономической жизни она считаетъ стремленіе къ выгодѣ, въ чемъ она сходится съ послѣдовавшей за ней, такъ наз. классической политической экономіей. Для нѣмецкихъ ученыхъ финансистовъ, а еще болѣе для литературнаго защитника меркантилизма, Посошкова, государственное принужденіе является по меньшей мѣрѣ такимъ же побудителемъ въ экономической жизни, какъ и стремленіе къ выгодѣ. „Посошковъ хотѣлъ бы ввести организацію въ торговлю, раздѣлить купечество на строго обособленныя группы, смотря по торговымъ оборотамъ каждаго, каждаго купца въ отдѣльности оберегать и контролировать“.

Низкій уровень, на которомъ находился обмѣнъ и торговля, какъ это мы ясно видѣли изъ предшествующаго изложенія, снова указываетъ на натурально-хозяйственный строй тогдашней Россіи, противъ котораго безсильны были всѣ указы монарховъ. Эта первая причина вызвала другой недостатокъ, о который долженъ былъ разбиться русскій меркантилизмъ: это — крѣпостной трудъ. Надо добавить, что иначе какъ крѣпостнымъ трудомъ не могли бы существовать крупныя производства: гдѣ широкія массы народа живутъ на основѣ замкнутаго домашняго хозяйства, тамъ они добровольно не возьмутся за работу въ крупномъ производствѣ, промышленномъ или земледѣльческомъ. Согласно этому, крѣпостной трудъ — необходимое явленіе, сопровождающее натуральное хозяйство. Такъ, въ началѣ нашего столѣтія, явились дѣйствительно крупныя производства

охотнѣе купитъ драгоцѣнностей на 100 тыс. піастровъ, нежели заведетъ фабрику, мельницу, или усадьбу. Драгоцѣнные камни, которые носятъ даже малолѣтніе дѣти въ богатыхъ семьяхъ, вотъ блестящее указаніе на бѣдность страны.

[2]) *Brückner*. Possoschoff. S. 281, 298, 299, 301. Его-же. Peter. d. Gr.-S. 518. Его же. Raumers Historisches Taschenbuch. 1877, о „Русскихъ денежныхъ корольяхъ“, S. 6.

съ сотнями рабочихъ именно въ тѣхъ отрасляхъ русской индустріи, въ которыхъ перевѣсъ имѣлъ крѣпостной трудъ [1]).

Но мы выше видѣли, что крѣпостной трудъ оказался несогласимымъ съ техническимъ прогрессомъ, особенно съ переходомъ отъ мануфактуры прошлаго столѣтія къ современной фабрикѣ и машинамъ. Такъ, въ серединѣ нашего столѣтія русскіе фабриканты неоднократно ходатайствовали объ освобожденіи ихъ поссессіонныхъ крестьянъ. Они надѣялись не только на то, что путемъ свободныхъ соглашеній съ рабочими они съумѣютъ добиться большой производительности труда, но также и на то, что освободятся отъ обязанности давать работу поссессіоннымъ крестьянамъ, что препятствовало введенію машинъ, стоившихъ столько же, сколько содержаніе рабочихъ. Таково было здѣсь вліяніе „права на трудъ“.

Зависимостъ фабрикантовъ отъ государства была не менѣе несогласна съ техническимъ прогрессомъ. Каждое измѣненіе въ производствѣ на поссессіонныхъ фабрикахъ требовало согласія высшихъ властей. Но канцелярская переписка въ то время крайне медленно переходила по огромнымъ разстояніямъ имперіи, черезъ бюрократическія учрежденія. Проходили годы, пока получалось разрѣшеніе или запрещеніе на измѣненія. Подобное положеніе дѣлъ было возможно только до тѣхъ поръ, пока индустрія служила исключительно удовлетворенію потребностей фиска натурально хозяйственнымъ путемъ.

Такъ какъ восточно-европейскій меркантилизмъ не былъ въ состояніи при помощи правительственныхъ принужденій покорить натуральное хозяйство, то это и было въ послѣднемъ счетѣ причиной его неудачи. Это, было причиной того, что въ Пруссіи, какъ и въ Россіи, меркантилизму суждено было праздновать свое возрожденіе только въ наше время, когда и въ средней и въ восточной Европѣ внутреннія условія вызвали массовую торговлю и денежное хозяйство.

Каковы были эти условія для Россіи? Толчокъ къ экономическому прогрессу съ первыхъ 10-лѣтій нашего вѣка дали все усиливавшіяся торговыя сношенія. Рядомъ съ этимъ существовала необходимость сравняться съ Западомъ въ техникѣ. Рѣдкая война играла такую культуртрегерскую роль, какъ крымская война. Она сдѣлала то, что желѣзныя дороги стали стратегической необходимостью, противъ которой долго боролось консервативное правленіе императора Николая I, на томъ основаніи, что желѣзныя

---

[1]) *П. Струве.* Критическія замѣтки. С.-Пб., 1894 г., стр. 83. *Туганъ-Барановскій*, стр. 86.

дороги увеличивали „непостоянство нашей эпохи“ (слова Канкрина). Сосѣдство технически ушедшаго впередъ Запада и западно-европейская точка зрѣнія въ военномъ дѣлѣ принуждали часто и заставляютъ и теперь государство ускорить экономическій прогрессъ въ направленіи къ „капитализму“ [1]).

Вмѣстѣ съ желѣзными дорогами въ Россію проникъ обмѣнъ и денежное хозяйство. Эта перемѣна нашла себѣ выраженіе въ реформахъ Александра II. Условія для современной крупной индустріи появились только тогда, когда желѣзныя дороги поставили на мѣсто монопольныхъ цѣнъ — конкурренцію, и этимъ вызвали прогрессъ техники и открыли рынки, когда появленіе суда, независимаго отъ администраціи, дало правовыя гарантіи торговлѣ, сильно расширившейся.

Другимъ слѣдствіемъ начинавшагося денежнаго хозяйства было освобожденіе крестьянъ. Когда крестьянинъ сталъ продавать хлѣбъ, онъ сталъ получать деньги. Этимъ дана была возможность дворянству замѣнять повинности своихъ крѣпостныхъ денежными взносами. Въ первое время въ русскомъ обществѣ появилось громадное количество денежнаго капитала, благодаря освобожденію. Желѣзнодорожныя, банковыя и промышленныя предпріятія словно выростали изъ земли. Къ тому же, дворяне, по крайней мѣрѣ временно, сдѣлались покупщиками продуктовъ промышленности. По мѣрѣ увеличивавшагося переселенія въ города они освобождались отъ своихъ натурально-хозяйственныхъ привычекъ.

Затѣмъ освободительное движеніе создало свободный трудъ. А въ послѣднемъ промышленность нашла для себя ту основу, безъ которой невозможно приложеніе сложныхъ и дорогихъ машинъ. Съ полнымъ правомъ относитъ Менделѣевъ начало современной крупной индустіи къ реформамъ Царя-Освободителя [2]).

Труды Петра для промышленности принесли свои плоды. Мы выше видѣли, какъ только что освободившійся крестьянинъ избѣгалъ фабричныхъ работъ. Какъ только его надѣляли землей, онъ бѣжалъ съ фабрики въ деревню. Только постепенно, подъ давленіемъ роста населенія, онъ въ теченіи 10-лѣтій переходилъ къ фабричной работѣ. Но, русскій меркантилизмъ создалъ классъ рабочихъ, отдѣленныхъ отъ земли, хотя и освобожденныхъ

---

[1]) *П. Струве.* Критическія замѣтки. С.-Пб., 1894 г., стр. 274,

[2]) Обзоръ развитія русской промышленности. Изд. департ. торговли и мануфактуръ къ Чикагской выставкѣ. Того же взгляда придерживается и *Эрисманъ*, стр. 35.

при общемъ освобожденіи крестьянъ, но безъ надѣленія землей [1]). Они снова были вынуждены заняться фабричной работой и образовали основу впервые возникшаго класса свободныхъ фабричныхъ рабочихъ. Въ этомъ также заключается сходство съ прусскимъ меркантилизмомъ, важнѣйшій результатъ котораго состоялъ въ томъ, что онъ подготовилъ почву для фабричныхъ работъ населенія, особенно въ Берлинѣ и Силезіи. Возникавшая крупная индустрія могла пользоваться имъ, какъ рабочимъ матеріаломъ, послѣ того какъ были созданы другія условія [2]).

Только въ новѣйшее время удалось нѣкоторымъ производствамъ пустить прочные и многообѣщающіе корни. Достойно замѣчанія, что таковыми отнюдь не являются любимыя дѣтища прежняго меркантилизма. *Хлопчато-бумажная промышленность* не была предметомъ заботъ и попеченій со стороны правительства, такъ какъ она была не нужна для военныхъ потребностей государства; несмотря на это, въ своемъ развитіи она далеко опередила суконное и льняное производство, которыя пользовались покровительствомъ государства.

Такъ какъ въ настоящее время хлопчатобумажная промышленность является первенствующей отраслью русской промышленности, такъ какъ изъ всѣхъ отраслей крупной промышленности она имѣетъ наибольшее вліяніе на народно-хозяйственную жизнь въ ея цѣломъ, такъ какъ интересы ея представителей въ торговой политикѣ страны встрѣчаютъ наибольшее вниманіе со стороны правительства, — то описанію хлопчатобумажной промышленности средней Россіи посвящается особый отдѣлъ въ этой книгѣ.

---

[1]) Такъ, *Туганъ-Барановскій* съ полнымъ правомъ замѣчаетъ, что „первыя фабрики оказались техническими школами для русскаго рабочаго“ (стр. 43).

[2]) Подобное пониманіе находимъ мы у *Шмоллера* относительно Пруссіи („Umrisse und Untersuchungen“. 1898, S. 559): „Фридрихъ Великій, за время своего правленія потратилъ 2 милл. талеровъ на шелково-ткацкую промышленность“. „Я утверждаю, что на эти 2 мил. талеровъ надо смотрѣть какъ на школьную плату, какъ на плату за обученіе, которое привило Берлину и Вост. Пруссіи силы и навыки, обычаи и привычки, безъ которыхъ не можетъ существовать промышленное государство“. „Характерно, что вначалѣ въ качествѣ предпринимателей выступаютъ преимущественно французы и евреи, а въ качествѣ рабочихъ піонцы, итальянцы и другіе иностранцы, тогда какъ въ 1800 г. въ обоихъ классахъ господствуютъ нѣмцы“. „Но самымъ важнымъ было то, что Берлинъ въ 1800 г. имѣлъ классъ рабочихъ, технически высоко стоявшихъ, и классъ предпринимателей, энергичныхъ и съ большими капиталами. Этотъ фактъ остался, какъ великій результатъ политики Фридриха Великаго, независимо отъ того, продолжало ли существовать производство шелка или нѣтъ“.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Хлопчатобумажная промышленность центральной Россіи.

Я считаю болѣе цѣлесообразнымъ, вмѣсто общаго очерка развитія русской промышленности со времени реформъ Александра II, дать описаніе отдѣльной отрасли промышленности, по которому можно было бы получить конкретное представленіе о русской промышленности. Это тѣмъ болѣе умѣстно, что статистическій матеріалъ, который могъ бы послужить для такого общаго очерка во многихъ отношеніяхъ не полонъ и недоброкачественъ, такъ что на основаніи его могутъ быть сдѣланы и дѣлаются различные выводы.

Конечно, русскую хлопчатобумажную промышленность, по ея общему значенію, нельзя сравнивать съ міровымъ Ланкаширскимъ производствомъ. Но по сравненію съ остальными отраслями русской промышленности хлопчатобумажная занимаетъ то же выдающееся положеніе, какое занимала въ Англіи въ половинѣ текущаго столѣтія Ланкаширская промышленность. Къ тому же, развитіе этой отрасли промышленности болѣе, чѣмъ какой-либо другой, послужило причиной коренного измѣненія русскаго народнаго хозяйства въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Leroy-Beaulieu и Mackenzie-Wallace едва упоминаетъ о ней [1]); но къ концу XIX столѣтія, при изученіи русскаго народнаго хозяйства, изученіе этой отрасли промышленности должно стоять на первомъ мѣстѣ.

Значеніе хлопчатобумажной промышленности въ Россіи видно изъ слѣдующихъ цифръ [2]). Въ 80-хъ годахъ 85% всѣхъ фабричныхъ рабочихъ

---

[1]) См. ихъ извѣстныя изслѣдованія о Россіи: *Anatole Leroy-Beaulieu.* L'empire des Tsars et les Russes.—*Mackenzie-Wallace.* Russia.

[2]) Сборн. стат. свѣд. по Московской губ. Отдѣлъ санитарной статистики. Томъ IV, ч. I, стр. 20, 21, 27.

Московской губерніи были заняты въ прядильно-ткацкой промышленности; 60% или, считая вмѣстѣ красильно-набивное производство — 70%, были заняты въ хлопчатобумажной промышленности. О господствующей роли русской хлопчатобумажной промышленности говоритъ также и то, что съ 70-хъ годовъ дѣла съ хлопкомъ являются рѣшающими для исхода Нижегородской ярмарки.

Весною 1893 года я посѣтилъ Московско-Владимірскій промышленный округъ. Результатомъ этого путешествія съ научною цѣлью была статья въ „Schmollers Iahrbuch“ за 1895 годъ, которая, въ переработаномъ видѣ, и легла въ основу настоящей главы.

1. Естественныя и экономическія условія Московско-Владимірскаго района.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ природныя условія благопріятствуютъ развитію земледѣлія, обрабатывающая промышленность обыкновенно не возникаетъ естественнымъ путемъ; только неблагопріятныя природныя условія заставляютъ людей переходить отъ земледѣлія къ промышленности Такъ, въ Германіи и Англіи гористыя мѣстности съ неплодородною почвой были мѣстами возникновенія и развитія обрабатывающей промышленности. Точно такъ же и въ Россіи: въ верхнемъ теченіи Волги главнымъ источникомъ существованія жителей издавна была торговля и промышленность; однако, въ смежномъ же черноземномъ районѣ, который подъ Нижнимъ — Новгородомъ подходитъ къ Волгѣ и потомъ далѣе идетъ къ сѣверу отъ нея, мы уже не встрѣчаемъ ни того, ни другого; Волга протекаетъ далѣе по необозримымъ земледѣльческимъ равнинамъ, населеніе которыхъ и по настоящее время почти совершенно не занимается промыслами.

Между Волгой и Окой, въ ихъ верхнемъ теченіи, лежитъ центральный промышленный районъ — теперешняя Владимірская губернія и восточная часть Московской губерніи. Съ юга этотъ районъ граничитъ съ черноземною полосой. Тула, съ ея металлическимъ производствомъ, лежащая на границѣ черноземной полосы, является однимъ изъ крайнихъ пунктовъ промышленнаго района, южнѣе котораго начинается уже чисто-земледѣльческая область. Еще далѣе на югъ лежитъ районъ горно-заводской промышленности (недавняго происхожденія)—Днѣпровско-Донецкій бассейнъ; въ 80-хъ годахъ текущаго столѣтія приливъ иностранныхъ капиталовъ привлекъ въ южныя степи, гдѣ до того времени совершенно не существовало промышленности, заграничныхъ мастеровъ и рабочихъ изъ сѣверной Россіи.

Съ сѣвера центральный промышленный районъ граничитъ съ непроходимыми лѣсами, которые тянутся къ сѣверу вплоть до тундръ. Бѣдность природы и суровый климатъ этого края послужили причиной слабаго развитія въ немъ хозяйственной жизни; еще и теперь главное занятіе значительнаго большинства населенія края составляютъ охота и рыболовство. Нѣкогда и теперешній промышленный районъ представлялъ собой также мѣстность, почти сплошь покрытую лѣсомъ; еще и теперь 32% всей площади этого райна покрыты лѣсомъ. Лѣсъ былъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, способствовавшихъ промышленному развитію центральнаго района; онъ замѣнилъ собой каменный уголь и доставлялъ долгое время необходимое для промышленности топливо; теперь значеніе древеснаго топлива уменьшается, благодаря появленію новаго лучшаго топлива — каспійской нефти; теперь Волга постоянно бываетъ покрыта слоемъ нефти, вытекающей изъ щелей судовъ, на которыхъ она доставляется.

Центральный промышленный районъ, съ его населеніемъ, съ давнихъ поръ занятымъ промышленностью, служитъ какъ бы переходомъ отъ малопромышленнаго сѣвера къ плодоносному земледѣльческому югу. Какъ скоро размѣры производства начинаютъ превышать внутреннее потребленіе и промышленность начинаетъ работать на сбытъ, является необходимость въ путяхъ и средствахъ сообщенія, каковымъ на первыхъ ступеняхъ экономическаго развитія можетъ служить водяное сообщеніе [1]). И въ этомъ отношеніи центральный промышленный районъ находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Ограниченный съ сѣвера Волгой и прорѣзанный по срединѣ судоходными притоками ея, районъ этотъ такимъ образомъ связанъ съ отдаленнѣйшими мѣстностями Россіи; въ этомъ отношеніи его положеніе дѣйствительно центральное.

Значеніе, какъ путь сообщенія, Волга пріобрѣла съ очень давняго времени, такъ какъ она соединяетъ югъ Россіи, который вывозитъ хлѣбъ, съ сѣверомъ Россіи, который тоже съ давнихъ поръ ввозитъ хлѣбъ [2]). Тамъ, гдѣ происходитъ обмѣнъ продуктовъ равнины и горнаго края, на протяженіи между Нижнимъ и Рыбинскомъ, и въ настоящее время лежитъ самое оживленное по торговлѣ мѣсто всей великой рѣки. Изстари здѣсь происходилъ обмѣнъ лѣсныхъ и земледѣльческихъ продуктовъ и европейскихъ и

---

[1]) Какъ извѣстно, и въ Германіи въ средніе вѣка водяные пути сообщенія играли преобладающую роль. *Lamprecht.* Wirthschaftsleben im Mittelalter. Leipzig 1895, Band II, S. 249.

[2]) *Besobrasoff.* Economie nationale de la Russie. St. Pétersbourg 1863, I. p. 86.

азіатскихъ товаровъ; до сихъ поръ еще сбытъ южнаго промышленнаго района пріурочивается къ этому пункту.

Отсюда Волга служитъ дорогой къ берегамъ Персіи и къ нефтянымъ источникамъ Баку; этотъ пунктъ связанъ непосредственно со старой караванной дорогой въ Индію, а теперь съ Закаспійской желѣзной дорогой. Восточный притокъ Волги—Кама, съ ея притоками, соединяетъ Волгу съ уральскими желѣзными рудниками и затѣмъ, чрезъ небольшой сравнительно сухопутный путь, теперь по желѣзной дорогѣ, съ бассейномъ сибирскихъ рѣкъ. На сѣверъ и западъ разстилается равнина, изобилующая рѣками и озерами. Поэтому, безъ особенныхъ затратъ, здѣсь могла быть устроена цѣлая система каналовъ, которая соединяетъ Волгу съ Балтійскимъ и Бѣлымъ морями: по этому пути еще до сихъ поръ идетъ значительная часть хлѣба, получаемаго Петербургомъ и значительная часть всего хлѣба, вывозимаго балтійскими портами.

Промышленный районъ лежитъ между обоими важнѣйшими центрами, которые имѣютъ обще-русское значеніе — между Москвой и Нижнимъ-Новгородомъ.

I. *Москва.* Благодаря всѣмъ этимъ благопріятнымъ условіямъ центральный Московско-Владимірскій районъ пріобрѣлъ политическое преобладаніе надъ всей Россіей. Даже послѣ перенесенія царской резеденціи къ берегу Балтійскаго моря за этимъ райономъ все же осталось прежнее его значеніе—центральной области.

Въ незапамятныя времена Волга послужила дорогой для славянъ, которые постепенно вытѣснили коренныхъ обитателей средней Россіи — финновъ, процессъ, который въ восточныхъ окраинахъ страны еще не вполнѣ закончился и въ настоящее время. Въ области между Волгой и Окой, позднѣе сдѣлавшейся промышленнымъ райономъ, чрезъ смѣшеніе финской и славянской народностей возникло великорусское племя, которое позднѣе становится преобладающимъ во всемъ русскомъ государствѣ. Кіевъ, мать русскихъ городовъ, расположенный на открытой южной равнинѣ, подпалъ враждебнымъ вліяніямъ съ востока и запада. Лѣса сѣвера представляли для юнаго Суздальско-Владимірскаго государства такой оплотъ, который позднѣе способствовалъ объединенію подъ господствомъ этой области всего русскаго государства. Могущество сѣверныхъ князей основывалось также на томъ, что они могли отрѣзать подвозъ хлѣба къ Новгороду, этой могущественной республикѣ сѣвера Россіи [1]); такъ, въ 1170 году Новгородцы, одержавъ побѣду надъ

[1]) *Besobrasof.* Economie nationale de la Russie. St.-Pet., 1883, I, p. 60.

суздальскимъ княземъ, однако, какъ говоритъ лѣтописецъ, „по доброй волѣ“, т.-е. ради обезпеченія подвоза хлѣба, признали верховную власть суздальскаго князя [1]). Еще теперь старинныя церкви и полуразрушенный кремль свидѣтельствуютъ о быломъ могуществѣ Суздаля и Владиміра [2]).

Преемникомъ этихъ городовъ сдѣлалась Москва, куда въ 1328 году была перенесена резиденція великаго князя. Московскіе великіе князья, въ качествѣ главныхъ собирателей татарской дани для орды, постепенно захватили въ свои руки власть надъ всей тогдашней Россіей. Послѣ освобожденія отъ татарскаго владычества (1480 г.) княжеская власть еще болѣе усилилась, и въ 1547 году великій князь принялъ титулъ царя, выражая этимъ притязаніе на наслѣдіе Константинополя.

Гакстгаузенъ, путевые очерки котораго,—вопреки мнѣнію Leroy-Beaulieu и Mackenzie Wallace'а,—заслуживаютъ полнаго вниманія, даетъ описаніе Москвы со времени пожара 1812 г. Описаніе это въ высшей степени интересно. Москва насчитывала тогда 250,000 жителей, но какъ отличался составъ тогдашняго населенія Москвы отъ населенія Лондона и Парижа того же времени! Изъ 8,300 застроенныхъ участковъ—6,400 принадлежали дворянамъ. Среди двора и сада возвышался деревянный господскій домъ, по большей части одноэтажный; внутреннее устройство дома было богато и нерѣдко даже роскошно; иногда все внутреннее убранство дома было дѣломъ искусныхъ итальянскихъ мастеровъ, которыхъ выписывали и привозили съ собой изъ за границы. Изъ немногихъ памятниковъ этого времени мнѣ пришлось познакомиться съ домомъ князя Гагарина, который уцѣлѣлъ отъ пожара. Въ „службахъ“, находившихся на томъ же дворѣ, жили крѣпостные слуги, нерѣдко въ огромномъ количествѣ. Такъ, по словамъ Гакстгаузена, число ихъ достигало иногда 1,000 и болѣе. Ихъ содержаніе владѣльцамъ ничего не стоило, такъ какъ все необходимое доставлялось крестьянами въ видѣ натуральныхъ повинностей. Подобнымъ же образомъ жили римскіе вельможи въ императорскій періодъ.

Продолжительныя войны приводили дворянство въ соприкосновеніе съ Западной Европой и знакомили ихъ съ европейской роскошью. Такое же значеніе имѣло нашествіе французовъ, явившееся слѣдствіемъ Великой Рево-

---

[1]) *Rambaud.* Histoire de la Russie. Paris, 1878, p. 92.

[2]) По даннымъ *Baedeker'a*, Владимірскія древности восходятъ къ XII в.; Успенскій каѳедральный соборъ и золотыя ворота; только софійскій каѳедральный соборъ въ Кіевѣ представляетъ еще болѣе древній памятникъ, относящійся къ первой половинѣ XI в.

люціи. Старый боярскій бытъ постепенно исчезаетъ; жизненныя блага стали оцѣниваться не только съ количественной, но и съ качественной стороны. Такое измѣненіе было вызвано развитіемъ денежнаго обмѣна, которое подготовило также освобожденіе крестьянъ.

На мѣсто старорусскаго купца, носившаго кафтанъ и державшагося дѣдовскихъ обычаевъ,—выступаетъ европейскій импортеръ, и промышленники по своему богатству начинаютъ превосходить дворянство, которое раньше было первымъ классомъ населенія. Носителями прогресса здѣсь, какъ это часто бываетъ въ промышленной исторіи, явились иностранцы. Нѣмцы для Москвы были тѣмъ, чѣмъ въ свое время были гугеноты для Берлина; и еще до сихъ поръ нѣмецкіе термины сохранились на биржѣ.

Несмотря на господство запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ (1823—1844 г.г., при графѣ Канкринѣ), промышленное развитіе Россіи было довольно медленно въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Только реформы Александра II-го создали условія для самостоятельнаго развитія крупной промышленности. Въ особенности сказалось освобожденіе крестьянъ въ Москвѣ. Именно здѣсь находилось огромное количество такъ называемыхъ „дворовыхъ“, крѣпостныхъ многочисленныхъ господскихъ хозяйствъ, въ которыхъ они служили для личныхъ услугъ. Они были освобождены безъ земли. Но кромѣ нихъ значительный контингентъ безземельныхъ дало и крестьянство средней Россіи, благодаря густотѣ населенія. Это обстоятельство вызвало необходимость промышленнаго труда для значительной части населенія.

При Александрѣ II-мъ Москва сдѣлалась центральнымъ пунктомъ желѣзнодорожной сѣти [1]). Вмѣстѣ съ проведеніемъ дорогъ во всѣ стороны отъ Москвы—московскій языкъ и вкусы распространились по всей Россіи; за ними послѣдовали продукты московской индустріи. Каждое расширеніе внутренней желѣзнодорожной сѣти [2]), каждый пудъ хлѣба, который провозится по этимъ дорогамъ заграницу, расширяютъ сбытъ московской промышленности. Еще до сихъ поръ русская „интеллигенція“ споритъ о томъ, „должна“ ли Россія пройти въ своемъ промышленномъ развитіи чрезъ стадію капитализма. Мнѣ кажется наоборотъ, что нигдѣ нѣтъ болѣе благо-

---

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ“ отъ 5 фев. 1895 г., стр. 261.

[2]) [Въ скоромъ времени Москва будетъ самымъ оживленнымъ центральнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ во всей Европѣ. Съ проведеніемъ новыхъ линій въ Москвѣ будетъ 11—12 желѣзнодорожныхъ путей]. *Прим. ред.*

пріятной почвы для современнаго капитализма, какъ въ Россіи. Таковъ былъ Манчестеръ, когда онъ въ началѣ столѣтія во всеоружіи техники завоевалъ беззащитный міровой рынокъ. Такъ теперь Россія подъ защитой высокихъ тарифовъ завоюетъ еще не занятые рынки. Капитализмъ, который въ Западной Европѣ развивался подъ сильнымъ давленіемъ конкурренціи, на московской почвѣ, заботливо охраняемый отъ внѣшнихъ вліяній, обѣщаетъ широкое развитіе. Москва вмѣстѣ съ тѣмъ становится центральнымъ пунктомъ всей Россіи [1]).

2. Нижній-Новгородъ. Вслѣдствіе незначительной густоты населенія и незначительности его покупательныхъ средствъ, торговля въ восточной Россіи, какъ раньше, такъ еще и теперь, сосредоточивается главнымъ образомъ на ярмаркахъ и базарахъ.

Условія русской торговли, какъ и другія стороны современной русской жизни, переносятъ насъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ экономической жизни Европы, когда еще только возникали города. Торговцы, у которыхъ крестьяне покупаютъ мелкіе предметы потребленія и принадлежности крестьянскаго хозяйства, въ срединѣ нашего столѣтія составляли въ Россіи особый странствующій слой населенія [2]). Они посѣщали также большія ярмарки, на которыхъ появлялись крупные торговцы и импортеры, имѣющіе непосредственныя сношенія заграницей. Ярмарки слѣдовали одна за другой, такъ что непроданные товары съ одной ярмарки могли попадать на другую. Подобно тому, какъ ярмарки въ Шампани представляли нѣкогда замкнутую систему [3]), въ Россіи — великорусскія и малорусскія ярмарки до сихъ поръ не зависятъ другъ отъ друга и имѣютъ очень мало точекъ соприкосновенія. По словамъ И. Аксакова, многіе купцы, торгующіе на ярмаркахъ Малороссіи, провозятъ свои товары по

---

[1]) Значеніе Петербурга, какъ порта и фабричнаго города отступаетъ на задній планъ. По *Николай—ону* (Очерки нашего пореформеннаго обществ. хозяйства. С.-Пб., 1893 г., стр. 86—87) Петербургъ уменьшилъ свой сбытъ за 10 лѣтъ (1880 — 90) въ Москву на 58% и въ провинцію на 4%. Означенное десятилѣтіе при этомъ еще характеризуется чрезвычайнымъ расширеніемъ торговли и промышленности. Только, какъ главный центръ банковыхъ учрежденій, *Петербургъ* до сихъ поръ стоитъ впереди Москвы.

[2]) Къ тому же, до 1863 г. постоянныя лавки въ деревняхъ были запрещены. *Самойловичъ и Буняковскій.* Фабр. зав. промыш. и торгов. Россіи. С.-Пб., 1893 г., стр. 239.

[3]) *Goldschmidt.* Universalgeschichte des Handelsrechts. 3 Aufl. B. 1 Abt. I, 1891, S. 224.

всѣмъ (мѣстнымъ) ярмаркамъ и въ слѣдующемъ году вновь начинаютъ это путешествіе по ярмаркамъ.

Даже крупнѣйшія изъ русскихъ ярмарокъ не всегда пріурочиваются къ городамъ; такъ, Ирбитъ, въ которомъ на ярмаркѣ еще и теперь бываетъ до 100,000 человѣкъ, насчитываетъ не болѣе 5,000 постояннаго населенія; старѣйшая изъ малороссійскихъ ярмарокъ—въ Курскѣ — происходитъ въ мѣстности, называемой „Коренная Пустынь“. Монастыри часто служатъ пунктами ярмарочной торговли, подобно тому, какъ и въ Западной Европѣ базары часто устраивались близъ мѣстъ, куда стекались богомольцы [1]).

Самая важная изъ всѣхъ ярмарокъ была и до сихъ поръ остается— Нижегородская. Этотъ городъ представляетъ крайній восточный пунктъ промышленнаго района и находится въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ въ отношеніи водяного транспорта—при сліяніи Оки съ Волгой. Съ 15 іюля по 10 сентября сюда ежегодно переносится вся Московская торговля. Еще до сихъ поръ отсюда снабжается товарами большая часть Великороссіи, Азіатская Россія. Съ открытія навигаціи до начала ярмарки всѣ товары со всѣхъ концовъ Россіи могутъ быть доставлены водянымъ путемъ, и до конца навигаціи послѣ ярмарки остается еще столько времени, что купцы успѣваютъ перевезти ихъ тѣмъ же путемъ съ ярмарки.

Dr. Kosegarten [2]), который въ 1843 году посѣтилъ Нижегородскую ярмарку, даетъ интересное описаніе товаровъ этой ярмарки. Главное мѣсто онъ отводитъ продуктамъ крестьянскаго домашняго производства (Hausfleiss): грубыя матеріи, колеса, мелкія металлическія издѣлія, сапоги и т. д.

Какъ и вездѣ, гдѣ отдаленность мѣста сбыта отдѣляетъ производителя отъ рынка, здѣсь происходилъ переходъ отъ крестьянскаго домашняго производства къ домашней системѣ капиталистическаго производства (Hausindustrie) [3]): сбытъ сталъ организоваться капиталистически и переходить въ руки купца или скупщика. Въ такомъ положеніи, напр., находилась, по описанію Гакстгаузена, одна деревня, жители которой занимались исключительно выдѣлкой сапогъ, которые сбывались на Ниже-

---

[1]) *Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. II S. 257—258.

[2]) Его сообщеніе находится въ книгѣ Гакстгаузена, т. I, стр. 389 (франц. изд.)

[3]) По *Бюхеру* такъ называемая „первичная домашняя промышленность“ (primäre Hausindustrie). См. его статью—„Gewerbe“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. (русс. перев. сборникъ статей изъ Handw. d. Staatsw. „Промышленность“, изд. М. И. Водовозовой).

городскую ярмарку. Нѣкоторые крестьяне, по его словамъ, имѣли отъ 20 до 50 тысячъ рублей ежегоднаго оборота. Я объясняю это такъ: крестьянскія товарищества, въ томъ случаѣ, если они состоятъ изъ значительнаго числа членовъ, посылаютъ отдѣльныхъ своихъ членовъ для сбыта товаровъ на отдаленный рынокъ. Эти посланныя торговцы вмѣстѣ съ своими собственными товарами продаютъ товары и своихъ бѣднѣйшихъ и несостоятельныхъ сосѣдей на тѣхъ ярмаркахъ, которыя они посѣщаютъ. Они скрываютъ отъ покупателей мѣста производства товара, если только существуетъ возможность непосредственныхъ сношеній между ними и производителями. Они дѣлаются, такимъ образомъ, необходимыми той и другой сторонѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно становятся въ положеніе хозяевъ-предпринимателей по отношенію къ своимъ односельчанамъ [1]).

На ряду съ продуктами крестьянскаго, по большей части сѣверно-русскаго производства, Kosegarten встрѣтилъ на Нижегородской ярмаркѣ въ 1843 году нѣкоторые цѣнные продукты съ юга и востока, какъ, напр., татарскія овчины для шубъ, сибирскіе мѣха, хлопчатую бумагу, дорогое дерево съ юга и, прежде всего, чай, который былъ тогда однимъ изъ главныхъ товаровъ ярмарки. Исходъ чайной торговли на ярмаркѣ былъ рѣшающимъ моментомъ для исхода всей ярмарки, въ особенности же для суконныхъ товаровъ, на которые вымѣнивали китайцы чай въ Кяхтѣ. Въ противоположность выше названнымъ, болѣе „демократическимъ“ товарамъ торговля чаемъ сосредоточивалась въ немногихъ рукахъ. Китайская четверть ярмарки, находившаяся въ рукахъ не китайцевъ, а крупнѣйшихъ русскихъ купцовъ и коммиссіонеровъ, сносившихся съ Кяхтой, была важнѣйшей частью ярмарки; въ Москвѣ старый городъ—московское „Сити“—называется „Китай-городъ“,—доказательство того, что крупная торговля ведетъ свое начало отъ торговли цѣнными иноземными продуктами. Подобное же значеніе имѣла торговля заграничными европейскими винами.

Изъ иностранныхъ фабрикантовъ Kosegarten говоритъ исключительно о персидскихъ и бухарскихъ бумажныхъ тканяхъ, а изъ европейскихъ товаровъ — о галантерейныхъ товарахъ, которые проникали внутрь Россіи черезъ нѣсколько этаповъ.

Важнѣйшимъ товаромъ крупнаго туземнаго производства, организованнаго въ то время на помѣщически-крѣпостныхъ началахъ, являлись на Нижегородской ярмаркѣ — металлы въ сыромъ видѣ, въ особенности

---

[1]) *Haxthausen*, p. 288; *Besobrasoff*, p. 155.

желѣзо и мѣдь; они сплавлялись весной по Камѣ съ Уральскихъ горныхъ заводовъ. Также и торговля желѣзомъ находилась въ рукахъ немногихъ крупныхъ купцовъ, при задолженности владѣльцевъ земли. Три или четыре купеческихъ фамиліи, по словамъ Безобразова [1]), монополизировали въ продолженіе десятилѣтій всю внутренню желѣзную торговлю.

Этотъ обзоръ товаровъ рисуетъ Россію Николаевскихъ временъ. Преобладаетъ еще русско-азіатская заграничная торговля—признакъ господства натуральнаго хозяйства въ Россіи. Хлопчатобумажная промышленность средней Россіи, которая разсчитана на мѣстный массовый сбытъ, еще тогда не выступала на сцену. Пряжа и ткани ввозились еще въ Россію изъ Закаспійскихъ областей, подобно тому какъ въ прошломъ столѣтіи Индія снабжала Англію хлопчатобумажными товарами. Ввозъ хлопчатобумажныхъ товаровъ изъ Азіи въ Россію возросталъ съ 1824—1853 года [2]); ввозъ азіатской пряжи ручного издѣлія въ 60-хъ годахъ уменьшается,—доказательство слабаго развитія туземной хлопчатобумажной промышленности. Ввозъ пряжи изъ Азіи, т.-е. изъ Хивы, Бухары и Персіи, составлялъ:

Въ 1854 г.—43,985 пудовъ цѣнностью въ 336,020 руб. [3])
» 1860 »—14,478 » » » » 86,710 »

Эти цифры указываютъ на измѣненія, которыя въ это время происходили въ русскомъ народномъ хозяйствѣ и кореннымъ образомъ преобразовали характеръ Нижегородской ярмарки.

Широкія массы народа къ этому времени начинаютъ выступать въ качествѣ продавцевъ одного изъ важнѣйшихъ товаровъ: ихъ рожь сдѣлалась предметомъ торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали измѣняться, хотя и постепенно, народныя воззрѣнія, какъ они сложились при натуральномъ хозяйствѣ. Основной причиной этой перемѣны было безъ сомнѣнія развитіе городской промышленности и увеличеніе спроса на хлѣбъ въ Западной Европѣ. Такое же значеніе для натуральнаго хозяйства имѣли реформы Александра II и въ особенности постройка желѣзныхъ дорогъ. Законодательныя ограниченія мелочной, розничной торговли въ деревнѣ пали; огромное значеніе имѣла отмѣна крѣпостного права. Раньше крестьянинъ пряталъ свои сбереженія, такъ какъ, тратя ихъ на одежду и разныя удобства, онъ возбуждалъ бы этимъ только алчность своего господина. Въ первые же

[1]) *Besobrasoff*, p. 204.

[2]) *Шереръ*. Хлопчатобумажная промышленность. С.-Пб., 1863 г., II, стр. 486.

[3]) *Lumley*. Reports by her Majestys Secretaries of Embassy on Manufactures and Commerce. 1865, № 8, p. 102.

годы послѣ отмѣны крѣпостного права очень сильно возросъ сбытъ на ярмаркахъ товаровъ, потребляемыхъ народомъ. Освобожденный крестьянинъ сталъ одѣваться лучше и въ яркіе цвѣта [1]).

Въ 1895 году я побывалъ въ деревенской лавкѣ одного большого села Воронежской губерніи, чтобы получить представленіе о современномъ спросѣ на товары со стороны крестьянъ. Преобладали разные хлопчатобумажные товары; женщины для нарядовъ предпочитаютъ яркіе цвѣта ситцевъ, которые вытѣснили невзрачныя издѣлія домашняго производства. Для богатыхъ и искусныхъ вышивокъ служитъ хлопчатобумажная машинная пряжа. Мужчины также перешли къ хлопчатобумажной одеждѣ; въ настоящее время для многихъ мѣстностей Россіи красная кумачевая рубашка представляетъ весьма распространенную одежду. Такъ какъ въ крестьянскихъ избахъ обыкновенно бываетъ чрезвычайно высокая температура, то и мужчины и женщины, даже и зимой, носятъ дома бумажную одежду.

На ряду съ хлопчатобумажными товарами въ посѣщенной мною лавкѣ особое мѣсто занималъ керосинъ—тоже продуктъ молодой капиталистической промышленности. Кромѣ того я встрѣтилъ тамъ много мелкихъ желѣзныхъ издѣлій: колеса теперь большою частью съ желѣзными шинами, дошники съ желѣзными краями. Еще я видѣлъ топоры, котелки, гвозди и т. д. Видѣлъ я также, хотя и не въ этой лавкѣ, но все же въ этой мѣстности, желѣзные плуги, большею частью нѣмецкой работы, которые распространяются среди сельскаго населенія — частью коммиссіонерами южно-русскихъ фирмъ, частью агентами земства.

Все это указываетъ на расширеніе денежно-хозяйственныхъ отношеній среди крестьянства, благодаря чему ярмарочная торговля можетъ замѣняться постоянной. Въ Малороссіи, которая населена гуще, ярмарочная торговля все болѣе и болѣе вытѣсняется постоянной торговлей (мѣстной).

Центральнымъ пунктомъ этой торговли является большой торговый городъ Харьковъ, купцы котораго ведутъ сношенія какъ съ средне-русскими промышленниками, такъ и съ черноморскими импортерами. Ярмарочные сборы, взимаемые съ пріѣзжихъ купцовъ по 5 разрядамъ, смотря по размѣру торговли, начиная съ 1884 года, уменьшаются во всей Малороссіи [2]).

---

[1]) *Шереръ*, т. II, стр. 522. *Lumley*, p. 99.

[2]) *Самойловичъ* и *Буняковскій*, стр. 241 и 250. Оборотъ харьковской ярмарки съ 22 мил. въ 1873 году упалъ въ послѣдніе годы до 15 мил. рублей.

Наоборотъ, Нижегородская ярмарка еще не утратила своего значенія; скорѣе значеніе ея увеличилось съ развитіемъ торговли въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Область сбыта этой ярмарки охватываетъ часть волжскаго бассейна (промышленный районъ) и области, лежащія къ сѣверу и востоку. На западѣ районъ сбыта ярмарки ограниченъ Тверской губерніей, которая въ торговомъ отношеніи уже зависитъ отъ Петербурга. Такимъ образомъ районъ сбыта ярмарки почти совпадаетъ съ областью распространенія крестьянскаго общиннаго землевладѣнія,—явленіе не случайное, и, въ значительной степени, обусловленное неразвитостью экономическихъ отношеній въ средне-восточной Россіи по сравненію съ сѣверомъ, югомъ и западомъ.

Но если Нижній и не утратилъ своего значенія, то характеръ ярмарки кореннымъ образомъ измѣнился. Азіатская заграничная торговля, въ особенности русско-китайская, отошла на задній планъ. Чай перестали возить сухимъ путемъ; съ удешевленіемъ морского фрахта на мѣсто чая, доставляемаго караванами, появился кантонскій чай. Положимъ и теперь чай привозится въ Нижній въ большомъ количествѣ, но уже Нижній получаетъ его изъ вторыхъ рукъ. Черноморскіе порты и Москва снабжаютъ страну всевозможными колоніальными товарами.

Вывозъ русскихъ фабрикатовъ, въ особенности шерстяныхъ матерій, въ Хиву почти совсѣмъ прекратился. Съ средины текущаго столѣтія до 80-хъ годовъ вывозъ черезъ Кяхту упалъ съ 22-хъ милліоновъ до $1^1/_2$ милл. рублей.

Вмѣсто заграничной торговли съ 70-годовъ въ Нижнемъ главную роль начинаетъ играть внутренняя торговля. Московскіе крупные купцы и фабриканты продаютъ здѣсь свои товары провинціальнымъ торговцамъ, которые въ свою очередь снабжаютъ товарами мелкихъ сельскихъ торговцевъ. Прогрессъ торговли, какъ и всюду, совершается здѣсь въ массѣ населенія, которую раньше эта торговля, какъ международная, почти не затрогивала.

Замѣчательно, что тотъ самый товаръ, которымъ въ послѣднемъ счетѣ опредѣляются всѣ измѣненія и который въ настоящее время является важнѣйшимъ въ Россіи—рожь—появляется не въ Нижнемъ. Хлѣбная торговля сосредоточивается въ портахъ Чернаго и Балтійскаго морей, гдѣ происходитъ установленіе цѣнъ сообразно указаніямъ западно-европейскихъ биржъ [1]). Но, несмотря на это, этотъ товаръ опредѣляетъ ходъ Нижегород-

[1]) Подобное же явленіе происходитъ въ Индіи. *Elstätter*. Indiens Silberwährung. Stuttgart, 1894, S. 39.

ской ярмарки, такъ какъ урожай и хлѣбныя цѣны въ Россіи, какъ странѣ по преимуществу земледѣльческой, опредѣляютъ размѣры спроса на продукты обратывающей промышленности [1]). Въ особенности вліяніе это сказывается на хлопчатобумажной промышленности, представители которой считаютъ себя почему-то независимыми отъ Западной Европы. Чѣмъ болѣе Европа покупаетъ хлѣба, тѣмъ болѣе увеличивается сбытъ ситцевъ въ Нижнемъ.

Роль, которую въ половинѣ текущаго столѣтія игралъ чай, перешла съ 60-хъ годовъ къ хлопчатобумажнымъ товарамъ: они стали главнымъ товаромъ ярмарки.

Какъ раньше въ Европѣ и Индіи, точно такъ же и въ Россіи хлопчатая бумага имѣла то значеніе, что вызвала потребность въ деньгахъ въ массѣ народа. Она вытѣснила самостоятельное производство шерсти и льна въ помѣщичьемъ и крестьянскомъ хозяйствахъ.

Хлопчатобумажная промышленность, первая крупная промышленность въ Россіи, возникла и развилась, опираясь на мѣстное массовое потребленіе. Но, такъ какъ ввозъ произведеній текстильной промышленности изъ Азіи почти запрещенъ (высокимъ таможеннымъ тарифомъ), русская пряжа, ситцы, цвѣтныя шелковыя и полушелковыя матеріи вывозятся все въ большемъ и въ большемъ количествѣ въ Закаспійскія владѣнія Россіи. Искусные азіатскіе прядильщики также ввели у себя на родинѣ металлическія веретена.

На ряду съ продуктами прядильно-ткацкой промышленности наиболѣе важную роль на ярмаркѣ играютъ желѣзные товары и другіе продукты русской промышленности—стеклянные, фарфоровые товары и т. д. Европейскій бракъ, разсчитанный на неразвитый вкусъ, совершенно исчезъ. Теперь всѣ европейскіе предметы роскоши можно купить въ блестящихъ магазинахъ Невскаго проспекта въ Петербургѣ или въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту, хотя и по высокимъ цѣнамъ, но за то по своимъ качествамъ способные удовлетворить любого знатока.

Благодаря развитію мѣновыхъ отношеній на ярмаркѣ появились въ гораздо большемъ количествѣ и сырые продукты, какъ-то: нефть, рыба, русскія вина, хлопокъ и т. д. Всѣ эти товары идутъ на внутренній рынокъ; наоборотъ, вывозная торговля съ Западной Европой сырыми продуктами теперь совершенно минуетъ ярмарку. Единственное исключеніе въ этомъ

[1]) Само собой, независимо отъ спроса предъявляемаго государствомъ, напр., для постройки жел. дорогъ; но все же финансовая сила государства, возможность заграничныхъ займовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постройки жел. дорогъ, покоятся въ послѣднемъ счетѣ на земледѣльческой основѣ.

отношеніи представляютъ мѣха, поставка которыхъ изъ Азіи не можетъ примѣниться къ правильному ходу европейской торговли.

Но въ послѣдніе годы произошла значительная перемѣна. Нижегородская ярмарка уже миновала стадію своего наивысшаго развитія. Цѣнность привоза товаровъ въ 1880—84 г.г. въ среднемъ составляла 215½ милл. рублей, а между 1892—96 г. упала до 170 милл. Въ особенности уменьшился привозъ продуктовъ прядильно-ткацкой промышленности, хотя они все еще являются главнымъ товаромъ ярмарки: между 1868—1872 г.г.—49 милл., а 1890—91 г. г.—45 милл. рублей и это несмотря на сильное развитіе текстильной промышленности за послѣдніе два десятилѣтія. Это означаетъ, что важнѣйшая отрасль русской промышленности начинаетъ освобождаться въ отношеніи сбыта отъ ярмарки. Хлопчатобумажная пряжа часто появляется на ярмаркѣ только въ особыхъ видахъ, какъ, напр., крашеная пряжа для азіатской торговли; ситцы часто фигурируютъ на ярмаркѣ только въ образцахъ. Ярмарка становится биржей; вмѣсто дѣйствительнаго обмѣна товаровъ происходитъ установленіе товарныхъ цѣнъ и заказы по образцамъ при конкурренціи въ спросѣ и предложеніи.

Но эта биржа съ такимъ же успѣхомъ и даже лучше можетъ функціонировать въ Москвѣ, тѣмъ болѣе что годовой срокъ, который связанъ съ Нижегородской ярмаркой, уже не удобенъ теперь при болѣе быстрыхъ колебаніяхъ рыночныхъ коньюнктуръ

Для ярмарки однако еще остается обширная и даже возрастающая область сбыта—страны средней Азіи. Купцы странъ, политически независимыхъ отъ Россіи, персы и турки стараются только продавать на ярмаркѣ, чтобы получить деньги на покупку западно-европейскихъ фабрикатовъ. Наоборотъ, кавказскіе и закаспійскіе торговцы, вслѣдствіе того, что эти страны ограждены высокими таможенными тарифами, вынуждены покупать на ярмаркѣ русскіе фабрикаты. Вывозя на ярмарку цѣнный продуктъ, который получаетъ все большее и большее значеніе—хлопокъ, они предъявляютъ значительный спросъ на продукты русской промышленности.

Но, азіатскимъ обычаямъ ярмарочная торговля вполнѣ соотвѣтствуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ соотвѣтствовать. Разъ за установленіемъ цѣны при торговлѣ не слѣдуетъ непосредственно передача товаровъ, то продавецъ выступаетъ въ качествѣ „обманщика“, какъ и прежде. Азіатъ не довѣряетъ образцамъ и пробамъ. Онъ самъ хочетъ видѣть и испробовать товаръ. Онъ считаетъ себя обманутымъ, если не будетъ торговаться въ теченіе часа, прежде чѣмъ договориться окончательно, такъ какъ при каждой отдѣльной сдѣлкѣ, онъ кладетъ на чашку вѣсовъ всю свою хитрость,

и для него не спросъ и предложеніе опредѣляютъ цѣны, а степень искусства договаривающихся сторонъ.

Ярмарочная торговля, по своему характеру, вполнѣ соотвѣтствуетъ такимъ обычаямъ. Въ одномъ и томъ же помѣщеніи товары продаются одновременно по различнымъ цѣнамъ, установленнымъ негласнымъ соглашеніемъ. И это не только въ мелкой торговлѣ, но даже и въ крупной. Такимъ образомъ, это отвращеніе азіатскихъ торговцевъ отъ публичнаго установленія цѣнъ обезпечиваетъ также и въ будущемъ извѣстное значеніе Нижегородской ярмаркѣ.

II. Владимірская льняная промышленность.

Хотя пряденіе и ткачество льна и шерсти издавна существовали въ Россіи и еще до сихъ поръ продукты эти производятся въ большомъ количествѣ и вывозятся изъ Россіи, тѣмъ не менѣе первою и важнѣйшею отраслью фабричной промышленности, какъ и въ Англіи, сдѣлалось хлопчатобумажное производство, а не это туземное производство [1]). Это обстоятельство на первый взглядъ кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что средняя Россія по своему географическому положенію находится въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ въ сравненіи съ остальными промышленными странами Европы, въ отношеніи доставки американскаго хлопка. Поэтому, старые сторонники свободной торговли называли хлопчатобумажную промышленность „искуственнымъ“ произведеніемъ на русской почвѣ.

Совершенно неправильно! Наивное стремленіе русскаго народа къ яркимъ цвѣтамъ идетъ навстрѣчу хлопчатобумажной промышленности, которая доставляетъ вмѣсто шелка—суррогаты самыхъ яркихъ цвѣтовъ [2]). Яркость и разнообразіе цвѣтовъ—это первое впечатлѣніе, получаемое европейцемъ при въѣздѣ въ Москву,—явленіе, которое наблюдается на югѣ, какъ напр., въ Неаполѣ и Палермо.

Но болѣе важное значеніе имѣетъ другое обстоятельство: массы русскаго народа слишкомъ бѣдны, чтобы при денежно-хозяйственномъ удовлетвореніи потребности въ платьѣ могли пользоваться какой-либо дру-

[1]) Я употребляю терминъ „фабрика“, въ смыслѣ *Маркса*, т. е. крупной промышленности съ примѣненіемъ механическихъ двигателей и машинъ. Прежнія „фабрики“ съ ручнымъ производствомъ должны быть названы „мануфактурой“. Различная терминологія служила причиной различнаго рода недоразумѣній.

[2]) По Бюхеру первымъ крупнымъ производствомъ часто бываетъ производство суррогатовъ (Surrogatindustrie) Handwörterbuch d. Staatswissenschaften. B. III, S. 944.

гой тканью, кромѣ хлопчатобумажной. По такой же причинѣ англійскій рабочій первой половины нашего вѣка носилъ исключительно хлопчатобумажное платье, такъ что названіе этой матеріи „Fustian“ сдѣлалось даже синонимомъ слова „рабочій“. А теперь еще бѣдность крестьянъ служитъ главнымъ препятствіемъ, задерживающимъ дальнѣйшее развитіе русской хлопчатобумажной промышленности.

Благодаря дешевизнѣ продукта, хлопчатобумажная промышленность отдѣлила потребителя отъ производителя и овладѣла такими бѣдными рынками, находившимися почти на стадіи натуральнаго хозяйства, какъ Россія, Индія и Средняя Азія. Эта дешевизна продукта въ послѣднемъ счетѣ объясняется историко-экономическими причинами; дитя торговли—хлопчатая бумага ранѣе всего появилась въ сыромъ видѣ, чтобы, по принципу наибольшей выгоды, возможно было удешевленіе издержекъ производства и техническія улучшенія.

Хлопчатобумажное производство развилось въ Россіи, какъ и повсюду, изъ льняной промышленности.

Производство льняныхъ тканей у народовъ сѣверной Европы—туземнаго происхожденія; точно также имъ изстари занимались и русскіе крестьяне. Крестьянское домашнее производство („Hausfleiss“ по терминологіи Бюхера) въ этой отрасли еще теперь широко распространено въ Россіи—какъ для собственнаго потребленія крестьянъ, такъ и для сбыта.

Развитіе промышленности было вызвано, вѣроятно, тѣмъ, что *помѣщики* стали принуждать своихъ крѣпостныхъ производить большее количество продуктовъ, чѣмъ сколько нужно для собственнаго потребленія. При плохой почвѣ сѣвернаго лѣсного района у помѣщиковъ не было другого средства извлекать большій доходъ изъ своихъ крѣпостныхъ. Прежде всего помѣщики возвышаютъ натуральный оброкъ, который, положимъ, шелъ на содержаніе многолюднаго господскаго двора въ городѣ и деревнѣ. Пряжа, доставляемая крестьянками помѣщику, на барскомъ дворѣ превращалась въ ткань трудовъ крѣпостныхъ-дворовыхъ. Еще въ этомъ столѣтіи, даже въ главномъ фабричномъ центрѣ Владимірской губерніи, въ Ивановѣ, женщины уплачивали оброкъ пряжей. Женщины отъ 18 до 20 лѣтъ должны были доставлять по 3 фунта пряжи, отъ 20 до 25—8 фунтовъ и отъ 25 до 30 лѣтъ по 10 фунтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщики увеличили оброкъ крестьянскій—полотномъ и сукномъ, что особенно рѣзко выразилось во Владимірской губерніи [1]).

[1]) „Вѣстникъ Промышленности“, 1860 г., январь, стр. 197—202.

Прогрессъ изъ этихъ чисто натурально-хозяйственныхъ отношеній мыслимъ былъ двоякаго рода: или помѣщикъ самъ начиналъ вести производство въ крупныхъ размѣрахъ на сбытъ, или предоставлялъ самимъ крестьянамъ продавать ихъ произведенія, а самъ довольствовался установленнымъ денежнымъ оброкомъ. Въ первомъ случаѣ помѣщикъ соединялъ своихъ крѣпостныхъ рабочихъ въ помѣщичьей „фабрикѣ“, или въ техническомъ смыслѣ—мастерской или мануфактурѣ [1]). Во многихъ мѣстахъ Россіи мнѣ попадались теперь уже полуразрушенныя мастерскія, которыя часто бываютъ замѣчательны по массивности постройки.

Но не эти помѣщичьи предпріятія развились въ современныя крупныя фабрики Московской и Владимірской губерній [2]). Пользуясь привиллегіей неограниченной эксплоатаціи несвободныхъ рабочихъ, они были совершенно неспособны примѣниться къ производству на сбытъ. Крѣпостные доставляли сырой матеріалъ и топливо, возили пряжу и ткани часто за сотни верстъ по городамъ и ярмаркамъ—и все это даромъ, по приказу помѣщика. Крѣпостное право задерживало техническій прогрессъ; машины помѣщичьихъ фабрикъ были плохи и устарѣлы и работали совсѣмъ плохо съ крѣпостными рабочими [3]). Привиллегированное положеніе этихъ фабрикъ исчезло съ освобожденіемъ крестьянъ. Въ особенности скоро смела эти фабрики американская междоусобная война: она застала ихъ безъ капитала и безъ запасовъ сырого матеріала, такъ что въ эти годы очень много помѣщичьихъ фабрикъ закрылось, чтобы уже не открываться болѣе [4]).

Гораздо чаще, какъ это было въ исторіи аграрныхъ отношеній и въ Западной Европѣ, прогрессъ направлялся обыкновенно въ другую сторону: помѣщикъ предоставлялъ крестьянина его личной иниціативѣ, чтобы обезпечить себѣ опредѣленный денежный оброкъ. Въ этомъ случаѣ крестьянская семейная артель должна была добровольно производить и продавать извѣстный излишекъ сверхъ собственнаго потребленія. Этотъ излишекъ не могъ быть земледѣльческимъ продуктомъ, такъ какъ тогда онъ не могъ бы идти въ продажу; это могъ быть только промышленный продуктъ.

---

[1]) Я принимаю классификацію, установленную *Карломъ Марксомъ*, такъ какъ возраженія противъ нея *Бюхера* не кажутся мнѣ убѣдительными.

[2]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 227.

[3]) О техническихъ недостаткахъ помѣщичьихъ фабрикъ см. статью *Эрисмана* въ статистич. сборникѣ Московскаго земства. Москва, 1890 г., т. IV, ч. I., стр. 49.

[4]) *Mitchell.* The present state of the trade between Great Britain and Russia. Англійская „Синяя книга“ отъ 1866 г., стр. 38—39.

Одна и та-же домашняя артель пряла и ткала ленъ своего производства и окрашивала ткани, если только онѣ вообще красились. Съ расширеніемъ производства артель эта привлекала на подмогу родственниковъ и знакомыхъ; крестьянскій дворъ могъ имѣть тогда видъ ткацкой мануфактуры; по организаціи онъ соотвѣтствовалъ современнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, насколько это было возможно при существованіи старыхъ отношеній. Поэтому, помощники становились „пріймаками“, т.-е. становились въ положеніе кровныхъ родственниковъ. Семья была производительной ассоціаціей на равныхъ правахъ [1]).

Сначала этотъ излишекъ производства продавался на мѣстномъ базарѣ, какъ это описано еще въ 60-хъ годахъ. Изслѣдователь жалуется по этому поводу, что крестьяне-ткачи являются конкуррентами фабрикантовъ, приписанныхъ къ гильдіи и платящихъ торговую пошлину [2]). Впрочемъ, авторъ тутъ же замѣчаетъ, что это время уже миновало. Только самые низшіе сорта тканей, выдѣлываемыхъ въ селѣ Ивановѣ, производились крестьянами и продавались на базарѣ; высшіе сорта производились въ мануфактурахъ и капиталистически организованной домашней промышленности. Другое изслѣдованіе, относящееся къ этому же времени, отмѣчаетъ, что на сельскихъ базарахъ гораздо рѣже продавцами являются самостоятельные члены домашнихъ артелей, а по большей части рабочіе, зависимые отъ капиталиста (у котораго они покупаютъ сырье), которые только такимъ путемъ могутъ сбыть свой товаръ [3]).

На ряду съ сельскимъ базаромъ крестьяне могли сбывать излишекъ своего производства разъѣзжающимъ торговцамъ. Многіе крестьяне нажили капиталы разъѣздной торговлей (Hausierhandel), становились осѣдлыми торговцами и занимались уже только торговлей тканями [4]). И. Аксаковъ такъ характеризуетъ этихъ крестьянъ-торговцевъ: они „сами возятъ продавать за 1,000 верстъ и болѣе собственныя домашнія издѣлія, большею частью на собственныхъ лошадяхъ. Иногда какой-нибудь смышленый крестьянинъ, самъ фабрикующій, скупаетъ у своихъ односельчанъ, занимающихся съ нимъ однимъ дѣломъ, изготовленные ими товары и, вмѣстѣ со своими, везетъ ихъ на Украйну“ [5]).

---

[1]) *Max Weber.* Zur Geschichte der Handelsgesellschaften, Stuttgart, 1889, S. 53 ff.

[2]) „Вѣстн. Пром.“, 1858 г., стр. 103—121.

[3]) „Влад. Губ. Вѣд.“ 1853 г., декабрь, № 50, стр. 310—311.

[4]) „Влад. Губ. Вѣд.“ 1853 г., декабрь № 49, стр. 303—304 и № 50, стр. 310—311.

[5]) *И. Аксаковъ.* Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. С.-Пб., 1858 г. стр. 20, 163.

Тамъ, гдѣ сбытъ происходилъ въ крупныхъ размѣрахъ и направляется въ отдаленныя мѣстности, крестьянское домашнее производство попадало въ экономическую зависимость отъ скупщика и, такимъ образомъ, было „организовано капиталистически“—употребля обычную терминологію въ русской литературѣ—не менѣе, чѣмъ помѣщичья мануфактура или современная фабрика [1]).

Таково было развитіе Иванова, принадлежавшаго графу Шереметеву, центральнаго пункта владимірской промышленности: уже въ прошломъ столѣтіи тамъ были самостоятельные и даже богатые „крестьянскіе фабриканты“ [2]).

Мы видѣли выше, какъ неохотно соглашались помѣщики на волю своихъ крѣпосныхъ-фабрикантовъ. Еще болѣе неохотно соглашались они на продажу земли, на которой были построены фабрики [3]). Очень часто фабриканты, выкупившись на волю, должны были нанимать свои собственныя фабрики у собственника земли. Поэтому многіе фабриканты уходили изъ Иванова и основали предмѣстье Вознесенскъ, купивъ землю у сосѣдняго помѣщика.

Тамъ, гдѣ эволюція происходила такимъ образомъ, помѣщикъ былъ только получателемъ ренты, а не необходимымъ членомъ производства. Одинъ почеркъ пера законодателя могъ устранить его и несвободный крестьянинъ становился самостоятельнымъ промышленникомъ-скупщикомъ при домашнемъ производствѣ, мануфактуристомъ или современнымъ фабрикантомъ.

Какъ уже было сказано выше, средне-русское хлопчатобумажное производство развилось главнымъ образомъ изъ крестьянскаго производства. Сектантство подготовило для этого почву. Иваново было центральнымъ пунктомъ сектантства раньше, чѣмъ оно сдѣлалось центральнымъ пунктомъ промышленнаго района. Разсказываютъ, что даже крупные фабриканты стараго поколѣнія бросали дѣла, чтобы только принять участіе въ преніяхъ, которыя велись между предстаавителями государственной церкви и иновѣрцами. Съ необыкновенной запальчивостью они здѣсь отстаивали свои воззрѣнія, при чемъ пунктами спора были по большей части различные обряды. Въ 20-хъ годахъ они добились, наконецъ, разрѣшенія устраивать молельни, что свидѣтельствуетъ объ ихъ крайней настойчивости. Съ тѣхъ поръ рас-

[1]) Въ Шуѣ въ серединѣ прошлаго столѣтія существовалъ особый торговый дворъ, англичанъ. *Ordega* Gewerbepolitik Peters des Grossen, стр. 35. Тамъ же обозрѣніе архангельскаго вывоза, стр. 41.

[2]) *Я. Гарелинъ.* Городъ Иваново-Вознесенскъ. Шуя, 1890 г., стр., 247—260.

[3]) „Вѣстникъ Промышленности“, 1860 г., январь, стр. 247—260.

колъ потерялъ свой острый характеръ и постепенно исчезъ, по мѣрѣ того, какъ потомки этихъ фабрикантовъ стали ѣздить въ Москву и даже въ Англію и узнали большой свѣтъ; при этомъ, конечно, они не рѣдко лишались наслѣдія своихъ отцовъ [1]).

Значеніе сектантства для развитія промышленности вообще было немалое, что можно видѣть на извѣстномъ примѣрѣ квакеровъ. Положимъ, расколъ могъ временно задержать техническій прогрессъ, такъ какъ послѣдователи раскола избѣгали всего иноземнаго, какъ дьявольскаго измышленія; но съ другой стороны, онъ послужилъ школой для развитія индивидуальности, что вело за собой освобожденіе личности отъ прежняго подчиненія группѣ. По отношенію къ Россіи также примѣнимы слова Petty, что еретическіе ученія и богатство часто идутъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, весь Московскій и Владимірскій промышленный міръ, поскольку онъ состоитъ изъ мѣстныхъ аборигеновъ, воспитался на этой психологической основѣ, теперь, конечно, сильно развившейся.

Предпріятія городского купечества, основанныя для удовлетворенія потребностей правительства, оказались неспособными конкуррировать съ этой промышленностью, развившейся изъ крестьянскаго производства. Такъ, напр., въ 1720 году, одинъ голландецъ на деньги, данныя Петромъ Великимъ, основалъ мануфактуры для выдѣлки грубыхъ полотенъ въ Шуѣ, которая позднѣе сдѣлалась однимъ изъ главныхъ промышленныхъ центровъ. Объ участіи этого и другихъ подобныхъ предпріятій можно сказать очень немногое [2]); во всякомъ случаѣ не въ нихъ лежалъ зародышъ позднѣе столь могучаго развитія промышленности Владимірскаго округа. Гораздо большее значеніе имѣли такъ наз. „фабрики“—мануфактуры устроенныя по западно-европейскому образцу и покровительствуемыя государствомъ—для ознакомленія крестьянъ съ новыми техническими пріемами и новыми отраслями производства. Но то, чему крестьяне выучивались на этихъ „фабрикахъ“, они гораздо охотнѣе прилагали у себя дома, внѣ правительственнаго контроля и не платя пошлинъ [3]). Отсюда постоянныя жалобы „фабрикантовъ“, т. е. предпринимателей, записанныхъ въ купеческія гильдіи и платящихъ пошлины, на конкурренцію крестьянскаго производства. Въ чемъ заключалось преимущество послѣдняго, показываетъ слѣдующее предложеніе: „Желая

---

[1]) „Вѣстникъ Промышленности“ 1860 г., январь, стр. 247.

[2]) „Фабрики и другія промышл. заведенія Владим. губ“. Изд. Владимірскаго земства, 1890 г., стр. 29.

[3]) Отчетъ Департамента мануфактуръ и внутренней торговли за 1832 г. Цитировано у *Туганъ-Барановскаго*, стр. 223.

заключить деревенскую фабричную промышленность въ нѣкоторые предѣлы... они хотѣли бы подчинить ее правительственному надзору, учредить цехи, бракъ, свидѣтельствованіе и проч.“ [1]). Другіе проекты клонились къ тому, чтобы ограничить крестьянъ-производителей такимъ количествомъ пряжи, какое они сами въ состояніи были-бы выткать, и вмѣстѣ съ тѣмъ запретить имъ продавать пряжу другимъ. Однако эти проекты не были приняты правительствомъ; причина этого понятна, если принять во вниманіе, что въ крестьянскомъ производствѣ весьма были заинтересованы помѣщики, какъ получатели оброка.

Такимъ образомъ меркантилистическія „фабрики“ потонули въ морѣ крестьянскаго мелкаго производства; изъ него постепенно возникли новыя мастерскія („свѣтелки“), съ наемными рабочими; попадались уже ткацкіе мастера съ 5, 6 и 20 подмастерьями.

Въ этомъ „распаденіи фабрики“ ошибочно было бы видѣть техническія перемѣны и заключить отсюда объ особенномъ характерѣ экономическаго развитія Россіи по сравненію съ Западной Европой. Такъ наз. „фабрикантъ“ и крестьянинъ,—ткавшій у себя на дому,—работали при помощи одного и того же ручного ткацкого станка [2]). Скорѣе здѣсь дѣло шло только о перемѣщеніи классовъ: изъ рукъ помѣщика и купца-предпринимателя, работавшаго по заказамъ правительства, кормило промышленности переходило въ руки, тогда еще несвободнаго крестьянина, который—будучи въ собственномъ смыслѣ слова „кропателемъ“ (Pfuscher)—имѣлъ то преимущество, что работалъ, не стѣсняемый никакими „правилами и предписаніями“.

Точно также и на Западѣ свобода отъ меркантилистическаго покровительства по большей части не служила во вредъ, а скорѣе на пользу молодымъ отраслямъ промышленности. Не тѣ отрасли промышленности, о которыхъ пеклось меркантилистическое правительство, развились въ производства, имѣющіе теперь всемірное значеніе. Старѣйшее крупное производство Великобританіи—Ланкаширская промышленность развилась даже въ борьбѣ съ государствомъ.

III. Ивановское красильно-набивное производство.

Капиталистическое развитіе Владимірской промышленности чрезвычайно ускорилось тѣмъ, что еще очень рано произошелъ переходъ отъ льняной пряжи своего производства къ хлопчатобумажной ввозной пряжѣ. Такимъ образомъ, производительная семейная артель попала въ зависимость отъ

[1]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 221, 222.

[2]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 247.

торговаго капитала также и со стороны полученія сырого матеріала. Она попала, такъ сказать, между двумя жерновами, которые ее растерли. Торговый капиталъ овладѣлъ самымъ производствомъ: онъ сталъ руководить не только сбытомъ товара и поставкой сырья, но и вторгся даже въ самый прогрессъ производства. Пряденіе и красильное производство утратило свой характеръ крестьянскаго домашняго производства и организовалось по современной фабричной системѣ.

Въ Англіи прежде всего производство пряжи приняло форму крупной промышленности. На русской почвѣ пряденіе (хлопка) развилось позднѣе, но, какъ мы увидимъ далѣе, оно овладѣло потомъ всѣмъ производствомъ. До половины этого столѣтія русское хлопчатобумажное производство покоилось на ввозѣ заграничной пряжи. Какъ въ Англіи, такъ и во Владимірѣ оказалось, что грубые пальцы европейца вытѣснили искусныхъ восточныхъ пряхъ. Основой для тонкой восточной бумажной пряжи служилъ ленъ мѣстнаго производства, какъ и во всѣхъ старинныхъ европейскихъ бумаготкацкихъ производствахъ. Съ начала этого вѣка англійская машинная пряжа стала вытѣснять съ береговъ Волги восточную пряжу; континентальная система (Наполеона) этому мало помѣшала; англійская пряжа въ огромномъ количествѣ доставлялась путемъ контрабанды и даже подъ видомъ „Брабантской пряжи“ пользовалось тарифными льготами, предоставленными Франціи [1]).

Въ Россіи, напротивъ, современная фабричная промышленность развилась на почвѣ красильнаго и набивного производства. Она кореннымъ образомъ преобразовала Владимірскую промышленность. Въ ея интересахъ былъ переходъ отъ льна къ хлопку, болѣе поддающемуся обработкѣ краской.

Развитіе красильнаго производства произошло не безъ толчка извнѣ. Какъ и въ Англіи, въ Россіи хлопчатобумажная промышленность возникла благодаря сношеніямъ съ Индіей, которая Волжской водной системой связана съ центральной Россіей. По даннымъ, разбросаннымъ въ разныхъ источникахъ, мы можемъ возстановить развитіе этой отрасли промышленности [2]).

---

[1]) *Гарелинъ*, I, стр. 183, 185, 186.

[2]) „Вѣстникъ промышленности“ за старые годы. Далѣе,—„Историко-статистическій обзоръ русской промышленности“. С.-Пб., 1886 г., изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ.—Статьи Менделѣева въ изданіи того-же Департамента для Чикагской всемірной выставкѣ 1893 г. (С.-Пб., 1893 г.) Далѣе,—„Фабрики и другія промышленныя заведенія Владимірской губерніи“. Изданіе Владимірскаго Земства. Владиміръ, 1890 г.—*Гарелинъ*. Городъ Иваново-Вознесенскъ. Шуя, 1894 г.—*Эрисманъ*. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Московской губерніи. Москва, 1890 г.—Англійскія „Синія книги“ и, наконецъ, *М. И. Туганъ-Барановскій*. Русская фабрика. С.-Пб., 1897 г.

Уже давно по Волгѣ стали привозить пестрыя азіатскія ткани. Въ особенности привлекалъ сѣверянъ турецкій пурпуръ, которымъ персы и бухарцы умѣли окрашивать хлопчатобумажныя ткани. Промышленное превосходство юга рѣзко выражалось въ томъ, что сѣверяне вымѣнивали на продукты южной промышленности естественныя произведенія: рыбу, лѣсъ, хлѣбъ и т. д. Эта торговля имѣла довольно большое значеніе; она побудила восточныхъ купцовъ завести собственныя красильни въ Россіи. Русскіе тоже дѣлали попытки перенять яркую окраску восточныхъ тканей — первоначально крайне первобытнымъ способомъ, непрочной масляной краской и притомъ только съ одной стороны. Изобиліе воды и луговъ для бѣленія давало естественное преимущество приволжскимъ мѣстностямъ передъ Азіей [1]). Гарелинъ относитъ возникновеніе Ивановскаго красильнаго производства къ началу 18-го вѣка.

Заимствованіе западно-европейской техники дало русскимъ возможность побить своихъ восточныхъ учителей въ промышленности, какъ это было въ области военнаго искуства.

Около 1750 года владимірцы заимствовали способъ прочно окрашивать ткани съ нѣмецкой фабрики Леймана въ Шлиссельбургѣ. Въ 1772 году была уничтожена монополія набивать ткани, предоставленная меркантилистическимъ правительствомъ жителямъ столицы; вмѣстѣ съ тѣмъ владимірскіе крестьяне стали посылать своихъ сыновей въ Петербургъ учиться у нѣмцевъ; обученные рабочіе снова возвращались въ провинцію. Здѣсь также совершался переходъ городской мануфактуры, покровительствуемой правительствомъ и находившейся очень часто въ рукахъ иностранцевъ, въ нерегулированныя мелкія крестьянскія предпріятія, изъ которыхъ часто выростали крупнѣйшія крестьянскія красильныя мастерскія. На мѣсто употреблявшихся до того времени смываемыхъ красокъ стали примѣнять прочный способъ окрашиванія;—вмѣсто окрашиванія тканей на холоду стали примѣнять варку ткани въ краскѣ, чѣмъ достигается болѣе прочное ихъ соединеніе. Дальнѣйшее усовершенствованіе ситцепечатанія было введено военнопл'ѣнными 1812 года, вѣроятно, эльзасцами. Благодаря географическому положенію Владимірской губерніи и торговымъ связямъ съ Азіей и лучшему знакомству съ азіатскими вкусами, преимущество въ конкурренціи съ Петербургомъ оказалось на сторонѣ Владиміра [2]). Не смотря на это въ 20 и 30-хъ годахъ этого столѣтія техника производства во Владимірской губерніи была еще крайне примитивна. Набивали дере-

[1]) См. указанное выше изданіе Владимірск. земства, стр. 9.

[2]) *Гарелинъ*, стр. 142, 145, 200.

вянными станками и при этомъ примѣняли малеваніе, которое заимствовано было изъ старо-руской иконописи. Такихъ высоко оплачиваемыхъ ручныхъ набойщиковъ было тогда въ Ивановѣ до 7-ми тысячъ. Сравнительная дешевизна техническихъ приспособленій для набойки, позволяли многимъ изъ нихъ устроить собственныя заведенія [1]).

Ткани, которыя окрашивались и набивались, ввозились частью съ востока; въ теченіе всего прошлаго столѣтія по Волгѣ происходило довольно оживленное движеніе грузовъ вверхъ и внизъ. На ряду съ этимъ примѣнялись и туземныя хлопчатобумажныя ткани.

По описанію Гарелина, красильныя артели очень быстро оттѣснили своихъ сосѣдей, занимавшихся только ткачествомъ, и обезпечили господство своихъ хозяевъ—предпринимателей. Непосредственно связанное со сбытомъ товаровъ красильное производство развивалось на иной психологической основѣ: вмѣсто освященныхъ обычаемъ отношеній оно руководилось принципомъ наибольшей выгоды. Въ сферѣ торговли издавна установился принципъ—преслѣдовать собственную выгоду до крайнихъ предѣловъ, не связывая себя обычаями. Люди, принимавшіе непосредственное участіе въ торговлѣ, перенесли эти принципы и въ область промышленности. Ихъ сосѣди въ производительномъ процессѣ, которые были только промышленниками, сдѣлались ихъ жертвами: они попали въ полную экономическую зависимость отъ первыхъ; но скоро торговый духъ, овладѣвшій производствомъ, вызвалъ стремленіе къ возможно большему удешевленію производства и привелъ къ технической революціи—примѣненію машинъ.

Переходъ отъ мануфактуры къ фабрикѣ съ механическими двигателями совершился въ области ткацкаго производства только постепенно [2]).

Еще недавно константируетъ приведенный сборникъ владимірскаго земства рѣшительное паденіе домашняго ткачества хлопчатой бумаги (съ 1882—90 г. уменьшеніе на 64%). Конечно, этотъ процессъ компенсировался еще тѣмъ, что въ ткачествѣ льна механическое производство едва еще только вводится [3]).

Въ 1860 году были основаны три первыя механическія ткацкія фабрики во Владимірской губерніи.

Съ 1830 года большая часть Ивановскихъ красильныхъ заведеній, которыя всѣ возникли изъ крестьянскаго производства, стали переходить,

---

[1]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 213.

[2]) Первая механическая ткацкая фабрика въ Шуѣ возникла въ 1847 г. *Свирскій*. Фабрики и др. пром. завед. Владим. губ. Изд. Влад. Земства. Владиміръ, 1890 г., стр. 13.

[3]) *Свирскій*, стр. 27.

къ машинной набойкѣ, подъ давленіемъ возвышенія заработной платы ручныхъ набойщиковъ.

Во многихъ мѣстахъ Владимірской губерніи хлопчатобумажное ручное ткачество почти уже исчезло [1]).

Машины сначала приводились въ движеніе лошадиной силой, а позднѣе и паромъ. Стали выписывать изъ-заграницы красильныхъ мастеровъ и химиковъ. Въ качествѣ образца существовавшихъ тогда отношеній между ткацкимъ производствомъ, организованнымъ въ формѣ домашняго производства, и фабричнымъ красильнымъ производствомъ можетъ служить предпріятіе Баранова [2]), который, имѣя въ своемъ распоряженіи до тысячи домашнихъ ткачей, основалъ въ 1846 году въ Александровѣ, Владимірской губерніи, огромную красильную и ситценабивную фабрику. Характерна также для владимірской промышленности связь этого предпріятія съ азіатскими рынками. Товары продавались въ Хивѣ, Бухарѣ, Астрабадѣ и Тифлисѣ [3]). Такъ возникло на русской почвѣ первое самостоятельное крупное производство, имѣющее шансы въ будущемъ: фабричная набойка развилась на почвѣ домашняго ткачества и при ввозѣ пряжи. Краски для тканей, какъ раньше, такъ и теперь по преимуществу не русскаго происхожденія: большею частью Германія побиваетъ русское производство красокъ, несмотря даже на таможенную защиту, которой пользуется русское производство [4]).

Бросимъ взглядъ на положеніе хлопчатобумажнаго ткачества, которое лежало въ основѣ прогрессировавшаго красильнаго производства. Много разъ уже цитированный „Вѣстникъ Промышленности“ довольно ясно рисуетъ положеніе дѣлъ около 1860 года. Тканье производилось въ особыхъ крестьянскихъ свѣтелкахъ, гдѣ помѣщалось по 5, 10 и 20 ткацкихъ становъ. Владѣльцы свѣтелокъ или пользовались трудомъ членовъ семьи и наемныхъ рабочихъ или отдавали станы въ наемъ самостоятельнымъ деревенскимъ ткачамъ. Часть ткачей еще являются собственниками средствъ производства: они покупаютъ пряжу и продаютъ миткаль. Но большинство получаетъ уже пряжу отъ скупщиковъ. Но и въ этомъ случаѣ положеніе ткача еще не плохо. Его благосостояніе было обезпечено его земельнымъ надѣломъ, пока густота населенія не достигла извѣстнаго предѣла (при общинномъ землевладѣніи). Тамъ же описывается, какъ агенты хозяевъ-предпринимателей

---

[1]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 420.

[2]) *Свирѣскій*, стр. 15.

[3]) *Гарелинъ*, I т., стр. 201, 215, 216.

[4]) „*Вѣстникъ Финансовъ*“ отъ 5 февраля 1896 г., стр. 262.

разъѣзжали по деревнямъ; каждый стремился пріѣхать раньше, чтобы законтрактовать ткача, при чемъ большую роль здѣсь играла водка.

На ряду съ ткачами существовалъ цѣлый классъ предпринимателей, изъ которыхъ нѣкоторые давали работу тысячамъ пяти ткачей. По большей части они въ то же время владѣли машинными красильнями. Пряжу они получали отъ московскихъ торговцевъ, большею частью въ кредитъ на продолжительный срокъ, къ чему ихъ вынуждала необходимость оказывать многимъ своимъ покупателямъ на ярмаркѣ годовой кредитъ. Посредниками между ними и живущими по деревнямъ ткачами являются такъ называемые „комиссіонеры“. Эти комиссіонеры очень часто имѣли собственныя мастерскія, въ которыхъ они изготовляли пряжу для тканья. Плата, которую предприниматели брали за пряжу съ комиссіонеровъ, устанавливалась по общему соглашенію предпринимателей. Крупнѣйшіе предприниматели не сносились съ ткачами непосредственно [1]).

Далѣе, во Владимірской губерніи наблюдается то же явленіе, что и всюду: заработная плата ручныхъ ткачей падаетъ, ихъ положеніе ухудшается вслѣдствіе конкурренціи между ними еще задолго до введенія механическаго ткацкаго станка [2]). Чѣмъ хуже становится положеніе ткачей, тѣмъ болѣе они начинаютъ обманывать. Они продаютъ на сторону часть полученной пряжи, а чтобы восполнить недостающій вѣсъ ткани прибавляютъ муку, мѣлъ и т. д. Нерѣдко они получаютъ пряжу и задатокъ подъ вымышленной фамиліей и мѣстомъ жительства. Подобное положеніе дѣлъ было тѣмъ болѣе не выносимо, что помѣщики открыто потворствовали обманамъ своихъ крѣпостныхъ. Болѣе ловкіе обманщики заручались самой лучшей рекомендаціей отъ помѣщика, чтобы получить заказъ на работу у хозяина-предпринимателя; въ сообщеніи отмѣчается, что помѣщики довольно часто получали свой оброкъ изъ подобныхъ негласныхъ источниковъ. Въ вышеприведенномъ источникѣ, относящемуся къ 1860 году, убытокъ, который несли предприниматели, благодаря обманамъ ткачей, высчитывается въ 6% стоимости всего товара.

Слѣдствіемъ такого положенія вещей былъ переходъ къ машинному ткачеству при которомъ возможенъ лучшій контроль. При выходѣ изъ мастерскихъ рабочихъ обыскивали и благодаря этому обманы по большей части прекратились. [3])

[1]) Кромѣ „Вѣстника Промышленности“, см. еще „Reports by her Majestys Secretaries of Embassy on the Manufactures and Commerse of the Countrieus in which they reside“ № 8, 1865, Report by Lumley, p. 87.

[2]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 250 и мое „Grossbetrieb“. Leipzig, 1892, S. 41.

[3]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 253.

Правда, переходъ къ механическому тканью совершился лишь постепенно. Такъ, въ 1860 г. во Владимірской губ. существовало всего три механическихъ ткацкихъ фабрики. Однако, цитированное выше изданіе Владимірскаго земства для самаго недавняго времени отмѣчаетъ чрезвычайно быстрое паденіе ручного ткачества въ хлопчатобумажной промышленности (въ 1882—90 гг. уменьшеніе на 64%),—явленіе, наглядность котораго затемняется тѣмъ обстоятельствомъ, что механическая форма производства еще въ очень слабой степени проникла въ область льноткацкой промышленности. Во многихъ мѣстахъ Владимірской губерніи ручныя бумагопрядильни совсѣмъ уже исчезли съ лица земли.

Съ 50-хъ годовъ прогрессъ въ этой области состоялъ въ томъ, что заграничная пряжа стала вытѣсняться русской. Въ это время, еще какъ исключеніе, встрѣчаются уже красильныя фабрики, которыя имѣютъ собственныя бумагопрядильни. Такой примѣръ представляетъ собой предпріятіе Гарелина, который, начавъ съ красильнаго производства, постепенно перешелъ къ бумагопряденію и, наконецъ, и къ механическому ткачеству [1]). Въ 1863 году фабрика этой фирмы имѣла уже болѣе 21,000 веретенъ. Вообще же этотъ знаменательный процессъ происходилъ не во Владимірской, а въ Московской губерніи. Владиміръ долженъ былъ утсупить Москвѣ промышленное первенство, какъ нѣкогда уступилъ политическое.

Но даже часть старинныхъ владимірскихъ красильныхъ и набивныхъ фабричныхъ предпріятій передвинулась на западъ въ Московскую губернію вслѣдствіе ея болѣе выгодныхъ условій. Здѣсь были основаны фабрики, высоко стоящія въ техническомъ отношеніи, какъ, напр., Титова и Цинделя, съ цѣлымъ штабомъ эльзасскихъ техниковъ и мастеровъ. На этихъ фабрикахъ въ Россіи впервые былъ примѣненъ способъ химическаго отбѣливанія тканей. Въ этой мѣстности до сихъ поръ не могутъ забыть Рабенекской мануфактуры, которая первая стала красить эльберфельдскимъ способомъ. Эти фабрики подъ защитой высокихъ таможенныхъ пошлинъ и при высокихъ цѣнахъ, конечно, скоро достигли превосходныхъ результатовъ въ примѣненіи этого способа; уже на первой московской промышленной выставкѣ 1865 г. произведенія этой фабрики вызвали справедливое удивленіе одного агента манчестерской торговой фирмы [2]). Напротивъ, обыкновенныя красильныя и ситценабивныя фабрики въ большомъ количествѣ еще продолжаетъ существовать въ Ивановѣ.

[1]) *Scherer*, S. 452; Lumley, p. 85.
[2]) *Mitchell*, S. 36, 15.

IV. Московская прядильная промышленность [1]).

Красильщикъ побѣдилъ ткача, купецъ—крестьянина. Сила перваго основывалась на связи съ мѣстнымъ и азіатскимъ рынками. Теперь онъ долженъ былъ найти болѣе сильнаго противника, и именно заграницей, который, имѣя связи съ европейскимъ и американскимъ рынками, во всеоружіи коммерческихъ знаній и промышленной техники Запада вполнѣ олицетворялъ бы типъ современнаго промышленника.

Выше мы видѣли, какъ, опираясь на сбытъ, развилось крупное производство и поглотило крестьянское домашнее производство. Далѣе тотъ же процессъ происходилъ и со стороны ввоза сырья и закончился еще быстрѣе и еще болѣе блестящей побѣдой. Бумагопряденіе затмило своимъ значеніемъ красильное производство, Москва—Владиміръ.

Этотъ процессъ, въ результатѣ котораго европейскій импортеръ сталъ господствовать надъ всей областью производства былъ бы невозможенъ, если бы не утратила своего значенія азіатская торговля. Но азіатскій хлопокъ уступилъ мѣсто американскому. Климатическія условія здѣсь не играли никакой роли; въ послѣднее время установлено, что хлопокъ съ длиннымъ стеблемъ, даже высшихъ сортовъ, можетъ произрастать въ Закаспійской области. Причины здѣсь скорѣе экономическаго характера.

Азіатскій хлопокъ въ теченіи столѣтій воздѣлывался и собирался однимъ и тѣмъ же обычнымъ способомъ и обычнымъ же образомъ поддѣлывался. Производитель американскаго хлопка, наоборотъ, человѣкъ современный, одинъ изъ первыхъ товарныхъ производителей въ области сельского хозяйства вообще. Американскіе рабы работали для сбыта, а не такъ какъ азіаты для собственнаго потребленія, сбывая только излишекъ производства. Отсюда—техническій прогрессъ въ американскомъ производствѣ; американцами были изобрѣтены и введены машины для очистки хлопка, чтобы повысить его качество [2]). Американецъ былъ капиталистомъ, который въ то время былъ господствующимъ классомъ въ Союзѣ. Закаспійскій производитель, напротивъ, былъ крестьянинъ, сидѣвшій на своей парцеллѣ и находился, какъ и всякій другой крестьянинъ—индійскій, русскій и т. д.,

---

[1]) Этотъ очеркъ основанъ главнымъ образомъ на устныхъ и письменныхъ сообщеніяхъ московскихъ дѣловыхъ людей; этимъ объясняется небольшое число литературныхъ ссылокъ.

[2]) О денежно-хозяйственной организаціи при существованіи рабовъ-негровъ см. *Knapp.* Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit. Leipzig. 1891, S. 16 и passim.

въ рукахъ ростовщика, который буквально пилъ изъ него кровь [1]). Эксплуатація этого послѣдняго дѣлала крестьянина безучастнымъ къ успѣху работы, такъ какъ у него все равно выжимали весь его доходъ. Поэтому, азіатскій хлопокъ въ послѣднее время сталъ нечистымъ—съ примѣсью песка и воды—для увеличенія вѣса.

Такое же различіе существовало и въ условіяхъ торговли. Азіатскій хлопокъ доставлялся на мѣста ярмарокъ караванными торговцами; хлопокъ подвергался при этомъ вліянію погоды и каждую ночь разгружался съ верблюдовъ. Графъ Игнатьевъ разсказываетъ, что азіатскія караванныя дороги часто кажутся какъ бы покрытыми снѣгомъ отъ разбросаннаго пуха хлопка [2]). Напротивъ, американскій хлопокъ находился въ вѣдѣніи самой совершенной, по техническимъ пріемамъ, торговли во всемъ мірѣ. Какъ продуктъ капиталистическаго хозяйства, американскій хлопокъ доставлялся въ чехлахъ и притомъ одинаковаго качества, что требуется современнымъ машиннымъ производствомъ; азіатскій же часто оказывался на 50% негоднымъ къ употребленію.

По той же причинѣ и туземное европейское волокно, которое производилось и продавалось при менѣе развитыхъ денежно-хозяйственныхъ отношеніяхъ, долгое время оказывалось негоднымъ для машинной обработки [3]).

Съ переходомъ къ американскому сырому матеріалу импортеръ сдѣлался самымъ вліятельнымъ человѣкомъ во всей области промышленности. Только импортерская фирма была извѣстна европейскимъ банкамъ и крупнымъ хлопчатобумажнымъ торговцамъ, которые уклонялись отъ непосредственныхъ сношеній съ русскими, какъ ненадежными плательщиками. Напротивъ, московская импортная фирма тѣмъ легче находила кредитъ, что ея представитель былъ нѣмецкимъ и даже наполовину англійскимъ купцомъ, который имѣлъ многочисленныя личныя связи въ Германіи и Англіи. Къ тому же его превосходство основывалось на личныхъ особенностяхъ: выросши въ торговыхъ конторахъ Запада, онъ превосходилъ русскихъ знаніемъ товаровъ и знакомствомъ съ коммерческой техникой. Эти преимущества должны были имѣть тѣмъ большее значеніе, что въ московскомъ хлопчатобумажномъ дѣлѣ крайне запутанныя конъюнктюры, коле-

---

[1]) Англичане, по свойственному имъ эвфемизму, называютъ ростовщиковъ „банкирами“ („bankiers“). *Elstätter*. Die Silberwährung Indiens. 1895, S. 16.

[2]) *Lumley*, p. 103—109.

[3]) *Mitchell* говоритъ о Россіи, какъ о главной странѣ, вывозящей ленъ: „Cotton easier supplied than hemp and flax“. Также,—*Шереръ*, стр. 459.

банія цѣнъ и курсъ русскаго рубля рѣшали выигрышъ или потерю. Этому благопріятствовало также замерзаніе балтійскихъ портовъ зимой и обыкновеніе русскихъ фабрикантовъ закупать сырой матеріалъ въ огромныхъ количествахъ, отдаленность производителей отъ ливерпульскаго рынка, на которомъ устанавливались цѣны на хлопокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несовпаденіе во времени покупки сырого матеріала и продажи готоваго продукта. Только импортеръ могъ встрѣтиться со всѣми вытекающими отсюда затрудненіями: онъ одинъ былъ знакомъ и читалъ еженедѣльные бюллетени ливерпульскихъ маклеровъ, которые стали выходить съ 1805 года; только онъ понималъ ливерпульскую дѣловую терминологію, которая установилась уже давно для обезпеченія отъ риска. На этомъ покоилось превосходство, которое дало московской торговлѣ доминирующее положеніе надъ всей промышленностью.

Импортеръ первоначально былъ импортеромъ пряжи. Бумагопряденіе въ Россіи находилось еще въ младенческомъ состояніи. Развитіе его показываютъ слѣдующія цифры. По даннымъ Lumley'я и Менделѣева ввозъ съ Запада въ пудахъ въ среднемъ въ годъ составлялъ:

Года:	Сырой хлопокъ.	Бумажная пряжа.
1824—26	74,268	337,101
1836—38	282,799	626,713
1842—44	524,511	592,193
1848—50	1,329,031	281,520
1889—91	7,305,333	214,666.

Въ 40-хъ годахъ цифры измѣняются. Въ это время было отмѣнено запрещеніе вывоза изъ Англіи машинъ. До этого времени англійскіе рабочіе, которые были вызваны уже при первыхъ попыткахъ ввести бумагопряденіе въ Москвѣ, поневолѣ плохо работали съ непривычными имъ эльзаскими и бельгійскими прядильными машинами[1]). Съ устраненіемъ препятствія ввозъ хлопка и машинъ сильно возросъ. Путь возникновенія бумагопрядиленъ былъ обыкновенно слѣдующій: нѣмецкій импортеръ давалъ деньги русскому прядильному фабриканту, снабжалъ его англійскими машинами и мастерами, чтобы сдѣлать изъ него надежнаго потребителя хлопка. Еще и теперь подобныя отношенія, хотя и въ ослабленномъ видѣ, продолжаютъ существовать на московской биржѣ: торговля является по преимуществу нѣмецкой, промышленность—русской.

Было бы несправедливо забыть при этомъ одного человѣка, кото-

[1]) *Scherer*, S. 484.

рый достигъ въ описанной отрасли промышленности значенія всемогущаго короля, начавъ съ положенія комми-вояжера, безъ всякихъ средствъ. Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ приведенныхъ многочисленныхъ источниковъ не упомянуто объ этомъ интересномъ эпизодѣ исторіи русской промышленности. Этотъ эпизодъ не укладывается въ рамки ни либеральной, ни протекціонистской школьной доктрины, которая считаетъ конкурренцію неизбѣжнымъ уравнителемъ для нормальнаго положенія промышленности; только Mitchell упоминаетъ объ успѣхѣ стараго *Кнопа*, чтобы разразиться при этомъ поученіемъ моральнаго свойства: отсюда де можно было видѣть, что таможенная охрана ведетъ къ неестественной монополіи [1]). Дальнѣйшій очеркъ основанъ исключительно на свѣдѣніяхъ, добытыхъ мною лично. Въ противоположность моимъ прежнимъ занятіямъ въ Англіи, добываніе этихъ свѣдѣній было крайне затруднительно вслѣдствіе того что, коммерческая тайна имѣетъ въ Россіи большее значеніе, чѣмъ гдѣ-либо.

Исторія Людвига Кнопа, позднѣе „барона“, напоминаетъ исторію американца Rockefeller'a. Но Кнопъ былъ болѣе, чѣмъ Rockefeller,— онъ былъ Аркрайтомъ Россіи, творцомъ могущественной крупной промышленности тамъ, гдѣ до сихъ поръ промышленность покоилась главнымъ образомъ на сбытѣ излишка производства крестьянскихъ семейныхъ артелей. Нужно отрѣшиться отъ мелкобуржуазной ограниченности, чтобы не отказать въ удивленіи такому генію капитализма, какъ Кнопъ; но все таки непонятно, почему русская пресса недавно поносила память стараго Кнопа. Кнопъ очень давно сдѣлался русскимъ подданнымъ; его разнообразныя, многочисленныя способности пошли не на пользу его родины, онѣ были чистымъ выигрышемъ для Россіи.

Сынъ мелкаго торговца, Людвигъ Кнопъ родился въ Бременѣ 3-го августа 1821 года. До 14-ти лѣтъ онъ обучался въ бременскомъ коммерческомъ училищѣ и, тотчасъ по окончаніи курса, сдѣлался комми-вояжеромъ манчестерской торговой фирмы de Jersey, которая ввозила въ Россію англійскую пряжу. Только одинъ годъ провелъ молодой Кнопъ на этой родинѣ хлопчатобумажной индустріи; этого времени ему было достаточно, чтобы познакомиться не только съ дѣломъ вывоза пряжи, но съ самымъ производствомъ пряжи. Онъ изучилъ бумагопряденіе въ Рочдэлѣ, гдѣ тогда Джонъ Брайтъ былъ на высотѣ своей славы и піонеры только что начинали свое дѣло. Замѣтилъ ли вообще Кнопъ этихъ по-

[1]) *Mitchell*, S. 39.

слѣднихъ? Былъ ли въ то время Кнопъ адептомъ великаго квакера, — Кнопъ, который долженъ былъ рочдэльскую промышленность пересадить на почву запретительнаго тарифа и труда, находившагося на очень низкой ступени?

Въ 1839 года Кнопъ прибылъ въ Москву въ качествѣ помощника представителя фирмы de Jersey. Лица, которыя знали Москву около середины этого столѣтія, увѣряли меня, что Кнопъ обязанъ былъ своимъ успѣхомъ своему хорошему желудку. Онъ умѣлъ быть фамильярнымъ съ русскими купцами, пить съ ними водку, и пить шампанское по трактирамъ и у цыганокъ—вещь далеко не безопасная, такъ какъ нравы тогда были совершенно азіатскіе и довольно часто стаканы, бутылки и зеркала летѣли въ воздухъ. Кнопу дѣйствительно нуженъ былъ хорошій желудокъ; во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ при этомъ еще недурную голову. Онъ долженъ былъ отлично знать людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, чтобы войти къ нимъ въ довѣріе; на этой способности Кнопа кроется тайна его блестящей дѣловой карьеры.

Поворотнымъ моментомъ въ его жизни было знакомство съ С. В. Морозовымъ, крупнымъ московскимъ торговцемъ пряжи, который былъ основателемъ извѣстной Никольской мануфактуры. Онъ поручилъ Кнопу выписать изъ Англіи всѣ машины и принадлежности прядильной фабрики и мастеровъ и устроить близъ Москвы бумагопрядильню. Все удерживало неизвѣстнаго и неимѣвшаго средствъ молодого Кнопа отъ этого предпріятія, которое казалось невыполнимымъ. Еще существовало запрещеніе вывозить англійскія машины; сюда присоединялась еще долгосрочность и ненадежность кредита русскимъ, тогда какъ англичане требовали уплаты наличными. Но Кнопъ зналъ своихъ русскихъ и взялся за дѣло. Онъ работалъ безъ отдыха, причемъ его младшій братъ былъ въ Манчестерѣ его вѣрнымъ помощникомъ. Фирма de Jersey открыла кредитъ. Предпріятіе блестящимъ образомъ осуществилось и скоро за нимъ послѣдовали другія. Одинъ за другимъ русскіе торговцы пряжей становились прядильными фабрикантами при содѣйствіи Кнопа. Къ концу своей жизни Кнопъ уже могъ насчитывать 122 основанныхъ имъ прядильныхъ фабрики. Кнопъ нашелъ дорогу также и во Владиміръ и сталъ снабжать тамошнихъ фабрикантовъ механическими ткацкими станками и машинами для крашенія и набойки, а также и англійскими техниками. О немъ сложилась даже поговорка:

Нѣтъ церкви безъ попа
Нѣтъ фабрики безъ Кнопа [1]).

[1]) Третья созвучная строка содержитъ нѣсколько смѣлое утвержденіе:
„нѣтъ постели безъ клопа“.

Каковы же были экономическія причины чрезвычайнаго успѣха Кнопа? На ряду съ свободной конкурренціей въ исторіи промышленности чаще встрѣчаются попытки объединенія промышленности или въ видѣ соглашенія болѣе или менѣе равныхъ сторонъ, или въ видѣ единовластныхъ организацій. Организація послѣдняго типа связывается обыкновенно съ такимъ положеніемъ вещей, когда сырой продуктъ или полуфабрикатъ или даже вполнѣ готовый продуктъ долженъ проходить однимъ только опредѣленнымъ путемъ, что даетъ возможность одному господствовать надъ всей промышленностью. Для того, чтобы устроить свой „oil trust“ Rockefeller захватилъ въ свои руки всю систему сношеній, посредствомъ которыхъ нефть направлялась изъ области ея мѣстонахожденія на Западъ на заводы для очистки, въ центръ, гдѣ она потреблялась, и вывозные порты Востока. Кнопъ объединилъ въ своихъ рукахъ связь русской области производства съ родиной сырого продукта, машинъ и банковаго кредита. Его могущество въ особенности покоилось на томъ, что англійскія машины, которыя съ 40-хъ годовъ стали ввозиться въ Россію, должны были проходить черезъ его руки.

Уже вслѣдствіе незнакомства съ русскимъ рынкомъ, а также вслѣдствіе совершенно особаго характера кредитныхъ отношеній въ Россіи, англійскіе фабриканты машинъ не открывали русскимъ кредита. Здѣсь явился Кнопъ. Онъ одинаково былъ извѣстенъ и пользовался довѣріемъ какъ въ Манчестерѣ, такъ и въ Москвѣ. Тамъ онъ получалъ кредитъ, здѣсь онъ открывалъ кредитъ.

Въ Манчестерѣ Кнопу принадлежала монополія знанія Россіи. Поэтому крупнѣйшая англійская фабрика прядильныхъ машинъ Platt Brs. въ Ольдгэмѣ въ своихъ интересахъ заключила съ Кнопомъ слѣдующій договоръ: Кнопъ обязывался заказывать всѣ машины у Platt'a; съ своей стороны фирма Platt не должна была поручать кому-нибудь другому, кромѣ Кнопа, сбытъ своихъ произведеній въ Россію. На такихъ же основаніяхъ Кнопъ получалъ паровыя машины исключительно отъ Hick Hargreaves'a и съ 80-хъ годовъ отъ фирмы John Musgrave and Sons; приспособленія для электрическаго освѣщенія недавно получались отъ извѣстной фирмы Mather въ Сальфордѣ.

Обѣ стороны несли рискъ въ томъ договорѣ, который былъ заключенъ съ Platt'омъ. Охранительная система пошлинъ сулила богатые барыши, если техническія потребности русскихъ бумагопрядиленъ при ихъ основаніи и уже во время ихъ работы не удовлетворялись инымъ путемъ,—и поэтому англичане цѣнили Кнопа.

На основаніи близкаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Москвѣ и

лично зная московскихъ купцовъ, Кнопъ допускалъ очень льготныя условія расплаты для лицъ, состоятельность которыхъ была ему извѣстна; онъ никогда не стѣснялъ; онъ постоянно возобновлялъ векселя своихъ покупщиковъ. Никто не устраивалъ бумагопрядильни въ Москвѣ такъ дешево, какъ Кнопъ. Обезпеченіе своимъ требованіямъ онъ находилъ въ томъ, что бралъ въ свои руки постановку производства (Inbetribsetzung). Ни одинъ изъ прядильныхъ фабрикантовъ, которыхъ кредитовалъ Кнопъ, не имѣлъ возможности обнаруживать желаніе ввести техническія усовершенствованія на основанной Кнопомъ фабрикѣ. Это, конечно, было въ интересахъ промышленности, вызвавшей ихъ (фабрики) къ жизни; русскіе купцы были совершенно незнакомы съ особенностями этой послѣдней. Если Кнопъ въ общемъ скопировалъ Ланкаширъ, то въ этомъ нельзя видѣть ничего дурного. Въ ланкаширскихъ машинахъ воплощена была работа мысли болѣе, чѣмъ четырехъ поколѣній цѣлаго народа. Далѣе, въ томъ, что фабрики устраивались по опредѣленному шаблону, заключалось значительное сокращеніе издержекъ при учрежденіи тѣмъ, что избѣгали дорого стоющей выработки плана.

Говорятъ, конечно, что Кнопъ никогда не перенималъ сейчасъ-же новѣйшія изобрѣтенія и усовершенствованія: журналъ русскаго общества технологовъ недавно сдѣлалъ ему упрекъ за мнимую техническую отсталость [1]). Этотъ упрекъ основанъ на томъ ошибочномъ мнѣніи, по которому техническій прогрессъ дается самъ собою съ помощью теоретическихъ знаній и примѣра передовыхъ странъ. Во всѣхъ своихъ деталяхъ этотъ прогрессъ въ гораздо большей степени является слѣдствіемъ борьбы за барыши, которая съ особенною рѣзкостью свирѣпствуетъ на открытыхъ рынкахъ; техническій прогрессъ замедляется тамъ, гдѣ барыши и такъ достаточно высоки и вѣрны. Кнопъ и его кліенты не желали ничего другого, какъ пріобрѣтать деньги, и если правда, что они (о чемъ я не берусь судить) болѣе чѣмъ осторожно слѣдовали за ланкаширскими нововведеніями, то это только служитъ доказательствомъ того, что они и безъ того получали большія барыши, даже черезчуръ большіе. Недостатокъ, такимъ образомъ, лежитъ въ высокихъ таможенныхъ пошлинахъ, которыя, быть можетъ, полезны для возникающей промышленности, но не для промышленниковъ, которые ими пользуются.

Кнопъ не только самъ строилъ бумагопрядильни, которымъ онъ предоставлялъ кредитъ: онъ снабжалъ ихъ также заграничными, по большей

[1]) „Контора Кнопъ и ея значеніе“—статья, вышедшая также отдѣльной брошюрой.

части англійскими служащими и мастерами. Помощью ему послужилъ тотъ высокій физическій и умственный уровень, котораго достигло съ 60-хъ годовъ рабочее населеніе Ланкашира. Въ качествѣ мастеровъ Кнопъ могъ пользоваться простыми англійскими прядильщиками, въ качествѣ директоровъ — простыми англійскими мастерами. Если вышеупомянутый журналъ и въ этомъ упрекаетъ Кнопа, то слѣдуетъ подумать о томъ, что въ Англіи даже теперь бываетъ не иначе, что въ особенности директора бумагопрядиленъ — очень часто выходятъ изъ рабочаго класса и что на этомъ основывается чрезвычайное сокращеніе расходовъ на администрацію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенная сила Ланкаширской промышленности [1]). Что касается того, что эти представители рабочей аристократіи совершенно не знали условій русской работы, какъ утверждаетъ названный журналъ, то это довольно вѣроятно.

Даже послѣ того какъ фабрики начинали дѣйствовать, Кнопъ постоянно давалъ совѣты и имѣлъ тщательный техническій надзоръ за ними.

Почти всѣ безъ исключенія предпріятія, основанныя Кнопомъ, имѣли успѣхъ и часть изъ нихъ выросли въ огромныя крупныя производства. Собственники этихъ фабрикъ, нѣкогда мелкіе торговцы пряжей, были первыми фабрикантами новаго типа въ Россіи. Предпріятія Морозова, Малютина, Хлудова, Якунчикова и другихъ крупныхъ теперь независимыхъ предпринимателей,—всѣ они обязаны своимъ существованіемъ, какъ фабриканты, старому Кнопу.

Но Кнопъ былъ не только основателемъ русскаго бумагопряденія и совѣтникомъ фабрикантовъ; онъ былъ также для нихъ поставщикомъ пряжи и, какъ таковой, достигъ особеннаго могущества во время американской междоусобной войны, когда онъ одинъ имѣлъ хлопокъ и отъ него зависѣло существованіе каждой отдѣльной фабрики. Кнопъ былъ также банкиромъ своихъ кліентовъ, которымъ онъ открывалъ текущій счетъ и векселя которыхъ онъ принималъ. Это было очень важно при слабомъ развитіи банковаго дѣла въ Москвѣ; еще и теперь промышленники не пользуются банковымъ наличнымъ кредитомъ для текущихъ уплатъ, большею частью банки открываютъ кредитъ только подъ залогъ товаровъ, векселей или цѣнныхъ бумагъ; дисконтный процентъ при этомъ еще очень высокъ, 4—6%, при самыхъ лучшихъ дѣлахъ съ московскими товарами.

Далѣе, Кнопъ владѣлъ частью акцій большей части основанныхъ имъ

---

[1]) *Sinzheimer*. Die Tendenzen der Entwickelung des fabrikmässigen Grossbetriebs. München, 1894, S. 135 и мое: „Der Grossbetrieb“. S. 251

бумагопрядиленъ, часто участвовалъ въ правленіи (былъ директоромъ), обыкновенно же въ наблюдательномъ совѣтѣ, хотя бы только черезъ своихъ повѣренныхъ. Какъ и Rockefeller, онъ не рѣдко устраивалъ сдѣлки съ самимъ собой подъ другимъ именемъ. Даниловская, Вознесенская, Измайловская мануфактуры — были тотъ-же Кнопъ. Даже въ нѣсколькихъ Морозовскихъ предпріятіяхъ, которыя являются наиболѣе самостоятельными, Кнопъ былъ вліятельнымъ акціонеромъ. При чрезвычайной доходности основанныхъ Кнопомъ предпріятій достачно было часто нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы образовать резервный фондъ, который шелъ на увеличеніе числа веретенъ; Кнопъ въ такихъ случаяхъ получалъ новыя акціи за ранѣе предоставленный кредитъ.

Но могущество Кнопа имѣло еще болѣе прочныя основанія. Онъ имѣлъ возможность противопоставить москвичамъ могущественнаго конкуррента въ предѣлахъ таможенной охраны. Такое значеніе имѣло основаніе крупной Крэнгольмской мануфактуры перваго класса въ Нарвѣ. Если подъ „бумагопрядильней“ разумѣть не фирму, а комплексъ фабричныхъ зданій, то Нарвская бумагопрядильня, вѣроятно, величайшая во всемъ свѣтѣ; она имѣетъ болѣе 400,000 веретенъ и болѣе 2,000 ткацкихъ становъ. Она пользуется великолѣпнымъ Нарвскимъ водопадомъ, благодаря которому она при помощи турбинъ сберегаетъ нѣсколько тысячъ лошадиныхъ силъ. Положеніе мануфактуры при морѣ очень значительно удешевляетъ доставку каменнаго угля, хлопка, машинъ и строительнаго матеріала. Мануфактура представляетъ собой уголокъ Англіи на русской почвѣ. Только турбины нѣмецкаго издѣлія.

Дальновидность стараго Кнопа обнаружилась въ томъ, что онъ уже въ 1857 году купилъ водопадъ; въ 1860 году было закончено первое фабричное зданіе. Зданія построены исключительно изъ камня и желѣза; рабочія мастерскія обширны и высоки; сотрясеніе отъ машинъ крайне незначительно. Всѣ техническія улучшенія проникаютъ въ Россію черезъ Крэнгольмъ; уже въ 1863 году, по словамъ Scherer'а [1]), тамъ были въ дѣйствіи автоматическія чесальныя машины. Такимъ образомъ, упрекъ въ технической отсталости, который дѣлаетъ журналъ общества технологовъ предпріятіямъ, основаннымъ Кнопомъ, по отношенію къ Крэнгольмской мануфактурѣ такъ же несправедливъ, какъ и упрекъ за вредныя для здоровья рабочія помѣще-

[1]) *Scherer*, S. 497.

нія. Рабочія помѣщенія въ Крэнгольмѣ въ гигіеническомъ отношеніи могутъ считаться самыми лучшими во всей Россіи.

Также и трудъ поставленъ въ Крэнгольмской мануфактурѣ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ въ Москвѣ. Директоръ, англичанинъ изъ Блэкбурна, много лѣтъ управлявшій фабрикой, говорилъ мнѣ, что эстонскіе рабочіе, которые преобладаютъ въ Нарвѣ, которыми управлять гораздо труднѣе, чѣмъ русскими, и къ которымъ въ особенности нельзя примѣнять побои, такъ какъ они и сами могутъ побить—гораздо производительнѣе и, несмотря на болѣе высокую плату, дешевле; дѣйствительно, при моемъ посѣщеніи Нарвы въ январѣ 1893 года я нашелъ тамъ чрезвычайно благопріятныя условія производства и сбереженіе труда, котораго едва могутъ достигнуть хорошія нѣмецкія бумагопрядильни. Я записалъ слѣдующія цифры:

Пряжа № 32 (pair of mules) при 1512 веретенахъ		3 рабочихъ (1 прядильщикъ и 2 подручныхъ).
» № 35 » » » » 1552	»	
» № 40 » » » » 1996	»	

Прядильщикъ получаетъ при этомъ отъ 11—12 руб. въ недѣлю, такимъ образомъ скорѣе даже больше, чѣмъ наилучше оплачиваемый нѣмецкій прядильщикъ, о которыхъ я говорю въ своей книгѣ „Крупное производство“.—Съ 80-хъ годовъ число веретенъ значительно возросло,—признакъ увеличенія производительности труда,—число же рабочихъ уменьшилось. На 20,000 веретенъ приходится только одинъ смотритель (подмастерье, Aufseher); въ этомъ отношеніи Крэнгольмская фабрика, хотя и стоитъ позади Англіи, но ни въ какомъ случаѣ не уступаетъ Германіи. Высокое техническое совершенство Крэнгольмской фабрики можно видѣть также изъ того, что только здѣсь во всей Россіи съ успѣхомъ получается самая тонкая пряжа, какъ № 40 изъ египетскаго хлопка, при помощи чесальныхъ машинъ.

Относительно скорости движенія станковъ у меня записаны нижеслѣдующія цифры (январь 1893 г.), которая точно также только что достигаются на лучшихъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ фабрикахъ.

Ширина 1 аршинъ—220 ударовъ въ минуту.
» $1^1/_4$ » 200 » » »
» $1^1/_2$ » 180 » » »

При 2—3 станахъ одинъ ткачъ и на 50 становъ одинъ смотри-

тель [1]). Вообще можно считать, что издержки производства въ Крэнгольмѣ не больше, чѣмъ въ Германіи. Крэнгольмская мануфактура очень далеко опередила московскія бумагопрядильни. По даннымъ англійской „Синей книги“ [2]) уже съ 70-хъ годовъ превосходство это выражается слѣдующими цифрами:

Стоимость ежегоднаго производства на 1 рабочаго бумагопрядильни въ рубляхъ:

Въ Эстляндіи (Крэнгольмъ)	— 402
Въ Москвѣ.	146
Во Владимірѣ.	141

Владѣя такою высоко стоящей въ техническомъ отношеніи фабрикой, фирма Кнопъ могла устанавливать цѣны на пряжу для всей Россіи. Возможные конкурренты не были въ состояніи сбить эти цѣны, такъ какъ всѣмъ имъ производство обходилось дороже, чѣмъ Крэнгольмской мануфактурѣ. Но они не могли установить и цѣнъ высшихъ, чѣмъ Кнопъ, такъ какъ Кнопъ въ любое время могъ выбросить на рынокъ огромную массу товаровъ и побить каждаго конкуррента. Фактически Кнопъ получалъ лучшія цѣны, чѣмъ другіе (по моимъ свѣдѣніямъ по крайней мѣрѣ въ Крэнгольмѣ), такъ какъ его пряжа была лучше; какъ и вообще цѣны на отдѣльныхъ бумагопрядильняхъ нѣсколько разнятся, смотря по добротѣ пряжи и извѣстности (renommè) фирмы; Кнопъ устанавливалъ только извѣстный предѣлъ для цѣнъ. Три раза въ годъ ѣздилъ старый Кнопъ въ Москву, даже послѣ того какъ онъ сложилъ съ себя веденіе дѣлъ, чтобы установить цѣны на пряжу. Никто не продавалъ, прежде чѣмъ Кнопъ не назначалъ цѣну; ткачи просто „подписывались“. Мы можемъ наблюдать здѣсь различіе между Англіей и Россіей: въ Англіи готовая пряжа продается на наличныя, по колеблющемуся ежедневному курсу на Манчестерской биржѣ; въ Москвѣ прядильные фабриканты запродаютъ свой будущій товаръ въ кредитъ, часто на цѣлые мѣсяцы, при установленныхъ цѣнахъ.

Кнопъ постоянно держалъ русскихъ фабрикантовъ пряжи подъ нѣкоторымъ давленіемъ со стороны фабрикантовъ-ткачей. Но было бы ошибкой думать, что установленіе цѣнъ Кнопа сводилось только въ прибавленіи къ англійскимъ цѣнамъ таможенной пошлины. Такъ было только для пряжи

---

[1]) См. мое: „Grossbetrieb“. S. 5, 142—145.

[2]) „Reports respecting factories for spinning und weaving“ London, 1892, S. 95.

выше 60 номера, которая по большей части ввозилась. Для болѣе низкихъ номеровъ полное использованіе пошлинъ невозможно, и поэтому ввозъ изъ Англіи имѣетъ мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ. А именно, крестьянинъ до извѣстнаго времени имѣетъ средство защищаться отъ чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ, переходя къ шерсти и льну, которые онъ можетъ получать въ своемъ хозяйствѣ. Такъ, напримѣръ, во время американской междоусобной войны, въ Россіи было менѣе возможно, чѣмъ гдѣ-либо въ Западной Европѣ, возвышать цѣны на хлопчатобумажные товары за ихъ обычный уровень [1]). Это оружіе, конечно, начинаетъ измѣнять крестьянину, чѣмъ болѣе онъ начинаетъ распахивать свою землю для продажи хлѣба, чѣмъ болѣе онъ сокращаетъ овцеводство и чѣмъ болѣе продаетъ льна. Поэтому возрастаніе вывоза льна безъ увеличенія площади его культуры, исчезновеніе въ Южной Россіи конопляниковъ означаетъ побѣду московско-владимірской промышленности надъ крестьянами въ борьбѣ за цѣны [2]).

Къ своей смерти (1894 г.) Кнопъ былъ, безъ сомнѣніе, самымъ крупнымъ промышленникомъ Россіи. Его предпріятіе имѣло международное значеніе. Онъ имѣлъ конторы для закупки сырья въ Новомъ Орлеанѣ и Бомбеѣ. Когда русское правительство вмѣсто прежнихъ умѣренныхъ финансовыхъ пошлинъ на хлопокъ ввело высокія охранительныя пошлины, тогда Кнопъ появился въ азіатской области производства хлопка, хотя и однимъ изъ послѣднихъ, но зато въ скоромъ времени самымъ крупнымъ производителемъ. Фирма de Jersey, которая соединилась съ Кнопомъ, завѣдывала въ Манчестерѣ поставкой машинъ и пряжи, а главная московская контора (Кнопъ) руководила величайшей русской крупной промышленностью.

Кнопъ, навѣрное, не даромъ заботился о своихъ кліентахъ. Но факты показываютъ, что и его кліенты также разбогатѣли. Такимъ образомъ дѣятельность была полезной для Россіи. Не безъ основанія фирма опредѣляетъ свое положеніе, какъ „доброжелательной опеки“. Если я выше говорилъ о ея господствующемъ положеніи, то въ этомъ не заключается никакого упрека, какъ онъ связывается съ этимъ словомъ въ русской прессѣ, по большей

---

[1]) *Николай—онъ.* Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. С.-Пб., 1893 г., стр. 238—239.

[2]) *Шереръ*, стр. 522.

части еще враждебно настроенной противъ капитала. Къ чему стремится государственный человѣкъ и писатель, крупный банкиръ и крупный промышленникъ, западно-европейскіе профессіональные союзы (Gewerkvereine), какъ некъ господству надъ людьми? Появленіе Rockefeller'a и Кнопа, Штумма и Джона Бернса (John Burns) болѣе характерно для нашего времени, чѣмъ бѣгущіе отъ міра декаденты, вагнеріанцы; имѣя въ виду ихъ, совершенно непонятно, какъ одинъ современный философъ (Ницше) можетъ утверждать, что искони присущій людямъ инстинктъ господства теперь утраченъ ими.

Впрочемъ, и въ области промышленности судьба заботится о томъ, чтобы деревья не росли до неба. Монархическія положенія въ промышленности не бываютъ наслѣдственны; они основаны, какъ говорятъ, на двухъ глазахъ. Также и фирма Кнопа не наслѣдовала его опытности; тѣмъ болѣе ненужными кажутся голоса предостереженій, раздающіеся изъ русской прессы противъ капиталистическаго могущества дома Кнопъ.

Скоро послѣ смерти Кнопа произошло то, чего Кнопъ умѣлъ постоянно избѣгать: въ первый разъ отношенія фирмы къ московскимъ бумагопрядильнымъ фабрикантамъ сдѣлались предметомъ судебнаго разбирательства. Уголовный процессъ противъ Сергѣева былъ въ высшей степени сенсаціоннымъ. Интересъ этого процесса заключался не въ томъ, что обвиняемый самымъ грубымъ образомъ пытался обмануть фирму Кнопъ; интереснѣе было то, что можно изъ него было увидѣть отношенія между Кнопомъ и его кліентами, которыя до того времени не были разглашаемы.

Сергѣевъ былъ директоръ и главный акціонеръ Лапинской мануфактуры; главнымъ кредиторомъ былъ Кнопъ. Такъ какъ остальныя акціи были въ рукахъ ближайшихъ родственниковъ Сергѣева, то очевидно, что форма акціонернаго предпріятія была придана съ тою цѣлью, чтобы въ интересахъ главнаго кредитора, который далъ средства, отдѣлить частные долги Сергѣева отъ долговъ общества. Дѣйствительно Кнопъ велъ дѣла только съ обществомъ, но не съ Сергѣевымъ лично.

Отношенія между Лапинской мануфактурой и домомъ Кнопъ были типичными. Кнопъ построилъ на комиссію фабрику, снабжалъ ее хлопкомъ и пряжей и поручилъ ее наблюденію своихъ техниковъ. Онъ предоставлялъ также мануфактурѣ текущій кредитъ. Его обезпеченіе состояло въ томъ, что большая часть акцій мануфактуры находилась у него въ видѣ залога; сохраняясь въ кассѣ Кнопа, онѣ не подлежали распоряженію собственника. Подобнымъ же образомъ векселя мануфактуры находились въ конторѣ Кнопа и онъ вѣдалъ претензіи своего должника. Представитель фирмы Кнопъ мнѣ любезно сообщилъ, что такой порядокъ существовалъ

„уже давно, прежде чѣмъ произошелъ кризисъ съ мануфактурой и при полномъ согласіи съ управленіемъ".

Со времени своей женитьбы Сергѣевъ сталъ вести расточительную жизнь и совершенно забросилъ фабрику. Въ августѣ 1889 года претензіи фирмы Кнопъ къ мануфактурѣ достигали 1,200,000 рублей, остальные долги—200,000 рублей; активъ въ $1^1/_2$ милліона рублэй. Въ этотъ критическій моментъ фирма Кнопъ рѣшила требовать уплаты по своимъ претензіямъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ полнаго удовлетворенія. Сергѣевъ отпарировалъ ударъ уголовнымъ преступленіемъ. Вслѣдствіе оплошности одного бухгалтера Кнопа онъ сумѣлъ унести книгу съ своими акціями изъ хранилища своего кредитора. Теперь ему нечего было опасаться; онъ бралъ изъ дѣла все, что можно было превратить въ деньги; готовые товары были наскоро проданы и сдѣлана была даже попытка взять изъ имущества общества страховую сумму въ 200,000 рублей путемъ передачи женѣ Сергѣева.

Интересна рѣчь защитника Сергѣева, который старался представить Кнопа эксплуататоромъ, а Сергѣева—жертвой его эксплоатаціи. Если бы Кнопъ назвалъ себя комиссіонеромъ Сергѣева, то это была бы такая же скромность, какую обнаруживалъ князь Бисмаркъ, который довольствовался скромнымъ названіемъ „честнаго маклера" въ то время, когда онъ былъ вершителемъ судебъ Европы. Можно сказать тѣмъ не менѣе слѣдующее: зависимость навѣрное существовала, но не безъ достаточнаго основанія. Такъ какъ безъ Кнопа Лапинской мануфактуры не существовало бы и у Сергѣева не было бы средствъ для расточительной жизни. А мануфактура еще въ теченіе только 12-ти лѣтъ выдала 982,952 рубля дивиденда на акціи.

Но уже это послѣднее обстоятельство указываетъ причины, которыя должны были рано или поздно привести къ паденію могущества фирмы Кнопъ. Старый Кнопъ оказывалъ кредитъ почти всегда обстоятельнымъ дѣловымъ людямъ, съ солидными наклонностями, если и не во всѣхъ случаяхъ онъ могъ обезпечить имъ такихъ же женъ. При огромныхъ прибыляхъ его кліенты мало-по-малу достигали такого положенія, что могли отдѣлаться отъ своего патрона. Имѣло значеніе и то, что подросло молодое поколѣніе, которое уже не было связано съ фирмою Кнопъ личными отношеніями. Положимъ еще недавно, русскіе прядильные фабриканты, по случаю процесса Сергѣева, въ запискѣ министерству финансовъ признали единогласно полезную дѣятельность дома Кнопъ. Но это не помѣшало развитію фактовъ: русскіе фабриканты „оперились", фирма Кнопъ

стала для нихъ ненужной. Но въ области промышленности, какъ и въ политикѣ, затишье означаетъ регрессъ.

Но еще и по другой причинѣ московскіе прядильные фабриканты становятся независимыми отъ Кнопа. Москва постепенно дѣлается членомъ всемірной кредитной сѣти; вмѣстѣ съ этимъ устранилось особое положеніе импортной фирмы, снабжавшей кредитомъ. Теперь только мелкіе промышленники, которые твердо держатся стариннаго образца, продолжаютъ покупать у импортера по русской валютѣ. Въ этихъ случаяхъ импортеръ обезпечиваетъ себя на долгій срокъ, часто на 9 мѣсяцевъ, противъ колебаній цѣнъ хлопка и курса рубля съ помощью двойной срочной сдѣлки; онъ назначаетъ своему покупателю самостоятельно цѣну, естественно обезпечивъ себя отъ риска и получая постоянно значительную прибавку, что бываетъ всегда, гдѣ сталкиваются купецъ и не купецъ.

Гораздо чаще бываетъ, что промышленникъ, покупая у импортера, принимаетъ на себя обезпеченіе противъ колебаній валюты. Но и въ этомъ случаѣ импортеръ еще является самостоятельнымъ и могущественнымъ контрагентомъ по отношенію къ промышленнику, такъ какъ этотъ послѣдній не имѣетъ кредита у заграничныхъ ливерпульскихъ или американскихъ фирмъ и вслѣдствіе этого не можетъ обойтись безъ московскаго импортера.

Могущество импортера было сильно поколеблено тѣмъ, что крупнѣйшія промышленныя предпріятія средней Россіи стали извѣстны въ Европѣ и стали тамъ пользоваться кредитомъ;—это ускорилось еще навѣрное тѣмъ, что извѣстнѣйшіе фабриканты стали посылать своихъ сыновей въ Западную Европу, гдѣ они усвоивали себѣ въ тамошнихъ конторахъ, въ особенности въ Манчестерѣ, коммерческую технику Запада; многіе молодые фабриканты Москвы и Владиміра бѣгло говорятъ по англійски. Какъ только русскіе фабриканты завязали сношенія съ западно-европейскими банкирскими конторами, которыя стали принимать ихъ векселя, они получили возможность заключать сдѣлки на Западѣ на собственное имя. Въ настоящее время очень многія московскія фирмы закупаютъ прямо въ Америкѣ; въ такомъ случаѣ импортеръ нисходитъ до роли простого агента, и долженъ былъ довольствоваться скромнымъ вознагражденіемъ.

Если, такимъ образомъ, русская хлопчатобумажная промышленность получила возможность постепенно освободиться изъ положенія должника фирмы Кнопъ, если монопольное положеніе импортера пришло къ концу, то все же фирма Кнопъ не утратила своего значенія и пользы для дальнѣйшаго расширенія промышленности, какъ фирма, хорошо знакомая съ дѣломъ и могущая ссудить капиталомъ. Еще теперь хлопчатобумажная промышлен-

ность средней Россіи идетъ быстрымъ темпомъ впередъ, главнымъ образомъ благодаря кредиту, которымъ она пользуется у фирмъ, поставляющихъ машины, а среди этихъ фирмъ — Кнопъ еще стоитъ на первомъ мѣстѣ, хотя уже не безъ конкуррентовъ.

Эта дѣятельность фирмы Кнопъ является тѣмъ болѣе важной, что еще теперь достать въ Москвѣ капиталъ для основанія промышленнаго предпріятія—сопряжено съ большими трудностями. Привиллегированные банки земельнаго кредита не имѣютъ права оказывать кредитъ промышленнымъ предпріятіямъ. Ихъ ссуды выдаются исключительно подъ обезпеченіе земли и строеній. Частный же кредитъ (реальный) очень дорогъ (по меньшей мѣрѣ 10—12%), вслѣдствіе отсутствія нормъ ипотечнаго права, которыя установили бы принципъ публичности и пріоритетъ. Прежніе долги, лежащіе на имуществѣ, трудно привести въ извѣстность и владѣлецъ первой закладной не обезпеченъ отъ завладѣнія имуществомъ позднѣйшими залогопринимателями. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо промышленность существуетъ съ помощью эмиссіонныхъ банковъ. Это дѣлается по большей части слѣдующимъ образомъ: акціи (части, паи) дѣлятся между лично извѣстными другъ другу членами общества или основателями предпріятія; затѣмъ, чтобы достать остальныя средства, выпускаютъ облигаціи; банки выпускаютъ эти облигаціи или принимаютъ ихъ въ залогъ. Банки при этомъ получаютъ отъ 10—20% прибыли съ номинальной стоимости бумагъ.

Извѣстно, что въ настоящее время банки получаютъ львиную долю въ развивающейся русской промышленности и ихъ прибыль, по даннымъ „Вѣстника Финансовъ“, стоитъ на высотѣ прибылей акціонерныхъ промышленныхъ предпріятій. Фирма Кнопъ до сего времени замѣняла въ области хлопчатобумажной промышленности дѣятельность этихъ эмиссіонныхъ банковъ. И въ этомъ лежитъ ея заслуга, такъ какъ она дѣйствовала успѣшнѣе этихъ банковъ. Ея собственныя выгоды отъ этого не уменьшаютъ ея заслуги. Причина лежитъ въ недостаткѣ капиталовъ, что создаетъ монопольное положеніе для того, кто можетъ предоставлять капиталы—положеніе, которое можетъ быть устранено только съ теченіемъ времени и, въ особенности, вслѣдствіе болѣе значительнаго прилива за-граничныхъ капиталовъ.

Каковы же были результаты всей жизни Кнопа? Славянофилы утверждали, что въ Россіи нѣтъ партій въ западно-европейскомъ смыслѣ. Они были правы. Въ основѣ западно-европейскихъ партій лежатъ экономическіе интересы; такія партіи возможны только при существованіи мѣноваго хозяйства, такъ какъ при натуральномъ хозяйствѣ отношенія

производителей не затрогиваются экономической политикой и поэтому у нихъ не возникаетъ стремленія на нее воздѣйствовать. Когда въ русское земледѣліе стали проникать мѣновыя отношенія, то его представители—помѣщикъ-дворянинъ и крестьянинъ оказались по духу дѣтьми стараго времени; они не стали партіей. Но обособленіе отъ Запада, котораго добивались славянофилы,—которое въ экономической области называется таможенной защитой,—привело опроверженіе положенія славянофиловъ. Подъ заботливымъ попеченіемъ Кнопа выросла молодая и энергичная экономическая партія. Постепенно выходя изъ-подъ вліянія Кнопа, ея представители являются уже теперь на русской почвѣ ядромъ первой партіи въ западно-европейскомъ смыслѣ, партіей, значеніе которой тѣмъ больше, чѣмъ болѣе въ странѣ преобладаетъ натуральное хозяйство и, чѣмъ она бѣднѣе.

V. Издержки производства въ Москвѣ и Западной Европѣ.

Описывая исторію англійской хлопчатобумажной промышленности я старался указать самыя характерныя черты развитія западно-европейской промышленности [1]). Я сводилъ ихъ къ двумъ основнымъ фактамъ: во-первыхъ, *возрастаніе географической и капиталистической концентраціи промышленности при спеціализаціи ея продуктовъ;* во-вторыхъ, *возрастающее замѣщеніе труда капиталомъ, при уменьшеніи затраты труда на единицу продукта, при увеличеніи заработной платы и уменьшеніи рабочаго дня.* Интересно провѣрить эту схему на фактахъ экономической жизни восточной Европы, которая сложилась совершенно иначе; дѣйствительно, какъ мы видѣли, оказывается цѣлый рядъ отклоненій: молодая русская крупная промышленность прямо начинаетъ съ тѣхъ особенностей, которыя на Западѣ были достигнуты только постепенно; въ то же время не наблюдается дальнѣйшаго развитія въ этомъ направленіи, но частью даже регрессивное движеніе. Это кажущееся противорѣчіе станетъ намъ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе два обстоятельства, которыя рѣзко отличаютъ Россію отъ За-

---

[1]) „Der Grossbetrieb, ein wirthschatlicher und sozialer Fortschritt". Leipzig, 1892. Эта книга переведена на англійскій языкъ: „The Cotton trade in England and on the Continent". Manchester., 1895; на французскій: „La grande industrie. Paris, 1891. Затѣмъ появился итальянскій переводъ и русскій: „Крупное производство" (С.-Пб. 1897 г.) подъ редакціею и съ предисловіемъ моего друга *П. Б. Струве.*

пада: съ одной стороны, *колоніальный характеръ русской промышленности* и связанная съ нимъ *дороговизна капиталовъ*, *а также средневѣковой складъ народной психологіи* и соотвѣтственныя ей *особыя условія промышленнаго труда*.

Въ средней Россіи веретено стоитъ въ три и четыре раза дороже, чѣмъ въ Англіи. Алянчиковъ, на засѣданіи „Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“ 3-го декабря 1895 года, сообщилъ слѣдующія цифры, которыя довольно близко совпадаютъ и съ данными другихъ авторовъ, какъ, напримѣръ, Менделѣева:

На 1 веретено приходится:

Стоимость машинъ, котловъ	15 руб.	$59^1/_2$ коп.
Казармы для рабочихъ	8 »	$27^1/_2$ »
Фабричныя зданія	7 »	$70^1/_2$ »
Дороги	1 »	56 »
Всего. .	33 руб.	$13^1/_2$ коп.

Въ Англіи же веретено стоитъ около 10 рублей и менѣе.

Сообразуясь съ выставленными выше положеніями, посмотримъ теперь, какой степени достигла концентрація капиталовъ въ русской промышленности.

1. На Западѣ крупныя промышленныя предпріятія развились постепенно изъ среднихъ и мелкихъ. Въ Россіи крупное производство возникло сразу по волѣ крупныхъ капиталистовъ. Подобное же явленіе, какъ мы увидимъ ниже, имѣло мѣсто и въ желѣзодѣлательной промышленности. Такимъ образомъ развитіе русской промышленности началось съ значительной уже концентраціи капиталовъ. Если даже оставить въ сторонѣ предпріятіе Кнопа въ Нарвѣ, то все-таки оказывается, что среднее число веретенъ на фабрику въ Москвѣ и Владимірѣ больше, чѣмъ въ Англіи и Германіи. Въ то же время въ Россіи не наблюдается такого непрерывнаго роста крупнаго производства, какъ въ Западной Европѣ.

Поэтому вопросу изслѣдователь попадаетъ въ особое положеніе, такъ какъ два извѣстныхъ русскихъ экономиста дѣлаютъ противоположные выводы изъ оффиціальной статистики и подкрѣпляютъ ихъ цифрами. Я лично не имѣю возможности оцѣнить наличный статистическій матеріалъ. Поэтому предоставляю слово обоимъ авторамъ.

Карышевъ утверждаетъ [1]), что за изслѣдуемый имъ періодъ (1885—91

[1]) *Н. Карышевъ*. Народно-хозяйственные наброски. Русская фабрично-заводская промышленность въ 1885—1891 г.г. „Русское Богатство“, 1894 г., № 11 и 12. Оффи-

г. г.) размѣръ фабричныхъ предпріятій въ среднемъ уменьшился, что число мелкихъ и среднихъ предпріятій возросло сильнѣе, чѣмъ число крупныхъ, и что въ ростѣ крупныхъ предпріятій произошла остановка. Это явленіе имѣетъ мѣсто въ трехъ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности, стоимость производства которыхъ составляетъ 84% всего производства русской крупной промышленности. По даннымъ оффиціальной статистики стоимость производства въ среднемъ на 1 фабрику составляла въ тысячахъ рублей:

	1885 г.	1891 г.
Въ прядильно-ткацкой промышленности	145	137
Въ металлической промышленности	79	86
Въ произв. средствъ питанія (мукомольн., сахарн., викокурен. и проч.)	46	33

Туганъ-Барановскій утверждаетъ обратное; по цифрамъ, приводимымъ имъ, положеніе Карышева оказывается болѣе, чѣмъ сомнительнымъ.

Во всякомъ случаѣ, Карышевъ не правъ по отношенію къ двумъ отраслямъ крупной промышленности, которыя обложены акцизомъ, и въ статистикѣ которыхъ поэтому правительство заинтересовано не только платонически [1]).

Но если бы даже положеніе, выставленное Карышевымъ было справедливо, то все-таки неправиленъ тотъ выводъ, который дѣлаетъ отсюда представитель націоналистической экономіи, а именно-будто капитализмъ въ Россіи не имѣетъ подходящей почвы и никогда не достигнетъ такого развитія, какъ въ Западной Европѣ. Напротивъ, это обстоятельство, если бы оно соотвѣтствовало дѣйствительности, могло бы означать возраста-

---

ціальная статистика, конечно, оставляетъ достаточно мѣста для сомнѣній, хотя бы уже потому, что понятіе „фабрика“ довольно неопредѣленно. Къ тому же въ это время наблюдалось общее паденіе товарныхъ цѣнъ. — *Туганъ-Барановскій*. Русская фабрика. С.-Пб., 1897 г. стр. 352—356.

[1]) Въ 1869 г. было 4,300 винокуренныхъ заводовъ въ Россіи, въ 1887/88—только 2,139; въ концѣ 60-хъ годовъ производительность 1 завода составляло въ среднемъ—16,900 ведеръ, 20 лѣтъ спустя—41,300 ведеръ.—*Янжулъ*. Начала финансовой науки. С.-Пб., 1890 г., стр. 456.

Въ 1882/83 г. существовало 237 сахарныхъ заводовъ съ производствомъ въ $17^1/_2$ милліон. пудовъ сахара, въ 1893/94—226 заводовъ съ производствомъ свыше 35 милл. пудовъ.—*Кашкаровъ*. Главнѣйшіе результаты финанс. хозяйства 1885—1894 гг., С.-Пб. 1895 г., стр. 81.

ніе капитализма въ Россіи. Капиталъ становится дешевле; монопольное положеніе немногихъ учрежденій, снабжавшихъ кредитомъ, пошатнулось; предпринимательская горячка растетъ, многіе начинаютъ принимать участіе въ промышленной борьбѣ. Русская промышленность утрачиваетъ свой колоніальный характеръ.

Точно такъ же вначалѣ, при кредитныхъ сношеніяхъ Западной Европы съ отдаленными и мало культурными странами фигурируютъ болѣе крупныя суммы, такъ какъ кредитомъ пользуются только крупнѣйшія фирмы этихъ странъ; но чѣмъ болѣе развиваются кредитныя сношенія съ Европой, чѣмъ, слѣдовательно, болѣе развивается въ странѣ капитализмъ, тѣмъ болѣе на ряду съ крупными предпріятіями на аренѣ промышленности начинаютъ появляться и болѣе мелкія предпріятія.

2. Значительная концентрація капиталовъ въ русской промышленности объясняется также и тѣмъ, что въ русской промышленности болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Западной Европѣ, въ однихъ и тѣхъ же предпріятіяхъ „комбинированы“ различныя отрасли производства. Я употребилъ этотъ терминъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ весьма удачно установленъ у Sinzheimer'a [1]), и понимаю подъ нимъ объединеніе различныхъ стадій одного и того же производства и вспомогательныхъ производствъ въ одномъ предпріятіи: въ одномъ и томъ же предпріятіи производятся—полуфабрикатъ, вспомогательный матеріалъ, машины, модели и т. д., которыя необходимы для окончательной выдѣлки фабриката. Такое объединеніе уменьшаетъ число мѣновыхъ сношеній въ производственномъ процессѣ. Такое „комбинированное“ производство выступаетъ на сцену тамъ, гдѣ одна изъ сторонъ въ этихъ мѣновыхъ сношеніяхъ оказывается несравненно слабѣе другой и, вслѣдствіе этого, ей приходится вести производство въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ болѣе сильной, которая и включаетъ въ число своихъ предпріятій и это производство. Въ Россіи это имѣетъ мѣсто въ ткацкомъ производствѣ, потому что, какъ мы видѣли, ткацкій фабрикантъ находится въ зависимости отъ фабриканта пряжи, который пользуется монополіей назначенія цѣнъ. Поэтому у фабриканта пряжи, который ткетъ собственную пряжу, издержки производства гораздо меньше, нежели у ткацкаго фабриканта, работающаго изъ покупной пряжи. Къ тому же предпріятія, въ которыхъ соединены пряденіе и ткачество, не подвергаются той опасности, сопряженной съ колебаніями цѣнъ на пряжу, которая въ Рос-

[1]) *Sinzheimer*. Über die Grenzen der Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebes. Stuttgart, 1893, S. 20.

сіи тѣмъ больше, что покупка пряжи и продажа готовой ткани отдѣлены другъ отъ друга большимъ промежуткомъ времени.

По даннымъ уже нѣсколько разъ цитированнаго сборника Владимірскаго Земства, изданія 1893 года, уже тогда всѣ бумагопрядильни Владимірской губерніи имѣли собственныя ткацкія фабрики; эти весьма крупныя предпріятія находятся въ западной части губерніи, смежной съ Московской, бумагопрядильни которой точно такъ же „комбинированы“ съ ткацкими фабриками. Напротивъ, болѣе мелкія ткацкія фабрики, съ небольшимъ капиталомъ и дурно организованныя, которыя имѣютъ своимъ центральнымъ пунктомъ Иваново, въ восточной части Владимірской губерніи, находятся въ стѣсненномъ положеніи и частью даже въ полной зависимости отъ своихъ поставщиковъ пряжи [1]). По приблизительному разсчету „комбинированныя“ крупныя предпріятія Московской и западной части Владимірской губерніи приносятъ 15—20% на затраченный капиталъ, тогда какъ болѣе мелкія ткацкія фабрики восточной части Владимірской губерніи, работающія изъ покупной пряжи, только 7—10%. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи европейскій высадокъ, который искусный садовникъ пересадилъ изъ Европы въ Москву, одерживаетъ верхъ надъ болѣе старой, самостоятельно развившейся Владимірской промышленностью.

Въ противоположность средней Россіи, гдѣ въ комбинированныхъ предпріятіяхъ издержки производства меньше, чѣмъ въ не комбинированныхъ, въ Англіи пряденіе и ткачество, раньше связанныя въ однихъ предпріятіяхъ, распались на отдѣльныя предпріятія. Съ технической стороны такое раздѣленіе представляетъ преимущество, такъ какъ руководитель предпріятія можетъ тогда всѣ свои знанія и средства направить въ одну сторону; коммерческихъ основаній для этого соединенія тамъ не существуетъ, такъ какъ продажа пряжи на биржѣ уравниваетъ шансы прядильщика и ткача, и рискъ, связанный съ колебаніемъ цѣнъ, меньше уже по той причинѣ, что хлопокъ и пряжа проходятъ черезъ фабрику въ продолженіе всего нѣсколькихъ дней [2]).

Если ужъ связь пряденія съ ткачествомъ означаетъ слабое развитіе рыночныхъ отношеній, то обычное въ Россіи соединеніе въ одномъ

---

[1]) *Свирскій.* Фабрики и другія промыш. завед. Влад. губ. Изд. Влад. Зем. 1893 г., стр. 18—21.

[2]) По вопросу о комбинаціи пряденія и ткачества, его преимуществахъ и недостаткахъ, см. мое: „Крупное производство“, рус. пер., стр. 89, а также,—*Martin.* Schmollers Jahrbuch. Band XVII, S. 674 и мое возраженіе ему тамъ же, стр. 1228, и, наконецъ, *Sinzheimer*, S. 21, 26, 172.

предпріятій крупнаго хлопчатобумажнаго производства со всѣми вспомогательными и побочными производствами — есть признакъ слабаго развитія окружающей экономической жизни. Это относится къ производству машинъ, какъ, напр., во всемъ Владимірѣ нѣтъ ни одной хоть сколько-нибудь значительной машинной фабрики, точно такъ же и къ другимъ производствамъ, которыя производятъ средства существованія рабочихъ и которыя вслѣдствіе особеннаго положенія фабричнаго труда въ Россіи сдѣлались необходимы, какъ, напр., хлѣбопекарни, бойни, мелочныя лавки, бани и пр. [1]). Отпаденіе всѣхъ этихъ производствъ сдѣлается возможнымъ при дальнѣйшемъ сосредоточеніи промышленныхъ предпріятій въ городахъ и при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, чему до сихъ поръ мѣшало преобладаніе древеснаго отопленія.

Въ русской хлопчатобумажной промышленности, какъ, вѣроятно, и во всей русской промышленности, на ряду съ значительной „комбинированностью“ производствъ замѣчается слабая спеціализація продукта, а въ этомъ послѣднемъ и проявляется, главнымъ образомъ, промышленный прогрессъ. Русскія бумагопрядильни заготовляютъ многіе и притомъ мѣняющіеся сорта пряжи и выдѣлываютъ самые разнообразные сорта тканей. Это объясняется бѣдностью рынка, который не въ состояніи постоянно поглощать продукты массоваго производства, которое присуще спеціализированному крупному производству.

Что касается второго положенія „*замѣщенія труда капиталомъ*“, то вообще надо замѣтить, что въ Россіи преобладаютъ продукты, въ которыхъ элементы труда и капитала уступаютъ сырому матеріалу, — доказательство справедливости замѣчанія Iosiah Tucker'a, сдѣланнаго уже давно [2]). Въ Россіи выдѣлываются грубые сорта пряжи и обыкновенный миткаль, въ то время какъ въ Англіи выдѣлываются болѣе тонкіе нумера пряжи и въ Германіи особыя ткани и др. хлопчатобумажныя издѣлія [3]). Въ среднемъ потребленіе хлопка на 1 веретено въ Россіи составляетъ около 93 англ. фунтовъ, на континентѣ Западной Европы—61 фунтъ и въ Англіи—34,$_5$ фунта.

---

[1]) Болѣе подробное описаніе такого „комбинированнаго“ крупнаго производства я далъ въ статьѣ: „Der Nationalismus in Russland und seine wirtschaftlichen Träger“. Preussiche Jahrbucher, Februarheft, 1893.

[2]) „Four fracts on political and commercial objects“. Glocester, third edition 1774. p. 30 и 40.

[3]) См. мое: „Крупное производство“ русс. пер. стр. 198; нѣм.—114, 152 и *Менделѣевъ*. Сборникъ для Чикагской выставки. Англійское изданіе, стр. 7.

Относительно частностей можно замѣтить слѣдующее.

1. Машины движутся въ Россіи сравнительно быстро, немного медленнѣе, чѣмъ въ Англіи, частью даже скорѣе, чѣмъ въ Германіи. Это объясняется необходимостью полнѣе использовать дорого стоящій постоянный капиталъ. Это имѣетъ мѣсто какъ въ пряденіи, такъ и въ ткачествѣ. Напримѣръ, я нашелъ на лучшихъ бумагопрядильняхъ Владимірской и Московской губерній, что нить, длиною 64—66 англ. дюймовъ пряжи № 30 и ближайшихъ нумеровъ (twist), проходитъ въ $13^1/_2$—16 секундъ, въ Англіи же быстрота въ этомъ случаѣ выражается 13—14 секундами. Въ Петербургѣ и Ригѣ, гдѣ издержки, падающія на 1 веретено, нѣсколько меньше, скорость движенія меньше. Такимъ образомъ и здѣсь замѣчается извѣстный регрессъ.

Но такая скорость въ Россіи возможна только при грубыхъ нумерахъ пряжи; при тонкихъ нумерахъ вслѣдствіе несовершенства работы число обрывовъ нити очень велико. Въ то время какъ при 30 нумерѣ пряжи скорости движенія въ Россіи и Англіи почти равны, уже при 40-мъ нумерѣ обнаруживается превосходство Англіи. Въ Ольдгэмѣ скорость въ этомъ случаѣ достигаетъ 13-ти секундъ, въ Россіи же я не встрѣчалъ менѣе 20 секундъ. При болѣе высокихъ нумерахъ пряжи это различіе еще рѣзче и производство болѣе тонкихъ нумеровъ пряжи въ Россіи невыгодно.

При выработкѣ обыкновенныхъ бумажныхъ тканей на фабрикахъ Московской и Владимірской губерній обычная быстрота движенія ткацкихъ станковъ весьма велика, почти не менѣе, чѣмъ въ Англіи, и частью болѣе, чѣмъ въ Германіи. При незначительной ширинѣ ткани около 71—80 сантим. (1—$1^1/_8$ арш.), челнокъ ударяетъ отъ 200 до 215 разъ въ минуту, въ Англіи — 240 разъ, тогда какъ въ Швейцаріи и Германіи рѣдко болѣе 200 разъ. При выдѣлкѣ болѣе тнокихъ тканей и большей ширины скорость движенія ткацкихъ становъ уменьшается гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ,—по тѣмъ же причинамъ, что и при пряденіи тонкой пряжи.

2. Но если по скорости движенія машинъ Россія и не уступаетъ Западной Европѣ, то зато чрезвычайно велика въ сравненіи съ Западной Европой разница между номинальнымъ и фактическимъ (т. е. возможнымъ при данной скорости движенія) полученіемъ продукта; т. е. великъ коэффиціентъ потери. Прежде всего это объясняется болѣе низкимъ качествомъ сырого матеріала. Отъ одного своего знакомаго, который изучилъ хлопчатобумажное производство въ Манчестерѣ и хорошо

знаетъ положеніе этого производства въ Москвѣ, я слышалъ слѣдующее выраженіе: „Москвичи имѣютъ пристрастіе къ болѣе низкимъ сортамъ хлопчатой бумаги вслѣдствіе своего недостаточнаго знанія товаровъ и изъ матеріала того же качества получаютъ менѣе, чѣмъ англійскіе фабриканты“. Этотъ высокій коэффиціентъ потери матеріала объясняется также и характеромъ рабочихъ, которымъ недостаетъ знакомства съ машинами и пониманія идеи устройства этихъ машинъ. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые я имѣлъ въ своемъ распоряженіи, благодаря любезности владимірскаго фабричнаго инспектора г. Микулина, я высчиталъ средній % потери въ 40% номинальнаго количества, тогда какъ въ Англіи потеря не превышаетъ 10%, въ Германіи же обыкновенно не болѣе 20% [1]). Впрочемъ, на нѣкоторыхъ лучшихъ крупныхъ фабрикахъ Московской губерніи я встрѣтилъ уже значительно меньшій % потери, какъ, напр., на много разъ уже упомянутой Раменской фабрикѣ. Замѣчательно, что эта фабрика работаетъ двумя 9-ти-часовыми смѣнами: такимъ образомъ, рабочее время на этой фабрикѣ, по сравненію съ обычнымъ для русскихъ фабрикъ, чрезвычайно сокращено.

Вслѣдствіе значительности коэффиціента потери вызывается необходимость не только въ относительно большей скорости машинъ, но и въ болѣе продолжительномъ рабочемъ времени. Въ то время, какъ въ Англіи рабочее время не превышаетъ 9—$9^1/_2$ час., въ Россіи въ хлопчатобумажномъ производствѣ существуетъ по большей части 12-часовой рабочій день, а въ ткацкомъ производствѣ даже 13 и 14-часовой. Несмотря на это, въ Россіи выработка машинъ не больше, чѣмъ въ Англіи. На Даниловской бумагопрядильнѣ въ Москвѣ и на одной заурядной бумагопрядильнѣ въ Больтонѣ я констатировалъ слѣдующія цифры. Скорость движенія машинъ въ Москвѣ оказалась немного ниже (въ Москвѣ—16 сек., въ Больтонѣ—14 сек.), при этомъ рабочій день въ Больтонѣ былъ 9 часовъ, въ Москвѣ $13^1/_2$ часовъ. Тѣмъ не менѣе во время моего изслѣдованія (февраль 1893 г.) дневная производительность 1-го веретена въ Москвѣ выражалась $1,_2$ англ. фунта пряжи № 30 twist, въ Больтонѣ—$1,_1$ англ. фунта такой же пряжи, такимъ образомъ, въ Москвѣ только немного выше, чѣмъ въ Больтонѣ.

То же относится и къ ватерному пряденію. И здѣсь также я имѣлъ

[1]) Данныя для Англіи я беру изъ моей книги: „Крупное производство“, которыя приняты г. ланкаширскимъ фабрикантомъ ткацкихъ становъ, переводчикомъ ея, появившейся по англійски, подъ заглавіемъ: „The Cotton trade in England and on the continent.“ Manchester, 1895.

возможность сравнить первую бумагопрядильню Московскаго промышленнаго района, Раменскую мануфактуру, съ обыкновенною манчестерскою бумагопрядильней [1]). На названной мануфактурѣ въ лучшемъ случаѣ, при двойной 24-часовой смѣнѣ, недѣльная выработка веретена равнялась 84 hanks [2]) при № 32 twist, т.-е. при простой смѣнѣ въ 12 часовъ 42 hanks; такова же выработка, даже нѣсколько больше, (40—50 hanks) въ недѣлю англійскаго веретена при одной 9-часовой смѣнѣ. Для ткацкаго производства трудно привести сравнимыя цифры, такъ какъ совершенно одинаковыя ткани попадаются рѣдко. Что недѣльная производительность ткацкаго стана въ Англіи скорѣе больше, чѣмъ въ Ивановѣ, несмотря на гораздо болѣе короткое рабочее время, это довольно вѣроятно при высокомъ % потери въ этомъ послѣднемъ.

3. Хотя машины русскихъ фабрикъ сдѣланы въ Англіи, тѣмъ не менѣе дѣйствующія теперь въ Англіи машины значительно больше и производительность ихъ выше. Возможно, что это объясняется тѣмъ, что въ Россіи, вслѣдствіе дороговизны капитала, вложеннаго въ машины, машины не смѣняются гораздо дольше, чѣмъ обыкновенно въ Англіи; кромѣ того англичане не всегда могутъ высылать новѣйшія усовершенствованія. Не меньшее значеніе имѣетъ невысокое качество русскаго труда, благодаря чему, несмотря на болѣе многочисленный персоналъ, такія большія машины, какія обычны въ Англіи, вообще не могутъ примѣняться. Въ особенности въ Больтонѣ значительно больше число веретенъ въ сельфакторѣ, чѣмъ въ Москвѣ; сельфакторы, имѣющіе болѣе 2000 веретенъ, теперь въ Англіи обычны и число веретенъ постоянно возрастаетъ; въ многочисленныхъ русскихъ бумагопрядильняхъ, которыя я объѣхалъ, мнѣ не встрѣчались сельфакторы въ 2000 веретенъ, рѣдко даже въ 1500 веретенъ. Вслѣдствіе этого въ Англіи производительность сельфактора больше, чѣмъ въ Россіи. Въ сравниваемыхъ случаяхъ 1512 русскимъ веретенамъ въ Англіи соотвѣтствуютъ 2064. При этомъ въ Россіи и при 12-часовой работѣ сельфакторъ производитъ 1800 англ. фунтовъ пряжи № 30 twist, въ Англіи же при 9-часовой работѣ—болѣе 2200 англ. фунтовъ.

4. Число рабочихъ, приходящееся на 1 машину въ Россіи, значительно больше, чѣмъ въ Англіи. Обычный масштабъ въ прядильномъ

---

[1]) Эти цифры я заимствую изъ моей книги: „Крупное производство“, стр. 119. Я не сомнѣваюсь, что со времени моего изслѣдованія (лѣто 1891 г.) техника въ Англіи уже перешла эти цифры.

[2]) Hank = 840 yards = 1082 аршина.

производствѣ—это отнесеніе числа всѣхъ рабочихъ, включая сюда и вспомогательныхъ рабочихъ, къ 1 тысячѣ веретенъ. По даннымъ Менделѣева, которыя основаны на общихъ статистическихъ свѣдѣніяхъ, въ Россіи на 1000 веретенъ приходится 16,6 рабочихъ, въ Англіи же, по даннымъ изъ моей книги „Крупное производство“, только 3 рабочихъ. Поэтому, получая плату въ 4 раза большую, англійскій рабочій работалъ бы еще дешевле русскаго. По моимъ наблюденіямъ на лучшихъ бумагопрядильняхъ Московской и Владимірской губерній это отношеніе для Россіи оказалось болѣе благопріятнымъ, чѣмъ по даннымъ общей статистики. Дѣйствительно, во всѣхъ этихъ случаяхъ на 1000 веретенъ приходилось не болѣе 10—12 рабочихъ. На превосходной нарвской бумагопрядильнѣ, которая, какъ мы видѣли, далеко опередила московскія фабрики, число рабочихъ на 1000 веретенъ доходитъ до 6—отношеніе весьма благопріятное, не вездѣ еще достигнутое въ Германіи.

Если мы теперь въ частности сосредоточимъ свое вниманіе на части процесса пряденія, которая называется тонкопряденіемъ, то оказывается, что въ Россіи на сельфакторъ приходится отъ 4—6 рабочихъ, въ Англіи отъ 2—3. При этомъ надо еще принять во вниманіе, что въ Россіи сельфакторы короче, чѣмъ въ Англіи. Даже на Раменской мануфактурѣ, которая такъ выдается изъ всѣхъ московскихъ фабрикъ, я нашелъ четырехъ рабочихъ на сельфакторѣ. Нарвская бумагопрядильня и здѣсь является блестящимъ исключеніемъ. Тамъ въ 1892 году уже удалось сократить число рабочихъ на сельфакторъ, конечно, довольно короткій, до 3-хъ человѣкъ. Подобнымъ же образомъ и въ ватерномъ пряденіи отношеніе числа рабочихъ въ Россіи и Англіи, какъ 2 : 1.

Такое же отношеніе существуетъ и въ грубопряденіи (первоначальный процессъ). Въ Англіи на двѣ банкоброши (slubbing, intermediate, roving frame) приходится одинъ человѣкъ: на лучшихъ бумагопрядильныхъ Московской губерніи нигдѣ на 1 рабочаго не приходится болѣе одной банкоброши. Такое же отношеніе существуетъ, вѣроятно, и для чесальныхъ машинъ, — при которомъ въ Англіи сбереженіе рабочей силы очень далеко ушло впередъ; сравненіе въ числахъ здѣсь невозможно, вслѣдствіе большой величины и иного устройства машинъ въ Англіи. Еще больше сбереженія рабочей силы въ Англіи при смѣшиваніи хлопка, которое почти цѣликомъ выполняется машиной; на фабрикѣ съ 60,000 веретенъ я нашелъ въ Англіи только одного человѣка, занятаго этимъ, въ Россіи же, наоборотъ, большое число такъ называемыхъ, болѣе дешевыхъ, ручныхъ рабочихъ.

Такіе же результаты даетъ сравненіе чиселъ, относящихся къ ткацкому производству. Здѣсь обыкновенно, включая всѣхъ вспомогательныхъ рабочихъ, число ткацкихъ становъ относятъ къ 1 рабочему; конечно, такое сопоставленіе возможно только для ткацкихъ фабрикъ, выдѣлывающихъ обыкновенный миткаль. На ткацкихъ фабрикахъ Владимірской губерніи, на которыхъ выдѣлываются по большей части самыя простыя матеріи, на порядочной фабрикѣ приходится на 1 рабочаго $0,_8$ ткацкихъ стана; въ Англіи въ среднемъ 1 рабочій на $2,_8$ ткацкихъ стана, а при выдѣлкѣ самыхъ простыхъ тканей въ сѣверной части Ланкашира—1 рабочій на 3—4 ткацкихъ стана. Если не считать вспомагательныхъ рабочихъ (Vorbereitungsarbeiter) и считать только собственно ткачей, то въ Россіи при выдѣлкѣ самыхъ простыхъ тканей—1 рабочій приходится на 2 стана, въ Англіи на 4—6 ткацкихъ становъ.

Сводя теперь все это вмѣстѣ, мы можемъ сказать: при высокомъ $^0/_0$ потери матеріала, при меньшихъ размѣрахъ машинъ, при большемъ числѣ рабочихъ на 1 машину въ Россіи, чѣмъ въ Англіи, окажется, что издержки на наемъ рабочей силы къ стоимости произведеннаго продукта въ Россіи едва ли меньше, чѣмъ въ Англіи. Цифровыя сопоставленія здѣсь невозможны, такъ какъ въ Россіи кромѣ денежной платы рабочій по большей части получаетъ жилище, а довольно часто еще и содержаніе натурой. Общій выводъ таковъ. Если принимать во вниманіе только денежную заработную плату, то англійскій рабочій зарабатываетъ въ недѣлю въ 3—5 разъ больше, чѣмъ русскій; несмотря на это издержки на заработную плату относительно стоимости произведеннаго продукта въ Россіи только немного ниже, чѣмъ въ Англіи; значительно ниже только на тѣхъ крупныхъ лучшихъ московскихъ фабрикахъ, которыя перешли на 9-часовую смѣну. Но и эта разница въ пользу Москвы—болѣе, чѣмъ сравнивается, если принять во вниманіе жилища рабочихъ и проч., а также издержки по надзору и администраціи, которыя въ Россіи гораздо выше, чѣмъ въ Англіи. Въ Англіи прядильщикъ — свой собственный надсмотрщикъ и можетъ поэтому получать и плату надсмотрщика. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые я собралъ, я выбралъ слѣдующія цифры для сельфактора.

	Число веретенъ при сельфакторѣ.	Число рабочихъ при сельфакторѣ.	Длина хода каретки.	Время 1 вкатыванія и выкатыванія каретки.	Число недѣльныхъ рабочихъ час. 1 смѣны.	Недѣльная производительность 1-смѣны англ. фунт.	Плата въ пфенн. съ одного англ. фунта пряжи прядильщ. и подручн.	Недѣльная плата прядильщика въ маркахъ.	Число веретенъ, приходящихся на 1 надсмотрщика (Aufseher)
№ 36.									
Москва (weft). .	1512	4	66	16	72	1248	2,,7	12,,69	1 подмастерье 4—6 тыс. веретенъ съ жалованьемъ 15—20. мар. въ недѣл.
Владиміръ (twist)	1936	5	66	14	72	1728	2,,8	10,,03	
Ольдгэмъ	2688	4	67	13	55	2723,,6	2,,88	40,,15	нѣтъ.
№ 30.									
Москва	1136	3	66	15,,5	54	960	2	9,,24	То же, что при № 36.
Владиміръ. . . .	1512	4	66	14,,5	72	1536	2	10,,03	
Англія	2064	3	64	14,,6	55	2200	3,,35	46	нѣтъ.

Отсюда видно, что при № 36 twist издержки на оплату труда въ Англіи меньше, чѣмъ въ Россіи. При болѣе тонкихъ нумерахъ это различіе еще болѣе возрастаетъ въ пользу Англіи. Къ такимъ же выводамъ приходитъ и Онофріевъ [1]). Онъ сравниваетъ среднія цифры 3-хъ ланкаширскихъ бумагопрядиленъ съ 2-мя русскими, но безъ указанія на нумера пряжи.

Такимъ образомъ въ $^1/_2$ года на 1,000 веретенъ приходится въ кредитныхъ рубляхъ:

	Россія. 1 прим.	Россія. 2 прим.	Англія.
Заработной платы и остальныхъ издержекъ на рабочихъ, на котлы и машины . .	1885	1669	1317
Издержки на администрацію	519	465	14

Въ особенности характерно послѣднее различіе; въ то время какъ въ Англіи съ развитіемъ рабочаго класса изъ рабочей среды выходитъ огромное число руководителей фабрикъ и число должностныхъ лицъ уменьшается, въ Россіи техническія знанія рѣдки и часто приходится пригла-

[1]) Сообщеніе въ „Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“. Засѣданіе 10 января 1893 г., т. II „Извѣстій“ общества, а также „Русскія Вѣдомости“ отъ 22 февраля 1893 г.

шать иностранцевъ на высокое жалованье; на русскихъ фабрикахъ существуютъ цѣлые штаты техническихъ служащихъ, въ Англіи же надзоръ, который, конечно, гораздо легче, возлагается на одного человѣка, который при этомъ по большей части самъ вышелъ изъ рабочей среды. Далѣе— издержки на администрацію въ Россіи гораздо больше еще благодаря многообразной перепискѣ, которая сопряжена съ существованіемъ паспортной системы и полицейскимъ надзоромъ за рабочими и которая требуетъ поэтому содержанія цѣлаго штата особыхъ писцовъ.

Эти различія, которыя существуютъ между Москвой и Западной Европой, наблюдаются также, хотя и въ болѣе слабой степени, между Москвой и *Польшей*. Извѣстно, что въ Польшѣ развился промышленный центръ первостепеннаго значенія — *Лодзъ*, съ помощью нѣмецкаго труда и нѣмецкаго капитала, при умѣренной таможенной защитѣ, при содѣйствіи польскаго банка. Прежде чѣмъ начать сравненіе Москвы съ Польшей, я долженъ замѣтить, что считаю совершенно неосновательнымъ тотъ страхъ, который обнаруживаютъ русскіе патріотическіе публицисты передъ конкурренціей Польши. Хотя, безъ сомнѣнія, Лодзь имѣетъ преимущество передъ Москвой какъ въ отношеніи капитала, такъ и труда, тѣмъ не менѣе, какъ видно уже изъ бѣглаго обзора данныхъ промышленной статистики, Москвѣ нечего бояться конкурренціи со стороны Лодзи (Польши). Это обусловливается тремя причинами.

Между Москвой и Польшей существуетъ раздѣленіе труда; Польша производитъ плотныя, пестрыя, негладкія и полушерстяныя ткани, и въ бумагопряденіи ея главный продуктъ — вигонь; Москва выдѣлываетъ ситецъ и обыкновенную пряжу среднихъ и низшихъ нумеровъ. Между Москвой и Польшей едва ли большая конкурренція, чѣмъ между Глаубахомъ и Мюльгаузеномъ. Польша еще никогда не поставляла на московскій рынокъ, но весьма часто покупаетъ пряжу въ Москвѣ, въ особенности нитки.

Географическое положеніе Москвы выгоднѣе положенія Польши, такъ какъ она ближе къ рынкамъ. Тарифъ отъ Лодзи до Владикавказа дороже, чѣмъ отъ Москвы почти на 45%, до Курска на 180%, до Оренбурга на 288%, до Уфы на 250%, до Златоуста на 240%[1]). Чѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ русскій азіатскій хлопокъ, тѣмъ болѣе увеличивается преимущество Москвы въ отношеніи сырого матеріала. Въ 1889 году въ

[1]) По даннымъ *Бѣлова*, приведеннымъ въ докладѣ о конкурренціи Польши въ засѣданіи „Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ". С.-Пб., 1892 г.

Лодзь было доставлено всего 1,292,194 пуда заграничнаго хлопка и 588,451 пудъ русскаго хлопка. Но по Бѣлову путевые расходы отъ каспійскихъ портовъ до Москвы составляютъ 46 коп. на пудъ хлопка, до Лодзи же $67,_{59}$ коп. То преимущество, которое до сихъ поръ принадлежало Лодзи, благодаря болѣе дешевому отопленію, устраняется, чѣмъ болѣе Москва переходитъ къ каспійской нефти; по моимъ наблюденіямъ нефтяное отопленіе паровыхъ котловъ примѣняется на лучшихъ крупныхъ фабрикахъ Московскаго округа.

На сторонѣ Москвы, наконецъ, и политическая сила, и въ каждый данный моментъ она можетъ устранить польскую конкурренцію измѣненіемъ желѣзнодорожнаго тарифа.

Изъ сказаннаго видно, что хотя Лодзь и занимаетъ мѣсто подлѣ Москвы, но едва ли она могла бы серьезно оттѣснить Москву. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній въ высшей степени интересно теперь заняться разсмотрѣніемъ тѣхъ преимуществъ въ производствѣ, которыя отличаютъ Лодзь отъ Москвы, такъ какъ тутъ придется говорить о преимуществахъ западноевропейской промышленности передъ восточной.

Общія тенденціи развитія современнаго крупнаго производства въ Польшѣ во многихъ отношеніяхъ намѣтились уже гораздо рѣзче, чѣмъ въ Россіи. Русскія фабрики еще по настоящее время по большей части разбросаны по лѣсамъ, что вызвано было первоначально потребностью имѣть матеріалъ для топлива. Во время зимнихъ метелей проѣздъ по дорогамъ крайне затрудненъ, и поэтому эти фабрики бываютъ вынуждены задерживать огромныя количества товара и дѣлать большіе запасы сырья. Только теперь мало-по-малу фабрики начинаютъ сосредоточиваться у станцій желѣзныхъ дорогъ. Наоборотъ, польская промышленность сосредоточена около нѣсколькихъ центральныхъ пунктовъ—Лодзи, Варшавы, Сосновицъ. Такой географической концентраціи польской промышленности соотвѣтствуетъ распаденіе на отдѣльныя предпріятія производствъ, которыя чрезмѣрно „комбинированы“ въ Москвѣ. Такъ Ильинъ и Ланговой [1]) констатируютъ по крайней мѣрѣ для тяжелыхъ бумажныхъ тканей и полушерстяныхъ, которыя Польша дѣлаетъ по преимуществу, отдѣленіе красильнаго и аппретурнаго производства отъ ткацкаго производства. Красильные фабриканты, располагающіе большими капиталами, покупаютъ сырой матеріалъ, отдаютъ его прясть за плату, въ другое мѣсто отдаютъ ткать, и

[1]) *Ильинъ и Ланговой.* О фабричной промышленности Царства Польскаго. С.-Пб., 1888 г., стр. 23, 27, 67, 71.

сами занимаются только окончательнымъ изготовленіемъ продукта. Такое привиллегированное положеніе красильнаго и аппретурнаго производства объясняется, навѣрное, тѣмъ, что вслѣдствіе очень низкаго по большей части качества пряжи и миткаля, это производство пріобрѣтаетъ очень важное значеніе. Русскій рынокъ слишкомъ бѣденъ, чтобы предъявлять спросъ на продуктъ высокаго качества—крупная промышленность развивается на производствѣ суррогатовъ; такъ, напр., хлопчатобумажныя очески и тряпки (обрывки), идущія на производство искусственной шерсти, представляютъ крупный предметъ ввоза Польши. Существованіе особыхъ самостоятельныхъ мастерскихъ для починки машинъ даетъ возможность польскимъ фабрикамъ освободиться и отъ этого вспомогательнаго производства. Уже положено начало даже собственному производству машинъ, по крайней мѣрѣ для ткацкаго производства, чесальныхъ машинъ и т. д.

Не менѣе важно преимущество польской промышленности передъ русской и въ отношеніи кредита. Большое число польскихъ фабрикъ представляетъ собою филіальныя отдѣленія нѣмецкихъ фирмъ и пользуются всѣми выгодами организаціи кредита въ Германіи. Но даже и самостоятельныя польскія фирмы имѣютъ преимущество передъ Москвой, благодаря существованію въ Польшѣ западно-европейскаго залогового права, котораго нѣтъ въ Россіи [1]). Поэтому капиталъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе фабрикъ обходится дешевле, оборудованіе фабрикъ машинами легче. Смѣна устарѣвшихъ машинъ въ Польшѣ происходитъ скорѣе, чѣмъ въ Россіи. Московскія фабрики для того, чтобы окупить дорогой капиталъ, вложенный въ предпріятіе, вынуждены по большей части работать днемъ и ночью; напротивъ, на польскихъ фабрикахъ вслѣдствіе большой дешевизны капитала могутъ избѣгать ночной работы, мало продуктивной по своему качеству. Меньшія издержки при учрежденіи фабрикъ даютъ далѣе возможность польской промышленности бы-

[1]) *Побѣдоносцевъ.* Курсъ русскаго гражданскаго права. Часть I. По русскому залоговому праву еще въ этомъ столѣтіи недвижимая собственность переходила къ кредитору въ случаѣ неплатежа должника. Съ тѣхъ поръ развились залоговыя отношенія, при которыхъ владѣніе остается за должникомъ, а на имущество накладывается запрещеніе продажи и заклада. Имущество является отвѣтственнымъ, только пока собственность на него принадлежитъ должнику. Поэтому, этотъ послѣдній связанъ по рукамъ и ногамъ и не можетъ дѣлать новые долги подъ имущество, разъ на немъ лежатъ прежніе долги. Поэтому кредитъ подъ недвижимое имущество дорогъ.—Весь кредитъ подъ недвижимое имущество находится фактически въ рукахъ банковъ, пользующихся привилегіей, которые выдаютъ ссуды подъ земли и строенія, но не подъ машины и потому для промышленности имѣютъ мало значенія. Польское залоговое право существуетъ со временъ Александра I, и въ основѣ его лежитъ идея германскаго права.

стрѣе пользоваться благопріятными конъюнктурами рынка. Въ Польшѣ, говоритъ Янжулъ, фабрики строятся и пускаются въ дѣйствіе въ нѣсколько мѣсяцевъ, тогда какъ въ Москвѣ на это потребовались бы годы. Фабрики, основанныя только съ 1877 года, въ 1885 году уже доставляли 44, 7% всего производства Польши [1]).

Относительная дешевизна капитала въ особенности сказывается на цѣнахъ тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ главную роль играетъ капиталъ, т.-е. машинная работа. При постройкѣ фабричныхъ зданій въ Польшѣ желѣзо находитъ гораздо большее примѣненіе, тогда какъ въ Россіи вслѣдствіе болѣе высокихъ цѣнъ на желѣзо вызывается необходимость въ каменныхъ сооруженіяхъ, какъ, напр., лѣстницы. По цитированному уже выше изслѣдованію Ильина и Лангового въ 188$^{6}/_{7}$ году въ Москвѣ 1,000 кирпичей стоили 22 рубля, въ Лодзи же 8—9 рублей. Замѣчательно, что уже въ производствѣ кирпичей ручной трудъ ограниченъ машинной работой.

И въ отношеніи кредита на веденіе производства (Betriebskredit) Польша находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Москва. Польша находится въ непосредственной связи съ нѣмецкими кредитными учрежденіями. Такое монопольное положеніе импортера сырья и машинъ, какое принадлежало фирмѣ Кнопъ, тамъ было бы невозможно. Польскіе фабриканты, какъ и нѣмецкіе, которые, какъ извѣстно, перестали зависѣть отъ Ливерпуля, очень часто получаютъ хлопокъ и шерсть непосредственно отъ экспортныхъ фирмъ въ Нью-Іоркѣ, Новомъ Орлеанѣ, Буэносъ-Айресѣ и платятъ переводомъ векселей на германскіе банки, которые охотно оказываютъ для уплаты кредитъ (Rembursкredit) извѣстнымъ польскимъ фабрикантамъ [2]). Опора, которую польскіе фабриканты имѣютъ въ германскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, даетъ имъ возможность предоставлять товаръ своимъ покупателямъ на болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ могутъ русскіе фабриканты. Польскіе фабриканты оказываютъ кредитъ въ Россію на 3—6 мѣсяцевъ, русскимъ же фаб-

---

[1]) *Янжулъ.* Очеркъ историческаго развитія фабр.-зав. пром. въ Царствѣ Польскомъ. Москва, 1887 г., стр. 40.

[2]) Эти переводные векселя вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ качество хорошихъ нѣмецкихъ бумагъ (цѣнныхъ). Дѣлается слѣд. образомъ: мы просимъ васъ принять нашъ переводный векселъ и получить по нему у г. NN. NN—крупная германская банковая фирма, которая знаетъ трассанта (векселедателя) и предоставляетъ ему кредитъ.

рикантамъ приходится давать кредитъ своимъ покупателямъ отъ 6 мѣсяцевъ до $1^1/_2$ лѣтъ, а въ Азіи какъ общее правило на 18 мѣсяцевъ [1]).

Подобнаго же рода преимущество имѣетъ Польша передъ Россіей и въ отношеніи качества труда. Польскіе рабочіе, если и не могутъ быть еще поставлены наравнѣ съ англійскими и нѣмецкими рабочими, но гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ московскіе; польскій рабочій, употребляя выраженіе славянофиловъ, европеизировался. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности изучить Лодзь путемъ личнаго изслѣдованія; но многочисленныя русскія работы, которыя я прочиталъ и часть которыхъ принадлежитъ перу солиднаго спеціалиста Янжула, не оставляютъ у меня никакого сомнѣнія въ томъ, что сбереженіе труда въ Лодзи по сравненію съ Москвой ушло далеко впередъ. Русскимъ изслѣдователямъ бросалось въ глаза отсутствіе въ Польшѣ помощниковъ мастеровъ (Untermeister) и надзирателей, которые обычны на русскихъ фабрикахъ для поддержанія дисциплины среди рабочихъ.

Для польскаго рабочаго нѣтъ надобности въ такихъ понудительныхъ мѣрахъ къ работѣ, какія примѣняются по отношенію къ русскому. По свидѣтельству Янжула, на очень многихъ московскихъ фабрикахъ примѣненіе кулачной расправы довольно обычное явленіе; удержанія изъ заработной платы путемъ штрафовъ представляютъ собой постоянный доходъ фабрики; по словамъ того же изслѣдователя, на польскихъ фабрикахъ штрафы и удержанія заработной платы примѣняются въ умѣренныхъ размѣрахъ [2]). Мнѣ кажется, причина этого лежитъ въ томъ, что на польскихъ фабрикахъ существуетъ иное болѣе дѣйствительное средство, чѣмъ битье и штрафы: собственный интересъ рабочаго, который, какъ мы увидимъ, оказывается болѣе дѣйствительнымъ при томъ положеніи, болѣе близкомъ къ европейскому, рабочихъ, которое существуетъ въ Польшѣ, чѣмъ при полу-азіатскихъ московскихъ обычаяхъ.

Въ результатѣ этого должно оказаться то же, что мы видѣли при сравненіи Москвы съ Ланкаширомъ. Всѣ изслѣдователи единогласно утверждаютъ, что въ Польшѣ заработная плата и въ частности въ хлопчатобумажной промышленности выше, чѣмъ въ Москвѣ. По словамъ Янжула, это различіе заработныхъ платъ смѣло можно считать въ 50% [3]). Наоборотъ,

---

[1]) *Янжулъ*. Очеркъ фабр.-зав. пром. Цар. Польскаго, стр. 20 и *Гарелинъ*. Городъ Иваново-Вознесенскъ, II, стр. 29.

[2]) *Янжулъ*, стр. 67. *Ильинъ и Ланговой*, стр. 102.

[3]) *Янжулъ*. Фабричный рабочій въ Средней Россіи и Царствѣ Польскомъ. „Вѣстникъ Европы“, февр., 1888 г., стр. 789, 791, 795. Далѣе, — *Ильинъ* и *Ланговой*

сбереженіе труда и интенсивность его настолько значительнѣе, что издержки производства одного фунта пряжи того же нумера на оплату труда навѣрное не выше, весьма даже вѣроятно, что ниже, чѣмъ въ Москвѣ. Янжулъ и Святловскій [1]) приводятъ одинаковыя цыфры, которыя выражаютъ заработную плату при производствѣ 1 фунта пряжи обыкновенныхъ грубыхъ нумеровъ,—для Польши отъ 66 коп. до 1 руб. 20 коп., для Москвы отъ 80 коп. до 1 руб. 50 коп.; при чемъ еще не принимаются во вниманіе болѣе высокія издержки по надзору и администраціи. Эти данныя пріобрѣтаютъ тѣмъ большую достовѣрность, что и по даннымъ оффиціальной статистики, производительность рабочаго въ Польшѣ гораздо больше, чѣмъ въ Москвѣ. Уже болѣе старыя данныя Matthaeis'a констатировали высшую производительность польскаго рабочаго; то же говоритъ и новѣйшая правительственная статистика, изъ которой я приведу слѣдующія цыфры [2]).

Стоимость производства на 1 рабочаго въ рубляхъ.

	Годы.	Россія (безъ Финляндіи и Польши).	Польша.
Прядильное производство	1867	1080	1400
	1879	1485	2050
	1892	1219	1653
Ткацкое производство	1867	500	558
	1879	650	1000
	1892	796	2092

Заработная плата вслѣдствіе этого можетъ быть въ Польшѣ значительно выше и, несмотря на это, все-таки еще оставалась бы разница въ пользу польскихъ фабрикантовъ.

Результаты сравненія Москвы съ Западной Европой могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

стр. 106. Сравненіе заработной платы въ Москвѣ и Польшѣ Янжулъ даетъ въ своей книгѣ: „Оч. по изсл. ф.-з. пром. Цар. Польскаго", стр. 39 и приложеніе 15, стр. 83. Я уже касался этого вопроса въ своей статьѣ: „Der Nationalismus in Russland und seine wirtschaftlichen Träger". Teil II, Preussische Jahrbücher, Februar, 1895.

[1]) *Янжулъ.* Фабр. рабочій въ Средней Россіи и Царствѣ Польскомъ. „Вѣстникъ Европы", февр., 1888 г., стр. 791 и сл. *В. Святловскій.* Фабричный рабочій. Варшава, 1889 г., стр. 46.

[2]) Я заимствую эти цыфры изъ „Историко-статист. обзора промышленности", изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ, подъ редакціей *Д. Тимирязева.* С.-Пб., 1886 г., стр. 93, и изъ „Свода данныхъ о фабрично-заводской промыш. въ Россіи за 1892 г.," изданіе того же Департамента 1895 г. По устар. даннымъ—*Matthaeis'a.* Промышленность Россіи. „Русскій Вѣстникъ", томъ 19, стр. 314,—въ производствѣ ситцевъ приходилось стоимости годового производства на 1 рабочаго въ Москвѣ—1,500 р., въ Польшѣ 7,145 р.

1. Положенія, выставленныя въ моей книгѣ: „Крупное производство“, были выведены на основаніи изученія развитія западно-европейской промышленности. Эти выводы приложимы, только съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и тамъ, гдѣ западно-европейская промышленность попала на чуждую ей почву, бѣдную капиталами и кредитомъ и съ средневѣковой народной психологіей, какъ это имѣло мѣсто въ Москвѣ, Бомбеѣ и недавно въ Японіи.

2. Поскольку идетъ рѣчь о Россіи, эти видоизмѣненія заключаются въ томъ, что Россія уступаетъ Западной Европѣ въ производствѣ „капиталоинтенсивныхъ“ продуктовъ, т.-е. продуктовъ цѣнныхъ и сложныхъ машинъ, для пользованія которыми (машинами) необходима не столько ловкость, которой русскій превосходитъ западно-европейца, сколько большая или меньшая способность къ умственному напряженію, чувство отвѣтственности и пониманіе техники (техническая сметка).

3. Эти недостатки исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ западно-европейская сѣть кредита и торговли захватываетъ русскую промышленность и присущій Западной Европѣ индивидуализмъ овладѣваетъ рабочимъ. Что первое имѣетъ мѣсто въ Москвѣ, мы уже имѣли возможность убѣдиться выше; вопросу о „европеизаціи“ фабричнаго труда въ средней Россіи будетъ посвященъ ниже особый отдѣлъ [1]).

VI. Выгодныя и невыгодныя стороны фабричнаго труда въ средней Россіи [2]).

Славянофилы говорили: блестящая западная культура покоится на эксплоатаціи рабочаго пролетаріата, положеніе котораго, видимо, ухудшается и грозитъ поэтому гибелью этой культурѣ. Славянофилы ошибались; въ основѣ городского промышленнаго развитія Запада дѣйствительно лежатъ тѣ классы, которыхъ это развитіе экспропріировало. Но за то поднялось экономическое и политическое положеніе классовъ, служившихъ этому развитію.

---

[1]) О книгѣ: *R. Luxemburg.* Die industrielle Entwicklung Polens (русс. перев.— *Люксембургъ.* Промышленное развитіе Польши. С.-Пб., 1899 г.) см. приложеніе въ концѣ этой главы.

[2]) По характеру книги работа растянулась на нѣсколько лѣтъ. Отдѣлы VI и VII написаны прежде всего. Хотя нѣкоторые сообщенные уже факты приходится повторять, все-таки остается самое важное: направленіе современнаго развитія, которое я попытался установить. Многое изъ нижеизложеннаго основано на собственномъ наблюденіи и устныхъ сообщеніяхъ.

Несомнѣнно, что такое явленіе наблюдется тамъ, гдѣ экономическое развитіе наиболѣе ушло впередъ.

Если въ *Англіи* центръ тяжести политическаго вліянія медленно, но неуклонно перемѣщается отъ среднихъ классовъ къ рабочимъ, то въ этомъ нѣтъ никакой опасности для націи; усиленіе политическаго вліянія рабочаго класса скорѣе совпадаетъ съ оживленіемъ новаго національстическаго настроенія въ современной Англіи. Нигдѣ національное одушевленіе не было такъ сильно по случаю побѣды надъ Омдурманомъ, какъ среди высшихъ слоевъ англійскаго рабочаго класса, о чемъ свидѣтельствуетъ интересное письменное показаніе одного инженера, которое мнѣ пришлось видѣть.

Въ *Германіи* ни для кого не тайна, что революціонно-утопическій элементъ нашей соціальдемократіи обусловливается извѣстной технической отсталостью германской промышленности. Но и нѣмецкіе рабочіе уже вступили на путь медленнаго, но неуклоннаго развитія — доказательствомъ служитъ нѣмецкое профессіональное движеніе. Рано или поздно значеніе его должно быть сознано; ибо вполнѣ очевиденъ тотъ фактъ, что хозяйственное положеніе Германіи на міровомъ рынкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ политическая сила Германіи — есть „вопросъ ножа и вилки“ для нѣмецкихъ рабочихъ. — По моему мнѣнію международное объединеніе пролетаріата — заоблачная утопія [1]).

Но славянофиламъ было простительно ошибаться, такъ какъ подобнаго же воззрѣнія придерживались раньше и на Западѣ. Напр., Карлъ Марксъ полагалъ, что богатые будутъ дѣлаться все богаче, бѣдные — все бѣднѣе, пока не наступитъ всеобщій крахъ. На „Святой Руси“ — говорили славянофилы — нѣтъ пролетаріата въ западно-европейскомъ смыслѣ. Каждый изъ ея сыновъ, даже фабричный рабочій, пользуется исконнымъ правомъ человѣка, правомъ на родную землю; община связываетъ его съ „матъ-землею“. Чуждый идеямъ Запада русскій крестьянинъ является хранителемъ старорусскихъ и церковныхъ традицій [2]).

Дѣйствительно, коренное различіе въ положеніи фабричныхъ рабочихъ въ Россіи и Западной Европѣ заключается въ томъ, что, какъ это обыкновенно говорятъ, — „рабочій еще не потерялъ связи съ землею“. Онъ обыкновенно еще крестьянинъ, членъ сельской общины. Только временно онъ

---

[1]) Иначе смотритъ *Luxemburg*, S. 92.

[2]) „Фабр.-зав. пром. и торговля Россіи“, изд. Деп. Торг. и Мануфактуръ, ч. II, стр. 274—275.

ищетъ заработка въ промышленности и разсчитываетъ когда-нибудь снова вернуться къ сохѣ. Родная нива составляетъ вѣнецъ его желаній.

Можно привести массу фактовъ, подтверждающихъ справедливость этого. Лѣтомъ заработная плата въ промышленности стоитъ на 10—20% выше, чѣмъ зимой. На механическихъ ткацкихъ фабрикахъ Московской и Владимірской губерній лѣтомъ, даже при наплывѣ работы, общее число рабочихъ составляетъ только 70—80% числа рабочихъ, занятыхъ зимой [1]). Во время уборки хлѣба многія фабрики стоятъ. Далѣе,—на высоту заработной платы въ промышленности рѣшительное вліяніе оказываетъ предшествующій урожай. При хорошемъ урожаѣ крестьянинъ имѣетъ средства къ существованію и для уплаты податей и поэтому не ищетъ подобнаго заработка въ промышленности; напротивъ, чѣмъ хуже урожай, тѣмъ больше предложеніе труда въ промышленности и тѣмъ ниже заработная плата [2]).

Эта особенность фабричнаго труда въ Россіи была окутана у славянофиловъ національной романтикой. Тому, кто знакомъ съ литературой этого вопроса, вспоминается невольно, что говорилось въ англійскихъ „Синихъ книгахъ“ о молодой индійской крупной промышленности. Здѣсь важно рѣшить: дѣйствительно ли эта связь рабочихъ съ землей представляетъ собой, какъ думали славянофилы, преимущество Россіи передъ Западной Европой, или, говоря болѣе конкретно, выгодна ли эта связь? Казалось бы, что въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ, ученіе славянофиловъ прямо шло навстрѣчу ближайшимъ интересамъ фабрикантовъ, почему оно и нашло въ нихъ самыхъ горячихъ послѣдователей. Дѣйствительно, необычайно низкая заработная плата, чрезмѣрно длинный рабочій день, зависимость рабочихъ отъ произвола предпринимателей—всѣ эти особенности, отличающія русскую промышленность отъ западно-европейской—становятся понятными только, если мы вспомнимъ объ этой связи рабочаго съ землей.

Дальнѣйшій очеркъ положенія фабричнаго труда въ Россіи основанъ на изслѣдованіяхъ *Янжула*, *Пескова*, *Микулина* и *Эрисмана*, которыя относятся къ центральному промышленному району и преимущественно къ прядильно-ткацкой промышленности. Весьма цѣннымъ дополне-

---

[1]) *Янжулъ*. Фабричный бытъ Московской губерніи. С.-Пб., 1884 г., стр. 86, 91. Даже въ Нарвѣ, гдѣ рабочіе по большей части эстонцы, на извѣстной суконной мануфактурѣ Штиглица существуетъ такое отношеніе: 47 (число рабочихъ зимой): 36 (лѣтомъ).

[2]) *Rosenberg*. Die Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland. Leipzig, 1895, S. 114.

ніемъ къ нимъ являются работы *Святловскаго*, которыя относятся къ Южной Россіи и Польшѣ. Работы названныхъ изслѣдователей представляютъ собой большею частью отчеты фабричныхъ инспекторовъ и земскіе сборники. Относятся онѣ по большей части къ 80-мъ годамъ; кромѣ того я дополнилъ ихъ своими личными наблюденіями большого числа фабрикъ, рабочихъ жилищъ и т. д. въ теченіе зимы $189^2/_3$ года. Послѣднія начинанія въ области фабричнаго законодательства (защиты труда), которыя отчасти, навѣрное, были вызваны описаніями названныхъ изслѣдователей, будутъ упомянуты особо ниже.

Познакомимся прежде всего съ заработной платой. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ статистикой заработной платы, знаетъ, что среднимъ цифрамъ заработной платы можно довѣрять только съ большою осторожностью. Для Россіи этотъ вопросъ представляетъ особенно большія трудности; во-первыхъ, на многихъ фабрикахъ рабочіе получаютъ часть заработной платы натурой; во-вторыхъ, нерѣдко значительная часть денежной заработной платы различными окольными путями возвращается снова въ карманъ предпринимателя. Но въ общемъ можно согласиться съ Янжуломъ, что заработная плата въ англійской хлопчатобумажной промышленности въ 2—5 разъ выше, чѣмъ въ этой же отрасли промышленности средней Россіи. Ниже я привожу цифры Янжула, которыя относятся къ концу 70-хъ годовъ и началу 80-хъ, и съ той же оговоркой и свои цифры, собранныя мною лично въ началѣ 90-хъ годовъ, когда я посѣтилъ многія фабрики Сѣверной Англіи и Средней Россіи.

Мѣсячная заработная плата въ кредитныхъ рубляхъ.

	Цифры г. Янжула [1]).			Мои цифры.	
	Америка.	Англія.	Москва.	Англія.	Москва.
Прядильщикъ при сельфакторѣ . . .	96	70	$67,_8$	$19^1/_4$	70—90	17—24
Механич. ткачъ. .	72	$72,_6$	48	15	38—50	12—16

Янжулъ [2]) навѣрное не принялъ слишкомъ низкій размѣръ заработной платы, такъ какъ позднѣйшіе изслѣдователи приводятъ даже меньшія

[1]) [У автора въ нѣмецкомъ текстѣ приведены другія цифры, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ у Янжула въ указанномъ сочиненіи, почему мы и замѣнили ихъ настоящими цифрами Янжула]. *Прим. ред.*

[2]) *Янжулъ.* Фабричный бытъ Московской губерніи. С-Пб., 1884 г., стр. 114—116.

цифры. Такъ, напр., у Шишмарева [1]) заработная плата ткача при ткацкихъ машинахъ во Владимірской губерніи принята 9,$_{50}$—14 рублей; на извѣстной Раменской фабрикѣ подъ Москвой, гдѣ условія труда безспорно наилучшія, въ началѣ 1893 года мѣсячная заработная плата прядильщика составляла 24—25 руб., а ткача при двухъ станахъ 16—20 руб. Эти цифры, вѣроятно, составляютъ высшій предѣлъ, котораго достигаетъ заработная плата.

Косвеннымъ путемъ мы можемъ получить болѣе истинное представленіе о заработной платѣ въ Средней Россіи. До тѣхъ поръ, пока сложившійся строй жизни (Lebenshaltung) не обнаруживаетъ измѣненій, для неорганизованныхъ рабочихъ дѣйствуетъ законъ заработной платы Рикардо: заработная плата опредѣляется размѣрами необходимыхъ средствъ существованія рабочаго и его семьи. Но еще не всегда предприниматель выплачиваетъ рабочимъ и эту сумму. Въ Россіи промышленность перелагаетъ на земельную общину часть необходимой заработной платы. Это объясняется тѣмъ, что для русскаго рабочаго промышленный заработокъ является только пополненіемъ его земледѣльческаго дохода. Содержаніе дѣтей, попеченіе о старикахъ и больныхъ лежитъ на земельной общинѣ. Въ рабочихъ казармахъ русскихъ фабрикъ поразительно мало дѣтей. Беременныхъ женщинъ отсылаютъ для родовъ въ деревню или отправляютъ туда новорожденныхъ дѣтей и оставляютъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока они не достигаютъ рабочаго возраста. Сдѣлавшіеся неспособными къ работѣ возвращаются въ свои общины; такимъ образомъ значительное большинство всего населенія промышленныхъ мѣстечекъ оказывается текучимъ и не лежитъ бременемъ на городскомъ обществѣ. Только этимъ переложеніемъ части заработной платы и можетъ быть объясненъ необычайно низкій уровень платы на русскихъ фабрикахъ.

Но, какъ мы уже говорили, во многихъ случаяхъ рабочимъ выплачиваютъ въ дѣйствительности только часть номинальной заработной платы. Янжулъ во время своихъ служебныхъ объѣздовъ Московской губерніи (въ качествѣ фабричнаго инспектора) констатировалъ, что штрафы и вычеты изъ заработной платы „на значительномъ большинствѣ фабрикъ достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ и берутся по самымъ различнымъ поводамъ, по усмотрѣнію хозяина“ [2]).

[1]) *Шишмаревъ.* Краткое описаніе промышленнаго района жел. дор. отъ Нижняго-Новгорода до Шуи. С-Пб., 1892 г., стр. 63. Также,—*Песковъ.* Фабричный бытъ Владимірской губерніи, стр. 38 и слѣд.

[2]) *Янжулъ*, стр. 79 и 80

Кромѣ того, нерѣдко выдача заработной платы задерживается. Янжулъ замѣчаетъ, что во время его посѣщенія на многихъ фабрикахъ вообще не существовало опредѣленныхъ сроковъ для выдачи заработной платы. „На большинствѣ фабрикъ до сихъ поръ не существуетъ опредѣленныхъ сроковъ расплаты и деньги даются въ лучшемъ случаѣ, когда рабочій о нихъ проситъ... Расплата вполнѣ зависитъ отъ кармана и воли хозяина“ [1]).

Расчетъ производится по истеченіи срока контракта на нѣсколько мѣсяцевъ или на полгода; тотъ, кто бросаетъ работу раньше, долженъ примиряться съ вычетомъ заработной платы, часто за шесть недѣль. То же говоритъ и Песковъ по отношенію къ Владимірской губерніи. Святловскій говоритъ: „Кому приходилось видѣть... какъ оборванный подмастерье съ картузомъ въ рукахъ, какъ нищій, вымаливаетъ хотя частицу своихъ трудовыхъ денегъ, тотъ знаетъ, какъ солоно приходится это безобразное занятіе, благодаря чему самая разсудительная и осмотрительная семья при всей энергіи къ труду садится на пищу юродивыхъ и столпниковъ“ (стр. 37) [2]).

Еще часть заработной платы притекаетъ обратно въ карманъ фабриканта черезъ посредство фабричной лавки. Низкая заработная плата и неурегулированность уплаты ея вынуждаютъ рабочихъ покупать въ кредитъ всѣ необходимыя средства существованія. Скорѣе всего они получаютъ кредитъ въ фабричной лавкѣ, которая засчитываетъ долги рабочаго въ счетъ заработанныхъ имъ денегъ. По словамъ Янжула, бываетъ, что рабочій не только не получаетъ ни копейки наличными деньгами, но постоянно еще находится въ долгу у своего хозяина; расплата, производимая фабричной конторой, состоитъ въ переписываніи съ одного счета на другой. Нерѣдко, по словамъ Янжула, трудно рѣшить, существуетъ ли лавка для фабрики, или фабрика для лавки. Тамъ, гдѣ фабрики не имѣютъ собственныхъ лавокъ, рабочимъ часто назначаютъ лавку, въ которой они должны покупать. Съ этою цѣлью лавочники уступаютъ фабрикѣ 15% въ видѣ скидки со всей суммы закупокъ, сдѣланныхъ рабочими. Янжулъ описываетъ договоры съ рабочими, въ которыхъ рабочіе обязывались покупать исключительно въ опредѣленной лавкѣ [3]).

---

[1]) *Янжулъ*, стр. 78—90.

[2]) *Янжулъ*. Фабричный бытъ Московской губерніи. С.-Пб., 1884 г., стр. 78, 79, 90 *Песковъ*. Фабричный бытъ Владимірской губерніи. 1886 г., стр. 67. *Святловскій* Фабричный рабочій. Варшава, 1899 г., стр. 33—37.

[3]) *Янжулъ*, стр. 92, 93, 102, 108.

Въ послѣднее время фабричныя лавки законодательнымъ путемъ были подчинены надзору фабричныхъ инспекторовъ, въ особенности ихъ контролю должны подлежать таксы цѣнъ. Но, несмотря на это, сдѣлки съ частными торговцами и теперь еще служатъ средствомъ обходить законъ. То, что сообщаетъ проф. Эрисманъ о 90-хъ годахъ, немногимъ отличается отъ сообщеній проф. Янжула, относящихся къ 80-мъ годамъ [1]).

На ряду съ низкой заработной платой въ средне-русскомъ промышленномъ районѣ существуетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ и необычайно продолжительный рабочій день. На владимірскихъ ткацкихъ фабрикахъ рабочій день продолжается отъ 12 до 15 часовъ [2]). На московскихъ красильныхъ фабрикахъ Янжулъ констатировалъ при горячей работѣ даже рабочій день въ 16 часовъ и болѣе [3]). Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя въ сравненіи съ хлопчатобумажной промышленностью являются отсталыми въ капиталистическомъ развитіи, существуетъ даже еще болѣе продолжительный рабочій день, — доказательство того, что не только введеніе машинъ удлиняетъ рабочій день. На рогожныхъ, паруснополотняныхъ, спичечныхъ и другихъ фабрикахъ, по Святловскому, въ огромномъ большинствѣ случаевъ существуетъ 16—18 часовой рабочій день. Послушаемъ еще, что говоритъ Янжулъ [4]) о московскихъ рогожныхъ фабрикахъ; производство здѣсь ручное и организовано въ формѣ свѣтелочной системы, при чемъ по большей части каждые 2 взрослыхъ нанимаются вмѣстѣ съ 2-мя дѣтьми.

„Начинается работа съ воскресенья съ 9 ч. и всѣ четверо, мужикъ, баба и двое малолѣтнихъ, работаютъ безъ перерыва до 4-хъ утра (мужикъ ткетъ, баба „заправляетъ“ станъ, малолѣтніе щиплютъ мочалу); въ 4 часа мужикъ ложится, а остальные работаютъ до 7 ч. утра; въ 7 ч. ложится баба, спитъ до 9 утра; затѣмъ встаетъ и 1 малолѣтній ложится до 1 ч. дня. Все это время взрослые продолжаютъ работать непрерывно, а второй малолѣтній ложится до 4 ч. вечера; съ 4 вечера и до 2 ч. ночи всѣ работаютъ опять вмѣстѣ безъ передышки; въ 2 часа ночи ложатся, примѣрно, часа на 2, на 3, т.-е. до 4 или 5 ч. утра и т. д.; работа тянется цѣлые дни и ночи съ такими ничтожными перерывами для отдыха рабочихъ; передъ праздникомъ работа кончается въ 7 или 8 ч. вечера. Замѣтимъ тутъ опять,

---

[1]) *Эрисманъ*. Пища рабочихъ на фабрикахъ Московской губ. Изслѣдованіе по порученію Московскаго Земства. Москва, 1893 г., стр. 6—10.

[2]) *Песковъ*, стр. 94.

[3]) *Янжулъ*, стр. 38.

[4]) *Янжулъ*, стр. 44.

что половина работающихъ малолѣтніе, изъ коихъ весьма многіе не достигаютъ 10 лѣтъ, и встрѣчаются малютки, работающія около своихъ матерей, даже 3-хъ лѣтъ. По выраженію одного изъ хозяевъ рогожной фабрики, передъ Пасхой и прекращеніемъ работы на лѣто (а Великимъ постомъ идетъ усиленная работа) всѣ рогожники до того ослабѣваютъ физически, что ихъ „вѣтромъ качаетъ“. Читая это описаніе фабричнаго инспектора, мы можемъ допустить возможность существованія подобныхъ условій только при томъ предположеніи, что рабочіе періодически возвращаются въ деревню, гдѣ недѣлями отсыпаются и набираются новыхъ силъ.

При постоянномъ приливѣ рабочихъ рукъ изъ деревни, промышленность можетъ поглощать поколѣнія рабочихъ, не заботясь объ ихъ пополненіи путемъ воспроизведенія. Для постояннаго рабочаго населенія такой рабочій день физіологически былъ бы немыслимъ.

Распредѣленіе рабочаго времени на крупныхъ московскихъ фабрикахъ-бумагопрядильняхъ несравнено лучше. Дороговизна постояннаго капитала, вложеннаго въ нихъ, заставляетъ работать веретенами круглыя сутки; но работа здѣсь трудна и требуетъ подготовки; непрерывное пользованіе рабочей силой было бы немыслимо — поэтому здѣсь работаютъ обыкновенно двумя 12-часовыми смѣнами. Чтобы совершенно избѣжать всякихъ остановокъ, каждую 12-часовую смѣну раздѣляютъ на двѣ полусмѣны по 6 часовъ [1]).

Такимъ образомъ, получается слѣдующее распредѣленіе рабочаго времени:

1 смѣна работаетъ отъ 5 до 10 часовъ пополуночи.
2 » » » 10 ч. пополун. до 4-хъ ч. пополудни.
1 » » » 4 ч. пополудн. до 9 ч. пополудни.
2 » » » 9 ч. пополудн. до 5 ч. пополуночи.

Такое распредѣленіе рабочаго времени было признано вреднымъ для здоровья рабочихъ фабричными инспекторами и земскими врачами, такъ какъ при этомъ не получалось достаточныхъ промежутковъ для отдыха. Кромѣ того, такой порядокъ разрушаетъ семью и дѣлаетъ для рабочаго совершенно невозможной семейную жизнь.

Со времени законодательнаго запрещенія ночной работы для женщинъ и малолѣтнихъ на нѣкоторыхъ лучшихъ бумагопрядильняхъ перешли частью къ 18-часовой двухсмѣнной работѣ.

---

[1]) *Янжулъ*, стр. 37; *Песковъ*, стр. 94 и слѣд.

Получается слѣдующее распредѣленіе рабочаго времени [1]).

1-ый день	1 смѣна	работаетъ	отъ	4 ч.	пополун.	до	10 пополун.
	2 смѣна	»	»	10 ч.	пополун.	до	4 пополуд.
	1 смѣна	»	»	4 ч.	пополуд.	до	10 пополуд.
2-ой день	2 смѣна	»	»	4 ч.	пополун.	до	10 пополун.
	1 смѣна	»	»	10 ч.	пополун.	до	4 пополуд.
	2 смѣна	»	»	4 ч.	пополуд.	до	10 пополуд.

Это самый короткій рабочій день, который существуетъ въ Средней Россіи—опять доказательство того, что крупное производство означаетъ собой соціальный прогрессъ.

Но, несмотря на низкую заработную плату и длинный рабочій день, русскій фабричный рабочій по своей натурѣ не способенъ къ активному сопротивленію, цѣлесообразной борьбѣ за улучшеніе своего положенія, а только къ буйствамъ и насиліямъ. Русскій рабочій не соціалъ-демократъ, и не членъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Вмѣсто портретовъ Карла Маркса и Лассаля, которыми нѣмецкіе рабочіе украшаютъ свои комнаты, мы находили у него изображенія святыхъ—вмѣсто англійскихъ эмблемъ рабочихъ союзовъ, которыя хотя и не красивы по рисунку, но зато заслуживаютъ удивленія по тому чувству собственнаго достоинства, которое въ нихъ выражается.

На русскихъ фабрикахъ широко практикуются побои и, по словамъ упомянутаго выше журнала техническаго общества, одинаково какъ русскими, такъ и англійскими мастерами. Если это покажется страннымъ, то надо принять во вниманіе, что вездѣ бьютъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока тотъ, кого бьютъ, допускаетъ это. Въ особенности, пока тѣлесное наказаніе примѣнимо къ крестьянамъ, къ которымъ и принадлежатъ фабричные рабочіе, нечего ожидать, чтобы прекратились побои на фабрикахъ и помѣщичьихъ экономіяхъ.

Вслѣдствіе такого особеннаго характера русскаго фабричнаго труда—условія договора односторонне опредѣляются волей предпринимателя. Въ качествѣ примѣра подобныхъ оношеній можетъ служить заключеніе договора найма, когда рабочій нанимается согласно фабричнымъ правиламъ

---

[1]) Докладъ Московской секціи „Общества для содѣйствія рус. пром. и торговлѣ“. Лодз. проектъ 1895 г., стр. 6 Далѣе,—докладъ *Алянчикова* въ томъ же обществѣ, напечатанный въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 9 февр., 1896 г. По его даннымъ, около половины бумагопрядиленъ работаютъ 24 часа въ сутки, около $^1/_4$—18 часовъ двумя смѣнами, 18%—одной смѣной въ 12 и болѣе часовъ.

и распѣнкамъ, содержанія которыхъ онъ не знаетъ и обыкновенно не можетъ прочитать [1]).

Русское законодательство далеко не соотвѣтсвуетъ идеѣ правового равенства, которое и въ Западной Европѣ очень часто признается лишь формально.

Стачки въ Россіи по закону наказуемы. Сопротивленіе предпринимателямъ приравнивается съ сопротивленіемъ правительственной власти. Статья 1358. „Уложенія о наказаніяхъ“ содержитъ слѣдующее опредѣленіе: „За прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ по стачкѣ между собою рабочихъ, съ цѣлью принужденія фабрикантовъ или заводчиковъ къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются: подстрекавшіе къ начатію или продолженію стачки—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, а прочіе участники—заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Участники стачки, прекратившіе таковую и приступившіе къ работамъ по первому требованію полицейской власти, отъ наказанія освобождаются“. (Уложеніе о наказаніяхъ уголовн. и исправит. изд. 1890 г.).

Недавно, (весной 1896 г.), такъ какъ на Западѣ шли стачки, министръ финансовъ снова подчеркнулъ наказуемость стачекъ въ циркулярѣ фабричнымъ инспекторамъ. Предприниматели должны быть „отцами рабочихъ“ и улучшеніе участи рабочихъ должно быть предоставлено ихъ доброй волѣ.

Не напоминаетъ ли намъ это—описаніе Эльдорадо, баснословную золотую страну, о которой мечтаютъ нѣкоторые нѣмецкіе фабричные феодалы?

Русское законодательство далеко не соотвѣтствуетъ идеѣ правового равенства, которая и въ Западной Европѣ очень часто признается лишь формально. Если сила промышленности въ конкурренціи заключается въ низкой заработной платѣ, длинномъ рабочемъ днѣ и безусловной покорности рабочаго, то Москва должна побить въ этой борьбѣ Манчестеръ, и Россія угрожаетъ промышленному величію Запада. Но дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Всѣ компетентные люди считаютъ главной причиной медленной эксплоатаціи выдающихся естественныхъ богатствъ Россіи *невысокое качество русскаго труда*. Мнѣ пришлось слышать, что многіе промышленники средней Россіи, какъ разъ тѣ изъ нихъ, которые по личному опыту могли сравнить русскій трудъ съ трудомъ хорошо обученныхъ западно-европейскихъ рабо-

[1]) *Песковъ*. Фабричный бытъ Владимірской губ. 1886 г., стр. 71.

чихъ, въ особенности французы и англичане жаловались на эти затрудненія, придавая имъ очень важное значеніе.

Русскіе фабричные рабочіе по большей части весьма *непостоянны*. На очень многихъ фабрикахъ весной всѣ рабочіе уходятъ. Послѣ пасхальнаго промежутка, который длится нѣсколько недѣль, очень часто поступаютъ новые рабочіе, которые при этомъ часто еще не работали въ данномъ производствѣ. Необходимость постоянно обучать рабочихъ мѣшаетъ тому постепенному, но постоянному повышенію производительности труда, которое на Западѣ является одной изъ важнѣйшихъ сторонъ промышленнаго прогресса. Новички портятъ матеріалъ и устаютъ гораздо скорѣе, чѣмъ опытные рабочіе, примѣнившіеся къ работѣ. Русскій рабочій кочуетъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного производства въ другое, отъ промышленности переходитъ къ земледѣлію и обратно: онъ—„фабричный номадъ“, по удачному опредѣленію одного француза. Онъ не сжился съ машиной и плохо умѣетъ пользоватьея скрытой въ ней силой. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, которыя въ Европѣ уже давно организованы въ формѣ крупнаго производства домашней системы, рабочіе, несмотря на низкій уровень ихъ техническихъ орудій, по своему экономическому положенію стоятъ впереди фабричныхъ рабочихъ Россіи.

Но русскіе фабричные рабочіе не только не постоянны: болѣе того, они *съ отвращеніемъ* и только подъ давленіемъ крайней нужды берутся за машину. Они ненавидятъ и презираютъ фабрику — явленіе, которое всегда наблюдается среди коренного сельскаго населенія [1]). Этимъ объясняется, напр., то, что въ альпійской части Австріи и Баваріи водяная сила была использована очень незначительно по сравненію съ Швабіей и Швейцаріей, населеніе которыхъ уже въ средніе вѣка носило болѣе городской характеръ. Въ Россіи поэтому существуетъ такое противорѣчіе: при хорошемъ урожаѣ увеличивается спросъ на продукты промышленности, такъ какъ крестьяне тогда имѣютъ деньги. Но въ то же время рабочія руки отливаютъ, такъ какъ въ это время для рабочихъ нѣтъ необходимости въ промышленномъ заработкѣ; поэтому въ подобныхъ случаяхъ чувствуется неустранимый недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Мало помогаетъ и высокая плата, такъ какъ русскій рабочій вполнѣ доволенъ, если ему обезпечены обычныя условія жизни. Только голодъ вынуждаетъ его работать. Въ то время какъ въ Западной Европѣ прочно сложилось убѣжденіе, что чѣмъ лучше питается ра-

---

[1]) „Тиролецъ“—по словамъ одного коллеги изъ Тироля—„тюрьму считаетъ менѣе унизительной, чѣмъ фабрику“.

бочій, тѣмъ его трудъ производительнѣе, отъ русскихъ фабрикантовъ довольно часто можно услышать мнѣніе, что сытый рабочій лѣнивъ къ работѣ [1]). Общее представленіе о воззрѣніяхъ и чувствахъ фабричнаго населенія средней Россіи даетъ одна распространенная въ Московскомъ районѣ фабричная пѣсня [2]).

Сказывается связь съ деревней; суровая зима гонитъ крестьянина на фабрику, несчастье на работѣ во время сна (!), презрительное отношеніе деревенскаго общества къ фабричной работницѣ и на первомъ планѣ — отвращеніе къ фабрикѣ и машинѣ. Чтобы видѣть, какая рѣзкая противоположность существуетъ въ этомъ отношеніи между Россіей и Англіей, надо припомнить, что ланкаширскіе рабочіе гордятся своими машинами, какъ произведеніемъ ихъ собственнаго генія, и посвящаютъ имъ часы досуга,

---

[1]) Мое: „Крупное производство“, введеніе.

[2]) „Blüh'nder Sommer nun entschwand,
Kalter Winter zieht ins Land.
Heissa, sause, Schlitten sause,
Winterfrost naht Feld und Hause.
Unter Winterfrostes Banne
Presst das Herz sich armem Manne.
Mitternacht steigt kaum hernieder,
Eilet zur Fabrik er wieder.
Seine Rechte reisst in Stücke
Ihm im Schlaf Maschinentücke
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
O Fabrik, du schlimme, böse,
Die du schufst des Volkes Blösse!
Ausgestossen bin von allen,
Mag zur Hausfrau nicht gefallen,
Nicht dem Herrn, noch dem, der Handel
Treibt, noch Burschen stolz im Wandel!
Und zur Gattin heischt mich balde,
Der die Schweine treibt im Walde —
Der im Walde treibt die Schweine
Armes Mädchen, wird der deine!

[Русскаго оригинала этой пѣсни намъ не удалось найти, хотя нѣкоторыя ея строки попадаются во многихъ фабричныхъ пѣсняхъ Средней Россіи. Эта пѣсня приведена у Rosenberg'a, у котораго и заимствуетъ ее Шульце-Геверницъ въ нѣм. переводѣ (переводъ сдѣланъ однимъ лицомъ, не пожелавшимъ открыть свое имя). *Rosenberg.* Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland. Leipzig, 1895]. *Прим. ред.*

занимаясь въ классахъ для продолженія образованія (Fortbildungsklassen) и интересуясь статьями по вопросамъ техники, помѣщаемыми въ рабочей прессѣ. Но предки этихъ рабочихъ также путемъ принужденія нѣкогда были приставлены къ машинамъ; припомнимъ только, какъ цѣлые фургоны съ дѣтьми бѣдныхъ отвозили нѣкогда изъ южной Англіи на фабрики Сѣверной Англіи.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Россіи употребляютъ всѣ средства, чтобы противъ воли удержать рабочихъ на фабрикѣ. На первомъ мѣстѣ стоитъ устройство казармъ для рабочихъ, что увеличиваетъ издержки предпріятія; часто запрещаютъ уходить по окончаніи работы за фабричныя ворота, такъ какъ опасаются, что рабочіе уйдя на ночь, могутъ не возвратиться обратно. Другимъ средствомъ удержать рабочихъ при фабрикѣ являются долгосрочные контракты. Въ Москвѣ полугодовой и годовой наемъ является обычнымъ. Чаще всего наемъ производится съ 1-го октября—времени окончанія полевыхъ работъ—до Пасхи и затѣмъ послѣ пасхальнаго промежутка въ нѣсколько недѣль—до октября [1]). Но такой продолжительный наемъ имѣетъ свои невыгодныя стороны для промышленности; разъ фабрикантъ связываетъ себя такимъ образомъ съ рабочими, онъ уже не можетъ по своему усмотрѣнію при неблагопріятныхъ условіяхъ рынка отпустить рабочихъ, чтобы потомъ при благопріятныхъ условіяхъ снова ихъ привлечь; эта возможность предсгавляетъ очень существенное преимущество, въ особенности англійской промышленности, къ услугамъ которой всегда имѣется многочисленное осѣдлое рабочее населеніе.

Но ни устройство жилищъ для рабочихъ, ни долгосрочный наемъ, если даже нарушенія его обставлены значительными удержаніями заработной платы, не во всѣхъ случаяхъ достигаютъ цѣли. Главная бѣда въ Россіи—это уходъ рабочихъ, даже при удержаніи заработанныхъ ими денегъ. Такъ, напр., въ харьковскомъ фабричномъ округѣ въ кампанію $188^1/_2$ года въ сахарномъ производствѣ $^0/_0$ ушедшихъ достигалъ 12 [2]). Мнѣ разсказывали относительно рабочихъ, которые отправляются съ сѣвера на южные горные заводы, что приходится всегда выписывать ихъ вдвое больше, чѣмъ сколько нужно: пока они еще попадутъ на мѣсто, на добрую половину число ихъ уменьшится. Поэтому въ Россіи, даже на лучшихъ крупныхъ фабрикахъ, всегда имѣется извѣстное количество запасныхъ рабочихъ, которые могутъ быть поставлены на работу, если не оказывается нанятыхъ раньше; одни

[1]) *Янжулъ*, стр. 76 и цитированное выше правительственное изданіе: „Фабрич.-зав. промышленность и торговля Россіи“, ч. II. С.-Пб., 1893 г., стр. 274—279.

[2]) *Rosenberg*. Zur Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland. Leipzig, 1895, S. 113.

рабочіе заступаютъ мѣсто другихъ, и всегда еще имѣется извѣстный излишекъ рабочихъ рукъ. Машины работаютъ безостановочно. Отсюда также совершенное отсутствіе или сокращеніе воскреснаго отдыха, такъ какъ рабочіе сами заботятся о физіологически необходимомъ отдыхѣ, уходя съ фабрики на время или совсѣмъ.

Изъ сказаннаго видно, что, несмотря на свободу договорныхъ отношеній, которая была провозглашена правомъ съ освобожденіемъ крестьянъ, русскій трудъ имѣетъ всѣ невыгодныя стороны несвободнаго труда. Но даже и не во всѣхъ случаяхъ соблюдается эта правовая фикція свободнаго договора. Напр., сельскія общины отдаютъ своихъ недоимщиковъ на фабрики или подрядчикамъ въ наемъ—это часто единственное средство для сельской общины избавиться отъ недоимокъ, за которыя она отвѣтственна круговой порукой и для взысканія которыхъ можетъ примѣнять тѣлесное наказаніе. Янжулъ описываетъ слѣдующій примѣръ [1]): „Въ Калужской губ., Масальскомъ уѣздѣ, существуетъ одна волость Лазинская, которая съ давнихъ поръ служитъ обыкновеннымъ мѣстомъ поставки рабочихъ для рогожныхъ фабрикъ; не позднѣе сентября мѣсяца, вообще осенью, рогожные фабриканты посылаютъ въ эту волость рядчика, большею частью изъ мѣстныхъ крестьянъ, который входитъ въ сношеніе съ Лазинскимъ волостнымъ правленіемъ, получаетъ отъ него довѣренность, по которой и заключаетъ съ своими фабрикантами условіе, засвидѣтельствованное въ томъ же волостномъ правленіи, о поставкѣ рабочихъ на то или иное, требуемое фабрикантомъ, число рогожно-ткацкихъ становъ. По словамъ самихъ рядчиковъ, мною спрошенныхъ, волостное правленіе въ этомъ случаѣ распоряжается самовольно, подряжая указаннымъ способомъ преимущественно недоимщиковъ податей и изъ задатковъ, выдаваемыхъ рядчиками тутъ же, вычитаетъ все, что приходится на долю каждаго подряженнаго лица“ (стр. 80).

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы выдать рабочему заработанныя деньги, фабриканты отсылаютъ ихъ прямо въ волостное правленіе.

Въ виду всего сказаннаго не удивительно, что еще и теперь по отношенію къ руской промышленности остается справедливымъ замѣчаніе Гакстгаузена: „рабочія руки дороги въ Россіи“ („la main d'oeuvre est chère en Russie“). Мы можемъ прибавить къ этому: дороги, какъ всякая вообще недобровольная работа; дороги, а часто даже и вовсе ихъ нѣтъ, въ особенности обученныхъ и такихъ рабочихъ, которымъ могутъ быть

[1]) *Янжулъ.* Фабр. бытъ Московской губ. С.-Пб., 1884 г., стр. 80, 86, 91.

довѣрены дорогія и сложныя машины. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ теперь станетъ понятнымъ фактъ, установленный нами выше, почему оплата труда въ Россіи по отношенію къ продукту обходится не дешевле, а скорѣе даже дороже, чѣмъ въ Англіи и Польшѣ, несмотря на то, что заработная плата въ Россіи въ 2 — 5 разъ меньше.

VII. „Европеизація" фабричнаго труда въ средней Россіи.

Пока фабричный трудъ въ Россіи отличается этими особенностями, не можетъ быть рѣчи о повышеніи интенсивности и качества труда. Но то и другое происходитъ по мѣрѣ того, какъ условія жизни и воззрѣнія русскаго рабочаго начинаютъ приближаться къ западно-европейскимъ. Славянофилы возставали противъ индивидуализма и гордились тѣмъ, что въ Россіи широкія массы народа совершенно чужды его,—однако теперь и низшіе классы русскаго народа начинаютъ европеизироваться. Доказательство—богатый крестьянинъ, заклейменный кличкой „кулака", и казакъ и колонистъ южныхъ областей Россіи, экспортирующій хлѣбъ. Доказательство также—и фабричный рабочій Средней Россіи. Онъ становится европейцемъ уже потому, что это для него гораздо выгоднѣе—положеніе, которое нѣсколько расходится съ общепринятымъ въ литературѣ воззрѣніемъ. Это выражается въ томъ, что онъ освобождается отъ первобытной зависимости отъ группы—распадается семейная артель, падаетъ союзъ, не основанный на добровольномъ соглашеніи, разрушается аграрный коммунизмъ; на мѣсто ихъ становится небольшая западно-европейская семья. Рука объ руку съ этимъ рушится унаслѣдованный строй жизни и потребности его расширяются за обычные предѣлы: происходитъ возрожденіе индивидуума.

Этотъ процессъ, имѣющій важное соціальное значеніе, замѣтнѣе всего наблюдается среди фабричнаго населенія Средней Россіи. Здѣсь можно установить 4 послѣдовательныхъ стадіи этого процесса, изъ которыхъ первая уже по большей части пройдена, четвертая же достигнута только въ немногихъ случаяхъ. На второй стадіи этого процесса находится большая часть фабрикъ Средней Россіи, въ особенности большинство ткацкихъ и красильныхъ фабрикъ; на третьей стадіи—лучшія крупныя московскія фабрики.

1. Еще и теперь въ технически отсталыхъ производствахъ трудъ находится на самой первобытной стадіи. Какъ прежде крестьяне на помѣщичьемъ дворѣ вмѣстѣ съ другими работами работали и на фабрикѣ,

такъ же поставлена работа на болѣе мелкихъ фабрикахъ, разбросанныхъ на большія разстоянія среди исключительно сельскаго населенія. Крестьянинъ здѣсь случайный и временный фабричный работникъ. Этому соотвѣтствуетъ и его образъ жизни. Онъ не имѣетъ постояннаго пристанища на фабрикѣ. Лѣтомъ рабочіе ночуютъ подъ открытымъ небомъ у фабрики, а зимой въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ работаютъ, о чемъ встрѣчаются многочисленныя указанія въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ—или у живущихъ по близости крестьянъ, или, наконецъ, въ наскоро устроенныхъ баракахъ. По словамъ Янжула и Пескова, эти рабочіе „спятъ, гдѣ придется лечь“. По словамъ перваго изъ названныхъ авторовъ, ручные ткачи спятъ на станахъ, ручные набойщики на прессахъ, которые испачканы краской, ткачихи—на шелкоткацкихъ фабрикахъ—спятъ на полу въ большой тѣснотѣ и безъ всякаго порядка въ помѣщеніяхъ, гдѣ стоятъ станы. По словамъ Святловскаго, работницы извѣстныхъ шоколадныхъ фабрикъ ночью располагаются на тѣхъ же столахъ, на которыхъ днемъ приготовляютъ конфекты. Тотъ же изслѣдователь разсказываетъ, что въ кожевенныхъ и сапожныхъ мастерскихъ, которыя въ то же время служатъ помѣщеніями для спанья, „воздухъ не лучше, чѣмъ въ дурно вентилируемомъ анатомическомъ театрѣ“ [1]). Во Владимірской губерніи, самой восточной промышленной области Европы, гдѣ фабричные рабочіе наименѣе удалились отъ крестьянскаго типа, гораздо чаще не бываетъ никакого пристанища для рабочихъ, чѣмъ въ болѣе западной Московской губерніи [2]).

Способъ продовольствія рабочихъ вполнѣ сотвѣтствуетъ случайному и временному характеру работы; особыхъ столовыхъ не существуетъ; ѣдятъ въ рабочихъ помѣщеніяхъ и часто урывками во время работы. Рабочіе приносятъ ѣду съ собой и питаются ею въ теченіи недѣли, а на воскресенье возвращаются домой. Горячаго они въ теченіе недѣли обыкновенно не имѣютъ. Пища ихъ весьма незамысловата и состоитъ почти изъ одного чернаго хлѣба. Артелей—этой старинной формы ассоціаціи, которая представляетъ собою копію семьи—среди нихъ обыкновенно не существуетъ, потому что, какъ замѣчаетъ Эрисманъ, весь народъ изъ окрестности; они еще не разорвали связи съ семейнымъ тягломъ, чтобы образовать новую ассоціацію (товарищество) [3]).

При такихъ условіяхъ рабочія руки совершенно необезпечены, такъ что

---

[1]) *Янжулъ*, стр. 119 и сл.; *Песковъ*, стр. 57; *Святловскій*, стр. 116.

[2]) *Песковъ*, стр. 89.

[3]) *Эрисманъ*, стр. 14 и 28.

приходится держать людей гораздо болѣе, чѣмъ было бы нужно, и все-таки еще довольно часто фабрики иногда не располагаютъ достаточнымъ числомъ рабочихъ рукъ.

2. Рабочіе издалека уходятъ не такъ легко; поэтому тамъ, гдѣ необходима постоянная работа, предпочитаютъ нанимать дальнихъ рабочихъ. Съ давнихъ поръ излишекъ населенія сѣверныхъ губерній живетъ отхожими промыслами; привыкнувъ жить групповой жизнью (an das Gruppendasein), крестьяне при этомъ организуются въ артели, которыя представляютъ собой подвижныя производительныя и потребительныя ассоціаціи и которыя принимаютъ въ свою среду извѣстныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, форма ихъ быта не измѣняется, тѣмъ болѣе, что и семья, которая вплоть до этого столѣтія была формой быта русскаго народа, представляетъ собой не родственный, а экономическій союзъ: она можетъ расшириться принятіемъ посторонникъ и теряетъ членовъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, вслѣдствіе ихъ ухода или выдачи замужъ; кромѣ того, главой семьи такъ же, какъ и въ артели, является не старшій въ родѣ, а самый сильный и способный [1]). Артель, какъ и всякая ассоціація семейнаго типа, прочна только до тѣхъ поръ, пока личные интересы ея главы совпадаютъ съ общими интересами.

Въ послѣднее время эти подвижныя товарищества пріобрѣтаютъ индивидуалистическій характеръ вслѣдствіе того, что ихъ бывшіе старосты становятся предпринимателями. Въ качествѣ посредниковъ они берутся поставить опредѣленное число рабочихъ за опредѣленную плату; они нанимаютъ рабочихъ отъ себя, за свой счетъ; на помощь здѣсь является водка, и рабочіе часто даже не знаютъ, куда имъ придется отправиться [2]).

Разъ уже нанимаютъ въ большомъ числѣ дальнихъ рабочихъ, то является необходимость въ пристанищѣ для нихъ. По единогласному мнѣнію фабричныхъ инспекторовъ, устройство жилищъ для рабочихъ представляетъ собой прогрессъ въ этомъ отношеніи. Въ то время какъ въ Западной Европѣ жилища для рабочихъ устраиваются теперь фабрикантами весьма часто—съ цѣлью воспрепятствовать организаціи рабочихъ, въ Россіи это является первымъ шагомъ къ созданію самого рабочаго класса; они устраиваются не для того, чтобы устранить регулярныя стачки, но чтобы предотвратить ту молчаливую, но опасную стачку, которая неизвѣстна нѣмецкому фабриканту, но хорошо знакома землевладѣльцу Восточной Пруссіи по личному опыту: предотвратить уходъ рабочихъ. Такимъ образомъ возникаютъ рабочія ка-

---

[1]) *Maine.* Ancient Law. London, 1894, p. 133, 184, 265.

[2]) *Rosenberg*, S. 112 и 113.

зармы, типичныя для большинства русскихъ фабрикъ. Рабочіе ночуютъ въ общихъ спальняхъ, по большей части на деревянныхъ нарахъ, постилая на нихъ свои тулупы. Иногда для этой цѣли служатъ тряпки или старые холщевые мѣшки (тара). [1]).

На этой стадіи среди рабочихъ преобладаютъ мужчины. Почти всѣ они женаты, такъ какъ русскіе крестьяне женятся очень рано; но ихъ жены остаются дома подъ началомъ свекра, который часто вступаетъ и въ супружескія права сына. На Пасху, очень часто на цѣлое лѣто, рабочіе возвращаются съ фабрики домой для обработки своихъ полей.

Женщинъ нанимаютъ весьма рѣдко. Но и тамъ, гдѣ работаютъ и женщины, о семейной жизни не можетъ быть и рѣчи. Въ общихъ спальняхъ спятъ всѣ вмѣстѣ безъ различія пола и возраста, часто почти вплотную другъ къ другу, вслѣдствіе недостатка помѣщенія или для защиты отъ холода. Тамъ, гдѣ работаютъ двумя смѣнами, спальныя мѣста не успѣваютъ остывать и нѣтъ возможности ихъ очищать [2]). На лучшихъ фабрикахъ женщинамъ отводятъ особыя спальни, которыя отличаются всегда большой чистотой. Но какъ бы тамъ ни было, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ фабричная работа разрываетъ деревенскую семью: мужья работаютъ въ одномъ мѣстѣ, жены въ другомъ. Поэтому всѣ эти люди стремятся домой и смотрятъ на фабричную работу, какъ на нѣчто временное.

Здѣсь артель замѣняетъ для рабочаго семью,—доказательство того, что еще и теперь могущественно сказывается привычка крестьянина къ семейному быту [3]). Замѣчательно, что образуются отдѣльныя артели мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что артель для ея членовъ имѣетъ временное значеніе, что за ней стоитъ семья, „вѣчная ассоціація“, съ которой связано и половое сожительство. Такъ какъ производство организовано капиталистически, то артель здѣсь нисходитъ до степени потребительнаго товарищества; ея старый характеръ производительной семейной ассоціаціи сказывается еще въ томъ, что заработная плата выдается не

---

[1]) *Свирскій*, стр. 163; *Янжулъ*, стр. 118. Всѣ эти свѣдѣнія основаны на личномъ наблюденіи.

[2]) *Свирскій*, стр. 63; *Янжулъ*, стр. 117. Читая описанія *Святловскаго*, просто волосы становятся дыбомъ (см., напр., стр. 68).

[3]) Обстоятельный сводъ литературныхъ мнѣній объ артеляхъ и правильное объясненіе артелей можно найти въ работѣ *Stacher'a*: Über Ursprung, Geschichte, Wesen und Bedeutung des russischen Artells. Dorpat, 1890, S. 59. Книга *Apostol'a*: *Das Artell*. Stuttgart, 1898, содержитъ много интересныхъ отдѣльныхъ указаній. Ея основная идея—связь артели съ старинной семьей—согласуется съ объясненіемъ артели, которое дано въ данной книгѣ.

отдѣльнымъ рабочимъ, но главѣ артели, который и расчитываетъ ее между членами артели. Пища варится въ огромныхъ котлахъ въ артельныхъ кухняхъ за общій счетъ; ѣдятъ на общихъ столахъ, часто изъ общей посуды.

Эта артельная жизнь, какъ она сложилась на русскихъ фабрикахъ, напоминаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ фамилистеры (familistéres) французскихъ соціалистовъ. Здѣсь, такимъ образомъ, оказывается, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ, соціалистическая картина будущаго идеализированнымъ отраженіемъ прошлаго. Напротивъ, западно-европейскій рабочій настолько индивидуалистъ, что не находитъ особаго удовольствія въ массовыхъ трапезахъ. Онъ избѣгаетъ, насколько возможно, такъ называемой народной или фабричной кухни и предпочитаетъ столоваться у себя дома, хотя бы и хуже. Въ томъ и состоитъ выгодная сторона западно-европейскихъ потребительныхъ товариществъ, что они, оставляя для рабочаго выгоды общей закупки товаровъ, въ то же время не ограничиваютъ его стремленій къ обособленной семейной жизни.

Но и въ Россіи падаетъ неудержимо артельное начало. Необходимымъ условіемъ существованія этой старинной ассоціаціи семейнаго типа является психологическая связь ея членовъ. Но индивидуализмъ, начиная сверху, проникаетъ постепенно вглубь общества. Прежде всего это сказывается на артельномъ старостѣ, а потомъ на младшихъ членахъ артели; его интересы перестаютъ быть интересами его товарищей; вмѣсто ихъ руководителя онъ становится ихъ эксплоататоромъ. Они оказываются его беззащитными жертвами, такъ какъ онъ сильнѣе и болѣе индивидуалистъ, чѣмъ они. Внѣшнимъ образомъ это выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ экономической зависимости. Роль семейнаго главы онъ мѣняетъ на роль феодала или капиталиста-предпринимателя въ домашнемъ производствѣ, въ фабричныхъ казармахъ въ этой роли оказывается поставщикъ для артели съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, въ подвижныхъ артеляхъ—вожакъ.

„До сихъ поръ,—говоритъ Янжулъ,—артельные старосты являются ростовщиками, ссужающими своихъ товарищей деньгами за большіе проценты, и имѣютъ иные побочные доходы, какъ-то: продаютъ тайкомъ водку и табакъ, а иногда и другіе припасы; если нѣтъ лавки на фабрикѣ, даютъ рабочимъ „записки“ или „ярлыки“ въ сосѣдніе трактиры и кабаки“ (стр. 28). Особенно неблагопріятно складываются обстоятельства для рабочихъ, когда интересы артельнаго старосты связаны съ интересами фабричной лавки. На очень многихъ фабрикахъ рабочимъ не отпускаютъ товаръ изъ фабричной лавки иначе, какъ черезъ посредство артельнаго старосты, который, естественно, взимаетъ съ рабочихъ извѣстную плату

за это посредничество. Благодаря этому цѣны, которыя и безъ того достаточно высоки, значительно еще возвышаются (по Янжулу отъ 10 до 50%). Во многихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, фабричная контора выдаетъ артельному старостѣ деньги, заработанныя членами артели. Артельные старосты удерживаютъ изъ нихъ по счету за рабочимъ и еще растовщическіе проценты, которые они берутъ за выданный задатокъ. Очевидно, что такое завѣдываніе посторонняго лица ихъ деньгами тѣмъ болѣе невыгодно для рабочихъ, что они большею частью неграмотны и не умѣютъ писать, и потому не могутъ контролировать старосты.

Измѣненіе сущности артели видно изъ того, что раньше старосты получали жалованье. Теперь разные незаконные побочные доходы позволяютъ имъ платить своимъ писарямъ часто большее годовое жалованье, чѣмъ они получаютъ сами. Недавно рабочіе нашли нѣкоторое средство бороться противъ обмановъ старостъ, отдавая мѣсто старосты тому, кто даетъ больше. Несмотря на это, по словамъ Янжула, доходы старостъ болѣе крупныхъ артелей достигаютъ нѣсколькихъ сотъ рублей [1]). Очень невеликъ могарычъ, который получаютъ артельщики отъ старосты за позволеніе ихъ эксплоатировать, при чемъ онъ обыкновенно тотчасъ же пропивается въ видѣ нѣсколькихъ ведеръ водки.

Изъ сказаннаго видно, что артель падаетъ неудержимо уже потому, что разрушается ея психологическая основа. Но вначалѣ это паденіе артели невыгодно для рабочихъ. Артель не можетъ служить средствомъ для поднятія положенія рабочаго класса, каковыми являются западно-европейскіе професіональные рабочіе союзы (Gewerkvereine); напротивъ, она представляетъ собой, пока она имѣетъ нормальный видъ, для рабочаго средство только удержаться на достигнутомъ уровнѣ. Въ артеляхъ сохраняются обычныя крестьянскія условія жизни (Lebenshaltung). Положимъ, артельныя кухни темны и грязны; по западно-европейскимъ понятіямъ, приготовленіе въ нихъ кушанья можетъ показаться весьма не аппетитнымъ. Святловскій, напр., разсказываетъ, что котлы иногда поперемѣнно служатъ для варки кушанья и для стирки грязнаго бѣлья артельщиковъ. Но зато, съ другой стороны, по анализу Эрисмана [2]), артельные харчи, по содержанію питательныхъ веществъ, стоятъ сравнительно высоко, вѣроятно даже выше, чѣмъ обычная пища иныхъ германскихъ фабричныхъ рабочихъ.

---

[1]) *Янжулъ*, стр. 97 и сл.; *Песковъ*, стр. 98 и слѣд.

[2]) *Эрисманъ*. Пища рабочихъ на фабрикахъ Московской губерніи. Москва, 1893 г.

По Эрисману, дневная пища рабочаго содержитъ граммовъ:

	Бѣлокъ.	Жиръ.	Углеводъ.
Въ мужскихъ артеляхъ московскихъ фабрикъ (въ скоромные дни). . . .	136,08	76,23	573,49
Англійскаго ткача (по Playfair'у). . .	151,0	43,0	621,0
Столяра въ Мюнхенѣ (по Forster'у) .	131,1	67,6	494,0
Теоретическая норма для взросл. рабоч.	130,0	75,0	450,0

Для сравненія я приведу еще по Эрисману содержаніе питательныхъ веществъ въ крестьянской пищѣ. Первый рядъ цифръ можетъ дать представленіе объ обычныхъ условіяхъ питанія крестьянъ въ Московской губерніи, второй—о питаніи пролетаризированнаго крестьянства, весьма многочисленнаго въ средней Россіи.

Составъ пищи крестьянъ Московской губерніи:

	Жиръ.	Бѣлокъ.	Углеводъ.
1. (по Скибневскому) граммовъ . . .	147	53	739
2. „ „ . . .	92	28	495

По роду пищи артельные харчи также не отличаются отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ харчей. Почти всѣ съѣстные продукты растительнаго происхожденія (въ Россіи 180 дней въ году поста). Мясо играетъ очень незначительную роль въ артельной кухнѣ, также, конечно, и картофель, приобрѣтшій на Западѣ такую печальную извѣстность. Хлѣбъ и гречневая каша составляютъ главную часть артельныхъ харчей; по Эрисману $76^1/_2\%$ бѣлковъ всей пищи, $91^1/_2\%$ углеводовъ усваивается въ этомъ видѣ. Жиръ получается въ видѣ растительнаго масла.

Харчи далеко не роскошны, однообразны и притомъ трудно переваримы; это — пища крестьянина, который производитъ значительную физическую работу на свѣжемъ воздухѣ. Но фабричный рабочій находится въ менѣе благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ: онъ работаетъ въ закрытомъ, часто дурно вентилируемомъ помѣщеніи. Такой способъ питанія возможенъ для него до тѣхъ поръ, пока онъ періодически возвращается въ деревню и самъ онъ унаслѣдовалъ физическую конституцію крестьянина. Только при этихъ условіяхъ онъ и можетъ съѣдать такую массу совершенно чернаго ржаного хлѣба, какую поглощаетъ русскій крестьянинъ въ урожайный годъ. Поэтому, то измѣненіе условій жизни, которое связано съ паденіемъ артели, если и сказывается вначалѣ въ ухудшеніи питанія, то все же представляетъ для рабочаго шагъ впередъ, такъ какъ при этомъ онъ приспособляется къ измѣнившейся обстановкѣ жизни.

Намъ пришлось посѣтить спальни фабричныхъ рабочихъ, столовыя и кухни. Остается еще упомянуть объ отхожемъ мѣстѣ, гдѣ западно-европеецъ настолько индивидуалистъ, что временное нераздѣльное пользованіе этимъ мѣстомъ для него необходимое условіе. Въ Россіи и это мѣсто подлежитъ самому широкому совмѣстному пользованію. Я припоминаю мое удивленіе, когда владѣлецъ одной изъ извѣстныхъ московскихъ фабрикъ, показывая мнѣ фабрику, показалъ мнѣ и это мѣсто. Ни въ чемъ другомъ не сказывается такъ рѣзко различіе между западно-европейскимъ и русскимъ рабочимъ. Я увидѣлъ общій клозетъ, въ которомъ одновременно сидѣли 60—70 человѣкъ обоего пола, который въ то же время, очевидно, служилъ курильней и комнатой для бесѣды. Здѣсь шутили, хохотали и сквернословили; цѣлые $^1/_2$ часа никто не возвращается; какъ увѣрялъ меня мой спутникъ, ему приходилось, благодаря такому обыкновенію рабочихъ, держать нѣсколько десятковъ запасныхъ рабочихъ. Весьма скоро я замѣтилъ, что устройство этого мѣста и способъ пользованія имъ рабочихъ служитъ довольно вѣрнымъ показателемъ того, до какой степени рабочіе данной фабрики приблизились къ западно-европейскому типу. Очень часто это же мѣсто служитъ и для дѣтей, и только на самыхъ лучшихъ фабрикахъ я встрѣтилъ единичное пользованіе этимъ мѣстомъ,—что мы, европейцы подразумѣваемъ всегда—и это появляется тамъ, гдѣ уже существуетъ у рабочихъ небольшая западно-европейская семья.

3. Образованіе особаго рабочаго класса и отдѣленіе рабочаго отъ деревни происходитъ по мѣрѣ того, какъ на фабрикѣ становится возможной семейная жизнь. Необходимой предпосылкой здѣсь является распространеніе женскаго труда. Нельзя пожаловаться, чтобы женскій трудъ мало былъ распространенъ въ промышленности въ Западной Европѣ, можно даже высказать пожеланіе, чтобы замужнія женщины и матери маленькихъ дѣтей были устранены отъ работы. Скорѣе всего это оказывается возможнымъ путемъ сбереженій, которыя онѣ могутъ дѣлать, еще будучи дѣвушками, при высокой платѣ, существующей въ крупномъ производствѣ въ Англіи и Америкѣ. Будучи независимыми экономически, онѣ могутъ не особенно спѣшить съ выходомъ замужъ.

Но въ слабомъ распространеніи женскаго труда на русскихъ фабрикахъ вовсе нельзя видѣть преимущества Россіи въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи; такъ, въ самой передовой отрасли русской промышленности, въ хлопчатобумажномъ производствѣ—участіе женщинъ въ фабричной работѣ все болѣе и болѣе возрастаетъ. На московскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ въ 80-хъ годахъ $^0/_0$ работницъ-женщинъ составлялъ 42,9 всего

числа рабочихъ (въ англійской же хлопчатобумажной промышленности — 62%); въ отдѣльности, на механическихъ ткацкихъ фабрикахъ—52,8%, на прядильныхъ фабрикахъ—46,8% [1]) и на красильно-набивныхъ, по Янжулу—27,4%. Въ другихъ отрасляхъ прядильно-ткацкой промышленности, отсталыхъ сравнительно съ хлопчатобумажнымъ производствомъ, въ которыхъ, по ихъ характеру, не менѣе примѣнимъ женскій трудъ, какъ, напр., въ шелкоткацкомъ и шерстоткацкомъ производствахъ, число мужчинъ рабочихъ въ Россіи еще значительно превышаетъ число женщинъ; по Эрисману % женщинъ, занятыхъ въ этихъ производствахъ, ко всему числу рабочихъ—38 и 28%.

Въ Россіи введеніе женскаго труда и промышленности представляетъ собой прогрессъ въ культурномъ отношеніи. Тамъ, гдѣ женскій трудъ распространенъ мало, мужчины живутъ артелями, которыя очень невысоко стоятъ въ культурномъ отношеніи; рабочіе переходятъ съ мѣста на мѣсто и мѣняютъ профессіи. Напротивъ, въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ женскій трудъ получилъ значительное распространеніе, рабочій держится болѣе одного мѣста [2]).

Также и законодательная защита дѣтскаго труда, которая является необходимымъ условіемъ для пополненія рабочаго класса новыми поколѣніями—ведетъ къ увеличенію женскаго труда [3]).

Съ распространеніемъ женскаго труда на мѣсто одинокаго рабочаго, переходящаго съ мѣста на мѣсто, становится семейная пара. Дѣтей сначала еще нѣтъ на фабрикѣ. Если ожидается появленіе ребенка, то мать отправляется для родовъ въ деревню или же поступаетъ въ фабричный родильный пріютъ, а ребенка потомъ отправляютъ въ деревню къ родителямъ отца ребенка. Такъ, на многихъ русскихъ фабрикахъ въ рабочихъ казармахъ можно видѣть огромныя спальни съ сотнями семейныхъ постелей,—что представляетъ уже прогрессъ въ отношеніи развитія индивидуализма. Въ большинствѣ случаевъ эти постели отдѣлены другъ отъ друга перегородками и занавѣсками. Такой порядокъ имѣетъ ту весьма невыгодную сторону, что постоянно кадры рабочихъ снова и снова пополняются сельскими жителями. По устному сообщенію, сдѣланному мнѣ владимірскимъ

---

[1]) Мы заимствуемъ эти цифры у *Эрисмана* изъ цитиров. нѣсколько разъ „Сборника Московскаго Земства", т. IV, ч. 1, стр. 206.

[2]) *Эрисманъ*, стр. 292 и 297.

[3]) *Янжулъ*. Отчетъ фабричнаго инспектора. С.-Пб., 1886 г., стр. 52.

фабричнымъ инспекторомъ, во владимірской губерніи, съ преобладающимъ промышленнымъ населеніемъ, % дѣтей среди рабочаго населенія не превышаетъ 10.

Дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что сначала отдѣльные рабочіе, такъ называемые „рабочіе 1-го разряда“, получаютъ возможность оставлять дѣтей при себѣ, на фабрикѣ. Вначалѣ оставляютъ только такое количество дѣтей, сколько необходимо учениковъ, помощниковъ и т. п.; тогда эти дѣти обучаются въ фабричныхъ школахъ. Постепенно и большинство рабочихъ начинаютъ держать дѣтей при себѣ; фабричныя школы переполняются. Эти фабричныя школы, которыя встрѣчаются на крупныхъ фабрикахъ Московской и Владимірской губерній, имѣютъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что общаго школьнаго обученія для массы населенія въ Россіи, какъ извѣстно, не существуетъ. Фабричныя школы, напр., Морозова, которыя мнѣ пришлось посѣтить,—просторны, хорошо освѣщены, хорошо вентилируются и въ изобиліи снабжены учебными пособіями; учебный персоналъ имѣется также въ достаточномъ количествѣ. Кромѣ обычныхъ элементарныхъ предметовъ, въ этихъ школахъ часто преподается рукодѣліе и существуетъ наглядное обученіе ремесламъ.

Такимъ образомъ, все большая и большая часть необходимаго прироста рабочихъ пополняется изъ среды самого рабочаго населенія, которое вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляется отъ сельскаго населенія; связь его съ послѣднимъ выражается только въ помощи, оказываемой сельскимъ родственникамъ, и поддерживается вслѣдствіе паспортной и податной зависимости отъ деревни.

На этой стадіи развитія фабричные инвалиды и старики, правда, еще отсылаются назадъ въ деревню, но больные, на выздоровленіе которыхъ можно надѣяться, пользуются фабричными лѣчебницами—признакъ того, что начинаютъ уже дорожить обученными работниками.

Нѣкоторыя крупныя московскія бумагопрядильни имѣютъ лѣчебницы, которыя вполнѣ удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ науки; вмѣсто обычнаго „фельдшера“ при нихъ состоятъ часто нѣсколько врачей. Нѣкоторыя изъ нихъ производятъ самое лучшее впечатлѣніе своими широкими корридорами, свѣтлыми и просторными больничными палатами, ваннымъ и операціонными комнатами, садами для выздоравливающихъ и т. д.

Такимъ путемъ извѣстное число фабрикъ уже теперь имѣетъ возможность пополнять весь рабочій персоналъ изъ мѣстныхъ же рабочихъ. На мѣсто „фабричнаго номада“ появляется спеціальный, связанный съ производствомъ рабочій.

На многихъ лучшихъ московскихъ бумагопрядильняхъ уже и теперь есть рабочіе, дѣды и отцы которыхъ были фабричными рабочими. Носителемъ прогресса и здѣсь является хлопчатобумажная промышленность. Хлопчатобумажные прядильщики и ткачи—самый постоянный слой рабочихъ въ Московской губерніи.

Описанныя измѣненія прежде всего въ интересахъ фабрикантовъ. Дѣти фабричныхъ рабочихъ, выросшія при фабрикѣ и прошедшія чрезъ фабричную школу, по словамъ хорошо освѣдомленныхъ фабрикантовъ, въ 3—4 мѣсяца выучиваются труднымъ работамъ, къ которымъ крестьяне изъ деревни привыкаютъ только въ 3 — 4 года [1]). Послѣдніе почти непригодны для работы при машинахъ, требующей обученія, и потеря времени и матеріала при ихъ работѣ постоянно гораздо больше, чѣмъ у рабочихъ, родившихся на фабрикѣ. Одинъ изъ опрошенныхъ г. Шейкевичемъ фабрикантовъ опредѣлялъ эту разницу въ 20—25%. Въ высшей степени интересно замѣчаніе этого же свидѣтеля, что сокращеніе рабочаго дня не оказываетъ никакого вліянія на производительность труда рабочихъ-крестьянъ, тогда какъ подобное же сокращеніе рабочаго дня для рабочихъ, родившихся на фабрикѣ, повышаетъ интенсивность ихъ труда—фактъ общеизвѣстный въ Западной Европѣ.

Но измѣненіе это также въ интересахъ и самихъ рабочихъ. Тамъ, гдѣ молодое поколѣніе остается при фабрикѣ, мѣсто артели заступаетъ индивидуалистическая современная европейская семья. Особенно ясно это видно изъ того, что, по единогласному утвержденію всѣхъ изслѣдователей, рабочіе начинаютъ избѣгать артелей [2]). Положимъ обособленность существованія отдѣльныхъ семей еще довольно слаба. Хотя теперь фабриканты перестали устраивать большія общія спальни и строятъ казармы такъ, что чрезъ всю длину корпуса проходитъ корридоръ, въ который по обѣимъ сторонамъ выходятъ отдѣльныя комнаты, но въ каждой такой комнатѣ живутъ вмѣстѣ по нѣсколько семей, обыкновенно по 4, о чемъ свидѣтельствуютъ стоящія по угламъ огромныя семейныя постели. Часто мнѣ приходилось встрѣчать только 2 семьи въ комнатѣ. Въ этомъ случаѣ задніе углы комнаты заняты постелями, а два переднихъ угла, у оконъ, украшены образами (съ зажженной лампадой) и лампой. Въ комнатахъ и корридорахъ масса дѣтей и ма-

---

[1]) Эти и слѣдующія данныя заимствованны изъ изслѣдованія г. *М. Шейкевича*, который любезно предоставилъ мнѣ право воспользоваться его работой.

[2]) Кромѣ многихъ другихъ авторовъ см., напр., *Янжулъ*. Фабр. бытъ Моск. губ., стр. 95.

лютки часто висятъ въ люлькахъ, привѣшенныхъ къ потолку. Хотя запахъ здѣсь довольно тяжелый, но все же эти помѣщенія болѣе достойны человѣка, чѣмъ необитаемыя спальни временныхъ рабочихъ, гдѣ они переутомленные валяются на грязныхъ тулупахъ. Вмѣстѣ съ семейной жизнью развивается вкусъ къ небольшому комфорту; стѣны украшаются лубочными картинами, изображающими церковныя легенды, коронованіе царя и т. п. Дѣти и женщины учтиво кланяются посѣтителямъ. Мужчины начинаютъ въ часы досуга почитывать книжки.

На нѣкоторыхъ лучшихъ московскихъ крупныхъ фабрикахъ каждая семья имѣетъ отдѣльную комнату. Это—фабрики, которыя отличаются самой высокой интенсивностью труда и на которыхъ начинаютъ уже сберегать человѣческую силу, на что раньше совершенно не обращали вниманія. Такъ, на извѣстной крупной фабрикѣ въ Раменскомъ я видѣлъ въ рабочихъ казармахъ чистыя и хорошо содержимыя комнаты съ достаточнымъ кубическимъ содержаніемъ воздуха, паровымъ отопленіемъ и водопроводомъ; ясли, въ которыхъ оставляютъ маленькихъ дѣтей, пока ихъ матери работаютъ на фабрикѣ; свѣтлые корридоры, закрытые клозеты и т. д. Эта фабрика, вѣроятно, представляетъ высшую стадію, возможную при данной системѣ рабочихъ казармъ.

Съ появленіемъ семьи начинается дѣятельность хозяйки. Хотя кухни и общія, но каждая семья имѣетъ свой горшокъ. Однообразная артельная пища замѣняется болѣе разнообразной и индивидуальной. Конечно, это измѣненіе вначалѣ выражается въ ухудшеніи питанія, какъ это было у фабричныхъ рабочихъ въ Англіи, въ началѣ текущаго столѣтія, и что наблюдается въ Восточной Пруссіи и въ настоящее время у сельскихъ рабочихъ. Картофель начинаетъ играть свою печальную роль. Эрисманъ приводитъ слѣдующія данныя химическаго анализа [2]):

	ГРАММОВЪ		
	бѣлка:	жира:	углевода:
Артельн. харчъ мужчинъ. .	$136,_{08}$	$78,_{23}$	$573,_{19}$
Артельн. харчъ женщинъ. .	$99,_{62}$	$48,_{52}$	$462,_{41}$
Пища семей.	$100,_{13}$	$44,_{32}$	$470,_{06}$

Можно пожалѣть объ ухудшеніи питанія мужчинъ, но зато надо принять во вниманіе, что при этомъ улучшается питаніе женщинъ и дѣтей, такъ какъ въ женскихъ и дѣтскихъ артеляхъ пища очень малопитательна. Нельзя забывать также и преимущества семейной жизни въ психологическомъ отношеніи. Съ измѣненіемъ обычныхъ условій жизни

[2]) *Эрисманъ*, стр. 32. Смѣшанныя артели весьма рѣдки.

исчезаетъ и прежнее обычное довольство своимъ положеніемъ. Въ рабочемъ пробуждается желаніе лучшаго, пробуждаются культурныя потребности и вмѣстѣ съ тѣмъ это служитъ психологической основой для возникновенія у рабочихъ самостоятельнаго стремленія къ улучшенію своего положенія. Развѣ западно-европейское рабочее движеніе, которое представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ прогресса, выросло на почвѣ довольства обычными условіями жизни?

Въ виду всего вышеизложеннаго совершенно непонятно, почему авторъ цитированой уже статьи: „Контора Кнопъ и ея значеніе“ бросаетъ московской прядильной промышленности, созданной Кноном, упрекъ съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ. Положимъ, положеніе рабочихъ въ московской прядильной промышленности далеко отъ идеала. Но, по даннымъ *Пескова*, *Янжула*, *Эрисмана* и *Святловскаго*, несомнѣнно, что въ большинствѣ мелкихъ московскихъ производствъ, равно какъ въ весьма еще распространенномъ ручномъ ткачествѣ, а также, вѣроятно, и на болѣе мелкихъ и располагающихъ меньшимъ капиталомъ механическихъ фабрикахъ восточной части Владимірской губерніи,—положеніе рабочихъ гораздо хуже, чѣмъ въ крупномъ производствѣ, основу котораго составляетъ бумагопрядильное производство. Доказательствомъ могутъ служить частые и нерѣдко сопровождающіеся насиліемъ безпорядки рабочихъ; только рабочій, который сносно питается, находитъ въ себѣ силу и охоту къ сопротивленію. Въ Западной Европѣ стачки являются оружіемъ лучше оплачиваемыхъ рабочихъ, тогда какъ низшіе слои рабочаго класса переносятъ свою участь наиболѣе покорно и по большей части молча.

4. Но описанная система, какъ она осуществлена въ московскомъ крупномъ производствѣ, вѣроятно, уже достигла конечнаго пункта своего развитія. Всѣ эти рабочія жилища съ принадлежащими къ нимъ лѣчебницами, съ родильными пріютами, лавками, скотобойнями, хлѣбопекарнями и т. п. имѣли raison d'etre, пока они были необходимымъ средствомъ для того, чтобы выдѣлить изъ милліоновъ земледѣльческаго населенія классъ промышленныхъ рабочихъ. Все это чрезвычайно увеличивало издержки при учрежденіи фабрикъ; точно также текущія издержки почти не уменьшаются, если сокращается число рабочихъ при застоѣ сбыта. Обѣ эти невыгодныя стороны этой системы могутъ быть устранены только въ томъ случаѣ, если предприниматель возлагаетъ на самого рабочаго заботы о его содержаніи и жилищѣ и связанъ съ нимъ только денежной платой. Необходимымъ условіемъ для этого является, конечно, перенесеніе промышленныхъ предпріятій въ города и на станціи желѣзныхъ

дорогъ, гдѣ рабочій могъ бы найти наемное помѣщеніе для жилья, мелочныя лавки и т. п.

Такое приближеніе къ западно-европейскимъ условіямъ представляетъ прогрессъ и для рабочаго. Даже если его квартирныя условія жизни при этомъ не улучшаются, то все же такое измѣненіе имѣетъ для него важное значеніе. Это значеніе заключается въ томъ, что вмѣсто личной полной зависимости отъ фабриканта онъ отдаетъ въ его распоряженіе только свою рабочую силу, что только и нужно современному фабриканту. Только такимъ путемъ становится возможнымъ вполнѣ самостоятельное, обособленное существованіе взамѣнъ прежней некультурной групповой жизни.

Замѣчательно, что въ Москвѣ, какъ и въ другихъ странахъ, соціальный прогрессъ въ машиностроительномъ производствѣ далеко опередилъ другія производства. Машиностроительные рабочіе не только наилучше оплачиваемые московскіе рабочіе, но и живутъ, въ противоположность хлопчатобумажнымъ рабочимъ, въ собственныхъ квартирахъ, ведутъ свое хозяйство, живутъ европейской семейной жизнью [1]).

Хлопчатобумажное прядильное производство непосредственно слѣдуетъ за машиностроительнымъ—и именно по причинѣ высокаго уровня его техническаго развитія. Въ настоящее время—по словамъ одного наблюдательнаго русскаго фабриканта—бумагопряденіе достигло такой степени развитія, что требуетъ отъ рабочаго не мускульной силы, но пониманія и сообразительности [2]). Будущій рабочій настолько же долженъ превосходить современнаго, насколько современный рабочій стоитъ выше крѣпостного рабочаго.

Въ какомъ направленіи будетъ идти развитіе рабочаго Средней Россіи—показываетъ примѣръ Петербурга и Польши. Въ Польшѣ въ прядильно-ткацкомъ производствѣ условія труда сложились уже по европейски. Тѣмъ болѣе не лишнимъ будетъ вкратцѣ здѣсь коснуться ихъ, что и Москва рано или поздно подъ давленіемъ внутренней конкурренціи подвинется въ этомъ же направленіи. Сошлюсь при этомъ на цитированное уже описаніе польской фабричной промышленности Янжула.

Въ то время какъ въ Россіи бѣднѣйшіе крестьяне ищутъ работы на фабрикѣ, въ Польшѣ уже сложился особый рабочій классъ, сначала изъ выходцевъ изъ Германіи, а потомъ изъ мѣстнаго сельскаго населенія,

---

[1]) *Янжулъ*. Фабрич. бытъ Москов. губ., стр. 116, а также его:—Отчетъ фабрич. инспектора, стр. 59.

[2]) *Ѳедоровъ*. Труды прядильно-ткацкаго отдѣла комиссіи по вопросу объ урегулированіи рабочаго времени. Москва, 1896 г., стр. 19.

классъ, который въ теченіе нѣсколькихъ уже поколѣній связанъ съ промышленностью. Русскій фабричный рабочій, по своему духовному уровню, не отличается отъ крестьянина, тогда какъ фабричный рабочій Польши стоитъ гораздо выше польскаго крестьянина. Послѣдній обыкновенно безграмотенъ, тогда какъ на польскихъ фабрикахъ, по изслѣдованію Янжула, (въ качествѣ фабричнаго инспектора), грамотность и умѣніе писать, вопреки ожиданіямъ, очень распространены. Онъ изслѣдовалъ 64 фабрики Лодзинскаго, Варшавскаго, и Сосновицкаго промышленныхъ районовъ, (изъ нихъ всѣ фабрики были не выше среднихъ) и нашелъ $45,_2{}^0/_0$ грамотныхъ всего числа рабочихъ и $8,_3{}^0/_0$ получившихъ и большее образованіе [1]). Польскій рабочій живетъ обособленно, своей семьей, ѣстъ—если и плохо—зато изъ собственнаго горшка; артельная жизнь для него была бы немыслима.

Потребности русскаго фабричнаго рабочаго вращаются въ строго обычныхъ предѣлахъ, тогда какъ польскій фабричный рабочій одушевленъ стремленіемъ улучшить условія своей жизни. Земля въ Польшѣ уже въ теченіе столѣтій составляетъ исключительно предметъ частной собственности, и поэтому безземельные могутъ улучшать свое положеніе только на почвѣ наемнаго труда. Въ противоположность большинству русскихъ рабочихъ, по словамъ Янжула, польскіе рабочіе не имѣютъ земли и потому на лѣто не уходятъ съ фабрики на сельскія работы.

Мы говорили уже выше о сбереженіи рабочей силы, объ интенсивности труда при возрастаніи заработной платы въ польской промышленности. Отсюда становится понятнымъ, что въ Лодзи,—на что мы уже указывали неоднократно выше,—издержки на оплату труда въ отношеніи къ получаемому продукту, поскольку идетъ дѣло о машинномъ крупномъ производствѣ, вѣроятно, меньше, чѣмъ въ Москвѣ.

Польскій рабочій рѣдко покидаетъ свое мѣстожительство и перемѣняетъ профессію, въ которой онъ работаетъ съ дѣтства. Въ Польшѣ не существуетъ всѣхъ тѣхъ средствъ внѣшняго принужденія, чтобы удержать рабочаго въ промышленности, которыя напоминаютъ несвободный трудъ. Выдача заработной платы производится регулярно черезъ короткіе промежутки времени; польской промышленности совершенно неизвѣстно, чтобы рабочіе обѣдали и спали въ стѣнахъ фабрики, чтобы существовалъ караулъ у фабричныхъ воротъ; неизвѣстны тѣ огромныя рабочія казармы, въ которыхъ заперты рабочіе въ теченіе всего про-

[1]) *Янжулъ*, привед. выше описаніе польской промышленности, стр. 58.

должительнаго срока найма, лѣчебницы, родильные пріюты и т. п., — что мы встрѣчаемъ на московскихъ фабрикахъ. Польскіе рабочіе, какъ и германскіе, скученно живутъ въ промышленныхъ мѣстечкахъ частью на наемныхъ квартирахъ, частью въ собственныхъ домахъ [1]). Для польскаго рабочаго уже существуетъ типичный для Западной Европы, такъ называемый, квартирный вопросъ, который совершенно неизвѣстенъ фабричному рабочему, который только временно квартируетъ на фабрикѣ, какъ неизвѣстенъ онъ и рабу въ эргастеріумѣ [2]).

Подводя итогъ предшествовавшему изложенію, мы можемъ сказать слѣдующее. Не взирая на одобрительное или неодобрительное отношеніе въ литературѣ, на фабрикахъ Восточной Европы складывается психологическій типъ западно-европейца, и именно подъ давленіемъ экономической необходимости. Здѣсь, какъ это часто бываетъ, на ряду съ экономической и психологической эволюціей, происходятъ соотвѣтственныя законодательныя измѣненія.

Конечно, не случайно то, что законодательная защита рабочихъ въ Россіи начинается съ того времени, когда рабочій классъ сталъ пополняться изъ него же самого. Существовавшее до того времени пользованіе рабочей силой сдѣлалось невозможнымъ, такъ какъ при этомъ происходило вмѣстѣ съ потребленіемъ рабочей силы потребленіе самого рабочаго. Такъ какъ очеркъ фабричнаго законодательства въ Россіи недавно былъ данъ на нѣмецкомъ языкѣ Rosenberg'омъ (Rosenberg. Zur Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland. Leipzig 1895), то я не стану подробнѣе на этомъ останавливаться [3]). Я не имѣю возможности за отсутствіемъ достаточнаго матеріала ни подтвердить, ни опровергнуть Исаева [4]), по словамъ котораго предписанія закона во многихъ случаяхъ ограничиваются исключеніями, предоставленными усмотрѣнію административныхъ органовъ. Съ тѣхъ поръ какъ прекращено опубликованіе отчетовъ

---

[1]) Цитир. описаніе *Янжула*, стр. 37, 48 – 51. *Святловскій*, стр. 47, 106.

[2]) [„Эргастеріумъ“ — мастерскія у грековъ, гдѣ работали рабочіе—рабы]. *Прим. ред.*

[3]) Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Band I, S. 479 ff., далѣе см. статью *Дементьева* въ „Archiv für soziale Gesetzgebung“. Bd. IV, S. 197 ff.; на русскомъ языкѣ интересныя данныя можно найти у *Туганъ-Барановскаго*, стр. 360 и сл.

[4]) *Исаевъ*. Zur Politik des russ. Finanzministeriums. Stuttgart, 1898, S. 36.

фабричныхъ инспекторовъ, этотъ вопросъ остается темнымъ. Законъ 2 іюня 1897 года представляетъ по крайней мѣрѣ важный принципіальный шагъ впередъ въ сравненіи съ прежнимъ положеніемъ русскаго фабричнаго законодательства, какъ оно описано Rosenberg'омъ. Теперь существуетъ по закону $11^1/_2$ час. нормальный рабочій день для фабричныхъ рабочихъ, воскресная работа запрещена, а также ночная работа женщинъ въ прядильно-ткацкой промышленности, при ночной работѣ максимумъ рабочаго времени ограниченъ 10 часами, запрещена работа дѣтей до 12-лѣтняго возраста и ограничено рабочее время малолѣтнихъ отъ 12 до 17 лѣтъ.

Замѣчательно, что законодательное сокращеніе рабочаго дня встрѣчаетъ меньше всего препятствій на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ условія труда имѣютъ наиболѣе европейскій характеръ. Поэтому, лодзинскіе и петербургскіе фабриканты гораздо охотнѣе идутъ навстрѣчу законодательной защитѣ рабочихъ, чѣмъ московскіе. Но и въ Москвѣ, на отдѣльныхъ фабрикахъ, послѣдовало уже сокращеніе рабочаго дня при повышеніи при этомъ интенсивности труда. Такъ, напр., какъ я узналъ, на извѣстной Александровской фабрикѣ Баранова при переходѣ къ 9-часовой работѣ, хотя сдѣльная плата осталась неизмѣнной, недѣльный заработокъ рабочихъ нисколько не уменьшился; прежде всего это объясняется очень значительнымъ уменьшеніемъ штрафовъ за дурную работу. Этотъ случай, повидимому, вовсе не единственный [1]). Поэтому, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что болѣе мелкія и технически-отсталыя предпріятія, въ особенности такія, въ которыхъ преобладаетъ крестьянскій типъ рабочихъ, при законодательной защитѣ рабочихъ страдаютъ болѣе всего. Такъ какъ русское правительство не можетъ не слѣдовать по пути западно-европейскаго фабричнаго законодательства вслѣдствіе его культурнаго, гигіеническаго и гуманитарнаго значенія, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ само измѣняетъ условія конкурренціи въ пользу европейскаго безземельнаго рабочаго класса.

Недавно было устранено законодательнымъ путемъ и другое зло русской фабричной жизни. Было предписано выдавать заработную плату регулярно, въ опредѣленные сроки. Штрафы, удерживаемые съ рабочихъ, должны теперь поступать въ фондъ, который можетъ быть обращаемъ

---

[1]) Матеріалы въ цитиров. описаніи московск. отд. „Общества для содѣйствія пром. и торговлѣ". Сообщеніе отъ 20 января 1895 г., стр. 19 и *Янжулъ*. Отчетъ фабричн. инспектора, 1886 г., стр. 63.

только на нужды рабочихъ. Фабричныя лавки, какъ уже было сказано, поставлены подъ надзоръ фабричной инспекціи. Безъ сомнѣнія, съ тѣхъ поръ многое улучшилось. Вслѣдствіе того, что фабричные инспектора стали устанавливать таксы на товары, отпускаемые въ этихъ лавкахъ въ кредитъ, число подобныхъ лавокъ тотчасъ значительно уменьшилось и въ теченіе одного мѣсяца оказалось возможнымъ понизить цѣны въ среднемъ на 20% [1]). Нѣкоторыя мелкія фабрики, которыя до этого времени существовали, главнымъ образомъ, на счетъ лавокъ, закрылись вмѣстѣ съ своими лавками.

По русскимъ условіямъ, въ особенности вслѣдствіе огромныхъ разстояній, изданіе фабричныхъ законовъ вовсе еще не означаетъ ихъ исполненія на практикѣ. Напр., Харьковскій фабричный округъ, по величинѣ равняется Королевству Прусскому; Янжулъ, въ качествѣ фабричнаго инспектора, совершенно случайно узнавалъ о существованіи фабрикъ, которыя невѣрно или вовсе не были обозначены на картѣ [2]). Сами фабричные инспектора сомнѣваются въ правильности обозначеній, сдѣланныхъ ими раньше [3]).

На ряду съ вліяніемъ фабричныхъ законовъ европеизаціи русскаго фабричнаго рабочаго способствуетъ и распространеніе образованія среди народа. Въ самое послѣднее время началось очень оживленное движеніе въ пользу всеобщаго обязательнаго народнаго обученія. Нѣтъ почти ни одного земскаго собранія, на которомъ не высказывалось бы это пожеланіе, нѣтъ ни одного періодическаго изданія, которое въ настоящее время не занималось бы этимъ вопросомъ. Каждый годъ все большее и большее число дѣтей проходитъ черезъ земскія, церковно-приходскія и министерскія школы и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается все еще очень значительный % безграмотныхъ на фабрикахъ. По свидѣтельству самихъ фабрикантовъ, распространеніе грамотности также способствуетъ появленію обученныхъ и постоянныхъ рабочихъ; по ихъ мнѣнію, безграмотные такъ и остаются на самой низшей работѣ; ими можно пользоваться только тамъ, гдѣ нужна только грубая физическая сила: въ Россіи такъ называемая „черная работа“. Назначеніе ихъ къ машинамъ невыгодно; какъ надсмотрщики (Aufseher) и старшіе рабочіе (Vorarbeiter) они совершенно непригодны. При пользованіи грамотными рабочими замѣтно уменьшается число несчастныхъ слу-

---

[1]) *Rosenberg*. Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland. Leipzig, 1895, S. 120—130.

[2]) *Янжулъ*. Фабр. бытъ Москов. губ., введеніе, стр. XV.

[3]) *Песковъ*, стр. 13 и *Янжулъ*. Отч. фабр. инспектора, стр. 73—87.

часовъ, также какъ уменьшается и потеря матеріала и времени при работѣ. Этотъ фактъ недавно былъ установленъ на съѣздѣ по техническому образованію въ Москвѣ и подтверждается, какъ сообщаетъ г-жа Янжулъ, и примѣрами изъ Америки [1]).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ оказывается, что трудъ грамотныхъ вообще лучше оплачивается, чѣмъ безграмотныхъ. Это замѣтно уже при самомъ поступленіи на фабрику; различіе это въ послѣдующіе годы возрастаетъ. На названномъ съѣздѣ было прочитано сообщеніе Шестакова [2]), въ которомъ приведены слѣдующія интересныя данныя, относящіяся къ одной изъ самыхъ извѣстныхъ крупныхъ московскихъ фабрикъ (красильная и ситце-набивная Цинделя):

Возрастъ рабочихъ.	Число рабочихъ.	Дневная зараб. плата въ коп.: грамотныхъ.	безграмотныхъ.	Различіе въ пользу грамотныхъ въ %%.
15—20	427	33,5	31,1	+ 8
20—25	282	51,9	45,6	+ 12
25—30	297	62,1	48,2	+ 25
30—35	203	89,7	59,8	+ 50
35—40	166	88,5	64,8	+ 37
40—45	91	88,9	69,7	+ 28
45—50[3])	56	107,5	71,4	+ 51

Для объясненія этихъ фактовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что рабочіе въ школѣ еще дѣтьми пріучаются къ внимательности и извѣстному умственному напряженію, въ чемъ и состоитъ именно сущность работы при машинѣ. При посѣщеніи русскихъ народныхъ школъ я видѣлъ маленькаго мужика съ его бѣлокурой круглой головой и въ красной кумачевой рубашкѣ—дань, которую онъ платитъ хлопчатобумажной промышленности. Съ удивительнымъ усердіемъ онъ старается усвоить таинственное искусство грамоты и научиться владѣть своими грубыми пальцами такимъ тонкимъ инструментомъ, какъ грифель. До сихъ поръ водка была единственнымъ развлеченіемъ рабочаго въ часы

---

[1]) *И. и Е. Янжулъ.* Часы досуга. Москва, 1896 г., стр. 186 и слѣд.

[2]) „Русскія Вѣдомости“ отъ 30 января 1894 г. Вошло въ переработанномъ видѣ въ книгу г. Шестакова:—Рабочіе на мануфактурѣ т-ва „Эмиль Циндель“ въ Москвѣ. Статистическое изслѣдованіе П. М. Шестякова. Москва, 1900 г. *Прим. ред.*

[3]) Высшія возрастныя группы, въ которыхъ уже не наблюдается такой правильности измѣненій, можно оставить безъ вниманія, такъ какъ въ нихъ грамотные составляютъ исключеніе и вообще число рабочихъ свыше 50-лѣтняго возраста крайне незначительно.

досуга,—развлеченіемъ, которое вело за собой головную боль и прогулъ работы. Русскій, который научился читать, читаетъ очень охотно. Я припоминаю, что мнѣ приходилось наблюдать среди самыхъ грубыхъ бродячихъ рабочихъ на днѣпровскихъ и волжскихъ пароходахъ, что чтецы всегда были окружены густой толпой слушателей. Изъ фабричныхъ округовъ пишутъ, что рабочіе уже давно переросли дѣтскій матеріалъ для чтенія народныхъ библіотекъ; извѣстно, что въ Россіи не всѣ изданія, разрѣшенныя цензурой, допускаются въ народныя библіотеки, а лишь незначительное число ихъ. Болѣе разумное пользованіе досугомъ, безъ сомнѣнія, повышаетъ усидчивость и ловкость рабочаго при работѣ.

Но ничто другое не способствуетъ такъ „европеизаціи“ русскаго фабричнаго рабочаго, какъ само аграрное развитіе. Если теперь можно уже наблюдать отдѣленіе отъ земли (деревни) обученныхъ рабочихъ въ крупной промышленности средней Россіи, то именно благодаря этому развитію [1]). Равенство положенія, которое должно было бы обезпечивать общинное землевладѣніе для членовъ общины, теперь исчезло, и теперь уже существуетъ цѣлый слой сельскаго населенія, который можетъ разсчитывать только на наемную работу. И здѣсь рано или поздно государство должно дать законодательную санкцію фактическому положенію дѣлъ и облегчить фабричному рабочему выходъ изъ сельской общины, съ которой онъ теперь связанъ только въ качествѣ плательщика податей и благодаря паспортной системѣ. Участокъ общинной земли, который онъ получалъ,—раньше, быть можетъ, и былъ ему полезенъ, пока фабричный рабочій періодически возвращался въ деревню. Теперь же онъ, быть-можетъ, еще оставляетъ на своемъ надѣлѣ жену и ребенка, а въ городѣ и на фабрикѣ вступаетъ въ новый бракъ, не узаконенный священникомъ, и въ этомъ послѣднемъ бракѣ сосредоточиваются его интересы. Машина требуетъ рабочаго, который служилъ бы исключительно ей. Законодательная санкція отдѣленія отъ деревни городскаго промышленнаго рабочаго въ интересахъ послѣдняго, въ интересахъ болѣе постоянной и полной жизни для него, что въ свою очередь является необходимымъ условіемъ повышенія интенсивности труда.

Изученіе исторіи хозяйственнаго быта показываетъ намъ, что про-

[1]) См. недавно вышедшую книгу *Дементьева*: „Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ“ (С.-Пб., 1897 г., 2-е изд.), съ которой я, къ сожалѣнію, познакомился только при выѣздѣ изъ Россіи.

мышленное развитіе Западной Европы было бы невозможно безъ параллельнаго развитія народной психологіи. Оно состояло въ томъ, что индивидуумъ освобождался отъ групповой зависимости, въ которой онъ жилъ раньше, и даже въ низшихъ слояхъ общества, среди рабочихъ. Мы видѣли, что эти психологическія измѣненія происходятъ и въ Россіи. Если государство стремится къ развитію промышленности, то оно должно также стремиться и къ этому развитію, такъ какъ европейскій образъ мыслей и привычекъ для успѣшнаго пользованія машины не менѣе необходимъ, чѣмъ паръ, уголь и техника; но этого нельзя достигнуть охранительными пошлинами, ни вывести изъ заграницы; это скорѣе народно-хозяйственный капиталъ, который возрастаетъ только постепенно и который болѣе, чѣмъ что-либо другое, лежитъ въ основѣ современнаго превосходства Европы надъ всѣмъ міромъ [1]).

Приложеніе.

О „Промышленномъ развитіи Польши“ теперь вышла подъ такимъ названіемъ книга д-ра Розы Люксембургъ [1]). Съ этой книгой я познакомился уже послѣ того, какъ предыдущій очеркъ былъ законченъ. Несомнѣнно талантливое изложеніе автора, къ сожалѣнію, затемняется его приверженностью къ устарѣлой марксистской ортодоксіи. Положеніе, по которому въ извѣстный моментъ „на мѣсто частнаго товарнаго хозяйства наступитъ новый соціальный строй, на основѣ планомѣрной товарищеской организаціи хозяйства“,—принадлежитъ къ области вѣры, а не индуктивной науки.

Точка зрѣнія Люксембургъ мѣшаетъ ей видѣть несомнѣнное значеніе національнаго момента въ современной экономической борьбѣ. Правительство въ своей политикѣ руководится интересами классовъ, которые „владѣютъ собственностью“, а не тѣхъ, которые „работаютъ“. Но развѣ поли-

---

[1]) Авторъ намѣренно воздерживается отъ всякихъ ссылокъ на восточно-азіатскую промышленность, ему неизвѣстную. Тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что изъ вышеизложеннаго ясно видно, что въ промышленной борьбѣ націй рѣшающее значеніе принадлежитъ не низко оплачиваемому труду. Центръ тяжести вопроса, по мнѣнію автора, лежитъ въ слѣдующемъ: удастся ли и въ какой срокъ восточно-азіатскимъ націямъ создать тѣ экономическія и народно-психологическія условія, которыя позволили бы прогрессу технической мысли перенести свое обиталище съ береговъ Атлантическаго къ берегамъ Тихаго океана.

[1]) D-r *Rosa Luxemburg*. Die industrielle Entwicklung Polens. Leipzig, 1898 г. Русскій переводъ: *Роза Люксембургъ*. Промышленное развитіе Польши. С.-Пб., 1899 г.

тика Россіи по отношенію къ евреямъ—въ интересахъ тѣхъ евреевъ, которые принадлежатъ къ классамъ, владѣющимъ собственностью?

Впрочемъ, въ каждой строкѣ автора видно, что польскіе „владѣльцы фабрикъ также работаютъ". — Въ частности замѣчу еще, что анонимъ S. G. въ „Neue Zeit.", съ которымъ Люксембургъ неоднократно полемизируетъ, мнѣ неизвѣстенъ [1]). Я нигдѣ не выставлялъ какъ невыгодную сторону Польской промышленности по сравненію съ Московской—высшій уровень заработной платы въ первой, что само собой понятно для всякаго, кто знакомъ съ моими прежними работами („Preussische Jahrbücher", Band 75, Heft 2, S. 361). Люксембургъ считаетъ, что нефтяное отопленіе въ Московскомъ районѣ —„временное явленіе", ссылаясь при этомъ на Менделѣева, — превосходнаго химика, но не геолога и еще менѣе экономиста. Одинъ извѣстный и выдающійся представитель московской промышленности пишетъ мнѣ слѣдующее по этому вопросу: „*Угольное отопленіе* паровыхъ котловъ едва ли увеличивается въ Московскомъ районѣ. Разъ близко или у самой фабрики пролегаетъ дорога, пользуются почти исключительно *нефтью*. Можно разсчитывать на то, что нефтяное отопленіе будетъ все больше распространяться. Добываніе нефти значительно возрастаетъ не только въ Баку, но возникаютъ и другія области добыванія".

---

[1]) [Оговорка эта объясняется тѣмъ, что инціалы Шульце-Геверница—какъ разъ означаются S. G.—Schulze-Gävernitz]. *Прим. ред.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Славянофилы и панслависты.

I. Славянофилы.

Различіе хозяйственной обстановки въ большинствѣ случаевъ обусловливаетъ и различіе въ сферѣ идей. Первое по времени изъ всѣхъ современныхъ крупныхъ производствъ—ланкаширское, въ своемъ развитіи было связано съ англійскимъ фритредерствомъ и либерализмомъ англійской буржуазіи, которая съ развитіемъ крупнаго производства достигла зенита своего могущества. Наоборотъ, на почвѣ московскаго промышленнаго развитія возникла націоналистическая экономическая теорія, которая, насколько возможно, возстаетъ противъ Европы и ея либеральныхъ идеаловъ. Хотя теорія свободной торговли до сихъ поръ носитъ отпечатокъ англійской націи и продолжаетъ существовать въ своей первоначальной формѣ,—она заключаетъ въ себѣ идею международнаго раздѣленія труда, не утратившую значенія и далеко превосходящую меркантилизмъ, такъ какъ теперь уже немыслимо совершенно независимое извнѣ народное хозяйство. Она указываетъ на возможность міровой хозяйственной организаціи, которая, быть можетъ, перешагнетъ завѣщанныя меркантилизмомъ національно-хозяйственыя границы, подобно тому какъ самъ меркантилизмъ переросъ городъ, какъ самодавлѣющую хозяйственную единицу [1]).

Въ экономическомъ ученіи славянофиловъ и ихъ послѣдователей, наоборотъ, вновь оживаетъ давно отвергнутая въ Западной Европѣ меркантильная идея замкнутаго торговаго государства, часто защищаемая съ большою страстностью, какъ, напр., недавно, извѣстнымъ химикомъ

[1]) Я употребляю выраженія „народное хозяйство“ и „городъ“ въ смыслѣ Бюхера. *Бюхеръ*. Происхожденіе народнаго хозяйства. С.-Пб., 1897 г.

Менделѣевымъ. Эти господа вѣрятъ, подобно меркантилистамъ старыхъ временъ, въ возможность вывоза безъ ввоза и, такимъ образомъ, далеко выходятъ за предѣлы поощрительныхъ таможенныхъ пошлинъ, какъ ихъ защищалъ Листъ.

Но національстическое ученіе славянофиловъ и ихъ послѣдователей далеко не является естественнымъ порожденіемъ русской почвы; въ гораздо большей степени—и въ этомъ именно и проявляется духовная связь Россіи съ Европой—это отпрыскъ сильной волны протекшей въ нашемъ столѣтіи черезъ всю Европу. Протестъ противъ индивидуализма предыдущаго просвѣтительнаго періода, противъ классической политической экономіи и системы неограниченной конкурренціи былъ всеобщимъ европейскимъ явленіемъ, въ которомъ уже Милль усматривалъ отличіе XIX столѣтія отъ XVIII-го. Но движеніе это проявлялось различно, въ зависимости отъ среды, въ которую оно проникало, т. е. въ зависимости отъ классовъ, пользовавшихся имъ для защиты своихъ экономическихъ интересовъ.

Въ *Англіи* движеніе это служило прогрессу, не смотря на то, что ранніе представители его, какъ Дизраэли или Карлейль, искали свои идеалы въ прошломъ; оно послужило къ переходу рабочаго класса отъ революціоннаго протеста къ политическому участію въ управленіи государствомъ. Оно вызвало преобразованіе либеральной партіи, въ то время какъ консервативная партія, все больше и больше становившаяся представительницей движимой собственности, написала на своемъ знамени когда то либеральные манчестерскіе принципы.

Въ *Германіи* новое ученіе встрѣтило еще полныя жизни феодальныя силы и въ ихъ рукахъ послужило хорошимъ оружіемъ противъ побѣдоноснаго движенія городскихъ классовъ. Оно оказалось здѣсь реакціоннымъ, вопреки заключавшимся въ немъ теоретическимъ истинамъ, какъ—романтика, германская школа права, государственный соціализмъ. Съ другой стороны, протестъ противъ предшествовавшаго просвѣтительнаго движенія усиливалъ въ Германіи національную идею, безъ развитія которой немыслимо было бы образованіе нѣмецкаго государства, и вмѣстѣ съ нимъ и развитіе крупной капиталистической промышленности нынѣшней Германіи. Въ этомъ смыслѣ вліяніе его было прогрессивно.

Подобное же значеніе оно имѣло и въ *Россіи*. Здѣсь протестъ противъ философскаго и политико-экономическаго индивидуализма прежде всего выразился въ реакціонномъ прославленіи натуральнаго хозяйства. Не смотря на это, этотъ протестъ и здѣсь заключалъ въ себѣ нѣкоторые прогрессивные элементы: здѣсь—и это какъ разъ будетъ показанно въ даль-

нѣйшемъ изложеніи—романтика, какъ славянофильство, ковала оружіе не рабочимъ, какъ въ Англіи, не юнкерамъ, какъ въ Пруссіи—Германіи, а буржуазнымъ представителямъ крупной промышленности. Такъ, „Московскія Вѣдомости“ долгое время и не случайно были въ высшей степени опредѣленнымъ представителемъ „русскаго міросозерцанія“ и въ то-же время интересовъ московской промышленности. Прежній, такъ называемый „манчестерскій“ либерализмъ въ Англіи служилъ интересамъ возникающаго класса фабрикантовъ; въ Россіи какъ разъ съ этимъ ученіемъ пришлось вступить въ борьбу поздно зародившейся крупной промышленности. Замѣчательно, что и въ Москвѣ, какъ нѣкогда въ Манчестерѣ, нѣжное хлопковое волокно явилось носителемъ этого, повидимому, чисто идейнаго движенія.

Читатель не найдетъ, конечно, здѣсь историко-литературнаго изслѣдованія и еще менѣе характеристики отдѣльныхъ писателей, а только характеристику идейнаго движенія въ самыхъ общихъ чертахъ.

Конецъ семидесятыхъ годовъ является рубежомъ въ этомъ развитіи. До того времени оффиціально господствовали болѣе или менѣе либеральныя идеи, характеризующія Россію Александра II. До этого поворотнаго пункта развитіе націонализма стоитъ, стало быть, въ противорѣчіи съ господствующимъ направленіемъ; въ турецкую войну 1878 года оно впервые получило оффиціозное одобреніе. Съ этихъ поръ „русское міросозерцаніе“ время отъ времени становится основнымъ направленіемъ внутренней и внѣшней политики царскаго правительства. Примиреніе Каткова съ младшимъ Аксаковымъ, превращеніе до того сторонника свободы торговли—„Московскихъ Вѣдомостей“ въ защитника охранительныхъ пошлинъ, служатъ внѣшнимъ проявленіемъ этой перемѣны.

Основой своего міросозерцанія русскій націонализмъ все-же былъ обязанъ прежнимъ славянофиламъ. Дружескій кружокъ, существовавшій въ Москвѣ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ подъ именемъ „*славянофиловъ*“ по своимъ воззрѣніямъ стоялъ въ тѣсной связи съ *нѣмецкой романтикой*. Объ этомъ упоминаетъ самъ основатель славянофильскаго ученія, Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій; сверхъ того всѣ члены этого кружка получили образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ [1]). Условія, среди которыхъ они жили, создали двѣ особенности въ воззрѣніяхъ этихъ старшихъ славянофиловъ. Николаевская Россія была абсолютной военной

[1]) Проф. *П. Г. Виноградовъ*. И. В. Кирѣевскій и начало славянофильства. „Вопросы философіи и психологіи“, книга II, особенно стр. 117—120.

монархіей; основой государства былъ крестьянинъ, ведущій натуральное хозяйство. Въ то же время число лицъ, которыя читали и писали, было ничтожно—къ нимъ принадлежала только затронутая западно-европейскимъ образованіемъ часть земельнаго дворянства, насколько она не входила въ составъ къ чиновничеству или офицерству. Незначительная численность разсматриваемаго круга, борьба котораго не затрагивала народъ, дѣлала возможнымъ тѣсную связь между единомышленниками и планомѣрное раздѣленіе труда въ предѣлахъ небольшихъ литературныхъ кружковъ. Такъ, Иванъ Кирѣевскій взялъ на себя философскую, Константинъ Аксаковъ—историческую, а Алексѣй Хомяковъ—теологическую сторону новаго ученія. На этомъ основана замкнутость, характеризующая вообще славянофильскую систему воззрѣній.

Правительство, стремясь сохранить неприкосновенность старой Россіи, ограничивало тогда дѣятельность литературныхъ круговъ сферой отвлеченнаго мышленія. Такимъ образомъ, славянофильство въ началѣ было не политическимъ направленіемъ; а потому позже ему и могли придать хозяйственно-политическую верхушку, которой оно первоначально и не могло имѣть, такъ какъ ко времени его возникновенія, экономическое развитіе страны ушло еще недалеко. Только въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ славянофильское ученіе выработалось въ политическую и экономическую программу.

Исходнымъ пунктомъ славянофильскаго ученія является протестъ противъ Европы, какъ міра индивидуализма и конкурренціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ (не такъ, какъ у западно-европейскихъ романтиковъ) у нихъ тотчасъ на первый планъ выступилъ *національнизмъ*. Россія, въ которой индивидуализмъ все еще не достигъ господства, представляется, благодаря этому, носительницей культуры, болѣе высокой въ моральномъ отношеніи.

„*Насиліе*“, какъ черезмѣрное подчеркиваніе индивидуальности, является, по взгляду славянофиловъ, основной чертой европейскаго характера; европеецъ стремится во что бы то ни стало покорить своей личности окружающихъ, во что бы то ни стало стремится подчинить своимъ собственнымъ интересамъ интересы другихъ. Въ духовной области это проявляется одинаково, какъ во властолюбіи и нетерпимости римской церкви, такъ и въ протестантизмѣ, который возстаетъ противъ всякихъ авторитетовъ. Религіозные и философскіе споры Запада со временъ реформаціи славянофилы опредѣляютъ, какъ разложеніе преданій религіи, какъ „духовную анархію“, сходясь въ этомъ съ многочисленными западно-европейскими критиками существующаго общества,—романтиками, контистами и пр.

То-же самое можно сказать и по отношенію къ политической области. Господство сильнаго съ цѣлью эксплоатаціи слабаго и возмущеніе противъ этого господства составляютъ будто бы основное содержаніе европейской исторіи. Подобно тому, какъ эгоизмъ былъ нѣкогда основнымъ принципомъ римскаго права, точно также насильственное подчиненіе слабыхъ, лежитъ въ основѣ феодальнаго общества. Либеральное освободительное теченіе было только протестомъ противъ феодальныхъ формъ господства, а потому и имѣло не обще-человѣческое значеніе, какъ полагали русскіе либералы, а мѣстное, только для Западной Европы. Въ своемъ побѣдоносномъ движеніи оно осуществляло только политическую свободу, и исключительно съ тѣмъ, чтобы поставить на ея мѣсто экономическое подчиненіе. И никакого другого значенія не могла имѣть политическая свобода тамъ, гдѣ неограниченно господствуютъ индивидуализмъ и конкурренція. На мѣсто феодальной эксплоатаціи возникаетъ еще худшая—капиталистическая. Она вырываетъ у народа „самое первое изъ всѣхъ человѣческихъ правъ, право на землю“. Низшіе классы подобно Атланту, „стеная и корчась“, должны поддерживать „небесный сводъ культуры“. Не безъ основанія, воплощеніе типа современника-европейца, Кирѣевскій видитъ въ англичанинѣ и янки, которые своимъ неуклоннымъ преслѣдованіемъ личныхъ интересовъ дѣйствительно представляютъ крайнюю противоположность бездѣятельной покорности русскаго крестьянина.

Такъ какъ Европѣ не удалось построить политическую свободу на экономической независимости индивидуума, то возникаетъ неразрѣшимое противорѣчіе. Либерализмъ сулитъ возможность господства обезземеленнымъ, силою покореннымъ массамъ; катастрофа въ виду этого неизбѣжна. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ блестящіе успѣхи культуры, Европа несетъ въ себѣ червь смерти. „Время жатвы настало, и солнце, выростившее плоды, перешло черезъ меридіанъ и склоняется къ закату“. — „Европа гніетъ“, вотъ наиболѣе распространенное выраженіе этой мысли, она гніетъ, какъ трупъ, соприкосновенія съ которымъ нужно избѣгать, чтобы не заразиться прилипчивой болѣзнью. Какъ русскій либералъ считаетъ оскорбленіемъ, если его не признаютъ европейцемъ, такъ славянофилъ отказывается отъ такого званія.

Несмотря на вышеприведенныя сильныя выраженія, подобнаго рода идеи не представляютъ ничего новаго для того, кто знакомъ съ болѣе старыми консервативными государствовѣдами Германіи, съ Дизраэли и Карлейлемъ, съ критикой современнаго общества соціалистовъ и контистовъ.

Западная Европа, по мнѣнію славянофиловъ, противоположна славян-

скому міру, который ни экономически, ни духовно не связанъ съ индивидуализмомъ. Въ Европѣ индивидуумъ преслѣдуетъ свои интересы на счетъ ближняго, здѣсь онъ жертвуетъ ими на пользу общую. Какъ тамъ господствуетъ принципъ личности, такъ здѣсь—„*общинный принципъ*“ [1]).

Славянофилы справедливо указываютъ на значеніе духовныхъ и экономическихъ групповыхъ связей, передъ которыми личность въ Россіи совершенно исчезаетъ. Но они забываютъ одно, что и въ Западной Европѣ существованіе такихъ связей предшествовало освобожденію индивидуума.

Славянофилы видятъ въ греческой церкви тотъ духовный авторитетъ, который многіе западные романтики думали найти въ переходѣ къ католичеству. Но русскій народъ есть не только носитель ученія истинной церкви. Въ соотвѣтствіи съ присущимъ ему общиннымъ принципомъ, онъ болѣе другихъ осуществляетъ христіанскую мораль, онъ—„самый христіанскій изъ всѣхъ народовъ“, Россія—„святая Русь“. Человѣкъ является здѣсь для другого человѣка не соперникомъ, а требующимъ любви и участія братомъ. Въ свободномъ стремленіи къ христіанскому самопожертвованію въ пользу ближнихъ въ Россіи осуществляется дѣйствительная свобода. Формальная свобода Запада есть наоборотъ, „свобода дикаго звѣря въ пустынѣ“, которая вслѣдствіе эгоизма сильныхъ приводитъ къ фактическому порабощенію большинства. Поэтому, восклицаетъ К. Аксаковъ: „Западъ осужденъ на неволю, свобода остается лишь на Востокѣ“ [2]) „Такъ найдено для Востока рѣшеніе этого неразрѣшимаго для Запада вопроса о соединеніи свободы съ объективными, для всѣхъ обязательными нормами“.

Какъ обосновываютъ славянофилы эту свою теорію? Какъ романтики, они возвращаются нѣсколько назадъ къ прошлому. Они прославляютъ „*допетровскую Россію*“, гдѣ вся, какъ государственная, такъ и частная жизнь носила нѣкоторую церковную окраску. Ученики нѣмецкой школы права, они прославляютъ согласовавшіяся съ обычаями учрежденія того времени, сравнивая ихъ съ формальнымъ правомъ позднѣйшаго періода. Они прославляютъ ограниченность потребностей того времени, которое не знало стремленія къ богатству. Такъ, Валуевъ говоритъ: „если понимать подъ просвѣщеніемъ не одни вещественныя улучшенія въ быту человѣка,

---

[1]) См., напр., газету „Русь“ 1883 г., № 3, стр. 30—34, гдѣ напечатана, ранѣе опубликованная и гораздо раньше написанная, программная статья *К. Аксакова*: „О современномъ человѣкѣ“.

[2]) Сочиненія *К. Аксакова*, томъ I, стр. 7—9.

а то совокупное умственное и нравственное движеніе, которое должно соединять народы въ единство братолюбивой жизни,... то во всякомъ случаѣ еще останется подъ сомнѣніемъ, кого съ большей справедливостію можно назвать просвѣщенною—Россію-ли XV и XVI вѣка, или современную католическую и протестантскую Европу“ [1]).

Славянофиламъ пришлось, конечно, набросить на исторію древней Россіи, тогда еще мало извѣстную, покрывало сказачной романтики, чтобы открыть въ ней господство принциповъ христіанской морали. Развѣ не носилъ могущественнѣйшій изъ московскихъ царей Іоаннъ IV въ исторіи эпитета „Грозный“, въ воспоминаніе о тѣхъ, казненныхъ имъ 60,000 новгородцевъ, торговое могущество и свободомысліе которыхъ не соотвѣтствовало его планамъ? Вѣдь народъ тогда тысячами бѣжалъ въ степи юга, къ казакамъ. Казачество представляетъ живой протестъ противъ тогдашнихъ условій, которые, по словамъ славянофиловъ, такъ близко подходили къ христіанскому идеалу.

Наряду съ прошлымъ, „народъ“ служилъ славянофиламъ для обоснованія ихъ взглядовъ и предметомъ восхваленія. „Россія прошлаго и теперь еще живетъ въ народѣ, въ немъ одномъ — истинная Россія, Россія современная, непосредственно примыкающая къ Россіи прошлаго“, говоритъ К. Аксаковъ. Только изъ нѣдръ народа могутъ быть созданы истинныя, культурныя, вѣчныя, правовыя идеи. Народъ—это постоянный стволъ, глубоко укоренившійся въ почвѣ, культурные классы, питаемые имъ, — опадающіе листья.

А народъ—это *крестьянинъ*. И не по численности только онъ составляетъ самую націю, но и потому, что онъ единственный носитель истинной русской народности. К. Аксаковъ и старшіе славянофилы впервые выставили этотъ полу-христіанскій, полу-восточный типъ русскаго мужика, новаго „страдальца“, какъ идеалъ человѣка вообще. Идеалъ этотъ позже, благодаря графу Льву Толстому, сталъ знакомъ и Западу. Я напомню чудную фигуру Платона Каратаева и прелестныя народныя сказки этого великаго художника. Бѣдный, голодающій, невѣжественный, презираемый культурными классами, какъ европейцами, мужикъ все-же окажется впереди всѣхъ, если разсматривать жизнь, какъ переходъ въ загробный міръ. Въ то время какъ европеецъ въ жадной погонѣ за золотомъ неустанно рыскаетъ по свѣту, обращая всѣ народы въ рабовъ, въ то время какъ въ Европѣ бѣднякъ домогается удовольствій богача и, постоянно готовый къ

[1]) *А. Н. Пыпинъ.* Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. 2-ое изданіе. С.-Пб., 1890 г., стр. 287.

возстанію, потрясаетъ своими оковами, русскій крестьянинъ слѣдуетъ правилу: „не противься злу“. Онъ одинъ такимъ образомъ освободился отъ безконечныхъ оковъ зла, окутывающихъ всѣхъ тѣхъ, кто платитъ зломъ за зло. Въ виду этого графъ Толстой послѣдовательно осуждаетъ всякое хозяйственное стремленіе, всякое увеличеніе жизненныхъ потребностей, коротко—всякую дѣятельность, направленную на достиженіе большаго, чѣмъ необходимо для самаго простаго образа жизни. „Работа“, какъ ее понимаетъ западно-европеецъ, по Толстому [1]) безнравственна, есть ,,зло‘‘,— такъ какъ она означаетъ погоню за своими личными интересами и пренебреженіе интересами другихъ.

И въ этомъ отношеніи славянофилы указываютъ на существованіе различія между Россіей и Европой; они забываютъ только, что работа безъ внѣшняго принужденія, основанная исключительно на почвѣ личныхъ интересовъ и на Западѣ является относительно позднимъ продуктомъ экономической исторіи.

Нравственныя преимущества крестьянъ, по мнѣнію славянофиловъ, ярче всего проявляются въ русской *сельской общинѣ*, которая какъ разъ тогда была въ литературѣ открыта Гакстгаузеномъ и ошибочно поставлена въ связь съ бывшей въ старину, или предполагаемой, общностью имущества [2]). Періодическіе передѣлы земли, „равненіе“, по народному выраженію, славянофилы разсматривали, какъ важнѣйшее проявленіе этой, противоположной Европѣ, маральной особенности русскихъ крестьянъ. Западно-европеецъ не могъ бы допустить, чтобы земля, орошенная его трудовымъ потомъ, черезъ большій или меньшій промежутокъ времени возвратилась въ общину; онъ никогда не позволилъ бы, чтобы его трудъ пошелъ бы въ пользу какого-либо болѣе лѣниваго и менѣе свѣдущаго товарища, въ то время какъ онъ самъ долженъ снова начинать хозяйство на запущенномъ до тѣхъ поръ участкѣ этого послѣдняго. Каждому вновь родившемуся члену общины русское общинное владѣніе обезпечиваетъ одинаковое право на земельный надѣлъ, хотя бы благодаря этому и уменьшился размѣръ участковъ прежнихъ владѣльцевъ. Въ этой недостаточной защитѣ своихъ личныхъ интересовъ, какъ ее проявляетъ русскій крестьянинъ въ общинномъ владѣніи славянофилы видятъ положительное нравственное преимущество; общинное

---

[1]) *Гр. Л. Н. Толстой:* „Не-дѣланіе“. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1893 г. или „Сочиненія“, т. XIV.

[2]) *Haxthausen.* Studien über die inneren Zustände Russlands. III Band 1847. S. 52.

владѣніе предполагаетъ „высшій актъ личной свободы: самоотреченіе“. Причемъ имѣетъ силу основное положеніе христіанства—„одинъ за всѣхъ, всѣ за одного“.

Итакъ, Россія обладаетъ громаднымъ преимуществомъ предъ Европой. Европейское общество, правда, блестящее снаружи, построено на сыпучемъ пескѣ; ибо связи въ немъ основаны только на соображеніяхъ личной выгоды, на чисто денежныхъ разсчетахъ. Строй русскаго общества, наоборотъ, крѣпко связанъ проникающимъ его общиннымъ принципомъ. Оно основано не по рецептамъ невѣрующихъ экономистовъ, но покоится на скалѣ, пониженной Всевышнимъ въ нагорной проповѣди.

Цѣлительныя послѣдствія этого не заставляютъ себя ждать. Соціальный вопросъ, это неизбѣжное проклятіе міра конкурренціи, въ Россіи невозможенъ. Общинное землевладѣніе гарантируетъ вѣрный исходъ; оно сохраняетъ равенство жизненныхъ условій въ массѣ народа и препятствуетъ образованію пролетаріата,—положеніе, превратившееся теперь въ ходячую истину. Трудъ и капиталъ не раздѣлены здѣсь враждою; земледѣлецъ является и землевладѣльцемъ. Въ то время какъ Западъ обманываетъ низшіе классы призракомъ формальной свободы, Россія обезпечиваетъ ихъ лучше, а именно—фактической свободой въ видѣ экономической независимости. Такъ какъ русскій народъ, благодаря общинному владѣнію, на вѣки обезпечилъ для себя землю, то, въ противоположность разъѣдаемымъ соціальной болѣзнью западно-европейскимъ народамъ, онъ является юнымъ носителемъ будущаго [1]).

Общинное владѣніе служитъ для славянофиловъ основой всего государственнаго и общественнаго строя Россіи. Для патріота оно является самой дорогой національной особенностью; въ то же время это для него самое цѣнное наслѣдіе, удержанное русскимъ народомъ отъ исторіи. Съ нимъ народъ выступилъ на міровую сцену, чтобы при его помощи выполнить свою историческую миссію: установить общественную организацію на мѣсто общественной анархіи, которую оставитъ сходящая со сцены Европа.

Славянофилы здѣсь тѣсно соприкасаются съ русскими соціалистами, въ

---

[1]) Самая ранняя формулировка этой соціальной теоріи, позже перефразированной народниками (Volksparteiler),—это работа славянофильскаго анонима М... З... К... въ „Москвитянинѣ“ 1847 г. См. выдержки у *А. Пыпина*, стр. 292 и слѣд., а такъ-же,—*Keusler*. Kritik und Geschichte des bäuerlichen Gemeindebesitzes. Riga, 1876, I, p. 116 ff.

особенности съ мнѣніемъ Герцена [1]): Европа пережила прошлое, отъ котораго она не можетъ отказаться; всѣми фибрами тяготѣетъ она къ частной собственности, послѣдней причинѣ ея маразма. Для осуществленія соціалистическаго общества требуется свѣжая, молодая почва, которая оставалась бы чуждой развитію капитализма. Такою почвой является славянство, которое и теперь еще держится на первоначальномъ соціалистическомъ основномъ институтѣ—общинномъ владѣніи. Въ русскомъ общинномъ духѣ Герценъ, какъ и Чернышевскій, видѣлъ ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса, благодаря чему Россія выступитъ во главѣ развитія человѣчества вообще [2]). Эти и теперь еще часто повторяемые выводы служатъ признакомъ того, какъ мало затронуты эти соціалисты марксистскимъ пониманіемъ исторіи [3]).

Но не только сельско-хозяйственная, а и обрабатывающая промышленность, по мнѣнію славянофиловъ организована, въ Россіи своеобразно и болѣе выгодно, чѣмъ въ Европѣ. Вслѣдствіе обезпечиваемаго общиннымъ владѣніемъ надѣленія всѣхъ землею и промышленное населеніе сохраняетъ связь съ землей. Народная форма промышленности есть поэтому *сельская домашняя промышленность*. Въ ней осуществлено то, чего требуютъ европейскіе соціалисты: рабочій есть владѣлецъ средствъ производства,

---

[1]) *Otto von Sperber.* Die socialpolitischen Ideen Alexander Herzens. Leipzig, 1894, S. 87, ff.

[2]) *Tschecrnischefski.* Sur la forme communale de la possession foncière. Genève, 1879.

[3]) Только что изложенное славянофильское ученіе въ исторической его части опровергнуто. *Б. Чичеринъ* справедливо утверждалъ, что нынѣшнее общинное владѣніе Россіи есть фискальный продуктъ Московскаго государства. По *А. Ефименко* и *Энгельману* первоначальной формой землевладѣнія у славянъ было владѣніе крупными отдѣльными дворами (семейная община, родовое сообщество). Гдѣ крестьяне оставались свободными, тамъ изъ этой семейной собственности образовалось частное землевладѣніе, напр., на Сѣверѣ, въ Малороссіи. Въ Великороссіи это развитіе было нарушено покореніемъ, со времени котораго вся земля считалась принадлежащей татарскому хану или тому, кому онъ ее отдавалъ. Правопріемникомъ хана былъ царь. Въ цѣляхъ увеличенія налоговъ и уравненія податной тяжести имѣли мѣсто на этихъ, такъ называемыхъ „черныхъ земляхъ“ періодическія уравненія владѣній. Начала частной собственности были, стало быть, благодаря развитію крѣпостной зависимости, затемнены настолько, что наслѣдственное или благопріобрѣтенное право на землю превратилось въ обязанность обрабатывать предоставленную государствомъ землю. Еще въ теченіе нынѣшняго столѣтія правительствомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были произведены такія уравненія имуществъ. *Б. Чичеринъ*, „Русскій Вѣстникъ“, 1856 г. Handw. d. Staatswiss., IV, 1185 ff. Artikel „Mir“ von *Keussler*'a;—*Engelmann.* Die Leibeigenschafft in Russland. Leipzig, 1884, S. 343 ff.

и вся прибавочная цѣнность, которая создается его трудами, остается въ его пользу,—положеніе, только постольку соотвѣтствующее фактическимъ отношеніямъ, поскольку рѣчь идетъ о примитивной формѣ промышленности, продукты которой представляютъ избытки крестьянскаго домашняго хозяйства. Славянофилы признаютъ, правда, техническіе недостатки домашней промышленности; но они съ избыткомъ покрываются „моральными преимуществами“. Россія не знаетъ того опаснаго скопленія пролетаріатскихъ массъ въ городахъ, которое служитъ очагомъ всѣхъ революціонныхъ движеній на Западѣ. Промышленный рабочій Россіи по чистотѣ нравовъ и вѣры походитъ на крестьянина.

Въ ограниченныхъ размѣрахъ признаютъ славянофилы необходимость на русской почвѣ и фабрикъ, какъ проводниковъ техническаго прогресса. Однако къ этому они прибавляютъ требованіе, чтобы условія труда сохраняли свой патріархальный характеръ. „Фабрикантъ—это отецъ семейства, рабочіе—его дѣти“. Безусловному повиновенію рабочаго соотвѣтствуетъ обязанность фабрикантовъ, у которыхъ рабочіе заняты, давать имъ помѣщеніе и пищу,—идеалъ, который въ то время, какъ мы видѣли, былъ достигнутъ на поссессіонныхъ фабрикахъ на почвѣ крѣпостничества.

Но и тамъ, гдѣ идеалъ этотъ не вполнѣ осуществленъ, промышленные рабочіе Россіи во всякомъ случаѣ обладаютъ огромнымъ преимуществомъ предъ пролетаріями Европы, въ особенности предъ англійскими рабочими, нищета которыхъ во всемъ свѣтѣ не имѣетъ себѣ равной. Каждый застой въ дѣлахъ, всякое сберегающее трудъ изобрѣтеніе въ Англіи выбрасываетъ тысячи людей на улицу. Въ Россіи нѣтъ ни одного человѣка, который бы на крайній случай не имѣлъ *своей* земли, *своего* дома, *своего* хлѣба. Если дѣла на фабрикахъ плохи, рабочій возвращается въ деревню и берется за соху. Фабрика даетъ только добавочные средства для народнаго благосостоянія, давая крестьянамъ возможность съ пользою употреблять свое свободное время.

Осуществленіе соціалистическихъ идеаловъ Западной Европы славянофилы находили и въ производительныхъ товариществахъ въ формѣ артели, какъ національной организаціи крестьянской промышленности въ Россіи. Въ этомъ отношеніи они во всякомъ случаѣ не особенно часто могли ссылаться на факты, такъ какъ уже въ то время значительно преобладала торговая организація сельской индустріи (Verlagssystem) [1]).

---

[1]) Объ отношеніи славянофиловъ къ промышленности см.: *Туганъ-Барановскій.* стр. 279. Объ артели сравни выше, главу вторую, часть VII.

Въ тѣснѣйшей связи съ этимъ народно-хозяйственнымъ ученіемъ стоитъ славянофильское пониманіе идеи государства. Обезпечивъ себѣ пользованіе землей, т. е. экономическую свободу, народъ отказался отъ самоуправленія, отъ призрака свободы, хотя онъ и болѣе способенъ воспользоваться имъ, чѣмъ европейскій пролетарій. Всѣ либеральныя движенія, цѣль которыхъ была создать „гарантію“, сводились исключительно къ честолюбивымъ стремленіямъ публицистовъ, которые, будучи чужды народу, сами желали разыгрывать роль правителей; этотъ упрекъ либераламъ и теперь еще часто встрѣчается въ націоналистической прессѣ [1]). Въ противоположность этому, русскій народъ самъ установилъ автократію добровольно призвавъ варяговъ. Такъ какъ, поэтому, русское государство—единственное государство, покоящееся не на насиліи и покореніи, то Россія пошла и по единственному возможному пути, чтобы сохранить свободу пользованія землей: по пути добровольнаго самоотреченія. Поэтому К. Аксаковъ могъ сказать: „пути Европы и Россіи совершенно различны, различны до такой степени, что народы, которые идутъ по нимъ, никогда не могутъ сойтись въ своихъ взглядахъ. Западъ, переходя изъ состоянія рабства въ состояніе бунта, смѣшиваетъ бунтъ со свободой, кичится ею и вводитъ рабство въ Россію. Россія навсегда удерживаетъ у себя добровольно призванную силу, удерживаетъ ее добровольно и видитъ поэтому въ бунтовщикѣ раба, который склоняется предъ новымъ идоломъ возмущенія, какъ нѣкогда склонялся предъ старымъ идоломъ силы. Только рабъ подымаетъ возстаніе, свободный человѣкъ бунтовщикомъ не станетъ“ [2]).

Подобно тому какъ общинное владѣніе оказывается могущественнѣе экономической борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, общественное устройство Россіи исключаетъ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, составляющую содержаніе общественной жизни Европы. Исторія русскаго народа — это не механическая равнодѣйствующая противоположныхъ интересовъ, какъ въ Западной Европѣ,—она покоится на единогласныхъ рѣшеніяхъ. Не борьба партій предшествовала крупнымъ перемѣнамъ въ развитіи Россіи, но внутренно созрѣвало рѣшеніе, которое потомъ проявляется въ дѣйствительности. При этомъ сравниваютъ громкій споръ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ въ Англіи съ освобожденіемъ русскихъ крестьянъ, которому будто бы не предшествовало никакихъ споровъ.

---

[1]) Особенно часто въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, напр., въ номерѣ отъ 27 октября 1893 г.

[2]) *К. Аксаковъ*. Сочиненія, томъ I, стр. 7—9.

Въ этомъ отношеніи произошла теперь перемѣна, въ которой славянофилы видятъ особенную болѣзнь современной русской жизни. Европейское образованіе, которое распространяется дальше, чѣмъ насколько это было необходимо для его чисто технической цѣли — государственной службы — обезличило высшіе слои русскаго общества. Благодаря этому, нація распалась на двѣ части: на народъ, составляющій истинную націю, и на его отливающую разными цвѣтами, обманчивую, тонкую и преходящую поверхность,—такъ называемую „*интеллигенцію*“.

„Часть народа отказалась отъ русской жизни, языка и одежды, и составила публику, которая и всплыла надъ поверхностью. Она-то, публика, и составляетъ нашу постоянную связь съ западомъ; выписываетъ оттуда всякіе матеріальные и духовные наряды, преклоняется предъ нимъ, какъ предъ учителемъ, занимаетъ у него мысли и чувства, платя за это огромной цѣною: временемъ, связью съ народомъ и самою истинною мысли“. „Публика говоритъ по-французски, народъ—по-русски. Публика ходитъ въ нѣмецкомъ платье, народъ въ русскомъ. У публики—парижскія моды. У народа свои русскіе обычаи“. „Публика и народъ имѣютъ эпитеты; публика у насъ почтеннѣйшая, а народъ—православный“ [1]). Черезъ Петербургъ, это „окно, прорубленное Петромъ Великимъ въ Европу“, сохраняется доступъ этой болѣзни. Реформы этого творца современной Россіи были, на взглядъ славянофиловъ, правильны только постольку, поскольку онѣ означали заимствованіе европейской техники. Послѣднее было необходимо прежде всего въ области военнаго дѣла, чтобы поставить преграду нѣмецкому „стремленію на Востокъ“. Европу приходилось побѣждать европейскимъ оружіемъ.

Неправильна, наоборотъ, была идеальная сторона заимствованій, въ особенности перенесеніе европейскаго образованія и нравовъ, языка и платья и т. д., такъ что К. Аксаковъ, подобно графу Л. Толстому, возстановлялъ честь русской крестьянской одежды. Петръ, вводя европейскіе нравы и образованіе, оказывалъ по мнѣнію націоналистовъ плохую услугу Россіи; точно также, относительно реформъ Александра II-го я слышалъ въ славянофильскихъ кругахъ неодобрительныя отзывы. Отъ ослабленія русскаго элемента въ высшихъ классахъ, по мнѣнію націоналистовъ, произошло много вреда, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго. Такъ, много вреда для Россіи произошло отъ того, что на внѣшнюю политику она смотрѣла съ европейской, а не русской точки зрѣнія и выступила защитницей легитимизма въ Европѣ.

---

[1]) Слова *К. Аксакова*. *А. Н. Пыпинъ*. Константинъ Аксаковъ.—1817—1860.—„Вѣстникъ Европы“, 1884 г., апрѣль, стр. 610.

Въ отношеніи внутреннихъ порядковъ чиновничество, по мнѣнію славянофиловъ, составляетъ непріятное послѣдствіе европеизаціи высшаго общественнаго слоя. Вся вина во внутреннихъ неурядицахъ должна быть приписана, по ихъ мнѣнію, чиновничеству, какъ „нѣмецкому учрежденію“, отъ котораго слѣдовало бы освободиться.

Къ счастью, попытки понемногу европеизировать народъ черезъ распространеніе западнаго просвѣщенія осуждены на неизбѣжную, по мнѣнію славянофиловъ, неудачу. „Измѣнить при помощи литературныхъ мнѣній укоренившіяся убѣжденія народа такъ же легко, какъ съ помощью абстрактныхъ мыслей измѣнить строеніе живого организма“. Это положеніе родственное нѣмецкой романтикѣ,—основная мысль Кирѣевскаго. Удайся попытка европеизаціи народа, это было бы концомъ самого народа. „Ибо что такое народъ, если не совокупность убѣжденій, которыя въ большей или меньшей степени проявляются въ его нравахъ и обычаяхъ, въ его языкѣ, въ его вѣрованіяхъ и понятіяхъ, въ его религіозныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, однимъ словомъ—во всей полнотѣ его жизни [1]).

Такъ какъ „петербургскій періодъ“ былъ временемъ преобладанія иностранцевъ, то славянофилы думаютъ сами начать новый періодъ русской исторіи: „возвращеніе къ матушкѣ *Москвѣ*“ [2]), возвращеніе къ связаннымъ съ именемъ Москвы древнерусскимъ принципамъ. При этомъ допускается только заимствованіе европейской техники и естествознанія, что бы сдѣлать Россію независимой отъ Европы въ промышленномъ и военномъ отношеніи, и требуется запрещеніе доступа не только продуктовъ европейской промышленности, но и европейскихъ идей.

А такъ какъ въ Россіи существовало только европейское просвѣщеніе, то борьба эта приняла характеръ борьбы противъ просвѣщенія вообще. Кирѣевскій далъ одинъ завѣтъ, который ему было легче предложить, чѣмъ его послѣдователямъ выполнить: „построить славянскую философію будущаго по византійскимъ церковнымъ писателямъ“.

Славянофилы проповѣдывали прежде всего борьбу противъ Европы въ Россіи, а слѣдовательно и борьбу противъ западно-европейскаго населенія русскихъ окраинъ. Такъ, они прежде всего обратились противъ нѣмецкихъ элементовъ прибалтійскихъ губерній; книга Самарина, одного изъ извѣстнѣйшихъ представителей младшихъ славянофиловъ,—„Объ окраинахъ Россіи“

---

[1]) *Кирѣевскій.* Сочиненія, II, стр. 33—35.

[2]) Подобнымъ образомъ восхваляетъ Москву *Катковъ*, уже въ 1865 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, напр., въ № 182.

явилась исходнымъ пунктомъ того потока обрусительныхъ проектовъ, которыми стремились потопить нѣмецкій элементъ.

Съ не меньшей силой обратились и противъ поляковъ, о которыхъ первые славянофилы держались еще другого мнѣнія, противъ финляндцевъ, румыновъ и нѣмецкихъ колонистовъ юга, и прежде всего противъ евреевъ, оказавшихся особенно воспріимчивыми къ европейскому образованію, противъ особенностей Малороссіи, не смотря на то, что украинофилы сами первоначально были сновянофильскаго направленія [1]). Равнымъ образомъ славянофилы требовали руссификированія присоединеннаго къ Россіи „этнографическаго матеріала“, за которымъ не признавали самостоятельныхъ культурныхъ задачъ.

Съ точки зрѣнія славянофильскаго міросозерцанія мѣропріятія эти представлялись бы заслугой предъ тѣми народами, которыхъ они касались, такъ какъ этимъ ихъ предохраняли бы отъ европейскаго „гніенія“. Подобныя же задачи существуютъ и по отношенію къ невходящимъ въ составъ Россіи славянскимъ народамъ. Чтобы сдѣлать ихъ соучастниками будущей „славянской культуры“, они должны быть освобождены отъ вліянія Западной Европы и съ этой цѣлью присоединены къ Россіи. Славянскій міръ будтобы не склоненъ принять на себя ту роль, какую когда-то сыграли отжившіе уже народы по отношенію къ греко-александрійской культурѣ, какую Индія и Китай играютъ теперь по отношенію къ Европѣ. Что бы предохранить себя отъ этого, онъ нуждается въ объединеніи при помощи политической силы Россіи.

Уже К. Аксаковъ мечталъ объ объединеніи всѣхъ славянъ; еще въ сороковыхъ годахъ издатель „Москвитянина“ профессоръ Погодинъ, журналомъ котораго въ значительной степени пользовался болѣе тѣсный славянофильскій кружокъ, формулировалъ панславистскую программу. Такъ, въ одномъ докладѣ министерству народнаго просвѣщенія 1842 г. онъ говоритъ: „Россія—населеніе изъ 60 милліоновъ человѣкъ, коимъ еще счету нѣтъ, населеніе, которое ежегодно увеличивается милліономъ и вскорѣ дойдетъ до ста... А *если* мы прибавимъ еще 30 милліоновъ своихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, славянъ, разсыпанныхъ по всей Европѣ отъ Константинополя до Венеціи, и отъ Морей до Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, славянъ,

---

[1]) О славянофильскомъ направленіи малороссовъ, въ противоположность московскимъ словянофиламъ, постоянно выступавшимъ съ федералистскими взглядами, см. интересныя данныя *А. Н. Пыпина*:—Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ. „Вѣстникъ Европы“, 1878 г., октябрь, стр. 757—760.

въ которыхъ течетъ одна кровь съ нашею, которые говорятъ однимъ языкомъ и, слѣдовательно, по закону природы намъ сочувствуютъ, которые не смотря на географическое и политическое разлученіе, составляютъ одно нравственное цѣлое съ нами, по происхожденію и языку! Вычтемъ это количество изъ сосѣдней Австріи и Турціи, а потомъ изъ всей Европы, и приложимъ къ нашему, что останется у нихъ, и сколько выйдетъ насъ? Мысль останавливается, духъ захватываетъ! Десятая часть всей обитаемой земли, и чуть ли не десятая всего народонаселенія! Полъ-экватора, четверть меридіана!“ [1]).

Правительству императора Николая I, подобныя разсужденія отнюдь не были симпатичны, такъ какъ идея панславизма заключала въ себѣ идею „свободы“: покушеніе противъ законныхъ правительствъ Австріи и Турціи. Такъ какъ строгая цензура тогда стѣсняла всякаго рода политическія разсужденія, то извѣстный подъ названіемъ „старшихъ слафянофиловъ“ тѣсный дружескій кружокъ предпочиталъ заниматься философскимъ обоснованіемъ системы.

II. Панслависты.

Только болѣе молодое поколѣніе, въ отличіе отъ славянофиловъ названное „*панславистами*“, рѣшилось выдвинуть на первый планъ политическую сторону системы.

Въ фантазіи панславистовъ рисуется будущее міровое государство въ видѣ имперіи „отъ Архипелага до Ледовитаго океана, отъ Адріатики до Тихаго океана“, для которой вся Азія будетъ служить областью господства и колонизаціи. Но не только территоріальное развитіе, а прежде всего осуществленіе болѣе высокой, истинно соціальной культуры составляетъ задачу Россіи по отношенію къ Европѣ. Особенность славянскаго культурнаго періода—и въ этомъ панслависты перенимаютъ міросозерцаніе славянофиловъ—состоитъ въ побѣдѣ надъ разъѣдающимъ Европу индивидуализмомъ. Выше художественной культуры древности, выше научной культуры Европы стоитъ вышедшая теперь изъ зародышевой стадіи развитія славянская культура общиннаго хозяйства; процвѣтаніе искусства и науки не связывается при ней съ существованіемъ рабовъ или пролетаріевъ, съ ограбленіемъ большинства въ пользу немногихъ, но съ экономической обезпеченностью массъ.

При этомъ относительно неважно, какая роль предоставлялась еще наро-

[1]) Выше цитированная статья *А. Н. Пыпина*, стр. 752; см. также стр. 750—757, 760—766.

дамъ Европы. Старшіе славянофилы по своему мягкосердечію предоставляли еще имъ возможность спасенія черезъ возвращеніе „къ живительнымъ источникамъ Востока“. Такъ, Хомяковъ много занимался мыслью о возвращеніи Запада къ Восточной Церкви [1]). Младшіе сторонники этой школы были, напротивъ, послѣдовательнѣе съ точки зрѣнія ихъ положенія, что культура не можетъ быть перенесена, по ихъ мнѣнію, прогрессирующее развитіе безвѣрія въ духовной области и пролетаріата въ соціальной должны разлагать сохраняющіяся еще формы европейской жизни до тѣхъ поръ, пока продуктъ этого разложенія не созрѣетъ въ качествѣ этнографическаго матеріала для напирающаго славянства. „Для отдѣльныхъ лицъ, какъ и для народовъ, не существуетъ источниковъ обновленія“.

Насколько направленіе славянофиловъ было болѣе философско-идеалистическимъ, настолько направленіе панславистовъ было политически-реалистическимъ; способъ выраженія первыхъ былъ часто поэтиченъ и цвѣтистъ—напомнимъ хотя бы совершенныя по формѣ сочиненія Хомякова; языкъ вторыхъ былъ не рѣдко агитаторскимъ и страстнымъ. Тамъ преобладаетъ духъ обобщенія, здѣсь — національное разграниченіе. Нападки на Европу у славянофиловъ были болѣе теоретическіе, у панславистовъ—шовинистскіе. Книга Данилевскаго „Россія и Европа“ стала широко распространеннымъ „катехизисомъ панславизма“. Его идеи образовали фундаментъ—въ точномъ смыслѣ этого слова—того націонализма, который проповѣдывали „Московскія Вѣдомости“, и который, съ соотвѣтственными смягченіями, въ восьмидесятыхъ годахъ не рѣдко принималъ оффиціозную форму.

По Данилевскому, божественное провидѣніе воспользовалось *Турціей*, чтобы предохранить молодые народы южныхъ славянъ отъ европейской заразы. Турецкое владычество было полезно, такъ какъ сохраняло первобытный характеръ покоренныхъ народовъ. Теперь напротивъ, мусульманское иго потеряло цѣну и стало безцѣльнымъ, такъ какъ Турція—это игрушка въ рукахъ Европы и не служитъ болѣе защитой противъ европейскихъ вліяній. А кромѣ того окрѣпла призванная для борьбы съ западомъ міровая сила—Россія, „убѣжище и якорь“ славянъ. Если славянскій духъ на Балканскомъ полуостровѣ не долженъ заглушаться все болѣе распространяющимся „культуртрегерствомъ Запада“, то единственное спасеніе для славянъ „соединеніе съ сильнѣйшимъ братомъ“. Сохраненіе Турціи или самостоятельности отдѣльныхъ мелкихъ славянскихъ государствъ, о чемъ мечтаетъ Европа, было бы только средствомъ „европеиза-

[1]) См. его переписку съ *Пальмеромъ*.—*Palmer*. Gesammelte Werke, II, 343.

ціи южныхъ славянъ". Напротивъ, могучая рука Россіи можетъ воспрепятствовать зараженію южныхъ славянъ европейской „гнилью", т. е. идеями либерализма. Давно уже, по мнѣнію панславистовъ, великое славянское государство будущаго въ фантазіи русскаго народа нашло свое выраженіе въ имени Константинополя—„Царьградъ" называется онъ на языкѣ русскаго крестьянина, полномъ предвидѣнія. Въ борьбѣ за обладаніе этимъ городомъ заключается борьба между славянствомъ и самой Европой. Поэтому, Данилевскій прославляетъ этотъ городъ слѣдующими словами:

„Цѣль стремленій русскаго народа съ самой зари его государственности; идеалъ просвѣщенія, славы, роскоши и величія для нашихъ предковъ; центръ Православія; яблоко раздора между нами и Европой,— какое историческое значеніе имѣлъ бы для насъ Константинополь, вырванный изъ рукъ турокъ вопреки Европѣ! Какимъ духъ занимающимъ восторгомъ наполнило бы наши сердца сіяніе нами воздвигнутаго креста на куполѣ святой Софіи!" [1]).

Если эта цѣль царила уже въ фантазіи старшаго Аксакова, то младшее поколѣніе, настроенное болѣе реалистически, воодушевляется Константинополемъ не изъ за однихъ только антикварскихъ мотивовъ. Константинополь, пунктъ, имѣющій величайшее военное и коммерческое значеніе, освободилъ бы Россію отъ необходимости защищать свои южные берега, превратилъ бы Черное море во внутреннее море Россіи, далъ бы выходъ въ Средиземное море, и обезпечилъ бы господство Россіи надъ Малой Азіей и Балканскими славянами.

Подобное же разсужденіе примѣняется къ западнымъ славянамъ. Подъ нѣмецкимъ владычествомъ, въ качествѣ „*Австріи*", они когда то спасли независимость Европы отъ Турціи; позже проливалась славянская кровь для защиты „отечества" отъ Франціи. Такимъ образомъ, европейскіе народы вообще, и Германія въ особенности, обязаны славянамъ самой возможностью самостоятельнаго развитія. Теперь-же, когда опасность со стороны турокъ миновала, и когда объединенная Германія въ состояніи защищаться самостоятельно, Австрія сыграла свою роль. „Остался одинъ гнетъ, одно препятствіе къ развитію народовъ, которымъ пришла пора освободиться отъ тяжкой опеки" [2]).

Самое существованіе этого государства есть оскорбленіе для славянъ; граница между Австріей и Россіей—это „граница въ живомъ тѣлѣ".

[1]) *Данилевскій*. Россія и Европа. С.-Пб., 1871 г., стр. 407—408. Также *Аксаковъ*.
[2]) *Данилевскій*, стр. 354, 360—364.

Разбросанные среди славянъ мелкіе народы служатъ предметомъ панславитской поглотительной политики: греки, румыны, *мадьяры*. Послѣдніе добились господства, такъ какъ австрійскіе нѣмцы заключили съ ними союзъ для угнетенія славянъ. Господство мадьяръ, болѣе оскорбительное для славянъ, чѣмъ господство культурнаго нѣмецкаго народа, ждетъ однако-же судьба—и эта судьба направляется той-же рукой,—какая постигла призрачныя силы безъ національнаго основанія, какъ Швеція и Польша. Мадьярамъ ничего другого не остается, какъ раствориться въ славянской массѣ, какъ это сдѣлали уже другіе финскія народности! [1])

Наоборотъ, отношенія въ остальной Европѣ для Россіи совершенно безразличны, судьба Европы такъ далека отъ славянства, „какъ еслибы онѣ разыгрывались на лунѣ“. Особенно нападали панслависты на боязнь императора Николая I и многихъ легитимистовъ, какъ бы невольно не войти въ союзъ съ революціей въ Европѣ. Равнодушная какъ къ красному, такъ и къ бѣлому цвѣту, имѣя въ виду свою цѣль, Россія должна была вести „политику удобнаго случая“ и воспользоваться внутренними раздорами Европы [2]).

На этой точкѣ зрѣнія основано отношеніе панславистовъ къ *Германіи*. Для славянскихъ интересовъ само по себѣ безразлично, будетъ-ли Шлезвигъ-Гольштинія нѣмецкой или датской, будетъ ли лѣвый берегъ Рейна нѣмецкимъ или французскимъ. Но панслависты считали возможнымъ и выгоднымъ договоръ съ Германіей, почвой для котораго должно было служить раздѣленіе Австріи и присоединеніе западныхъ ея провинцій къ Германіи. По временамъ панслависты были, стало быть, готовы пожертвовать самымъ передовымъ постомъ славянъ—высоко прославленнымъ ими чешскимъ народомъ;— шумно выражавшіяся симпатіи къ чехамъ должны были только повысить цѣнность ихъ, какъ объекта договора. Берлинскій конгрессъ 1878 года явился поворотнымъ пунктомъ во взглядахъ оффиціальной Россіи на Германію. Тогда думали доказать, что „путь въ Константинополь лежитъ черезъ Бранденбургскія ворота“. Послѣ того какъ Германія гарантировала цѣлость Австріи, русскій націонализмъ увидѣлъ въ Германіи крѣпчайшій бастіонъ Европы, занятіе котораго штурмовыми колоннами славянъ рѣшитъ и самую борьбу между Востокомъ и Западомъ. Если бы Германія от-

---

[1]) *Данилевскій*, 380—381. То-же говорятъ и „Московскія Вѣдомости“, постоянно съ большимъ интересомъ слѣдящія за борьбою австрійскихъ славянъ, и въ особенности галиційскихъ русинъ.

[2]) Совсѣмъ то-же говоритъ *Катковъ*: „Московскіе Вѣдомости“, 1886 г., № 187.

казалась отъ Австріи, то, по мнѣнію понславистовъ, исчезъ бы всякій поводъ для вражды между Германіей и Россіей. А такъ какъ надежды на это оказались напрасными, панслависты съ 80-хъ годовъ стали защитниками направленнаго противъ Германіи франко-русскаго союза.

Для этой вражды къ Германіи помимо приведенныхъ политическихъ основаній были, конечно, и другія. Ревностныхъ послѣдователей нашелъ себѣ панславизмъ среди московскихъ фабрикантовъ и крупныхъ купцовъ. Уже старшіе славянофилы не скрывали, что ихъ ученіе возникло на почвѣ промышленной Москвы, такъ какъ они съ самаго начала выступили защитниками охранительныхъ пошлинъ. А для ихъ реалистическихъ преемниковъ хозяйственная независимость отъ Европы была важнѣе выдвинутой славянофилами на первый планъ независимости отъ европейскаго образованія. Панславизмъ былъ всегда защитникомъ высокихъ охранительныхъ пошлинъ.

Но въ торгово-политическомъ отношеніи Европа и Германія для Россіи почти равнозначущи. Германія ввозитъ въ Россію больше всѣхъ другихъ странъ. Какъ духовныя сношенія съ Германіей (романтики, Гегель, Марксъ) имѣли въ нынѣшнемъ столѣтіи рѣшающее значеніе для русской духовной жизни, такъ и русско-нѣмецкія экономическія отношенія носятъ характеръ тѣснѣйшаго сосѣдства; нѣмецкій купецъ лучше всего освѣдомленъ въ русскихъ потребностяхъ и русскомъ вкусѣ; многочисленные нѣмцы въ Россіи служатъ посредниками въ личныхъ сношеніяхъ.

Но при всей враждѣ къ Германіи ненавистный типъ европейца былъ для панславистовъ, какъ и для славянофиловъ, рѣзче всего воплощенъ въ *англичанинѣ*. Англія по мнѣнію панславистовъ — это прирожденный врагъ Россіи въ Азіи, предназначенной самимъ Провидѣніемъ быть областью русскаго господства. Они предполагали, что можно приблизиться къ ахиллесовой пятѣ англійскаго мірового могущества, доведя до индійской границы азіатскія желѣзныя дороги. При этомъ говорилось не о покоренiи, а объ „освобожденіи Индіи“. Съ любовью указывалось на то, что русское господство было бы болѣе понятно азіатамъ, чѣмъ англійское, что понятіе „туземецъ“ (native) и заключающаяся въ этомъ словѣ бездна презрѣнія чужды русскимъ. Предъ „бѣлымъ царемъ“ фактически всѣ подданные равны и покоренному княжескому сыну даются такія же знаки отличія на военномъ или административномъ поприщѣ, какъ и русскому.

Борьба между Европой и Россіей, независимо отъ ожидавшихся результатовъ ея, имѣла для панславистовъ еще значеніе спасительнаго и цѣлебнаго событія, такъ какъ она сотретъ съ поверхности Россіи тонкій слой европеизма. Она толкнетъ также славянъ, не смотря на вліяніе всей нѣмецкой,

французской и англійской литературъ, не смотря на весь западный либерализмъ, на путь исторической самостоятельности; борьба съ Европой скорѣе, чѣмъ мирные труды славянофиловъ по изслѣдованію славянской старины, укрѣпитъ славянское національное чувство и будетъ способствовать объединенію всѣхъ славянъ подъ скипетромъ Россіи.

„Нѣсколько лѣтъ общей борьбы въ простомъ и буквальномъ смыслѣ этого слова,—борьбы веденной за одно святое дѣло сдѣлаютъ больше для духовнаго единства Славянъ, для возведенія русскаго языка, въ общеславянское средство, обмѣна чувствъ и мыслей, нежели столѣтія самыхъ напряженныхъ неустанныхъ усилій путемъ частныхъ совѣщаній, изустныхъ и печатныхъ проповѣдей“ [1]).

Панслависты, какъ уже выше указывалось, стояли въ оппозиціи къ либеральнымъ стремленіямъ, господствовавшимъ въ общественномъ мнѣніи въ царствованіе Александра II; а въ 1887 году „Московскія Вѣдомости“ [2]) писали: „панславизмъ въ Россіи—это не программа какой либо партіи, а политическое исповѣданіе русскаго народа“.

Между тѣмъ послѣдовала перемѣна: національзмъ сталъ оффиціознымъ міросозерцаніемъ, и величайшій русскій публицистъ, Катковъ, въ 1880 году, по случаю пушкинскаго празднества, публично присоединился къ славянофиламъ [3]). Но еще ранѣе, въ 1870 году, „Московскія Вѣдомости“ стали на сторону охранительныхъ пошлинъ.

Здѣсь, къ сожалѣнію, не мѣсто ближе знакомиться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, такъ долго бывшимъ руководителемъ общественнаго мнѣнія Россіи. Его прежній либерализмъ, впервые потерпѣвшій крушеніе на польской революціи, все больше и больше затемнялся національзмомъ и панславистскими взглядами, для распространенія которыхъ онъ въ своей газетѣ сдѣлалъ больше, чѣмъ кто бы то ни было другой [4]). Временами казалось, что государственный корабль попалъ въ панславистско-національстское теченіе.

Внѣшними причинами этой перемѣны въ общественномъ мнѣніи и политикѣ были пережитое на берлинскомъ конгрессѣ разочарованіе, сдѣлавшее Бисмарка ненавистнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи, затѣмъ страшныя дѣянія нигилизма, для подавленія которыхъ казались пригодными только самыя

---

[1]) Относительно вышесказаннаго см. книгу *Данилевскаго*.—Россія и Европа, стр. 457, 468—475.

[2]) „Московскія Вѣдомости“. 1887 г., № 260.

[3]) *А. Н. Пыпинъ*. Польскій вопросъ въ русской литературѣ. „Вѣстникъ Европы“ 1880 г., октябрь и ноябрь.

[4]) *Невѣдомскій* Катковъ и его время. С.-Пб., 1888 г.

суровыя мѣры, наконецъ перемѣна въ тогдашней германской политикѣ, нашедшая себѣ выраженіе въ законѣ о соціалистахъ. Здѣсь, какъ и тамъ, либерализмъ представлялся государственнымъ людямъ болѣе опаснымъ, чѣмъ соціализмъ, такъ какъ онъ скрываетъ отталкивающія черты своего содержанія привѣтливой маской. Германскія хлѣбныя пошлины, повышеніе которыхъ, особенно въ восьмидесятыхъ годахъ, было принято, какъ прямое выраженіе враждебности, способствовали также тому, что въ Россіи былъ расчищенъ путь не только для самыхъ крайнихъ охранительныхъ пошлинъ, но въ особенности для враждебныхъ направленій противъ Европы и спеціально противъ Германіи [1]).

III. Критика.

Панслависты заимствуютъ основы своего міросозерцанія у старшихъ славянофиловъ. А послѣдніе, какъ мы видѣли, исходили изъ критики либеральнаго западно-европейскаго общества. Они, какъ и западные романтики обладали вѣчной истиной: представленіемъ о человѣческомъ обществѣ, какъ органической единицѣ; отсюда слѣдуетъ историческая зависимость единицы отъ окружающей среды и отъ наслѣдственности. Вызываемыя поэтическимъ увлеченіемъ жалобы славянофиловъ на либеральное народное хозяйство напоминаютъ нѣсколько тяжесть Карлейлевскихъ молній. Но, подобно западнымъ своимъ единомышленникамъ, славянофилы дѣлали ошибку, отказывая своему противнику въ исторической критикѣ. Въ либеральномъ хозяйственномъ строѣ и сопровождающихъ его явленіяхъ духовной жизни они не видѣли ничего другого кромѣ „ошибки“; они не понимали, что этотъ строй и эти явленія могли возникнуть и достигнуть господства только потому, что соотвѣтствовали, по крайней мѣрѣ для Западной Европы, хозяйственнымъ потребностямъ *своего* времени.

1. Какъ ни расхваливай прошлое, но то, что случилось, нельзя этимъ уничтожить. Западно-европейская романтика ни въ коемъ случаѣ не убила своего противника,—либеральный *хозяйственный строй*, хотя и содѣйствовала его преобразованію. Славянофилы указывали, напримѣръ, на Англію, какъ на страну, гдѣ либерализмъ болѣе всего развился до своихъ послѣдствій, гдѣ, стало быть, скорѣе всего и совершенно неизбѣжно долженъ наступить крахъ. Но приговоренный къ смерти противникъ, англійскій либерализмъ, проглотилъ, какъ ни горько это ему было, скатанную для него его врагами соціальную пилюлю и, вмѣсто того что бы умереть, расправилъ

[1]) „Московскій сборникъ“. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва, 1896 г.

свои, повидимому, окрѣпшіе члены. Либеральный хозяйственный строй, будучи естественнымъ результатомъ своего времени, оказался, правда не вѣчнымъ, но способнымъ къ дальнѣйшему развитію и умѣющимъ приспособляться къ новымъ потребностямъ. Исторія опровергла критику западно-европейскихъ романтиковъ.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находились славянофилы. Противникъ, противъ котораго они писали, ступилъ въ Россію едва одной ногою и былъ знакомъ имъ только изъ книгъ. Раздѣленіе труда и обмѣнъ, эти краеугольные камни либеральнаго хозяйственнаго строя, въ Россіи Императора Николая I едва начали развиваться. Оторванныя отъ своей родной почвы, либеральныя идеи вели въ кругахъ, такъ называемой, интеллигенціи тепличное существованіе.

Но изъ того, что въ Россіи фактически существовала еще та старина, которую романтика противопоставляла либеральному хозяйственному строю, для славянофиловъ вытекала и выгода и невыгода. Невыгода состояла въ слѣдующемъ. Какъ ни старались они представить въ романтическомъ свѣтѣ старую Россію, она, напримѣръ, въ лицѣ цензора ихъ сочиненій, иногда давала себя знать, и очень сильно, имъ лично. Поэтому старшіе славянофилы имѣли нѣкоторыя, общія съ либералами, требованія вольностей, напримѣръ свободы печати и даже народнаго представительства. Такъ, Аксаковъ говорилъ: „свобода слова необходима, земство нужно и полезно“. Самаринъ, долженъ былъ имѣть подобные-же взгляды, какъ мнѣ передавали личные друзья покойнаго. Только по мѣрѣ того, какъ русскій націонализмъ становился оффиціознымъ, онъ оставлялъ либеральные аллюры своей молодости. Онъ съ Катковымъ проповѣдывалъ походъ противъ свободы печати и другихъ свободъ.

Но и выгода для славянофиловъ заключается въ томъ, что они имѣли предъ глазами еще живую старину. Вмѣсто утомительныхъ поисковъ въ прошломъ, они могли для обоснованія своихъ взглядовъ опереться на дѣйствительную жизнь. Они были совершенно правы, видя въ недостаткѣ хозяйственнаго эгоизма отличіе русскаго народнаго хозяйства отъ европейскаго, и объявляя, что въ основѣ перваго лежитъ общинный принципъ, въ основѣ второй—конкурренція; не менѣе правы были они, указывая на общину и на артель, какъ на чисто русскія, противоположныя европейскимъ учрежденія. Но они ошибались видя въ этихъ учрежденіяхъ цѣнные зародыши культуры, превосходящей европейскую культуру, проявленіе славянскаго національнаго духа. И въ Западной Европѣ индивидуумъ былъ когда-то связанъ общиною. И тамъ развитіе хозяйственнаго эгоизма было,

относительно, новостью. Такъ какъ въ пользу соединенія стараго порядка и тамъ дѣйствовалъ законъ инерціи, а новое время требовало, наоборотъ, напряженія всѣхъ человѣческихъ силъ, то либеральный общественный строй не могъ развиваться безъ острой внутренней борьбы подъ давленіемъ закона народонаселенія.

Въ Россіи, при громадномъ просторѣ для добыванія продовольствія, хозяйственная нужда толкала впередъ съ меньшей силой. Географическое однообразіе страны для развитія обмѣна и раздѣленія труда было менѣе благопріятно, чѣмъ богатое разнообразіе отдѣльныхъ частей Западной Европы. Міровые торговые пути захватывали Россію только на ея окраинахъ. Сверхъ того, тяжелое иноземное владычество, дѣлавшее всѣхъ—великихъ и малыхъ—рабами, задерживало развитіе индивидуума.

Стало быть то, что славянофилы разсматривали, какъ преимущество будущаго Россіи, было остаткомъ, быть можетъ, преимуществомъ прошлаго. Они могли, конечно, прославлять общинное землевладѣніе, такъ какъ оно гарантируетъ равенство жизненнаго жребія, могли превозносить русскія государственныя формы, такъ какъ борьба партій при нихъ находитъ себѣ мало почвы,—это было дѣломъ вкуса. Но учрежденія эти должны были еще выдержать испытаніе, которое несетъ съ собой самая крупная перемѣна, какую можетъ продѣлать жизнь народа: переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Поэтому было ошибочно видѣть въ нихъ не только величину прошлаго, но и величину будущаго и приписывать имъ даже способность рѣшить неразрѣшенный Европой соціальный вопросъ.

2) Точно такъ-же ошибались славянофилы, отрицая зависимость *духовнаго* развитія отъ хозяйственнаго. Они могли, разумѣется, превозносить нравственныя особенности русскаго крестьянина, ограниченность его потребностей, его способность переносить боль и страданія, его чувство солидарности и покорность авторитетамъ и это также было дѣломъ вкуса. Но они не должны были забывать, что и въ Западной Европѣ субъективизмъ, въ противоположность подчиненію авторитету, болѣе высокія потребности, въ противоположность ограниченности ихъ, развились уже сравнительно поздно и что въ основѣ ихъ развитія лежали экономическія причины.

Въ самомъ дѣлѣ, русскій крестьянинъ и на меня произвелъ глубокое впечатлѣніе тѣмъ обликомъ благочестивой покорности, который придаютъ ему длинные, раздѣленные посерединѣ волосы и свѣтлая, спутанная борода. Я припоминаю то удивленіе, съ которымъ я наблюдалъ способности народа выносить физическія страданія и лишенія; я видѣлъ дворниковъ, неподвижно просиживавшихъ, по обычаю Москвы и другихъ городовъ, зимнія

ночи у воротъ домовъ, не обращая вниманія на тридцатиградусный морозъ. Я видѣлъ прачекъ полоскавшихъ бѣлье въ прорубяхъ. Еслибы я не видѣлъ, съ какимъ легкимъ сердцемъ въ неурожайныхъ губерніяхъ крестьяне голодали, страдали и умирали, я не считалъ бы этого возможнымъ. Однако славянофилы ошибались въ историко-экономической оцѣнкѣ этихъ, прославляемыхъ ими явленій. Развитіе болѣе высокой чувствительности является въ то же время однимъ изъ важнѣйшихъ орудій въ борьбѣ за существованіе, такъ какъ оно ведетъ къ болѣе энергичному противодѣйствію враждебнымъ вліяніямъ и къ личной иниціативѣ. Это понимаетъ и самъ русскій народъ; менѣе реакціонный, чѣмъ его прославители, онъ видитъ свой идеалъ не въ полномъ самоотреченія мужикѣ, а въ сознающемъ свое достоинство, себѣ и своему коню обязанномъ своимъ существованіемъ сынѣ степей—„вольномъ казакѣ“.

Славянофилы справедливо настаивали на несамостоятельности русской „интеллигенціи“ по отношенію къ Европѣ. Это было дѣломъ вкуса, если они кричали противъ этого „обезьяньяго подражанія Западу“. Но въ томъ то какъ разъ до сихъ поръ и состояла слабость представителей „образованности“ въ Россіи, всѣхъ этихъ профессоровъ, чиновниковъ, журналистовъ, что они не были западно-европейскимъ „классомъ“, гражданами, а всѣ зависили отъ правительства.

Ошибались также славянофилы въ томъ, что считали средній, распадающійся теперь на двѣ части, слой крестьянъ основой „національной культуры“ будущаго. Духовная жизнь этого слоя прочно установилась. Въ противоположность этому, развивается теперь и въ Россіи городской слой, лучшимъ доказательствомъ роста котораго служитъ увеличеніе населенія и податной платежеспособности городовъ, непосредственно же за нимъ растетъ классъ промышленныхъ рабочихъ. А въ деревнѣ образуется высшій слой крестьянъ, ведущихъ денежное хозяйство, психика которыхъ носитъ субъективный, стало быть, европейскій характеръ. Вотъ почва, въ которую можетъ пустить глубокіе корни духовная жизнь будущаго.

Обсуждая экономическія основы развитія всего человѣчества, славянофилы видѣли національныя, славянскія особенности тамъ, гдѣ извѣстное сходство между русскими и остальными славянами вызывалось одинаковой отсталостью хозяйственнаго развитія. Такъ дошли они до идеи особой славянской культуры и до панславистскихъ грезъ.

На самомъ дѣлѣ вражда противъ европейскихъ идей можетъ быть обоснована только постольку, поскольку мы будемъ придерживаться условій натуральнаго хозяйства. Европейскія хозяйственныя формы нераздѣльны

съ европейскимъ образомъ мыслей, а послѣдній перестаетъ быть только „европейскимъ“, по мѣрѣ того какъ хозяйство Европы расширяется въ охватывающее весь земной шаръ міровое хозяйство. Вмѣстѣ съ европейскими желѣзными дорогами и пароходами Японія пріобрѣтаетъ въ громадномъ объемѣ и европейское образованіе. Въ то время, какъ англійскія „Синія книги“ возвѣщаютъ о развитіи индійской крупной промышленности, индійскія имена писателей въ англійскихъ газетахъ и „Извѣстія“ индійскихъ университетовъ свидѣтельствуютъ о распространеніи европейскихъ знаній въ этой странѣ, народъ которой, послѣ Китая, обладаетъ самыми ограниченными привычками. Самъ „сынъ неба“ послѣ того, какъ ему были навязаны желѣзныя дороги, думаетъ объ устройствѣ высшаго учебнаго заведенія по европейскому образцу. Неужели же славяне, сами высокоодаренные европейцы, кровь которыхъ теперь въ значительной мѣрѣ примѣшана къ нѣмецкой, должны составить исключеніе? Дѣйствительность показываетъ обратное. По мѣрѣ того, какъ славяне освобождаются отъ пути натуральнаго хозяйства, они обращаются къ европейскимъ идеаламъ въ литературѣ и политикѣ. Это знаетъ и К. Леонтьевъ [1]). Громадную, превосходящую человѣческое пониманіе силу видитъ этотъ закоренѣлый, византійскій реакціонеръ въ исходящей изъ Европы демократизаціи и невиллировкѣ. И Россію едва ли надолго можно охранить отъ вліянія этой силы, такъ какъ этого можно достигнуть только сохраненіемъ ея „варварства“;—„какъ врачъ у постели безнадежно больного“, Леонтьевъ желаетъ„ только возможно дальше отсрочить судьбу“ [2]).

Дѣйствительное развитіе, казалось, скоро должно было опередить славянофиловъ. Только что они объявили начало особаго славянскаго культурнаго періода, какъ Россія сдѣлала крупнѣйшій шагъ по направленію къ денежному хозяйству и по необходимости европеизировалась этимъ.

Въ этомъ направленіи дѣйствовали великія реформы Александра II, постройка желѣзныхъ дорогъ и освобожденіе крестьянъ, созданіе независимыхъ судовъ и введеніе самоуправленія. Денежное хозяйство должно было создать себѣ, какъ внѣшнія средства сообщенія, такъ и правовыя гарантіи; дворянство, освобождая крестьянъ, предпочло натуральнымъ повинностямъ крѣпостныхъ, капитализированный выкупъ ихъ. Стремясь къ самоуправле-

---

[1]) *К. Леонтьевъ*. Востокъ, Россія и Славяне. Москва, 1885 г.

[2]) См. содержательную статью князя *Сергѣя Трубецкого*—Разочарованный славянофилъ. „Вѣстникъ Европы“ 1892 г., октябрь и возраженія *Л. Тихомирова* — Лѣтопись печати. Славянофилы и Западники въ современныхъ отголоскахъ „Русское Обозрѣніе“. 1892 г., октябрь и ноябрь.

нію, и даже къ участію въ дѣлахъ государства, оно показало, что государственныя мѣропріятія получили и для отдѣльныхъ лицъ такое значеніе, какого они совершенно не имѣли въ старое время натуральнаго хозяйства. Либеральныя идеи получили, благодаря этому, доступъ въ прессу и въ правительственныя канцеляріи.

Со времени реформъ Александра II, развитіе Россіи разъ навсегда прочно стало на путь европейскаго, такъ называемаго „капиталистическаго“ народнаго хозяйства. Народники новаго времени, не желая замѣчать окружающей ихъ въ Россіи олицетворенной Европы, придерживаются политики страуса.

Но если экономическій прогрессъ уничтожилъ старую, прославленную славянофилами Россію, какъ могло случиться, что созданное ими міросозерцаніе могло праздновать свое возрожденіе въ видѣ націонализма восьмидесятыхъ годовъ? Россія, фактически, продолжала европеизироваться въ хозяйственномъ отношеніи. Денежное хозяйство все больше и больше захватывало сельскія отношенія; отечественная промышленность крѣпла. Не говоритъ ли это противъ зависимости духовнаго развитія отъ экономическаго?

Такъ только кажется. Либеральныя идеи эпохи реформъ ни въ коемъ случаѣ не вымерли. Но онѣ были вытѣснены изъ преобладающаго положенія, хотя и незначительнымъ, но хорошо организованнымъ и, благодаря имуществу, могущественнымъ меньшинствомъ, которое для защиты своего господства воспользовалось услугами реакціоннаго міросозерцанія. Дворянство, дитя другой эпохи, погибало при денежномъ хозяйствѣ, для котораго оно не было создано; оно уступало тому классу, который далѣе другихъ доводилъ духовныя послѣдствія денежнаго хозяйства. Московскій купецъ, притомъ фабрикантъ, не смотря на свою „старо-русскую“ наружность, въ безпощадномъ преслѣдованіи своихъ хозяйственныхъ интересовъ изъ всѣхъ русскихъ болѣе всего европеецъ.

Что бы держать въ подчиненіи сельскохозяйственные классы, *промышленность* воспользовалась, какъ мы это еще разсмотримъ ближе, романтическимъ прославленіемъ прошлаго. Ей пошла на пользу панславистская ненависть къ Европѣ, требованіе независимости отъ Запада, и въ то-же время допущеніе западной техники, чтобы завоевать Западъ.

Удивительная иронія судьбы: то самое ученіе, которое, опираясь на натуральное хозяйство, справедливо утверждало, что въ Россіи не существуетъ партій въ смыслѣ европейскаго представительства интересовъ, превратилось въ орудіе первой истинно европейской партіи въ Россіи, пар-

тіи, отборное войско которой составляли бумагопрядильщики и горнопромышленники. То самое ученіе, которое прославляло хозяйственный строй старой Россіи, своей внѣшней политикой привело къ такому податному бремени, которое разрушило прежній традиціонный образъ жизни. Вызванное этимъ ученіемъ податное бремя принуждало крестьянъ переходить отъ производства хлѣба къ производству рыночныхъ продуктовъ, отказываться отъ обработки льна и конопли въ собственномъ хозяйствѣ и, благодаря этому, становиться для удовлетворенія своихъ потребностей въ одеждѣ покупателемъ крупно-капиталистической фабричной индустріи; и во многихъ случаяхъ крестьянинъ доходилъ до того, что совершенно отказывался отъ обработки земли и, въ качествѣ поденщика или фабричнаго рабочаго, устраивалъ свое существованіе на почвѣ чисто денежнаго хозяйства.

IV. Народники.

Противъ изложеннаго выше націоналистическаго *ученія* возникъ двоякаго рода протестъ: теоретическій, оставшійся безъ вліянія, и практическій, проистекшій изъ того, что націоналистическая *политика* къ концу 80-хъ годовъ достигла мертвой точки и требовала дальнѣйшаго развитія и преобразованія.

Обратимся прежде всего къ теоретическому протесту, который остался безъ вліянія на ходъ вещей. Онъ важенъ въ томъ отношеніи, что и теперь еще выражаетъ мнѣніе широкаго круга народолюбивой интеллигенціи и нашелъ себѣ въ лицѣ Льва Толстого богоданнаго пророка [1]).

Славянофилы восхваляли своеобразіе и самобытность русскаго общественнаго строя, который въ противоположность Западной Европѣ,—благодаря господству „принципа общинности“, самъ по себѣ, безъ внутренней борьбы созрѣетъ для соціализма. Въ этомъ—моральное оправданіе панславистской внѣшней политики.

Фактически, націоналистическая политика вела, наоборотъ, къ усиленію капитализма въ Россіи, т. е. къ европеизаціи экономической жизни. Не кустарная, а фабричная промышленность расцвѣтала подъ защитой высокихъ охранительныхъ пошлинъ. Подъ тяжестью податей, по необходимости вытекавшей изъ внѣшней политики, распадалось общинное владѣніе. Съ

[1]) [Какъ извѣстно русскимъ читателямъ, гр. Л. Н. Толстой никогда не былъ ни пророкомъ, ни вождемъ народничества, о которомъ говоритъ здѣсь Шульце-Геверницъ]. *Прим. ред.*

полнымъ правомъ можно было сказать, что оффиціальный націонализмъ восьмидесятыхъ годовъ, проповѣдывавшій распространеніе русскихъ принциповъ въ общественной жизни и присвоившій себѣ монополію патріотизма, способствовалъ развитію западно-европейской плутократіи [1]).

Противъ этого-то въ извѣстныхъ границахъ и выступили народники. Ихъ взгляды изложены въ книгахъ двухъ анонимныхъ авторовъ: *В. В.*— „Судьбы капитализма въ Россіи. С.-Петербургъ, 1882 г.“, и *Николая—она* „Очерки нашего пореформеннаго хозяйства С.-Петербургъ, 1893 г.“ [2]).

Исходный пунктъ народниковъ — это догма о самобытности русскаго экономическаго развитія; въ этомъ они являются настоящими славянофилами, можно даже сказать—„послѣдовательными славянофилами“ [3]). Самымъ настойчивымъ образомъ подчеркиваютъ они славянофильскую мысль, что народъ—это крестьяне. Промышленность, желѣзныя дороги и банки существуютъ на счетъ крестьянъ, а крестьянинъ—и въ этомъ возраждается славянофильское ученіе — ведетъ свое хозяйство не по законамъ европейской политической экономіи, не по бухгалтерскимъ разсчетамъ прибыли и убытка. „Земледѣліе обезпечиваетъ ему вѣрнѣе всякаго другого вида труда необходимые продукты потребленія и онъ будетъ вести его, хотя бы оно не давало никакого дохода, а доставляло бы средства къ прокормленію семьи и скота“. Хозяйства этого рода „не дадутъ избытка для вывоза и удовлетворенія высшихъ національныхъ цѣлей..., но при ихъ существованіи обезпечивается удовлетвореніе первыхъ потребностей народа и половина населенія не превращается въ пролетаріевъ“ [4]).

И промышленный трудъ крестьянъ направленъ, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе собственныхъ потребностей. Если бы у крестьянина было довольно земли, ему хватило бы и на пищу, и на одежду; иныхъ цѣлей онъ не преслѣдуетъ. Только малоземелье заставляетъ его основывать свое су-

---

[1]) *Николай - онъ.* Очерки нашего пореформеннаго хозяйства. С.-Петербургъ, 1893 г., стр. 282.

[2]) Помимо часто цитируемой книги П. Струве, интересную критику народничества можно найти въ статьѣ *Исаева*, въ Preiss. Jahrbüchern 1896, Band 86, S. 368 ff.

[3]) *П. Струве* Критическія замѣтки. С.-Петербургъ, 1894 г. гл. I и V.

[4]) *А. П. Соколовскій.* Упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ при общинномъ землевладѣніи. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1886 г., № 3, стр. 38, цитировано по книгѣ Струве, стр. 171 и 172. Авторъ здѣсь ошибочно противопоставляетъ крупное производства мелкому; и мелкое хозяйство можно вести по разсчету выгоды и убытка; вспомнимъ, напр., о рейнскихъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ. *Hecht.* Drei Dörfer der Badischen Hard. Leipzig, 1895. Наоборотъ, въ *крупныхъ* феодальныхъ владѣніяхъ, какъ доказалъ еще А. Смитъ, хозяйство велось безъ всякаго разсчета выгоды и убытка.

ществованіе на продажѣ продуктовъ кустарной промышленности, а иногда заставляетъ и совсѣмъ забрасывать сельское хозяйство и поступать рабочимъ на фабрику.

Малоземелье является, стало быть, послѣдней причиной крестьянской нужды, оно, однако, не неизбѣжно, напротивъ, оно можетъ быть устранено, „если не въ настоящее время то въ ближайшемъ будущемъ“ [1]). При этомъ имѣется ввиду не только переселеніе на новыя земли Востока, но и увеличеніе земельныхъ надѣловъ на счетъ помѣщичьей земли.

Идеалъ этого ученія—„*душевой надѣлъ*“. „Каждый человѣкъ имѣетъ и обрабатываетъ необходимый для его существованія участокъ земли. Въ этомъ счастливомъ состояніи нѣтъ отдѣленія средствъ производства отъ производителей, нѣтъ ни предпринимательской прибыли, ни заработной платы, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Фабрикъ не существуетъ, такъ какъ только плеть голода гонитъ крестьянина на фабрику. Господствуетъ всеобщее удовлетвореніе среднихъ потребностей“. Такое состояніе восхваляется, какъ „народная форма производства“; всякое иное существованіе связано съ нравственнымъ паденіемъ. „А разъ земледѣлецъ упалъ—онъ, пропащій человѣкъ. Онъ уже выходитъ изъ сферы нравственнаго и матеріальнаго вліянія товарищей общины. Отнынѣ онъ вступаетъ на новый путь, гдѣ не нужны ни солидарность, ни справедливость, гдѣ скорѣе возьмешь хитростью, подлостью, проказничествомъ“ [2]).

Ученіе народниковъ послѣдовательно. Струве правильно называетъ его „*идеализаціей натуральнаго хозяйства*“ [3]). Поэтому, многочисленность его приверженцевъ объяснима только у народа, который еще недавно, и въ значительной мѣрѣ насильственно, былъ выбитъ изъ колеи существованія, вѣрнаго традиціямъ прошлаго.

Но и возраженія народникамъ ясны. Только при въ высшей степени рѣдкомъ населеніи возможна „народная форма производства“. Поэтому не случайно, конечно, она нашла себѣ теперь особенно блестящаго защитника въ лицѣ казака Щербины, воображенію котораго рисуется земельный просторъ юго-востока [4]). И путешествующій западно-европеецъ не можетъ не

[1]) *В. В.*, ук. выше соч., стр. 95.

[2]) *В. В.*, стр. 104.

[3]) *Struve.* Socialpolitisches Centralblatt. 1893, S. 1.

[4]) [Въ видѣ „казака Щербины“ здѣсь очевидно фигурируетъ извѣстный воронежскій статистикъ. Не менѣе однако очевидно, что для реалистическаго объясненія народнической идеологіи, представителемъ которой является г. Щербина, совсѣмъ не надо обращаться къ миѳическому, въ данномъ случаѣ, казачеству и простору казацкихъ степей]. *Прим. ред.*

поддаться очарованію безграничныхъ степей; онъ постигаетъ то чувство полной свободы, которымъ наслаждается только человѣкъ, окруженный просторомъ дѣвственной почвы: одинъ на одинъ съ природой, онъ можетъ не нуждаться въ людяхъ; европеецъ понимаетъ тогда, почему русскій не только въ Западной Европѣ, но уже въ центральной Россіи жалуется на „тѣсноту“.

Но всѣ высшія дарованія и способности человѣка въ послѣднемъ счетѣ развиваются въ борьбѣ за существованіе, т. е. въ борьбѣ съ малоземельемъ. А потому эта свобода, порожденная земельнымъ избыткомъ, противокультурна. Сохраненіе ея требуетъ непрерывнаго выселенія прироста населенія, но съ вышеуказанной точки зрѣнія переселеніе можетъ оказаться какъ разъ врагомъ прогресса. Главнымъ образомъ подъ давленіемъ увеличенія населенія на остающейся неизмѣнной площади земли происходитъ выдѣленіе чистыхъ промышленниковъ, совершается отрываніе цѣлыхъ слоевъ народа отъ земли, а также переходъ къ болѣе интенсивному сельскому хозяйству, въ видахъ большей продуктивности того же пространства земли.

Это развитіе можетъ быть значительно ускорено давленіемъ сверху, по политическимъ основаніямъ. Поэтому совершенно послѣдовательнымъ является протестъ народниковъ противъ желательной для панславистовъ завоевательной внѣшней политики. Для своей внѣшней политики государство нуждается въ пушкахъ, ружьяхъ, военномъ флотѣ и желѣзныхъ дорогахъ, въ получающихъ жалованье офицерахъ и чиновникахъ. Подобно войнамъ настоящимъ и будущимъ, оказываютъ свое вліяніе и войны прошедшія, печальные памятники которыхъ, въ видѣ процентовъ по займамъ, обременяющихъ государственный бюджетъ, переживаютъ сраженія. Повышаемое, въ цѣляхъ покрытія этихъ расходовъ, денежное обложеніе усиливаетъ давленіе, оказываемое закономъ народонаселенія на экономическое развитіе и ускоряетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, податное бремя принудило уже кое-кого, напр., туземныхъ подданныхъ европейскихъ колоніальныхъ государствъ, отказаться отъ натуральнаго хозяйства и вступить на ненавистный для дѣтей природы путь денежнаго хозяйства. Какой тяжестью ложится податное бремя — результатъ велико-державной государственной политики — на русскаго крестьянина, видно изъ слѣдующихъ, приводимыхъ Николаемъ —онъ [1]) цифръ, провѣрить которыя я не имѣлъ возможности: „мы видѣли, напримѣръ, что одно прямое обложеніе поглощаетъ у крестьянъ около

[1]) *Николай —онъ*. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. С.-Пб., 1893 г., стр. 258.

четверти ихъ *валового* дохода отъ главнѣйшихъ хлѣбовъ; при этомъ мы не принимали въ разсчетъ обложенія ни на земскія нужды, ни на волостныя, ни на сельскія. Мы также видѣли, что косвенныя налоги, которые также падаютъ главнымъ образомъ на крестьянъ, поглощали въ серединѣ 80-хъ годовъ около $^4/_5$ всѣхъ ихъ доходовъ отъ главныхъ хлѣбовъ, а къ концу 80-хъ годовъ поглотили весь этотъ доходъ".

Вернемся нѣсколько назадъ: народниковъ, подобно старшимъ славянофиламъ, нужно понимать и оспаривать, какъ панегиристовъ безвозвратно потерянаго прошлаго. Едва ли однако они будутъ благодарны критику, который станетъ разсматривать ихъ только съ этой точки зрѣнія. Ихъ міросозерцаніе имѣетъ голову Януса,—одно лицо обращено къ прошлому, другое—къ будущему, правда, какъ мнѣ кажется, заоблачному будущему. Во вниманіе къ этой второй части своего ученія народники сами называютъ себя радикалами, такъ какъ они—*соціалисты*. Здѣсь еще разъ мы встрѣчаемъ интересное проявленіе реакціоннаго вліянія нѣмецкаго соціалистическаго ученія заграницей: народники считали осуществимой свою экономическую программу на томъ основаніи, что по ихъ мнѣнію черезъ нѣсколько лѣтъ въ общественной жизни Западной Европы долженъ былъ произойти коренной переворотъ. А благодаря этому и въ Россіи милитаризмъ и фискальная политика станутъ ненужными. Вмѣстѣ съ ненужнымъ теперь податнымъ бременемъ исчезаетъ для русскаго крестьянина и важнѣйшее побужденіе къ переходу къ денежному хозяйству.

Далѣе: большія промышленныя государства Европы прекратятъ вывозъ, такъ какъ, сдѣлавшіяся послѣ переворота—общественными, средства производства не будутъ употребляться иначе и въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ это необходимо для удовлетворенія потребностей самихъ рабочихъ. Осуществленіе идеала обозначаетъ, стало быть, сокращеніе производства[1])—результатъ, на который существующія на счетъ вывоза массы нѣмецкихъ рабочихъ, вопреки всякому соціализму, конечно не охотно дадутъ свое согласіе.

На взглядъ русскихъ народниковъ, съ упраздненіемъ прибавочной цѣнности, вопросъ объ охранительныхъ пошлинахъ и свободѣ торговли потеряетъ значеніе. Поэтому, Россія имѣетъ возможность, не обращая вниманія на западно-европейскую конкурренцію, организовать свою промышленность на „народной основѣ" т. е. на крестьянской кустарной промышленности.

[1]) „Всякое техническое улучшеніе въ орудіяхъ производства будетъ служить не къ расширенію послѣдняго, а къ сокращенію труда работающихъ, увеличенію ихъ досуга". *В. В.*, стр. 16.

Я не могъ удержаться отъ улыбки, когда серьезные русскіе люди высказывали мнѣ мысль, что россійскую имперію, въ скоромъ времени, будутъ отдѣлять на Западѣ столько то сотъ миль отъ осуществленнаго государства будущаго и что она теперь уже должна приспособлять къ этому свою внутреннюю политику. Въ лучшемъ случаѣ это можетъ быть, къ сожалѣнію, только вопросомъ вѣры. Въ научныхъ-же сочиненіяхъ не слѣдуетъ считаться съ этой возможностью, какъ съ опредѣленной величиной. Въ Германіи одни могли вѣрить этому, другіе нѣтъ, и все таки, въ агитаціонныхъ цѣляхъ, упоминали въ рѣчахъ о государствѣ будущаго. Извѣстно, что наступленіе дня спасенія предсказывалось въ 1898 году.

Даже Карлъ Марксъ не избѣгъ упрека въ томъ, что онъ самъ содѣйствовалъ этой путаницѣ. Русскіе народники ссылаются на сомнительнаго происхожденія письмо, въ которомъ Карлъ Марксъ употребляетъ слѣдующее выраженіе: „*Если* Россія стремится стать націей капиталистической, по образцу западно-европейскихъ націй, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда—она не достигнетъ этого, не преобразовавъ доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть безжалостныхъ законовъ, какъ и всякая другая не посвященная нація“ [1]). Какъ разъ этого „если“ народники надѣются избѣжать.

Цѣлью, стало быть, и именно прогрессивной цѣлью, народникамъ представляется *устраненіе капитализма*. На русской почвѣ, полагаютъ они, цѣль эта достижима легче, чѣмъ на западно-европейской.

Народники разсматриваютъ капитализмъ, какъ нѣчто насильственно ввезенное въ Россію,—чужестранное растеніе оно чахнетъ на русской почвѣ, и его существованіе зависитъ отъ охраняющей его руки государства. Спокойное развитіе „народной формы производства капитализмъ нарушилъ только поверхностно“. Безъ капитализма, „этого смѣлаго проходимца“, Россія должна была бы въ своей собственной мастерской выработать соотвѣтствующую ей форму новаго общества [2]).

Основой русскаго государства будущаго для народниковъ является *общинное землевладѣніе*. И въ этомъ отношеніи народники въ послѣднемъ счетѣ заимствуютъ идеи у славянофиловъ. „Наше Историческое прошлое оставило намъ въ наслѣдство общину, которая подъ давленіемъ капитализма и порожденныхъ имъ условій производства и обращенія, отдѣленія обрабо-

[1]) Цитата заимствована у *Струве*, стр. 179. [См. „Письмо къ г. Михайловскому“ Карла Маркса. „Юридическій Вѣстникъ“, 1888 г., № 10, стр. 272—273. *Прим. ред.*].

[2]) *В. В.*, стр. 303.

тывающей промышленности отъ земледѣлія, не въ состояніи обезпечить своихъ членовъ средствами существованія... Но вмѣстѣ съ тѣмъ общинное землевладѣніе есть одно изъ основныхъ матеріальныхъ условій производства, на которомъ можетъ быть построено зданіе будущаго общественнаго хозяйства... Научное земледѣліе и современную крупную промышленность намъ приходится прививать къ общинѣ и, въ тоже время, на столько измѣнить ее, чтобы она была въ состояніи сдѣлаться подходящимъ орудіемъ для организаціи крупной промышленности и для преобразованія ея изъ капиталистической формы въ общественную [1]). Даже оффиціальная политическая экономія университетовъ не очень далеко ушла отъ этихъ взглядовъ и носитъ очень часто, правда, смягченную, „народническую“ окраску. Такъ Карышевъ придаетъ общинному землевладѣнію значеніе зародыша „кооперативнаго“ сельскаго хозяйства будущаго, подобно тому какъ В. В. называетъ общинное землевладѣніе прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для развитія въ народѣ способности къ солидарной дѣятельности [2]).

Наряду съ общиннымъ замлевладѣніемъ, любимымъ дѣтищемъ народниковъ такъ-же, какъ когда то славянофиловъ, являются тѣ часто упоминаемыя рабочія товарищества,—*артели*, которыя въ Россіи сохранились въ единичныхъ случаяхъ до настоящаго времени. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ артели замѣчательный пережитокъ прошлаго, народники видятъ въ ней зародышъ болѣе счастливаго будущаго. „Народъ самъ выработалъ широкое понятіе артели, особый видъ организаціи труда, какого нѣтъ (не было?) ни у одного народа, замѣчательный по глубокому пониманію человѣческой натуры, по справедливости, ясности и гуманности“ [3]). Старательно разыскиваютъ народники на широкой русской почвѣ немногочисленные живые еще примѣры артельнаго производства, сохранившіеся въ технически отсталыхъ, не требующихъ сложныхъ орудій отрасляхъ промышленности, Такъ когда-то возносили до небесъ каждый подобный случай и западные любители производительныхъ товариществъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока вѣра въ эту панацею не была окончательно подорвана [4]). Русскій народъ оказался реалистичнѣе литераторовъ, на-

[1]) *Николай —онъ*, стр. 344.

[2]) *В. В.* Наши направленія. С.-Пб., 1893 г., стр. 139—142.

[3]) См. статью изъ Conrads Jahrbuchern. Dritte Folge, Bd. XIV. *Simchowitsch*, S. 671.

[4]) Многое въ этомъ отношеніи сдѣлалъ *B. Potter*. Die britische Genossenschaffsbewegung, Кар. V.

зывая артельныя кузницы „кузницами раздора“. Фактически среди сотенъ тысячъ кустарей — кузнецовъ, слесарей, кожевниковъ, древодѣловъ, артели составляютъ теперь рѣдкость. „Какъ ни просты эти отрасли промышленности, они являются все же значительно болѣе сложными, чѣмъ охота, рыбная ловля, переноска тяжестей, которыя даютъ наибольшее число товариществъ“ [1]). Народники,—принадлежа къ болѣе позднему періоду, чѣмъ прежніе славянофилы,—слишкомъ ясно видятъ гибель старыхъ учрежденій: общиннаго землевладѣнія и артели, которая совершается на ихъ глазахъ, чтобы замалчивать ее. Они ожидаютъ возрожденія этихъ учрежденій „отъ просвѣтительнаго вліянія интеллигентной молодежи“. „Интеллигенція“, т. е. студенты, учителя, врачи и т. д. должны „идти въ народъ“, сдружиться съ народомъ, чтобы вновь воспламенить въ немъ тлѣющія искры общинно-хозяйственнаго духа. Это возвращеніе къ народу, къ крестьянскому образу жизни и платью, къ коммунистической жизни, какъ извѣстно, не безъ успѣха проповѣдуетъ, въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Левъ Толстой. Его вліянію обязаны своимъ существованіемъ нѣсколько *коммунистическихъ колоній*, одну изъ которыхъ я посѣтилъ.

Основателемъ ея былъ бывшій кавалерійскій офицеръ, въ свое время принимавшійся въ петербургскихъ салонахъ. Только что Владиміръ Сергѣевичъ—назовемъ его такъ — построилъ для себя и для своей семьи роскошную виллу рядомъ съ господскимъ домомъ въ отцовскомъ имѣніи, находившемся еще въ рукахъ матери, какъ его захватили толстовскія идеи. Баловень и любимецъ жизни бросился въ объятья аскетизма. Одиноко стоявшая крестьянская изба сдѣлалась его жилищемъ. Вокругъ него поселились его единомышленники: студенты, молодой врачъ, семинаристъ и т. д. Они взялись за плугъ и за косу, производя всѣ работы сообща. Для утренняго туалета имъ служилъ колодезъ во дворѣ; они возставали противъ чрезмѣрнаго потребленія воды для умыванія и купанія западно-европейцемъ. Отъ всѣхъ тѣхъ мелкихъ жизненныхъ удобствъ, которыя, проникнувъ въ самые глубокіе слои населенія, кажутся западно-европейцу естественно-необходимыми, здѣсь отказывались; за столомъ не было даже многозубаго орудія, которое когда-то ввезла въ западныя страны изъ Константинополя, чтобы захватывать имъ пищу, жена одного дожа. Какъ, прибавляетъ лѣтописецъ, за такую неслыханную роскошь она навлекла на себя гнѣвъ небесъ; нѣчто подобное почувствовали и мои гостепріимные хозяева: деревянной ложкой они черпали изъ общей чашки свою строго вегетаріанскую пищу.

---

[3]) *Issaeff.* Preussische Jahrbucher. Sechsundachtzigster. Band 1896, S. 397.

Они тѣмъ охотнѣе отказывались отъ всего, что ранѣе считалось потребностью, а теперь стало казаться роскошью, что надѣялись такимъ путемъ скорѣе достигнуть своей конечной цѣли: удовлетворенія дѣйствительныхъ своихъ потребностей собственнымъ трудомъ, освобожденія отъ тѣхъ цѣпей которыми обмѣнъ и раздѣленіе труда приковываютъ человѣка къ обществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ соціальной несправедливости.

Самая извѣстная изъ подобнаго рода колоній—это Криница на югѣ Россіи. Однако и здѣсь сноза были повторены тѣ опыты, которые такъ часто продѣлывались при попыткахъ коммунистическихъ поселеній въ Европѣ и Америкѣ. Чтобы меня не упрекали въ партійности, приведу слова Исаева, котораго ни въ коемъ случаѣ нельзя считать западникомъ: „Со времени основанія колоніи въ ней перебывало до 200 лицъ обоего пола изъ образованныхъ классовъ, чтобы пріучиться къ новому строю жизни и основать подобныя же колоніи. Но немногіе, очень немногіе изъ этой массы посѣтителей и учениковъ остались вѣрны своему первоначальному намѣренію. Громадное большинство осталось неудовлетвореннымъ; они находили обстановку слишкомъ монотонной, а жизнь—слишкомъ притупляющей; они сомнѣвались въ томъ, что смогутъ жить подобно криницкимъ колонистамъ и возвращались къ своему прежнему образу жизни. Какъ только дѣйствительность показала, что достигнуть счастья, создавая новый строй жизни, значительно труднѣе, чѣмъ полученіе матеріальныхъ выгодъ и почетнаго общественнаго положенія съ помощью обычнаго, традиціоннаго средства,—преданностью существующему порядку во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ,—тогда наступило разочарованіе и охлажденіе“ [1]).

Но еслибъ даже такія колоніи оказались жизнеспособными, еще большой вопросъ, могли-ли бы они оказать вліяніе на жизнь народа въ смыслѣ воспитанія его для общественнаго хозяйства. Оттого только, что студентъ одѣлъ крестьянскую рубаху, его слова и чувства не станутъ понятны крестьянину. А нигдѣ нѣтъ большей духовной отчужденности между народомъ и образованными классами, чѣмъ въ Россіи, гдѣ крестьяне не забыли еще крѣпостной зависимости и гдѣ недовѣріе къ господамъ живетъ еще въ полной силѣ. Эта пропасть расширяется по направленію съ запада на востокъ; она шире, напримѣръ, на Одерѣ, чѣмъ на Рейнѣ, гдѣ городскіе и сельскіе классы населенія сливаются другъ съ другомъ.

Приведу примѣръ. По близости посѣщенной мною толстовской колоніи

---

[1]) *Issaeff.* Preus. Jahrbücher, a. a. O., S. 407.

находилась деревня молоканъ, которые, подобно штундистамъ, принадлежатъ къ числу русскихъ сектантовъ протестантскаго направленія. Толстовцы пытались соединиться съ этой молоканской общиной; но недовѣрчивые крестьяне предполагая, что ихъ староста слишкомъ сблизился съ „господами“, смѣнили его и выбрали на его мѣсто другого, оказавшагося болѣе стойкимъ по отношенію къ внѣшнимъ вліяніямъ. Крестьянскія секты основаны на самоопредѣленіи, а не на самопожертвованіи, на индивидуализмѣ, а не на квіэтизмѣ. Хотя крестьянинъ и не знаетъ никакихъ западноевропейскихъ книгъ, онъ оказывается болѣе европейцемъ, чѣмъ его литературные поклонники: толстовцы въ большинствѣ случаевъ разоряются, крестьяне-сектанты богатѣютъ.

Посѣщеніе толстовской колоніи принесло мнѣ новое доказательство того, что соціализмъ является міросозерцаніемъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые не въ состояніи защищать своихъ интересовъ на почвѣ существующаго строя; ихъ идеалъ заключается въ охраняющей своихъ членовъ групповой организаціи прошлаго. Такъ, соціализмъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ представлялъ собой credo англійскаго фабричнаго рабочаго; теперь онъ является міросозерцаніемъ приниженныхъ слоевъ нѣмецкаго пролетаріата, а также и русскаго дворянства.

Другое дѣло русское крестьянство, верхніе слои котораго энергично приспособляются къ требованіямъ новаго времени. Не путемъ „чернаго передѣла“ овладѣваетъ крестьянинъ помѣщичьей землей, а путемъ аренды и покупки, и не на почвѣ общиннаго землевладѣнія совершается это движеніе впередъ, а въ видѣ прогресса единичныхъ особенно одаренныхъ, передовыхъ личностей. Если въ области сельскаго хозяйства существующее еще общинное землевладѣніе давало нѣкоторое фактическое основаніе для грезъ народниковъ и поводъ для коммунистическихъ экспериментовъ, то въ области обрабатывающей промышленности дѣло обстояло иначе. Передать въ руки русскихъ студентовъ и крестьянъ горные заводы, бумагопрядильни и желѣзныя дороги и ожидать отъ этого событія хозяйственнаго развитія, это превосходило силу вѣры даже самыхъ вѣрующихъ народниковъ.

Поэтому В. В. желаетъ передать эти дѣйствительно крупныя предпріятія въ руки государства, причемъ онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что до недавняго времени въ Россіи существовали только государственныя крупныя предпріятія [1]). Дѣйствительно, государство довольно часто при по-

[1]) *В. В.*, стр. 67.

мощи ссудъ и привиллегій побуждало частныхъ лицъ къ устройству фабрикъ и нерѣдко, послѣ того какъ предприниматели вмѣстѣ съ полученными въ ссуду суммами исчезали, становилось собственникомъ предпріятій. Вѣрно, но только въ этомъ нельзя видѣть идеала! И въ этомъ случаѣ русскій соціализмъ еще очевиднѣе нѣмецкаго идеализируетъ прошлое, къ которому современная Россія гораздо ближе, чѣмъ Западъ.

Вслѣдствіе только-что указаннаго условія у вышеупомянутыхъ писателей встрѣчаются иногда тонкія и мѣткія замѣчанія о натурально-хозяйственныхъ отношеніяхъ; имъ простительны также нѣкоторыя ошибки относительно болѣе ненавистной, чѣмъ знакомой имъ „капиталистической“ организаціи Запада. Мы укажемъ здѣсь только нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ, именно тѣ, которыя имѣютъ значеніе для основныхъ взглядовъ народниковъ.

1) На несомнѣнный упадокъ дворянскаго помѣстнаго хозяйства идущій на пользу мелкимъ крестьянскимъ хозяйствамъ указывается, какъ на доказательство того, что „капитализмъ“ не можетъ укорениться на русской почвѣ. А между тѣмъ дворянство гибнетъ именно потому, что оно прокучивало въ изобиліи ссужавшіеся ему капиталы, вмѣсто того, чтобы „капиталистически“ вкладывать ихъ въ предпріятіи. Одинъ освѣдомленный сановникъ сказалъ мнѣ какъ-то: „неограниченный меліоративный кредитъ означаетъ неограниченное роспиваніе шампанскаго дворянствомъ“—какъ разъ совсѣмъ не „капиталистическое“ употребленіе денегъ. Вспомнимъ знаменитыя произведенія Салтыкова, Гл. Успенскаго, Терпигорева; только сатирически можно назвать дворянина „капиталистомъ“; лучше было бы назвать его „пожирателемъ капитала“ [1]).

2) Домашняя промышленость, которой восторгаются народники, разъ она перестала быть продажей избытковъ самостоятельныхъ семейныхъ хозяйствъ, становится одной изъ формъ капиталистическаго крупнаго производства. Что переходъ этотъ въ Россіи почти совершенно закончился, доказываютъ съ полной ясностью интересныя данныя, приводимыя В. В.; они доказываютъ также, что домашняя промышленность въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, связана съ особенно тяжелой эксплуатаціей рабочаго, съ чрезмѣрнымъ удлиненіемъ рабочаго времени, съ расплатой товарами вмѣсто денегъ и т. д.

3) Въ нарождавшейся въ серединѣ нынѣшняго столѣтія нѣмецкой фа-

[1]) [Здѣсь—у Шульце-Геверница непереводимый на русскій языкъ каламбуръ, основанный на созвучіи словъ: „capital-ist“ и „capital-esser“].

Прим. ред.

бричной промышленности имѣли мѣсто всѣ присущіе современной русской фабрикѣ недостатки: недостаточная спеціализація, неопытные и непостоянные рабочіе, производство исключительно для внутренняго рынка и т. д. Имѣя въ виду современное состояніе нѣмецкой промышленности, недостатки эти нельзя считать, какъ этого желаетъ г-нъ В. В., доказательствомъ невозможности развитія крупной промышленности вообще.

4) Если бы вѣрно было, что капиталистическое развитіе Запада хронически ухудшаетъ положеніе широкихъ массъ населенія, то была бы правильна слѣдующая мысль народниковъ: индустрія не можетъ опираться только на потребленіе немногихъ богачей; при возрастающемъ обнищаніи туземныхъ массъ она должна, чтобы не умереть, разыскивать все болѣе и болѣе широкіе рынки на сторонѣ. Поэтому Россія, нашедшая внѣшніе рынки уже занятыми, совершенно не можетъ развить у себя крупнаго производства. Но посылка этого умозаключенія не вѣрна. Въ самыхъ развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странахъ Западной Европы мы видимъ какъ разъ демократическій характеръ потребленія: возрастаніе потребленія массъ въ противоположность потребленію предметовъ роскоши имущими классами. Англія, Германія и Бельгія—три высоко развитыя промышленныя страны, являются въ то же время лучшими покупателями предметовъ массового потребленія. Но и страны, повышающія покупательную силу своихъ жителей при помощи экспорта земледѣльческихъ продуктовъ могутъ становиться все болѣе широкимъ рынкомъ для отечественнной промышленности, какъ, напр., Соединенные Штаты.

Въ распоряженіи русской индустріи находятся, хотя и не богатые, но все же обширные и расширяющіеся внутренніе рынки: переходящія теперь и имѣющія перейти въ будущемъ къ денежному хозяйству области Европы и Средней Азіи. Въ этомъ смыслѣ безразлично, удовлетворяло ли населеніе этихъ областей свои потребности при помощи натуральнаго хозяйства полнѣе, какъ это думаетъ Николай-онъ, или нѣтъ. Оно, быть можетъ, и больше ѣло и лучше одѣвалось, но все же ничего не покупало.

Однако для русской индустріи важнѣе этихъ открывающихся новыхъ рынковъ возрастаніе покупательной силы старыхъ. Въ болѣе старыхъ частяхъ Россіи, быть можетъ, и ослабляется покупательная сила пролетаризирующагося, низшаго слоя крестьянскаго населенія, но на смѣну ему идутъ новые, развивающіеся классы: быстро растущіе въ числѣ горожане, сами промышленные рабочіе, а прежде всего высшій слой крестьянства, ненавистные народникамъ, такъ называемые „хозяйственные мужички“, платящіе подати и покупающіе продукты промышленности.

V. Новѣйшая политика міровой державы.

Въ Россіи, какъ и всюду, соціалистическая утопія не побѣдила реакціи. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо прекращеніе соціалистическихъ голосовъ являлось предварительнымъ условіемъ періода дѣйствительныхъ реформъ на почвѣ существующаго порядка. Къ счастью въ прогрессирующемъ народномъ хозяйствѣ сила фактовъ служитъ непреклоннымъ учителемъ, который одинаково возвращаетъ къ землѣ взоры утопистовъ, и направляетъ впередъ даже глаза реакціонера.

Политика отгораживанія отъ Европы могла имѣть для Россіи только значеніе переходной ступени развитія. Прежде всего потерпѣла крушеніе программа панславистовъ. Правда, еще недавно по случаю празднествъ въ честь Палацкаго, въ Прагѣ—устами „генерала“ Комарова Европѣ напоминалось, что панславистскіе голоса еще и теперь существуютъ въ видѣ могучаго теченія. Тѣмъ не менѣе, движеніе это безъ сомнѣнія давно уже прошло высшую точку своего развитія. Оффиціальная Россія Николая II стоитъ далеко отъ него. Да и въ области движенія мысли авангардъ оставилъ уже далеко за собой, какъ панславистовъ, такъ и народниковъ.

Прежде всего панславистская программа внѣшней политики проникнута противорѣчіями; ихъ можно временно игнорировать въ заоблачной сферѣ славянофиловъ, но не въ мірѣ жестокой дѣйствительности, въ который спустились панслависты.

Россія, передовой боецъ за славянскую свободу, только силою держитъ въ подчиненіи именно тотъ славянскій народъ, который на почвѣ древней и славной исторіи первый создалъ свою собственную культуру. Во взглядахъ на *Польшу* рѣзче всего проявляется противорѣчіе между старшими и младшими представителями школы. Самъ Самаринъ, который среди славянофиловъ всего больше былъ политикомъ, видѣлъ въ полякѣ брата-славянина, которому должна быть предоставлена возможность самостоятельнаго развитія. Какъ разъ отношеніе къ Польшѣ было самымъ важнымъ пунктомъ оппозиціи славянофиловъ противъ тогдашней правительственной политики. Въ противоположность этому позднѣйшій націонализмъ одобряетъ репресивныя мѣры, принятыя послѣ возстанія 1864 года, и требуетъ ограниченія польскаго языка и вліянія католической церкви. Характеренъ для широко-распространеннаго пониманія польскаго вопроса въ націоналистическихъ кругахъ тотъ способъ, которымъ Данилевскій примиряетъ свою славянофильскую совѣсть съ защищаемой имъ польской политикой.

Россія, какъ представительница общихъ славянскихъ интересовъ, призвана искупить измѣну вѣроломнаго сына славянской семьи. Величіе Богеміи—въ томъ, что она постоянно выступала противъ Европы, особенно въ великомъ чешскомъ дѣяніи, въ Гусситской войнѣ, представлявшей протестъ славянъ противъ германизма, восточнаго православія противъ католической церкви. Польша, наоборотъ, унизилась до того, что стала орудіемъ Европы противъ „носителя свѣта“ Востока. Изъ всѣхъ славянъ только поляки сдѣлались по своей внутренней жизни европейцами. Подражая феодальному развитію Запада, они добились того аристократическаго общественнаго строя, который чуждъ не подпавшимъ подъ вліяніе Европы славянамъ. Подобно высшимъ классамъ Европы вообще, польская шляхта опиралась на экономическое подчиненіе низшихъ классовъ; хуже еще: она обманомъ лишила народъ какъ разъ самаго высшаго, идеальнаго блага—его національности. Противъ шляхты и связанной съ нею католической церкви Россія защищаетъ славянскую народность отъ хозяйственнаго и національнаго подчиненія. Борьба съ Польшей есть, стало быть, ничто иное, какъ часть борьбы съ Европой.

Если въ лицѣ польскаго дворянства Россія побѣждаетъ старую, феодальную Европу, то новую, демократическую она побѣдитъ въ лицѣ польской интеллигенціи. Здѣсь борьба съ Польшей становится въ то же время борьбой и съ русскимъ либерализмомъ, получающимъ свои идеи черезъ Польшу и имѣющимъ связи съ польскими повстанцами [1]). А истинному славянину ненавистнѣе самихъ европейцевъ тѣ ренегаты, которые восприняли не культуру Европы, а только каррикатуру ея [2]).

Отношеніе панславистовъ къ Польшѣ было реалистичнѣе славянофильскаго. Окончательное соглашеніе съ Польшей для Москвы невозможно именно потому, что польская національность въ Россіи въ большинствѣ случаевъ не составляетъ компактной массы, съ которой при помощи переговоровъ можно было бы установить пограничную линію, а въ значительной мѣрѣ составляетъ землевладѣльческій классъ среди малорусскаго крестьянства. Еще и теперь вызывающая нѣкоторыя сомнѣнія связь Малороссіи съ Россіей имѣетъ въ своей основѣ защиту Малороссіи противъ Польши и католицизма. Уступки Польшѣ угрожаютъ опасностью этой связи, на которой покоится русское міровое могущество, грозитъ національности и православію въ об-

---

[1]) *Катковъ*, напримѣръ, обвинялъ поляковъ даже въ томъ, что они имѣли отношеніе къ покушеніямъ нигилистовъ. „Московскія Вѣдомости“, 1881 г., №№ 65 и 81.

[2]) См. объ этомъ цитированную уже книгу *Данилевскаго*, стр. 131, 132, 200, 240, 429.

ширныхъ юго-западныхъ губерніяхъ, и прежде всего святому Кіеву, „матери всѣхъ городовъ русскихъ“.

Что и теперь въ правительственныхъ кругахъ Россіи не впадаютъ ни въ какія ошибки относительно Польши, хотя и придерживаются болѣе мягкой и болѣе европейской системы управленія, доказываетъ докладъ варшавскаго генералъ-губернатора, князя Имеретинскаго отъ начала 1898 года [1]). По словамъ доклада, католическій клиръ по прежнему принадлежитъ къ неутомимѣйшимъ врагамъ русскаго господства, въ то время какъ черезъ пропасть между дворянствомъ и крестьянствомъ, сдѣлавшую возможнымъ подавленіе возстанія 1863 г., повидимому, перекинутъ мостъ — послѣднее, само собой разумѣется, относится только къ такъ называемому Царству Польскому, по отношенію къ которому только и можно говорить о крестьянскомъ классѣ польской національности.

Но очевидно, что всякое побѣдоносное движеніе Россіи противъ Германіи будетъ усиливать не Россію, а Польшу. А усиленная такимъ путемъ Польша будетъ по необходимости стремиться къ морю, какъ къ Балтійскому, такъ и къ Черному. Пока Германія владѣетъ первой въ Европѣ военной силой, побѣда надъ ней возможна для Россіи только съ большими опасностями и при величайшихъ финансовыхъ жертвахъ. А вознагражденіемъ за побѣду въ лучшемъ случаѣ оказалось бы усиленіе внутренняго врага. Ввиду этого каждый сознающій свою отвѣтственность государственный человѣкъ въ Россіи долженъ быть склоннымъ къ соглашенію съ Германіей.

Эта точка зрѣнія сохраняетъ свою силу и въ томъ случаѣ, если мы обратимъ вниманіе на хозяйственныя измѣненія, пережитыя Польшей въ новѣйшее время. Руководящимъ хозяйственнымъ стимуломъ Польши являются теперь уже не интересы дворянства и крестьянства, а интересы польской крупной промышленности. Но взоръ Лодзи направленъ на востокъ, на далекіе охраняемые рынки Россіи и Азіи простираетъ свои могучіе корни этотъ центръ восточно-европейскаго капитализма. Его мало озабочиваетъ собираніе старыхъ, давно потерянныхъ польскихъ провинцій изъ подъ развалинъ Германскаго государства. Къ тому же, польская крупная промышленность и теперь еще находится преимущественно въ рукахъ нѣмецкихъ и нѣмецко-еврейскихъ капиталистовъ, а не въ рукахъ національной буржуазіи, которая была бы способна взять на себя руководительство всей польской національностью. Если въ послѣднее время и замѣчается сильное стремленіе чисто польскихъ элементовъ къ польской промышленности, то

---

[1]) „Times“ отъ 13 августа 1898 г.

пройдетъ еще много времени, пока крупно-капиталистическій высшій слой населенія пропитается націонализмомъ. Какъ бы то ни было, все-же остается въ силѣ изложенная выше точка зрѣнія: польская промышленность на Востокѣ, въ Азіи — имѣетъ, быть можетъ, анти-англійскіе интересы, по отношенію же къ Западу она, напротивъ, нейтральна, даже не расположена ко всякаго рода территоріальнымъ присоединеніямъ, которыя позволили бы болѣе сильнымъ, западно-европейскимъ конкуррентамъ принять участіе на богатомъ пиру въ русскихъ областяхъ сбыта [1]).

Соглашеніе съ Германіей тѣмъ возможнѣе, что послѣдняя находится въ такомъ же положеніи, какъ Россія: можетъ-ли Германія желать дальнѣйшаго усиленія въ ея предѣлахъ польскаго элемента, который, благодаря болѣе низкому уровню потребностей и заработной платы, и теперь уже оттѣсняетъ на Западъ нѣмецкое населеніе? Кромѣ того, Германія въ войнѣ съ Россіей должна была бы такъ или иначе воспользоваться польскими стремленіями. Побѣдоносный исходъ войны выдвинулъ бы, стало быть, вопросъ о будущности Польши. Рѣшеніе этого вопроса въ духѣ желаній поляковъ невозможно по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока Познань и Западная Пруссія не сдѣлаются преимущественно нѣмецкими и не будутъ окончательно оставлены польскими патріотами. Надо опасаться, что это будетъ равносильно откладыванію рѣшенія вопроса до второго пришествія. Побѣдоносная война съ Россіей поставила бы, стало быть, Германію относительно польскихъ притязаній въ болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ то, въ которомъ она находилась до начала войны.

Но и часть панславистской программы, направленная противъ *Австріи* опровергнута дѣйствительностью. Правда, *южные славяне* охотно позволили освободить себя изъ подъ турецкаго ига, равно какъ венгерскіе славяне и теперь еще ждутъ избавителя изъ Россіи. Но народы эти, разъ они были освобождены, стали искать путей для собственнаго государственнаго развитія. Они раскрыли свои двери идеямъ Запада, въ сравненіи съ которыми представленіе объ особенной славянской культурѣ оказалось фантомомъ. Политическое объединеніе этихъ членовъ славянской семьи подъ скипетромъ Россіи, какъ о томъ мечтали панслависты, мыслимо теперь только путемъ принужденія. Но каждый изъ этихъ народовъ, насильственно присоединенный, превратится въ новую Польшу, чему болгары уже доставили

[1]) Въ послѣднее время Россія способствуетъ укрѣпленію польскихъ промышленныхъ интересовъ, въ то время какъ раньше, по крайней мѣрѣ время отъ времени, она стѣсняла Польшу въ пользу національно-русскаго производства. Эта перемѣна отмѣчена въ *англійскихъ консульскихъ донесеніяхъ* изъ Варшавы 1898 г., стр. 4.

малоутѣшительныя доказательства, хотя они и по языку, и по нравамъ ближе всѣхъ стоятъ къ Россіи [1]). И здѣсь реалистическая политика: огромныя жертвы и опасности, которыхъ потребовалъ бы разгромъ Австріи, уравновѣсилась бы сомнительными побѣдными трофеями.

Къ тому же стало ясно, что то, что въ Балканскомъ вопросѣ составляетъ для Россіи самый жизненный интересъ, свободный доступъ къ морю, можетъ быть достигнуто путемъ договора съ Австріей. Напротивъ того, совершенно безразлично, какъ произойдетъ раздѣленіе сферы вліянія между Австріей и Россіей, путемъ ли точнаго договора или нѣтъ. Какъ значительный прогрессъ по сравненію съ панславизмомъ, важенъ слѣдующій взглядъ, высказанный нынѣшнимъ редакторомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и предсѣдателемъ русско-китайскаго банка княземъ Ухтомскимъ, сопровождавшимъ царя Николая II въ его путешествіи по Азіи: „И я очень радъ что это совершилось. Русской политикѣ было совершенно необходимо освободиться отъ Балканскаго полуострова. Султанъ можетъ оставаться; но онъ долженъ превратиться въ маленькаго эмира, и будетъ ли этотъ эмиръ васалломъ Россіи или другой какой страны, мнѣ кажется, совершенно безразлично. Для Россіи достаточно, если она будетъ владѣть *южной* стороной пролива“ [2]).

Но мы недостаточно оцѣнимъ перемѣну, происшедшую въ общественномъ мнѣніи и въ политикѣ Русской Имперіи, если станемъ объяснять эту перемѣну исключительно затрудненіями, встрѣтившимися при осуществленіи панславистской программы. Нынѣшняя политика Россіи—это не политика отреченія, а политика, имѣющая болѣе широкую цѣль. Чтобы правильно оцѣнить ее, необходимо примѣнить къ ней крупный историческій масштабъ.

Начиная съ эпохи открытій исторія Западной Европы перестаетъ быть всемірной исторіей. Играющія руководящую роль европейскія великія державы ставятъ себѣ съ этого времени задачи. За предѣлами Европы: политическое подчиненіе и хозяйственная эксплоатація всей земной поверхности все въ большей степени становится темой всемірной исторіи. Съ этой точки зрѣнія западно-европейская исторія послѣднихъ столѣтій представляетъ собой борьбу между *Англіей* и *Франціей* изъ за мірового господства,—борьбу, въ которой вначалѣ, до 1688 г., французы имѣли преимущество, какъ въ Индіи, такъ и въ Сѣверной Америкѣ [3]).

---

[1]) *Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen II, S. 270: „освобожденные народы исполнены не благодарности, а претензій“.

[2]) Preussische Jahrbücher, Bd. XCII. Heft 2.

[3]) *Peez.* Zur neuesten Handelspolitik. Wien, 1895, S. 178 ff.

Безсмысленныя войны на Рейнѣ, которыя, постоянно мѣняя границу, привели ее почти въ то-же положеніе, въ какомъ она находилась при Людовикѣ XIV—въ началѣ войнъ, станутъ понятны только тогда, если мы вспомнимъ, что нѣмецкія войска сражались въ интересахъ и часто за жалованіе Англіи. Бывали случаи, напримѣръ, во время Наполеоновскихъ войнъ, когда прусскіе ландверы шли на войну даже въ англійскихъ мундирахъ. Не только побѣды Марльборо и Веллингтона, но и побѣды принца Евгенія, Фридриха Великаго и Блюхера послужили, и при томъ не въ меньшей степени, какъ справедливо указываетъ Шмоллеръ, основаніемъ англійскаго мірового господства. Лордъ *Chatham* говорилъ, что онъ побѣдилъ Америку въ Германіи. Наполеона перваго преслѣдовала мысль соединить континентальныя силы противъ Англіи; на свое несчастіе онъ пытался осуществить эту идею путемъ насилія и деспотизма, и его побѣдило нѣмецкое и русское оружіе, но не въ меньшей степени—и удивительное развитіе англійской хлопчато-бумажной промышленности, которое, какъ указываетъ Маккулохъ, (Macculloch) дало Англіи финансовую силу пользоваться въ продолжавшейся десятки лѣтъ войнѣ континентальными войсками [1]).

Помимо того, Англія, не имѣя серьезныхъ соперниковъ, провозгласила въ серединѣ столѣтія свободу торговли. Являясь „міровой фабрикой“, она надѣялась, что остальныя націи перейдутъ къ свободѣ торговли и будутъ продолжать вымѣнивать сырье и продовольственныя средства на продукты англійской промышленности. Величію Англіи того времени какъ разъ соотвѣтствовалъ по размѣрамъ земной шаръ.

Но дальнѣйшее развитіе пошло иначе, чѣмъ мечтали великіе апостолы англійской свободы торговли. Подъ защитою пошлинъ континентальныя націи развили и у себя цвѣтущее крупное производство. Потребность въ вывозѣ продуктовъ промышленности, необходимость прокормить населеніе, быстро увеличивающееся на ограниченной территоріи, мысль о выселяющихся соотечественникахъ вытолкнули „народъ поэтовъ и мыслителей“ изъ той узко-

[1]) По Утрехтскому миру 1713 года Англія получила Ньюфаундлендъ, Новую Шотландію, Гибралтаръ, и стала препятствовать сношеніямъ французской индустріи съ испанскими колоніальными владѣніями. По Парижскому миру 1763 года Англія получила Канаду и Флориду. Ослабленіе Франціи при помощи австрійскаго и прусскаго оружія обезпечило вскорѣ затѣмъ покореніе Индіи. По Парижскому миру 1815 года Англія получила Южную Африку, Мальту и Цейлонъ. Въ воспоминаніяхъ объ открытіи Суэцкаго канала *Науманнъ* (Naumann) пишетъ въ своихъ письмахъ съ дороги изъ Суэца (Hilfe 4. Dec. 1898): „А вѣдь были иныя времена, когда Наполеонъ III стоялъ здѣсь со своимъ придворнымъ лагеремъ! Гдѣ теперь могущество Франціи? Образованные классы всего Египта говорятъ еще по французски, но пушки Седана оказали и здѣсь свое дѣйствіе—въ пользу Англіи“.

ограниченной, тихой жизни, въ которой онъ дремалъ въ теченіе трехсотъ лѣтъ. Робко, нерѣшительно и поздно выступила *Германія* на путь, ведущій за предѣлы старой Европы.

Иное дѣло *Франція*. Потребность вывоза и эмиграціи, а еще болѣе потребность приложенія крупныхъ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ капиталовъ, связана здѣсь со старой и славной традиціей расширенія колоній. Послѣ того какъ уже при Ватерлоо пораженіе, казалось, было окончательнымъ, Франція съ удивительной эластичностью снова окрѣпла для новыхъ побѣдъ. Ея великимъ днемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи было покореніе Алжира. Благодаря европейской континентальной политикѣ, когда то погибла американская Франція, о размѣрахъ которой и теперь еще напоминаютъ имена Монреяля, Сенъ Луи и Нью-Орлеана; съ тѣхъ поръ возникла новая, африканская Франція,—будущности которой снова угрожаетъ европейская континентальная политика (Фашода!).

Теперь, когда изобрѣтенія въ области средствъ сообщенія проявили вполнѣ свое дѣйствіе, конецъ XIX вѣка видитъ новую волну европейской политики расширенія. Благодаря пароходамъ, желѣзнымъ дорогамъ и телеграфамъ, страны и народы сблизились до невѣроятной степени, и отдаленнѣйшіе поясы земного шара ближе теперь къ намъ и доступнѣе, чѣмъ сто лѣтъ назадъ были сосѣднія области собственнаго отечества.

Но не старые государства Европы выступили въ роли самыхъ серьезныхъ соперниковъ англійскаго мірового господства; имъ преимущества Англіи казались черезъ чуръ большими. Новѣйшее развитіе путей сообщенія побѣдило пространство, и прежде всего пространство суши, до того служившее препятствіемъ къ развитію экономическаго и политическаго могущества. Теперь же пространство само стало основой могущества. На первый планъ выступили новыя державы, до того не принадлежавшія къ системѣ европейскихъ государствъ, но въ то же время избѣжавшія опасности, спуститься до положенія областей, подчиненныхъ господству Европы. Занимая болѣе обширныя пространства, онѣ теперь-же воспользовались въ собственныхъ цѣляхъ военной и промышленной техникой Европы. Ихъ превосходство напоминаетъ о томъ, какъ нѣкогда національная монархія Западной Европы, уже благодаря одному своему болѣе широкому основанію, оказалась сильнѣе итальянскихъ и нѣмецкихъ городовъ и территорій, какъ болѣе широко раскинувшаяся часть Германіи на востокѣ отъ Эльбы, Пруссія, Австрія и западно-нѣмецкія мелкія государства.

Имѣя возможность производить въ своихъ предѣлахъ почти всѣ продукты земледѣлія, *Сѣверная Америка* и *Россія* противопоставили англій-

ской свободѣ торговли непоколебимыя охранительныя пошлины и какую только было возможно замкнутость. Отвѣтомъ, который дала на это Англія, было развитіе англійской идеи свободы торговли въ британскій имперіализмъ. Между націей, и человѣчествомъ протискивается міровое государство.

Въ нашу задачу не входитъ говорить здѣсь о Сѣверной Америкѣ; хотя она связана съ Англіей національными узами, но промышленная конкурренція ея, по мнѣнію нынѣшняго англійскаго министра торговли господина Ритчи (Ritchie), со временемъ станетъ для Англіи опаснѣе пресловутаго „Made in Germany“ (сдѣлано въ Германіи).

Еще болѣе континентальна, чѣмъ Сѣверная Америка, — Россія. Пока морской путь былъ единственнымъ средствомъ преодолѣванія большихъ пространствъ, огромная отдаленность внутреннихъ областей Россіи была для нея моментомъ не силы, а слабости.

Это доказала Крымская война. Съ тѣхъ поръ путемъ расширенія желѣзнодорожной сѣти Россія собрала свои далеко разбросанные члены. Только благодаря этому она пріобрѣла хозяйственное единство и необыкновенно усилила свою способность политической дѣятельности. Ея географическое положеніе дѣлаетъ для нея возможной *міровую политику*, съ опредѣленной цѣлью сухимъ путемъ достигнуть океана.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ русская телеграфная сѣть была соединена съ китайской. Подобное же соединеніе русско-европейской и китайской системы желѣзныхъ дорогъ предстоитъ въ близкомъ будущемъ. Сибирская желѣзная дорога — это великій и вѣчный памятникъ царствованія Александра III, который не только разрѣшилъ это рискованное культурное предпріятіе, но и дѣятельно ему содѣйствовалъ. Отъ Петербурга до Владивостока, который стоитъ, на Тихомъ океанѣ, эта дорога будетъ имѣть свыше 10,000 километровъ, въ то время какъ англійская Канадская желѣзная дорога имѣетъ 5,000 километровъ длины, сѣверная поперечная линія Соединенныхъ Штатовъ отъ Атлантическаго до Тихаго океана имѣетъ 5,300, а южная—5,600 километровъ. По окончаніи постройки Сибирской желѣзной дороги можно будетъ приблизительно въ одно и то же время, въ какихъ нибудь 20 дней, направляясь изъ Лондона на востокъ или на западъ, достигнуть Желтаго моря и Японіи. То обстоятельство, что нынѣшній царь Николай II, въ бытность свою наслѣдникомъ престола, посѣтилъ Тихій океанъ и возвратился обратно черезъ Сибирь, ручается за продолжительный интересъ современнаго русскаго правительства къ широкимъ цѣлямъ русско-азіатской политики.

Какъ отражаются эти цѣли въ головахъ представителей вліятельныхъ круговъ, показываютъ слѣдующія слова князя Ухтомскаго [1]): „Россія не затрагиваетъ цѣлости Китая и авторитета династіи, но занимаетъ дружественное, совѣщательное и способствующее культурѣ положеніе, въ родѣ доброжелательнаго опекуна. Я вижу высокую и идеальную задачу Россіи въ томъ, чтобы быть носѣтительницей культуры на далекомъ востокѣ, дать матеріальное и духовное благополучіе сотнямъ милліоновъ жителей Азіатскаго материка".

Въ то-же время Россія обязала персидское правительство договоромъ не строить въ ближайшіе годы желѣзныхъ дорогъ [2]). Такъ какъ сейчасъ много дѣла на востокѣ, то преслѣдованіе такой-же цѣли на югѣ—достичь океана сухимъ путемъ, — откладывается на будущее время; къ тому же, какъ часть послѣдняго пути, прекрасно служатъ уже внутреннія воды: Каспійское море.

Вопросъ объ австрійскихъ славянахъ теряетъ, напротивъ, интересъ для Россіи. Князь Ухтомскій идетъ даже дальше; по его словамъ, „чехи— правда, славяне, но они цѣликомъ входятъ въ германскую область". Въ видахъ достиженія болѣе отдаленной цѣли, Россія желаетъ теперь, въ противоположность панславистской школѣ, сохраненія Турціи и прекращенія восточныхъ неурядицъ [3]).

Если, стало быть, теперь перешагнули черезъ панславистскую программу, то произошло это потому, что она заключаетъ въ себѣ европейскую, а не міровую политику. Въ то время какъ, къ удивленію, все еще оказывается много французовъ, для которыхъ рейнскіе вопросы кажутся важнѣе нильскихъ, Россія развилась до сознанія своихъ задачъ: міръ для нея важнѣе, такъ какъ онъ больше, чѣмъ тѣсная и старая Европа.

Если уже эти общія основанія дѣлаютъ понятнымъ превращеніе панславизма въ новѣйшую политику міровой державы, то сила особыхъ обстоятельствъ указываетъ именно Россіи на цѣли, лежащія внѣ Европы.

Государственныя формы Россіи не пригодны для покоренія и амальгамированія западно-европейскихъ народовъ. Васальныя государства, основанныя Россіей на турецкой почвѣ, дунайскія княжества, впослѣдствіе Болгарія, стремились къ независимости отъ Россіи. Сарты, персы, китайцы имѣютъ большое преимущество, — они заколдованы противъ зараженія западно-европейской политикой. Автократическое правленіе—въ ихъ натурѣ

[1]) *Rohrbach.* Preuss. Jahrbücher, Mai, 1898.
[2]) *G. Drage, M. P.* Forum, New-York, Oktober 1898.
[3]) *Rohrbach.* In Turan und Armenien. Berlin, 1898. S. 240, 244.

они, говоря панславистскимъ языкомъ, дѣйствительно представляютъ изъ себя этнографическій матеріалъ.

Далѣе: искуственно развитая русская промышленность по причинамъ, которыя мы выше выяснили, не способна къ конкурренціи на свободномъ рынкѣ. . При бѣдности отечественнаго рынка она имѣетъ потребность въ вывозѣ и нуждается, къ тому же, въ рынкахъ охраняемыхъ пошлинами. Узы, которыми панславистская Москва надѣялась привязать босфорскую драгоцѣнность, не были по крайней мѣрѣ цѣпями таможенной линіи. Промышленная Москва встрѣтила самыми шумными овваціями генерала Кауфмана, покорителя Закаспійской области. Онъ покорилъ широкую, хозяйственно-обезпеченную и политически-безопасную область сбыта, такъ какъ присоединенная имъ Центральная Азія долго еще будетъ представлять изъ себя непромышленнаго потребителя продуктовъ русской индустріи. Помимо естественныхъ препятствій и простыя административныя мѣропріятія могутъ помѣшать возникновенію тамъ конкуррирующихъ фабрикъ. Напротивъ, всякое пріобрѣтеніе въ Европѣ немедленно создало бы для промышленной Москвы, опаснаго конкуррента въ предѣлахъ стѣны русскаго таможеннаго тарифа, такъ какъ на Западѣ производятъ дешевле. А для Москвы достаточно и *одной* Лодзи.

Важнѣе, наконецъ, всего остального—это великая, молчаливая дѣятельность русскаго крестьянина, заселеніе Сибири. Покоренная не государственной силой, а по собственному почину казаками, Сибирь заселяется русскими безъ вѣдома, а отчасти и противъ воли правительства. Только въ послѣднее время народная волна, все еще постоянно переливающаяся черезъ Уралъ, направлена въ государственное русло. Но, вѣдь, Уральскія горы—это не граница, и Азія и Европа здѣсь до того сливаются другъ съ другомъ, что Леруа-Болье справедливо называетъ Сибирь, „болѣе суровой Россіей“, а Россію—„болѣе мягкой Сибирью“. Въ десятилѣтіе 1887—1897 г.г. въ Сибирь переселилось по оффиціальнымъ даннымъ 842,355 душъ обоего пола [1]). Уже теперь авангардъ русскаго переселенія достигаетъ Тихаго океана. Напримѣръ, казаки, державшіе почетный караулъ при принцѣ Генрихѣ Прусскомъ, когда онъ посѣтилъ Пріамурскую область, являются не только гарнизономъ, но въ то-же время и колонистами. Отъ Сибирской желѣзной дороги Россія ожидаетъ болѣе густого заселенія Сибири и развитія горной промышленности и городовъ [2]).

[1]) *Simkhowitsch.* Feldgemeinschaft in Russland. Iena, 1898, S. 312.

[2]) *Кауфманъ,* лучшій знатокъ сибирскихъ переселенческихъ отношеній, справедливо предостерегаетъ отъ преувеличенія ховяйственнаго значенія переселеній въ Сибирь; на

Посмотримъ, какое это имѣетъ значеніе: желѣзными скрѣпами связаны отдаленнѣйшія части націи съ цѣлымъ. Ибо русскій народъ, не затронутый мѣняющимися взглядами высшихъ слоевъ, всюду несетъ съ собою освященный Богомъ образъ царя. Этотъ образъ царитъ въ его сердцѣ, подобно великому образу Спасителя, который, сіяя съ высоты, господствуетъ надъ всеимъ византійскимъ куполомъ. *Однимъ* своимъ словомъ царь можетъ поднять на ноги всю націю.

Очевидно, что въ своей міровой политикѣ Россія на различнѣйшихъ пунктахъ сталкивается съ Англіей [1]). Чѣмъ больше обостряется эта противоположность интересовъ, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ Россія потребность въ союзникѣ на европейскомъ материкѣ, не только во Франціи, поддержка которой хотя и очень цѣнна, все-же недостаточно широка, но и въ Германіи. Еще свѣжо воспоминаніе о Крымской войнѣ, которая потому только не имѣла совсѣмъ рокового значенія для истощенной Россіи, что Германія отказалась позволить перенести поле битвы на Вислу. Въ этомъ заключалась причина перемѣны, которая произошла въ удивительно короткое время въ общественномъ мнѣніи Россіи относительно Германіи и нѣмцевъ, и доказательствомъ которой служитъ теперь каждая газета.

Эта поддержка со стороны Запада тѣмъ необходимѣе, что экономическое могущество Россіи ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствуетъ ни размѣрамъ ея территоріи, ни широтѣ ея цѣлей. По самымъ серьезнымъ финансово-политическимъ соображеніямъ, Россія стремится теперь путемъ торговыхъ договоровъ обезпечить и расширить европейскіе рынки для сбыта своего сырья, полуфабрикатовъ и пищевыхъ продуктовъ; она нуждается затѣмъ въ привлеченіи европейскихъ капиталовъ, чтобы тѣмъ урегулировать валюту. Вся ея внутренняя политика приняла теперь дружественный Европѣ и въ общемъ прогрессивный характеръ. Обоснованіе этого положенія въ его частностяхъ мы дадимъ въ слѣдующихъ главахъ,

Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, бросимъ еще бѣглый взглядъ на *ны-*

ходъ развитія аграрнаго вопроса внутри Россіи они, конечно, не оказываютъ вліянія См., напр., статью Кауфмана въ Conrads Jahrbüchern 1898, Heft 4, S. 455. Въ текстѣ я говорю о значеніи сибирской колонизаціи для азіатской политики Россіи. Это значеніе— велико. Русскіе долго еще будутъ первыми европейцами, населяющими эту часть азіатскихъ владѣній Россіи и этимъ привяжутъ ее къ себѣ лучше, чѣмъ какими бы то ни было другими средствами.

[1]) Сравни объ этомъ мою статью „Ein Programm englischer Reformpolitik“ въ Preussischen Jahrbüchern, Band 63, Heft 3.

нынее положеніе Россіи въ Азіи, при чемъ мы воспользуемся, между прочимъ, сводкой Ратцеля [1]).

Къ 1 января 1895 года на основаніи полицейскихъ свѣдѣній населеніе *Сибири* опредѣлялось въ 7,2 милліона, изъ нихъ 4,5 милліоновъ русскихъ. Города Томскъ и Иркутскъ насчитываютъ по 50,000 жителей [2]).

Работы по сооруженію Сибирской желѣзной дороги продолжаются съ большой энергіей. Но это дѣло въ 1893—97 годахъ истрачено около 400 милліоновъ рублей [3]). Фактически большая часть пути уже готова. Въ настоящее время дѣйствуетъ линія отъ Челябинска до Иркутска, т. е. отъ Урала до Байкальскаго озера; затѣмъ открыта для движенія восточная часть пути отъ Владивостока до Хабаровска, такъ называемая Уссурійская желѣзная дорога.

Остается, стало быть, не оконченной Забайкальская линія. Этотъ участокъ проходитъ черезъ гористую область и переваливаетъ черезъ Яблоновый хребетъ на высотѣ 1,040 метровъ надъ уровнемъ моря. Трудность земляныхъ работъ превзошла здѣсь ожиданія, такъ какъ даже въ лѣтнее время почва здѣсь оттаиваетъ только на нѣсколько сантиметровъ въ глубь. Можно получить нѣкоторое представленіе объ этихъ невѣроятныхъ трудностяхъ, узнавъ, что на Яблоновомъ хребтѣ въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ термометръ днемъ показываетъ + 28° С., а ночью—5°. Значительная часть земляныхъ работъ тѣмъ не менѣе окончена и на небольшомъ участкѣ проложены уже рельсы. Путь этотъ уже открытъ для движенія. У Нерчинска желѣзная дорога встрѣчается съ пароходной линіей на Амурѣ, и оттуда путь не будетъ уже вестись прямо на Востокъ, такъ какъ въ силу ратифицированнаго въ мартѣ 1898 г. русско-китайскаго договора *манджурская* линія должна строиться отъ расположеннаго западнѣе Нерчинска пункта—Онона, какъ прямое продолженіе Сибирской желѣзной дороги до Портъ-Артура. Грандіозному паровому пути служитъ посредникомъ пароходное сообщеніе между обоими берегами Байкальскаго озера и только въ 1902 году будетъ начата постройка въ высшей степени трудной и дорого стоющей круго-байкальской желѣзной дороги.

---

[1]) *Ratzel.* Geographische Zeitschrift 1898, S. 268 ff.

[2]) Предварительные результаты народной переписи 9 февраля 1897 года показываютъ для Сибири 5,7 милліоновъ жителей.

[3]) Донесеніе англійскаго консула въ Петербургѣ 1898 г., S. 15. Подробности содержатся въ оффиціальномъ изданіи: „Sibiria and the great Sibirian Railway; for the Worlds Columbian Exhibition“. Petersburg, 1893; то-же на русскомъ языкѣ: „Сибирь и великая Сибирская желѣзная дорога.“ СПб., 1893 г.

Изъ Сибири Россія подвигается въ тихо-океанскую Азію и по временамъ оказываетъ рѣшающее вліяніе въ Кореѣ и Манджуріи. Еще въ договорѣ отъ 9 іюня 1896 г. Россія признала извѣстную равноправность Японіи въ *Кореѣ*. Тотчасъ послѣ японско-китайской войны, когда опредѣленнѣе выяснились виды Японіи на Корею, Россія принудила Японію удалиться съ Азіатскаго материка. Вскорѣ затѣмъ русскіе офицеры взяли на себя преобразованіе корейской арміи. Русскія консульства въ Сеулѣ и Чемульпо превратились съ тѣхъ поръ въ дѣловыя учрежденія, которымъ отчасти предстоитъ озаботиться о покореніи Кореи. Постройка проэктированной Японіей еще въ 1894 г. желѣзнодорожной линіи Сеулъ—Фузанъ, благодаря протесту корейскаго правительства, ergo—Россіи, отмѣнена. Японія, по общему мнѣнію, значительно утратила почву въ Кореѣ со времени войны.

По площади *Манджурія* [1]) соотвѣтствуетъ приблизительно Австро-Венгерской монархіи; населеніе ея опредѣляютъ въ 12 — 20 милліоновъ. И здѣсь побѣда Японіи надъ Китаемъ дала толчекъ къ движенію впередъ Россіи. Ратцель относительно этого говоритъ слѣдующее: „послѣ того какъ Айгунскій договоръ 1858 года разрѣшилъ русскимъ торговцамъ плаваніе по Сунгари, судоходной на протяженіи 800 километровъ для судовъ съ посадкой въ $1^1/_2$ метра, Россія формально получила право запрещеннаго до того иностранцамъ доступа въ отечество нынѣшней китайской династіи. Только, когда японцы разбили китайское войско, появился русскій пароходъ предъ Чичикаромъ (Tchitsicar), и съ тѣхъ поръ сношенія стали быстро развиваться. Въ 1896 году Китай понизилъ для Россіи таможенныя пошлины на Манджурской границѣ. Рядомъ со старымъ обществомъ Амурскаго пароходства въ 1894 году возникло новое, и рѣчное сообщеніе непрерывно растетъ съ начала постройки желѣзной дороги. Желѣзнодорожный договоръ 1896 года не только предоставляетъ одной Россіи право покрыть Манджурію сѣтью желѣзныхъ дорогъ, но и запрещаетъ Китаю передать важныя, укрѣпленныя гавани Таліенванъ и Портъ Артуръ какой либо другой державѣ, кромѣ Россіи“.

Съ тѣхъ поръ Россія добилась того, что завладѣла этими гаванями [2]).

---

[1]) Подробности можно найти въ двухтомномъ изданіи русскаго министерства финансовъ—Описаніе Манджуріи (съ картой) подъ редакціей *Дмитрія Позднѣева*. С.-Пб., 1897 г

[2]) „Times“ недавно опубликовала телеграмму изъ *Ньючванга*, въ которой говорится, что *русскіе* стали полными господами и въ этой гавани, единственной „открытой“ двери для торговли съ Манджуріей. Построенная русскими соединительная вѣтвь къ главной линіи Манджурской желѣзной дороги, длиною въ 26 километровъ, уже почти готова. Русскій матеріалъ для постройки желѣзной дороги выгружается въ Нью-

Отъ нихъ пройдетъ Манджурская желѣзная дорога по недавно еще недоступной странѣ. Надъ постройкой этой дороги трудятся изо всѣхъ силъ; окончаніе ея ожидается къ началу новаго столѣтія. Предполагается соединить Манджурскую дорогу съ сибирской желѣзно-дорожной системой въ двухъ пунктахъ: въ Никольскомъ, нынѣшней станціи Уссурійской желѣзной дороги, и на Ононѣ, станціи будущей Забайкальской желѣзной дороги. Такимъ образомъ транзитная Сибирская желѣзная дорога получаетъ незамерзающій внѣшній портъ на Желтомъ морѣ; въ то-же время балтійско-тихо-океанско-китайскій рельсовый путь значительно сократится.

Политическое значеніе постройки сибирско-манджурской желѣзной дороги нельзя обрисовать лучше, чѣмъ слѣдующими словами Стенли, знатока колоніальныхъ вопросовъ и нынѣшняго члена англійскаго парламента [1]): „Россія станетъ господствующей державой въ Восточной Азіи въ тотъ моментъ, когда будетъ окончена Сибирская желѣзная дорога. Что пользы для Англіи отъ Вей-хай-вея, когда самъ Пекинъ является конечной станціей желѣзнодорожнаго пути отъ С.-Петербурга? При помощи флота и десантныхъ войскъ нельзя уже теперь охранить китайцевъ отъ русскихъ посягательствъ; а отъ Пекина желѣзная дорога можетъ быть продолжена до Гонконга легче и скорѣе, чѣмъ она строилась отъ Москвы до Портъ Артура. Разъ Россія посредствомъ своихъ желѣзнодорожныхъ присоединеній покоритъ Китай, то остальная Азія скоро послѣдуетъ за нимъ".

Это положеніе требуетъ значительныхъ ограниченій. Подвигаясь впередъ въ Азіи, Россія не въ состояніи слѣдить за осложненіями на европейскомъ материкѣ. Поэтому ни одна держава не встрѣтитъ такого бережнаго отношенія къ своимъ интересамъ въ Азіи, какъ Германія, континентальная держава, сосѣдняя съ Россіей на западѣ. Съ Германскими интересами будутъ считаться совершенно иначе, чѣмъ съ интересами такихъ державъ, которыя могутъ бросить на чашку вѣсовъ только морскія боевыя силы. Отсюда желаніе Англіи поставить между собою и Россіей германскій буферъ, такъ какъ, гдѣ дѣло идетъ о континентальныхъ вопросахъ Стараго Свѣта, тамъ помощь Америки имѣетъ для Англіи мало значенія.

Бросимъ еще взглядъ на русскую *Центральную Азію*, населеніе которой по переписи 9 февраля 1897 г. показано въ 7,6 милліоновъ. Сюда

чвангѣ, безъ очистки его у чиновника морской таможни отъ законныхъ пошлинъ. Желѣзная дорога является чисто русской военной дорогой. Въ договорной гавани находятся русскіе казаки, а на протяженіи всей желѣзнодорожной линіи черезъ Манджурію расположены русскіе военные посты.

[1]) Nineteenth Century № 256. Ср. Preussische Jahbücher, Juli 1898, S. 192.

надо прибавить совершенно зависимое, въ торгово-политическомъ отношеніи слившееся съ Россіей ханство Бухару.

Закаспійская область, благодаря доведенной теперь до Ташкента Закаспійской желѣзной дорогѣ, стала членомъ русскаго народнаго хозяйства. Боковая вѣтвь этой дороги на Кушку дала Россіи господствующее положеніе надъ афганскимъ Гератомъ, равно какъ надъ персидской восточной областью—Харассаномъ.

Горная страна Памиръ—это тотъ пунктъ, гдѣ область русскаго вліянія соприкасается теперь непосредственно со сферой англійскаго владычества. Въ Памирской области открыта въ 1897 году военная дорога черезъ Кизилъ-Артскій проходъ въ Шиньянъ (Schignan) для войскъ и боевыхъ матеріаловъ. Большая экспедиція, организованная русскимъ Географическимъ Обществомъ и Петербургской Академіей, въ 1897 году спустилась съ Рошана, Шиньяна и Дарваса въ Памиръ для изслѣдованія области, очевидно не только съ научными цѣлями. Россія продолжаетъ свою желѣзную дорогу отъ Самарканда черезъ Хавастъ вплоть до самыхъ переваловъ.

Третья азіатская область русскаго господства—это *Кавказъ*, насчитывающій по послѣдней народной переписи до 9,7 милліоновъ населенія. И здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ-же явленія. До сихъ поръ страна эта была связана съ Россіей береговымъ пароходнымъ сообщеніемъ по двумъ морямъ и знаменитой военной дорогой изъ Владикавказа. Теперь желѣзнодорожныя линіи проведены до самыхъ береговъ, какъ Каспійскаго, такъ и Чернаго морей, и Кавказъ, такимъ образомъ, вошелъ въ составъ русской желѣзнодорожной сѣти. Скоро также будетъ окончена постройка желѣзной дороги до Карса. Недавно устроена русскими персидская гавань Энзели на Каспійскомъ морѣ и оттуда должно быть проведено шоссе въ Казвинъ и внутрь страны — все это въ противовѣсъ вліянію Англіи, господствующей на берегу Персидскаго залива. Наконецъ, Россія имѣетъ въ Персіи и другія еще выгоды. Перешедшее въ Персію изъ Турціи движеніе побудило въ первой половинѣ 1897 года около 75,000 несторіанцевъ-армянъ перейти въ православіе. А на Востокѣ принадлежность къ церкви равнозначуща принадлежности къ національности.

Но Россія не ограничивается теперь европейско-азіатскими интересами, хотя на такое намѣреніе, повидимому, указывала продажа въ 1867 г. Аляски Соединеннымъ Штатамъ. Теперь, въ Петербургѣ жалѣютъ, конечно, о продажѣ этой новѣйшей золотоносной страны.

Тѣмъ яснѣе заботливостью о своихъ отношеніяхъ съ Абиссиніей показываетъ Россія свое намѣреніе въ будущемъ принять участіе въ африканской

политикѣ. Важность для Россіи Краснаго моря увеличивается соразмѣрно съ ростомъ ея тихо-океанскихъ интересовъ. Въ то-же время восточно-африканская горная страна угрожаетъ Англіи, этому сильному врагу, въ отдаленномъ, правда, но уязвимомъ мѣстѣ—Нильской позиціи. Для Россіи выгодны близкія отношенія греческаго православія къ абиссинской церкви.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Торговая политика восьмидесятыхъ годовъ.

I. Историческій обзоръ [1]).

Изложить сжато на немногихъ страницахъ торговую политику современнаго обширнаго и сложнаго народнаго хозяйства — смѣлость немалая, если имѣется въ виду не внѣшнее описаніе разныхъ перемѣнъ въ колебаніяхъ тарифа, а выясненіе причинъ, вызвавшихъ эти измѣненія. Для этого необходимо окинуть взглядомъ все народное хозяйство данной страны; съ другой стороны для этого необходимо изучить многочисленные, часто весьма запутанные отдѣльные вопросы, по которымъ накопилась не только весьма обширная литература, но при выясненіи которыхъ, какъ мы то увидимъ ниже, необходимо считаться съ мнѣніемъ торгово-промышленнаго міра. И все же ученый, занимающійся изученіемъ народнаго хозяйства, долженъ рѣшиться на этотъ смѣлый шагъ. Пренебреги онъ этимъ, и отъ него легко ускользнетъ взаимная связь отдѣльныхъ народно-хозяйственныхъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ этимъ зачастую и самое знаніе факторовъ, дѣйствующихъ въ спеціально интересующей его области.

Исторія русскаго таможеннаго тарифа распадается на 4 періода. 1) Отъ начала столѣтія до изданія тарифа 1821 г. господствуетъ запретительная система въ видѣ запрещенія ввоза и запретительныхъ таможенныхъ ставокъ, причемъ недолговѣчный тарифъ 1819 г., возникшій подъ вліяніемъ

---

[1]) Обзоръ отдѣльныхъ измѣненій таможенныхъ пошлинъ можно найти у *Bagerdörffer'a*, Conrads Jahrbücher für Nationaloekonomie 1894, S. 411, а также у *Wittschefski*, Schriften des Vereins für Socialpolitik, B. 46. Крайнимъ сторонникомъ таможенно-охранительной точки зрѣнія является *Менделѣевъ*—Д. Менделѣевъ. Толковый тарифъ. С.-Пб., 1892 г. Недурной историческій очеркъ мы находимъ у *Любіенскаго*—Любіенскій. Исторія таможеннаго тарифа. С.-Пб., 1886 г.

прусскаго тарифа, является лишь временнымъ колебаніемъ системы. 2) Въ періодъ 1824—1850 гг., съ устраненіемъ запрещеній ввоза, тарифъ изъ запретительнаго становится усиленно-охранительнымъ. 3) Тарифы 1850, 1857 и 1867 гг. приносятъ съ собою дальнѣйшее пониженіе пошлинъ, принимая умѣренно-охранительный характеръ и обозначая собою побѣду фритредерскихъ теченій. 4) Съ 1877 г. замѣчается поворотъ къ старому, который чрезъ различные промежуточные этапы приводитъ къ высокому охранительному тарифу 1891 г. Вышеприведенныя даты обнаруживаютъ поразительный параллелизмъ съ ходомъ нѣмецкаго, вѣрнѣе обще европейскаго развитія.

Но, чтобы понять развитіе торговой политики, необходимо выяснить противорѣчія классовыхъ интересовъ, равнодѣйствующую которыхъ представляютъ сухія цифры тарифа. Въ этомъ случаѣ обнаруживается, что волны торгово-политической жизни хотя и проходятъ, подобно литературнымъ теченіямъ, черезъ всю Европу, но въ разныхъ странахъ, въ зависимости отъ степени экономическаго развитія, вызываются различными силами и служатъ различнымъ интересамъ.

Является ли, съ этой точки зрѣнія, русская таможенная система вплоть до 1850 выразителемъ интересовъ предпринимателей-промышленниковъ?

Крестьяне и помѣщики большею частью носили еще тогда платье, изготовленное изъ шерсти отъ собственныхъ стадъ, изъ льна и конопли, собранныхъ на собственныхъ помѣщичьихъ или крестьянскихъ поляхъ. Крестьянинъ обрабатывалъ какъ свои, такъ и помѣщичьи поля при помощи деревянныхъ самодѣльныхъ орудій. Оба они, и крестьянинъ, и помѣщикъ, обитали въ жилищахъ, построенныхъ изъ своего лѣса и покупали мало желѣза и продуктовъ текстильной промышленности, этихъ двигателей современнаго промышленнаго развитія. Лишь немногіе привилегированные представители дворянства, особенно городской придворной знати пользовались европейскими товарами—предметами рѣдкой роскоши. Ни помѣщичьи, ни казенныя фабрики не были заинтересованы въ энергической таможенно-охранительной политикѣ; первые потому, что отвратительное состояніе дорогъ достаточно охраняло ихъ мѣстный сбытъ, послѣднія же явились составною частью самого государственнаго хозяйства или пользовались монополіей. Фабриканты не составляли обособленнаго, сознающаго свои интересы класса.

Вотъ почему поднесеніе императору Николаю I перевода книги Ф. Листа не грозило никакими послѣдствіями; въ его время таможенная система напоминала скорѣе меркантилизмъ Фридриха Великаго, стремившагося привить промышленность не имѣвшей ея странѣ и охранять государственныя

или привилегированныя государствомъ фабрики; запретительная система того времени являлась выразителемъ натуральнаго хозяйства.

Возраставшая торговля дала толчекъ хозяйственному развитію. Уже при Николаѣ I оно сказывалось въ усиленіи контрабанды [1]), и въ возможности путемъ пониженія пошлинъ увеличить государственные доходы. Этого рода соображенія — слѣдовательно, интересы казны — привели въ 1824—50 г.г. къ пониженію таможенныхъ пошлинъ, бывшихъ до того времени запретительными.

Но оживленный обмѣнъ и денежное хозяйство вторглись въ Россію лишь въ серединѣ этого столѣтія; они, а вовсе не литературно-общественныя теченія, европеизировали страну. Этотъ переворотъ нашелъ себѣ выраженіе въ реформахъ Александра II. Какъ мы видѣли выше, условія для развитія современной крупной промышленности появились впервые вмѣстѣ съ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ и учрежденіемъ независимаго суда.

Дальнѣйшимъ условіемъ для развитія промышленности было освобожденіе крестьянъ. Переложивъ повинности крѣпостныхъ въ капитализированныя выкупныя суммы, помѣщики приняли на себя всѣ послѣдствія, вытекающія изъ денежнаго хозяйства. Отчуждаемыя выкупныя свидѣтельства впервые внесли въ русское общество громадное количество движимаго капитала. Желѣзнодорожныя, банковыя и промышленныя предпріятія стали выростать, какъ грибы послѣ дождя. Вмѣстѣ съ этимъ, и конечно, лишь временно, помѣщики превратились въ обладающихъ покупательной силой потребителей различныхъ продуктовъ промышленности. Переселяясь въ города, дворяне оставляли натурально-хозяйственный бытъ. Затѣмъ эмансипація вызвала къ жизни свободный трудъ, а такъ какъ онъ значительно производительнѣе крѣпостнаго труда, то сельское хозяйство стало требовать отнынѣ меньшаго числа рабочихъ рукъ; это обстоятельство вызвало предложеніе труда въ области промышленности. Далѣе, тотъ же свободный трудъ создалъ для промышленности почву, внѣ которой примѣненіе дорогихъ и сложныхъ машинъ являлось невозможнымъ. Вотъ почему вполнѣ правъ Менделѣевъ, относя дѣйствительное начало современной русской крупной промышленности къ реформамъ Александра II [2]).

---

[1]) По *Митчелю* (Mitchell. a. a. O. Einleitung, S. 5)—страховая премія за ввозимые въ Россію контрабандными путемъ товары составляла въ серединѣ столѣтія только 35% пошлины—что доказываетъ успѣшность контрабанды.

[2]) Обзоръ развитія русской промышленности. Изд. Деп. Торг. и Ман. для Чикагской выставки. Того же мнѣнія держится *Эрисманъ*, выше цит. соч., стр. 35.

Однако не классъ только что появлявшихся фабрикантовъ, а то же самое дворянство являлось въ это время руководящимъ классомъ. Пока помѣщики жили въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, они могли относиться къ таможенной системѣ равнодушно. Но теперь они стали потребителями продуктовъ иноземной промышленности и, что гораздо важнѣе, все въ большемъ и большемъ количествѣ вывозили хлѣбъ. Это обстоятельство обусловило паденіе старой системы; фритредерскія стремленія получили перевѣсъ, что привело къ введенію умѣреннаго тарифа 1857 и 1867 г.г. Здѣсь мы встрѣчаемся съ общимъ явленіемъ: пока сельское хозяйство идетъ хорошо, помѣстное дворянство настроено въ фритредерскомъ духѣ, какъ это было съ прусскими юнкерами до 1878 г. До 1857 г. ввозъ желѣза и чугуна въ Россію былъ, можно сказать, почти что воспрещенъ; наоборотъ, въ 1859 и 1861 г.г. пошлина на желѣзо частью была понижена до ничтожныхъ размѣровъ, частью упразднена совсѣмъ; это означало, что помѣщичій классъ начиналъ уже быть заинтересованнымъ цѣнами на желѣзо (машины, желѣзныя дороги и т. п.). Именно это обстоятельство и сыграло рѣшительную роль, между тѣмъ какъ фритредерскія теченія въ средѣ „интеллигенціи“ являлись лишь проявленіемъ этихъ хозяйственныхъ отношеній.

Не смотря на умѣренную охрану русская промышленность мощно развивалась въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Многочисленныя доказательства тому мы находимъ въ книгѣ Новикова, которою, впрочемъ, ввиду партійно-фритредерскаго характера ея, слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью [1]).

Тогда же намѣтились и основныя черты географическаго распредѣленія промышленности въ Россіи, знакомство съ которымъ имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ пониманія развитія таможенной политики. По условіямъ хозяйственной жизни слѣдуетъ различать центральную промышленную область и область, охватывающую западную пограничную полосу. Важнѣйшей частью первой области является Московско-Владимірскій промышленный округъ съ его разнообразными отраслями промышленности, среди которыхъ главное мѣсто принадлежитъ наиболѣе прогрессирующей въ Россіи хлопчатобумажной промышленности. Въ эпоху, когда славянофилы возводили въ первопрестольной столицѣ воздушные замки въ области идей, московскіе купцы, оказавшіеся болѣе реалистами, воздвигали стройныя трубы своихъ прядилень.

Эта отрасль промышленности, какъ мы уже видѣли, развилась на пространствѣ между Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ, въ мѣстности, благопріятнѣе которой другую врядъ-ли можно себѣ представить. Если Москва—

[1]) *Новиковъ*. Протекціонизмъ. С.-Пб., 1890 г., стр. 95—104.

древняя столица сильнаго капиталами русскаго купечества, то Нижній, куда на ярмарку стекается ежегодно до 200,000 человѣкъ, есть важнѣйшій рынокъ сбыта всѣхъ продуктовъ промышленности. Представляя собою главную гавань на превосходномъ волжскомъ водномъ пути, Нижній-Новгородъ пользуется всѣми выгодами почти приморскаго положенія. Однако вся система Волги обращена къ востоку и югу, къ древнѣйшимъ культурнымъ областямъ человѣчества, къ странамъ, расположеннымъ по периферіи круга индійской культуры.

Если молодая русская промышленность должна была оградить себя высокими таможенными пошлинами, отъ опередившей ее западной промышленности, то у московской хлопчатобумажной промышленности были и другіе мотивы, именно боязнь туземной конкурренціи. Въ то время какъ въ силу развитія современнаго массового производства, промышленность кинулась на американскій хлопокъ, города по Балтійскому побережью получили громадное преимущество передъ центральной промышленной областью; а потому интересы Москвы потребовали введенія охранительной пошлины на хлопокъ, что имѣло цѣлью посадить русскую промышленность на русско-азіатское сырье, которое для Москвы являлось возможнымъ получать по волжскому пути изъ первыхъ рукъ [1]). По мѣрѣ того какъ осуществляется эта тенденція, центральная промышленная область одерживаетъ верхъ надъ другими промышленными районами страны,—но вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой же мѣрѣ оказывается необходимымъ подымать пошлину на хлопчатобумажныя издѣлія.

Пошлины на уголь, повышающія въ западной пограничной области цѣны на топливо, установлены также въ интересахъ Москвы. Хозяйственныя взаимоотношенія толкаютъ Москву также и въ этомъ случаѣ на востокъ; опасенія, что съ лѣсоистребленіемъ возникнетъ недостатокъ въ топливѣ, были разсѣяны подвозомъ нефти съ Каспійскаго моря. Привозимый по Волгѣ, этотъ превосходный горючій матеріалъ распространяется по всей центральной области и, конечно, утилизируется на крупныхъ московскихъ и владимірскихъ фабрикахъ.

Отстраняясь отъ запада, тѣсно связанная съ востокомъ средне-русская хлопчатобумажная промышленность является, такъ сказать, гвардіей таможенно-охранительной системы.

Въ подобномъ же положеніи находится уральская желѣзодѣлательная

[1]) См. отчетъ о хлопчатобумажной промышленности для Чикагской выставки, стр. 7, а также:—*Н. А. Мордвиновъ*. Нѣсколько словъ объ одной нашей крупной культурной задачѣ. „Русское Обозрѣніе“, 1894 г., іюль.

промышленность, также связанная съ системой Волги и имѣющая своимъ рынкомъ Нижній-Новгородъ, а равно и мощно расцвѣтающая въ послѣдніе годы горная промышленность Донецкаго края и области нижняго Днѣпра. Здѣсь, гдѣ въ теченіи немногихъ лѣтъ среди голой степи изъ земли выросли домны, бессемеровскія и сименсъ-мартеновскія печи, концентрація промышленной дѣятельности въ нѣсколькихъ крупныхъ предпріятіяхъ создала въ высшей степени дѣятельные таможенно-охранительные интересы. То обстоятельство, что какъ разъ въ эту отрасль промышленности вложено особенно много иностранныхъ капиталовъ, нисколько не препятствуетъ ей слѣдовать чисто національстической хозяйственной политикѣ. Всѣ эти отрасли промышленности имѣютъ то общее между собой, что они совершенно не зависятъ отъ Запада и ищутъ рынковъ для сбыта на югѣ и на востокѣ.

Противовѣсъ вышеуказаннымъ промышленнымъ Центрамъ составляетъ прежде всего промышленность балтійскихъ приморскихъ городовъ, особенно петербургская и рижская. Работая на иностранномъ углѣ, она перерабатывала вначалѣ иностранные полуфабрикаты. Такъ расцвѣтающее тамъ машиностроеніе и другія отрасли обработки металловъ пользовались привозимымъ изъ заграницы чугуномъ. Въ такомъ же положеніи находится Польша, текстильная и металлургическая промышленность которой покоилась на ввозѣ нѣмецкихъ полуфабрикатовъ, отъ необходимости котораго она освободилась до сего дня лишь отчасти, какъ мы это увидимъ ниже, когда будемъ говорить о желѣзодѣлательной промышленности.

Переворотъ, опрокинувшій въ семидесятыхъ годахъ господствовавшее при Александрѣ II фритредерское направленіе, при разсмотрѣніи его съ изложенной выше точки зрѣнія, является побѣдой, одержанной центральной Россіей надъ окраинами, побѣдой Москвы надъ Петербургомъ. Столь характерный для Петербурга эпохи Александра II либерализмъ, обращавшій свои взоры на Западъ, отступилъ подъ напоромъ союза, образовавшагося между промышленными интересами центральныхъ областей Россіи и славянофильскимъ направленіемъ. Этотъ переворотъ проявилъ себя въ восьмидесятыхъ годахъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Въ не менѣе рѣзкой формѣ обнаружился поворотъ въ области торговой политики. Въ то время въ общественномъ мнѣніи, въ широкихъ кругахъ заинтересованныхъ лицъ и литераторовъ воцарился меркантилистическій идеалъ—идеалъ независимости національнаго народнаго хозяйства, освобожденія его отъ иноземнаго господства, даже въ отношеніи западно-европейскаго хлѣбнаго рынка.

Время этой борьбы совпало съ подъемомъ таможенно-охранительной волны, прокатившейся по всей Европѣ. Въ 1879 г. Германія произвела перемѣны въ своей тарифной системѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что аггресивныя намѣренія нѣмцевъ облегчили русскимъ сторонникамъ таможенно-охранительной системы ихъ работу [1]). Но по своему внутреннему характеру борьба эта представляется въ обѣихъ странахъ весьма различной. Нѣмецкая таможенная охрана покоилась на союзѣ одной части промышленности съ крупнымъ землевладѣніемъ областей, лежащихъ къ востоку отъ рѣки Эльбы; землевладѣльцы по мѣрѣ усиленія хлѣбнаго импорта забывали свои прежнія фритредерскія симпатіи. Противъ этого союза выступила, кромѣ торговли, еще та часть промышленности, которая вывозила свои фабрикаты заграницу. Трудно было сомнѣваться въ томъ, на чью сторону склонится побѣда, но одержавшій ее союзъ постепенно ослабѣваетъ вслѣдствіе того, что отдѣльныя отрасли промышленности становятся на сторону интересовъ экспорта.

Въ Россіи дѣло обстояло иначе. При первомъ взглядѣ могло казаться, что перевѣсъ рѣшительно на сторонѣ многочисленныхъ сторонниковъ болѣе или менѣе фритредерскихъ интересовъ; безконечно тянулись боевые ряды ихъ, охватывая собою и помѣщиковъ и крестьянъ, стало быть 85% всей націи; резервъ ихъ состоялъ изъ различныхъ отраслей промышленности западной пограничной области, пользующихся иностранными полуфабрикатами. Противъ нихъ выступали одни только интересы московской промышленной области съ ея союзниками—небольшая, но владѣвшая всѣми усовершенствованіями современной боевой техники кучка, и прежде всего обладавшая тѣмъ средствомъ, противъ котораго, по греческому выраженію, не въ состояніи устоять ни одна крѣпость—именно деньгами. Въ этой борьбѣ, разыгравшейся по условіямъ русской жизни за кулиссами правительственнаго механизма, вышеуказанная кучка пользовалась не всегда честными средствами; но за то нельзя было не удивляться энергіи и тактикѣ, проявленнымъ ею въ этой борьбѣ. Прежде всего она расправилась порознь съ отдѣльными группами авангарда противниковъ такъ, что главныя силы аграріевъ даже и не замѣтили этого, а затѣмъ съ легкостью разметала безпорядочныя полчища этихъ вооруженныхъ деревенскимъ дрекольемъ бойцовъ.

Разсмотримъ отдѣльные моменты этого побѣднаго шествія сторонниковъ таможенной охраны, которые нашли себѣ поддержку прежде всего въ финансовыхъ затрудненіяхъ правительства. Мы должны различать при этомъ

[1]) *Witschefshi.* Schriften des Vereins für Socialpolitik. Band. 49, S. 406.

общее повышеніе пошлинъ, которое проявлялось въ видѣ процентныхъ надбавокъ къ ставкамъ существующаго тарифа, и особыя повышенія по отдѣльнымъ отраслямъ. Подобно тому какъ и въ Германіи, рѣшительныя сраженія и рѣшительные успѣхи сторонники таможенной охраны имѣли въ области *желѣза* и *хлопка*, къ которымъ присоединились многочисленныя повышенія таможенныхъ ставокъ на остальныя промышленныя издѣлія. Конечные результаты всего развитія заключаются въ *таможенномъ тарифѣ* 1891 г.

Намѣреваясь обезпечить передъ предстоявшей турецкой войной платежи золотомъ по иностраннымъ займамъ, русское правительство перевело 1 января 1877 г. пошлины на золото. Это означало повышеніе ихъ на 30—34%. Дальнѣйшая надбавка въ 10% на весь тарифъ, послѣдовавшая въ 1881 г., имѣла наряду съ протекціонистскими и финансово-политическія основанія; этимъ путемъ подготовлялось уничтоженіе подушной подати и налоги на соль. Нѣкоторую роль играли при этомъ и чисто техническія соображенія въ области денежнаго курса, требовавшія улучшенія торговаго баланса. Иначе обстояло дѣло съ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ съ 10 на 20%, имѣвшимъ мѣсто въ 1885 г.; здѣсь на первомъ планѣ стояли агрессивныя намѣренія противъ Германіи; это повышеніе пошлинъ сократило таможенный доходъ въ слѣдующемъ затѣмъ году [1]). Рѣшительную побѣду сторонники таможенной охраны одержали именно въ промежутокъ между этими двумя повышеніями, причемъ она касалась пошлинъ на желѣзо и каменный уголь.

Въ этотъ промежутокъ времени развилась крайне оживленная таможенно-охранительная агитація, представители которой выступали на съѣздахъ горно-промышленниковъ, въ биржевыхъ комитетахъ Москвы и Харькова, на собраніяхъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Ораторомъ этого таможенно-охранительнаго движенія выступилъ извѣстный химикъ Менделѣевъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ русскихъ естествоиспытателей, который, начавъ съ обсужденія техническихъ вопросовъ химической, нефтяной и желѣзодѣлательной промышленности, перешелъ затѣмъ къ пропагандѣ общей таможенной политики. Доводы его во многомъ совпадали съ воззрѣніями Листа, причемъ однако Менделѣевъ неоднократно обнаружилъ отсутствіе основательной спеціальной подготовки, необходимой для изслѣдованія народно-хозяйственныхъ вопросовъ. Великій естествоиспытатель не есть вмѣстѣ съ тѣмъ и великій политико-экономъ. У Менделѣева

[1]) *Skalkowski.* Ministres de la Finance de la Russie. Paris, 1891, p. 275.

нерѣдко встрѣчаются указанія на зависимость торговой политики отъ финансовой, на ея связь съ денежной и кредитной политикой государства. Насколько фантастичны планы проф. Менделѣева, доказываетъ между прочимъ его предложеніе обезпечить перевозку товаровъ между портами Балтійскаго и Чернаго моря исключительно за русскими и построенными въ Россіи судами путемъ введенія запретительныхъ пошлинъ на уголь. Согласно этому предложенію владѣльцевъ южно-русскихъ угольныхъ копей и русскихъ судовладѣльцевъ надлежало побудить къ транспорту угля чрезъ Гибралтарскій проливъ въ Балтійское море при посредствѣ премій—мѣра, „достойная Кромвеля“.

Несмотря однако на всеобщее повышеніе таможенныхъ пошлинъ въ 1877 и 1881 гг., сторонники таможенной охраны были еще далеки отъ достиженія намѣченной ими цѣли. Еще въ 1878 г. правительственная комиссія объявила положительно необходимымъ безпошлинный ввозъ желѣза для машиностроительныхъ заводовъ. Лишь отмѣна этой льготы, послѣдовавшая въ 1880 г., пробила рѣшительную брешь въ системѣ таможеннаго тарифа. За ней послѣдовали 16 іюня 1884 г. и 21 апрѣля 1887 г. повышенія *пошлины на чугунъ*, къ которымъ вскорѣ присоединились соотвѣтственныя повышенія на вальцевое желѣзо, сталь, машины и т. п. Это развитіе закончилось лишь тарифомъ 1891 г., который заключалъ въ себѣ наряду съ высокоохранительными также и запретительныя таможенныя ставки на многіе изъ самыхъ важныхъ указанныхъ здѣсь предметовъ ввоза. Различіе, установленное для чугуна при ввозѣ его чрезъ сухопутную и морскія границы, являлось мѣрой, направленной противъ „заграничной“, какъ называли ее, польской желѣзодѣлательнвй промышленности, которая перерабатывала силезскій чугунъ на силезскомъ же коксѣ.

Въ 1880 г. была введена *пошлина на уголь*, ввозимый черезъ западную границу, въ размѣрѣ одной копѣйки съ пуда; въ 1884 г. дѣло дошло до установленія общей пошлины на уголь съ дифференціальнымъ обложеніемъ угля, ввозимаго черезъ черноморскіе порты и западную сухопутную границу. Въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи это развитіе приводило къ запретительнымъ пошлинамъ на уголь для черноморскаго побережья, къ высокопротекціонистскимъ для западной границы и ко все еще слишкомъ обременительнымъ пошлинамъ для портовъ Балтійскаго моря. Различіе, установленное въ этомъ отношеніи между Балтійскимъ моремъ и западной сухопутной границей, имѣло здѣсь такое же значеніе, какъ и въ вопросѣ о пошлинахъ на желѣзо: дифференціальныя пошлины были невыгодны для Германіи и выгодны для Англіи. Это неблагопріятное для Германіи отношеніе обнаружи-

вается ясно при сравненіи средняго годоваго (за 1886 — 1890 г.г.) ввоза угля изъ Англіи — 89,757 пудовъ — и изъ Германіи — 16,900 пудовъ, — между тѣмъ какъ силезскія угольныя копи лежатъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ пользовавшейся ими польской промышленностью.

Сельскохозяйственные интересы играли въ дѣлѣ установленія пошлинъ на уголь еще меньшую роль, чѣмъ въ дѣлѣ пошлинъ на желѣзо, ибо пошлины на уголь усиливали лѣсоистребленіе и вмѣстѣ съ этимъ приводили къ ухудшенію климата, на что раздавалось столько жалобъ. Тѣмъ не менѣе протекціонистскія стремленія должны были проявляться по отношенію къ углю слабѣе, чѣмъ по отношенію къ желѣзу [1]). Справедливость этого положенія обнаружилась при переговорахъ относительно русско-германскаго торговаго договора.

Выше мы уже видѣли, въ какой мѣрѣ *пошлины на хлопокъ-сырецъ*, которые, по сравненію съ тарифомъ 1891 г., были еще повышены (въ январѣ 1893 г.), обозначали собою побѣду Москвы. Въ этихъ пошлинахъ также обнаружилось указанное выше различіе между сухопутной и морской границей. Наряду съ стремленіемъ направить транспортъ хлопка черезъ Балтійскіе порты и по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, здѣсь явно обнаружилось намѣреніе измѣнить условія внутренней конкурренціи. Но и въ этомъ случаѣ мѣра эта представляла дифференціальную пошлину, направленную противъ Германіи, чрезъ территорію которой Россія ввозитъ значительную часть потребнаго ей хлопка. Пошлинѣ на хлопокъ соотвѣтствуютъ пошлины на пряжу, которыя по тарифу Менделѣева составляютъ въ среднемъ 50% цѣнности товара, являясь такимъ образомъ запретительными по отношенію ко всѣмъ наиболѣе обыкновеннымъ нумерамъ пряжи. Тоже самое имѣетъ мѣсто въ отношеніи обыкновенныхъ бумажныхъ тканей и ситцевъ. Этими пошлинами ограждаются наиболѣе сильно охраняемые русскіе интересы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло касается отдѣльныхъ спеціальныхъ отраслей.

Не останавливаясь на промежуточныхъ пунктахъ, я приведу вкратцѣ важнѣйшіе моменты въ развитіи таможенной охраны для хлопка, угля и желѣза, указавъ при этомъ, во избѣжаніе повтореній, на крайне ничтожныя смягченія пошлинъ русско-германскаго торговаго договора.

---

[1]) Даже такой сторонникъ усиленной таможенной охраны, какимъ являются „Московскія Вѣдомости“, защищалъ предъ заключеніемъ русско-германскаго торговаго договора пониженіе пошлины на уголь (см. №№ отъ 14 и 16 декабря 1893 г.).

	Тарифъ 1891 г.	Тарифъ русско-германскаго договора.
1) *Хлопокъ.*—Ст. 183. Бумажная пряжа, въ зависимости отъ толщины нитки, съ пуда	4,80—11 р.	безъ перемѣнъ.
Ст. 187, 188. Бумажныя ткани въ зависимости отъ толщины нитки, съ фунта.	0,35—1,45 „	„
2) *Уголь.*—Ст. 79. Каменный, торфяной и древесный уголь, коксъ и торфъ.		
1. Каменный, торфяной и древесный уголь и торфъ		
a) при ввозѣ въ порты Чернаго и Азовскаго морей, съ пуда . .	0,04 „	„
b) чрезъ западную границу, съ пуда . . .	0,02 „	0,01 р.
c) чрезъ порты Балтійскаго моря, съ пуда	0,01 „	безъ перемѣнъ.

Примѣчаніе къ отдѣлу объ углѣ гласитъ, что ставки этой статьи могутъ быть повышены, начиная съ 1 января 1898 г. (стараго стиля) въ случаѣ, если только размѣръ пошлины для западной границы и для портовъ Балтійскаго моря останется безъ измѣненій.

	Тарифъ 1891 г.	Тарифъ русско-германскаго договора.
2) *Коксъ*		
a) при ввозѣ чрезъ порты Чернаго и Азовскаго морей, съ пуда	0,06 р.	безъ перемѣнъ.
b) чрезъ западную границу, съ пуда	0,03 „	0,01½ р.
c) чрезъ порты Балтійскаго моря, съ пуда	0,01½ „	безъ перемѣнъ.
3) *Желѣзо.*—Ст. 140.		
1) Полосовое и сортовое желѣзо разнаго рода, за исключеніемъ нижепоименованнаго, кричнаго пудлинговаго или въ балванкахъ,		

	Тарифъ 1891 г.	Тарифъ русско-германскаго договора.
обломочнаго, мильбарса, желѣза въ порошкѣ, съ пуда.	0,60 р.	0,50 р.
2) желѣзные рельсы, хотя бы сверленыя и со шпунтами, съ пуда	0,60 „	0,50 „
3) Желѣзо листовое разнаго рода включительно по № 25 Бирмингэмскаго калибра и т. д., съ пуда	0,85 „	0,65 „
4) Желѣзо въ листахъ свыше № 25 Бирмингэмскаго калибра, съ пуда	1,0 „	0,80 „
Ст. 141. Жесть (крытое оловомъ листовое желѣзо), съ пуда	1,70 „	1,55 „
Ст. 142. Сталь		
1) полосовая и сортовая разнаго рода, съ пуда .	0,60 „	0,50 „
2) Стальные рельсы съ пуда	0,60 „	0,50 „
3) Сталь листовая разнаго рода включительно по № 25 Бирмингэмскаго калибра, съ пуда . .	0,85 »	0,65 „
4) Сталь листовая выше № 25 Бирмингэмскаго калибра, съ пуда . .	1,0 »	0,80 „

Вокругъ пошлинъ на желѣзо, уголь и хлопокъ группируется множество другихъ менѣе значительныхъ таможенно-охранительныхъ интересовъ, которые однако шли въ счетъ при побѣдѣ первыхъ. Изъ числа предметовъ, ввозимыхъ изъ Германіи, большее вниманіе обратили на себя изъ сырья и полуфабрикатовъ: шерсть (чесаная), шкуры и кожа, свинецъ, цинкъ, олово, выдѣланные мѣха; а изъ фабрикатовъ: шерстяныя, полотняныя и шелковыя издѣлія, издѣлія изъ бумаги, стекла и фарфора, химическіе продукты, но главнымъ образомъ машины и разныя другія издѣлія изъ стали и желѣза. Разъ русскій тарифъ прежде всего представлялъ, какъ мы видѣли

выше, результатъ борьбы между національною промышленностью и промышленностью западныхъ пограничныхъ областей, то и сила, съ которой отстаивались тѣ или иныя положенія его, была весьма различна. Чѣмъ упорнѣе охранялись главныя твердыни національной промышленности, тѣмъ болѣе обнаруживалась и должна была обнаруживаться въ будущемъ склонность очистить нѣкоторыя внѣшнія позиціи.

Вмѣстѣ съ изображеннымъ выше ходомъ развитія центръ хозяйственной жизни Россіи передвинулся на югъ, на что, между прочимъ, указываетъ возрастающее значеніе Чернаго моря, по сравненію съ портами Балтійскаго моря. Хозяйственной столицей государства стала Москва, въ чемъ нельзя незамѣтить параллелизма между ученіемъ славянофиловъ и хозяйственнымъ развитіемъ. По разсчетамъ Николая — она, за три года — 1886, 1887, 1888,—прибыль въ промышленныхъ предпріятіяхъ повысилась въ среднемъ на 18%, а въ хлопчатобумажной промышленности, центръ тяжести которой помѣщается въ Москвѣ, прибыль возрасла на 133% [1]).

Борьба между промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, поскольку она проявлялась въ русскомъ таможенномъ тарифѣ, стояла на второмъ планѣ. Сельское хозяйство подымаетъ тревогу лишь въ томъ случаѣ, когда затрагиваются его ближайшія интересы, что и произошло, когда состоялось рѣшеніе въ пользу обложенія пошлиной желѣза. Необходимымъ послѣдствіемъ введенія этихъ пошлинъ явилось, въ цѣляхъ поддержки отечественнаго машиннаго производства, повышеніе пошлинъ на машины вообще и обложенія ими свободныхъ до 1885 г. отъ всякой пошлины сельско-хозяйственныхъ машинъ. И вотъ, когда битва была уже проиграна, сельское хозяйство тронулось въ походъ. Императорское Вольно-Экономическое Общество главнымъ образомъ указывало на то, что ввозъ заграничныхъ машинъ не только снабдилъ бы сельскаго хозяина дешевыми орудіями, но и явился бы предварительнымъ условіемъ для введенія въ земледѣліе всѣхъ техническихъ усовершенствованій; уже одно усиленное примѣненіе машинъ вызвало бы къ жизни во всѣхъ частяхъ имперіи столь необходимыя мастерскія для починки и ремонта орудій. Еще рѣзче высказалось Лифляндское Общество взаимопомощи (Livländische Gemeinnützige Gesellschaft). Въ то время какъ американскій фермеръ выступаетъ на арену всемірнаго рынка въ самомъ совершенномъ вооруженіи, безоружный русскій сельскій хозяинъ принужденъ даромъ проливать свою кровь. Пока еще осуществится сомни-

[1]) *Николай —онъ.* Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. С.-Пб., 1893 г., стр. 191—193.

тельная попытка создать въ Россіи крупное машинное производство, которое оказалось бы въ состояніи удовлетворить потребности производителей 300 милліоновъ четвертей хлѣба, бѣдный безоружный борецъ легко можетъ пролить послѣднюю каплю своей крови [1]).

Хотя министръ внутреннихъ дѣлъ и вступился совмѣстно съ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ за интересы сельского хозяйства, тѣмъ не менѣе тарифъ 1891 г. удержалъ пошлины на сельско-хозяйственныя машины, и даже повысилъ ихъ, подчинивъ общимъ ставкамъ для машинъ всѣ ввозимые отдѣльно запасныя части машинъ, а также и сельско-хозяйственные паровые двигатели. Впрочемъ, по отношенію къ сельскохозяйственнымъ машинамъ были допущены нѣкоторыя смягченія. Но сторонники охранительной системы не причисляли эту позицію къ наиболѣе неприступнымъ. Одна оффиціальная записка допускаетъ даже, что возная пошлина на машины въ размѣрѣ 70 коп. золотомъ, какъ это было принято въ тарифѣ 1891 г., повысила издержки производства хлѣба на 1,85 кредитныхъ копѣйки на пудъ. Мнѣніе автора записки, что это повышеніе, по своей ничтожности, не имѣетъ никакого значенія, тѣмъ менѣе заслуживаетъ довѣрія, что даже самая ничтожная разница между издержками производства и рыночной цѣной хлѣба отзывается самымъ рѣшительнымъ образомъ на благосостояніи Россіи. Для этой разницы, которая становится все болѣе и болѣе ничтожной, вслѣдствіе техническаго прогресса Америки, имѣютъ значеніе даже доли копейки.

Все вышесказанное сохраняетъ свою силу и въ отношеніи пошлинъ на искусственное удобреніе. Въ странѣ, хозяйственный центръ тяжести которой лежитъ въ вывозящемъ хлѣбъ сельскомъ хозяйствѣ, мѣра эта означала полную побѣду сторонниковъ таможенной охраны.

Система односторонняго меркантилизма достигла высшей точки своего развитія въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ министерство Вышнеградскаго (съ 1 января 1887 г. по 20 августа 1892 г.). Благодаря своимъ техническимъ знаніямъ, Вышнеградскій, изъ профессора математики превратился въ крупнаго дѣятеля въ сферѣ промышленности, дѣйствовавшаго вполнѣ въ духѣ націоналистовъ, какъ это видно уже изъ того, что своимъ назначеніемъ на постъ министра финансовъ онъ былъ обязанъ вліянію Каткова. Доказательствомъ его односторонне-дружественнаго отношенія къ предпринимателямъ является, напр., то обстоятельство, что онъ отмѣнилъ опубликованіе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ и смѣстилъ съ должно-

[1]) *Wittschefski*, S. 421—422.

сти фабричнаго инспектора Янжула, автора одного изъ самыхъ превосходныхъ отчетовъ. При Вышнеградскомъ хозяйственная замкнутость Россіи по отношенію къ Европѣ, особенно по отношенію къ наиболѣе важному по торгово-политическимъ интересамъ сосѣду ея, именно Германіи, достигла своей высшей степени. Вышнеградскому Россія обязана *таможеннымъ тарифомъ 1891 г.*, который, по мнѣнію Менделѣева, составляетъ въ среднемъ 33% цѣнности ввозимыхъ товаровъ (противъ обычныхъ для прочихъ европейскихъ тарифовъ 5—18%).

Таможенный тарифъ 1891 г. превосходитъ все, что когда либо было сдѣлано въ Европѣ въ смыслѣ таможенной охраны. По словамъ Исаева „у насъ съ пуда желѣза взимается 60—100 копѣекъ золотомъ, между тѣмъ какъ во Франціи взимается 14,3—26,6 копѣйки, въ Австро-Венгріи 6,6—25,3, въ Германіи 7,6—12,8. Пошлина на цѣлый рядъ различныхъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій доходитъ до 170—270 копѣекъ на пудъ, во Франціи же 26,6—53,3, въ Австро-Венгріи 55—75, въ Германіи 30,4 копѣйки; мелкія желѣзныя и стальныя издѣлія, необходимыя ремесленникамъ и сельскимъ хозяевамъ, обложены въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ Россіи 1 р. 40 к., въ Германіи 50,6—76, въ Австро-Венгріи 50,6, во Франціи 49—95 копѣйки. Съ пуда грубой, бѣленой или крашеной бумажной ткани у насъ взимается 1400—5800 копѣекъ золотомъ, во Франціи 250—2500, въ Австро-Венгріи 323—1410, въ Германіи 618 копѣекъ. По отношенію ко многимъ товарамъ намъ приходится уплачивать въ 5—6, даже въ 12 разъ (обувь), даже въ 30 разъ (писчая бумага) болѣе высокую пошлину, чѣмъ платятъ нѣмцы, австрійцы и французы [1]).

Главныя ставки русскаго тарифа приходится считать слишкомъ высокими даже по сравненію съ Америкой. „Съ желѣза въ болванкахъ, листового и полосового, а также со стали у насъ взимается съ пуда 50 копѣекъ золотомъ, въ Америкѣ 25; стальныя и желѣзныя рельсы обложены у насъ 50, тамъ 16,3 копѣйками; чугунъ обложенъ у насъ 30 копѣйками, тамъ 8,3 копѣйки“ [2]).

Въ основныхъ своихъ положеніяхъ таможенный тарифъ 1891 г. явно стремился *къ запрещенію* ввоза. По Пецу (Peez) пошлина на лучшій чугунъ для литья составляетъ 105% цѣнности товара, на валь-

---

[1]) *Issajeff.* Zur Politik des russischen Finanzministeriums. Stuttgart, 1898. S. 11.

[2]) *Issajeff*, S. 13. Тоже самое говоритъ *Ант. Ант. Радцигъ.* Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта. С.-Пб., 1897 г., стр. 59 (по тарифу Макъ-Кинлея 14 коп. съ пуда).

цевую проволоку 170—350%, что представляетъ на дѣлѣ „учтиво выраженное запрещеніе“ [1]). Пошлина на рельсы (по тарифу 1891 г. 60 копѣекъ на 100 килограммовъ) была также почти запретительной. Тоже самое относится и къ бумажной пряжѣ и тканьямъ, пошлина на средніе и грубые номера которыхъ исключала всякую возможность ввоза. Болѣе благопріятныя условія для ввоза пряжи допущены лишь начиная съ № 60 twist, но однако и здѣсь пошлина все еще составляетъ 60% цѣны товара [2]).

Слѣдующія цифры показываютъ намъ, до какой степени тарифъ 1891 г., вмѣстѣ съ предшествовавшими ему повышеніями таможенныхъ ставокъ, препятствовалъ ввозу главнымъ образомъ нѣмецкихъ издѣлій.

Ввозъ въ Россію изъ Германіи въ тысячахъ марокъ [3]):

Наименованіе товаровъ.	1880 г.	1892 г.
Бумажныя пряжи	5,274	509
Бумажныя издѣлія	3,768	932
Чугунъ	974	299
Рельсы	2,642	105
Простыя желѣзныя издѣлія	15,539	6,137
Стекло	753	231
Кожа и мѣха	8,705	3,316
Янтарь	1,668	71
Хмѣль	3,191	1,017
Желѣзнодорожные вагоны	1,571	17
Резиновыя издѣлія	1,284	301
Платье и бѣлье (включая мужскія шляпы)	4,864	823
Мѣдь въ издѣліяхъ	2,401	577
Полотно	909	78
Соль	1,083	168
Картонъ	558	44
Шелковыя издѣлія	2,135	438
Полушелковыя издѣлія	1,539	479
Каменный уголь	3,752	1,054
Смола	1,448	156
Шерстяная пряжа	8,222	2,246
Шерстяныя издѣлія	9,436	2,497

[1]) *Peez*. Zur neuesten Handelspolitik. Wien, 1885, S. 102.

[2]) *Bayerdörffer*, S. 415, 417.

[3]) Auswärtiger Handel des deutschen Zollgebietes, V. Russland. Berlin, 1897.

Но правильное освѣщеніе эти цифры получатъ лишь въ томъ случаѣ, если мы обратимъ вниманіе на ходъ политическихъ событій за этотъ промежутокъ времени. Въ 1880 г. Германія являлась еще главнымъ кредиторомъ Россіи, а Берлинская биржа главнымъ рынкомъ, гдѣ находили себѣ помѣщеніе русскія бумаги. Въ 1892 г. закончилось въ общемъ перемѣщеніе русскихъ займовъ на Парижскій рынокъ, кредитъ Россіи поднялся, и она могла приступить къ реформѣ денежной системы. Эти перемѣны могли произойти лишь благодаря необыкновенному содѣйствію, оказанному Россіи въ другихъ случаяхъ столь осторожнымъ французскимъ капиталомъ. Послѣдній, очевидно, въ этомъ случаѣ строилъ свои разсчеты не на однѣхъ хозяйственныхъ соображеніяхъ, а лелѣялъ несомнѣнно политическія вѣрнѣе воинственныя надежды, которыя предполагалось осуществить на берегахъ Рейна при содѣйствіи Россіи. Это было время, когда двойственный и тройственный союзы стояли другъ противъ друга, вооруженные съ головы до ногъ и готовые ежеминутно вступить въ самую кровопролитную войну.

II. Сторонники таможенной охраны.

Кто были эти сторонники? Какъ мы уже видѣли, это были дѣльцы и идеологи, промышленники и націоналисты. Бросимъ же взглядъ на каждую изъ этихъ вступившихъ въ союзъ партій.

I. Сила, съ которою промышленное меньшинство выдвинуло свои интересы, становится понятной лишь въ томъ случаѣ, если мы вспомнимъ ту особенность современнаго русскаго промышленнаго развитія, съ которою мы уже познакомились выше на отдѣльномъ примѣрѣ, имѣющемъ важное значеніе: мы подразумѣваемъ сильную капиталистическую концентрацію русской промышленности.

Крупная промышленность была пересажена въ Россію съ западно-европейской почвы въ готовомъ видѣ. Въ ней менѣе, чѣмъ въ нѣмецкой и даже англійской промышленности, сохранились слѣды постепенно пройденнаго развитія.

Въ этомъ отношеніи русская промышленность напоминаетъ скорѣе американскую. Благодаря обширнымъ и защищеннымъ отъ иностранной конкурренціи рынкамъ имперіи, даже очень крупныя предпріятія немедленно давали выгоду; въ то же время, высокое обложеніе и значительныя издержки по оборудованію дѣла допускали къ участію въ промышленномъ соперничествѣ лишь немногихъ конкуррентовъ. Поэтому, мы находимъ въ Россіи такія большія бумагопрядильни, какія рѣдко встрѣчаются въ другихъ

странахъ; къ числу ихъ принадлежитъ, напр., описанная выше Нарвская мануфактура. Сверхъ того недостаточное развитіе путей сообщенія и торговли принуждаютъ соединять въ одномъ предпріятіи съ главною отраслью производства множество побочныхъ вспомогательныхъ отраслей. Какъ мы уже видѣли, здѣсь имѣетъ мѣсто не только широко распространенное сочетаніе прядиленъ съ ткацкими и красильными фабриками, но къ этимъ фабрикамъ приходится присоединять сверхъ того обширныя механическія мастерскія, громадные склады сырья, такъ какъ, напр., во всей Владимірской губерніи не существуетъ ни одного большого самостоятельнаго машиностроительнаго завода.

Эти громадныя предпріятія, имѣющія видъ небольшихъ городковъ съ населеніемъ въ 10—12,000 душъ, одиноко выдѣляются среди однообразнаго пространства безграничныхъ лѣсовъ. Въ центрѣ такого поселенія—я описываю одну изъ посѣщенныхъ мною мануфактуръ—горделиво возвышаются четырехъ-шести-этажныя фабричныя зданія прядиленъ, заключающія свыше 100,000 веретенъ; возлѣ нихъ раскинулись ткацкія корпуса со своими 2,100 ткацкихъ станковъ. Далѣе виднѣется бѣлильня, помѣщеніе для печатанія тканей, краспльня и апретурное заведеніе, а возлѣ нихъ гигантскіе склады запаснаго сырья; еще дальше раскинулись многочисленныя, связанныя съ изготовленіемъ и починкой машинъ мастерскія—желѣзо- и мѣднолитейная, столярная, токарная и т. п. Немного въ сторонѣ стоятъ нарядныя, нѣсколько напоминающія виллы, дома съ квартирами для служащихъ, въ числѣ которыхъ я встрѣтилъ немало занятыхъ въ прядильнѣ англичанъ и нѣсколькихъ работающихъ въ печаткѣ эльзасцевъ. Рядомъ съ этими домами возвышаются многоэтажныя каменныя казармы для рабочихъ, вмѣщающія 6,000 человѣкъ. Съ этимъ зданіемъ связанъ цѣлый рядъ другихъ заведеній: фабричныя лавки, удовлетворяющія потребностямъ рабочихъ, пекарня, бойня, больница со служащими въ ней тремя врачами и шестью фельдшерами, родовспомогательное заведеніе-тоже съ тремя врачами и тремя акушерками, мертвецкая, бани, двѣ церкви съ помѣщеніями для причтовъ, пожарное депо, школа съ 15 учителями и учительницами и т. д. Въ Англіи всѣ эти предпріятія находились бы въ рукахъ по крайней мѣрѣ 20—30 лицъ. Въ окрестностяхъ раскинуты хижины поденщиковъ, не нашедшихъ себѣ мѣста въ казармахъ. Всѣмъ этимъ владѣетъ *одно* лицо, ему же принадлежитъ вся окрестность въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, и оно же вмѣстѣ съ тѣмъ оплачиваетъ услуги полиціи. У него рабатаетъ частью прямо на фабрикѣ, частью на лѣсныхъ и торфяныхъ выработкахъ или же въ своихъ

домахъ 20,000 человѣкъ. При всемъ томъ, описанная здѣсь Богородская мануфактура отнюдь не является самымъ крупнымъ предпріятіемъ подобнаго рода изъ числа разсѣянныхъ, напр., во Владимірской губерніи.

Тоже самое замѣчаемъ мы и на югѣ Россіи,—въ горной промышленности—которая въ общемъ почти не пользовалась процессомъ пудлингованія желѣза и сразу обзавелась громадными Бессемеровскими и Сименсъ-Мартеновскими печами. Здѣсь я также встрѣтилъ сложныя комбинаціи разныхъ отраслей производства, имѣющихъ отношеніе къ каменноугольной и желѣзодобывающей промышленности, къ выплавкѣ чугуна и рельсопрокатному дѣлу. Эти промышленные центры, возникшіе весьма недавно, по своему внѣшнему виду также напоминаютъ выше описанныя мануфактуры, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что окружающая ихъ степная мѣстность еще однообразнѣе сѣверныхъ лѣсовъ. Самый давній изъ этихъ центровъ обладаетъ въ настоящее время населеніемъ въ 30,000 человѣкъ, хотя онъ существуетъ всего какихъ нибудь 20 лѣтъ; онъ называется, по имени своего основателя Юза (Hughes), Юзовкой.—Подобное названіе соотвѣтствуетъ монархическому характеру такихъ поселеній, такъ какъ владѣющіе ими предприниматели являются тамъ полными владыками.

Само собой понятно, какимъ значеніемъ пользуются эти громадныя капиталистическія предпріятія въ бѣдной странѣ, въ которой въ добавокъ аграрный классъ клонится къ упадку. Значеніе ихъ возрастаетъ еще вслѣдствіе того, что большинство крупныхъ русскихъ промышленныхъ предпріятій представляетъ собой картели. Наибольшей извѣстностью пользуется синдикатъ сахаро-заводчиковъ. Этотъ синдикатъ опредѣляетъ для каждаго изъ своихъ участниковъ количество выпускаемаго имъ на русскій рынокъ сахара и назначаетъ цѣны сахара на внутреннимъ рынкѣ. Цѣны эти настолько высоки, что въ извѣстной мѣрѣ окупаютъ даже издержки производства сахара, вывозимаго заграницу, такъ что распространіе русскаго сахара на всемірномъ рынкѣ, нерѣдко по убыточнымъ цѣнамъ, происходитъ насчетъ туземнаго потребителя [1]). Въ горной промышленности также существуютъ подобныя соглашенія, касающіяся установленія цѣнъ, но только подробности этой организаціи не могли проникнуть въ печать. Въ различ-

[1]) Объ этомъ синдикатѣ см. интересныя указанія въ книгѣ *И. И. Янжула.* Промышленные синдикаты. С.-Пб., 1895 г., стр. 123—145. Чрезвычайно странно наблюдать эту попытку оффиціально поддержать давно опровергнутую мысль Ф. Листа относительно того, что при наличности таможенной охраны внутренняя конкурренція постепенно понижаетъ цѣны до уровня господствующихъ на міровомъ рынкѣ. См. „Историко-статистическій обзоръ промышленности". С.-Пб., 1886 г., стр. 162.

ныхъ отрасляхъ хлопчатобутажной промышленности цѣны устанавливаются, какъ мы видѣли выше, не путемъ конкурренціи.

Картель сахарозаводчиковъ съ 1895 г. находится подъ правительственнымъ руководствомъ и принадлежность къ ней является обязательной для всѣхъ производителей. Съ 1895 г. министръ финансовъ ежегодно опредѣляетъ количество сахару, какое каждый производитель можетъ выпустить на внутренній рынокъ. Сверхъ того, каждый заводчикъ обязанъ представить извѣстный запасъ, хранящійся подъ правительственнымъ надзоромъ. Министръ финансовъ устанавливаетъ ежегодно цѣны на сахаръ, устойчивость которыхъ достигается тѣмъ, что, въ случаѣ повышенія рыночныхъ цѣнъ сверхъ установленной нормы, на рынокъ выпускается запасной сахаръ [1]). Далѣе, министръ же финансовъ опредѣляетъ ежегодное количество сахару, подлежащаго вывозу съ возвратомъ акциза. Нефтяная промышленность также организовалась въ синдикатъ, по почину министра финансовъ; нѣкоторые усмотрѣли въ этомъ предварительное условіе для соглашенія съ „Standard Oil Company“ въ цѣляхъ дѣлежа рынковъ.

Сила промышленнаго капитала возрастаетъ еще вслѣдствіе того, что ему не противустоитъ европейски организованный трудъ.

II. Агитаціи сторонниковъ таможенной охраны оказалъ дѣятельную поддержку союзъ, заключенный промышленностью съ господствовавшимъ націоналистическимъ теченіемъ. Та-же самая пресса, которая проповѣдывала панславизмъ и вражду къ Европѣ, выступила не только противъ ввоза европейскихъ промышленныхъ издѣлій и идей, но и противъ развившейся въ западныхъ пограничныхъ областяхъ „тепличкой промышленности“, вызванной къ жизни „иностранцами“, при помощи иностраннаго желѣза и угля. Лозунгомъ этой прессы стало выраженіе: „національная хозяйственная политика“; славянофильское отвращеніе къ Петербургу оказывалось весьма удобнымъ для этой прессы всякій разъ, когда нужно было вступить въ споръ съ петербургскимъ, рижскимъ и либавскимъ купечествомъ, настроеннымъ враждебно къ таможенно-охранительной политикѣ. Съ этого времени проявленія фритредерства стали клеймить названіемъ „антинаціональныхъ“.

Возникновеніе въ обществѣ какого нибудь экономическаго класса часто сопровождалось появленіемъ политическихъ и духовныхъ теченій, которыя ставили человѣческую дѣятельность на высоту идеологическихъ побужденій, являвшихся вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ мощнымъ орудіемъ

[1]) *Raffalowich.* La marché financier 1896—97, p. 256.

лежащихъ въ основѣ этихъ идеологій хозяйственныхъ интересовъ. Такимъ образомъ и панславистское міровоззрѣніе, съ которымъ мы познакомились выше, до мелочей соотвѣтствовало грубо-понятымъ интересамъ промышленности Средней и Южной Россіи. Это совершенно ясно по отношенію къ борьбѣ и соперничеству съ промышленностью западно-пограничныхъ областей.

Но націоналистическія воззрѣнія оказались также весьма удобными для угнетенія сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Мало того, что всякая запретительная пошлина сама по себѣ является выраженіемъ взгляда, согласно которому развитіе Западной Россіи также мало принимается въ расчетъ, „какъ еслибы она помѣщалась на лунѣ“. Романтическій элементъ славянофильства и народо-хозяйственная реакція являлись весьма выгодными для промышленности еще въ другомъ отношеніи.

Въ моментъ, когда Россія перешла къ денежному хозяйству, помѣщики и крестьянство оказались совершенно неподготовленными къ этой реформѣ, между тѣмъ какъ купечество, особенно московское, съумѣло на дѣлѣ воспользоваться всѣми послѣдствіями, вытекавшими изъ новыхъ условій. Оно создало на почвѣ обширныхъ защищенныхъ рынковъ Россіи внушительную крупную промышленность. На мѣсто обычнаго способа веденія дѣлъ выступила погоня за возможно большей прибылью и та энергичная защита собственныхъ интересовъ, которую „славянофилы“ заклеймили названіемъ „насилія“, свойственнаго европейскому характеру. Широкія тяжелыя фигуры этихъ купцовъ, не очень то разборчивыхъ въ средствахъ, но энергичныхъ и сознающихъ свои выгоды, мало отвѣчали идеаламъ Льва Толстого и скорѣе соотвѣтствовали желаніямъ какого нибудь меркантилистически настроеннаго министра финансовъ.

Но такъ какъ представители интересовъ промышленности еще долго будутъ составлять въ Россіи меньшинство, то они могутъ сохранять свое преобладающее значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока имъ съ сельско-хозяйственной стороны противоустоятъ классы, находящіеся въ упадкѣ. Какъ полезенъ въ этомъ случаѣ славянофильскій идеалъ все выносящаго мужика,— конечно только въ примѣненіи къ противникамъ промышленности! Какъ полезна реакціонная аграрная политика, закрѣпляющая на вѣки слабость промышленниковъ противниковъ! Ветхозавѣтный крестьянинъ слишкомъ глубоко погруженъ въ свое натуральное хозяйство и не можетъ идти въ счетъ въ качествѣ защитника общихъ интересовъ сельскаго хозяйства. Но и помѣщичій классъ, хотя онъ и читаетъ европейскія сочиненія, въ хозяйственномъ отношеніи далекъ отъ идеала „европейца“; постоянная зависи-

мость отъ правительства не развила въ немъ въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ свойственной прусскому юнкерству дерзости. Въ такомъ обществѣ истинный „европеецъ“ представляетъ собой дикаго звѣря въ овчарнѣ. Остзейскіе помѣщики именно въ силу того, что обладали болѣе крѣпкимъ позвоночникомъ и не захотѣли дать себя также просто скушать, должны были подпасть подъ подозрѣніе во враждебныхъ тенденціяхъ по отношенію къ государству, и здѣсь на помощь интересамъ промышленности опять-таки явились славянофилы.

Съ этой точки зрѣнія націоналистическая аграрная политика восьмидесятыхъ годовъ понятна намъ до послѣднихъ мелочей. Если эта программа стремилась сохранить въ прежнемъ видѣ крестьянское общинное землевладѣніе, то при этомъ нельзя не вспомнить, что общинное землевладѣніе до извѣстной степени понижало на счетъ сельского хозяйства издержки промышленности по содержанію фабричныхъ рабочихъ. Если эта программа намѣревалась сохранить за дворянствомъ роль особаго класса, то слѣдуетъ вспомнить, что помѣстное дворянство въ большинствѣ случаевъ настолько разорено хозяйственно, что самое существованіе его всецѣло зависитъ отъ доброй воли правительства. Всѣ эти мѣропріятія клонились въ концѣ концовъ къ тому, чтобы затруднить возникновеніе новаго средняго земледѣльческаго класса, который могъ бы оказаться болѣе сильнымъ экономическимъ противникомъ промышленнаго индустріализма, чѣмъ разоренное дворянство и архаическій „міръ“. Зачаточные элементы подобнаго класса были опозорены названіемъ поразитовъ и кулаковъ. Ясно, что вся эта реакціонная политика потеряла бы подъ своими ногами почву, если бы сельское хозяйство доставляло большую прибыль и привлекало бы къ себѣ большее количество купеческаго производительнаго капитала. Въ такомъ случаѣ и сельское хозяйство очень скоро нашло бы себѣ болѣе энергичныхъ защитниковъ своихъ интересовъ.

Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему самоуправленіе теряло подъ собою почву съ начала семидесятыхъ годовъ. Всякое представительство земельныхъ интересовъ рѣзко подчеркиваетъ количественную слабость представителей промышленныхъ интересовъ. И въ этомъ случаѣ славянофильская теорія является идеологической оболочкой интересовъ промышленности. Вотъ почему земельное дворянство смотритъ въ настоящее время на земство, какъ на представительство аграрныхъ интересовъ [1]).

[1]) Preussische Jahrbücher 1897, Band 87, S. 63; излагается точка зрѣнія, согласно которой государство построенное на началахъ абсолютизма вообще являлось въ эпоху меркантилизма ни чѣмъ инымъ, какъ организаціей промышленнаго меньшинства.

Тоже самое справедливо по отношенію къ борьбѣ со свободою слова, къ борьбѣ съ либеральными, настроенными большею частью въ пользу свободы торговли органами повседневной прессы, причемъ опять таки на западниковъ изливаются цѣлыя потоки славянофильскихъ попрековъ. Насколько въ этомъ случаѣ противники свободы печати считали себя господами въ государствѣ, видно между прочимъ изъ того, что въ восьмидесятыхъ годахъ „Московскія Вѣдомости“ неоднократно возобновляли предложеніе замѣнить предварительную цензуру активнымъ воздѣйствіемъ на органы печати сверху, иными словами заставить прессу высказывать опредѣленные взгляды подъ угрозой наказанія.

Наконецъ понятно также, что представители промышленныхъ интересовъ вошли во вкусъ панславистской внѣшней политики. Здѣсь ихъ манило расширеніе сбыта на—политически подчиненныхъ и находящихся въ сферѣ дѣйствія русской таможенной системы—рынкахъ. Посредствомъ такой политики, можно было надѣяться снова овладѣть утраченнымъ за текущее столѣтіе азіатскимъ рынкомъ, ибо на нейтральномъ рынкѣ русская промышленность не въ состояніи соперничать съ европейской. Въ этомъ отношеніи весьма интересный документъ представляетъ собой между прочимъ докладъ министерства финансовъ, составленный г. Лазаревымъ. По его словамъ, русскіе товары удерживаютъ за собою рынокъ лишь въ Сѣверной Персіи; не смотря на дороговизну перевозки при помощи верблюдовъ, не смотря на невѣроятно скверное состояніе дорогъ, манчестерскіе ситцы успѣшно конкуррируютъ съ московскими до самыхъ береговъ Каспійскаго моря.

Вотъ на какой почвѣ создался идеалъ: Россія должна представлять собой не только міровую державу, но и самостоятельное міровое хозяйство, охватывающее всѣ климатическія зоны, производящее всѣ земные продукты, замкнутое для вторженій извнѣ, само удовлетворяющее себя внутри!

„Leicht wohnen bei einander die Gedanken,
Doch hart in Raume stossen sich die Sachen“ [1]).

Выше мы видѣли, какъ неопредѣленныя мечтанія политическаго панславизма превращаются въ конкретную программу азіатской политики міровой державы. Но экономическая программа крайнихъ сторонниковъ таможенной охраны также испытываетъ нынѣ нѣкоторое превращеніе не только потому, что она сама по себѣ мало отвѣчаетъ широкимъ промышленнымъ интересамъ, но также—и притомъ главнымъ образомъ—вслѣдствіе того,

[1]) „Мысли легко уживаются другъ съ другомъ, но факты рѣзко сталкиваются въ дѣйствительности“.

что она мѣшаетъ выполненію политической программы азіатской міровой державы, ибо эта программа, если отъ предположеній спуститься въ область дѣйствительности, требуетъ, чтобы страна въ хозяйственномъ отношеніи опиралась на Европу и европеизировала себя внутри, притомъ чтобы этотъ процессъ распространился помимо промышленности также и на сельское хозяйство. Остальная часть этой книги посвящена обоснованію этого положенія по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ сторонъ русскаго народнаго хозяйства.

III. Критика.

По отношенію къ современному промышленному развитію Россіи мы, нѣмцы, должны постараться избѣжать ошибки, въ которой Фридрихъ Листъ нѣкогда укорялъ англичанъ, заявлявшихъ, что одни только они призваны къ промышленному развитію. Мы охотно допускаемъ, что Россія со своей точки зрѣнія вполнѣ права, стремясь развить у себя крупную промышленность, ради чего ей приходится прибѣгать къ таможенной охранѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы тѣмъ невозмутимѣе можемъ утверждать, что таможенная охрана отнюдь не принадлежитъ къ числу тѣхъ вещей, для которыхъ справедливо изреченіе: чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Обратимся теперь на время къ западно-европейскимъ примѣрамъ. Въ другой своей книгѣ я показалъ, что именно возникновеніе соперничества со стороны материка на нейтральныхъ рынкахъ привело въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія къ необычайному техническому прогрессу англійской хлопчатобумажной промышленности. „Но и самой старой отрасли крупной промышленности, именно прядильной, были еще присущи признаки ея происхожденія изъ мелкой промышленности. Исторія англійской хлопчатобумажной промышленности именно и заключается въ стремленіи стряхнуть съ себя эти признаки; англійская хлопчатобумажная промышленность пріобрѣтаетъ всѣ особенности крупной промышленности по мѣрѣ того, какъ вступаетъ въ борьбу за господство на всемірномъ рынкѣ. Съ этой точки зрѣнія намъ становится понятной громадная масса запутанныхъ отчетовъ Синихъ книгъ“ [1]).

Если нѣмецкая промышленность выступаетъ въ наши дни на открытыхъ для торговли міровыхъ рынкахъ въ качествѣ серьезной соперницы англій-

[1]) Мое „Grossbetrieb“. Leipzig, 1892, S. 46 ff. или русскій переводъ: „Крупное производство...“, стр. 51 и 52.

ской промышленности, то этой силой она безъ сомнѣнія обязана рѣзкому сквозняку конкурренціи, который почти всегда проникалъ чрезъ границы Таможеннаго Союза. Германія никогда не была страной высокихъ охранительныхъ пошлинъ; дважды въ теченіе столѣтія она перестраивала систему своихъ промышленныхъ пошлинъ въ рѣшительномъ фритредерскомъ духѣ, а Саксонія, представляющая самую промышленную область Германіи, даже еще въ прошломъ столѣтіи преслѣдовала по отношенію къ своей Лейпцигской ярмаркѣ политику свободной торговли. Самыя мощныя отрасли нѣмецкой промышленности, какъ, напр., желѣзодѣлательная, хлопчатобумажная и шерстяная, развивались въ теченіи нашего столѣтія подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ англійской конкурренціи и при наличности пошлинъ, которыя по сравненію съ русскимъ тарифомъ 1891 г. нельзя не признать ничтожными. Рядомъ съ нею эльзасская промышленность оказалась послѣ присоединенія этой области къ Германіи ни чѣмъ инымъ, какъ изнѣженнымъ растеніемъ, воспитаннымъ въ французской оранжереѣ.

Даже послѣ таможенно-охранительныхъ успѣховъ 1879 г. нѣмецкіе промышленники, какъ на то справедливо указываетъ Лотцъ [1]), всегда умѣли сохранить въ дѣлѣ таможенной охраны, къ которой они стремились и кокоторой добились, извѣстную мѣру. Въ восьмидесятыхъ и особенно девяностыхъ годахъ на ряду со значительнымъ повышеніемъ пошлинъ, имѣло мѣсто серьезное пониженіе ихъ для нѣкоторыхъ продуктовъ промышленности.

Всѣмъ извѣстны успѣхи нѣмецкой желѣзодѣлательной промышленности. Въ шестидесятыхъ годахъ Германія была еще принуждена ввозить значительное количество желѣза, между тѣмъ какъ теперь желѣзо, сталь, равно какъ и вырабатываемые изъ нихъ продукты представляютъ главнѣйшіе отрасли нѣмецкаго вывоза [2]). При этомъ, потребленіе желѣза на человѣка внутри страны, при сильномъ ростѣ численности населенія и паденіи цѣнъ на желѣзо, увеличилось въ тридцатилѣтній промежутокъ, съ 1864 по 1894 г. почти вчетверо. Нѣмецкое желѣзное производство приближается нынѣ по своимъ размѣрамъ къ англійскому, несмотря на то, что послѣднее по коли-

---

[1]) *Lotz.* Ideen Zur deutschen Handelspolitik. Leipzig, 1892, S. 176.

[2]) Цифры для 1897 г. даютъ:

	Ввозъ въ мил. марокъ.	Вывозъ
Желѣзо и желѣзныя издѣлія	72	330
Инструменты, машины, подвижной составъ.	51	189

Statistik des Deutschen Reichs. Neue Folge. Band 97, S. 20, 23.

честву продукта, превосходило его еще въ 1870 г. въ шесть разъ. Это развитіе произошло частью при полномъ отсутствіи пошлинъ, частью при такихъ пошлинахъ, которыя по сравненію съ русскими, не имѣютъ никакого значенія. Русской пошлинѣ, въ размѣрѣ 30 коп. съ пуда чугуна, соотвѣтствуетъ съ 1879 г. нѣмецкая пошлина въ 5 копѣекъ. Въ дѣйствительности нѣмецкая желѣзодѣлательная промышленность никогда не была свободна отъ вліянія иностранной конкурренціи. Нѣмецкія желѣзныя дороги постоянно прибѣгали къ заграничному матеріалу, и даже Берлинъ, а не одни только приморскіе порты, ввозятъ къ себѣ англійскій чугунъ, хотя впрочемъ и не въ особенно большомъ количествѣ.

Подъемъ нѣмецкой промышленности, привлекающій къ себѣ въ настоящее время всеобщее вниманіе заграницей [1]), менѣе всего подтверждаетъ разумность высоко-охранительной промышленной политики, усвоенной Россіей въ восьмидесятыхъ годахъ.

Точно также польская промышленность возникла не подъ вліяніемъ русскаго запретительнаго тарифа 1822 г., дѣйствіе котораго, согласно постановленію Вѣнскаго конгресса, не распространялось на Польшу. Именно въ силу того, что русская промышленность была защищена гораздо лучше польской, вывозъ промышленныхъ продуктовъ изъ Россіи въ Польшу, лишенную до того времени всякаго промышленнаго развитія, прекратился вовсе; очевидно, запретительная пошлина поднимала издержки производства въ Россіи на такую высоту, какой иностранная конкурренція не допускала въ Польшѣ. Когда въ 1850 г. была упразднена внутренняя таможенная граница, и Россія съ Польшей слились въ общую таможенную область, роли перемѣнились; Польша стала вывозить свои продукты въ Россію.

Въ самой Россіи запретительная политика Николая I отнюдь не способствовала развитію промышленности, особенно желѣзодѣлательной,—а это доказываетъ, что сама по себѣ таможенная охрана не въ состояніи вызвать къ жизни промышленность тамъ, гдѣ отсутствуютъ необходимыя для ея существованія условія. По тарифу 1822 г. ввозъ желѣза моремъ не допускался вовсе, а желѣзо, ввозимое по сухопутной границѣ, было обложено необыкновенно высоко; сверхъ того при отсутствіи путей сообщенія этотъ ввозъ по сухопутной границѣ не могъ имѣть большого значенія. Наоборотъ, прусскій тарифъ 1818 г. и примыкающіе къ нему тарифы Таможеннаго Союза вплоть

---

[1]) Напр.—*Georges Blondel.* L'essor industriel et commercial du peuple Allemand. Bibliothèque du Musée social. Paris, 1898. Русскій переводъ—*Ж. Блонделъ.* Торгово-промышленный подъемъ Германіи. Пер. подъ ред. М. И. Туганъ-Барановскаго. С.-Пб., 1900 г.

до 1845 г. допускали совершенно свободный ввозъ чугуна, а затѣмъ обложили его весьма слабо. При этомъ производство чугуна въ 1,000 пудовъ равнялось [1])

	1830 г.	1850 г.
въ Россіи	7,137	13,664
въ Германіи	7,930	25,010

Цифры эти могутъ привести въ изумленіе доктринеровъ системы таможенной охраны.

Но при болѣе глубокомъ изслѣдованіи явленій народно-хозяйственной жизни мощный подъемъ русской промышленности въ царствованіе Александра II [2]) не вызоветъ никакого изумленія: реформы этого императора вызвали къ жизни денежное хозяйство—необходимое условіе для развитія всякой промышленности. Поэтому, сильное повышеніе ввоза хлопка-сырца и пряжи падаетъ какъ разъ на тѣ годы, когда воспослѣдовало пониженіе пошлинъ на пряжу въ размѣрѣ 30%, а пошлинъ на ткани въ размѣрѣ 20—80%.

Ежегодный ввозъ въ пудахъ [3]):

	Хлопокъ.	Пряжа.
Въ среднемъ за пятилѣтіе (1853—1857)	1,495,000	85,000
Въ среднемъ за три года (1858—1860)	2,550,000	180,000

Цифры эти свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ усиленіи промышленнаго производства. При этомъ оффиціальный отчетъ Шерера указываетъ, что эта таможенная реформа и связанное съ ней замѣтное усиленіе иностранной конкурренціи благодѣтельно повліяли на улучшеніе качества производимыхъ продуктовъ и дали толчекъ техническому прогрессу.

Но прежде всего не слѣдуетъ забывать, что нынѣшнее промышленное развитіе Россіи было бы вообще немыслимо, еслибы не существовала относительная свобода торговли въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Безъ этого условія оказалось бы совершенно невозможнымъ покрыть въ сравнительно короткое время необозримое пространство русской имперіи желѣзнодорожною сѣтью, которая, служа какъ для подвоза сырья, такъ и для организаціи сбыта, явилась первымъ условіемъ существованія современной крупной промышленности [4]).

---

[1]) Эти цифры я заимствую у *Радциг*, стр. 2. По *Sering'y*, „Eisenzölle", выплавка чугуна въ Пруссіи съ 1830 по 1850 г. приблизительно утроилась.

[2]) *Новиковъ*. Протекціонизмъ. С.-Пб., 1890 г., стр. 95—104.

[3]) *Шереръ*, стр. 453, 454.

[4]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 328.

Но ведя борьбу съ доктринерами системы таможенной охраны, мы впали бы въ противоположную крайность и превратились бы въ доктринеровъ свободы торговли, если бы мы вздумали отрицать, что таможенная охрана при Александрѣ III оказала мощную поддержку развитію русской промышленности. Современная Россія отличается отъ Россіи въ эпоху Александра II именно своей пышно распустившейся крупной промышленностью и тѣмъ значеніемъ, которое эта промышленность пріобрѣла во всемъ народномъ хозяйствѣ. Пользуясь громоздкимъ, но вѣрнымъ выраженіемъ Фридриха Листа, мы можемъ сказать, что Россія переживаетъ въ настоящее время „стадію мануфактурно-агрикультурнаго государства“. Для доказательства этого приведемъ нѣсколько цифръ [1]).

	Цѣнность въ 1000 рублей.	
	1878 г.	1890 г.
Обрабатывающая промышленность	580,000	1,026,000
Горная промышленность	119,000	189,000
Производство хлѣбовъ	1,449,000	1,441,000
Численность населенія въ тысячахъ . .	97,153	115,389

„Въ 1873 г. на русскихъ фабрикахъ было переработано нѣсколько менѣе 3,700,000 пудовъ хлопчатой бумаги, между тѣмъ какъ въ 1891 г. количество это возросло до $11^1/_2$ мил. пудовъ. Выработка желѣза возрасла съ 17,9 мил. пудовъ въ 1880 г. до 30,1 мил. пудовъ въ 1893 г. Но особенно бросается въ глаза сильный подъемъ нефтяной промышленности: въ 1871 г. добыча нефти равнялась всего 2 мил. пудовъ, между тѣмъ какъ въ 1893 г. она равнялась 337 мил. пудовъ. Добыча каменнаго угля поднялась съ 200,9 мил. пудовъ въ 1880 г. до 460,2 мил. пудовъ въ 1893 г. Въ 1890 г. русскіе заводы выработали разныхъ машинъ на 29,391,755 рублей, а въ 1890 г. это производство поднялось уже до 50 мил. рублей“ [2]).

Но несмотря на эту блестящую внѣшность современному промышленному развитію Россіи присущи извѣстныя недостатки, указывающія на крайности системы таможенной охраны.

Слѣдствіемъ необычайнаго напряженія таможенной охраны является

---

[1]) *Raffalovich.* Marché financier en 1892. Paris, 1893, S. 86.

[2]) *Issajeff.* Preussisch Jahrbücher 1896, S. 352—360. Читателей, интересующихся болѣе подробными цифрами, я отсылаю къ изданному на англійскомъ языкѣ сборнику оффиціальной промышленной статистики: „The Industries of Russia“, St. Petersburg, 1893, for the Worlds Columbian Exhibition at Chicago. Тоже на русскомъ языкѣ: „Промышленность Россіи“. С.-Пб. 1893 г.

повышеніе прибыли на промышленный капиталъ, которая врядъ ли въ какой другой странѣ достигаетъ такого же размѣра, какъ въ Россіи. Оффиціальный „Вѣстникъ Финансовъ“ заключаетъ въ себѣ сравнительныя таблицы прибылей, доставляемыхъ акціонерными и товарищескими промышленными предпріятіями; эти таблицы составлены по ежегоднымъ отчетамъ представляемымъ этими компаніями правительству [1]). Такъ какъ эти отчеты служатъ для цѣлей обложенія, то заимствованныя изъ нихъ данныя могутъ быть и ниже дѣйствительныхъ. Это обстоятельство было недавно удостовѣрено директоромъ департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскимъ по случаю обсужденія реформы промыслового налога. Неправильныя свѣдѣнія особенно часто даютъ общества съ небольшимъ числомъ акціонеровъ; дѣйствительная прибыль замаскировывается въ ихъ отчетахъ подъ видомъ жалованья директорамъ и ревизорамъ, подъ видомъ резервныхъ фондовъ, и т. п. [2]). Сдѣлавъ эту оговорку, бросимъ теперь взглядъ на оффиціальныя таблицы, обнародованныя недавно въ „Bulletin Russe“ и разобранныя проф. Янжуломъ въ газетѣ „Недѣля“ [3]).

Янжулъ приходитъ къ заключенію, что 1891—93 годы нельзя считать за особенно благопріятные. Хотя на эти годы, вскорѣ послѣ заключенія торговаго договора съ Германіей, и падаетъ высшее развитіе русской таможенной охраны, но за то въ 1892 и 1893 г.г. былъ голодъ, съ которымъ было связано ограниченіе спроса на продукты промышленности. Согласно „Bulletin Russe“, акціонерныя товарищества въ хлопчатобумажной промышленности давали въ эти годы въ среднемъ 11,67% прибыли; болѣе высокую прибыль давали химическіе заводы (12,70%), бумажныя фабрики и свѣчные заводы (по 13%), сахарные заводы (17%), производство пищевыхъ продуктовъ и напитковъ (18,17%), гончарные, цементные и фарфоровые заводы (19%), красильныя и апретурныя заведенія (19,52%). Изъ двухъ самыхъ громадныхъ русскихъ хлопчатобумажныхъ мануфактуръ: Морозовская Никольская мануфактура—давала въ среднемъ за эти три года 52,79%, Шейблеровскія мануфактуры въ Лодзи 32%. Въ 1893 г. хлопчатобумажная мануфактура Саввы Морозова выдала въ качествѣ прибыли 3 милліона рублей, и это при акціонерномъ капиталѣ въ 5 милліоновъ и при запасномъ въ 4 милліона рублей [4]).

[1]) Законъ 1 января 1885 г. обязываетъ акціонерныя и иныя общества передавать свой балансъ гласности. Finanzarchiv. Band II, S. 230.

[2]) „Русскія Вѣдомости“ отъ 14 января 1896 г.

[3]) „Bullent russe de statistique financiere. 1895, № 11 и 12, а также „Недѣля“ отъ 3 февраля 1896 г.

[4]) *Raffalowich.* Marché financier 1894—95, p. 250.

О размѣрѣ дивидендовъ, выданныхъ польскими желѣзодѣлательными заводами, мы находимъ въ англійскихъ консульскихъ отчетахъ [1]) слѣдующія данныя:

	Дивидендъ	
	1897 г.	1896 г.
Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ.	25%	20%
Рудзкій и К°	17%	15%
Стараховичъ	19%	14%
Островичъ	30%	—

Изъ отчетовъ англійскаго консула въ Одессѣ видно, что южно-русскіе заводы не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ польскихъ.

Нельзя, конечно, не признать, что въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ капиталъ дорогъ, а интеллигенція стремится на государственную службу, прибыль на промышленный капиталъ должна стоять выше, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ съ ихъ старой промышленностью и дешевымъ капиталомъ. Въ Англіи промышленникъ нерѣдко вознаграждается внушительной ролью властителя міровой имперіи; величайшіе государственные люди Англіи, начиная съ Пиля и кончая Чемберленомъ, выросли на почвѣ промышленности. Потому-то дивиденды и могутъ стоять въ Англіи низко. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что такой *высокій* размѣръ прибыли, какой мы наблюдаемъ въ настоящее время въ Россіи, превосходитъ все, что нужно, чтобы привлечь интеллигенцію на службу промышленности.

Но чрезмѣрные и безъ труда достающіеся доходы замедляютъ техническій прогрессъ. Они создаютъ для фабрикантовъ возможность пребывать въ лѣнивой рутинѣ, и потому на подобной почвѣ не процвѣтаютъ хозяйственныя добродѣтели—самопомощь и отвѣтственность предъ самимъ собой.

Отсутствіе конкурренціи вліяетъ въ Россіи тѣмъ вреднѣе, что въ ней также отсутствуетъ второй факторъ, который наряду съ конкурренціей постоянно подгонялъ на Западѣ техническій прогрессъ, именно рабочее движеніе, производящее давленіе снизу. Въ Англіи немало открытій появилось на свѣтъ вслѣдствіе борьбы въ защиту прибыли противъ заработной платы; укажемъ хотя бы на *selfactor*. Техническая высота, достигнутая Америкой, несомнѣнно покоится на высокой заработной платѣ и на могущественной позиціи, занятой тамъ трудомъ; это обстоятельство уравновѣшиваетъ тамъ усыпляющее дѣйствіе таможенной охраны и, какъ то ясно

[1]) Trade of Warsaw and District 1897. Foreign Office, June 1898, S. 34. Trade of Odessa and District 1897. Foreign Office, August 1898, S. 8.

доказываютъ сочиненія Шёнгофа (Schönhof) и Аткинсона (Atkinson), приводятъ къ экономіи труда, если только возможно повышеніе интенсивности труда. Своеобразная природа русскаго труда устраняетъ всякія надежды на то, чтобы онъ далъ какой-либо толчекъ прогрессу техники.

Но высокій размѣръ промышленной прибыли въ Россіи во многихъ и важныхъ отросляхъ промышленности достается преимущественно на долю иностранныхъ акціонеровъ. Если, напр., исчислить бельгійскій капиталъ вложенный въ русскую промышленность въ 500 милліоновъ франковъ[1]), если принять далѣе, что современная сильная таможенная охрана гарантируетъ ему въ среднемъ дивидендъ въ размѣрѣ 10%, то изъ этого станетъ яснымъ насколько обремененъ русскій платежный балансъ. Пониженіе пошлинъ, подобно конверсіи государственнаго долга, повліяла бы въ этомъ случаѣ на платежный балансъ облегчающимъ образомъ.

2. Россія отнюдь не стремилась къ удешевленію продуктовъ своей промышленности, что въ послѣднія десятилѣтія имѣло мѣсто въ Западной Европѣ. По Митчелю, въ шестидесятыхъ годахъ разница въ цѣнѣ на пряжу среднихъ нумеровъ достигала для Англіи и Россіи 30%, причемъ русскія цѣны немногимъ превышали цѣны, господствовавшія въ предѣлахъ Таможеннаго Союза. Съ тѣхъ поръ это отношеніе значительно измѣнилось въ пользу Англіи и еще болѣе Германіи. Въ настоящее время русскіе продукты сравнительно гораздо дороже западно-европейскихъ, чѣмъ это было 30 лѣтъ тому назадъ[1]). Въ этомъ сказывается нѣчто противуположное тому воздѣйствію, какое по Фридриху Листу должна была оказать воспитательно-дѣйствующая таможенная охрана.

Особенно тягостно это вздорожаніе продуктовъ промышленности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается не предметовъ роскоши, а полуфабрикатовъ и вспомогательныхъ средствъ, служащихъ для дальнѣйшаго ремесленнаго или сельско-хозяйственнаго производства. Высокій размѣръ издержекъ производства въ Россіи не вліяетъ на установленіе цѣнъ на важнѣйшіе предметы вывоза: они подчиняются международнымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ этимъ продуктамъ русскія промышленныя пошлины ложатся своимъ бременемъ всецѣло на производителя. Особенно тяжелы въ этомъ отношеніи пошлины на желѣзо.

По Радцигу, цѣны на желѣзныя издѣлія на Нижегородской ярмаркѣ

---

[1]) Volkswirtschaftliche Rundschau. Juli 1897. Brief aus Belgien. S. 68 и 78.

[2]) Въ концѣ іюня 1896 г. I кл. № 32 twist'а стоилъ въ Манчестерѣ 1,05—1,25 марки, а въ Москвѣ—2,24—2,31 марки.

съ сороковыхъ годовъ скорѣе поднялись. „Слѣдя за измѣненіемъ цѣны на важнѣйшіе желѣзныя товары на Нижегородской ярмаркѣ за послѣдніе 50 лѣтъ, мы замѣчаемъ, что они частью поднялись, частью остались почти безъ перемѣнъ. Въ сороковыхъ годахъ полосовое желѣзо стоило 95—160 копѣекъ кредитныхъ, въ девяностыхъ же годахъ цѣна его колебалась между 1 р. 35 к. и 2 р. 95 к. Листовое желѣзо въ сороковыхъ годахъ продавали даже по 1 р. 6 к. за пудъ, и цѣна его не подымалась выше 2 р. 85 к. за пудъ, между тѣмъ какъ въ девяностыхъ годахъ цѣны колебались между 2—6 р. за пудъ. Цѣна на сталь стояла въ первый изъ указанныхъ періодовъ между 1 р. и 2 р. 20 к. за пудъ, въ теченіе же второго періода она колебалась между 1 р. 50 к. и 4 р. 80 к. за пудъ".

Въ послѣднее время цѣны на желѣзо испытали дальнѣйшее повышеніе, между тѣмъ какъ заграницей замѣчается обратная тенденція.

Вотъ цѣны на литое желѣзо сорта Cleveland въ копѣйкахъ золотомъ [1]) съ пуда:

	Петербургъ.	Англія.	Бреславль.	С. Америка.
1886 г.	39	16	22	39
1895 г.	55	18	24	27

То же самое справедливо для важнѣйшихъ желѣзныхъ фабрикатовъ, особенно для желѣзнодорожныхъ матеріаловъ.

Стальныя рельсы стоили за пудъ въ кредитн. коп. [2]):

Въ Россіи въ 1873 г.	110
„ „ „ 1893 „	180
Въ Англіи въ 1893 „	55

Въ 1884—95 г.г. русское правительство купило на русскихъ заводахъ 113 милліоновъ пудовъ рельсовъ.

Еслибы эти рельсы были выписаны изъ заграницы, то на покупкѣ ихъ можно было бы съэкономить 93 милліона рублей. Присоедините къ этому еще выплачиваемыя правительствомъ отечественнымъ заводамъ преміи и другія пособія. 100 милліоновъ сбереженія дали бы правительству возможность построить лишнихъ 2,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ.

Этотъ расчетъ касается лишь переплаты на рельсахъ, но вѣдь для сооруженія желѣзныхъ дорогъ требуются еще гайки, винты, мосты, трубы,

---

[1]) Цѣны въ кредитной валютѣ въ Петербургѣ переложены на золото по среднему курсу соотвѣтствующаго года. Эти данныя я заимствую у *Туганъ-Барановскаго*, стр. 333. Этимъ же источникомъ я пользуюсь для приведенныхъ въ текстѣ цифръ.

[2]) Эти цифры заимствованы изъ „Eisenbahnsache" 1896. S. 161.

телеграфная проволока и тому подобные предметы, пошлины на которые удорожаютъ ихъ въ еще большемъ размѣрѣ, чѣмъ рельсы. По Радцигу, весь желѣзнодорожный матеріалъ Сибирской желѣзной дороги обошелся благодаря пошлинѣ по крайней мѣрѣ на 4,651 р. съ версты дороже по сравненію съ цѣнами, господствующими на всемірномъ рынкѣ, и по крайней мѣрѣ столько же было потеряно на подвижномъ составѣ [1]). Само собой понятно, какое значеніе имѣетъ это удорожаніе желѣзнодорожныхъ сооруженій для русскаго вывоза, а также и въ стратегическомъ отношеніи.

3. Разсмотримъ въ заключеніе вліяніе пошлинъ на сбытъ промышленныхъ продуктовъ.

Высокія пошлины устраняютъ для Россіи возможность вывоза въ нейтральныя области, гдѣ пришлось бы вступить въ конкурренцію съ странами, промышленность которыхъ возникла при болѣе суровыхъ условіяхъ существованія. Но Центральная Россія имѣетъ, подобно Ланкаширу, свою Индію, которая вдобавокъ лежитъ подъ рукой, а не въ концѣ длиннаго морского пути. Это — обширныя сельскохозяйственныя пространства Европейской Россіи и Азіи. Значительная часть этихъ рынковъ пока еще закрыта для промышленности, вслѣдствіе господствующаго тамъ натуральнаго хозяйства. Подобно тому какъ Индія стала крупнымъ потребителемъ англійскихъ товаровъ по мѣрѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и усиленія хлѣбнаго экспорта, такъ и для русской промышленности главная задача заключается въ развитіи денежнаго хозяйства среди обширной массы русскаго крестьянства. Этимъ путемъ русскій капитализмъ завербуетъ себѣ милліоны потребителей и пріобрѣтетъ себѣ широкій базисъ.

Эта тѣсная связь интересовъ промышленнаго и аграрнаго развитія къ удивленію рѣдко затрагивается литературой и прессой: промышленники и ихъ литературные представители защищаютъ самымъ упорнымъ образомъ свои ближайшіе интересы, которые по мнѣнію ихъ заключаются въ установленіи и развитіи запретительныхъ пошлинъ. Аграрную политику они равнодушно предоставляютъ теоретикамъ, потому де, что на ней можно строить разные воздушные замки, но не получишь дивидендовъ. Но теоретики блуждаютъ въ туманѣ соціализма общиннаго землевладѣнія, который скрываетъ отъ ихъ глазъ высокія трубы московскихъ фабрикъ. Къ несчастью, вслѣдствіе этого, сельское хозяйство терпитъ ущербъ своимъ реальнымъ интересамъ; но при этомъ практики индустріализма слишкомъ часто забываютъ, что въ Россіи благосостояніе какъ промышленности такъ

[1]) *Радцигъ*, стр. 54—56.

и казны въ концѣ концовъ зависитъ отъ платежной способности сельского населенія.

Зависимость промышленности отъ положенія сельского хозяйства сказывается, напримѣръ, въ томъ, что исходъ Нижегородской ярмарки, а съ этимъ и опредѣленіе состоянія промышленности, зависятъ отъ урожая даннаго года [1]), который уже возможно бываетъ опредѣлить ко времени ярмарки. Этотъ параллелизмъ особенно легко прослѣдить по цифрамъ урожая хлѣбовъ и хлопчатобумажнаго производства [2]).

Русскій народъ—это именно русскій крестьянинъ, а крестьянинъ причастенъ къ денежному хозяйству лишь постольку, поскольку онъ продаетъ часть своей жатвы ради уплаты податей. Постоянныя недоимки позволяютъ сдѣлать заключеніе о томъ, какъ мало у мужика денегъ для иного употребленія. Вотъ почему потребленіе промышленныхъ продуктовъ въ Россіи крайне ничтожно. Потребленіе желѣза, по словамъ проф. Исаева, равнялось въ Россіи въ послѣднее время 45 фунтамъ на человѣка, между тѣмъ какъ въ Германіи оно равняется 220 ф., въ Англіи, Бельгіи и Соединенныхъ Штатахъ 280 ф. [3]). По Николаю —ону, общее потребленіе производимыхъ промышленностью товаровъ, включая сюда туземные и ввозимые продукты, даже понизилось въ десятилѣтіе 1880—1890 г.г., т. е. именно въ періодъ таможенно-охранительныхъ успѣховъ восьмидесятыхъ годовъ, съ 18 на 17 р. на душу [4]). Хотя я не считаю эти цифры безспорными, все же однако съ помощью ихъ можно установить, что потребленіе продуктовъ промышленности развивается въ Россіи медленно; расширеніе его составляетъ главный интересъ промышленности.

Но деревенскій обыватель будетъ покупать больше только въ томъ случаѣ, если онъ самъ будетъ въ состояніи продавать больше. Но кому же ему сбывать свои продукты? Было бы отлично отвѣчать на это вмѣстѣ съ Менделѣевымъ, что покупателями деревенскихъ продуктовъ явятся городскіе потребители, которые будутъ созданы посредствомъ охранительныхъ пошлинъ. Хронологическій порядокъ скорѣе таковъ: на первой очереди рынокъ сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а затѣмъ промышленность и въ заключеніе потребители продуктовъ промышленности. Иными

---

[1]) Относительно этого согласенъ со многими другими авторами и *Гарелинъ*. Городъ Иваново-Вознесенскъ. Шуя, 1884 г., II, стр. 29.

[2]) *Николай —онъ*, стр. 179.

[3]) *Issajeff*. Zur Politik des russischen Finanzministeriums. Stuttgart, 1898, S. 15. 1 русскій фунтъ = 409 граммамъ.

[4]) *Николай—онъ*, стр. 37, 239, 286, 316.

словами въ Россіи „деньги въ страну приноситъ“ сельское хозяйство, оно дѣлаетъ благопріятнымъ для страны платежный балансъ и поднимаетъ благосостояніе и покупательную силу народа. Никакія высокія промышленныя пошлины не въ состояніи упразднить господство натуральнаго хозяйства во всей аграрной области окружающей промышленность. Промышленность расцвѣла не при запретительной системѣ Николая I, но послѣ того, какъ реформы Александра II вызвали вывозъ продуктовъ сельского хозяйства. Успѣхи денежнаго хозяйства въ странѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и развитіе промышленности и впредь будутъ зависѣть прежде всего отъ продажи въ Европѣ сельскохозяйственныхъ и лѣсныхъ продуктовъ, минеральныхъ матеріаловъ и т. п. предметовъ; особенно же отъ возрастанія плотности населенія и повышенія благосостоянія въ той изъ сосѣднихъ странъ, которая въ хозяйственномъ отношеніи всего важнѣе для Россіи, именно въ Германіи.

Денежное хозяйство разрушаетъ къ тому же общинное землевладѣніе, которое въ силу увѣковѣчиваемаго имъ „равенства нищеты“, препятствуетъ сбыту промышленныхъ продуктовъ. Интересы промышленности требуютъ развитія зажиточныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, платящихъ исправно налоги и покупающихъ продукты промышленности.

Итакъ, реакціонная аграрная политика противорѣчитъ болѣе глубоко понимаемымъ интересамъ русской промышленности; также мало утѣшительнаго сулитъ ей осуществленіе обширныхъ политическихъ замысловъ ея націоналистическихъ друзей, несмотря даже на нѣкоторую ловкость, неоднократно проявленную Москвою на азіятскихъ рынкахъ сбыта [1]).

Недавно пріобрѣтенные азіятскіе рынки можно будетъ вывести изъ состоянія натуральнаго хозяйства лишь постепено. Это, напр., справедливо для западныхъ частей Китая, для Манджуріи, Закаспійской области и Сѣверной Персіи. Русская пресса единодушно свидѣтельствуетъ о царящей въ этихъ странахъ бѣдности, несмотря на то, что къ нимъ примѣняется болѣе снисходительный масштабъ, чѣмъ принятый въ Западной Европѣ. Бѣдность сопутствуетъ отсталой культурѣ. На югѣ вырисовываются правда болѣе богатые рынки, но еще не мало воды убѣжитъ въ Индѣ и Гангѣ, прежде чѣмъ казаки напоятъ въ нихъ своихъ коней и установятъ вдоль нихъ таможенные кордоны для вящаго процвѣтанія московскихъ ситцевъ. Вмѣсто того, чтобы цѣпляться за эти невѣрные и фантастическіе планы, русской промышлен-

[1]) Такъ, напр., оффиціальный „Вѣстникъ Финансовъ“ въ № отъ 11 ноября 1894 г. порицаетъ „полную неподвижность и спячку московскаго купечества“. Въ этомъ отношеніи Польша опять-таки болѣе энергична. См. *Люксембургъ*, русск. пер., стр. 92—95.

ности выгоднѣе, вѣрнѣе это единственный возможный для нея путь—развивать и холить денежное хозяйство на своемъ отечественномъ рынкѣ. Даже небольшіе успѣхи въ этомъ направленіи дѣлаютъ возможнымъ при громадныхъ размѣрахъ внутренняго рынка колоссальное производство промышленныхъ продуктовъ.

Но если главный интересъ русской промышленности заключается въ поднятіи покупательной силы русскаго народа, затѣмъ въ усиленномъ и въ возможно болѣе выгодномъ вывозѣ сельско-хозяйственныхъ и т. п. продуктовъ, то изъ этого ясно вытекаетъ, что она не можетъ желать дальнѣйшаго обостренія таможенно-охранительнаго движенія на материкѣ Западной Европы, такъ какъ охранительные пошлины являются тамъ прежде всего аграрными пошлинами. Но Россіи тѣмъ важнѣе поухаживать за европейскимъ рынкомъ, что, вопреки всѣмъ затрудненіямъ, въ воздухѣ пахнетъ планомъ созданія торгово-политической „Великой Британіи“ (Greater Britain), а это въ переводѣ на практическій языкъ означаетъ вытѣсненіе русскаго хлѣба индійскимъ, канадскимъ, а можетъ быть, даже и американскимъ хлѣбомъ. Но если Россія желаетъ, чтобы протекціонистское развитіе замерло въ Европѣ, то этой цѣли она очевидно можетъ достигнуть лишь уступками въ области собственныхъ промышленныхъ пошлинъ. Само собой понятно, что развитіе отечественной крупной промышленности, составляющее цѣль русскаго финансоваго управленія, не должно пострадать отъ этого.

При разрѣшеніи этой дилеммы на помощь является излюбленная меркантилизмомъ мысль о международномъ раздѣленіи труда, на что уже имѣются намеки въ русско-германскомъ торговомъ договорѣ. Русская хлопчатобумажная промышленность вмѣстѣ съ другими крѣпкими и удовлетворяющими массовымъ потребностямъ отраслями русской крупной промышленности имѣютъ, конечно, намѣреніе и, что гораздо важнѣе, обладаютъ силой оградить отъ покушеній свои охранительныя пошлины. Поэтому этимъ отраслямъ совсѣмъ невыгодны столь же высокія пошлины для другихъ, часто едва только народившихся, слабо развитыхъ пока отраслей промышленности. Въ ихъ интересахъ скорѣе пожертвовать послѣдними, если благодаря этому деревенское населеніе окажется въ состояніи продавать свой хлѣбъ съ большею выгодой и на вырученныя деньги покупать больше хлопчатобумажныхъ тканей. Поэтому нѣкоторое пониженіе пошлинъ, напр., на машины, красильныя вещества, коксъ, представляютъ для главнѣйшихъ вѣтвей русской промышленности непосредственную выгоду.

IV. Желѣзодѣлательная промышленность.

Въ январѣ 1898 г. истекъ двѣнадцатилѣтній срокъ, въ теченіи котораго русское правительство обѣщало не понижать пошлинъ на желѣзо. Такъ какъ результатомъ такого обѣщанія явился обильный притокъ иностранныхъ капиталовъ къ русской желѣзодѣлательной промышленности, то при переговорахъ по поводу заключенія торговаго договора съ Германіей о пониженіи пошлинъ на желѣзо не было и рѣчи. Напротивъ въ настоящее время пресса и общественное мнѣніе въ Россіи на ряду съ реформой денежнаго обращенія ни однимъ изъ народно-хозяйственныхъ вопросовъ не занимается болѣе, чѣмъ вопросомъ о томъ, соотвѣтствуютъ ли высокія почти запретительныя пошлины на желѣзо интересамъ русскаго народнаго хозяйства или же необходимо понизить ихъ въ цѣляхъ болѣе разумнаго и полезнаго для Россіи международнаго раздѣленія труда? Само собой понятно, что отвѣты на эти вопросы даются не съ точки зрѣнія теоріи свободы торговли, а на почвѣ отдѣльныхъ практическихъ разслѣдованій различныхъ сторонъ дѣла. Я отнюдь не намѣреваюсь отвѣчать въ дальнѣйшемъ изложеніи на этотъ спорный и запутанный вопросъ, тѣмъ болѣе, что именно въ отношеніи этого пункта я въ качествѣ нѣмца легче всего могу подвергнуться подозрѣнію въ партійности. Но такъ какъ я не могу въ этихъ очеркахъ обойти совершеннымъ молчаніемъ столь важную область, какою является желѣзодѣлательная промышленность, и такъ какъ именно по этому вопросу я могу опереться на цѣлый рядъ устныхъ и письменныхъ сообщеній русскихъ желѣзопромышленниковъ, то я рѣшаюсь привести ниже нѣкоторыя данныя, по поводу которыхъ не можетъ возникнуть никакихъ разногласій.

Цѣны на желѣзо и желѣзныя издѣлія стоятъ въ Россіи выше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ на всемъ земномъ шарѣ. При этомъ Россія страдаетъ въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо отъ „желѣзнаго голода“. Это обстоятельство подтверждается возрастаніемъ ввоза желѣза вопреки необыкновенно высокимъ пошлинамъ. Изъ „Обзора внѣшней торговли Россіи за 1896 г.“ видно, что ввозъ металловъ удвоился за дѣсятилѣтіе 1886—1896 г.г., а по цѣнѣ ввозъ увеличился даже въ два съ половиною раза.

Въ частности слѣдуетъ замѣтить, что ввозъ чугуна сократился въ 1896 г. на одну треть по сравненію съ среднимъ количествомъ, ввозившимся въ 1886—1890 г.г., между тѣмъ какъ ввозъ желѣза возросъ въ $3^1/_2$, а стали въ 6 разъ. Ввозъ издѣлій изъ металловъ, по сравненію со средней цифрой для 1886—1890 гг., въ 1896 г. устроился, ввозъ машинъ возросъ въ четыре раза (ввозились главнымъ образомъ паровыя машины, затѣмъ сельско-

хозяйственныя и т. д.). Возрастаніе ввоза тѣмъ замѣчательнѣе, что, согласно разъясненіямъ таможеннаго вѣдомства, пошлина на ввозимые металлы взимается въ размѣрѣ 39% ихъ стоимости.

Въ интересахъ своего сельскаго хозяйства, въ интересахъ вывоза, а стало быть и въ интересахъ торговаго баланса и денежнаго курса, въ интересахъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ интересахъ своей боевой готовности, Россія не въ состояніи долго выносить подобнаго вздорожанія желѣза. Никто не оспариваетъ необходимости въ ближайшемъ будущемъ колоссальнаго возрастанія потребленія желѣза. Потребленіе его представляетъ лучшее мѣрило производительности человѣческаго труда, сочетаніе его съ замыслами техники. Но пока потребленіе желѣза въ Россіи крайне ничтожно; въ 1897 г. оно равнялось всего только 1,3 пуда на человѣка, между тѣмъ какъ въ Америкѣ оно равняется 8,4, въ Англіи 6,6, въ Германіи 6,5 пуда. Чтобы догнать въ отношеніи потребленія желѣза хотя бы только Францію, гдѣ на душу приходиться 3,9 пуда желѣза, Россіи пришлось бы, оставляя въ сторонѣ ввозъ изъ заграницы, повысить годичное производство желѣза у себя дома съ 114 мил. пудовъ до 495 милліоновъ [1]). И вотъ возникаетъ основной вопросъ: можно ли надѣяться, въ ближайшемъ будущемъ на такое повышеніе внутренняго производства желѣза и на такое пониженіе его цѣнъ въ силу конкурренціи внутри страны, чтобы оказалось возможнымъ довести потребленіе его до указаннаго выше размѣра? [2]).

Тѣ, кто отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, ссылаются на положительно изумительный ростъ русской желѣзодѣлательной промышленности за послѣдніе годы [3]).

Годы.	Производство чугуна въ Россіи	Вывозъ желѣза	Ввозъ желѣза	Потребленіе общее	Потребленіе на человѣка
	въ 1000 пудовъ				въ фунтахъ.
1824	8,525	1,807	153	6,871	4
1850	13,892	1,137	396	13,151	8
1870	21,932	770	34,000	55,562	25
1890	56,560	626	26,358	82,292	27
1895	88,785	—	47,602	136,387	45
1897	113,982	1,730	52,870	165,122	52

[1]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., ноябрь, стр. 24.

[2]) Такого мнѣнія держится „Русское Экономическое Обозрѣніе“ (1898 г., январь, стр. 145): „мы наканунѣ *почти* этого пониженія“. Къ этому же мнѣнію склоняется въ письмѣ ко мнѣ извѣстный академикъ *И. И. Янжулъ*, на котораго я часто ссылался.

[3]) Нижеприведенныя цифры заимствованы у *Raffalowich*'а. Marché financier 1896—97, p. 381 и изъ журнала „Русск. Экономич. Обозрѣніе“, 1898 г., ноябрь, стр. 23.

Въ 1897 г. въ Россіи возникло восемнадцать новыхъ предпріятій для добычи желѣза съ общимъ капиталомъ свыше 90 милл. марокъ [1]). Подводя итоги этимъ успѣхамъ, американскій генеральный консулъ въ Петербургѣ говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1898 г.: „Быстрый и постоянный ростъ желѣзодѣлательной промышленности въ Россіи вызываетъ невольное удивленіе и интересъ во всѣхъ странахъ Европы. Десять лѣтъ назадъ Россія занимала седьмое мѣсто между государствами производящими желѣзо, нынѣ же достигла пятаго, и ея добыча этого металла въ 1897 году превзошла Австро-Венгрію и Бельгію... Въ продолженіи 10 лѣтъ Россія утроила свое производство“ [2]). Сторонники существующей системы особенно указываютъ на то, что правительству, являющемуся главнымъ потребителемъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ, удалось недавно угрозой закупки рельсовъ заграницей понизить цѣны на нихъ съ 2 р. на 1 р. 10 к. съ пуда [3]). Противники господствующей системы высокихъ охранительныхъ пошлинъ указываютъ съ своей стороны, что упомянутое выше мѣропріятіе представляетъ въ сущности нарушеніе таможенной системы, которое не по силамъ частнымъ лицамъ. Для послѣднихъ, особенно для потребителей подѣлочнаго и сортового желѣза, русскія цѣны слагаются изъ международныхъ цѣнъ съ надбавкой пошлины. „Такъ, напр., чугунъ иностраннаго привоза обходился въ іюлѣ этого года (1898) въ Петербургѣ 88—102 коп. пудъ, а русскій стоилъ 90,5—108 коп.; иными словами, за вычетомъ 45 коп. кред. пошлины съ пуда, иностранцы получали за свой чугунъ только 45,5—63 коп. (включая сюда и плату за провозъ), находя и эту цѣну для себя выгодной, между тѣмъ, какъ наши желѣзопромышленники, оградившись китайской стѣной таможенныхъ пошлинъ все еще продолжаютъ жаловаться на плохія дѣла, если капиталъ не удваивается у нихъ въ два-три года“ [4]).

Возраженіе противъ нынѣшнихъ высокихъ пошлинъ на желѣзо теоретически можетъ быть обосновано слѣдующимъ образомъ. Мысль Фридриха Листа, будто бы конкурренція внутри страны принуждаетъ удешевлять издержки производства, оказалась во многихъ случаяхъ ошибочной: явныя или тайныя соглашенія относительно цѣнъ и ограниченія производства устанавливаются на замкнутомъ рынкѣ легче, чѣмъ на ничѣмъ неограниченной

[1]) Донесеніе англійскаго консула въ Варшавѣ 1897—98 г.г., стр. 33. Относительно быстраго увеличенія числа акціонерныхъ предпріятій въ металлургической промышленности вообще см. „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., ноябрь, стр. 4.

[2]) См. статью *Янжула* въ „Недѣлѣ“, въ № 52 отъ 25 декабря 1898 г.

[3]) *Raffalowich.* Marché financier 1897—98, S. 378.

[4]) См. интересную статью въ „Варшавскомъ Дневникѣ“, въ № 347 отъ 23 дек. 1898 г.

аренѣ международнаго соперничества. Но возможность такихъ соглашеній особенно облегчена тамъ, гдѣ дѣло касается естественныхъ произведеній, количество которыхъ ограничено по сравненію съ тѣмъ, на какое предъявляетъ спросъ потребленіе.

Такимъ образомъ возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: допускаютъ ли геологическія и хозяйственныя условія Россіи надежду на вѣроятное увеличеніе производства желѣза въ ближайшемъ будущемъ въ такой мѣрѣ, чтобы предложеніе удовлетворяло или даже превосходило превышавшій его до сего времени спросъ?

Обратимся же къ отдѣльнымъ горнопромышленнымъ округамъ Россіи [1]), предпославъ нашему обзору слѣдующія статистическія данныя:

Выплавка чугуна въ 1000 пудовъ.

	1886 г.	1890 г.	1896 г.
Всего	32,484	56,560	98,414
Сибирь	226	279	539
Финляндія	906	1,348	1,271
Центральная Россія	3,992	5,754	8,239
Польша и Сѣв.-Зап. Россіи	2,832	7,424	13,419
Уралъ	21,258	13,418	39,169

Само собой понятно, что *Азіатская Россія*, раскинувшаяся по необъятному пространству скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ богатыя залежи желѣза и угля. Однако сбытъ и пути сообщенія еще не развиты въ большей части *Сибири*; поэтому еще долгое время изъ всѣхъ отраслей горнаго дѣла тамъ будетъ имѣть серьезное значеніе лишь добыча благородныхъ металловъ. Въ весьма благопріятномъ для транспорта положеніи находятся залегающія въ сосѣдствѣ моря угольныя богатства острова *Сахалина*. Но будущее

[1]) Данныя о русскихъ рудникахъ и русскомъ горномъ дѣлѣ можно найти въ „Zeitschrift für praktische Geologie". Verlag von J. Springer, Berlin, причемъ большое вниманіе обращено тамъ на иностранную литературу, см. 1893—S. 32, 54, 57, 148, 229; 1894—S. 93, 100, 225, 427; 1895—S. 219; 1896—S. 271; 1897—S. 32, 177. Далѣе я нашелъ цѣнные матеріалы въ напечатанномъ частью на русскомъ, частью на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ „Annuaire géologique", а также въ неоднократно уже цитированномъ журналѣ „Русское Экономическое Обозрѣніе", изданіе русскаго Министерства Финансовъ, особенно въ книгахъ за іюнь и августъ 1897 г. и январь, апрѣль, августъ 1898 г., тамъ же обильныя указанія литературы. Далѣе я отсылаю читателей къ издаваемой въ Люттихѣ „Revue universelle des Mines", именно къ статьямъ — *Michel Levitzki*. Bergbau im südlichen Russland, 1896, S. 91—122; тамъ же *Paul Trasenter* 34, S. 1—53, 172—230 и *Arthur Monsen* 37, S. 159—204, 227—289. См. также очень интересныя статистическія данныя въ „Bulletin Russe" 1898, № 4—6, 246, № 10—12, 772.

развитіе этихъ копей вѣроятно ограничивается снабженіемъ углемъ военныхъ и торговыхъ судовъ и можетъ быть вывозомъ его въ порты Японіи и Манчжуріи. Чрезвычайно богаты углемъ и металлами *Киргизскія степи*, необозримыя равнины, которыя соединяютъ Сибирь съ Туранской низменностью. „Центральная часть этой области отстоитъ на 900—1000 километровъ какъ отъ проложенной на сѣверѣ отъ нея Сибирской желѣзной дороги, такъ и на югъ отъ Закаспійской дороги, кончающейся въ Ташкентѣ и Коканѣ; въ степяхъ полное бездорожье, они бѣдны водой и почти безлюдны, рѣчныхъ сообщеній нѣтъ, и лѣтомъ въ нихъ царитъ жара, а зимой стужа съ снѣжными буранами“ [1]). Такимъ образомъ разработка этихъ естественныхъ богатствъ отодвигается въ отдаленное будущее и находится въ зависимости отъ будущей потребности въ желѣзѣ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ (Самаркандъ-Томскъ).

Отличается своими богатствами область *Алтая* издавна причисленная къ владѣніямъ Кабинета Его Величества. Алтай обладаетъ нѣсколькими заводами, соединенъ судоходными рѣками съ западной наиболѣе колонизованной половиной Сибири, обладаетъ благопріятнымъ климатомъ и славится своей золотопромышленностью. Кузнецкія каменноугольныя залежи Алтая Кеппенъ считаетъ „едва ли не самыми обширными изъ всѣхъ извѣстныхъ“; площадь ихъ почти столь же велика какъ общая площадь всѣхъ европейскихъ залежей, причемъ мощность пластовъ достигаетъ нѣсколькихъ метровъ. Годность этого угля для переработки въ коксъ установлена опытомъ на Гурьевскомъ Его Величества заводѣ. Залежи магнитнаго желѣзняка и другихъ желѣзныхъ рудъ являются залогомъ будущаго развитія желѣзной промышленности. Но и здѣсь хозяйственныя условія пока таковы, что это развитіе можетъ пойти лишь постепенно. Развитіе этой области составляетъ по словамъ оффиціознаго „Русскаго Экономическаго Обозрѣнія“ „вопросъ ближайшаго времени“ [2]), тѣмъ не менѣе врядъ ли можно сомнѣваться, что его обгонитъ быстро возростающая потребность Сибири въ желѣзнодорожномъ матеріалѣ, въ машинахъ и сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ.

Итакъ, на практикѣ въ ближайшемъ будущемъ Сибирь будетъ ввозить желѣзо, а не наоборотъ—вывозить его въ Россію. Открытіе этого рынка повлечетъ за собою прежде всего вздорожаніе желѣза.

---

[1]) *Rohrbach.* Erfolge der russischen Wirtschaftspolitik, Deutsche Rundschau 1897, S. 105.

[2]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., ноябрь, стр. 25.

На *Кавказѣ* каменный уголь встрѣчается въ Кутаисской губерніи, но относительно годности его для переработки въ коксъ мнѣнія, насколько мнѣ извѣстно, расходятся. Что касается нахожденія залежей желѣза, то въ этомъ отношеніи нельзя еще сказать ничего рѣшительнаго; довольно значительныя залежи желѣза были недавно обнаружены въ Елизаветпольской губерніи, въ порядочномъ таки разстояніи отъ Кутаиса. Во всякомъ случаѣ на Кавказъ, какъ на производителя желѣза, пока нечего разсчитывать. Но Кавказъ представляетъ въ ближайшемъ будущемъ иныя условія для выгоднаго помѣщенія капитала. Кромѣ нефтепромышленности, превосходящей количествомъ своего продукта американскую, на Кавказѣ развивается добыча марганцевой руды, кавказскія залежи которой оказываются богатѣйшими въ свѣтѣ. Этотъ важный вспомогательный матеріалъ желѣзодѣлательной промышленности въ значительномъ и все возрастающемъ количествѣ вывозится чрезъ Батумъ, между прочимъ и въ южно-русскую металлургическую область. Но главными областями сбыта этого продукта являются все таки Германія, Англія и Сѣверная Америка; въ эти страны въ 1897 г. было вывезено: въ первую 70,870, во вторую 68,650 и въ третью 42,200 тоннъ [1]).

Обширныя равнины *Средней Россіи* не заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ годнаго для желѣзодѣлательныхъ заводовъ угля. Запасы древеснаго топлива слишкомъ невелики, и цѣны на дрова настолько высоки, что это топливо не можетъ идти въ счетъ по отношенію къ желѣзодѣлательной промышленности.

Зато обнаруженныя недавно въ Средней Россіи залежи желѣза, эксплоатація которыхъ возможна при помощи южно-русскаго угля, получаютъ все болѣе и болѣе растущее практическое значеніе. Вотъ что мнѣ пишетъ по этому поводу одинъ желѣзозаводчикъ, работающій въ различныхъ горнопромышленныхъ округахъ: „Тульская руда уже давно играетъ немаловажную роль. Потребность въ рудѣ тульскихъ и калужскихъ доменныхъ печей, требующихъ до пяти милліоновъ пудовъ ежегодно, удовлетворяется рудою изъ тульскихъ же залежей. Въ настоящій моментъ „Общество Волжскихъ сталелитейныхъ заводовъ“ приступаетъ къ выработкѣ залежей желѣза по Волгѣ, заключающихъ въ себѣ 200 милліоновъ пудовъ руды; къ выработкѣ залежи сферосидерита близъ г. Кромъ Орловской губерніи, заключающей до семнадцати милліоновъ пудовъ руды, намѣревается приступить вновь возникшая бельгійская компанія „Орловскихъ доменныхъ печей“ („Société des

[1]) Донесеніе англійскаго консула въ Батумѣ, апрѣль 1898 г., стр. 8.

Hauts Fourneaux d'Orel"). Странныя магнитныя аномаліи въ предѣлахъ Курской губерніи заставляютъ подозрѣвать, что и тамъ возникнетъ въ скоромъ времени разработка желѣзныхъ рудъ" [1]).

Теперь обратимся къ тремъ важнѣйшимъ районамъ желѣзодѣлательной промышленности, въ которыхъ выработка желѣза распредѣлялась въ 1895 г. слѣдующимъ образомъ [2]):

	Чугуна. %	Желѣза. %	Стали. %	Угля. %
Уралъ	36	36	7,7	2,9
Донецкій бассейнъ .	40	6	42,0	54,0
Польша	14	14	23,0	40,0

Польша обладаетъ чрезвычайно богатыми залежами каменнаго угля, въ изобиліи снабжающими минеральнымъ топливомъ ея фабрики и желѣзныя дороги. Въ 1895 г. въ Польшѣ было добыто 40% всего количества угля, добываемаго въ Россіи. Однако польскій уголь почти не годенъ для выработки кокса, вслѣдствіе чего польская желѣзодѣлательная промышленность принуждена пользоваться силезскимъ углемъ. Доставка въ Польшу южнорусскаго кокса оказалась бы возможной лишь при значительномъ пониженіи желѣзнодорожнаго тарифа; повышеніе пошлины на коксъ нанесло бы смертельный ударъ условіямъ самаго существованія польской желѣзной промышленности.

Желѣзныя руды находятся въ Польшѣ въ изобиліи, но онѣ неважнаго качества, вслѣдствіе чего необходимый для промышленности чугунъ доставлялся прежде изъ Германіи, а теперь доставляется отчасти изъ Южной Россіи. Разстояніе отъ польскихъ заводовъ до южно-русскихъ рудниковъ достигаетъ въ среднемъ 1,300 верстъ. Многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о возрастаніи спроса въ Польшѣ на южно-русскую желѣзную руду, можно найти въ органѣ Министерства Финансовъ — „Вѣстникѣ Финансовъ" [2]).

Въ силу всего сказаннаго мы считаемъ себя пожалуй въ правѣ утверждать, что желѣзодѣлательная промышленность Польши обязана своимъ значеніемъ въ общемъ строѣ русскаго народнаго хозяйства нестолько естественнымъ основамъ, на которыхъ она покоится, сколько тѣмъ хозяйственнымъ преимуществамъ въ отношеніи труда и капитала, съ которыми мы уже познакомились выше на примѣрѣ хлопчатобумажной промышленности.

---

[1]) [Эти ожиданія, какъ извѣстно, до сихъ поръ не оправдались.] *Пр. ред.*

[2]) Цифры заимствованы изъ выше цит. сочиненія *Люксембурга*, русскій пер., стр. 34

[3]) Напр. въ № отъ 5 января 1896 г.

Польская желѣзодѣлательная промышленность зависитъ отъ подвоза руды и угля.

Стариннымъ гнѣздомъ русской желѣзодѣлательной промышленности является *Уралъ*. Залежи желѣзной руды превосходнаго качества въ Южномъ Уралѣ неисчерпаемы. Къ сожалѣнію уральская горнозаводская область страдаетъ разными недостатками, частью историческаго, частью естественнаго характера, которые мы должны вкратцѣ разсмотрѣть.

а) Прежде всего Уралъ пораженъ язвою недавно еще господствовавшей здѣсь крѣпостной зависимости, когда и были основаны главные заводы его. Слѣдствіемъ этого является невѣроятно малая производительность труда на Уралѣ; такъ, напр., въ 1893 г. на Уралѣ было добыто (въ 1000 пудовъ)

чугуна:	желѣза:	стали:
30,919	17,109	4,546

По словамъ Радцига это количество продукта потребовало бы въ Бельгіи 11,165 рабочихъ, въ Южной Россіи вдвое больше; на Уралѣ же для производства этого количества продукта потребовалось участіе 142,486 рабочихъ [1]).

Вѣроятно и здѣсь повторяется неоднократно отмѣченное выше явленіе: издержки на трудъ на единицу продукта вопреки низкому недѣльному заработку на Уралѣ выше, чѣмъ въ Южной Россіи и Польшѣ, и во всякомъ случаю выше, чѣмъ въ Западной Европѣ и Америкѣ.

Въ тѣсной зависимости съ этимъ находится отсталая техника. Такъ, напр., на Уралѣ весьма медленно переходили къ сооруженію воздухо-калильныхъ аппаратовъ, отапливаемыхъ выходящими изъ домны газами. Еще въ 1893 г. изъ общаго числа 113 доменныхъ печей на Уралѣ 39 работало холоднымъ воздухомъ [2]).

Далѣе, заводы были основаны въ эпоху, когда единственной механической двигательной силой являлась сила воды. Поэтому, заводы раскинулись по горнымъ долинамъ, нерѣдко въ значительномъ удаленіи отъ мѣста добычи руды, откуда и приходится подвозить послѣднюю къ заводамъ гужомъ съ большой затратой человѣческаго труда. Водные пути сообщенія долгое время являлись единственнымъ средствомъ для транспорта продуктовъ Уральскихъ заводовъ. Въ настоящее время, послѣ открытія желѣзной дороги отъ Екатеринбурга на Челябинскъ, значительная часть продукта доставляется по ней. Несмотря на это, многіе заводы до сихъ поръ отрѣзаны отъ своихъ рын-

[1]) *Радцигъ*, стр. 50. [У Ш.—Г. въ нѣм. оригиналѣ цифры не совпадаютъ съ цифрами цит. автора, поэтому мы возстановили здѣсь точныя цифры г. Радцига. *Пр. ред.*]

[2]) *Радцигъ*, стр. 49.

ковъ въ теченіе долгой зимы, господствующей подъ этими сѣверными широтами. Въ засушливыя лѣта суда и плоты нерѣдко застрѣваютъ на меляхъ. Бываетъ, что сплава продуктовъ приходится дожидаться двѣ зимы и одно лѣто. Послѣдствіемъ этого является крайне медленный оборотъ затраченнаго капитала, который оборачивается въ Южной Россіи и Польшѣ примѣрно въ шесть разъ быстрѣе, чѣмъ на Уралѣ. Поэтому эксплуатація завода на Уралѣ обходиться дороже, чѣмъ въ Южной Россіи и въ Польшѣ. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняетъ основаніе на Уралѣ крупныхъ заводовъ—для этого потребовались бы гигантскіе капиталы. Такимъ образомъ на Уралѣ остаются сравнительно небольшіе заводы. Вотъ почему издержки производства на Уралѣ выше, чѣмъ въ другихъ районахъ желѣзодѣлательной промышленности; этимъ главнымъ образомъ и оправдывается нынѣшняя высокая пошлина на чугунъ въ 45 коп. съ пуда.

Вышеописанныя отрицательныя стороны Уральской желѣзодѣлательной промышленности возникли исторически, а потому и устраненіе ихъ является дѣломъ времени. Несомнѣнно многое можетъ здѣсь измѣнить сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, которыя облегчили бы подвозъ сырья и сбытъ продуктовъ. Но это дѣло связано съ разными затрудненіями, преодолѣть которыя возможно не сразу.

Заводы лежатъ въ глубинѣ долинъ, поэтому оказывается невозможнымъ провести желѣзнодорожную линію такъ, чтобы она коснулась большинства ихъ, между тѣмъ какъ для устройства собственныхъ подъѣздныхъ путей у заводовъ не хватило бы капиталовъ. Замѣчательно, что до сихъ поръ ни одно частное общество не испросило у правительства концессіи на сооруженіе мелкихъ желѣзнодорожныхъ путей на Уралѣ, между тѣмъ какъ вообще въ Россіи подобные проекты буквально сыпяться въ настоящее время градомъ [1]).

Но еслибы даже и осуществился много разъ обсуждавшійся проектъ Уральской желѣзной дороги [2]), и Уралъ оказался бы соединеннымъ съ общей желѣзнодорожной сѣтью Россіи, то и въ такомъ случаѣ разстояніе до западныхъ областей сбыта было бы все еще слишкомъ велико. Лишь подъемъ народнаго хозяйства въ Сибири могъ бы поставить Уралъ въ болѣе выгодное положеніе въ смыслѣ сбыта продуктовъ какъ по отношенію къ отечественной, такъ и по отношенію къ заграничной конкурренціи.

---

[1]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., май, стр. 107.

[2]) [Съ открытіемъ движенія въ 1898 г. на участкѣ Екатеринбургъ—Челябинскъ, Уральская магистраль соединена съ общей сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ; Уральская дорога захватываетъ значительную часть крупныхъ заводовъ]. *Прим. ред.*

Да, вѣроятно, и дѣятельное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ будетъ отложено на тотъ срокъ, пока пошлины на желѣзо даютъ жить даже совершенно отсталымъ въ техническомъ отношеніи заводамъ. На дѣлѣ найдется еще немало такихъ заводовъ, которые даже теперь, при пошлинѣ въ 45 коп. съ пуда чугуна, еле-еле держатся, затрачивая 43 коп. на выработку пуда чугуна, продаваемаго въ Англіи по 17—20 копѣекъ (включая сюда и предпринимательскую прибыль) [1]). Умѣренное пониженіе пошлины смело бы съ лица земли такія предпріятія, эти живые памятники крѣпостного строя, увѣковѣчивающіе растрату труда и техническій застой добраго стараго времени. Тѣ же уральскіе заводы, которые послѣдовали указаніямъ времени и уже въ 1889 г. производили чугунъ по 25 копѣекъ за пудъ, перенесли бы пониженную пошлину; можетъ быть даже она побудила бы ихъ возмѣстить потерю въ цѣнѣ расширеніемъ дѣла, увеличеніемъ количества вырабатываемаго продукта, сбереженіемъ труда и прогрессомъ техники. Подобная мѣра вытѣснила бы современемъ уральскіе заводы изъ излюбленныхъ ими закоулковъ среди горъ и сконцентрировала бы ихъ вблизи желѣзнодорожныхъ станцій.

b) Но развитіе уральской желѣзодѣлательной промышленности замедляется не только историческими, а также естественными и, потому труднѣе устранимыми, неблаго пріятными условіями. Такъ, одной изъ причинъ неудобнаго расположенія заводовъ на Уралѣ является отчасти гнѣздообразныя, разсѣянныя тамъ и здѣсь залежи руды.

Еще неблагопріятнѣе то обстоятельство, что желѣзодѣлательная промышленность на Уралѣ принуждена работать на древесномъ топливѣ. Хотя на Уралѣ встрѣчаются залежи каменнаго угля по обоимъ склонамъ горной системы, однако уголь этотъ средняго качества и мало пригоденъ для заводскаго употребленія [2]). Правда, лѣса на Уралѣ еще весьма обширны, но даже при такомъ лѣсномъ хозяйствѣ, которое не расточаетъ естественныхъ богатствъ, а сберегаетъ ихъ, ежегодный приростъ дерева составляетъ ту границу, за предѣлы которой не можетъ идти расширеніе желѣзодѣлательной промышленности. Но въ то же время это условіе обезпечиваетъ существованіе желѣзодѣлательной промышленности на Уралѣ на вѣчныя времена. Однако вышеуказанное обстоятельство не исключаетъ возможности нѣкото-

---

[1]) *Радцигъ*, стр. 65, 46.

[2]) Guide des Excursions du VII Congrès Géologique International, St. Pétersburg, 1897: „Tous les travaux métallurgiques dans l'Oural du Sud se font, à défaut de combustible minéral, au charbon de bois". См. также Zeitschrift für praktische Geologie 1893, S. 33; „Русское Экономическое Обозрѣніе", 1897 г., августъ, стр. 78.

раго дальнѣйшаго расширенія производства, такъ какъ проведеніе болѣе удовлетворительныхъ дорогъ позволило бы приступить къ эксплоатаціи отдаленныхъ лѣсныхъ дачъ. Но доставка издалека во всякомъ случаѣ удорожаетъ топливо, вслѣдствіе чего возможное расширеніе желѣзодѣлательной промышленности оказывается ограниченнымъ. На дальнѣйшія недостатки мое вниманіе обратилъ своимъ письмомъ одинъ знатокъ горнаго дѣла на Уралѣ: „Доменныя печи, работающія на древесномъ углѣ, не могутъ быть больше извѣстныхъ, довольно ограниченныхъ размѣровъ, такъ какъ древесный уголь при большой высотѣ печи, по своей рыхлости, недостаточно крѣпокъ, прессуется и задерживаетъ токъ вдуваемаго въ домну газа. Поэтому, максимальная выплавка чугуна въ такой работающей на древесномъ углѣ домнѣ не превосходитъ 35 тоннъ въ день“.

Русскіе спеціалисты съ нѣкоторою страстностью разрѣшаютъ теперь вопросъ: „Уралъ или Донецко-Днѣпровскій районъ?“ Одинъ „сторонникъ Урала“ и хорошій знатокъ его, именно Матвѣевъ [1]), думаетъ, что уральское производство можетъ при благопріятныхъ условіяхъ возрасти въ будущемъ вдвое [2]). Но даже этотъ оптимистъ долженъ былъ признать, что сооруженіе грунтовыхъ и желѣзныхъ дорогъ дѣло затяжное и дорого стоющее, что цѣны на дрова даже въ Россіи непрерывно подымаются, и что лѣсные пожары могутъ нарушить расчеты даже самаго экономнаго и цѣлесообразнаго лѣсного хозяйства. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что повышеніе современной производительности уральскихъ заводовъ (дававшихъ въ 1896 г. около 35 милліоновъ пудовъ чугуна) даже въ лучшемъ случаѣ потребуетъ много времени. А между тѣмъ потребленіе желѣза возросло въ Россіи въ 1891—1895 г.г. съ 77 милліоновъ пудовъ на 136 милліоновъ; въ будущемъ надо ожидать новаго удвоенія послѣдней цифры, притомъ въ короткій срокъ, не превышающій нѣсколькихъ лѣтъ. Изъ этого ясно видно, что, при необычайной потребности въ желѣзѣ, современная Россія на желѣзодѣлательную промышленность Урала не можетъ возлагать большихъ надеждъ.

За-то въ качествѣ поставщика желѣзной руды для другихъ горнозаводскихъ округовъ Уралъ въ скоромъ времени пріобрѣтетъ, вѣроятно, большое значеніе—тѣмъ болѣе, что, по общему правилу, богатая содержаніемъ желѣза руда подвозится къ углю, а не наоборотъ. Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ слѣдуетъ ожидать, что въ скоромъ времени каменный

[1]) По этому поводу одинъ работающій на Уралѣ предприниматель пишетъ мнѣ такъ: „считаю недоказаннымъ, пока въ расчетъ принимается древесный уголь“.

[2]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., августъ, стр. 150.

уголь будетъ доставляться изъ Сибири на Уралъ. Однако мнѣ ничего неизвѣстно относительно годности этого угля для переработки въ коксъ.

Полную противоположность Уралу представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ южно-русскій горнозаводскій округъ, такъ называемый *Донецко-Днѣпровскій бассейнъ* [1]).

Уралъ въ теченіе столѣтій представляетъ поле дѣятельности меркантилизма, Южная Россія наоборотъ—область новѣйшей колоніальной промышленности; тамъ предъ нами древнее населеніе, продолжающее существовать при условіяхъ являющихся наслѣдіемъ крѣпостного строя, здѣсь—пестрая толпа рабочихъ элементовъ, явившихся издалека, отчасти привлеченныхъ въ эти безлюдныя степи изъ заграницы магическимъ словомъ *капиталъ*; тамъ медленная работа ограниченнаго туземнаго капитала въ небольшихъ предпріятіяхъ, здѣсь, на почвѣ Новороссіи, иностранный капиталъ словно по мановенію волшебной руки вызвалъ къ жизни перворазрядные крупные заводы со всѣми усовершенствованіями новѣйшей техники; тамъ перевозка грузовъ все еще совершается гужомъ и водой; здѣсь сразу были проложены желѣзныя дороги, которымъ не предшествовало даже сооруженіе грунтовыхъ дорогъ.

Разсмотримъ теперь положеніе желѣзодѣлательной промышленности Донецко-Днѣпровскаго района съ геологической точки зрѣнія.

Бросимъ для этого взглядъ на карту Южной Россіи, омываемой водами Азовскаго моря, и прослѣдимъ на ней теченіе небольшой рѣчки Кальміуса.

На разстояніи 50 верстъ къ сѣверу отъ устья этой рѣки мы наталкиваемся на угленосные пласты известняка. Прослѣживая отсюда въ восточномъ направленіи выступающій на поверхность слой каменнаго угля, мы приходимъ, двигаясь все время почти параллельно морскому берегу, къ мѣсту сліянія Дона съ Донцомъ; направляясь отсюда по теченію Донца,

---

[1]) Въ 1893 г. я объѣхалъ Донецко-Днѣпровскій бассейнъ, причемъ имѣлъ возможность лично получить отъ г. Юза—младшаго множество цѣнныхъ сообщеній. Далѣе я подробно осмотрѣлъ Каменскій желѣзодѣлательный заводъ, гдѣ мнѣ тоже дали много свѣдѣній. Въ томѣ LVI 1886 г. бельгійскихъ консульскихъ отчетовъ („Recueil consulaire“) помѣщено интересное донесеніе бельгійскаго генеральнаго консула для Южной Россіи, инженера *P. Hagemans*, касающееся каменноугольныхъ и желѣзныхъ залежей Донецкаго бассейна; изъ этого донесенія я заимствовалъ для послѣдующаго изложенія цѣнныя данныя по исторіи возникновенія въ этой мѣстности промышленности. Донесеніе это цѣнно еще въ томъ отношеніи, что оно вызвало притокъ бельгійскихъ капиталовъ къ южно-русской желѣзодѣлательной промышленности и тѣмъ способствовало подъему ея въ послѣднее время. Далѣе я отсылаю читателя къ сообщеніямъ *Trasenter'a* и *Monsen* въ „Revue universelle des mines“ 1896 и 1897.

мы достигаемъ города Славянска, отъ котораго, идя по направленію ската земной поверхности, возвращаемся обратно къ нашему исходному пункту. Такимъ образомъ мы очертили весь Донецкій бассейнъ, площадь котораго равняется 2,500,000 десятинъ (2,730,000 гектаровъ), изъ чего видно, что онъ въ 18 разъ обширнѣе бельгійскаго каменноугольнаго бассейна.

Восточная часть занимающая $^2/_3$ общей площади, содержитъ въ себѣ антрацитъ; западная треть содержитъ въ изобиліи превосходный по качеству и годный для переработки въ коксъ, спекающійся уголь, представляющій необходимую основу всякаго доменнаго производства.

Наиболѣе важное значеніе имѣютъ залежи каменнаго угля по верхнему Кальміусу, являющіяся истиннымъ промышленнымъ средоточіемъ всего Донецкаго бассейна. Тамъ раскинулись стале- и желѣзодѣлательные заводы общества „Новороссія“, извѣстные болѣе подъ названіемъ „Незовскихъ“ заводовъ, по имени основателя, строителя и руководителя ихъ.

Уголь этого района представляетъ собою черный, блестящій, жирный уголь, легко растирающійся, легко вспучивающійся при накаливаніи вслѣдствіе выдѣленія газовъ, вслѣдствіе чего онъ доставляетъ превосходный коксъ именно для цѣлей желѣзодѣлательной промышленности. Содержаніе сѣры и количество золы въ большинствѣ случаевъ ничтожно. Пласты угля многочисленны и достигаютъ весьма значительной мощности.

Желѣзныя руды разсѣяны по всему пространству каменноугольнаго бассейна. Однако содержаніе желѣза въ нихъ не превосходитъ 40—50%, и вслѣдствіе значительнаго содержанія фосфора руды эти годны лишь для щелочныхъ способовъ выплавки стали. Мощность отдѣльныхъ залежей сравнительно невелика. „Эти залежи, встрѣчающіяся во многихъ мѣстахъ каменноугольнаго бассейна, залегаютъ обыкновенно въ видѣ покрововъ надъ угленосными солями извѣстняка“ [1]). Пока разработка ихъ незначительна и не особенно успѣшна. Залежи Корсаковой могилы, о которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было много разговоровъ, также неоправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій [2]). Такимъ образомъ положеніе желѣзодѣлательной промышленности Донецкаго бассейна было бы не изъ блестящихъ, если-бы ей предстояло ограничиться только указанными залежами руды.

Но наряду съ этими залежами желѣзной руды Донецкій бассейнъ располагаетъ мѣсторожденіемъ превосходнаго магнитнаго желѣзняка въ *Кривомъ Рогѣ*. Эти замѣчательныя залѣжи находятся на разстояніи около

---

[1]) Zeitschrift für praktische Geologie 1897, S. 183.

[2]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1897 г., августъ, стр. 77.

450 верстъ къ западу отъ каменноугольныхъ шахтъ западной части Донецкаго бассейна, съ которой онѣ въ настоящее время связаны желѣзной дорогой. Залегая на границѣ Херсонской и Екатеринославской губерній, онѣ простираются на площади 800—900 десятинъ, по теченію рѣчки Саксаганъ, впадающей недалеко отъ губернскаго города Херсона въ Ингулецъ, притокъ Днѣпра. Руды Кривого Рога выдаются по своей необыкновенной чистотѣ и очень богаты содержаніемъ желѣза (60—70%).

Историческое развитіе южно-русской желѣзодѣлательной промышленности относится къ самому недавнему прошлому. Хотя минеральныя богатства Донецко-Днѣпровскаго бассейна были извѣстны еще при Петрѣ Великомъ, однако эксплуатація ихъ до самаго послѣдняго времени ограничивалась немногими неудачными попытками. Мѣстность представляла безлюдную казацкую степь.

Знаменитый Ле-Пле (Le-Play), одинъ изъ первыхъ путешественниковъ по Россіи, изслѣдовавшихъ ея народное хозяйство, обслѣдовалъ эту мѣстность по порученію князя Демидова. Онъ описалъ въ своемъ сочиненіи „Voyage dans la Russie Meridionale“ 225 мѣстонахожденій каменнаго угля и 30 залежей желѣзной руды. Не смотря на это, онъ отсовѣтовалъ—и вполнѣ разумно для того времени—закладку шахтъ и заводовъ въ этой мѣстности, въ виду полнаго отсутствія рабочихъ рукъ и путей сообщенія.

Всѣ эти затрудненія были устранены, какъ это имѣло мѣсто и во многихъ другихъ, вначалѣ труднодоступныхъ колоніальныхъ областяхъ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и прежде всего съ сооруженіемъ громадной магистральной линіи Москва — Харьковъ — Севастополь, вызванной событіями Крымской войны; къ этой линіи было уже нетрудно присоединить весь каменноугольный бассейнъ; большое значеніе имѣло затѣмъ проведеніе желѣзной дороги къ морскому порту Маріуполю.

Человѣкъ, превратившій въ дѣйствительность открытыя съ помощью современной желѣзнодорожной техники возможности, былъ англичанинъ Дж. Юзъ, основатель завода „Новороссія“, самаго стараго изъ числа всѣхъ дѣйствующихъ въ настоящее время въ этой мѣстности заводовъ. Одинъ русскій горный инженеръ, г. Зиловъ, имѣвшій по своей должности дѣла съ Юзомъ, справедливо прославляетъ этого человѣка, „сила, терпѣніе и выдержка котораго привели къ тому, что среди голой степи возникъ этотъ промышленный монументъ“.

Весьма характернымъ для современнаго меркантилистическаго промышленнаго грюндерства является заключенный Юзомъ съ русскимъ правительствомъ договоръ.

Возникновеніе общества „Новороссія“ относится къ 17 апрѣля 1860 г. Общество обязалось передъ правительствомъ производить разработку каменноугольныхъ залежей и желѣзныхъ рудъ Донецкаго бассейна, заложить рельсопрокатный и желѣзодѣлательный заводы съ недѣльной выплавкой чугуна не менѣе 100 тоннъ и доставлять изъ вновь открытыхъ копей для нуждъ правительства не менѣе 2,000 тоннъ каменнаго угля. За это правительство обязалось выплачивать обществу въ теченіе 10 лѣтъ премію въ размѣрѣ 50 копѣекъ на каждый пудъ изготовленныхъ рельсъ, причемъ общее количество произведеннаго заводомъ продукта не должно было превосходить 3 милліоновъ пудовъ.

Въ то-же время, Общество было обезпечено на первые годы своего существованія опредѣленными заказами. Оно обязалось поставить министерству путей сообщенія въ теченіе 7 лѣтъ 2,100,000 пудовъ рельсовъ и 70,000 пудовъ гаекъ. Эти подряды были заключены по цѣнѣ 1 р. 38 к. за пудъ рельсовъ и 2 р. за пудъ гаекъ на мѣстѣ, не считая преміи. Далѣе, Общество получило концессію на сооруженіе Константиновка-Маріупольской желѣзной дороги, которая соединяетъ заводы Общества съ обще-русскою сѣтью желѣзныхъ дорогъ и съ моремъ.

Юзъ приступилъ къ сооруженію своихъ заводовъ въ 1870 году. Мѣстомъ закладки ихъ онъ выбралъ участокъ земли, лежащій по берегамъ рѣчки Кальміуса и принадлежащій князю Павлу Ливену. Участокъ этотъ охватываетъ собою пространство въ 150 десятинъ и арендованъ на срокъ въ 90 лѣтъ, причемъ Обществу „Новороссія“ предоставлено исключительное право эксплуатаціи на участкѣ всѣхъ заключающихся въ нѣдрахъ земли богатствъ. Мѣсто это выбрано чрезвычайно удачно для желѣзодѣлательнаго производства, такъ какъ построенные здѣсь заводы оказались въ самомъ центрѣ каменноугольныхъ залежей лучшаго качества, причемъ мощность отдѣльныхъ пластовъ достигала 1—2 метровъ.

Вначалѣ доменныя печи пользовались для выплавки чугуна желѣзными рудами, которыя разрабатываются въ Маріупольскомъ уѣздѣ на разстояніи отъ 25 до 40 верстъ отъ мѣсторасположенія заводовъ. По качеству эти руды, конечно, значительно уступали рудамъ Криворожскаго мѣсторожденія, которыми заводы Юза пользуются въ настоящее время.

Дѣятельность заводовъ началась въ январѣ 1872 г., когда была зажжена первая доменная печь. Ко времени моего посѣщенія работали уже четыре домны, двѣ новыхъ строились. Число рабочихъ во время моего посѣщенія превосходило 6,000 ч., въ настоящее же время оно равняется 8,000. Около заводовъ съ неслыханной быстротой выросъ городъ Юзово.

Вначалѣ заводъ пользовался для производства работъ, требовавшихъ техническихъ знаній и навыка, какъ-то: добыча угля, надзоръ за домнами, пудлингованіе, вальцовка,—услугами англійскихъ рабочихъ. Чернорабочіе же были выписаны изъ сѣверныхъ губерній Россіи (изъ Смоленской и Петербургской), такъ какъ мѣстное населеніе отказывалось отъ найма на всякія заводскія работы вслѣдствіе существовавшаго тогда земельнаго простора. Но оплата труда рабочихъ-англичанъ обходилась въ этой негостепріимной степи чрезвычайно дорого, поэтому число ихъ подвергалось постепенному сокращенію, и около завода были поселены русскіе отхожіе рабочіе, которыхъ съ успѣхомъ стали привлекать затѣмъ къ отправленію всѣхъ сложныхъ работъ.

Однако и сейчасъ неудовлетворительность ихъ труда сказывается весьма замѣтно по сравненію съ качествомъ работы въ Западной Европѣ. „Мужикъ идетъ въ копи прямо отъ сохи и отбиваетъ пластъ какъ попало“, говорилъ мнѣ Юзъ. Высокія цѣны на уголь въ Южной Россіи онъ объяснялъ „дорогой работой“, несмотря на то, что недѣльный заработокъ забойщика стоялъ сравнительно низко (во время моего посѣщенія этихъ городовъ заработокъ этотъ колебался отъ 1 р. до 1 р. 50 к.). Это указаніе послужило для меня доказательствомъ справедливости моего мнѣнія, которое я выше постарался обосновать болѣе точно по отношенію къ другой отрасли промышленности. И все же южные рабочіе качественно далеко превосходятъ уральскихъ горнорабочихъ, что доказывается болѣе высокимъ уровнемъ прибавочнаго продукта, приходящагося на каждаго изъ нихъ. По словамъ Радцига, производительность труда горнорабочихъ Южной Россіи вдвое ниже производительности бельгійскихъ рабочихъ, но примѣрно въ 6 разъ выше производительности уральскихъ горнорабочихъ [1]).

Несмотря на всѣ льготы, предоставленныя со стороны правительства этимъ заводамъ, развитіе южно-русской желѣзодѣлательной промышленности вначалѣ подвигалось впередъ весьма медленными шагами. Въ 1887 г. здѣсь было всего два завода. Съ тѣхъ поръ численность ихъ быстро возросла; въ 1897 г. въ дѣйствіи было уже 14 заводовъ, притомъ перворазрядныхъ заводовъ; на каждомъ изъ нихъ работало нѣсколько тысячъ человѣкъ. Этотъ ростъ промышленности произошелъ благодаря двумъ причинамъ,—одной мѣстнаго, другой общаго происхожденія. Мѣстная причина заключается въ томъ, что въ 1882 г. была сооружена желѣзная дорога связавшая Донецкій каменноугольный бассейнъ съ залежами желѣзной руды въ

---

[1]) *Радцигъ*, стр. 50.

Кривомъ Рогѣ. Однако, наряду съ этимъ, рѣшительный толчекъ развитію южно-русской желѣзодѣлательной промышленности дала общая *торговая политика восьмидесятыхъ годовъ*, которая устранила во второй половинѣ этого десятилѣтія всякую возможность ввоза въ Россію желѣзнодорожныхъ матеріаловъ. Отрицать эту причинную связь могутъ лишь доктринеры.

Особенно тяжело отразилась русская запретительная система на Бельгіи, которая въ 1870 г. ввозила въ Россію продуктовъ на 22 милліона франковъ, а въ 1884 г. сумма ввоза ея была не болѣе 8 милліоновъ франковъ. Бельгія не обладала, подобно Германіи, на которой эта система также отразилась тяжело, достаточно обширнымъ внутреннимъ рынкомъ; вслѣдствіе извѣстнаго благородства, отличающаго торгово-промышленный міръ Бельгіи, бельгійская промышленность не рѣшилась начать борьбу съ русскими охранительными пошлинами при помощи легкомысленныхъ займовъ, какъ то неоднократно дѣлали нѣмецкіе капиталисты. Въ то время какъ въ Германіи освободившійся въ какой нибудь отрасли промышленности капиталъ въ силу общаго подъема промышленности легко находилъ себѣ помѣщеніе въ другой отрасли, Бельгія обладала крупнымъ капиталомъ, ищущимъ приложенія. Вотъ почему со второй половины восьмидесятыхъ годовъ бельгійскій капиталъ устремился въ Южную Россію настоящимъ потокомъ. Первымъ выступило извѣстное „Общество Коккериль“, которое заложило желѣзодѣлательный и сталелитейный заводъ въ селеніи Каменскомъ, расположенномъ на берегу Днѣпра между Екатеринославомъ и Кривымъ Рогомъ.

Наряду съ бельгійскимъ капиталомъ южно-русской желѣзодѣлательной промышленностью сильно заинтересовалась также Франція, между тѣмъ какъ англійскій капиталъ оставался сравнительно равнодушнымъ [1]).

Къ этимъ крупнымъ предпріятіямъ, принадлежащимъ преимущественно западно-европейскимъ капиталамъ, примкнули многочисленныя быстро развивавшіяся предпріятія вспомогательнаго характера и менѣе значительныхъ размѣровъ, основанныя русскими предпринимателями. Сюда принадлежатъ,

---

[1]) Донесеніе англійскаго консула въ Таганрогѣ 1898 г., стр. 4; „Вѣстникъ Финансовъ“, 1897 г., № 17. Нѣмецкій капиталъ также принялъ мало участія въ этомъ движеніи. Мнѣ извѣстно лишь, что „Дунсбургское Акціонерное Машиностроительное Общество“, извѣстное раньше подъ фирмой „Bechem & Keetman“, устроило въ Луганскѣ отдѣленіе своего предпріятія; то-же самое сдѣлалъ „Саксонскій машиностроительный заводъ“ бывшій Хартманна. Въ иномъ положеніи находится польская желѣзодѣлательная промышленность, въ которой занято, гораздо больше нѣмецкаго капитала, напр., въ „Королевскомъ заводѣ“ и заводѣ „Лаура“.

напр., механическія мастерскія, трубо-прокатные заводы. За этимъ послѣдовало возникновеніе паровозныхъ и машино-строительныхъ заводовъ въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ, Маріуполѣ, Николаевѣ.

И вотъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, эта пустынная, рѣдко населенная степь, гдѣ господствовало экстенсивное сельское хозяйство, приняла обликъ промышленнаго округа. Города, представлявшіе до того административные центры и рынки для сбыта зернового хлѣба, стали разростаться съ такою быстротой, какая неслыхана даже въ Америкѣ. Въ 1885 г. Екатеринославъ имѣлъ 47,000 жителей, а въ 1897 г. уже 120,000; Ростовъ, имѣвшій въ 1885 г. 79,000 жителей, увеличилъ къ 1897 г. численность слоего населенія до 147,000 ч. [1]).

Бросимъ теперь взглядъ на заводы, которые послужили основой для всего этого развитія. Заводы эти изготовляютъ по преимуществу желѣзнодорожные матеріалы, обыкновенно по заказамъ отъ правительства. Въ качествѣ предпріятій, основанныхъ крупнымъ европейскимъ капиталомъ, они пользуются всѣми усовершенствованіями современной техники, для дальнѣйшихъ примѣненій которой они не скупятся затрачивать ежегодно значительныя суммы [2]). Заводы эти построены въ разсчетѣ на крупное производство. Размѣры южно-русскихъ доменныхъ печей не уступаютъ размѣрамъ западно-европейскихъ такихъ же печей, и это даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ за приведенными ниже цифрами лишь приблизительную вѣрность. Радцигъ [3]) приводитъ для 1894 г. слѣдующія цифры:

Средняя годичная производительность домны, работающей на каменномъ углѣ

въ Англіи	1,417,000	пудовъ
въ Германіи.	1,580,000	»
въ Бельгіи	1,580,000	»
въ Южной Россіи	1,597,400	»

Благодаря массовому производству, при посредствѣ наисовершеннѣйшихъ техническихъ вспомогательныхъ средствъ издержки производства на южно-русскихъ заводахъ сравнительно низки. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ необычайныхъ прибылей, которыя позволяютъ этимъ заводамъ погашать затраченный ими капиталъ въ среднемъ въ десятилѣтній срокъ. При этомъ выдаваемые этими предпріятіями дивиденды достигаютъ такой высоты, о какой въ Европѣ уже давно не слыхали: Юзовскіе заводы, которые

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ“, 1897 г., № 33.

[2]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 331.

[3]) *Радцигъ*, стр. 49, 50 и 10.

уже успѣли вполнѣ погасить затраченный на нихъ капиталъ, неоднократно платили 100%; дивиденды, выдаваемые остальными заводами, колеблятся между 20 и 40% [1]).

Идея русскихъ сторонниковъ таможенной охраны заключается очевидно, въ томъ, чтобы и впредь привлекать въ страну иностранный капиталъ при посредствѣ высокой прибыли; этимъ путемъ, по ихъ мнѣнію, производство возрастетъ до такой степени, что предложеніе желѣза превзойдетъ спросъ на него, вслѣдствіе чего конкурренція на внутреннемъ рынкѣ понизитъ цѣны на этотъ товаръ. Для осуществленія этого положенія необходимо слѣдующее предварительное условіе: неограниченная возможность учрежденія новыхъ предпріятій на почвѣ легко достающихся естественныхъ богатствъ.

Чѣмъ ограниченнѣе естественныя богатства, на которыхъ покоится данная промышленность, тѣмъ больше вѣроятія, что существующія и уже знакомыя съ страной и людьми крупныя предпріятія успѣли завладѣть этими естественными богатствами въ цѣляхъ собственной эксплоатаціи ихъ. Это обстоятельство ставитъ увеличенію числа производителей опредѣленныя границы: явное или тайное ограниченіе производства явилось бы въ этомъ случаѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ взаимная конкурренція. Вмѣстѣ съ этимъ предприниматели сумѣли бы позаботиться о томъ, чтобы спросъ всегда былъ выше предложенія, и потому цѣны на желѣзо надолго бы остановились на томъ уровнѣ, на которомъ онѣ стоятъ сейчасъ, представляя собою цѣну, господствующую на міровомъ рынкѣ, плюсъ пошлина.

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности. Несомнѣнно одно: количество превосходныхъ рудъ Кривого Рога настолько ограничено, что все значеніе ихъ сведется не болѣе, какъ къ преходящему эпизоду въ исторіи южно-русскаго желѣзодѣлательнаго производства. По однимъ разсчетамъ запаса ихъ хватитъ не болѣе, какъ на 10—15 лѣтъ, другіе же полагаютъ, что этотъ срокъ ограничится всего 6—7 годами [2]). Во всякомъ случаѣ, возникающіе новые заводы могутъ разсчитывать на нихъ тѣмъ меньше, что тѣ заводы, которые уже существуютъ, успѣли завладѣть наиболѣе выгодными залежами руды и тѣмъ обезпечили себѣ пользованіе его на долгій срокъ [3]). Вслѣдствіе этого, цѣны на руду, добываемую въ Кривомъ Рогѣ въ настоящее время уже значительно поднялись. Одинъ хорошо освѣдомленный

[1]) *Туганъ-Барановскій*, стр 331, а также неоднократно уже цитированныя донесенія англійскихъ консуловъ.

[2]) См. между прочимъ „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1897 г., августъ, стр. 77.

[3]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., май, стр. 106.

русскій предприниматель сообщаетъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: „Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ томъ, что лучшія залежи желѣзной руды въ Южной Россіи находятся въ вѣрныхъ рукахъ; уже прошли тѣ времена, когда въ Кривомъ Рогѣ можно было дешево пріобрѣтать залежи руды удобно расположенныя и пригодныя по качеству для желѣзодѣлательнаго производства; бѣдные содержаніемъ желѣза руды имѣются въ каменноугольномъ бассейнѣ, разработка ихъ и пользованіе добытой оттуда желѣзной рудой невыгодно, если не прибавлять къ ней болѣе богатой желѣзомъ руды Кривого Рога“.

Открытіе довольно обширныхъ залежей желѣзной руды на Керченскомъ полуостровѣ едва ли въ состояніи устранить эти затрудненія. Во первыхъ керченская руда не особенно богата содержаніемъ желѣза (25—40%); сверхъ того она содержитъ фосфоръ; а во вторыхъ лучшія изъ этихъ мѣсторожденій уже пріобрѣтены однимъ изъ самыхъ значительныхъ заводскихъ предпріятій Днѣпровскаго бассейна, за спиной котораго скрывается бельгійско-французскій капиталъ, и правая изъ шести проектированныхъ имъ доменныхъ печей уже готова открыть дѣйствія [1]). Керченскія залежи съ ихъ шахтами въ силу этого врядъ ли будутъ въ состояніи предлагать свою руду по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ Днѣпровскія залежи.

Я не берусь рѣшить, входитъ ли, въ виду вышеприведенныхъ фактовъ, въ намѣренія русскаго правительства въ цѣляхъ столь необходимаго пониженія цѣнъ на желѣзо сбавить таможенныя пошлины, или же оно надѣется достигнуть этой цѣны иными путями и средствами [2]). Врядъ ли кто станетъ оспаривать, что крупные южно-русскіе заводы могутъ вынести подобное пониженіе пошлины. Въ настоящее время при пошлинѣ въ размѣрѣ 50 коп. на пудъ рельсъ, прибыль въ 50—70 копѣекъ не представляетъ ничего необыкновеннаго; стало быть и при пониженной пошлинѣ предприниматели получали бы еще достаточную прибыль. На ряду съ этимъ заводы вѣроятно стремились бы путемъ усовершенствованій техники и расширенія производства (производство сортового желѣза) вознаградить себя за возможное пониженіе прибыли, и такимъ образомъ быстрѣе и энергичнѣе подвигались

---

[1]) Донесеніе англійскаго консула въ Керчи 1898 г., стр. 16. Zeitschrift für praktische Geologie 1897, S. 184.

[2]) Само собой понятно, что правительство могло бы оказать вліяніе на цѣны обращающагося въ торговлѣ желѣза, усиливъ ввозъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ, чему не могли бы помѣшать самыя высокія пошлины; но подобная мѣра представляла бы по существу не что иное, какъ нарушеніе существующей таможенной охраны.

бы къ разрѣшенію вопроса, на рѣшеніи котораго покоится будущность южно-русской желѣзодѣлательной промышленности — ввозъ желѣза извнѣ.

Русскіе обладаютъ неисчерпаемымъ богатствомъ превосходныхъ рудъ на Уралѣ и достаточно богатыми залежами коксовыхъ углей въ Донецкомъ бассейнѣ. Сочетать уральскую руду съ донецкимъ углемъ,—вотъ задача, которую предстоитъ разрѣшить русской желѣзодѣлательной промышленности, и разрѣшеніе которой есть не болѣе, какъ вопросъ времени. Въ данномъ случаѣ все равно, направится ли эта руда въ Южную Россію, или же она встрѣтится съ южно-русскимъ коксомъ въ какой либо другой мѣстности. Извѣстно, что Юзъ недавно отправился на Южный Уралъ.

Но разстояніе, съ которымъ придется считаться въ этомъ дѣлѣ, громадно; это разстояніе даже послѣ сооруженія Уральской желѣзной дороги помѣшаетъ значительному пониженію русскихъ цѣнъ на желѣзо.

Естественной дорогой для вывоза Уральской руды является Волга. Значеніе этого самаго длиннаго въ Европѣ воднаго пути, главной жизненной артеріи Россіи, еще возрастетъ по окончаніи постройки Сибирской желѣзной дороги, которая кончается въ сущности въ приволжскихъ пристаняхъ. Поэтому сооруженіе канала между Волгой и Дономъ, который соединитъ Волгу съ міровымъ моремъ, представляетъ послѣ сооруженія Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути одну изъ самыхъ главныхъ задачъ Россіи. Значеніе этого канала для вывоза хлѣба ясно само собой. Но не меньшее значеніе получилъ бы этотъ каналъ и для желѣзодѣлательной промышленности. Въ устьяхъ Дона уральская руда встрѣтилась бы съ донецкимъ углемъ. Только тогда,—слѣдовательно, еще не очень скоро, можетъ зайти рѣчь объ окончательномъ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ русской желѣзодѣлательной промышленности.

Впрочемъ вѣроятно, что по завершеніи этого воднаго пути донецкій коксъ отчасти будетъ двигаться вверхъ по Дону, дабы встрѣтиться съ уральской рудой на берегахъ Волги. Въ пользу этого предположенія говоритъ возможность примѣненія къ заводскому дѣлу каспійской нефти, количество которой практически неисчерпаемо. Вотъ что сообщаетъ мнѣ по этому вопросу одинъ знающій дѣло предприниматель: „Примѣненіе нефтяныхъ остатковъ для выплавки чугуна въ доменныхъ печахъ невозможно. Но этими остатками уже пользуются для Сименсъ-Мартеновскаго процесса полученія желѣза. Много сталелитейныхъ заводовъ частью уже работаютъ на берегахъ Волги, частью готовятся приступить къ дѣятельности (въ Царицинѣ, Саратовѣ, Казани); они работаютъ нефтью и должны значительно содѣйствовать новому подъему желѣзодѣлательной промышленности на Уралѣ“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Аграрныя отношенія.

I. Общія замѣчанія.

Все предшествующее изложеніе указываетъ на одинъ основной фактъ: старый меркантилизмъ оказался мало успѣшнымъ потому, что было невозможно уничтожить натуральное хозяйство въ деревнѣ по приказу государства.

Зачатки денежнаго хозяйства въ странѣ обусловили возможность возникновенія современной крупной индустріи въ Россіи, и прежде всего—хлопчатобумажной промышленности. Основное положеніе славянофиловъ о несравнимости Россіи съ Западной Европой опровергалось медленной, но несомнѣнной европеизаціей самыхъ основъ русскаго общественнаго строя. Но эта европеизація была только слѣдствіемъ развитія денежнаго хозяйства, которое при Александрѣ II уже глубоко внѣдрилось во всѣ слои народа.

Система запретительныхъ пошлинъ на произведенія промышленности замедляла развитіе денежнаго хозяйства въ деревнѣ и тѣмъ подрывала самую основу для сбыта продуктовъ промышленности; вслѣдствіе этого, запретительная система становится болѣе непригодной. Наконецъ, введеніе и сохраненіе золотой валюты, этой предпосылки всякой великодержавной внѣшней политики, въ конечномъ счетѣ основывается, какъ мы увидимъ ниже, на успѣхахъ денежнаго хозяйства въ широкихъ слояхъ сельскаго населенія. Вытѣсненіе традиціоннаго натуральнаго хозяйства сельскимъ хозяйствомъ, продающимъ земледѣльческіе продукты, улучшающимъ торговый балансъ и покупающимъ произведенія промышленности—вотъ основной фактъ русскаго хозяйственнаго развитія во второй половинѣ нашего столѣтія; въ то-же время онъ является основой тѣхъ успѣховъ промышленности и финансовъ, которые хотя и бросаются наблюдателю прежде всего

въ глаза, но на самомъ дѣлѣ въ причинной связи явленій занимаютъ второе мѣсто.

Довольно трудно дать обзоръ аграрно-политическаго положенія Россіи въ рамкахъ предлагаемаго сочиненія. Но мнѣ кажется невозможнымъ составить себѣ опредѣленное представленіе о сложныхъ вопросахъ русской промышленной, торговой, финансовой и валютной политики, не высказавъ сначала своего взгляда на основной фактъ русской хозяйственной жизни— развитіе денежнаго хозяйства въ деревнѣ. Кромѣ того, высказаться по данному вопросу мнѣ безусловно повелѣваетъ искренность, такъ какъ значительная часть русскихъ читателей рѣзко отвергнетъ развитую ниже точку зрѣнія.

Но, чтобы не увеличивать объема моего сочиненія и такимъ образомъ не отдалить окончаніе этой работы на неопредѣленное время, я вынужденъ былъ лишь вкратцѣ изложить свою точку зрѣнія и, такъ сказать, только намѣтить въ общихъ чертахъ то, что я охотно развилъ-бы подробно.

А. Сельско-хозяйственная географія.

Всякому обсужденію русскихъ аграрныхъ отношеній долженъ предшествовать обзоръ сельско-хозяйственной географіи имперіи: Россія распадается на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга и во многихъ отношеніяхъ даже противоположныя другъ другу сельско-хозяйственныя полосы. Сѣверная часть занята мало пригодной для земледѣлія „*лѣсною полосою*“, южная — хлѣбороднымъ „*черноземомъ*“. Линія, раздѣляющая эти двѣ полосы, идетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ; приблизительно можно получить ее, соединивъ чертой города: Кіевъ, Тулу и Казань. Лѣсная полоса граничитъ на сѣверѣ съ полярною тундрою, не допускающею никакого хозяйственнаго развитія. Южная граница чернозема образуется частью морями, частью горнымъ хребтомъ Кавказа, частью—на востокѣ—солончаковыми степями и песчаными пустынями.

Однако, какъ для лѣсной полосы, такъ и для чернозема слѣдуетъ намѣтить дальнѣйшія подраздѣленія.

Въ сѣверной части лѣсной полосы преобладаетъ лѣсъ и вода, послѣдняя часто въ видѣ болотъ и озеръ. Населеніе живетъ здѣсь прежде всего *лѣснымъ хозяйствомъ* и кромѣ того домашними (кустарными) промыслами по обработкѣ дерева. Сельское хозяйство ведется здѣсь въ формѣ первобыт-

наго подсѣчнаго хозяйства (огневое хозяйство) [1]); когда поля, засѣваемыя главнымъ образомъ овсомъ, рожью и льномъ, истощаются, ихъ снова запускаютъ подъ лѣсъ. Пахотная площадь совершенно ничтожна по сравненію съ площадью, занятой лѣсами. Въ область такого примитивнаго хозяйства входятъ губерніи Архангельская, Олонецкая, Вологодская и части губерній Новгородской, Костромской, Вятской и Пермской.

Въ южной части лѣсной полосы наряду съ лѣсоводствомъ и древообрабатывающими промыслами часто въ хозяйствѣ играетъ главную роль *воздѣлываніе льна*; ленъ сѣютъ или на полосахъ, запускаемыхъ черезъ неопредѣленное время снова подъ лѣсъ, или на особыхъ, удобряемыхъ поляхъ, часто поперемѣнно съ клеверомъ. Центрами льноводства являются губерніи Псковская, Витебская, Новгородская, Ярославская, Костромская, Смоленская и часть Вологодской. Мѣстами въ южной части лѣсной полосы, подъ вліяніемъ требованій столичныхъ рынковъ, выступаетъ на первый планъ и *молочное хозяйство*.

Однако центръ тяжести русскаго сельскаго хозяйства, какъ и русской національной жизни вообще, лежитъ не въ слабо населенномъ сѣверѣ, а въ „черноземной полосѣ“. Между обѣими этими полосами вкрапленъ, какъ мы видѣли выше, промышленный районъ Москвы, Владиміра и Тулы.

И черноземная полоса въ свою очередь распадается на двѣ отличающіяся другъ отъ друга части. Сѣверная часть ея отличается умѣреннымъ климатомъ, достаточною влажностью, густымъ населеніемъ. Здѣсь господствуетъ трехполье [2]), большею частью съ неудобряемымъ, но иногда и удобряемымъ и чернымъ паромъ. Изъ воздѣлываемыхъ растеній на первомъ планѣ стоитъ *рожь*, затѣмъ идутъ овесъ, пшеница, ячмень, гречиха, просо. Вслѣдствіе недостатка кормовъ скотоводство мало развито. Эта область охватываетъ губерніи Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Пензенскую, Симбирскую, Нижегородскую, Казанскую, Орловскую, Курскую, Черниговскую и части сосѣднихъ губерній Воронежской, Харьковской, Полтавской и Кіевской.

Южная часть чернозема населена рѣже, климатъ въ ней болѣе теплый и сухой. Въ этой области на первомъ мѣстѣ среди воздѣлываемыхъ растеній стоитъ *пшеница*; часто засѣваются тимофеевка, клеверъ, эспарцетъ и т. д. съ цѣлью получить больше кормовъ, чѣмъ могла бы дать степь сама по себѣ безъ обработки. Эта область имѣетъ наиболѣе важное значеніе для

---

[1]) *А. А. Шишкинъ.* Сельско-хозяйственная экономія. Часть 2, С.-Пб., 1896 г., стр. 15 и сл.

[2]) *Шишкинъ*, ч. 2, стр. 19 и сл.

русскаго хлѣбнаго экспорта. Господствующая въ ней система земледѣлія называется „*переложнымъ хозяйствомъ*“ [1]).

Во время моего путешествія по Россіи я часто имѣлъ случай наблюдать это степное хозяйство, напримѣръ, въ имѣніяхъ князя Георгія Ливена, поручившаго меня гостепріимству своего главнаго управляющаго барона Бэра. Практической опытности послѣдняго я обязанъ многими цѣнными указаніями. Имѣнія Ливена расположены по обоимъ берегамъ Волги, возлѣ Вольска и Балакова, и заключаютъ въ себѣ около 5,000 десятинъ.

Въ Ивановкѣ, имѣніи, расположенномъ на восточномъ берегу Волги, еще 20 лѣтъ тому назадъ господствовало чисто скотоводческое хозяйство: изъ 20,000 десятинъ, занятыхъ имѣніемъ, засѣвалось не болѣе 500 дес. Стоимость земли была не выше, чѣмъ стоитъ теперь годовая арендная плата: 7—9 рублей за десятину. Въ настоящее время посѣвная площадь увеличилась до 2,500 десятинъ; такъ какъ въ имѣніи 12,000 десятинъ черноземной степи — остальное пространство находится подъ заливными лугами,— то слѣдовательно засѣвается около $^1/_5$ пригодной для вспашки площади. Во многихъ сосѣднихъ имѣніяхъ отношеніе это еще болѣе неблагопріятно.

Переложное хозяйство [2]) состоитъ въ томъ, что участокъ земли обрабатывается безъ перерыва нѣсколько лѣтъ подрядъ и притомъ большею частью безъ удобренія, а затѣмъ обращается на продолжительное время въ залежь. При нормальныхъ условіяхъ хлѣбъ сѣется пять лѣтъ подрядъ, и затѣмъ землѣ дается пятнадцатилѣтній отдыхъ. Раздѣляя всю площадь имѣнія на 20 участковъ, поднимаютъ ежегодно одинъ изъ нихъ, находившійся 15 лѣтъ въ залежи, а другой, пять лѣтъ засѣвавшійся хлѣбомъ, предоставляютъ естественному заростанію травами. На запущенномъ подъ залежь участкѣ сначала появляются сорныя травы, спустя же нѣсколько лѣтъ мягкія и очень цѣнныя травы, такъ что между 4 и 8 годомъ залежи запущенная земля даетъ наибольшее количество кормовъ. Постепенно однако залежный участокъ заростаетъ жесткими травами, и, если къ пятнадцатому году степная трава съ бѣлыми ворсинками покроетъ участокъ, то считается, что земля снова пріобрѣла свойства дѣвственной степи—она стала твердою; сорныя травы, произрастающія на вспаханной, мягкой почвѣ, уничтожены; если поднять такую землю плугомъ, что требуетъ большого напряженія силы, то корни степныхъ растеній связываютъ почву въ комочки и облегчаютъ доступъ въ нее атмосферическимъ вліяніямъ.

---

[1]) *Шишкинъ*, ч. 2, стр. 8 и сл.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. у *Шишкина*, ч. 2, § 9 и § 21 и слѣд.

При такомъ способѣ хозяйства почва надолго предохраняется отъ истощенія. Но при этомъ, какъ сказано выше ,необходимымъ условіемъ является, что-бы подъ обработкой находилось не болѣе одной пятой всей площади. Если распахивать больше, чѣмъ $^1/_5$ площади, то постепенно урожайность понижается, издержки же производства не уменьшаются существенно. Вѣроятно (по мнѣнію профессора Костычева) почва теряетъ не столько химическія, сколько физическія свойства, характеризующія дѣвственную степь; при продолжительномъ засѣваніи хлѣбомъ земля настолько зарастаетъ сорными травами, что, какъ это нерѣдко бываетъ на русскихъ крестьянскихъ поляхъ, при жатвѣ собирается больше сѣмянъ сорныхъ травъ, чѣмъ хлѣба [1]).

Чтобы при увеличеніи посѣвной площади удержать урожайность на томъ-же уровнѣ, необходимо разстаться съ прежнимъ степнымъ хозяйствомъ, перейти къ болѣе сложнымъ системамъ хозяйства и удобрить землю. Однако въ настоящее время такой прогрессъ наблюдается еще не слишкомъ часто. Довольно распространеннымъ плодосмѣномъ болѣе развитаго хозяйства является, напримѣръ, слѣдующій: 1 годъ—просо, 2 годъ—яровая пшеница 3 годъ—паръ, 4 годъ—озимая пшеница или озимая рожь, 5 годъ—ячмень или овесъ, 6 годъ—паръ, 7 годъ—озимая пшеница, 8 годъ—картофель или свекла, 9 годъ—яровая пшеница или ячмень; затѣмъ идутъ 15 лѣтъ залежи [2]).

Въ болѣе отдаленныхъ углахъ южной черноземной полосы, особенно по границѣ со степнымъ хозяйствомъ на востокѣ, господствуетъ *скотоводческое хозяйство*. Главнымъ предметомъ вывоза служатъ здѣсь рогатый убойный скотъ, лошади, шерсть, сало, кожи, овечьи кишки и т. д. Такъ, напримѣръ, какъ я слышалъ, въ Балаковѣ, на волжскія пристани крестьяне свозятъ хлѣбъ лишь съ 200 верстъ въ окружности; въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ хлѣбъ сѣется уже только для собственнаго потребленія [3]).

Каждый рельсовый путь, прокладываемый въ этихъ мѣстностяхъ, производитъ хозяйственную революцію: земля, до тѣхъ поръ не имѣвшая цѣн-

---

[1]) По *Шишкину*, ч. 2, стр. 12, урожай съ десятины въ Южной Россіи понизился, съ тѣхъ поръ какъ стали засѣвать не $^1/_5$, а $^1/_3$—$^1/_4$ всей пахатной площади.

[2]) Agriculture and forestry, S. 69.

[3]) [Полоса зернового хозяйства въ юго-восточныхъ заволжскихъ степяхъ значительно шире, чѣмъ указываетъ это авторъ (200 верстъ); хлѣбъ, производимый въ этой полосѣ, вывозится не только черезъ волжскія пристани, но также черезъ станціи самаро-златоустовской и рязанско-уральской жел. дорогъ]. *Прим. ред.*

ности, подымается плугомъ и посѣвная площадь сильно расширяется; владѣльцы земли получаютъ огромные барыши.

Этотъ процессъ я имѣлъ случай наблюдать въ посѣщенномъ мною округѣ; такъ, недавно построенная желѣзная дорога изъ Саратова въ Уральскъ съ ея вѣтвями расширила далеко на востокъ районъ хлѣбнаго вывоза. Районъ скотоводства переходитъ даже на востокъ, въ степи кочующихъ азіатскихъ народовъ.

Съ запада въ районъ зернового хозяйства врѣзывается—между поясомъ трехполья съ одной стороны и степного хозяйства съ другой—районъ производства *свекловицы*. Главными центрами этой культуры являются губерніи Кіевская, Подольская, Волынская, Курская, Харьковская и Черниговская [1]). Въ связи съ культурой свекловицы здѣсь мы встрѣчаемъ наиболѣе интенсивную систему полевого хозяйства въ Россіи.

B. Распредѣленіе земельной собственности.

Кромѣ сельско-хозяйственной географіи, для выясненія русскихъ аграрныхъ отношеній необходимо еще дать очеркъ распредѣленія земельной собственности. Все землевладѣніе въ Россіи распадается въ общемъ на три главныхъ вида: государственное, крестьянское и частное землевладѣніе.

По цифрамъ оффиціальной статистики въ началѣ девяностыхъ годовъ земельная собственность распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Государственныя земли	150,409,977	десят.
Земли удѣльнаго вѣдомства	7,367,740	»
Крестьянскія земли (надѣльныя)	131,372,457	»
Частновладѣльческія земли	93,381,170	»
Земли церквей, монастырей, городовъ. . .	8,572,622	»

Эти цифры относятся къ Европейской Россіи, за исключеніемъ Польши, Финляндіи и Области Войска Донского, гдѣ вся земля принадлежитъ казакамъ.

Государство — крупнѣйшій землевладѣлецъ въ Россіи; но государственныя земли находятся преимущественно на сѣверѣ—въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Пермской, Вятской, гдѣ государству принадлежитъ

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о сельско-хозяйственной географіи Россіи можно найти на англійскомъ языкѣ въ изданіи русскаго *министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ* для Всемірной выставки въ Чикаго — „Agriculture and Forestry", 1893.

болѣе половины всей земельной площади и гдѣ не существуетъ дворянскаго землевладѣнія. Свыше 100,000 десятинъ принадлежащей государству земли покрыто лѣсами; остальная земля большею частью непригодна для культуры, такъ что въ аграрно-политическомъ отношеніи государственное землевладѣніе имѣетъ мало значенія.

Частновладѣльческою землею владѣльцы могутъ распоряжаться совершенно свободно; сюда относится прежде всего земля, полученная помѣщиками при освобожденіи крестьянъ; заповѣдныхъ имѣній въ Россіи не существуетъ.

Частновладѣльческія земли распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Десятинъ.	%	Средняя площадь одного владѣнія.
Дворяне.	73,163,744	$79,_{8}$	$637,_{8}$ десят.
Купцы	9,793,961	$10,_{7}$	$775,_{4}$ »
Мѣщане.	1,909,603	$2,_{1}$	$32,_{9}$ »
Крестьяне	5,005,824	$5,_{5}$	$18,_{0}$ »
Прочіе владѣльцы. . .	1,732,713	$1,_{9}$	$95,_{5}$ »

Остальная незначительная площадь принадлежитъ акціонернымъ обществамъ и промышленнымъ товариществамъ. Въ центральныхъ и западныхъ губерніяхъ—районѣ трехполья и свекловицы—средніе размѣры дворянскаго имѣнія меньше, чѣмъ въ южномъ и восточномъ районахъ переложнаго хозяйства и сѣверномъ районѣ льноводства и лѣсного хозяйства.

Обратимся теперь къ *крестьянскимъ землямъ*.

а). При освобожденіи крестьянъ въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи было отведено въ *общинное владѣніе крестьянъ* около 80 милліоновъ десятинъ; въ *подворное владѣніе* было отдано отдѣльнымъ крестьянамъ свыше 22 милліоновъ десятинъ. Остальная часть крестьянскихъ земель принадлежитъ казакамъ, азіатскимъ кочевникамъ и т. д. Общинное землевладѣніе господствуетъ въ Великороссіи и Новороссіи, т. е. на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, подворное—въ Малороссіи, Польшѣ и западныхъ пограничныхъ губерніяхъ.

Владѣлецъ надѣльной земли, будетъ-ли то общинная или подворная земля, во всякомъ случаѣ подверженъ значительнымъ ограниченіямъ въ правѣ распоряженія ею. Правда, въ освободительномъ актѣ 1861 года не содержится такихъ ограниченій. Даже напротивъ, статья 33 „Общаго положенія о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“ опредѣляетъ, что всякій крестьянинъ имѣетъ право пріобрѣтать недвижимую собственность и отчуждать или закладывать ее, какъ и всякій другой владѣ-

лецъ. Статья 37 категорически причисляетъ къ такой собственности и надѣльную землю съ того момента, какъ погашенъ лежащій на ней выкупной долгъ; сюда относится, напримѣръ, та надѣльная земля, которая выдѣлена отдѣльными членами общины изъ мірского владѣнія на основаніи ст. 165 „Положенія о выкупѣ", путемъ досрочнаго погашенія лежащаго на данномъ участкѣ выкупного долга.

На практикѣ эта установленная закономъ свобода распоряженія землею не существовала, пока надѣльная земля была еще обременена выкупными платежами, и землевладѣніе было не столько правомъ, сколько обязанностью. Фактически надѣльную землю нельзя было ни отчуждать, ни закладывать. Право свободнаго распоряженія на практикѣ распространялось лишь на тѣ внѣнадѣльныя земли, которыя крестьяне пріобрѣли въ собственность самостоятельно и которыя слѣдовательно были свободны отъ выкупныхъ обязательствъ [1]).

Когда же въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ выкупная операція подвинулась впередъ—и въ особенности, когда болѣе состоятельные крестьяне начали выкупать свои участки досрочно на основаніи цитированной ст. 165, юридическая свобода распоряженія землею начала превращаться въ фактическую. Но въ это именно время существовавшая до тѣхъ поръ de facto неотчуждаемость надѣловъ была установлена закономъ. Я приведу здѣсь дословно важнѣйшіе постановленія закона 14 декабря 1893 г.

„§ 1. Продажа надѣльной земли *цѣлыми сельскими обществами* допускается не иначе, какъ на основаніи особаго о томъ приговора общества, постановленнаго съ согласія не менѣе *двухъ третей* всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ и утвержденнаго губернскимъ присутствіемъ, или губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, по принадлежности. Если стоимость отчуждаемаго участка превышаетъ пятьсотъ рублей, то для продажи его требуется, сверхъ того *разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ*, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, а въ случаяхъ, когда участокъ отчуждается для горнопромышленныхъ цѣлей,— и по соглашенію съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ.

„§ 2. Участки надѣльной земли, пріобрѣтенные отдѣльными крестьянами или состоящіе въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованіи, могутъ быть отчуждаемы посредствомъ даренія или продажи, какъ добровольной, такъ и съ торговъ, за недоимки въ выкупныхъ платежахъ (пол. о выкуп.,

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ статьѣ *Н. Бржескаго*—Общинный бытъ и хозяйственная необезпеченность крестьянъ. „Русское Экономическое Общество", 1898 г., іюль, стр. 55—56.

ст. 133—138) только *лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.*

„§ 3. Крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ воспрещается отдавать надѣльныя земли въ *залогъ* частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ, *хотя бы выкупная ссуда по симъ землямъ и была погашена.* Обращеніе взысканій на означенныя земли по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ и продажа оныхъ на основаніи такихъ рѣшеній допускаются только для удовлетворенія претензій по закладнымъ, въ установленномъ порядкѣ совершеннымъ до обнародованія настоящаго закона".

b) Кромѣ различія по формѣ владѣнія важно также различіе между надѣльными землями по личности прежняго владѣльца ихъ. По этому признаку крестьяне распадаются на два большихъ разряда — *государственныхъ* и *помѣщичьихъ крестьянъ*; площадь земли, полученная ими въ надѣлъ при освобожденіи, выражается слѣдующими цифрами:

	Число душъ мужск. пола.	Десятинъ.	Десятинъ на 1 душу муж. пола.
Помѣщичьи крестьяне .	10,749,845	37,083,476	3,45
Государственные . . .	10,745,738	75,438,118	7,02
Удѣльные	900,486	4,333,261	4,81

Детальный анализъ этихъ цифръ обнаруживаетъ общеизвѣстный фактъ, что значительная часть крестьянъ, особенно помѣщичьихъ, получила слишкомъ мало земли, чтобы жить исключительно обработкою своихъ надѣловъ. Освобожденіе крестьянъ создало „владѣющій землею", т. е. прикрѣпленный къ землѣ *классъ наемныхъ рабочихъ* и кромѣ того крестьянское *карликовое хозяйство* (Zwergwirtschaft). Это послѣдствіе освобожденія крестьянъ еще обострилось, благодаря происшедшему съ тѣхъ поръ увеличенію народонаселенія [1]).

По Маресcу 70,7% всѣхъ крестьянъ не получаютъ со своей надѣльной земли даже минимума, необходимаго для существованія; 20,4% могутъ прокормиться своимъ надѣломъ сами, но не въ состояніи прокормить свой рабочій скотъ; только 8,9% всѣхъ крестьянъ могутъ сельско-хозяйственные продукты своей надѣльной земли, за покрытіемъ собственныхъ потребностей выносить на рынокъ [2]).

---

[1]) По переписи 28 января 1897 года въ Россіи оказалось 129 милліоновъ жителей; съ 1851 года населеніе возросло на 93%. *Raffalowich.* Marché financier 1897—98, p. 401.

[2]) Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Сборникъ подъ редакціей *А. И. Чупрова* и *А. С. Посникова.* С.-Пб., 1896 г., т. I, стр. 86—92. Таблицу по этому вопросу даетъ *Simkhowitsch.* Die Feldgemeinschaft in Russland. Jena, 1898, S. 376.

С. Сельско-хозяйственное производство и его хозяинъ.

Было бы большою ошибкою, на основаніи созданнаго освобожденіемъ крестьянъ распредѣленія землевладѣнія, судить о фактически существующихъ въ настоящее время размѣрахъ земледѣльческихъ хозяйствъ. *Владѣніе и хозяйство совершенно не совпадаютъ въ современной Россіи*; нигдѣ на европейскомъ материкѣ аренда не играетъ такой роли, какъ въ Россіи.

Наемный рабочій освобождается отъ земледѣльческаго *хозяйства*, хотя общинное землевладѣніе большею частью не даетъ ему возможности освободиться отъ земельной *собственности*. Доказательство тому—масса „безхозяйныхъ" крестьянъ, не держащихъ вовсе рабочаго скота и считающихся „крестьянами" только по своей юридической принадлежности къ сословію, а отнюдь не по дѣйствительному роду занятій.

Съ другой стороны, крестьянское карликовое хозяйство (Zwergwirtschaft) стремится стать на высшую хозяйственную ступень, съ жадностью всасывая въ себя какъ крестьянскія, такъ и помѣщичьи земли. Къ сожалѣнію, статистика не даетъ намъ здѣсь никакой опоры. Это объясняется непостоянствомъ арендныхъ отношеній въ Россіи, разнообразіемъ переходныхъ ступеней между собственнымъ хозяйствомъ и отношеніями найма, замаскированнымъ юридическими формами—часто растовщическими, съ помощью которыхъ болѣе состоятельные крестьяне присваиваютъ себѣ землю своихъ болѣе бѣдныхъ собратій. Невозможно сказать, каковъ средній размѣръ сельско-хозяйственнаго *предпріятія* въ Россіи. Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно обратиться къ сложнымъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, которыя въ лучшемъ случаѣ могутъ нѣсколько уяснить положеніе дѣлъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ или округахъ.

Общій же смыслъ явленія мы поймемъ скорѣе всего, если разсмотримъ вопросъ съ точки зрѣнія измѣненія соотношенія между классами. Какой классъ теряетъ землю, какой—расширяетъ свое землевладѣльческое хозяйство на счетъ теряющаго?

Здѣсь слѣдуетъ указать на *упадокъ дворянскаго помѣщичьяго хозяйства*, особенно на упадокъ сельского хозяйства средняго и мелкаго дворянства. Для исчерпывающаго изслѣдованія этого вопроса слѣдуетъ пользоваться не только экономическою, но и богатою беллетристическою литературою.

Съ юморомъ, сквозь который проглядываютъ слезы, изобразилъ, напри-

мѣръ, Терпигоревъ [1]) на отдѣльныхъ примѣрахъ, какъ дворянство непроизводительно промотало выкупные платежи, какъ затѣмъ оно начало закладывать свои имѣнія, чтобы такъ же спустить и вновь полученныя суммы. Такимъ же образомъ начало дворянство поступать и со своими лѣсами, которые уцѣлѣли до поры, благодаря плохому состоянію путей сообщенія. Книга Терпигорева показываетъ, какъ машины, которыми старались замѣнить трудъ крѣпостныхъ, отказывались служить въ рукахъ дворянства. Напомнимъ, напримѣръ, забавный разсказъ, какъ одинъ помѣщикъ выписываетъ заграничныя машины, которыя однако не дѣйствуютъ, несмотря на то, что всю прислугу велѣно было переодѣть „нѣмцами“. Здѣсь снова мы встрѣчаемся съ указаннымъ уже выше явленіемъ, что современная техника предполагаетъ существованіе извѣстныхъ психологическихъ условій, а дворянинъ-помѣщикъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ еще меньше, чѣмъ даже крестьянинъ.

Чѣмъ болѣе исчезали деньги, полученныя за выкупныя свидѣтельства, тѣмъ болѣе уменьшалось собственное хозяйство помѣщика, и помѣщичья земля начинала обрабатываться крестьянскимъ инвентаремъ, какъ нѣкогда, во времена крѣпостного права. По Туну, такія имѣнія служатъ показателемъ полнѣйшаго упадка земледѣлія. „Прежде собственники земли все же жили въ своихъ имѣніяхъ и хоть немного занимались сельскимъ хозяйствомъ, вводили кое-какія укучшенія въ земледѣльческое производство; они старались поддержать имѣніе на разъ достигнутой высотѣ и потому держали скотъ для удобренія. Теперь въ имѣніяхъ царитъ безпощадная эксплуатація крестьянъ“ [2]).

Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ широко распространенный абсентеизмъ средняго дворянства, пополняющаго свои доходы съ земли службою въ качествѣ офицеровъ, чиновниковъ, ученыхъ, журналистовъ.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ затрудненій, стоящихъ на пути помѣщичьяго хозяйства, является *вопросъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ*.

Основательное знакомство съ вопросомъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ даетъ трудъ С. Короленко [3]). Дѣленіе на районы съ различными условіями

---

[1]) *С. Атава (С. Терпигоревъ).* Оскудѣніе. С.-Пб., 1881 г., или — „Сочиненія *С. Н. Терпигорева (С. Атавы)*, издан. подъ ред. С. Н. Шубинскаго. С.-Пб., 1899 г., т. II.

[2]) *Thun.* Landwirtschaft und Gewerbe in Mittelrussland, S. 13.

[3]) *С. Короленко.* Вольнонаемный трудъ въ хозяйствахъ владѣльческихъ и т. д. С.-Пб., 1892 г., см. особенно первую часть, начиная со стр. 78 до конца, вторая часть, passim.

сельско-хозяйственнаго труда, данное въ этой книгѣ, совпадаетъ съ намѣченнымъ выше раздѣленіемъ Россіи на различныя сельско-хозяйственныя полосы.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ лѣсного и льноводнаго района, благодаря незначительнымъ размѣрамъ культурной площади, наблюдается избытокъ населенія; изъ этихъ губерній, въ которыхъ издавна укоренилась кустарная промышленность, часть населенія отправляется въ отходъ—въ большинствѣ случаевъ промысловый, особенно въ города и на фабрики, но частью, хотя и въ маломъ количествѣ, и въ земледѣльческій отходъ въ центральныя губерніи.

Центральныя губерніи—районъ трехполья и центръ прежнихъ крѣпостныхъ отношеній—высылаетъ массу болѣе бѣдныхъ и чисто сельско-хозяйственныхъ отхожихъ рабочихъ на югъ. Вслѣдствіе этого, появляется недостатокъ рабочихъ въ самихъ центральныхъ губерніяхъ и неувѣренность въ удержаніи на мѣстѣ остающихся рабочихъ, такъ какъ постоянно существуетъ опасность, что они уйдутъ на бѣдный рабочими руками югъ. Оба эти обстоятельства крайне затрудняютъ самостоятельное хозяйство помѣщика. Короленко категорически подтверждаетъ, что всѣ попытки веденія хозяйства собственнымъ инвентаремъ, которыя дворянство часто дѣлало послѣ освобожденія крестьянъ, за немногими исключеніями, окончились неудачею. Короленко увѣряетъ, что почти не существуетъ имѣній, которыя бы вели хозяйство исключительно собственнымъ инвентаремъ. Въ то же время недостатокъ рабочихъ мѣшаетъ прогрессу техники, требующему приложенія большаго количества труда на ту-же площадь земли.

Во время моихъ поѣздокъ по Средней Россіи я повсюду слышалъ жалобы на этотъ недостатокъ рабочихъ рукъ; передъ ними отступали на задній планъ даже жалобы на плохія хлѣбныя цѣны [1]). Въ Центральной Россіи еще очень живы воспоминанія о крѣпостномъ правѣ. Когда крестьянинъ ищетъ работы по найму, онъ охотнѣе идетъ въ недавно заселенныя степи, гдѣ — оторванный отъ обычной обстановки — онъ лучше работаетъ и получаетъ лучшую заработную плату, чѣмъ дома. Наоборотъ, въ давно заселенныхъ областяхъ Центральной Россіи, на помѣщиковъ работаютъ главнымъ образомъ сосѣдніе крестьяне, которые сами ведутъ хозяйство и благодаря своей

[1]) См., напр.,—*Н. А. Чуйковъ.* Курская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Москва, 1894 г., стр. 96. Точно такъ же, напр., и часто цитированныя нами „С.-Петербургскія Вѣдомости“ заявляютъ въ номерѣ отъ 21 августа 1898 г., что вопросъ о сельскихъ рабочихъ не разрѣшенъ, а потому дальнѣйшее расширеніе крестьянской аренды неизбѣжно.

осѣдлости и обладанію инвентаремъ, даютъ нѣкоторую гарантію. Отсюда возникаетъ множество отношеній, составляющихъ нѣчто среднее между рабочимъ договоромъ и мелкою арендою, причемъ характернымъ является то обстоятельство, что земля обрабатывается *крестьянскимъ инвентаремъ*. Помѣщикъ сдаетъ опредѣленныя работы, напр., пахоту, жатву, иногда полную обработку поля на подрядъ за деньги. Часто крестьянинъ получаетъ и землю за отработки; практикуется и непольная обработка. Всѣ эти отношенія близки къ крѣпостнымъ отношеніямъ и, подобно послѣднимъ, означаютъ застой техники на уровнѣ, достигнутомъ современнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ [1]). Болѣе сложныя и дорогія машины могутъ быть довѣрены только наемному рабочему, работающему за деньги и неприкрѣпленному къ мѣсту, а никакъ не мелкому крестьянину, нехотя обрабатывающему помѣщичьи поля, какъ бы выполняя старинную барщину.

Наоборотъ, сельское хозяйство всей южной и восточной степной области, южной части черноземной полосы, основывается на *отхожемъ трудѣ*. Здѣсь, среди слабо населенныхъ степей, рабочіе находятся по отношенію къ работодателямъ въ такомъ же выгодномъ положеніи, какъ въ колоніяхъ. Долгосрочные контракты, подобно тѣмъ, которые обыкновенно заключаются въ Центральной Россіи зимою на слѣдующій лѣтній періодъ, въ области отхожаго труда встрѣчаются рѣдко. Какъ разъ во время самыхъ спѣшныхъ работъ является опасность ухода рабочихъ, такъ какъ въ это время конкурренція работодателей изъ-за рабочихъ особенно обостряется. Попытки защитить себя отъ нарушенія контракта судебнымъ порядкомъ совершенно безнадежны при русскихъ разстояніяхъ, подвижности населенія и ограниченіяхъ въ продажѣ крестьянскаго имущества по исполнительнымъ листамъ. Вслѣдствіе этого, рабочихъ часто нанимаютъ на самое короткое время, нерѣдко поденно. Если представляется возможность, стараются сдать работу сдѣльно. Прежде въ такихъ случаяхъ посредникомъ между рабочими и работодателемъ была товарищеская артель, теперь же — большею частью подрядчикъ.

Затѣмъ, вслѣдствіе описанныхъ условій заработная плата на югѣ отнюдь не стоитъ на одномъ обычномъ уровнѣ, какъ въ Центральной Россіи, а, наоборотъ, весьма рѣзко колеблется, часто изо дня въ день. Иногда она поднимается чрезвычайно высоко—до трехъ и болѣе рублей въ день; съ другой стороны бываетъ, что временами она падаетъ ниже уровня заработной пла-

---

[1]) Большимъ распространеніемъ пользуются, напримѣръ, отработки за долги, сдѣланные по нуждѣ зимою. См. „Юридическій Вѣстникъ“, 1887 г., стр. 630.

ты, существующаго въ полосѣ, откуда двигаются отхожіе рабочіе; нужно помнить, что этотъ массовый отходъ вызывается отнюдь не одними чисто хозяйственными соображеніями [1]). Къ этому присоединяется еще полная неосвѣдомленность рабочихъ относительно существующаго спроса на трудъ.

Трудъ отхожихъ рабочихъ имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ господствующими въ Центральной Россіи отношеніями. Вмѣсто того, чтобы пробавляться недоброкачественной крестьянской работой и крестьянскимъ инвентаремъ, сельскій хозяинъ, благодаря относительно высокой заработной платѣ и трудности достать рабочихъ, вынужденъ вступить на путь техническаго прогресса. Сельско-хозяйственныя машины—особенно сберегающія трудъ жатвенныя машины, конныя грабли, паровыя молотилки и т. п.—пользуются въ степной полосѣ Южной Россіи широкимъ распространеніемъ.

Но во всякомъ случаѣ, полная необезпеченность въ рабочихъ рукахъ является серьезнымъ препятствіемъ и для помѣщичьяго хозяйства въ степной полосѣ. Часто богатый урожай остается не убраннымъ вслѣдствіе недостатка рабочихъ; часто заработная плата подымается до фантастической высоты, заставляющей подумать о томъ, не махнуть ли вовсе рукой на урожай. Легче справляется съ такими затрудненіями хозяинъ, лично работающій въ своемъ хозяйствѣ—крестьянинъ, казакъ, колонистъ—и обѣдающій съ рабочими за однимъ столомъ. Отсюда и въ степной полосѣ стремленіе помѣщиковъ сократить собственное хозяйство, особенно тамъ, гдѣ, благодаря увеличившемуся населенію, поднимаются арендныя цѣны и растетъ спросъ на землю со стороны крестьянъ [2]). Для крестьянскаго же населенія центральныхъ губерній—полосы отхода—отхожіе заработки на югѣ означаютъ притокъ капитала, увеличивающаго для него возможность скупать или арендовать помѣщичью землю у себя на родинѣ [3]).

---

[1]) Напримѣръ, во время моего путешествія мнѣ разсказывали, что въ Самарской губерніи заработная плата была тогда ниже, чѣмъ въ Пензенской, откуда приходили въ Самарскую губ. массы рабочихъ.

[2]) См., между прочимъ, *С. Короленко*, ч. II, стр. 6.

[3]) [Сужденія Шульце-Геверница о рабочемъ вопросѣ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ страдаютъ односторонностью и въ общемъ отражаютъ въ себѣ землевладѣльческую точку зрѣнія. Трудно, конечно, сказать, въ какой мѣрѣ объясняется это общественными симпатіями автора. Во всякомъ случаѣ, такого вопроса не возникаетъ относительно единственнаго источника, которымъ пользуется въ данномъ случаѣ авторъ, книги г. С. Короленко, проникнутой вполнѣ опредѣленнымъ классовымъ духомъ. Обстоятельную критику этой книги читатель найдетъ въ статьѣ г. В. Г. Яроцкаго — „Какъ не слѣдуетъ обрабатывать статистическій матеріалъ“. „Русское Богатство“, 1893 г., № 9. Такой неудачный выборъ источника тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что въ нашей, правда, небогатой литературѣ о сельско-хозяйственныхъ рабо-

Все вышеизложенное приводитъ къ такому выводу: сокращается помѣщичье хозяйство. На его мѣсто становится крестьянинъ и, на второмъ планѣ, купеческій элементъ провинціальныхъ городовъ. Орудіями этого процесса служатъ *покупка* и *аренда*. Болѣе подробное изслѣдованіе вопроса потребовало бы детальнаго обсужденія обоихъ явленій.

Особенно необходимо здѣсь упомянуть о государственномъ *крестьян-*

чихъ есть нѣсколько весьма добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ работъ. Изъ нихъ укажемъ: *Кн. Шаховской.* Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. Москва, 1896 г., и, особенно,—*Е. Варбъ.* Наемные сельско-хозяйственные рабочіе. Москва, 1899 г. и *В. В. Хижняковъ.* Прошлые сельско-хозяйственные рабочіе въ Херсонской губ. Херсонъ, 1899 г.

Въ общемъ, о недостаткѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и въ центральной полосѣ, и на югѣ Россіи не можетъ быть и рѣчи. Точно также слѣдуетъ признать, что заработная плата русскихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, сравнительно съ западно-европейской, и сравнительно съ платой промышленнымъ рабочимъ въ Россіи, весьма не высока, не говоря уже о практикующихся многочисленныхъ способахъ, ростовщическаго характера, урѣзыванія номинальной платы; значительное повышеніе заработной платы при урожаѣ на югѣ отходитъ уже въ область преданій, такъ какъ массовое распространеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ создало тамъ хроническую безработицу среди отхожихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и въ значительной мѣрѣ замѣнило трудъ взрослыхъ мужчинъ трудомъ женщинъ и дѣтей. Отсюда ясно, что недостатокъ и дороговизна рабочихъ, на которыя такъ любятъ жаловаться наши землевладѣльцы, совсѣмъ не могутъ служить объясненіемъ того факта, что весьма большое число помѣщичьихъ имѣній эксплуатируется путемъ сдачи въ краткосрочную аренду, а не путемъ веденія собственнаго хозяйства. Объясняется это явленіе цѣлымъ комплексомъ экономическихъ и историческихъ причинъ, разбираться въ которыхъ здѣсь не позволяетъ намъ мѣсто. Однако, не безполезно будетъ указать здѣсь, что арендная плата въ центральной полосѣ, благодаря исторически сложившимся условіямъ существованія крестьянской массы, заключаетъ въ себѣ не только ренту землевладѣльца, но и предпринимательскую прибыль и даже *часть заработной платы.* Это ясно изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся къ земледѣльческимъ уѣздамъ Нижегородской губ. и взятыхъ изъ „Матеріаловъ къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи". Экономическая часть, вып. XIV. Н.-Новгородъ, 1899 г., стр. 272 и 273.

Уѣзды.	Рожь. Чистый доходъ 1 дес. при собств. хозяйствѣ.	Арендная плата за 1 дес.	Разница.	Яровое. Чистый доходъ 1 дес. при собств. хозяйствѣ.	Арендная плата за 1 дес.	Разница.
	(В ъ к о н ѣ й к а х ъ).					
Ардатовскій. .	304	651	+ 347	301	408	+ 107
Арзамасскій. .	430	691	+ 261	360	469	+ 109
Княгининскій .	523	776	+ 253	433	518	+ 85
Сергачскій . .	588	998	+ 410	691	787	+ 96
Лукояновскій .	345	801	+ 456	580	519	— 61

Нижегородская губ., въ общемъ, носитъ промышленный характеръ; въ центральныхъ

скомъ банкѣ [1]), ссужающемъ общины, товарищества и отдѣльныхъ крестьянъ деньгами на покупку земли подъ закладныя. Въ послѣднее время банкъ сталъ и самъ покупать крупныя имѣнія для перепродажи ихъ по частямъ крестьянамъ. Къ концу 1896 года крестьянами было пріобрѣтено при помощи крестьянскаго банка $2^1/_2$ милліона десятинъ.

Но и помимо государственнаго содѣйствія прежняя помѣщичья земля переходитъ въ руки крестьянъ и другихъ не-дворянскихъ сословій посредствомъ самостоятельной покупки. Повсюду въ Россіи можно слышать объ отдѣльныхъ примѣрахъ, когда крестьяне, казаки и т. п. сами становились крупными землевладѣльцами. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать о купеческомъ капиталѣ, жадно набрасывающемся на помѣщичью землю [2])— доказательство доходности хозяйства, поставленнаго на купеческую ногу, и при нынѣшнихъ хлѣбныхъ цѣнахъ [3]), по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ цѣна земли не поднята чрезмѣрно высоко вслѣдствіе конкурренціи мелкихъ хозяевъ.

же черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ арендная плата значительно выше, выраженное вышеприведенными цифрами отношеніе должно быть еще неблагопріятнѣе для результатовъ экономической эксплуатаціи помѣщичьей земли. До тѣхъ поръ, пока сдача въ аренду является одной изъ самыхъ легкихъ и почти не требующихъ оборотнаго капитала формъ эксплуатаціи рабочей силы и однимъ изъ способовъ урѣзыванія заработной платы, едва-ли успѣшно будетъ развиваться собственное помѣщичье хозяйство]. *Прим. ред.*

[1]) См. оффиціальный отчетъ о дѣятельности крестьянскаго банка за 1896 годъ.

[2]) Матеріалы о движеніи земельной собственности въ Россіи. Сост. *А. Рейнботомъ*. Вып. I—1896 г., вып. II—1897 г. и вып. III—1898 г., оффиціальное изданіе Министерства Финансовъ. Я пользовался только выдержками изъ нихъ, приведенными у *Raffalowich'a*. Marché financier 1897—98 г., p. 372 и сл.

[3]) Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ: управляющій самарскимъ имѣніемъ князя Ливена, человѣкъ, вполнѣ заслуживающій довѣрія, предоставилъ въ мое распоряженіе отчетъ по урожаю 1895 года; изъ отчета этого видно, что и при тогдашнихъ цѣнахъ на хлѣбъ зерновое хозяйство этой мѣстности давало прибыль, въ восьмидесятыхъ же годахъ на немъ можно было нажить богатство.

Средняя арендная плата за десятину пашни подъ пшеницу .	7	руб. —	коп.
Вспашка	4	„ —	„
Бороньба	2	„ —	„
Посѣвъ (трудъ и сѣмена).	6	„ —	„
Жатва, вязанье сноповъ и подвозъ ихъ къ молотилкѣ (заработная плата и харчи рабочимъ)	9	„ —	„
Молотьба	2	„ —	„
Подвозъ къ волжской пристани	1	„ 40	„
	Итого 31	руб. 40	коп.

Всѣ издержки приняты относительно высоко, по обычнымъ въ этой мѣстности

Въ качествѣ покупщика помѣщичьей земли особенное значеніе имѣетъ мелкое купечество уѣздныхъ городовъ и торговыхъ селъ, стоящее въ близкихъ отношеніяхъ къ сельскому хозяйству и сельскому населевію. Такіе горожане нерѣдко хозяйничаютъ на обширныхъ общественныхъ земляхъ съ сохраненіемъ порядковъ общиннаго землевладѣнія. Во время моего путешествія по Россіи я часто имѣлъ случай наблюдать этотъ важный классъ населенія.

Старое поколѣніе такихъ купцовъ вело совершенно крестьянскій образъ жизни и не имѣло ничего общаго съ западно-европейскою образованностью, представителемъ которой являлся классъ земельнаго дворянства. Новое поколѣніе начинаетъ жить „по европейски“; оно начинаетъ вращаться въ обществѣ уѣзднаго города, среди чиновниковъ и дворянъ. Своихъ дѣтей оно посылаетъ въ высшія учебныя заведенія, подготовляя этимъ значительный переворотъ въ общественной группировкѣ народа [1]).

Терпигоревъ ярко обрисовалъ процессъ перехода помѣщичьихъ имѣній въ руки такихъ элементовъ. Слабость, легковѣріе и безхарактерность губятъ однихъ; хитрость и обманы, но также энергія и умѣнье хозяйничать возвышаютъ другихъ. Сначала новые владѣльцы расхищали имѣнія, особенно лѣса, пока было, что расхищать. Но затѣмъ земля, которую вслѣдствіе хищническаго хозяйничанья трудно было продать, требовала сельско-

---

сдѣльнымъ цѣнамъ. Урожай въ 7 кулей съ десятины нельзя считать особенно высокимъ.

Сборъ хлѣба	7 кулей.
Цѣна на волжской пристани (октябрь 1895 г.) . . .	35 руб. 70 коп.
Издержки производства	31 „ 40 „
Чистая прибыль арендатора	4 руб. 30 коп.

Такъ какъ земля въ данномъ случаѣ цѣнится не свыше 60 рублей за десятину, то, при 7 рубляхъ арендной платы, она, кромѣ прибыли арендатора, даетъ еще относительно высокую ренту сдатчику. Нужно, однако, имѣть въ виду, что при господствующей системѣ хозяйства приходится на нѣсколько лѣтъ подъ рядъ запускать землю подъ выгонъ, арендная плата за который, разумѣется, значительно ниже.

[1]) Въ приволжскомъ торговомъ селѣ Балаковѣ я слышалъ о купцахъ, скупившихъ по 200,000 десятинъ и болѣе. Самый крупный изъ нихъ жилъ совершеннымъ мужикомъ. Когда онъ объѣзжалъ свои имѣнія, управляющіе угощали его вонючей свининой и гречневой кишей, которую и съѣдали сами съ удовольствіемъ, когда „старикъ“ уѣзжалъ. По мнѣнію старика, всѣ управляющіе—плуты; и дѣйствительно всѣ они быстро богатѣли, но хозяинъ ихъ — также. Когда одинъ только-что поступившій на мѣсто управляющій, заразившійся уже европейскимъ духомъ, хотѣлъ представить старику письменный отчетъ, тотъ страшно разсердился: „ты хочешь меня надуть“,—кричалъ онъ,—„напиши-ка лучше, что ты укралъ у меня“.

хозяйственнаго пользованія. Несомнѣнно, что новые владѣльцы изъ купеческаго и крестьянскаго сословій ведутъ хозяйство раціональнѣе, чѣмъ ихъ предшественники. Они не возводятъ, говоритъ Терпигоревъ, такихъ дорогихъ фантастическихъ построекъ, какъ дворяне; они употребляютъ меньше машинъ, но тѣ машины, которыя они употребляютъ, дѣйствуютъ.

Я далекъ отъ того, чтобы прикрашивать нравственные недостатки многочисленныхъ членовъ этого класса. Первое поколѣніе ихъ походитъ на беззастѣнчивое поколѣніе скваттеровъ (Squatter), людей съ энергичнымъ характеромъ, но въ нравственномъ отношеніи сомнительныхъ. Пусть-же ихъ дѣти разовьются въ дѣятельныхъ янки, которыхъ ждутъ сокровища русской почвы! Нужно надѣяться, что и часть сыновей дворянства пойдетъ по этому пути, для котораго нужны только трудолюбіе и энергія.

Упомянемъ здѣсь кстати объ управляющихъ нѣмцахъ, этой типичной фигурѣ русской сельской жизни; они—важнѣйшая опора дворянства противъ натиска крестьянъ и купцовъ. Мало понимая особенности окружающей ихъ народной жизни, нерѣдко нелюбимые крестьянами за свою педантичность и прямолинейность, они съ удивительною преданностью служатъ интересамъ своихъ довѣрителей, часто живущихъ гдѣ нибудь далеко на сторонѣ. На родинѣ имъ стало слишкомъ тѣсно; привыкнувъ къ русскому простору, „они уже не могли-бы жить въ Германіи“. Всѣ результаты ихъ работы идутъ на пользу исключительно русскому народному хозяйству; въ органахъ самоуправленія и общественныхъ собраніяхъ (клубахъ) ихъ нерѣдко очень любятъ за ту „дисциплину“, которую они вносятъ.

Но дворянское хозяйство сокращается не только путемъ продажи, но и путемъ сдачи въ аренду. *Крестьянская аренда*—одно изъ важнѣйшихъ явленій современныхъ русскихъ аграрныхъ отношеній. По этому вопросу цѣнныя указанія даетъ прекрасная книга Карышева [1]). Особенно слѣдуетъ имѣть въ виду глубокое различіе между долгосрочною арендою въ Западной Европѣ и *преимущественно однолѣтнею арендою* въ Россіи.

По Карышеву, сдатчиками земли являются дворяне, съемщиками—крестьяне; въ арендныхъ сдѣлкахъ участвуетъ болѣе половины всего крестьянскаго населенія Россіи; снимаютъ землю средніе и зажиточные крестьяне, бѣдняки-же и въ качествѣ арендаторовъ остаются не при-

[1]) Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Томъ II.—*Н. Карышевъ*. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Дерптъ, 1892 г. См. также анонимную книгу, вышедшую изъ подъ пера высокопоставленнаго сановника (Ермолова) „Неурожай и народное бѣдствіе“. С.-Пб, 1892 г., стр. 99 и сл.

чемъ. Чѣмъ крупнѣе надѣлъ крестьянина, чѣмъ больше у него скота и чѣмъ больше рабочихъ силъ во дворѣ, тѣмъ сильнѣе стремится онъ арендовать помѣщичью землю.

Карышевъ различаетъ три формы аренды: аренду общинную, товарищескую и единоличную. Общины являются въ качествѣ арендаторовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля имѣется въ изобилiи и арендныя цѣны стоятъ низко. Вначалѣ, при общинной арендѣ поддерживается нѣкоторая уравнительность между крестьянами—земля раздѣляется между всѣми членами общины по душамъ. Съ повышеніемъ арендныхъ цѣнъ, разверстка по душамъ прекращается, въ пользованіе арендованной землею участвуютъ только болѣе состоятельные члены общины потому, что только они гарантируютъ взносъ арендной платы. Но арендныя цѣны поднимаются еще выше; за послѣднія три десятилѣтія онѣ поднялись колоссально—на востокѣ и западѣ Россіи въ 2 и 3 раза, въ центрѣ и на югѣ въ 4 и 5 разъ; мѣсто общинной аренды заступаетъ аренда товариществами (артелями) состоятельныхъ крестьянъ и, наконецъ, аренда отдѣльными зажиточными хозяевами.

Арендная плата въ Россіи вносится преимущественно натурою (испольная аренда) или отработками. Недостатки обѣихъ этихъ системъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи вполнѣ очевидны. При испольной арендѣ поля обрабатываются большею частью весьма небрежно потому, что для крестьянина наиболѣе выгоднымъ является средній урожай при незначительной затратѣ труда. Чтобы получить высшій урожай, ему пришлось бы работать относительно больше, добавочный уже продуктъ дѣлить съ владѣльцемъ земли. Такую же неутѣшительную картину представляетъ и аренда за отработки. Она означаетъ обработку владѣльческой пашни крестьянскимъ инвентаремъ и принудительнымъ крестьянскимъ трудомъ. Для работы на барской землѣ, крестьянинъ долженъ бросать свое поле какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно наиболѣе нуждается въ его трудѣ. Эта система увѣковѣчиваетъ всѣ недостатки несвободнаго труда.

Съ другой стороны книга Карышева обнаруживаетъ сильное недовольство крестьянъ испольною и отработочною арендою. Болѣе состоятельные хозяева стараются арендовать землю за деньги, хотя бы для того, чтобы имѣть бо́льшую свободу дѣйствій въ своемъ хозяйствѣ. Кромѣ того, при денежной арендѣ арендная плата сравнительно ниже и менѣе обременительна, чѣмъ при арендѣ отработочной и испольной потому, что въ послѣднемъ случаѣ сдатчикъ земли несетъ трудъ и рискъ продажи продуктовъ хозяйства. И сдатчики предпочитаютъ денежную аренду, если только существуетъ хоть какая нибудь гарантія, что съемщикъ внесетъ арендную плату и въ случаѣ

неурожая. Разъ рискъ сдатчика уменьшается, арендная плата можетъ быть ниже. По Карышеву, денежная аренда уже въ настоящее время преобладаетъ тамъ, гдѣ существуютъ болѣе крупные и богатые скотомъ крестьянскіе дворы. При полной же необезпеченности и хозяйственной слабости съемщиковъ, что во многихъ частяхъ Россіи составляетъ правило, и въ настоящее время еще господствуетъ испольная аренда или аренда за отработки.

Срокъ аренды въ Россіи большею частью однолѣтній. Чѣмъ болѣе помѣщикъ отказывался отъ своихъ патріархальныхъ отношеній къ крестьянамъ и старался только возможно выше поднять свою ренту, тѣмъ болѣе укорачивалъ онъ срокъ аренды; въ виду необезпеченности съемщиковъ и отсутствія удобренія, болѣе долгіе сроки аренды не давали никакихъ выгодъ; наоборотъ, однолѣтняя аренда давала помѣщику возможность наиболѣе полно использовать благопріятныя коньюнктуры. Но, съ другой стороны, книга Карышева показываетъ, что параллельно съ развитіемъ денежной аренды, существуетъ тенденція къ удлиненію арендныхъ сроковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда арендаторами являются лица болѣе состоятельныя и вводится удобреніе и правильный плодосмѣнъ.

Развитіе денежной и долгосрочной аренды ускоряется появленіемъ „капиталистическихъ“ крупныхъ арендаторовъ. Это люди, большею частью сами вышедшіе изъ крестьянскаго сословія и достигнувшіе нѣкотораго благосостоянія путемъ торговыхъ и кредитныхъ операцій. Они арендуютъ землю или для передачи ея по частямъ, или для веденія собственнаго хозяйства. Передача земли становится все труднѣе по мѣрѣ того, какъ многочисленный средній слой крестьянства переходитъ въ пролетаріатъ и прекращаетъ собственное хозяйство. Капиталистическая аренда съ цѣлью веденія собственнаго хозяйства ведетъ къ возникновенію крупныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, правда—въ рукахъ болѣе энергичнаго класса предпринимателей, чѣмъ дворянство.

И по вопросу о русской крестьянской арендѣ я могъ бы кое-что почерпнуть изъ личныхъ впечатлѣній и устныхъ сообщеній. Баронъ Бэръ, главный управляющій посѣщенной мною Ливенской экономіи, какъ и всѣ сельскіе хозяева, спрошенные мною относительно этого предмета, были согласны въ томъ, что причиною однолѣтней аренды является хозяйственная слабость крестьянъ. Такъ какъ съ крестьянъ невозможно получать по исполнительнымъ листамъ, то долгосрочные арендные договоры не предохраняютъ ни отъ вліянія неблагопріятныхъ коньюнктуръ, ни отъ колебаній спроса на аренду подъ вліяніемъ неурожаевъ и т. д. Наоборотъ, при одно-

лѣтней арендѣ сдатчикъ можетъ по крайней мѣрѣ вполнѣ использовать благопріятную коньюнктуру. Къ тому же, удобреніе еще не вошло въ обычай у крестьянъ, такъ что и при долгосрочныхъ договорахъ нельзя разсчитывать на улучшеніе обработки земли со стороны крестьянъ. Связанные съ общиннымъ землевладѣніемъ передѣлы затрудняютъ образованіе слоя болѣе сильныхъ хозяевъ, которые бы давали достаточную гарантію для долгосрочной аренды и владѣли бы достаточнымъ количествомъ скота, чтобы, какъ слѣдуетъ, обрабатывать и удобрять землю.

Сказанное приводитъ къ такому выводу: *русскій сельскій хозяинъ — это русскій крестьянинъ* [1]). Въ подтвержденіе этого слѣдуетъ еще замѣтить, что относительная величина посѣвной площади на крестьянскихъ земляхъ значительно выше, чѣмъ на помѣщичьихъ. Для черноземной полосы, т. е. для главнаго района зернового хозяйства, Короленко приводитъ слѣдующія цифры:

	Десятинъ.	
	Крестьянскія земли.	Частновладѣльческія.
Культурная площадь . . .	77,711,012	53,110,463
Въ томъ числѣ пашня . . .	63,7%	44,3%
Изъ нея подъ посѣвомъ . . .	61,8%	55,4%

По Николаю—ону въ не-крестьянскихъ хозяйствахъ производится всего 13% общей цѣнности сбора главнѣйшихъ хлѣбовъ [2]).

Д. Недостатки русскаго крестьянскаго хозяйства.

Русскій крестьянинъ *былъ крѣпостнымъ*. До реформы Александра II крестьянское населеніе распадалось на два класса: государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Въ обоихъ случаяхъ цѣль крестьянскаго хозяйства лежала не въ немъ самомъ, а внѣ его—въ хозяйствѣ помѣщика или государства. Богатство землевладѣльцевъ—такъ какъ сама земля не имѣла цѣнности—считалось по числу принадлежавшихъ имъ работоспособныхъ

---

[1]) На это указывалъ уже *Thün*. Landwirtschaft und Gewerbe in Mittelrussland, S. 2. На этомъ вполнѣ правильномъ положеніи особенно настаиваютъ народники, но выводы, которые они дѣлаютъ отсюда,—ложны. См. выше.

[2]) *Николай—онъ*, стр. 137, 267. [Здѣсь Ш.-Г. ошибается, что ясно изъ сравненія площади крестьянскихъ и частновладѣльческихъ земель, особенно если принять во вниманіе болѣе высокіе урожаи на помѣщичьей землѣ. Николай—онъ говоритъ здѣсь о *доходѣ* отъ производства главнѣйшихъ хлѣбовъ, такъ что въ доходѣ крестьянъ сосчитана заработная плата, получаемая ими за трудъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. *Пр. ред.*].

крестьянъ, и имѣнія цѣнились не по размѣрамъ площади, а по количеству „душъ“. Поддержаніе работоспособности крестьянъ требовало надѣленія ихъ соотвѣтственнымъ количествомъ земли; для того-же, чтобы сохранить опредѣленное отношеніе между землею и рабочими силами, помѣщикъ долженъ былъ производить передѣлы, сообразуясь съ измѣненіями, происшедшими внутри населенія. То-же самое совершалось по Высочайшему указу черезъ неопредѣленные промежутки времени и на государственныхъ земляхъ [1]) во время такъ называемыхъ ревизій.

Отмѣна крѣпостного права дала крестьянамъ личную свободу и отдѣленіе крестьянской земли отъ государственной и помѣщичьей. Взамѣнъ того, на крестьянина были возложены выкупные платежи, полное погашеніе которыхъ по плану выкупной операціи должно было растянуться на нѣсколько десятилѣтій. Такъ какъ въ вознагражденіе дворянству государство выдало процентныя бумаги (выкупныя свидѣтельства), то выкупные платежи вносились исключительно государству. Государство заступило мѣсто помѣщика [2]).

Но при этомъ произошло еще одно важное измѣненіе: въ обширной полосѣ черноземной земледѣльческой Россіи помѣщики налагали на крестьянъ преимущественно натуральныя повинности и барщину; государство начало требовать *деньги* [3]). Освобожденіе русскихъ — какъ и всѣхъ другихъ — крестьянъ предполагало извѣстную ступень развитія денежнаго хозяйства, а во многихъ мѣстахъ Россіи эта ступень еще не была достигнута. При натуральномъ строѣ крестьянскаго хозяйства и низкомъ уровнѣ техники, унаслѣдованномъ отъ эпохи крѣпостного права, выкупные платежи и по-

---

[1]) Приведу изъ одной статьи превосходнаго знатока этого вопроса слѣдующія мѣста: „До введенія подушной подати полноправнымъ членомъ общины считался тотъ, кто владѣлъ дворомъ въ предѣлахъ общины, потому что только онъ несъ тягло, отбывалъ платежи и повинности въ казну... Чтобы имѣть возможность платить подушную подать, нужно было владѣть землею. Община поэтому... при распредѣленіи земли принимаетъ за единицу... ревизскую душу... (Такое) распредѣленіе вызывалось чисто фискальными цѣлями... Переложеніе подати съ душъ на земли и распредѣленіе земли по ревизскимъ душамъ должно было способствовать выработкѣ у народа убѣжденія, что каждый членъ общины имѣетъ право на равный со всѣми остальными участокъ земли“. *Н. Василенко.* Поземельная община. (въ древн. Руси и Великороссіи). „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Эфрона, томъ XXIV, стр. 209.

[2]) Подать, феодальныя повинности и рента сливаются на Востокѣ въ одно цѣлое. *Maine.* Village Communities.

[3]) На это различіе указываетъ „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., іюль, стр. 11.

дати часто поглощали весь доходъ съ земли и даже превышали его. Это имѣло мѣсто особенно въ черноземной полосѣ Центральной и Южной Россіи. Въ сѣверной полосѣ, уже во времена крѣпостного права, денежное хозяйство было болѣе развито и крестьяне были посажены на оброкъ. Здѣсь, послѣ освобожденія крестьянъ, оброкъ стало получать, вмѣсто помѣщика, государство, причемъ остатокъ доходовъ отъ земледѣлія, кустарныхъ и отхожихъ промысловъ по прежнему находился въ распоряженіи крестьянскаго населенія. Въ чисто-же земледѣльческихъ районахъ центральной, южной и восточной полосы, въ которыхъ лежитъ центръ тяжести русскаго хозяйства, землевладѣніе нерѣдко оставалось тѣмъ же, чѣмъ было и при крѣпостномъ правѣ: *не правомъ, а обязанностью.*

Доказательствомъ тому служатъ *недоимки* въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ, т. е. какъ разъ въ тѣхъ районахъ, гдѣ и до сихъ поръ натуральное хозяйство держится еще наиболѣе прочно. Интересныя данныя о недоимкахъ и ихъ географическомъ распредѣленіи приводятся въ упомянутой выше анонимной книгѣ — „Неурожай и народное бѣдствіе. С.-Петербургъ 1892 г.“ На плодородномъ черноземѣ недоимки больше, чѣмъ на сѣверѣ. Наибольшія недоимки тяготѣютъ на восточной полосѣ, затѣмъ идетъ Центральная Россія; характерно, что это какъ разъ тѣ мѣстности, въ которыхъ еще и въ настоящее время всецѣло царитъ общинное землевладѣніе. Незначительны недоимки на югѣ и западѣ Россіи; но эти районы, подъ вліяніемъ близости моря и товарнаго обращенія, наиболѣе далеко ушли впередъ по пути того денежнаго хозяйства, которое по мнѣнію „народниковъ“ означаетъ разореніе народа.

По отчетамъ государственнаго контроля, въ 1885 году недоимки крестьянскаго населенія составляли около 50 милліоновъ рублей, къ 1896-же году онѣ возросли до $142^1/_2$ милліоновъ. Между прочимъ—въ Воронежской губерніи недоимки составляли $164\,^0/_0$ оклада, въ Нижегородской — $306\,^0/_0$, въ Казанской—$355\,^0/_0$, въ Самарской—$342\,^0/_0$, въ Оренбургской—$492\,^0/_0$ [1]).

При этомъ отнюдь не снисходительность при взиманіи податей является причиною недоимокъ. Подати, за которыя отвѣчаетъ вся община, связанная круговою порукою, „выколачиваются“ мірскими властями; въ „Письмахъ изъ деревни“ А. Н. Энгельгардъ разсказываетъ, что не только отдѣльные крестьяне, но, случалось, и цѣлыя общины убѣгали темною ночью, спасаясь отъ недоимокъ. Тяжесть податей усиливается еще тѣмъ, что ихъ приходится вносить вскорѣ послѣ снятія урожая. Такимъ образомъ, крестьянина

[1]) *Issajeff.* Zur Politik des russischen Finanzministeriums, S. 7.

вынуждаютъ тотчасъ-же послѣ жатвы продавать свой хлѣбъ, между тѣмъ какъ, если-бы взносы податей были распредѣлены равномѣрно на весь годъ, онъ несомнѣнно самъ потребилъ-бы въ натурѣ значительную часть того хлѣба, который теперь онъ въ видѣ денегъ отдаетъ въ казну.

Успенскій [1]) констатируетъ весьма характерный фактъ, что вмѣсто прежняго спокойнаго житія современная жизнь крестьянина опредѣляется „стремленіемъ добыть денегъ“. Насколько недобровольно совершается немедленная продажа урожая, показываетъ, напримѣръ, фактъ, на который обращаетъ вниманіе Николай — онъ: при первомъ хорошемъ урожаѣ ржи цѣны на рожь падаютъ, потому что недоимки и долги заставляютъ крестьянина продавать хлѣбъ: наоборотъ, на слѣдующій годъ, при такомъ же хорошемъ урожаѣ ржи цѣны скорѣе крѣпнутъ, потому что крестьянинъ уже не продаетъ хлѣбъ, а самъ потребляетъ его. По отзывамъ всѣхъ знатоковъ дѣла, большинство крестьянъ имѣетъ достаточное питаніе только до Рождества, „богатые“—до Пасхи. Далѣе начинается недоѣданіе. Залѣзая въ долги, запродавая будущій урожай или свою будущую рабочую силу, въ крайнемъ случаѣ собирая—„Христа ради“, влачитъ крестьянинъ свое существованіе. Долги русскій крестьянинъ дѣлалъ съ потребительною цѣлью, т. е. или на пропитаніе, или на уплату податей.

Несоотвѣтствіе между денежными повинностями, съ одной стороны, и натуральнымъ строемъ крестьянскаго хозяйства—съ другой, усиливалось еще однимъ факторомъ, не позволявшимъ крестьянину вырваться изъ отношеній, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго,—духовнымъ обликомъ самого крестьянина, какъ бывшаго крѣпостного. Одинъ знаменитый знатокъ русской деревни характеризуетъ этотъ обликъ такими словами: „Крестьянинъ радуется или горюетъ, жалуется на свою судьбу или благодаритъ за нее Бога, но принимаетъ, и доброе, и худое, не допуская мысли, что первое можно привлечь, съ послѣднимъ можно бороться и побѣдить... Бытъ его мѣняется...; но эти перемѣны не плодъ его личнаго почина, а являются въ его глазахъ результатомъ дѣятельности той-же судьбы и тайныхъ невидимыхъ силъ, которыя управляютъ его жизнью. Полное отсутствіе самодѣятельности, полное и всецѣлое, безграничное подчиненіе тому, что приходитъ извнѣ,—вотъ основный принципъ всего міровоззрѣнія крестьянина... Протестъ противъ обстановки, когда она приходится не въ моготу, выражается или бѣгствомъ или внезапнымъ дикимъ порывомъ разрушенія“ [2]).

---

[1]) Сочиненія *Глѣба Успенскаго*. 4-е изданіе. С.-Пб., 1897 г., томъ II: „Изъ деревенскаго дневника“, стр. 21 и слѣд.

[2]) *К. Д. Кавелинъ*. Крестьянскій вопросъ. С.-Пб., 1882 г., стр. 151.

Способъ, которымъ было совершено освобожденіе крестьянъ, также содѣйствовалъ тому, что крестьянинъ прочно сохранялъ этотъ психологическій типъ крѣпостного. Мысль объ „освобожденіи крестьянъ съ землею“, т. е. о надѣленіи землею освобождаемыхъ крестьянъ, въ теченіи хода реформы все болѣе и болѣе ослаблялась въ интересахъ дворянства, и значительная часть земли осталась въ рукахъ дворянъ. Большая часть бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ превратилась такимъ образомъ въ пролетаріевъ, надѣленныхъ карликовыми участками; полученные ими надѣлы были слишкомъ ничтожны, чтобы послужить основой для развитія добродѣтелей, свойственныхъ свободному человѣку: труда, самопомощи и хозяйственнаго прогресса. На почвѣ безнадежности пролетарскаго существованія продолжали жить пассивость и забитость, какъ наслѣдіе крѣпостной эпохи.

Послѣдствіемъ такихъ условій было, по моему мнѣнію, *сохраненіе общиннаго землевладѣнія*. По вопросу о современномъ состояніи общиннаго землевладѣнія слѣдуетъ прежде всего указать на колоссальный фактическій матеріалъ, заключающійся въ земскихъ статистическихъ изданіяхъ; изданія эти составляютъ цѣлую библіотеку, частью весьма цѣннаго содержанія; было бы желательно, чтобы по крайней мѣрѣ въ одной изъ библіотекъ Германіи или Франціи имѣлось полное собраніе русскихъ земскихъ статистическихъ изданій [1]).

Затѣмъ для уясненія современныхъ условій общиннаго землевладѣнія нужно указать на его *фискальное происхожденіе*. Даже при выработкѣ закона объ освобожденіи крестьянъ фискальныя соображенія играли выдающуюся роль, что доказывается сохраненіемъ внутри общины круговой поруки въ уплатѣ податей и выкупныхъ платежей. Тамъ, гдѣ круговая порука имѣла практическое значеніе, т. е. тамъ, гдѣ подать поглощала почти весь доходъ съ земли или превышала его, крестьянская реформа укрѣпила общинное землевладѣніе и даже распространила его на такія мѣстности, гдѣ его раньше не было. Теоретическое нерасположеніе многихъ

---

[1]) Краткое, но весьма цѣнное сопоставленіе важнѣйшихъ результатовъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій имѣется въ „Итогахъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики“. Томъ I. Москва, 1892 г. Полезный обзоръ современнаго состоянія общиннаго землевладѣнія далъ недавно на нѣмецкомъ языкѣ *Simkhovistch*,— Die Feldgemeinschaft in Russland. Jena, 1898. Тому, кто немного знакомъ съ русскою литературою, книга даетъ мало новаго; это впрочемъ не упрекъ, потому что вѣрно направить свой корабль по безбрежному морю, на которомъ столь многіе заблудились,— тоже заслуга. Компасъ далъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ *Чичеринъ*. Этотъ великій ученый служилъ путеводителемъ для всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей.

членовъ законодательной комиссіи къ общинному землевладѣнію отступило на задній планъ передъ фискальными соображеніями [1]).

И донынѣ общинное землевладѣніе наиболѣе прочно держится въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, въ которыхъ товарно-денежное хозяйство сравнительно мало развито, тамъ, гдѣ противорѣчіе между денежными повинностями и натуральнымъ хозяйствомъ наиболѣе рѣзко. Тамъ, посредствомъ частыхъ передѣловъ землевладѣніе, объектъ податного обложенія, приспособляется къ измѣненіямъ въ распредѣленіи рабочихъ силъ между отдѣльными хозяйствами. Въ основаніе разверстки въ такихъ случаяхъ кладется большею частью рабочая сила [2]). Часто община надѣляетъ землю, какъ прежде надѣляли помѣщики, отдѣльнымъ парамъ (тягло, трудоспособные мужъ и жена). Тамъ, гдѣ податныя условія особенно обременительны, величина надѣла часто еще точнѣе приспособляется къ силамъ каждаго члена общины, причемъ взвѣшиваются всѣ обстоятельства; такъ, иногда подростки считаются за $^1/_2$ души, старики 60—70 лѣтъ освобождаются отъ земли, тѣлесные недостатки, напр.,—ослабленіе зрѣнія, считаются основаніемъ для уменьшенія размѣровъ надѣла и т. д. [3]).

При такихъ обстоятельствахъ землевладѣніе становится обязанностью, отъ которой не вправѣ отказаться никто изъ членовъ общины. Состоятельные крестьяне скрываютъ свою зажиточность, чтобы не получить земли больше, чѣмъ то соотвѣтствуетъ числу работниковъ во дворѣ. И все таки, несмотря на всѣ старанія общины, нѣкоторые участки остаются необработанными, потому что владѣльцы ихъ или разболѣются или „обезсиливаютъ“. Хозяевъ, лишившихся всего скота и потому перешедшихъ въ разрядъ безнадежныхъ недоимщиковъ, община освобождаетъ отъ земли, навалливая ихъ надѣлы на болѣе состоятельныхъ и владѣющихъ скотомъ крестьянъ, которые часто всѣми силами сопротивляются этому.

По словамъ „Итоговъ“, условія, подобныя описаннымъ, еще сильно распространены по всей Центральной и Восточной Россіи, отъ Москвы и Рязани до Саратова и Самары [4]). Тамъ, гдѣ господствуютъ подобныя условія, общинное землевладѣніе является необходимою формою крестьянской хозяй-

---

[1]) *Н. Бржескій.* Крестьянская земельная община по новымъ даннымъ. „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1897 г., ноябрь, стр. 62—63 и, 1898 г., іюль, стр. 8.

[2]) „Итоги...“, I, разверстка по тяглам—стр. 68, 224; по работникамъ—стр. 285, 290; по силѣ—стр. 66, 75, 362. См. также *Keussler*, II, 8. 300.

[3]) „Итоги...“, I, стр. 66—69, 246.

[4]) „Итоги...“, I, заброшенные надѣлы въ Рязанской губ.—стр. 282, 283; въ Саратовской—стр. 272, 273; въ Тамбовской—стр. 288; въ Самарской—стр. 361.

ственной жизни—столь необходимою, что національныя привычки и наклонности въ этомъ случаѣ отступаютъ совершенно на задній планъ. Такъ напр., даже на Кавказѣ туземное населеніе, подъ гнетомъ подымной подати, мѣстами прибѣгало къ общинному землевладѣнію [1]). Даже такія общества, въ которыхъ издавна господствовало подворное владѣніе, переходятъ къ общинному землевладѣнію, вслѣдствіе образованія „безхозяйныхъ“ участковъ.

Конечно, ужъ не этическія соображенія заставляютъ сохранять общинные порядки: крестьянинъ слишкомъ бѣденъ, чтобы позволить себѣ роскошь соціальной политики; и дѣйствительно, вдовы и сироты, какъ ненадежные плательщики, большею частью вовсе не получаютъ земли [2]).

Въ дѣйствительности сохраненіе этой хозяйственной формы, которую славянофилы облекли въ какой то мистическій покровъ, основывается въ такихъ случаяхъ скорѣе на слѣдующемъ: частная собственность предполагаетъ частно-хозяйственный интересъ къ объекту ея; повинности же выполняются легче всего тогда, когда онѣ возможно равномѣрнѣе приспособляются къ силамъ каждаго [3]).

Кромѣ только что описанныхъ условій часто встрѣчаются такіе случаи, когда подати, хотя и не превышаютъ дохода съ земли, но поглощаютъ его почти цѣликомъ. И въ этомъ случаѣ земля еще не имѣетъ частно-хозяйственной цѣнности; каждый, не только не стремится захватить ея по возможности больше, но, наоборотъ, старается получить не болѣе того, что необходимо для содержанія самого себя и своей семьи. Подобно пользованію воздухомъ и водой—благами, которыя также не имѣютъ частно-хозяйственной цѣнности—каждый беретъ столько земли, сколько ему нужно; взять больше онъ не хочетъ, потому что больше земли—больше податей. Крестьянинъ не научился еще цѣнить прелесть повышенія жизненнаго уровня и не желаетъ затрачивать лишній трудъ на обработку большаго количества земли, чтобы выбиться изъ самыхъ жалкихъ условій существованія.

И въ этомъ случаѣ передѣлы происходятъ часто; землю разверстываютъ часто „по согласію“ („по милу“), „по потребности“. Каждый говоритъ, сколько ему нужно, оставшаяся-же земля принудительно накладывается на

---

[1]) *Keussler*. Gemeindebesitz, II, S. 37; III, S 65, 69. „Итоги...“, I, стр. 273.

[2]) *Бржескій*. „Русское Экономическое Обозрѣніе“ 1898 г., іюль, стр. 11: „Исключительно податными соображеніями“ руководствуется община.

[3]) *Simkhowitsch*, S. 134: „Чѣмъ болѣе платежи превышаютъ доходъ съ земли, тѣмъ менѣе заинтересованы крестьяне въ противодѣйствіи передѣламъ, и тѣмъ чаще происходятъ передѣлы“.

состоятельныхъ хозяевъ, потому что вся земля должна обрабатываться и участвовать въ несеніи податного бремени. Такое же значеніе имѣетъ часто разверстка „по душамъ“, „по ѣдокамъ“, причемъ принимаются во вниманіе и женскія души [1]). И при такомъ способѣ разверстки рѣшающую роль играютъ отнюдь не „соціальныя“ побужденія; это доказывается уже тѣмъ, что, бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ, недоимщики дѣйствительные и вѣроятные, и въ этомъ случаѣ не получаютъ земли. И при такихъ условіяхъ землевладѣніе еще не является правомъ; міръ долженъ еще употреблять всевозможныя усилія, чтобы навалить на кого нибудь освобождающіеся участки [2]), а такіе участки постоянно образуются вслѣдствіе забрасыванія прежними владѣльцами или обѣднѣнія этихъ послѣднихъ.

Несоотвѣтствіе между существующимъ натуральнымъ хозяйствомъ и обременяющими его денежными повинностями проявляется не только въ сохраненіи общиннаго землевладѣнія, но и въ состояніи *земледѣльческой техники*.

Поэтому вопросу даетъ, напримѣръ, богатый матеріалъ цитированная выше книга вліятельнаго анонимнаго автора—„Неурожай и народное бѣдствіе“. Болѣе детальное изслѣдованіе показало-бы, что обременяющіе землю денежные повинности покрываются частью не продуктами, а самымъ капиталомъ почвы.

Прежде всего слѣдуетъ указать на неоднократно констатированную убыль скота [3]). Явленіе это слѣдуетъ поставить въ связь съ сокращеніемъ площади выгоновъ и сѣнокосовъ для расширенія, вынуждаемаго податнымъ гнетомъ, производства хлѣба на продажу. Но, при недостаточномъ количествѣ скота, невозможно удобрять и болѣе интенсивно обрабатывать поля.

Далѣе, отмѣтимъ здѣсь же обезлѣсеніе Южной Россіи, на которое раз-

---

[1]) „Итоги...“, I, разверстка „по согласію“—стр. 256, 298; „по ѣдокамъ“—стр. 77, на души обоего пола—стр. 254. При разверсткѣ „по душамъ“ принимаются во вниманіе только мужскія души, при разверсткѣ „по ѣдокамъ“ — также и женскія. Такъ объясняетъ по Орлову *И. Миклашевскій*. Поземельная община (современное положеніе). „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Томъ XXIV, стр. 216.

[2]) *Simkhowitsch*, S. 119: „Къ тому или другому способу разверстки крестьянскія общины въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи прибѣгаютъ подъ вліяніемъ *экономическихъ* соображеній“. Эту мысль я уже высказывалъ въ Preussische Jahrbücher 1894, Band 75, Heft 3, S. 449 ff.

[3]) Подробнѣе объ этомъ у *Николая—она*, стр. 60, 242, 312. Въ 1876 году въ Россіи было лошадей не больше, чѣмъ въ 1851. Оффиціозное „Русское Экономическое Обозрѣніе“ (1898 г., іюль, стр. 38) также констатируетъ убыль скота за восьмидесятые годы.

дается столько жалобъ и которому приписываютъ возростающую сухость климата. Въ доказательство этого указываютъ на высыханіе многихъ мелкихъ рѣкъ, образованіе овраговъ, распространеніе летучихъ песковъ, особенно на юго-востокѣ имперіи, пониженіе уровня Каспійскаго моря и т. д. Приведемъ одно указаніе изъ многихъ. Вотъ что говоритъ о Воронежской губерніи, лежащей въ самомъ центрѣ черноземной полосы, одинъ сельскій хозяинъ въ своемъ дневникѣ, напечатанномъ въ 1893 году: „Въ послѣднее время обширныя пространства плодородной земли превратились въ пустоши. Повсемѣстно въ губерніи наблюдается исчезновеніе прудовъ, высыханіе рѣкъ, образованіе овраговъ. Истощеніе питательныхъ силъ почвы идетъ быстрыми шагами впередъ, и тамъ, гдѣ прежде стояли хлѣба, росли травы и лѣсъ, теперь нѣтъ никакой растительности“. Правда, такіе жалобы раздаются подъ впечатлѣніемъ предшествовавшихъ неурожаевъ и обобщать ихъ безъ дальнѣйшей критики нельзя [1]).

Интересно освѣщаетъ связь всѣхъ этихъ явленій Николай—онъ; хотя „народническое“ направленіе этого автора часто приводитъ его къ односторонне песимистическимъ выводамъ, которые слѣдуетъ принимать съ осторожностью. Но разсужденіе, приводимое ниже, несомнѣнно весьма остроумно подмѣчаетъ существующую на самомъ дѣлѣ связь: „Населеніе продолжаетъ расти... Чтобы просуществовать, приходится расширять пашню на счетъ выгоновъ, луговъ, приходится сводить лѣсъ и всѣми этими дѣйствіями еще болѣе ухудшать стихійныя условія, все болѣе и болѣе подчиняться имъ. Но расширеніе пашни на счетъ выгоновъ и луговъ ведетъ только къ сокращенію скота, который и безъ того становится въ тягость, вслѣдствіе трудности прокормить его зимою. Скотъ продается. Съ уменьшеніемъ количества скота уменьшается количество удобренія; неунавоженная почва легче подвергается вліянію засухи“ [2]).

Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что русская промышленность и транспортъ стали примѣнять современную технику. Вслѣдствіе этого крестьянинъ часто лишался подсобныхъ занятій—кустарныхъ промысловъ и извоза, бывшаго прежде прибыльнымъ занятіемъ въ зимнее время; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишался и того заработка, который прежде давалъ ему значительную часть средствъ, необходимыхъ для уплаты податей. Это обстоятельство заставило его выносить на рынокъ все бо́льшую

---

[1]) О климатическихъ и метеорологическихъ условіяхъ см. „Неурожай и народное бѣдствіе“, стр. 11 и сл.

[2]) *Николай—онъ*, стр. 312.

и бо́льшую долю урожая. При застоѣ земледѣльческой техники эта доля росла не на счетъ повышенія производительности почвы, а насчетъ потребленія и почвеннаго капитала.

По той-же причинѣ крестьянинъ вынужденъ былъ сокращать посѣвы льна и овцеводство, доставлявшіе ему прежде сырой матеріалъ для домотканной одежды. Онъ вынужденъ былъ покупать продукты промышленности, прежде всего продукты текстильной промышленности, и притомъ покупать по цѣнамъ, которыя, благодаря таможенной системѣ, значительно превышали цѣны, существующія на міровомъ рынкѣ. Это обстоятельство еще увеличило потребность крестьянина въ деньгахъ, а такъ какъ доходы его не росли, то деньги эти часто добывались путемъ пониженія питанія или расхищенія почвы и земледѣльческаго инвентаря.

При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно отсутствіе капитала въ крестьянскомъ хозяйствѣ—недостатокъ въ удобреніи и въ улучшенныхъ орудіяхъ. До сихъ поръ еще въ Великороссіи пользуется широкимъ распространеніемъ традиціонная соха, поверхностно взрывающая почву и не переворачивающая ее. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ отрицалась необходимость удобренія на черноземѣ; въ настоящее время никому не придетъ въ голову сомнѣваться въ пользѣ удобренія. Крестьянинъ выразилъ даже свое пониманіе значенія удобренія въ поговоркѣ: „навозъ—не святой, а творитъ чудеса“. И все-же я по личнымъ наблюденіямъ могу разсказать, что часто возлѣ помѣщичьихъ домовъ и крестьянскихъ избъ нагромождены цѣлые горы навоза; чтобы расчистить проходъ къ дому, навозъ этотъ часто сваливаютъ въ рѣку. На югѣ я еще повсюду засталъ употребленіе сухого навоза въ качествѣ топлива.

Въ особенности попытки ввести посѣвы травъ или корнеплодовъ на паровомъ полѣ и, такимъ образомъ, повысить производительность той же площади, разбиваются о бѣдность и некультурность крестьянина.

Нерѣдко указываютъ, какъ на причину техническаго застоя, на земельную общину; на это я возразилъ бы, что общинное землевладѣніе, какъ и всякій правовой институтъ вообще, является не столько причиною, сколько симптомомъ хозяйственныхъ условій. Съ другой стороны, однако, нельзя не признать, что институтъ этотъ въ свою очередь оказываетъ огромное вліяніе на хозяйственныя условія. Побужденіе вложить свой трудъ или капиталъ въ землю совершенно отсутсвуетъ тамъ, гдѣ трудолюбивый человѣкъ долженъ платить недоимки своего лѣниваго сосѣда и гдѣ ему грозитъ опасность при слѣдующемъ передѣлѣ получить вмѣсто земли, на улучшеніе которой

онъ затратилъ массу труда, какой нибудь запущенный участокъ. Извѣстно, что бѣдные хозяева требуютъ передѣловъ съ цѣлью освободиться отъ своихъ истощенныхъ полосъ и обмѣнять ихъ на лучшія [1]). Вполнѣ доказано, что передѣлы земли и удобреніе взаимно исключаютъ другъ друга; тамъ гдѣ земля удобряется, она рѣдко или вовсе не передѣляется—и наоборотъ [2]).

На такую отсталую технику почва реагируетъ *неурожаями*. Что неурожаи вызываются, главнымъ образомъ, экономическими причинами, доказываетъ то обстоятельство, что, какъ извѣстно, нерѣдко посреди района неурожая въ лучше обработанныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и на правильно удобряемыхъ поляхъ собирается хорошая жатва.

При отсутствіи-же всякихъ сбереженій неурожаи означаютъ періодическую голодовку крестьянскаго населенія. Физическое состояніе крестьянъ въ такое время характеризуется слѣдующимъ сообщеніемъ, слышаннымъ мною во время поѣздки въ Саратовскую губернію. Во время голода 1892 года заработная плата на сельско-хозяйственный трудъ поднялась особенно высоко. Крестьяне были слишкомъ обезсилены и истощены, чтобы искать работы. По мѣрѣ того какъ положеніе крестьянъ улучшалось, они начали охотнѣе браться за работу; заработная плата упала, потому что предложеніе труда увеличилось [3]). Въ связи съ этимъ можно было бы указать на чрезвычайно вы-

---

[1]) *Бржескій.* „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., іюль, стр. 40.

[2]) Если *А. Посниковъ* („Общинное землевладѣніе“, 2-е изд., Одесса, 1878 г.) ссылается въ защиту общиннаго землевладѣнія на англійскую арендную систему, при которой, несмотря на срочность пользованія землею, фермеры произвели грандіозныя меліораціи, то онъ забываетъ, что а) англійскій сдатчикъ земли — аристократъ-капиталистъ, вкладывающій въ свою землю деньги съ цѣлью меліораціи; совсѣмъ другое дѣло—невѣжественный и бѣдный міръ; b) англійскій арендаторъ—буржуазный предприниматель, ведущій книги и потому имѣющій возможность потребовать вознагражденія за произведенныя улучшенія. Русскій крестьянинъ книгъ не ведетъ, а вознагражденія ему пришлось бы требовать отъ міра; здѣсь прогрессивная единица противоставляется отсталой массѣ.—Краткосрочная мелкая аренда въ Европѣ осуждается единодушно всѣми. Объ общинномъ землевладѣніи какъ препятствіи для меліораціи см. „Неурожай и народное бѣдствіе“, стр. 103 и слѣд.; то-же самое и въ „Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи“ 1898 г., апрѣль, стр. 121.

[3]) [Сообщеніе это, если только оно не относится къ какому либо тѣсно-ограниченному уголку Саратовской губ. фактически невѣрно: и по даннымъ земской статистики, и по оффиціальнымъ даннымъ заработная плата сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ 1891—92 г.г. была значительно ниже и предшествующихъ и послѣдующихъ лѣтъ (рѣчь идетъ о неурожайныхъ губерніяхъ). *Прим. ред.*].

сокую цифру смертности въ Россіи, особенно дѣтской смертности [1]). По величинѣ смертности—правда, и по величинѣ рождаемости—Россія превосходитъ всѣ крупныя европейскія государства.

Оглянемся назадъ: несомнѣнный упадокъ широкихъ слоевъ русскаго крестьянства можно разсматривать съ болѣе широкой точки зрѣнія. Подъ напоромъ денежнаго хозяйства и конкурренціи рушатся натурально-хозяйственные классы, не подготовленные къ экономическому перевороту. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ рѣзко понизился жизненный уровень промышленныхъ рабочихъ въ Англіи послѣ введенія современной фабричной системы. Благожелательные наблюдатели опасались даже, что эти классы совершенно выродятся, а политико-экономы смотрѣли на это явленіе уже какъ на результатъ неизмѣннаго закона. Но болѣе прогрессивные слои выбитыхъ съ позиціи народныхъ массъ энергично вступили на новую почву и постепенно, пользуясь средствами противниковъ, добились такихъ успѣховъ, которые далеко превысили все, чѣмъ когда-либо обладали ихъ предки [2]).

E. Прогрессивные факторы.

Нерѣдко картина современныхъ русскихъ аграрныхъ отношеній, рисуется исключительно мрачными красками. Но такой пессимизмъ тенденціозенъ; иногда онъ вызывается преходящимъ понижательнымъ движеніемъ въ мірѣ финансовъ; но большая доля вины въ томъ, что въ Западной Европѣ нерѣдко считаютъ русскія аграрныя отношенія безнадежно плохими, падаетъ на значительную часть самой русской экономической литературы, въ которой такимъ путемъ проявляется политическая или соціально-политическая оппозиція. При этомъ оппоненты существующихъ условій забываютъ, что нѣтъ болѣе вѣрнаго средства для увѣковѣченія возбуждающихъ ихъ жалобы золъ, чѣмъ хозяйственный застой. Пусть усвоятъ они себѣ ту мысль, которую я развивалъ въ другомъ мѣстѣ: хозяйственный прогрессъ есть необходимое условіе соціальной и, прибавимъ, политической реформы [3]).

---

[1]) См. возбудившія большой интересъ въ печати сообщенія медицинскаго департамента о состояніи народнаго здравія въ Россіи, изданныя въ 1898 г. Въ среднемъ, за 1893—95 гг. въ Россіи было на 1,000 жителей 48 рожденій и 33,3 смертей; въ Германіи—36 и 23; во Франціи—22 и 22; въ Великобританіи—30 и 18. Между прочимъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ князя *Ухтомскаго*, въ номерѣ отъ 4 августа 1898 г. указываютъ на экономическія причины смертности и на усиленіе ея въ голодные годы.

[2]) Мое—„Grossbetrieb“. Leipzig, 1892, S. 41 и сл. и 213 и сл.; русскій переводъ подъ редакціею и съ прекраснымъ предисловіемъ *Петра Струве*.

[3]) См. мою статью въ Archiv für soziale Gesetzgebungund Statistik von Dr. Heinrich Braun Band. V, Heft 1.

Несомнѣнно, въ современныхъ русскихъ аграрныхъ отношеніяхъ имѣются явственные зачатки *хозяйственнаго прогресса*. Займемся сначала вопросомъ о факторахъ этого прогресса, а затѣмъ посмотримъ, въ чемъ онъ проявляется.

Прогрессъ связанъ прежде всего съ опредѣленными историческими условіями.

Въ сравнительно лучшемъ положеніи находятся нерѣдко крестьяне на *сѣверѣ*, гдѣ борьба съ природою уже рано закалила энергію человѣка и потребовала болѣе интенсивной затраты труда. Вслѣдствіе большаго развитія промысловой дѣятельности на сѣверѣ отношенія приняли тамъ уже сравнительно давно денежно-хозяйственную окраску; при освобожденіи крестьянъ надѣлы были на сѣверѣ больше, потому что землевладѣльцы старались получить не столько землю, сколько денежную ренту. Затѣмъ въ сравнительно болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ помѣщичьи крестьяне, находятся бывшіе *государственные крестьяне*, и притомъ не только потому, что условія ихъ освобожденія были благопріятнѣе, но несомнѣнно и потому, что ихъ рабство не было такъ сурово: энергія и предпріимчивость могли развиться у нихъ скорѣе, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ [1]).

Государственные крестьяне никогда не были крѣпостными частныхъ лицъ. Кромѣ подушной подати они платили государству еще оброкъ, но не исполняли барщины. Правда, ихъ земля, бывшая сначала свободною частною собственностью, уже въ московскомъ государствѣ была объявлена государственною собственностью. Но, фактически, индивидуальное право владѣнія отдѣльныхъ дворовъ сохранялось долго, мѣстами до нашего столѣтія. Подушная подать вызвала у болѣе бѣдныхъ крестьянъ представленіе объ ихъ правѣ требовать передѣловъ земли. Круговая порука общинъ и личная отвѣтственность общинныхъ старостъ въ уплатѣ податей въ свою очередь уменьшили сопротивленіе передѣламъ. Но все же, зажиточные крестьяне долго и упорно защищали свои унаслѣдованныя права, и только усиленному давленію со стороны правительства удалось постепенно заставить крестьянъ перейти къ общинному землевладѣнію, съ цѣлью „уравнять повинности“ [2]).

---

[1]) На это указывалъ уже *Thun*, S. 43.

[2]) *Simkhowitsch*, S. 64 и сл. Симковичъ приводитъ слѣдующее мнѣніе одной правительственной коммиссіи: „Поля и угодья слѣдуетъ правильно раздѣлить на тягла по числу душъ..... ихъ родословныя и ихъ право наслѣдованія должно уничтожить, ихъ продажи и покупки, ихъ закладныя, ихъ мѣновыя сдѣлки слѣдуетъ признать недѣйствительными“.

Позже всего начала развиваться община у такъ называемыхъ „*четвертниковъ*“ [1]). Нѣкогда это были военные поселенцы изъ дворянъ на южной границѣ московскаго государства; особенно много было ихъ въ нынѣшней Курской губерніи. Въ послѣдствіи они утратили дворянство и слились въ одинъ классъ съ государственными крестьянами. Только въ серединѣ нынѣшняго столѣтія графъ Киселевъ насильственно ввелъ у нихъ общинное землевладѣніе, причемъ зажиточныхъ крестьянъ, защищавшихъ свои наслѣдственныя права, наказывали какъ „бунтовщиковъ“. Однако и до сихъ поръ около полу-милліона государственныхъ крестьянъ осталось при старомъ четвертномъ владѣніи. Въ настоящее время случаевъ перехода къ общинному землевладѣнію среди „четвертниковъ“ уже не бываетъ.

Къ государственнымъ-же крестьянамъ — въ широкомъ смыслѣ этого слова — принадлежатъ также казаки и колонисты, о которыхъ мы будемъ еще говорить ниже.

Указанныя историческія особенности пріобрѣтаютъ еще бо́льшую важность, если вспомнить о значительномъ числѣ государственныхъ крестьянъ. Ко времени освобожденія они составляли почти половину всего крестьянскаго населенія (въ 1861 году около 11 милліоновъ душъ мужского пола). Для нихъ мысль объ „освобожденіи крестьянъ съ землею“ была осуществлена вполнѣ: землю не пришлось дѣлить съ помѣщикомъ. Ихъ оброкъ и, впослѣдствіи, выкупные платежи государству были ниже, чѣмъ денежныя повинности помѣщичьихъ крестьянъ; поэтому, они съ самаго начала имѣли больше шансовъ улучшить свое положеніе собственными усиліями; такимъ образомъ, нерѣдко они становились прогрессивнымъ элементомъ среди крестьянскаго населенія [2]).

Но какъ глубоко ни въѣлись слѣды крѣпостного права въ духовный обликъ русскаго крестьянина, особенно бывшаго помѣщичьяго крестьянина, все же теперь уже сказывается цѣлительное вліяніе времени. Прогрессъ этотъ означаетъ для крестьянина ни болѣе ни менѣе, какъ полный разрывъ съ славянофильскимъ идеаломъ мужика; онъ означаетъ замѣну отрицательной добродѣтели воздержанія положительной добродѣтелью энергіи, трудолюбія, самостоятельности, т. е. означаетъ процессъ развитія современной хозяйственной личности, сбрасывающей съ себя традиціонныя путы. Дѣло идетъ о разрывѣ съ психологическимъ наслѣдіемъ крѣпостного права, когда

[1]) „Четвертники“, т. е. владѣльцы долей земли распавшихся семейныхъ общинъ. О нихъ см. у *Simkhowitsch*'а, S. 28 и сл., 74 и сл.

[2]) Объ этомъ между прочимъ см. *В. Распопинъ*. Частно-владѣльческое хозяйство въ Россіи. „Юридическій Вѣстникъ“, 1887 г., ноябрь, стр. 469.

владѣлецъ заботился о поддержаніи существованія крестьянина и регулировалъ его хозяйственную жизнь. Но для этого переворота необходимо одно предварительное условіе: такая обстановка, при которой каждый могъ бы надѣяться на улучшеніе своего положенія путемъ усиленной хозяйственной дѣятельности. Настолько духовный прогрессъ связанъ съ экономическимъ; но разъ духовная самостоятельность получаетъ хоть малѣйшую возможность развиться, она въ свою очередь оказываетъ огромное воздѣйствіе въ смыслѣ поднятія хозяйственнаго уровня. Тамъ, гдѣ землевладѣніе уже не обязанность, а право, и гдѣ крестьянинъ можетъ разсчитывать повысить хозяйственную цѣнность этого права приложеніемъ труда, тамъ онъ не станетъ, подобно крѣпостному, боязливо прятать свои сбереженія—онъ вкладываетъ ихъ на улучшеніе хозяйственнаго инвентаря, на увеличеніе численности скота [1]). Онъ начинаетъ примѣнять удобреніе, глубже пахать.

Какъ ни важно для настоящаго наслѣдіе прошлаго, все же теперь несомнѣнно начинаетъ перевѣшивать вліяніе, оказываемое измѣнившимися *условіями транспорта и сбыта*.

Въ сравнительно болѣе благопріятномъ положеніи находятся тѣ земледѣльческіе районы, которымъ условія транспорта и сбыта облегчаютъ полученіе денежнаго дохода; тамъ денежныя повинности, обременительныя при натурально-хозяйственномъ строѣ, нерѣдко покрываются безъ всякихъ затрудненій, и даже въ рукахъ хозяина остаются избытки. Такіе избытки не только непосредственно обогащаютъ крестьянское хозяйство, давая возможность пріобрѣсти улучшенныя орудія, увеличить численность скота, усилить удобреніе, расширить сельско-хозяйственное производство путемъ покупки или арендованія земли. Еще важнѣе косвенное вліяніе такихъ убытковъ, на которое мы указали выше: только тотъ рѣшается увеличить затрату труда, кто чувствуетъ, что эта усиленная затрата пойдетъ ему-же на пользу. Увеличеніе же затратъ труда есть основа великаго улучшенія положенія народа; никакія магическія формулы здѣсь не помогаютъ, хотя бы онѣ исходили даже изъ устъ самого законодателя.

Сказаннымъ объясняется и извѣстное географическое распредѣленіе экономическаго прогресса: развитіе болѣе высокихъ аграрныхъ отношеній отъ приморскихъ губерній—Херсонской и Таврической на югѣ, Петербургской и прибалтійскихъ на сѣверѣ—подвигается къ центру и на востокъ.

---

[1]) См. замѣчаніе *Н. А. Чуйкова* на стр. 31 его книги: „Курская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“. Москва, 1894 г. Здѣсь указывается, что четвертники вывозятъ удобреніе на свои собственныя поля, а прочіе крестьяне нерѣдко продаютъ его.

Дѣло сводится къ постепенному расширенію области денежнаго хозяйства; мы видимъ здѣсь какъ бы пальцы, запускаемые Европою въ нѣдра восточнаго материка. Въ такомъ же благопріятномъ положеніи, какъ приморскія мѣстности, находится смежный съ Европою западъ Россіи, поскольку прогрессируетъ соединеніе русской желѣзнодорожной сѣти съ западно-европейскими рынками сбыта.

Но государства могутъ искусственно увеличивать раздѣляющее ихъ разстояніе путемъ *таможенной политики*. Въ этомъ смыслѣ западно-европейскія аграрныя охранительныя пошлины несомнѣнно задерживали развитіе денежнаго хозяйства въ русскомъ земледѣліи. Тѣмъ большее значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что въ послѣднее время русской торговой политикѣ удалось добиться значительнаго пониженія хлѣбныхъ пошлинъ на важнѣйшемъ рынкѣ русскаго вывоза—въ Германіи. Еще важнѣе было для Россіи обязательство Германіи не измѣнять таможенныхъ ставокъ втеченіе двѣнадцати лѣтъ [1]). Это сдѣлало на продолжительное время невозможнымъ дальнѣйшее повышеніе германскихъ таможенныхъ ставокъ и поставило въ этой области тѣсные предѣлы вліятельному движенію аграріевъ въ Германіи [2]).

Еще важнѣе для Россіи косвенное дѣйствіе ея политики торговыхъ договоровъ, на путь которой она выступила въ послѣднее время. Съ расцвѣтомъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ растетъ число обладающихъ покупательной способностью потребителей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, въ чемъ и заключается самое естественное и вѣрное средство для укрѣпленія и, быть можетъ, даже постепеннаго повышенія *хлѣбныхъ цѣнъ* на міровомъ рынкѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что пригодная для воздѣлыванія хлѣбовъ площадь, какъ бы то ни было, ограничена [3]). Эту

---

[1]) Иначе было во Франціи. *Raffalowich*, Marché financier, Paris, 1897, p. 407, констатируетъ, что Франція повысила свои хлѣбныя пошлины съ 5 франковъ на 7 въ то время, какъ Германія понизила ихъ съ 5 и даже $7{,}_{50}$ марокъ (боевая пошлина) до $3{,}_{50}$ и закрѣпила ихъ на этомъ уровнѣ по договору.

[2]) Впрочемъ, не всѣ стороны нѣмецкаго аграрнаго движенія возбуждаютъ жалобы въ Россіи. Напр., издаваемое русскимъ министерствомъ финансовъ „Русское Экономическое Обозрѣніе“ въ іюльской кн. за 1897 г. на стр. 96 высказываетъ слѣдующія соображенія: „Съ запрещеніемъ торговли на срокъ на берлинской хлѣбной биржѣ, берлинскій рынокъ утратилъ свою руководящую роль не только для Германіи. Настоящій моментъ представляется, поэтому, благопріятнымъ для перенесенія въ нашу страну центра тяжести хлѣбной торговли при помощи могучаго орудія сдѣлокъ на срокъ“. То-же самое и въ сентябрьскомъ номерѣ за 1898 годъ, стр. 173—174.

[3]) Для азіатской Россіи это доказываетъ *C. Ballod*. Die wirtschaftliche Bedeutung

понятную мысль развиваетъ министръ финансовъ Витте въ своемъ докладѣ къ государственной росписи на 1895 годъ [1]). Но міровыя хлѣбныя цѣны, опредѣляющія мѣстныя цѣны на хлѣбъ даже въ самой глубинѣ Россіи [2]), имѣютъ огромное значеніе въ вопросѣ о томъ, насколько денежная доходность русскихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій превышаетъ лежащія на нихъ подати и платежи [3]). А отъ размѣровъ такого превышенія зависитъ образованіе и ростъ національнаго капитала—тѣмъ болѣе, что и потребители произведеній промышленности оплачиваютъ ихъ прямо или косвенно изъ этихъ же излишковъ [4]).

Но хлѣбныя цѣны имѣютъ значеніе даже и для такихъ крестьянъ, которые добываютъ деньги, необходимыя для уплаты податей, работой по найму, земледѣліемъ же занимаются на натурально-хозяйственныхъ основаніяхъ. Дѣло въ томъ, что въ Россіи главнѣйшій видъ наемнаго труда—сельскохозяйственный наемный трудъ. Съ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ расширяется площадь посѣва хлѣбовъ и, благодаря этому, повышается спросъ на трудъ. Обратное происходитъ при паденіи хлѣбныхъ цѣнъ. Другой видъ наемнаго труда—промышленный; но мы уже видѣли, что сбытъ произведеній промышленности зависитъ отъ покупательной способности деревенскаго населенія и степени развитія денежнаго хозяйства среди него, а и то и другое несомнѣнно находится въ тѣсной связи съ хлѣбными цѣнами.

При неподвижности и тѣмъ болѣе при паденіи хлѣбныхъ цѣнъ единст-

---

Sibiriens. Conrads Jahrbücher für Nationalökonomie. Dritte Folge. Band XVII, S. 321 и сл.

[1]) Цитировано у *Raffalowich'a*, Marché financier 1894—95, p. 209. Эволюція хлѣбныхъ цѣнъ за послѣднее время повидимому подтверждаетъ такой взглядъ. См., напр., отчетъ *англійскаго консула въ Варшавѣ*, № 2135 за 1897 г., стр. 21; по этому отчету къ 1 января 1898 года хлѣбныя цѣны поднялись въ Варшавѣ на такую высоту, на которой онѣ не стояли цѣлыхъ 18 лѣтъ.

[2]) Такъ думаетъ министръ финансовъ *Витте*; цитировано у Raffalowich'a, Marché financier 1893—94, p. 205. Кажущіяся отклоненія мѣстныхъ цѣнъ объясняются большею частью практикуемыми хлѣбными торговцами подмѣсями.

[3]) То-же говоритъ *Витте*; Raffalowich, p. 204.

[4]) Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, что выгоднѣе для *большинства* русскаго народа: высокія или низкія цѣны на хлѣбъ. См. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“. Сборникъ подъ редакціею *А. И. Чупрова* и *А. С. Постникова*. С.-Пб, 1896 г. Для *государственныхъ* цѣлей выгода меньшинства можетъ имѣть большее значеніе, чѣмъ выгода большинства. То или инсе отношеніе къ данному вопросу опредѣляется въ конечномъ счетѣ не политико-экономическими принципами, а всѣмъ складомъ міросозерцанія.

венный путь для поддержанія дохода на томъ же уровнѣ или даже для повышенія его—это *удешевленіе издержекъ производства.*

И въ этомъ отношеніи торговая политика и условія транспорта имѣютъ огромное значеніе. Каждое удешевленіе предметовъ первой необходимости (напр. произведеній текстильной промышленности) и необходимыхъ средствъ производства (напр. желѣза) увеличиваетъ чистый доходъ сельского хозяина, который можетъ вложить этотъ избытокъ въ производство въ качествѣ новаго капитала. Огромное значеніе имѣлъ въ этомъ отношеніи русско-германскій торговый договоръ, значительно понизившій таможенныя пошлины на сельско-хозяйственныя орудія и машины. Важнѣйшія, относящіяся сюда статьи, слѣдующія:

	Таможенныя ставки	
	общаго тамож. тарифа.	договорнаго тарифа [1]).
Ст. 160. Косы, серпы и пр. . . .	1,40 руб.	1,10 руб. съ пуда.
„ 167. № 4. Сельско-хозяйственныя машины и орудія, не перечисленныя особо. .	0,70 „	0,50 „ „ „
„ 167. № 5. Локомобили при молотилкахъ	1,40 „	1,20 „ „ „

Такое пониженіе таможенныхъ пошлинъ удешевило сельско-хозяйственныя машины и русскаго производства; слѣдующія интересныя цифры свидѣтельствуютъ, что, несмотря на это, русская промышленность не только не потерпѣла ущерба, но, наоборотъ, получила могучій толчокъ къ расширенію производства:

Годы:	Русское производство сельскохозяйственныхъ машинъ въ 1000 рублей.	Ввозъ
1889	4,210	2,957
1894	9,607	5,194

Здѣсь ясно обнаруживается благопріятное для промышленности дѣйствіе увеличенія покупательной способности сельскихъ хозяевъ, увеличенія, являющагося слѣдствіемъ новѣйшей торговой политики.

Въ послѣднее время Россія по собственному почину пошла по пути пониженія таможенныхъ тарифовъ еще далѣе тѣхъ нормъ, которыя были установлены торговымъ договоромъ съ Германіею. Съ перваго сентября 1898 г. допускаются къ безпошлинному ввозу: самовяжущія жатвенныя ма-

[1]) *Kloessel.* Der deutsch-russische Handelsvertrag. Bielefeld, 1895, S. 24, 62—63.

шины, конныя грабли, паровые плуги, различные виды молотилокъ и сортировокъ, машины для разсыпки порошко-образныхъ удобрительныхъ средствъ, всевозможные аппараты для выдѣлыванія вина, машины и орудія для опытныхъ станцій и сельско-хозяйственныхъ музеевъ и т. д. Затѣмъ были освобождены отъ пошлины канкитъ, чилійская селитра, калій и другія искусственныя удобрительныя средства. Кромѣ этой отмѣны пошлинъ были еще понижены таможенныя ставки на нѣкоторые предметы, напр., на локомобили. Упомянутыя измѣненія тарифа имѣютъ по закону силу до 1 января 1904 года—дня, въ который истекаетъ срокъ дѣйствія русско-германскаго торговаго договора; очевидно, отказаться отъ этихъ ставокъ окончательно не желали въ виду предстоящаго возобновленія переговоровъ съ Германіею [1]).

Наиболѣе гнететъ русское сельское хозяйство въ настоящее время высота цѣнъ на желѣзо. Особенно затрудняетъ это переходъ крестьянина отъ сохи къ плугу, отъ деревянной бороны къ желѣзной, а между тѣмъ такой переходъ означаетъ повышеніе урожая на 5 пудовъ съ десятины [2]). Потери, которыя терпитъ благодаря такому препятствію для техническаго прогресса народное благосостояніе въ Россіи, трудно учесть въ цифрахъ, но онѣ очень велики.

По Радцигу, мельничныя машины стоятъ въ Россіи вдвое дороже, чѣмъ въ Германіи, такъ что потребовалась пошлина на муку, чтобы Петербургъ, этотъ главный вывозной портъ для русскаго хлѣба, не продовольствовался иностранною мукою. Радцигъ-же говоритъ, что пустыя жестяныя коробки стоятъ въ Россіи столько-же, сколько въ Лондонѣ—американскія жестянки, наполненныя мясомъ [3]). Какимъ препятствіемъ является это, чтобы использовать богатство скотомъ восточнаго степного района!

Наиболѣе же важное значеніе имѣетъ удорожаніе желѣзнодорожныхъ тарифовъ, вслѣдствіе высокой стоимости постройки дорогъ. По Николаю-ону разница между цѣною хлѣба внутри страны и въ портахъ Россіи вдвое выше, чѣмъ въ Америкѣ. И дѣйствительно, даже къ западу отъ Волги

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ въ „Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи“, 1898 г., май, стр. 94—95.

[2]) Такъ говоритъ „*Новое Время*“ въ № отъ 29 января 1897 г., цитируя работу Вятскаго земства объ обремененіи крестьянскаго хозяйства пошлинами на желѣзо.

[3]) *Радцигъ*, стр. 58. [Не совсѣмъ точно. Г. Радцигъ говоритъ, что „американскіе жестянки съ мясомъ въ Лондонѣ стоятъ *дешевле* пустыхъ жестянокъ въ Россіи. *Пр. ред.*]

фрахтъ поглощаетъ часто болѣе половины портовой цѣны хлѣба [1]); каждое пониженіе тарифа на перевозку хлѣба соотвѣтственно повышаетъ мѣстныя цѣны, что вполнѣ понятно въ виду выясненнаго выше мірового характера хлѣбныхъ цѣнъ.

Въ тѣсной связи съ торговою политикою стоитъ, наконецъ, цѣлый рядъ мѣропріятій, облегчающихъ сбытъ и удешевляющихъ производство: удешевленіе кредита, которому много способствовала денежная реформа, улучшеніе организаціи торговли, напр., путемъ устройства элеваторовъ, улучшеніе очистки зерна, сильно подвинутое впередъ за послѣднее десятилѣтіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ цѣна русской пшеницы въ Германіи стояла значительно ниже американской, главнымъ образомъ вслѣдствіе засоренности русскаго хлѣба различными подмѣсями; теперь цѣны русской и американской пшеницы почти уравнялись.

Въ то же время хозяйственному прогрессу содѣйствуютъ и нѣкоторыя мѣропріятія внутренней экономической политики. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть предпринятую Бунге [2]) въ трудное время *податную реформу*, значительно облегчившую тяжесть лежащихъ на крестьянинѣ прямыхъ налоговъ. Отмѣтимъ въ особенности отмѣну подушной подати, пониженіе выкупныхъ платежей, уничтоженіе соляного налога, въ послѣднее время — реформу паспортной системы. Но необходимымъ условіемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій являлась возможность покрывать растущіе государственные расходы путемъ развитія косвенныхъ налоговъ. Слѣдовательно, повышеніе косвенныхъ налоговъ предполагало уже ростъ денежнаго хозяйства среди сельскаго населенія; такимъ образомъ, при всей своей важности, эти мѣропріятія имѣли лишь второстепенное значеніе.

То же самое можно сказать и о тѣхъ государственныхъ мѣропріятіяхъ, которыя рекомендуетъ неоднократно цитированная нами книга высокопоставленнаго сановника — „Неурожай и народное бѣдствіе“. Образцовыя хозяйства, сельско-хозяйственныя учебныя заведенія, облѣсеніе, оросительныя сооруженія и т. д.—все это требуетъ денегъ, а для осуществленія въ такихъ размѣрахъ, чтобы дѣйствительно принести пользу,—и большихъ денегъ; нѣкоторыя изъ этихъ предложеній, напримѣръ—поднятіе уровня Каспійскаго моря и насажденіе обширныхъ защитительныхъ лѣсовъ на юго-

[1]) Напримѣръ, въ октябрѣ 1895 года одна экспортная фирма платила черезъ своего агента въ Балашовѣ, Саратовской губерніи, 23 копѣйки за пудъ ржи; фрахтъ въ Либаву стоилъ 37 копѣекъ.

[2]) *Skalkofski*. Ministres des finances de la Russie. Paris, 1891, p. 230 и сл.

востокѣ, требуютъ огромныхъ средствъ. Въ виду этого, выполненіе ихъ зависитъ отъ роста податныхъ силъ населенія.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о заслугахъ нынѣшняго правительства въ дѣлѣ распространенія *школьнаго народнаго образованія*. Ничто не способствуетъ больше поднятію духовнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическаго положенія крестьянъ. Но, какъ ни похвально добровольное содѣйствіе всѣхъ слоевъ русскаго общества дѣлу народнаго образованія при его настоящемъ положеніи, все-же дѣйствительное осуществленіе высокой цѣли всеобщаго и обязательнаго школьнаго обученія требуетъ огромныхъ средствъ и, въ конечномъ счетѣ, зависитъ отъ развитія государственнаго и земскихъ бюджетовъ [1]).

Реформаторская дѣятельность государства въ экономической области могла-бы проявляться съ гораздо большею энергіею, если-бы удалось сократить непроизводительныя статьи расходнаго бюджета. Здѣсь прежде всего слѣдовало-бы обратить вниманіе на расходы по содержанію войска; они несоразмѣрно велики для государства, которое достигло предѣла своего роста насчетъ европейскихъ земель и которому нечего опасаться нападеній со стороны Европы. Вѣдь въ послѣдніе годы военныя издержки Россіи часто превышали издержки Франціи и Германіи, несмотря на значительно меньшія податныя силы русскаго народа [2]).

F. Формы проявленія экономическаго прогресса.

Ознакомившись съ движущими силами прогресса, разсмотримъ теперь тѣ формы, въ которыхъ онъ совершается.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на два явленія: *соціальную дифференціацію сельскаго населенія и упадокъ общиннаго землевладѣнія*.

1. Всякій прогрессъ въ области аграрной политики предполагаетъ въ Россіи *уничтоженіе крестьянскаго карликоваго* (Zwergwirtschaft) *хозяйства*, которое въ лучшемъ случаѣ обезпечиваетъ своему владѣльцу самое скудное существованіе, а съ ростомъ населенія и малоземелья и эту

[1]) По *Raffalowich*'у, Marche financier 1898—97, p. 361, въ 1895 году бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія составлялъ всего 23,6 милл. рублей при обыкновенныхъ расходахъ всего бюджета въ 1129 милліоновъ рублей.

[2]) Такъ, напримѣръ, въ 1896 году расходы на сухопутное войско, со включеніемъ пенсій, составляли въ Германіи—634 милл. марокъ, во Франціи—557 милл. марокъ, въ Россіи — 636 милл. марокъ. Die Ausgaben für Landheer und Flotte, zusammengestellt auf Veranlassung des deutschen Reichsmarineamts, S. 38, 42, 45.

задачу выполняетъ все хуже и хуже [1]). Будучи совершенно безсильной въ податномъ отношеніи, эта форма хозяйства, присущая широкому, многочисленному слою крестьянства, безполезна и для цѣлей государства; при огромномъ населеніи Россіи, ее нельзя даже защищать съ точки зрѣнія комплектованія войска. Въ культурномъ же отношеніи она не имѣетъ никакой цѣнности, потому что представители ея не участвуютъ въ духовной жизни націи.

Но устраненіе карликоваго хозяйства сводится ни къ чему иному, какъ къ расширенію отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ за предѣлы ихъ надѣловъ, слѣдовательно къ возникновенію несоотвѣтствія между размѣрами сельско-хозяйственныхъ предпріятій и юридическими формами землевладѣнія. Лишь такой путь дѣлаетъ возможнымъ появленіе *хозяйствъ, дающихъ избытки*, дающихъ возможность, за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, уплачивать прямые налоги и покупать предметы потребленія, обложенные косвенными налогами; хозяйствъ, являющихся потребителями произведеній промышленности и накапливающихъ національный капиталъ. Лишь при существованіи такихъ хозяйствъ мыслима успѣшная борьба съ малоземельемъ при помощи техническаго прогресса — удобренія, улучшенныхъ орудій, машинъ, болѣе прогрессивныхъ системъ полеводства и т. д. Вѣдь техническій прогрессъ сводится къ *приложенію большаго количества труда и капитала на ту-же площадь*. Но затрачивать больше труда будетъ лишь тотъ, кто можетъ разсчитывать улучшить такимъ путемъ свое хозяйственное положеніе, т. е. получать отъ своего хозяйства избытки сверхъ необходимаго минимума для существованія и уплаты податей. Вкладывать-же больше капитала можетъ лишь тотъ, кто дѣйствительно имѣетъ избытки и не прячетъ ихъ боязливо отъ сборщика податей (отъ распредѣляющаго налоги міра), а открыто вкладываетъ въ новыя средства производства.

Несомнѣнно, что огромное большинство русскихъ крестьянскихъ хозяйствъ слишкомъ незначительно по своимъ размѣрамъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворить этимъ требованіямъ. Какая именно величина хозяйства необходима для этого—отвѣтить трудно; здѣсь имѣетъ значеніе положеніе, климатъ, почвенныя условія, избытокъ или недостатокъ рабочихъ рукъ и т. д. Въ общемъ можно считать необходимымъ отъ 15 до 30, пожалуй, до 60 десятинъ на дворъ.

Въ своей прекрасной книгѣ о южно-русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ

---

[1]) *Simkhowitsch*, passim въ отдѣлѣ IV. Чтобы констатировать, что я пришелъ къ высказываемымъ мною взглядамъ независимо отъ этого автора, обращаю вниманіе, что въ такомъ-же смыслѣ я высказался уже въ Preussische Jahrbücher, Märzheft 1894, см., напр., S. 515.

В. Постниковъ [1]) на примѣрахъ показываетъ, какъ при хозяйствѣ въ $2^1/_2$—5 десятинъ тратится почти вдвое больше рабочихъ силъ, чѣмъ при хозяйствѣ въ 20—30 десятинъ — по отношенію къ количеству получаемаго продукта. Чистый доходъ крестьянъ отъ земледѣлія при разсчетѣ на десятину падаетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается площадь хозяйства [2]). Совсѣмъ мелкія хозяйства вовсе не даютъ чистаго дохода, а часто приносятъ даже убытокъ, который покрывается недоѣданіемъ или поденщиной. Наиболѣе доходны въ Южной Россіи, по словамъ В. Постникова, такія крестьянскія хозяйства, которыя, пользуясь машинами и имѣя достаточно рабочаго скота, поглощаютъ цѣликомъ трудъ крестьянской семьи съ 3 рабочими-мужиками, и только изрѣдка, напримѣръ, во время жатвы, требуютъ найма поденщиковъ. Такія хозяйства не испытываютъ большей части затрудненій, связанныхъ съ наймомъ рабочихъ, и въ то же время обладаютъ частью преимуществъ, свойственныхъ крупному производству.

В. Постниковъ указываетъ на примѣръ нѣмецкихъ колонистовъ, съ которыми мы еще познакомимся ниже. Эти хозяйства основываются главнымъ образомъ на трудѣ самихъ собственниковъ, и только болѣе крупныя изъ нихъ (полные хозяева, Vollwirte) по временамъ прибѣгаютъ къ помощи нѣсколькихъ наемныхъ рабочихъ. То-же самое наблюдается, по словамъ В. Постникова, и въ хозяйствахъ зажиточныхъ тавричанъ. Только въ такихъ болѣе крупныхъ хозяйствахъ дѣлаются возможными „употребленіе крупныхъ машинъ и улучшеннаго инвентаря, менѣе истощительная система хозяйства... (высшіе урожаи, съ десятины)... и бо́льшій валовой доходъ“ [3]).

Употребленіе машинъ, сберегающихъ трудъ, имѣетъ тенденцію расширять размѣры такихъ наиболѣе выгодныхъ хозяйствъ, приносящихъ чистый доходъ; введеніе плодосмѣна, обработки парового поля и т. д., т. е. увеличеніе потребности въ ручномъ трудѣ, дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи.

Что въ русскомъ земледѣліи занято слишкомъ много „ѣдоковъ“, а потому накопляется слишкомъ мало капитала и слишкомъ мало капитала потребляется производительно,—это показываетъ сравненіе съ Соединенными Штатами. Сравненіе это напрашивается тѣмъ болѣе, что Россія не могла окружить себя охранительными пошлинами на хлѣбъ и что рѣшающее значеніе и для Россіи имѣютъ міровыя хлѣбныя цѣны, которыя опредѣляются

---

[1]) *В. Е. Постниковъ.* Южно-русское крестьянское хозяйство. Москва, 1891 г.
[2]) *В. Е. Постниковъ*, стр. 316, 320.
[3]) *В. Е. Постниковъ*, стр. 317.

болѣе дешевыми американскими издержками производства [1]). Поскольку хлѣбъ въ настоящее время является товаромъ, количество котораго можетъ быть по желанію увеличено, цѣна его, какъ и цѣна продуктовъ крупной промышленности, опредѣляется самыми низкими издержками производства [2]).

Заслуга Николая —она заключается, между прочимъ, въ томъ, что онъ произвелъ такое сравненіе, хотя, правда, онъ не сдѣлалъ изъ него тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли мы.

Въ сельскомъ хозяйствѣ повторяется то-же самое явленіе, которое мы наблюдали выше въ сферѣ промышленной конкурренціи: наиболѣе дешевымъ оказывается не то производство, которое занимаетъ массу рабочихъ, стоящихъ на низкомъ жизненномъ уровнѣ, а то, которое пользуется въ наибольшихъ размѣрахъ орудіями лучшаго качества и имѣетъ въ своемъ распоряженіи трудоспособныхъ, хорошо питающихся рабочихъ.

Въ Америкѣ приложеніе капитала къ землѣ сравнительно велико. Наоборотъ, въ Россіи цѣнность хозяйственнаго инвентаря ничтожна. При большей на одну треть посѣвной площади Россія расходуетъ, по Николаю —ону, на сельско-хозяйственныя машины и орудія въ годъ лишь 7—6 милліоновъ рублей, Соединенные-же Штаты — 1440 милліоновъ [3]). Такого же характера отличіе Россіи отъ Соединенныхъ Штатовъ и по косвенымъ затратамъ капитала; напр., сѣти сельско-хозяйственныхъ школъ и опытныхъ станцій, покрывающей всю Америку, въ Россіи почти не существуетъ.

Результаты отъ усиленнаго приложенія капитала къ землѣ получаются двоякіе.

Прежде всего та-же самая площадь земли использывается въ Америкѣ гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ Россіи. Статистика этого вопроса не оставляетъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія, даже если допустить весьма широкіе предѣлы ошибокъ. Вся посѣвная площадь считается въ Россіи въ 60 милліоновъ десятинъ, въ Соединенныхъ Штатахъ — въ 40 (одна десятина равняется 1,09 гектара). Цѣнность же урожая главнѣйшихъ хлѣбовъ, которые почти исключительно и имѣютъ значеніе,—пшеницы, ржи, ячменя и овса, колебалась въ Россіи за шестилѣтіе 1885 — 1890 г.г. около 1 милліарда рублей; цѣнность же американскаго урожая однихъ только пшеницы, овса и маиса за эти годы ни разу не опускалась ниже 2 милліардовъ рублей, а

---

[1]) Совершенно справедливо замѣчаетъ *М. Толычинъ*.—По поводу дешевизны хлѣба. „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1897 г., іюнь, стр. 66, что для страны полезна только такая дешевизна хлѣба, которая вызывается удешевленіемъ производства; это и имѣетъ мѣсто въ Америкѣ.

[2]) *Philippovich*. Grundriss der politischen Oekonomie. Band I, S. 207.

[3]) *Николай —онъ*, стр. 332, 333.

одинъ разъ перешагнула даже за 3 милліарда. Судя по этимъ даннымъ, въ Америкѣ съ одной и той же площади собирается почти вчетверо больше, чѣмъ въ Россіи. Эту большую урожайность нельзя приписать большему плодородію почвы, потому что по естественному плодородію „черноземъ", имѣющій наибольшее значеніе для производства хлѣба въ Россіи, не уступитъ никакой землѣ въ мірѣ. Большую урожайность слѣдуетъ приписать прежде всего большему приложенію капитала; между прочимъ болѣе энергичная вспашка несомнѣнно играетъ здѣсь важную роль.

Но такая большая производительность той же самой площади достигается въ Америкѣ съ значительно меньшей затратой труда, чѣмъ въ Россіи. При этомъ прогрессъ техники, означающій замѣну труда капиталомъ, совершается въ Америкѣ непрерывно. Теперь одинъ рабочій успѣваетъ вспахать столько, сколько недавно еще успѣвали двое; съ помощью жатвенной машины, автоматически связывающей снопы, одинъ рабочій нажнетъ теперь столько, сколько недавно—12 рабочихъ; всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ фермеръ велъ на своей фермѣ натуральное хозяйство; теперь, по словамъ Аткинсона, на наиболѣе прогрессивныхъ фермахъ сѣверо-востока достаточно 300 рабочихъ дней въ году, чтобы произвести хлѣбъ для пропитанія 1,000 человѣкъ. Въ то время какъ въ Соединенныхъ Штатахъ все земледѣльческое населеніе составляетъ около 25 милліоновъ, въ Россіи оно равняется 70 милліонамъ; такимъ образомъ на десятину посѣвной площади приходится въ Америкѣ 6 душъ земледѣльческаго населенія, въ Россіи-же—10. А такъ какъ такое большее число лицъ производитъ въ Россіи на той-же площади земли меньше хлѣба, чѣмъ въ Америкѣ, то производительность земледѣльческаго населенія въ Америкѣ въ 10—11 разъ выше, чѣмъ въ Россіи, ведя разсчетъ на 1 душу. По сравненію съ американцемъ русскій крестьянинъ находится въ такомъ же положеніи, какъ, напримѣръ, ручной ткачъ по сравненію съ ткачемъ, работающимъ на механическомъ станкѣ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что слѣдуетъ признать отраднымъ тотъ фактъ, что размѣры крестьянскаго хозяйства въ Россіи растутъ и земля концентрируется въ рукахъ зажиточныхъ крестьянъ. По отзыву всѣхъ знатоковъ, этотъ процессъ несомнѣнно совершается. Богатые крестьяне расширяютъ свои хозяйства, какъ путемъ аренды и покупки помѣщичьей земли, такъ и на счетъ надѣльной земли болѣе слабыхъ однообщинниковъ.

О первомъ явленіи мы уже говорили выше, о послѣднемъ же скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ. Такъ какъ лица, постороннія общинѣ, не могутъ быть арендаторами надѣльной земли — вслѣдствіе установленной закономъ неотчуждаемости надѣловъ, — то нерѣдко арендныя цѣны внутри общины

падаютъ ниже обычнаго въ данной мѣстности уровня къ невыгодѣ бѣдныхъ членовъ общины [1]). Такъ какъ мірской сходъ можетъ кромѣ того отобрать у недоимщиковъ землю безъ всякаго вознагражденія, то бѣднѣйшіе члены общины, дѣлающіе для уплаты податей долги, попадаютъ въ такую зависимость отъ богатыхъ, что арендныя цѣны на надѣльную землю падаютъ часто еще ниже [2]).

Образованіе болѣе крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ по необходимости связано съ началомъ распаденія деревенскаго общества на отдѣльные классы; начинается „отдѣленіе сливокъ отъ деревенской массы“. Всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что широкій средній слой крестьянства, представитель традиціоннаго типа крестьянина, распадается на верхній слой сравнительно состоятельныхъ хозяевъ и на классъ наемныхъ рабочихъ, владѣющихъ землею только юридически, но не фактически.

При томъ вліяніи, которое народники оказываютъ на общественное мнѣніе, процессъ этотъ является пугаломъ для большинства русской „интеллигенціи“. Такъ какъ я, къ сожалѣнію, не имѣю возможности подробно обосновать здѣсь мое противоположное народническимъ воззрѣніямъ мнѣніе, то сошлюсь на два авторитета, которыхъ не такъ-то легко опровергнуть. Приведу сначала мѣткія замѣчанія министра финансовъ Витте въ его докладѣ къ государственной росписи на 1896 годъ [3]): „Въ прежнее время зажиточныя села и даже отдѣльные зажиточные крестьянскіе дворы были исключеніемъ. Теперь повсюду образуется зажиточная часть сельскаго населенія; она выдѣляется изъ массы крестьянства въ особую группу. Эта группа возрастаетъ численно и дѣлаетъ весьма замѣтные успѣхи въ своемъ благосостояніи, располагая значительною долей во вкладахъ сберегательныхъ кассъ, увеличивая потребленіе многихъ мануфактурныхъ и другихъ товаровъ; она представляетъ собою такой слой крестьянства, который сумѣетъ побороть неблагопріятныя условія сельской жизни и располагаетъ всѣми задатками для дальнѣйшаго развитія“.

Совершенно справедливо утверждаетъ министръ финансовъ, что для

---

[1]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., январь, стр. 57, 63. Земскіе начальники предлагаютъ воспретить крестьянамъ арендовать болѣе трехъ душевыхъ надѣловъ; на практикѣ это невыполнимо, а если-бы и было выполнимо, то явилось-бы тормазомъ всякаго техническаго прогресса. Другая статья въ той-же книжкѣ журнала—„Личность въ общинномъ быту“—показываетъ, что редакція смотритъ на вопросъ шире, чѣмъ авторы охранительныхъ проектовъ.

[2]) *Бржескій.* „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., іюль, стр. 49, 67 и сл.

[3]) *Raffalowich.* Marché financier 1896, p. 340. Цитировано также у *Issajeff'a*, Zur Politik des russischen Finanzministeriums, S. 5 и 6.

развитія народнаго благосостоянія нѣтъ иного пути, кромѣ „капиталистическаго развитія“.

Чтобы понять эту фразу, нужно вспомнить, что въ русской экономической литературѣ выраженіе „капитализмъ“ употребляется какъ равнозначущее съ денежнымъ хозяйствомъ, что не безопасно въ смыслѣ возможныхъ недоразумѣній. Натуральное хозяйство тоже владѣетъ капиталомъ; къ нему относятся, напримѣръ, лукъ охотника, стада кочевника, рабочій скотъ крестьянина и т. д. Конечно, денежное хозяйство даетъ сильнѣйшій толчокъ къ увеличенію капитала, такъ какъ избытки хозяйства до окончательнаго потребленія въ видѣ средствъ производства могутъ быть сохраняемы въ денежной формѣ въ видѣ сокровища или отдаваемы въ видѣ ссуднаго капитала другимъ лицамъ для цѣлей производства.

Справедливо заявляетъ министръ финансовъ далѣе: „Успѣхи производства и накопленія богатствъ, по самому существу дѣла, всегда и вездѣ предшествуютъ успѣхамъ болѣе равномѣрнаго ихъ распредѣленія между всѣми слоями населенія. На новые пути, открываемые для населенія общимъ улучшеніемъ экономическихъ условій, всегда выступаютъ сначала лишь наиболѣе предпріимчивыя хозяйственныя единицы, только люди смѣлаго почина, только удачники [1]), и лишь впослѣдствіи, когда эти пути становятся наѣзженными колеями, по нимъ начинаютъ двигаться робкія, инертныя народныя массы, достигая улучшенія своей жизненной обстановки медленнымъ, томительнымъ процессомъ освобожденія отъ стародавней рутины—этого наслѣдія многихъ и многихъ вѣковъ. И если наша сельская жизнь начинаетъ двигаться по пути капиталистическаго развитія, то это доказываетъ только, что общее улучшеніе экономическихъ условій, благопріятствующее росту народнаго благосостоянія, получило явственное выраженіе свое въ сельскомъ быту“.

Справедливо указываетъ Витте и на то, что финансовые успѣхи, достигнутые Россіею за послѣднее десятилѣтіе, были-бы невозможны при упадкѣ народнаго хозяйства. По моему мнѣнію, ростъ народнаго благосостоянія особенно подтверждается ростомъ доходовъ отъ налоговъ на предметы потребленія [2]).

[1]) Характеренъ въ этомъ смыслѣ слѣдующій фактъ: отдѣльные покупщики почти всегда уплачиваютъ крестьянскому банку проценты и погашеніе ссуды; общины-же, купившія землю при посредствѣ крестьянскаго банка, большею частью имѣютъ недоимки. „Неурожай и народное бѣдствіе“, стр. 118.

[2]) Такъ же высказывается *И. И. Янжулъ* въ газетѣ „Недѣля“, въ № 52, отъ 25 декабря 1898 г. Съ 1887 г. до 1897 г. государственные доходы, безъ созданія новыхъ значительныхъ налоговъ, возросли съ 800 милліоновъ рублей до 1,400 милліоновъ.

Это—тѣ же самыя мысли, которыя уже высказывалъ по поводу положенія русскихъ крестьянъ такой компетентный человѣкъ, какъ статсъ-секретарь Валуевъ: „Всякій прогрессъ исходитъ отъ отдѣльныхъ личностей, выдѣляющихся изъ массы особыми способностями, особой дѣловитостью, особою удачею. Всякое экономическое законодательство должно стараться поддерживать такія единичныя усилія и обезпечивать такіе единичные успѣхи".

Чтобы предоставить слово и противнику, который однако оцѣниваетъ значеніе фактовъ совершенно такъ-же, какъ и мы, приведемъ слова В. Е. Постникова: „Одна часть сельского населенія, располагающая большимъ составомъ семьи и большимъ размѣромъ хозяйства, имѣетъ всѣ шансы на то, чтобы безпрепятственно богатѣть, въ то время какъ остальная часть населенія неизбѣжно должна бѣднѣть, накапливать недоимки и мало-по-малу бѣжать изъ села въ поискахъ за зароботками. Употребленіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, доставляя еще большія экономическія выгоды хозяйству болѣе значительнаго разряда и уменьшая въ то же время спросъ на рабочія руки въ селѣ, еще болѣе усиливаетъ эту дифференцировку сельскаго населенія. И потому она болѣе рельефно выражается теперь въ нашихъ степныхъ окраинахъ, въ губерніяхъ Самарской и Таврической. Въ результатѣ мы неизбѣжно должны будемъ придти къ тому строю экономической жизни, какой существуетъ въ настоящее время въ Западной Европѣ, т. е. съ образованіемъ зажиточнаго крестьянства, сельскихъ батраковъ, городскаго пролетаріата и безобразной проституціи" [1]).

Такія же воззрѣнія я встрѣтилъ и у многихъ сельскихъ хозяевъ-практиковъ, почерпнувшихъ свои мнѣнія конечно не изъ литературы. Приведу одинъ примѣръ изъ многихъ. Такъ часто упоминавшійся главный управ-

[1]) *В. Е. Постниковъ.* Южно-русское крестьянское хозяйство. Москва, 1891 г. стр. 368. Непонятно, почему авторъ считаетъ проституцію спутникомъ именно западно-европейской культуры. Какъ мнѣ разсказывали во время моей поѣздки по Самарской губерніи вполнѣ достовѣрные наблюдатели, на большихъ конскихъ ярмаркахъ, куда пригоняютъ свои конскія богатства киргизы и казаки и гдѣ временно образуется огромное скопленіе населенія посреди пустынной степи, нѣтъ недостатка въ проституціи; она пробирается въ палатку кочевника. Правда, за ней не идетъ сюда врачъ. Противъ мнѣнія Постникова говоритъ и тотъ фактъ, что сифилисъ является бичемъ Россіи. По даннымъ оффиціальной статистики, сифилитики, лечившіеся въ общественныхъ больницахъ Россіи, составляли въ 1866 году 8,7%, а въ 1890 году 14,8% всѣхъ больныхъ. Въ дѣйствительности процентъ сифилитиковъ значительно выше, такъ какъ они, какъ извѣстно, неохотно поступаютъ въ больницы. *Подолинскій*, опытный земскій врачъ, въ своей брошюрѣ—„Состояніе здоровья крестьянъ на Украйнѣ" опредѣляетъ число сифилитиковъ въ извѣстномъ ему районѣ въ 10—15% всего населенія.

ляющій князя Ливена баронъ Бэръ, разсказывалъ мнѣ, что прежде господскую землю арендовали сосѣднія общины въ полномъ составѣ. Однако, съ теченіемъ времени, часть хозяевъ слишкомъ обѣднѣла, чтобы можно было продолжать сдавать землю на такихъ условіяхъ. Теперь онъ сдаетъ землю отдѣльнымъ небольшимъ товариществамъ зажиточныхъ крестьянъ, бѣдные-же совершенно не получаютъ земли въ аренду; это заставляетъ ихъ бросать свое собственное хозяйство, тѣмъ болѣе что лугами можно пользоваться исключительно путемъ аренды въ имѣніи; такіе хозяева и свои надѣлы сдаютъ обыкновенно въ аренду или за платежъ податей своимъ однообщинникамъ. Баронъ Бэръ прибавилъ, что теперь онъ систематически поддерживаетъ болѣе богатыхъ крестьянъ и примирился съ тѣмъ разслоеніемъ на богатыхъ и бѣдныхъ, съ которымъ онъ раньше боролся. И дѣйствительно, въ Термискомъ районѣ наряду съ крестьянами, не имѣющими скота, встрѣчаются и такіе, которые имѣютъ 8—9 лошадей, штукъ 40 овецъ и нѣсколько головъ рогатаго скота [1]).

2. Рука объ руку съ соціальной дифференціаціею отживаетъ общинный строй. „Обязанность по отношенію къ землѣ“—вотъ на чемъ держалось общинное землевладѣніе. По мѣрѣ того, какъ землевладѣніе становится правомъ, начинается медленное и постепенное развитіе частнаго землевладѣнія, подавленнаго несвободными отношеніями къ помѣщику и казнѣ [2]).

Тамъ, гдѣ крестьянинъ находится въ такомъ благопріятномъ положеніи, нерѣдки—по даннымъ земской статистики—случаи, когда онъ распоряжается землею такъ, какъ если бы она была его собственностью; онъ сдаетъ ее въ аренду, завѣщаетъ по наслѣдству, отчуждаетъ. При такихъ условіяхъ арендныя и покупныя цѣны на надѣльную землю бываютъ часто не ниже, чѣмъ на частновладѣльческую; очевидно, арендаторы и покупщики разсчитываютъ на то, что міръ не осуществитъ своего права производить передѣлы. И дѣйствительно, въ мѣстностяхъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя условія, многія общины ни разу не передѣляли землю со времени освобожденія крестьянъ; особенно у государственныхъ крестьянъ нерѣдко

---

[1]) *П. Скворцовъ.* Итоги крестьянскаго хозяйства на южномъ трехпольномъ черноземѣ. „Юридическій Вѣстникъ“, 1891 г., май—іюнь, стр. 170: Чѣмъ больше у крестьянина земли, тѣмъ больше онъ заарендовываетъ. — Аренда усиливаетъ дифференціацію. См. также *Карышевъ*, цит. соч., passim.

[2]) По *Бржескому*, „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., іюнь, стр. 13, въ настоящее время—въ противоположность семидесятымъ годамъ—случаи, когда земля не окупаетъ лежащихъ на ней повинностей, представляютъ исключеніе. Однако недоимки не исчезли!

наблюдается отсутствіе передѣловъ со времени ревизіи 1858 года; фактически, право міра на общинную землю у нихъ позабыто [1]).

Этотъ процессъ повидимому ускоряется тамъ, гдѣ качество земли должно быть улучшено приложеніемъ труда. Плохая почва благопріятнѣе для развитія частной собственности, чѣмъ хорошая; расчищенный лѣсъ легче обращается въ частную собственность, чѣмъ прочія общинныя угодья. Коноплянники и хмѣльники почти никогда не передѣляются [2]). Легкая земля чаще передѣляется, чѣмъ тяжелая, потому что тяжелая почва требуетъ болѣе интенсивной обработки [3]). Далѣе, особенно рѣдко совершаются передѣлы въ тѣхъ общинахъ, которыя уже погасили весь выкупной долгъ и стали полными собственниками надѣльной земли. И здѣсь трудъ является творцомъ личной собственности. Чувство справедливости, свойственное крестьянамъ, требуетъ, чтобы тѣ хозяева, которые въ тяжелыя время обрабатывали землю и своимъ трудомъ погашали выкупные платежи, теперь могли пожать плоды лучшихъ временъ и оставить въ наслѣдство своимъ дѣтямъ участки, купленные дорогою цѣною. Отдѣльные хозяева, погасившіе выкупной долгъ, лежавшій на ихъ участкѣ, но не выдѣлившіе его изъ общины, также апеллируютъ къ этому чувству справедливости противъ тѣхъ членовъ общины, которые на сходѣ требуютъ передѣла.

Весьма интересно также мнѣніе, что передѣлъ земли есть возвратъ къ порядкамъ крестьянскаго права. Такъ, на вопросъ, почему не производятъ равненіе земли, крестьяне отвѣчаютъ: „жить такъ, какъ жили при крѣпостничествѣ, мы теперь не хочемъ“ [4]). Въ основѣ этого возраженія лежитъ вполнѣ правильная мысль: передѣлы земли—признакъ того, что цѣль крестьянскаго хозяйства не въ немъ самомъ, а въ хозяйствѣ третьяго лица (помѣщика, казны).

Конечно, такой переходъ къ частному владѣнію совершается не безъ тяжелой борьбы и катастрофъ. По мѣрѣ того, какъ земля становится цѣн-

---

[1]) „Итоги..“., I, стр. 218, 219, 63, 64. *Keussler*, III, S. 29, 30, 31. „Итоги...“, I, стр. 310. Распространеніе права наслѣдованія на вдовъ и дочерей. „Итоги...“, I, стр. 316.

[2]) „Итоги...“, I, стр. 123, 157, 178, 188. *Keussler*, II, S. 49. Примѣрами того, что трудъ является основаніемъ частнаго владѣнія, полны работы *А. А. Кауфмана* по изученію Сибири. См., напр., его статью: „Къ вопросу о первоначальныхъ формахъ общиннаго-землевладѣнія“ въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“. Труды Московскаго Юридическаго общества, состоящаго при Имп. Моск. университетѣ, и его статистическаго отдѣленія. С.-Пб., 1895 г., Т. VI, стр. 160.

[3]) *Simkhowitsch*, S. 135, 151, 337.

[4]) Цитировано по „Русскому Экономическому Обозрѣнію“, 1898 г., іюль, стр. 37.

нѣе и населеніе гуще, растетъ число недовольныхъ существующимъ распредѣленіемъ земли. Души, народившіяся послѣ послѣдняго передѣла, все настойчивѣе требуютъ новой разверстки земельной собственности, не охраняемой еще судомъ. Въ такихъ случаяхъ изъ-за передѣловъ возгарается жестокая борьба, вѣроятно происходившая повсюду на порогѣ возникновенія часной собственности. Богатые, составляя меньшинство, находятъ себѣ союзниковъ среди своихъ противниковъ: не имѣющихъ скота, которымъ уже нечего дѣлать съ землею и которые боятся связанныхъ съ обладаніемъ землею податей, или въ такихъ, которые благодаря долгамъ попали въ полную зависимость отъ богачей.

Исходъ такой борьбы сомнителенъ и зависитъ отъ случайнаго образованія необходимаго для передѣла большинства въ $^2/_3$ голосовъ, причемъ нерѣдко пускается въ ходъ водка и тому подобныя средства. Частые передѣлы земли по наличнымъ душамъ за послѣднее десятилѣтіе свидѣтельствуютъ о непрочности существующихъ условій владѣнія надѣльной землей [1]).

Во всякомъ случаѣ, число общинъ, не производившихъ передѣловъ со времени освобожденія, весьма велико.

Указанная борьба вращается около вопроса, быть ли передѣлу, или не быть. Исходъ ея—или полная революція всѣхъ условій землевладѣнія, или фактическое закрѣпленіе сложившагося распредѣленія земли. Гораздо рѣже и позже возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли облечь переходъ къ личному владѣнію и въ *юридическую* форму, что навсегда прекращаетъ возможность передѣловъ. И хотя несомнѣнно, что болѣе состоятельные крестьяне стремятся къ такому измѣненію своего правового положенія [2]), но все же противодѣйствующія этому стремленію законодательныя и фактическія препятствія чрезвычайно велики. До сихъ поръ только въ немногихъ случаяхъ общинная собственность перешла въ юридически оформленную частную.

Тотъ, кто подобно намъ считаетъ общинное землевладѣніе тормазомъ техническаго прогресса, не будетъ сомнѣваться, что юридическое закрѣп-

---

[1]) Проф. *И. Михлашевскій*, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русскихъ аграрныхъ условій, говоритъ („Энциклопедическій Словарь“ Брокауза и Ефрона, томъ XXIV, стр. 216): „Въ настоящее время можно подмѣтить въ большей части черноземной полосы Россіи существованіе борьбы между разверстками по ревизскимъ и по наличнымъ мужскимъ душамъ“, т. е. борьбы неимущихъ противъ существующаго распредѣленія земельной собственности.

[2]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1899 г., февраль, стр. 53, 59, 63.

леніе уже нерѣдко фактически существующаго личнаго владѣнія было бы полезно. Въ этомъ случаѣ вполнѣ примѣнимы всѣ тѣ соображенія, которыя еще въ семидесятыхъ годахъ были единогласно высказаны Валуевскою комиссіею. Истощенная земля даетъ обѣднѣвшимъ общинникамъ все болѣе скудные урожаи; силы ея снова были бы возстановлены при любовномъ уходѣ за нею частнаго собственника. Бережливость и предпріимчивость развились бы скорѣе, если бы разсчетливый хозяинъ не долженъ былъ опасаться, что трудъ его будетъ потраченъ въ пользу пьяницъ и мотовъ. Состоятельному хозяину незачѣмъ было-бы подчинять себѣ слабаго посредствомъ ростовщичества, если бы онъ могъ открыто и честно расширять свое хозяйство на почвѣ частной собственности. Сдатчики земли могли бы заключать съ хозяевами, обезпеченными личною собственностью, болѣе долгосрочные арендные контракты по низшимъ цѣнамъ, чѣмъ съ совершенно необезпеченными крестьянами-общинниками. Сдатчики земли тѣмъ скорѣе пошли бы на такія условія, что обычная однолѣтняя аренда и для нихъ самихъ отнюдь не выгодна [1]).

Чтобы дѣйствительно доказать преимущества частной собственности, нельзя выуживать отдѣльныя случаи личнаго владѣнія изъ моря великорусскаго общиннаго землевладѣнія; здѣсь благодаря чрезполосицѣ и принудительному сѣвообороту личные владѣльцы обыкновенно связаны тѣмъ способомъ хозяйства, который принятъ міромъ. Для этого слѣдуетъ обратиться къ западнымъ губерніямъ, району преобладанія частной собственности; здѣсь, несмотря на худшую почву, хозяйственныя условія, по общему признанію, значительно лучше, чѣмъ въ большей части крестьянской Великороссіи.

Быть можетъ, мои русскіе друзья согласятся со мною въ томъ, что указанная эволюція имѣетъ экономическія преимущества, но объявятъ ей войну изъ соціальныхъ соображеній. На это я отвѣчу слѣдующее: хотя общинное землевладѣніе и обезпечиваетъ равный жизненный жребій каждому, но это равноправіе, какъ мѣтко замѣчаетъ Ермоловъ, есть лишь право всѣхъ на голоданіе. Распаденіе же міра на отдѣльные классы прежде всего выдвигаетъ хотя бы извѣстное число лицъ, не подверженныхъ періодической опасности голодовки. Но даже положенія обезземельныхъ крестьянъ, обращающихся съ работою по найму, большею частью становятся лучше, чѣмъ прежде.

Поэтому выдѣленіе безразличной массы крестьянской нищеты класса

[1]) *Карышевъ*, стр. 248, 307, 309, 343, 383.

зажиточныхъ сельскихъ хозяевъ, „мелкой деревенской буржуазіи“ [1]), и съ соціальной точки зрѣнія кажется мнѣ важнѣйшей задачей современной Россіи. Правда, значительная часть наблюдателей скрываетъ отъ себя неизбѣжность этого процесса: націоналисты съ славянофильской окраской и либералы съ соціалистическимъ налетомъ. Противъ этой эволюціи борятся какъ противъ „пролетаризаціи народа“. Въ общественномъ мнѣніи стараются очернить зажиточныхъ и предпріимчивыхъ крестьянъ какъ ростовщиковъ (кулаковъ); особенно для соціалистически настроенныхъ псевдо-либераловъ „зажиточность считается безнравственностью“ [2]). Лишь немногіе писатели, большею частью сами живущіе въ деревнѣ, протестовали противъ того, что крестьянина представляютъ себѣ не иначе какъ въ образѣ нищаго, и указывали на то, что выхода изъ сельско-хозяйственнаго кризиса можно ждать только отъ кулачества, т. е. отъ накопленія капитала [3]).

Этимъ мы вовсе не хотимъ отрицать, а тѣмъ болѣе оправдывать тотъ фактъ, что болѣе зажиточные хозяева часто самымъ беззастѣнчивымъ образомъ эксплуатируютъ нужду своихъ бѣдныхъ сосѣдей. Но подобные нравственные изъяны свойственны первоначальной исторіи почти всѣхъ прогрессирующихъ въ хозяйственномъ отношеніи классовъ; для развитія нравственности необходима традиція и нѣкоторая обезпеченность существованія. Достаточно вспомнить, что купецъ, этотъ родоначальникъ современной буржуазіи, въ былое время считался мошенникомъ.

Но несомнѣнно, нравственные изъяны присущи не всѣмъ членамъ возвышающагося класса — особенно если вспомнить ту темную и грубую массу, отъ некультурности которой освобождаются, если не они сами, то

---

[1]) „Archiv für Sociale Gesetzgebung und Statistik von Dr. Heinrich Braun“, 1894, S. 355 и сл.

[2]) Особенно характерна въ этомъ отношеніи книга *Р. Сазонова*, „Ростовщичество-кулачество“. С.-Пб., 1894 г., особенно положеніе на стр. 89. Все пореформенное развитіе русскаго народнаго хозяйства представляется этому автору развитіемъ „ростовщическаго хозяйства“. Средство для борьбы съ этимъ—полиція.

[3]) Напр.—*Головинъ* и князь *Васильчиковъ*. См. интересную статью *Samson Himmelstierna*, „Baltische Monatsschrift“, Bd. 30, Heft 1, S. 68. [Автору осталась неизвѣстной книга *Р. Гвоздева*. „Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значеніе“, С.-Пб., 1899 г., въ которой развивается точка зрѣнія, одинаково чуждая какъ воззрѣніямъ Сазонова, такъ и Головина, Васильчикова и др. Не забывая соціально-этическихъ свойствъ кулачества, Гвоздевъ считаетъ его, однако, необходимымъ моментомъ совершающейся въ Россіи экономической эволюціи, которая носитъ у насъ названіе „развитія капитализма“ и которую, по ея конечнымъ результатамъ, необходимо признать единственно прогрессивной. *Прим. ред.*].

ихъ дѣти и внуки. Впрочемъ не все то ростовщичество, что кажется ростовщичествомъ. При полной необезпеченности деревни и полномъ отсутствіи права заклада надѣла въ частныя руки высокій уровень процента неизбѣженъ. Занмодавцевъ, ссужающихъ деньги изъ 18%, крестьяне благословляютъ какъ благодѣтелей; въ Московской губерніи, по Орлову, обычный ростъ — 30%. Замѣчательно, что евреямъ воспрещено пребываніе въ этихъ мѣстностяхъ Россіи [1]).

Затѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что отсутствіе прочныхъ личныхъ правъ пріема толкаетъ энергичнаго человѣка на ростовщичество. Такъ какъ общинное землевладѣніе не даетъ зажиточному крестьянину возможности расширять свое хозяйство на надѣльной землѣ путемъ покупки, то онъ вынужденъ дѣлать это путемъ эксплуататорскихъ ссудъ и закабаленія бѣдныхъ однообщинниковъ. Но послѣдніе перестаютъ быть объектомъ ростовщичества по мѣрѣ того, какъ забрасываютъ собственное хозяйство и становятся настоящими наемными рабочими. Въ этомъ случаѣ и ростовщикъ вынужденъ платить имъ обычную денежную заработную плату.

G. Аграрное законодательство.

Какъ-же относится *государство* къ описанной выше эволюціи? До начала девятидесятыхъ годовъ — никакъ; до этого времени община пользовалась полнѣйшею автономіею. Не даромъ говорилось: освобожденіе дало крестьянину новаго господина, столь-же нестѣсненнаго въ распоряженіи личностью и имуществомъ его, какъ и старый — общину [2]).

Община устанавливаетъ систему полеводства, срокъ производства полевыхъ работъ; она отдаетъ недоимщиковъ въ рабочіе на сторону, распоряжается выдачею или невыдачею паспорта, безъ котораго никто не можетъ отлучиться изъ общины; она имѣетъ право подвергать своихъ членовъ тѣлесному наказанію. Община совершенно свободно распоряжается распредѣленіемъ земли между сочленами: большинствомъ $^2/_3$ голосовъ она можетъ постановить произвести коренной передѣлъ и при этомъ по произволу вы-

[1]) Цитаты приведены у *Simkhowitsch*, S. 310 и сл. Напротивъ, англійская „Синяя книга“ № 254, говоря о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, замѣчаетъ, что въ „еврейскихъ губерніяхъ“ Россіи процентъ ниже, вслѣдствіе конкурренціи ссуднаго капитала.

[2]) Широкимъ правомъ надзора надъ государственными крестьянами пользовался во время крѣпостного права мѣстный правительственный чиновникъ — окружный начальникъ.

брать единицу, служащую основаніемъ для разверстки земли; но и безъ коренного передѣла она можетъ уменьшить надѣльные участки однихъ членовъ и увеличить — другихъ. У недоимщиковъ община обыкновенно безъ дальнѣйшихъ разсужденій отбираетъ всю землю [1]). Оправданіемъ этихъ широкихъ полномочій является круговая порука въ уплатѣ податей и выкупныхъ платежей, хотя самый способъ раскладки податей предоставленъ цѣликомъ на усмотрѣніе общины. Внутри общины прекращаетъ свое дѣйствіе даже гражданское право, такъ какъ взаимныя отношенія членовъ общины регулируются обычнымъ правомъ, носителемъ котораго является міръ. Такова община, созданная положеніемъ объ освобожденіи; некультурный, многоголовый владыка, доступный вліяніямъ всякаго рода, особенно вліянію водки.

Такъ какъ иниціаторы крестьянской реформы отнюдь не были безусловными сторонниками общиннаго землевладѣнія и столь широкія уступки ему дѣлали главнымъ образомъ изъ фискальныхъ соображеній, то положеніе объ освобожденіи предусматривало слѣдующіе пути для перехода къ личному владѣнію:

1. Цѣлая община большинствомъ $^2/_3$ голосовъ можетъ рѣшить переходъ къ подворному владѣнію. Ст. 163 „Положенія о выкупѣ“.

2. Отдѣльные члены общины имѣютъ право во всякое время требовать выдѣла причитающихся имъ участковъ въ частную собственность, если только община уплатила весь выкупной долгъ. Ст. 36 общаго положенія.

3. До уплаты общиной выкупной ссуды, отдѣльные помѣщичьи крестьяне могутъ выдѣлить себѣ надѣльную землю въ частную собственность:

а) съ согласія общины. Ст. 165а „Положенія о выкупѣ“;

б) и безъ согласія общины, если они внесли въ мѣстное казначейство сполна лежащій на ихъ надѣльномъ участкѣ выкупной долгъ. Ст. 165в „Положенія о выкупѣ“.

4. Отдѣльные государственные крестьяне могутъ выдѣлить свои участки въ частную собственность съ согласія $^2/_3$ членовъ мірского схода. Ст. 15 „Положенія о бывшихъ госуд. крестьянахъ“.

Хотя комиссія, засѣдавшая въ семидесятыхъ годахъ подъ предсѣдательствомъ Валуева, рекомендовала дальнѣйшія облегченія для перехода къ частной собственности, но до 1893 года законодательство по этому вопросу оставалось безъ измѣненія. На практикѣ успѣхи частной собственности на

---

[1]) *Бржѣскій.* „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., іюль, стр. 14 и 1898 г., январь, стр. 72.

почвѣ установленныхъ закономъ требованій были незначительны. Переходъ цѣлыхъ обществъ отъ общиннаго землевладѣнія къ частной собственности натыкался на требованіе согласія большинства $^2/_3$ голосовъ и на затрудненія, связанныя съ размежеваніемъ, издержки и техника котораго были недоступны крестьянамъ. Второй изъ приведенныхъ пунктовъ долгое время не имѣлъ практическаго значенія, такъ какъ не было обществъ, уплатившихъ всю выкупную ссуду. Выдѣленію отдѣльныхъ членовъ общины до погашенія выкупной ссуды препятствовало требованіе согласія на это общинъ, которыя, разумѣется, не желали выпускать изъ своей среды наиболѣе платежеспособныхъ членовъ.

Такимъ образомъ оставался только выходъ, указанный статьею 165 б. По мѣрѣ того, какъ выкупной долгъ уменьшался и цѣнность земли возрастала, учащались случаи выдѣла отдѣльныхъ крестьянъ изъ общины на основаніи указанныхъ постановленій закона. Къ этому способу прибѣгали прежде всего зажиточные хозяева, желавшіе обратить въ свою пользу возрастаніе цѣнности земли и освободиться отъ круговой поруки, но также и бѣдные крестьяне, получавшіе деньги для выкупа своихъ надѣловъ изъ третьихъ рукъ и немедленно послѣ выдѣла продававшіе свои участки заимодавцу. Въ роли послѣднихъ являлись сельскіе хозяева и промышленники, пользовавшіеся землею производительно, но нерѣдко также кабатчики и тому подобные элементы, проникавшіе такимъ путемъ въ общину съ эксплуататорскими цѣлями. Впрочемъ, крестьянство, какъ таковое, ничего не теряло вслѣдствіе такого перехода земельной собственности: покупщики принадлежали большею частью также къ крестьянскому сословію. Кромѣ того, какъ мы видѣли, крестьянское землевладѣніе сильно расширялось путемъ покупки помѣщичьей земли.

Если со времени освобожденія крестьянъ аграрное законодательство находилось въ полномъ застоѣ, то законъ 12 іюня 1889 года открылъ собою рядъ важныхъ законодательныхъ актовъ. Законъ этотъ нарушилъ принципъ автономіи общинъ. „Извѣстно,—говорится въ мотивахъ къ этому закону,— „что нерѣдко сходы постановляютъ приговоры, клонящіеся къ явному ущербу самого общества или нарушающіе права отдѣльныхъ его членовъ. Причиною тому служитъ недостаточное умственное развитіе большинства крестьянскаго населенія“. Въ виду этого законъ 12 іюня 1889 года предоставилъ земскимъ начальникамъ право пріостанавливать исполненіе такихъ приговоровъ, которые клонятся къ явному ущербу сельскаго общества или нарушаютъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ, и представлять ихъ на усмотрѣніе уѣзднаго съѣзда. Впослѣдствіи законъ 8 іюля 1893 года поста-

вилъ подъ особый контроль земскихъ начальниковъ передѣлы земли. Наконецъ, инструкціи по примѣненію законовъ 7 февраля 1894 г. и 26 іюля 1896 г., касающихся разсрочки выкупныхъ платежей, дали земскимъ начальникамъ рѣшающій голосъ въ вопросѣ о распредѣленіи и взиманіи податей.

Такимъ образомъ прежняя автономія общины была уничтожена: принципіально—несомнѣнный прогрессъ. То, что на Западѣ было вѣрно въ эпоху меркантильнаго государства, на Востокѣ вѣрно еще и понынѣ: государство въ экономическомъ отношеніи болѣе просвѣщенно, чѣмъ широкая масса его подданныхъ, которыхъ оно, часто противъ ихъ воли, толкаетъ на путь прогресса. Мысль Адама Смита, что каждый лучше всѣхъ самъ понимаетъ свои интересы, непримѣнима къ широкой массѣ средняго русскаго крестьянства: помѣщикъ, государство и въ значительной степени міръ своимъ безграничнымъ владычествомъ надъ личностью и имуществомъ крестьянъ чрезвычайно замедлили въ нихъ развитіе индивидуальности.

Но такое вмѣшательство государства оправдывается лишь въ томъ случаѣ, когда цѣлью его является воспитаніе въ смыслѣ навыка къ самопомощи и экономической свободѣ [1]): help them to help themselves (помогать имъ—помогать самимъ себѣ) [2]). Но въ этомъ отношеніи благія намѣренія законодателя нерѣдко разбивались о личныя качества чиновниковъ. Правда, въ руководящихъ петербургскихъ кругахъ господствуетъ вполнѣ трезвый взглядъ на русскій аграрный вопросъ. Неоднократно цитированная нами книга „Неурожай и народное бѣдствіе“, авторъ которой, нынѣшній министръ земледѣлія, считаетъ постепенный переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ индивидуальному неизбѣжнымъ. Бюджетные доклады Витте указываютъ, что выдѣленіе слоя „богатыхъ крестьянъ“ соотвѣтствуетъ интересамъ финансовъ, а слѣдовательно и государственнаго могущества. Иначе относятся къ вопросу исполнительные органы.

Значительная часть мѣстныхъ чиновниковъ, особенно набираемые изъ

---

[1]) На этой точкѣ зрѣнія стоятъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ князя *Э. Э. Ухтомскаго*; см., напр., статью въ номерѣ отъ 2 августа 1898 г.

[2]) [Авторъ, проповѣдывающій, что полная свобода распоряженія личностью и имуществомъ является необходимой предпосылкой всякаго экономическаго прогресса, впадаетъ въ противорѣчіе, считая прогрессивнымъ уничтоженіе „автономіи общины“. Учрежденіе, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, опеки надъ міромъ не уничтожаетъ деспотизма міра, сковывающаго хозяйственную предпріимчивость его членовъ. Въ этомъ смыслѣ было бы дѣйствительно только полное освобожденіе крестьянина, т. е. уничтоженіе круговой поруки и др. остатковъ крѣпостного строя. *Прим. ред.*].

среды земельнаго дворянства, земскіе начальники, всецѣло пропитаны „народническими“ идеями. Имъ совершенно чужда мысль, что въ интересахъ государства слѣдуетъ поощрять развитіе слоя богатыхъ крестьянъ и что освобожденіе обѣднѣвшихъ крестьянъ отъ земли является благодѣяніемъ и для нихъ самихъ и для всего общества въ цѣломъ. Они полагаютъ свою задачу, наоборотъ, въ поддержаніи безотрадной въ культурномъ и податномъ отношеніи середины, въ охраненіи и даже распространеніи общиннаго землевладѣнія, въ содѣйствіи столь вреднымъ передѣламъ земли и т. д. [1]).

И въ Западной Европѣ намъ извѣстны такія-же стремленія, часто проистекающія изъ самыхъ благородныхъ побужденій. Сострадание къ бѣдствіямъ народа и желаніе помочь ему нерѣдко толкаетъ интеллигентные слои къ попыткамъ искусственно поддержать падающіе классы. Но такое стремленіе нелѣпо и реакціонно: оно только удлиняетъ тѣ бѣдствія, противъ которыхъ думаютъ бороться. Оно замедляетъ хозяйственный прогрессъ, потому что основано на непониманіи того, что прогрессъ цѣлаго предполагаетъ прогрессъ отдѣльныхъ личностей и классовъ. Кто разумно желаетъ народнаго блага, тотъ не можетъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ поддерживать классъ, возвышающійся надъ грубостью и нищетой и несущій въ себѣ зерно будущаго развитія.

Въ настоящее время въ Россіи густой туманъ „народничества“ мѣшаетъ понять это. Доказательствомъ тому служатъ отзывы земскихъ начальниковъ по аграрному вопросу, собранные центральнымъ правительствомъ [2]). Большая часть этихъ чиновниковъ относится благосклонно къ общинному землевладѣнію и даже страстно защищаетъ его. Всѣми силами стараются земскіе начальники задержать „искусственное“ разложеніе общины — какъ будто можно назвать искусственнымъ процессъ, совершающійся самопроизвольно безъ всякаго вмѣшательства государственной власти. Богатыхъ крестьянъ, отъ которыхъ исходитъ инициатива разложенія общины, обвиняютъ въ томъ, что они преслѣдуютъ только „свои личныя цѣли“ [3]) — какъ будто можно

[1]) См., напримѣръ, „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., февраль, стр. 59, затѣмъ 1898 г., іюль, стр. 34, 35. [Справедливость требуетъ указать здѣсь, что только незнакомство съ русской дѣйствительностью или ирония можетъ заставить приписать земскимъ начальникамъ „народническія“ идеи. Сомнительно также, чтобы дѣятельность земскихъ начальниковъ шла во вредъ богатымъ крестьянамъ. Административная опека, также какъ общинныя путы, создаетъ благопріятную почву для расцвѣта ростовщичества-кулачества во всѣхъ его видахъ. *Прим. ред.*].

[2]) С.-Петербургъ, 1897 г., 3 тома. Выдержки изъ нихъ приведены въ неоднократно цитированныхъ нами статьяхъ „Русскаго Экономическаго Обозрѣнія“.

[3]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., январь, стр. 57.

требовать чего нибудь большаго отъ хозяйственной единицы, ведущей тяжелую борьбу за существованіе. Только меньшинство земскихъ начальниковъ защищаетъ болѣе европейскую точку зрѣнія на аграрный вопросъ.

Интересно географическое распредѣленіе обѣихъ партій. За общинное землевладѣніе высказывается большинство великорусскихъ губерній. Съ запада въ пользу частной собственности раздается голосъ Европы, проникающій до губерній Могилевской, Черниговской, Полтавской. Затѣмъ въ смыслѣ благопріятномъ частной собственности высказываются земскіе начальники С.-Петербургской, Херсонской и Таврической губерній. И если вся экономическая исторія учитъ смотрѣть на частную собственность и индивидуальное наслѣдственное право какъ на основу личной свободы, то можно сказать, что въ этихъ мѣстностяхъ даетъ о себѣ знать освободительное дѣйствіе морского воздуха [1]).

Этой двойственности настроенія администраціи соотвѣтствуетъ и новѣйшее аграрное законодательство. Громадный шагъ впередъ по направленію къ частно-правовому порядку дѣлаетъ *законъ 8 іюня 1893 г.* [2]). То, къ чему стремился уже Валуевъ [3]), получило, наконецъ, осуществленіе— сокращеніе числа признанныхъ вредными передѣловъ земли, для которыхъ законъ установилъ минимальный 12-лѣтній срокъ. Вотъ важнѣйшія постановленія этого закона:

(§ 5). „Срокъ передѣла назначается въ *двѣнадцать или болѣе лѣтъ*“.—Примѣчаніе къ этому пункту поясняетъ, что это ограниченіе относительно срока передѣла не распространяется на тѣ случаи, когда разверстка мірской земли совершается для окончательнаго раздѣла земли на постоянные наслѣдственные участки.

(§ 9). „При всякомъ передѣлѣ крестьянамъ, улучшившимъ качества

---

[1]) Когда Вильгельмъ-Завоеватель покорилъ въ 1066 году Англію, всѣ жители стали считаться его крѣпостными, а вся земля — его собственностью. Исключеніе составляли „свободные граждане Лондона“, съ которыми онъ заключилъ договоръ. Первымъ признакомъ ихъ свободы данная имъ грамота признавала наслѣдственное право.

[2]) [Авторъ перецѣниваетъ значеніе закона 8 іюня 1893 г. въ смыслѣ ограниченія передѣловъ. На ряду съ удлиненіемъ сроковъ казенныхъ передѣловъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ они совершались въ болѣе короткіе промежутки, чѣмъ 12 лѣтъ, и уничтоженіемъ частныхъ передѣловъ, законъ этотъ, какъ показываютъ довольно многочисленныя сообщенія періодической печати, былъ понятъ многими общинами, въ которыхъ давно не было передѣловъ, какъ предписаніе производить передѣлы черезъ 12 лѣтъ. *Прим. ред.*].

[3]) „Экономическое Обозрѣніе, 1893 г., іюль, стр. 23.

своего надѣла посредствомъ удобренія земли, осушенія ея, устройства орошенія или инымъ способомъ, а равно правопреемникамъ сихъ крестьянъ, надѣлъ предоставляется, по возможности, *въ прежнемъ мѣстѣ*. При невозможности сего, означеннымъ лицамъ или отводится надѣлъ равнаго качества съ прежнимъ, или, въ случаѣ отвода земли худшаго качества, назначается вознагражденіе, производимое посредствомъ соотвѣтственной сбавки въ уплатѣ повинностей, либо на иныхъ основаніяхъ".

(§ 10). „Со времени приведенія въ дѣйствіе приговора объ условіяхъ передѣла до утвержденія новаго по тому же предмету приговора, участки отдѣльныхъ домохозяевъ не могутъ быть отбираемы обществомъ ни въ полномъ составѣ, ни по частямъ, за исключеніемъ случаевъ: 1) смерти домохозяина, увольненія его изъ общества, высылки по суду или общественному приговору, или безвѣстной его отлучки и оставленія хозяйства безъ попеченія, если притомъ послѣ умершаго или выбывшаго лица не осталось въ обществѣ членовъ семейства, за которыми участокъ можетъ быть оставленъ; 2) отказа самого домохозяина отъ пользованія землею, и 3) неисправности его въ платежѣ повинностей (ст. 188 сего положенія [1])".

Противоположная тенденція проявляется въ той части *закона 14 декабря 1893 г.*, которая отмѣняетъ статью 1655 положенія о выкупѣ. Она гласитъ:

„До уплаты выкупной ссуды, *выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ* и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ *съ согласія общества* и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода".

Такимъ образомъ въ настоящее время выдѣленіе изъ общинной земли участковъ въ собственность отдѣльныхъ крестьянъ связано слѣдующими условіями [2]):

а) У государственныхъ крестьянъ, которыхъ законъ 14 декабря 1893 г. не коснулся, выдѣлъ обусловленъ согласіемъ большинства $^2/_3$ членовъ общины.

б) У помѣщичьихъ крестьянъ, по новой редакціи статьи 165 положенія о выкупѣ выдѣлъ совершается при простомъ согласіи общества, но обусловливается погашеніемъ всего выкупного долга, размѣръ котораго для даннаго участка устанавливается самимъ обществомъ.

Вліяніе закона 14 декабря сказалось весьма рѣзко. Въ 1893 году, на

---

[1]) [„Правила о передѣлахъ мірской земли" изданы „въ дополненіе пункта 6 статьи 51 общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости". *Прим. ред.*].

[2]) „Русское Экономическое Обозрѣніе", 1898 г., февраль, стр. 69.

основаніи статьи 165 положенія о выкупѣ, отдѣльные крестьяне еще внесли 965,000 рублей выкупного долга; въ 1896 году эта сумма упала до 44,000 рублей.

При томъ направленіи общей политики въ восьмидесятые годы, съ которымъ мы познакомились выше, неудивительно, что „народническое“ настроеніе въ аграрной политикѣ проникло и въ министерства [1]). Уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ настроеніе это выразилось въ рядѣ законопроектовъ. Но Россія къ своей выгодѣ отличается отъ нѣкоторыхъ парламентскихъ государствъ Западной Европы тою обстоятельностью, съ которою работаетъ законодательная машина и подвергаются долголѣтнему испытанію законопроекты. Такимъ то образомъ теченіе, благопріятное земельной общинѣ, нашло свое законодательное выраженіе только тогда, когда волна „народническаго“ направленія экономической политики пошла уже на убыль.

Несмотря на сложность отдѣльныхъ деталей этого вопроса я не колеблясь заявляю, что считаю тенденцію закона 14 декабря 1893 года вредною. Въ законѣ этомъ выражается крѣпостническое воззрѣніе, стремящееся низвести всѣхъ нынѣшнихъ крестьянъ до уровня прежнихъ государственныхъ крестьянъ. И понынѣ еще въ русской прессѣ и обществѣ нерѣдко раздаются голоса, требующіе объявленія всей крестьянской земли государственною собственностью и государственнаго регулированія всего крестьянскаго хозяйства. И по своему практическому дѣйствію названный законъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ осужденія: онъ затруднилъ выдѣлъ отдѣльныхъ лицъ изъ общества—въ настоящее время единственный путь для перехода къ частной собственности; этимъ онъ нарушилъ интересы лучшихъ крестьянъ, этого въ государственномъ отношеніи наиболѣе важнаго класса въ современной Россіи.

Читатели, желающіе подробнѣе ознакомиться съ обоими законами, найдутъ нѣкоторые матеріалы по этому вопросу и на нѣмецкомъ языкѣ [2]).

И сейчасъ еще туманныя фантазіи „народнической“ національной экономіи живутъ еще въ нѣдрахъ провинціи. Но къ счастью для Россіи политическая экономія центральнаго правительства возвышается надъ этимъ туманнымъ моремъ и освящается лучами реалистической, и потому не исключительно западно-европейской науки. Повидимому несомнѣнно, что въ рус-

[1]) См. въ „Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи“, 1897 г., ноябрь, стр. 77, весьма благосклонный къ общинному землевладѣнію отзывъ статсъ-секретаря Дурново.

[2]) „Archiv...“ *Braun*'а, Band VII, S. 642, статья *von Peter Struwe*; затѣмъ см.—*Simkhowitsch*, S. 379 и сл.

скихъ правительственныхъ сферахъ въ настоящее время стремятся къ прогрессу въ направленіи чисто правового развитія, правда, сильно затрудняемаго противоположнымъ общественнымъ мнѣніемъ образованныхъ круговъ. Я хотѣлъ бы поэтому вкратцѣ намѣтить тѣ пункты, которые, по моему мнѣнію, заключаютъ въ себѣ законодательныя проблемы ближайшаго будущаго.

1. Обязательное уничтоженіе совмѣстнаго владѣнія нѣсколькихъ общинъ, что еще нерѣдко встрѣчается въ Россіи; размежеваніе земли между отдѣльными обществами.

2. Обязательный переходъ самыхъ мелкихъ обществъ (напр., до 20 дворовъ) отъ общиннаго владѣнія къ наслѣдственному подворному владѣнію.

3. Замѣна большинства въ $^2/_3$ голосовъ, при рѣшеніи вопроса о переходѣ отъ общиннаго землевладѣнія къ индивидуальному, простымъ большинствомъ.

Конечно, всѣ эти мѣропріятія врядъ-ли принесутъ ожидаемую пользу, если сохранится нынѣшняя чрезполосица и принудительный сѣвооборотъ. Насколько въ настоящее время развита въ Центральной Россіи чрезполосица, показываютъ слѣдующія цифры. По Орлову—„среднее число ярусовъ, на которые дѣлятся поля въ Московской губерніи..., равно 11 на каждое поле трехпольнаго сѣвооборота. Каждый домохозяинъ общины имѣетъ право получить въ каждомъ изъ этихъ ярусовъ по крайней мѣрѣ по одной полосѣ“; такимъ образомъ ему приходится обрабатывать по меньшей мѣрѣ 22 полосы [1]). Какъ и въ Западной Европѣ, раздѣлъ общинной земли долженъ сопровождаться государственнымъ межеваніемъ и уничтоженіемъ чрезполосицы [2]).

Но лишь только совершится переходъ къ округленному подворному землевладѣнію (хуторное хозяйство), возникнетъ вопросъ о крестьянскомъ наслѣдственномъ правѣ, вопросъ, на значеніе котораго для русской аграрной политики указывалъ уже Кейсслеръ. При отсутствіи права залога на-

---

[1]) *И. Миклашевскій*, цит. статья въ „Энц. Словарѣ“ Брокауза и Ефрона, томъ XXIV, стр. 216.

[2]) *Buchenberger*. „Agrarwesen und Agrarpolitik“. Leipzig, 1892. Band I, S. 287. Прусскій законъ о раздѣлѣ общинныхъ земель даетъ по этому вопросу слѣдующее опредѣленіе: лишь только послѣдуетъ уничтоженіе общиннаго владѣнія „участники его, какъ выдѣляющіеся изъ общины, такъ и остающіеся въ ней, должны получать земельные участки *по возможности въ одномъ сплошномъ отрѣзѣ*“. (§ 3, 61). Такіе раздѣлы общинныхъ земель, связанные съ *сверсткой полосъ* (Zusammenlegung), называются *Specialseparationen*, и постепенное уничтоженіе чрезполосицы стало *главною цѣлью*, ради которой и затѣвается все дѣло.

дѣльной земли раздѣлъ по наслѣдству, или семейный раздѣлъ, означаетъ въ Россіи дѣйствительный раздѣлъ земли и тѣмъ самымъ заключаетъ въ себѣ опасность раздробленія ея, несомнѣнно нежелательнаго при относительно экстензивномъ хозяйствѣ.

Быть можетъ, и въ этомъ случаѣ цвѣтущее хозяйство южно-русскихъ нѣмцевъ—колонистовъ даетъ полезныя указанія. По неоднократно цитированной книгѣ Постникова, у колонистовъ вся земля составляетъ собственность общины; ни одинъ участокъ не можетъ быть отчужденъ безъ согласія общины. Луга и лѣсъ находятся въ общемъ пользованіи. Пахатная-же земля распадается на *недѣлимые* участки (Hufen), соотвѣтствующіе нормальной величинѣ крестьянскаго хозяйства и находящіеся въ личномъ владѣніи отдѣльныхъ „хозяевъ“. Въ случаѣ открытія наслѣдства, участокъ получаетъ обыкновенно одинъ изъ наслѣдниковъ по установленной обществомъ низкой покупной цѣнѣ; если наслѣдниковъ нѣтъ, участокъ покупается съ торговъ кѣмъ либо изъ колонистовъ, но во всякомъ случаѣ не иначе какъ цѣликомъ [1]).

4. Но наиболѣе важнымъ и основнымъ для цѣлаго ряда другихъ вопросовъ является вопросъ о томъ, насколько представляется возможнымъ въ финансово-техническомъ отношеніи *отмѣнить круговую поруку общины въ уплатѣ податей и выкупныхъ платежей*. Только эта мѣра подрѣзала бы общинное землевладѣніе въ самомъ корнѣ. Возрастающее значеніе косвеннаго обложенія и увеличеніе доходовъ государства отъ собственныхъ предпріятій вѣроятно сдѣлаютъ возможною такую реформу прямого обложенія. Само собою разумѣется, что провинціальные финансовые органы выскажутся противъ такой реформы, такъ какъ переложеніе податей на отдѣльныхъ крестьянъ чрезвычайно увеличитъ ихъ трудъ и отвѣтственность. Но такія соображенія не должны имѣть рѣшающаго значенія. Если бы явились опасенія въ недоборѣ податей, то пожалуй было бы умѣстно даже незначительное повышеніе существующихъ размѣровъ обложенія. Опредѣленность налога, по А. Смиту, есть основной принципъ всякаго обложенія, и опредѣленный, высшій налогъ можетъ быть для плательщика легче, чѣмъ низшій, но неопредѣленный.

Я отнюдь не намѣренъ высказывать свое сужденіе о деталяхъ этой законодательной задачи. Но тѣмъ несомнѣннѣе представляется мнѣ конечная цѣль всякой аграрной реформы въ современной Россіи: необходимо завершить великое освободительное дѣло шестидесятыхъ годовъ. Изъ-за фискаль-

---

[1]) *В. Постниковъ*, стр. 291 и сл. и passim.

ныхъ соображеній освободительное законодательство вручило неограниченныя полномочія міру и лишила отдѣльнаго крестьянина индивидуальной собственности и личной свободы. Поэтому реформа имѣетъ передъ собою двоякую задачу, касающуюся съ одной стороны земли, съ другой—личности.

По отношенію къ *землѣ* задача такова: постепенное и сообразующееся съ обстоятельствами превращеніе общинной собственности въ *частную* или, по крайней мѣрѣ, устраненіе препятствій, стоящихъ на пути такой эволюціи.

Вопросъ о томъ, возможенъ ли непосредственный переходъ отъ полнаго безправія личности къ вполнѣ свободной частной собственности [1]), можно пока оставить въ сторонѣ. Во всякомъ случаѣ широкое *юридическое* закрѣпленіе земли, съ которымъ мы познакомились выше на основаніи существующаго законодательства, не имѣетъ смысла, разъ *фактически* господствуетъ та подвижность и необезпеченность всякаго крестьянскаго владѣнія, на которую мы неоднократно указывали. Вопросъ о болѣе или менѣе широкомъ ограниченіи права на землю имѣетъ практическое значеніе лишь въ примѣненіи къ частному владѣнію [2]).

По отношенію къ *личности* крестьянина задача состоитъ въ устраненіи особаго крестьянскаго сословнаго права и въ уравненіи всѣхъ подданныхъ на почвѣ *общихъ гражданскихъ законовъ*. Слово „крестьянинъ“ должно перестать выражать собою общественно-правовое понятіе и превратиться въ простое обозначеніе хозяйственной дѣятельности. Уже творцы крестьянской реформы явно имѣли въ виду эту цѣль [3]).

Правда, эта законодательная реформа, какъ и всякая другая, предполагаетъ огромную и долгую работу надъ воспитаніемъ общественнаго мнѣнія. Русская интеллигенція *должна* отказаться отъ взгляда на крестьянина какъ на какое то таинственное существо, полу-дикаря, полу-святого, все счастье котораго состоитъ въ томъ, чтобы свою личность погрузить въ нирвану міра. Русскій крестьянинъ—самоопредѣляющійся человѣкъ съ такими же стремленіями какъ и всѣ мы, человѣкъ хотя и грубый и невѣжественный, но по задаткамъ своимъ высокоодаренный въ умственномъ и нравственномъ отношеніи европеецъ. Крестьянинъ скорѣе чѣмъ дворянинъ способенъ развиться въ современнаго хозяйственнаго индивидуума со всѣми

---

[1]) См., напр.,—*В. Никольскій*. „Личность въ общинномъ быту“. „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., январь, стр. 86—87.

[2]) Такъ *Кавелинъ*, „Крестьянскій вопросъ“, стр. 80, требуетъ наслѣдственнаго частнаго владѣнія безъ права отчужденія и заклада земли, составляющей собственность общества.

[3]) *Никольскій*, стр. 34.

присущими ему недостатками и достоинствами. Вспомнимъ хотя бы указанную нами выше побѣду крестьянскихъ промысловъ надъ помѣщичьей фабрикой.

Для самой русской „интеллигенціи“ будетъ полезно измѣненіе отношенія къ крестьянину въ указанномъ смыслѣ. Несамостоятельность „интеллигенціи“, на которую жаловались славянофилы, въ конечномъ счетѣ проистекала изъ слабости ея экономическаго фундамента—дворянства. Теперь на поверхности натуральнаго хозяйства и духовной ограниченности выдвигается новая скала: та „сельская мелкая буржуазія“, которая столь ненавистна литераторамъ, какъ разрушительница земельной общины. И все-же, угловатости и шероховатости „кулачества“ могутъ современемъ вывѣтриться и пустынная скала можетъ покрыться дерномъ, на которомъ можетъ распуститься цвѣтокъ дѣйствительно „народной“ образованности. Тогда, и только тогда, былъ бы достигнутъ идеалъ славянофиловъ—единство національной культуры. Тогда, и только тогда, заполнилась бы пропасть между народомъ и интеллигенціею, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Западной Европы, гдѣ безчисленныя переходныя ступени неразрывно связываютъ вершины духовной жизни съ широкимъ народнымъ фундаментомъ. Это можетъ быть достигнуто только повышеніемъ уровня развитія низшихъ классовъ, а никакъ не искусственнымъ опрощеніемъ интеллигенціи.

Сказаннаго достаточно, чтобы опредѣлить мою точку зрѣнія на основные вопросы русской аграрной политики; достаточно и для того, чтобы убѣдить читателя, что подробное обоснованіе этой точки зрѣнія потребовало бы еще одного тома, по объему превышающаго тотъ, который предлагается читателю теперь. Попытка дать это обоснованіе въ рамкахъ настоящаго труда навлекла бы на себя справедливый упрекъ въ поверхностности.

При тѣхъ же рамкахъ этого труда, которыя намѣчены выше, мнѣ кажется болѣе правильнымъ иллюстрировать высказанныя выше мнѣнія нѣсколькими моментальными снимками будничной деревенской жизни, хотя и не претендующими на такъ называемую „типичность“, но во всякомъ случаѣ выхваченными прямо изъ моря фактовъ. Только при этомъ условіи читатель почувствуетъ дуновеніе русскаго деревенскаго воздуха, которымъ нужно подышать, чтобы не судить о русскихъ экономическихъ вопросахъ, въ томъ числѣ и о вопросахъ промышленной и финансовой политики, по западно-европейскому шаблону.

Первая изъ этихъ страничекъ дневника написана во время морского путешествія изъ Севастополя въ Бриндизи, слѣдовательно безъ пользованія какою бы то ни было литературою; яркій блескъ весны, окружавшій меня

у береговъ Греціи, еще рѣзче подчеркивалъ тѣ впечатлѣнія, которыя я вынесъ нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ покрытыхъ снѣгомъ голодающихъ мѣстностей Россіи. Вторыя путевыя замѣтки были написаны въ имѣніи одного русскаго друга, также безъ пользованія литературою, но подъ вліяніемъ постоянныхъ разговоровъ съ весьма свѣдущимъ наблюдателемъ русской деревенской жизни. Для слѣдующихъ записокъ я воспользовался сокровищами Полтавскаго статистическаго бюро. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени мѣшаетъ мнѣ воспользоваться моимъ богатымъ матеріаломъ по вопросу о русской земельной общинѣ; для намѣченной мною цѣли мнѣ кажутся болѣе характерными нѣкоторыя индувидуалистическія явленія.

II. Страничка изъ дневника поѣздки по голодающимъ мѣстностямъ Россіи.

Мартъ 1893 г.

Лѣтомъ 1892 года часть восточной Россіи была поражена сильнымъ неурожаемъ, повлекшимъ за собою въ слѣдующую зиму настоящій и признанный офиціально—голодъ; нужда еще обострялась тѣмъ, что уже въ предшествующемъ году эти же самыя мѣстности пострадали отъ полнаго неурожая. Районъ перваго неурожая охватилъ губерніи: Тульскую, Воронежскую, Полтавскую, Херсонскую, Область Войска Донского и части губерній: Орловской, Рязанской, Курской и Кіевской. Вторично были поражены неурожаемъ и потому находились въ особенно бѣдственномъ положеніи губерніи Тульская и Воронежская и части губерній Рязанской и Орловской.

Взглядъ на карту показываетъ, что въ эти бѣдственные годы пострадали отнюдь не тѣ части Россіи, для которыхъ природа является злой мачихой, надѣлившей ихъ скудной почвой и суровымъ климатомъ. Здѣсь—въ Сѣверной Россіи—неблагопріятныя природныя условія давно оторвали человѣка отъ земли, погнали его въ города и на сторону на временныя заработки. Населеніе здѣсь подвижнѣе и предпріимчивѣе; оно издавна имѣетъ подсобныя занятія въ широко распространенной кустарной промышленности. Послѣдняя же подготовила почву для возникновенія тѣхъ могучихъ крупныхъ предпріятій, которыя существуютъ въ настоящее время въ Московской и Владимірской губерніяхъ. Эти районы, нерѣдко ввозящіе хлѣбъ, пользуются сравнительнымъ благосостояніемъ. Они достаточно зажиточны, чтобы и въ случаѣ недорода имѣть возможность покупать хлѣбъ. Точно также и западныя губернія Россіи, болѣе богатыя путями сообщенія, хотя

и знаютъ неурожаи, но не знаютъ голодовокъ. Напротивъ, южныя и восточныя губерніи неоднократно посѣщалъ „голодъ“ какъ массовое явленіе; казалось-бы, эти губерніи съ ихъ знаменитымъ „черноземомъ“ могутъ прокормить не только своихъ собственныхъ пахарей, но и милліоны покупателей—вѣдь это районы, климатъ которыхъ даетъ возможность воздѣлывать пшеницу, а мѣстами и свекловицу.

Фактъ этотъ достаточно удивителенъ, но онъ становится еще болѣе удивительнымъ, если встать съ нимъ лицомъ къ лицу. Поэтому я предлагаю читателю сопровождать меня въ путешествіи по голодающимъ мѣстностямъ Россіи. Поѣздка туда изъ Москвы не представляетъ затрудненій, такъ какъ мѣстность эта прорѣзана желѣзными дорогами.

Желѣзную дорогу я покинулъ въ Б., уѣздномъ городѣ Тульской губерніи. Выдававшаяся надъ городкомъ фабричная труба издали предупредила меня, что современная система производства уже успѣла проникнуть въ эту мѣстность. На мой вопросъ я узналъ, что труба эта принадлежитъ большому сахарному заводу—доказательство богатства почвы. Какой контрастъ: уже на самой желѣзнодорожной станціи я замѣтилъ дровяной складъ „Краснаго Креста“, къ которому подъѣзжали крестьяне на маленькихъ дровняхъ, запряженныхъ маленькими отощавшими лошаденками для закупки необходимаго топлива по пониженной цѣнѣ. Молча толпились они у входа во дворъ, гдѣ отмѣривались дрова, лошади ихъ, понуривъ голову, едва держались на ногахъ, подбирали валявшіеся на землѣ клочки соломы и сѣна; молча клали крестьяне на дровни нѣсколько полѣньевъ; дровни очень невелики, и уже обычный грузъ ихъ крайне малъ; еще меньше былъ онъ теперь, когда лошади представляли собою почти кожу да кости. Молча отъѣзжали одни крестьяне и подъѣзжали другіе; русскій мужикъ—герой знаменитаго буддійскаго правила жизни: не противься злу.

Благопріятный случай свелъ меня въ самомъ началѣ моего путешествія съ одной изъ тѣхъ типичныхъ для русской деревни фигуръ, которыя описалъ Уоллэсъ подъ именемъ Карла Карлыча—съ нѣмцемъ-управляющимъ имѣнія. Этотъ сортъ людей, цѣлой пропастью отдѣленный отъ народа, обнаруживаетъ часто весьма мало пониманія интимныхъ сторонъ духовной народной жизни; зато экономическія отношенія въ окружающей ихъ жизни эти люди оцѣниваютъ трезво и съ знаніемъ дѣла, для меня весьма поучительнымъ.

Дѣйствительно, говорилъ Карлъ Карлычъ, за послѣдніе два года урожай былъ чрезвычайно плохой; однако то имѣніе, которымъ онъ управлялъ, неурожай поразилъ гораздо слабѣе, чѣмъ сосѣднихъ крестьянъ. Въ

имѣніи было собрано съ десятины 63 пуда пшеницы вмѣсто обычныхъ 150 и всего 28 пудовъ ржи вмѣсто 75, т. е. немного менѣе половины обычнаго; крестьяне-же собрали не болѣе четверти обычнаго урожая, а нерѣдко поля ихъ представляли собою просто „голую землю“ [1]).

На мой вопросъ о причинахъ такого явленія мнѣ указали на различіе способа хозяйства въ имѣніи и у крестьянъ. Въ имѣніи сѣются пшеница, свекловица и кормовыя растенія, у крестьянъ-же, ведущихъ трехпольное хозяйство, рожь и овесъ или картофель, на третій же годъ поле запускается подъ паръ и не обрабатывается. Бѣдность мѣшаетъ крестьянамъ пріобрѣтать орудія, необходимыя для лучшей обработки земли. Поэтому они держатся за древнюю соху, изготовляемую по большей части въ самой деревнѣ и требующую очень мало желѣзныхъ частей. Преимущества сохи для совершенно обѣднѣвшихъ крестьянъ состоятъ въ томъ, что ею можно пользоваться для самыхъ разнообразныхъ работъ, для которыхъ болѣе прогрессивныя хозяйства заводятъ нѣсколько различныхъ орудій (проведеніе бороздъ, выкапываніе картофеля и т. д.). Но соха лишь поверхностно взрываетъ землю, такъ что производительныя силы нижнихъ слоевъ чернозема, достигающаго почти 1 метра въ глубину, не эксплуатируются. Другая причина болѣе низкихъ урожаевъ на крестьянской землѣ — отсутствіе удобренія: въ соотвѣтствіи съ господствующимъ трехпольнымъ сѣвооборотомъ земля передѣляется наново каждые три года, и такимъ образомъ крестьяне совершенно не заинтересованы въ дальнѣйшихъ урожаяхъ своихъ полосъ, которые перейдутъ черезъ три года къ другимъ хозяевамъ. Поля, находящіяся въ общинномъ владѣніи, по-просту никогда не унаваживаются; солома служитъ крестьянамъ единственнымъ топливомъ. Съ трехпольемъ тѣсно связанъ и недостатокъ скота, численность котораго можетъ быть увеличена только при воздѣлываніи кормовыхъ растеній. То небольшое количество навоза, которое крестьянинъ имѣетъ, онъ употребляетъ на удобреніе огорода, находящагося въ его частной собственности, или въ лучшемъ случаѣ на удобреніе арендованной земли, но ужъ никакъ не своего надѣла изъ общинной земли. Въ огородахъ крестьяне сажаютъ свекловицу для продажи на заводъ; но эта крестьянская свекловица содержитъ на 25% меньше сахару, чѣмъ помѣщичья.

Между тѣмъ какъ крестьянинъ продолжаетъ воздѣлывать свою землю

[1]) Мнѣ, напримѣръ, разсказывали, что лѣтомъ 1891 года въ Московской губерніи рядомъ съ крестьянской землею, покрытой одними сорными травами, можно было видѣть волнующіяся нивы сельско-хозяйственной академіи.

по завѣтамъ отцовъ, населеніе увеличилось; нерѣдко на душу мужского пола приходится не болѣе $^1/_3$ десятины, и это—принимая во вниманіе среднюю производительность почвы при существующемъ экстенсивномъ хозяйствѣ—объясняетъ неизбѣжность періодическихъ голодовокъ. Неизбѣжность эта была бы еще больше, если-бы переселеніе въ восточныя губерніи и Азію не создавало-бы возможности постояннаго отлива населенія; за время теперешней голодовки изъ одного окрестнаго села выселилось изъ 350 дворовъ 40, изъ другого—изъ 100 дворовъ—30.

По сравненію съ прежней, восхваляемой Карломъ Карлычемъ крѣпостной эпохой, положеніе крестьянъ несомнѣнно ухудшилось — и не только вслѣдствіе плохихъ урожаевъ за послѣдніе годы. Прежде, до великихъ реформъ, крестьянинъ производилъ для собственнаго потребленія; то, что не потреблялось въ хорошіе годы, вслѣдствіе плохого состоянія путей сообщенія и слабаго развитія обмѣна обращалось въ запасъ и служило подспорьемъ на время неурожая. Денегъ крестьянину не было нужно; покупать приходилось развѣ только соль и желѣзныя части сохи. Помѣщику отдавалъ онъ исключительно работу и натуральныя подати. За то въ плохія времена помѣщикъ былъ обязанъ поддерживать хозяйство крестьянина въ исправномъ состояніи, да это было и въ его интересахъ. Если правительство въ исключительныхъ случаяхъ и дѣлало затраты на народное продовольствіе, то оно требовало возмѣщенія ихъ отъ помѣщика. Два обстоятельства измѣнили такое положеніе дѣлъ: во-первыхъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ освобожденіе крестьянъ. Для уплаты податей и выкупныхъ платежей крестьянину потребовались деньги; желѣзныя-же дороги дали ему возможность продавать свои продукты. Говоря языкомъ экономистовъ: крестьянинъ былъ вовлеченъ въ міровое хозяйство, между тѣмъ какъ способъ его хозяйства и психологическій обликъ его еще до сихъ поръ противорѣчатъ такому перевороту.

Разспросивъ о хозяйственныхъ условіяхъ района, я старался разузнать о размѣрахъ и степени нужды, а также о средствахъ борьбы съ нею. Но въ этомъ случаѣ Карлъ Карлычъ съ его трезвымъ, почти холоднымъ отношеніемъ къ окружавшему его человѣческому бѣдствію былъ-бы плохимъ руководителемъ. Болѣе пригоднымъ для этой цѣли было другое лицо, къ которому у меня было рекомендательное письмо. Въ лицѣ графа Б., бывшаго гвардейскаго офицера, теперь-же второй годъ безъ устали работавшаго въ голодающихъ мѣстностяхъ, я познакомился съ однимъ изъ представителей того идеализма, который такъ распространенъ въ молодомъ поколѣніи интеллигентнаго русскаго общества и который большею частью лишенъ поля для приложенія своей дѣятельности; поэтому съ годами идеализмъ этотъ нерѣдко

увядаетъ, а часто и превращается въ свою противоположность. Въ данномъ случаѣ одна изъ такихъ личностей нашла себѣ дѣло, и присутствіе этого дѣятельнаго предсѣдателя мѣстнаго комитета „Краснаго Креста“ ставило посѣщенный мною районъ въ болѣе благопріятныя условія чѣмъ тѣ, въ которыхъ находились другія мѣстности съ одинаковыми размѣрами нужды.

Передаю здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія, полученныя мною отъ этого компетентнаго лица.

Послѣ неурожая 1891 года описываемый уѣздъ, да и вся губернія и вмѣстѣ съ тѣмъ большая часть Центральной и Восточной, почти исключительно земледѣльческой Россіи оказалась въ крайне тяжеломъ положеніи; только путемъ чрезвычайныхъ жертвъ удалось правительству успѣшно противодѣйствовать уменьшенію и населенія, и посѣвной площади. Въ особую заслугу правительству слѣдуетъ поставить сохраненіе почти той же посѣвной площади. Наряду съ правительственными органами широкую дѣятельность проявляла и частная благотворительность. Въ посѣщенномъ мною уѣздѣ, имѣющемъ 170,000 жителей, съ декабря 1891 года, когда истощились собственные запасы крестьянъ, до новой жатвы правительство и частныя лица затратили вмѣстѣ болѣе 1 милліона рублей.

Засуха лѣтомъ 1892 года уничтожила въ уѣздѣ надежды и на новый урожай; озимые хлѣба (рожь) едва вернули сѣмена; яровые (овесъ) часто даже не убирали. Вслѣдствіе этого явилась усиленная нужда. Уже въ сентябрѣ скудный урожай былъ съѣденъ. Ко времени моего посѣщенія по крайней мѣрѣ три четверти населенія уѣзда жили правительственною помощью или частною благотворительностью.

Если русскій крестьянинъ вполнѣ преданъ царской власти, то это основывается на томъ, что онъ видитъ въ ней Провидѣніе, благодѣтельною рукою устраняющее бѣдствія, посылаемыя природою. Чѣмъ больше массы и чѣмъ обширнѣе мѣстности, возлагающія свое упованіе на спасительную длань царя, тѣмъ неизбѣжнѣе для правительства такое вмѣшательство. Чѣмъ спорадичнѣе нужда, тѣмъ менѣе основаній опасаться послѣдствій ея для настроенія народа. Этимъ объясняется, почему въ 1891 году помощь, оказанная правительствомъ народу, была гораздо значительнѣе, чѣмъ въ 1892 году, когда нужда—правда болѣе чувствительная — охватила значительно меньшую площадь.

Однако и въ 1892 году правительство не уклонилось отъ своей обязанности. Органами, которыми оно пользуется въ подобныхъ случаяхъ, являются земства. Они получали изъ государственнаго казначейства безпроцентныя ссуды, частью деньгами, частью хлѣбомъ, поступающимъ къ прави-

тельству въ возвратъ ссуды изъ тѣхъ районовъ, въ которыхъ въ прошломъ году былъ плохой урожай, въ нынѣшнемъ-же—хорошій. Полученныя ссуды земства раздавали въ пособіе нуждающимся обществамъ, но только въ натуральной формѣ, а не въ видѣ денегъ. Посѣщенный мною уѣздъ получилъ за время съ сентября до новой жатвы 400,000 пудовъ ржи. Если принять число нуждавшихся въ уѣздѣ въ 130,000 человѣкъ—цифра несомнѣнно не преувеличенная—то въ среднемъ на душу придется около 3 пудовъ или 120 фунтовъ хлѣба, т. е. на день не полныхъ полфунта. Количества этого недостаточно для питанія, недостаточно даже для предотвращенія смерти.

Въ виду этого хлѣбъ распредѣляется не по душамъ. Вообще низшей единицей, самостоятельно регулирующей свои дѣла, является въ глазахъ русской администраціи сельское общество; такъ было и въ данномъ случаѣ: продовольственную ссуду получали не отдѣльныя лица, а сельскія общества. Общества эти отвѣчаютъ круговою порукою за возвратъ ссуды. Отсюда — неизбѣжное слѣдствіе: общины раздаютъ ссуду только тѣмъ своимъ членамъ, отъ которыхъ надѣются получить ее обратно, т. е. хозяевамъ, владѣющимъ землею и обрабатывающимъ ее. Ссуда является чѣмъ то вродѣ ипотечнаго кредита подъ землю. Безземельные, — а число ихъ несмотря на существованіе общиннаго землевладѣнія непрерывно возрастаетъ,— остаются не при чемъ. Къ такимъ принадлежатъ прежде всего нѣкоторыя группы населенія, по закону не имѣющія участія въ общинной землѣ: потомки бывшихъ дворовыхъ, николаевскіе солдаты, освобожденные до уничтоженія крѣпостного права, и ихъ потомки; затѣмъ — если не юридически, то фактически — обширный контингентъ крестьянъ, хотя и получившихъ надѣлъ, но слишкомъ бѣдныхъ, чтобы обрабатывать его, и вынужденныхъ предоставлять его своимъ кредиторамъ—зажиточнымъ членамъ общины.

За устраненіемъ изъ числа бѣдныхъ бѣднѣйшихъ крестьяне, владѣющіе землею, получаютъ 30 фунтовъ хлѣба въ мѣсяцъ на душу; однако при этомъ не идутъ въ счетъ дѣти моложе 3 лѣтъ и взрослые мужчины въ возрастѣ 18—55 лѣтъ, такъ называемые „работники“. Принимая во вниманіе эти исключенія, мы получимъ въ среднемъ отъ 15 до 20 фунтовъ на человѣка въ мѣсяцъ; однако бываютъ деревни, поставленныя въ этомъ отношеніи еще въ болѣе неблагопріятныя условія.

Очевидно, что уже для простого поддержанія жизни населенія необходима частная благотворительность — даже если имѣть въ виду, что никто въ мірѣ не привыкъ къ такимъ лишеніямъ, какъ русскій крестьянинъ. Обыкновенно недостатокъ съѣстныхъ припасовъ начинаетъ проявляться въ крестьянскихъ избахъ послѣ Пасхи; на этотъ же разъ люди встрѣтили уже

обезсиленными то время года, когда обработка полей требуетъ напряженія физическихъ силъ.

Главнымъ органомъ частной благотворительности является общество „Краснаго Креста“, имѣющее полу-оффиціальный характеръ. Однако средства, собранныя этимъ обществомъ, были получены почти исключительно изъ частныхъ источниковъ—и притомъ въ зиму 1891—92 года въ такихъ размѣрахъ, которые дѣлаютъ честь русскому обществу. Степень успѣшности работы „Краснаго Креста“ въ каждомъ данномъ случаѣ зависитъ отъ того, находятся ли на мѣстѣ подходящія, энергичныя и самоотверженныя лица, готовыя взять на себя представительство общества. „Попечителями“ отъ „Краснаго Креста“ служатъ священники, помѣщики, управляющіе, студенты и дамы. Важно, чтобы среди нихъ были такія лица, которыя по своему положенію могутъ разсчитывать на вниманіе правительства или пользуются довѣріемъ общественнаго мнѣнія. Тамъ, гдѣ такихъ лицъ нѣтъ, нужда можетъ быть не менѣе сильна, но ее покрываетъ снѣжная пелена и молчаніе долгой русской зимы.

Дѣятельность „Краснаго Креста“ направлена прежде всего на прокормленіе тѣхъ, кто вовсе не получаетъ пособія отъ земства или получаетъ его въ недостаточномъ размѣрѣ. Въ посѣщенномъ мною уѣздѣ было устроено 25 пекарень „Краснаго Креста“, изготовлявшихъ въ мѣсяцъ около 9,000 пудовъ хлѣба изъ смѣси муки ржаной и изъ кукурузы. Хлѣбъ выдавался наиболѣе нуждающимся даромъ, прочимъ—по пониженной цѣнѣ...

Образчикъ болѣе широкой помощи я увидѣлъ черезъ нѣсколько дней въ столовыхъ госпожи Л. И здѣсь было весьма интересно наблюдать, какъ привыкли крестьяне дѣйствовать сообща. Жителямъ деревни, имѣющимъ право на полученіе пищи, выдавались еженедѣльно всѣмъ вмѣстѣ съѣстные припасы; приготовленіе и раздача пищи лежали на самихъ крестьянахъ, и въ дальнѣйш мъ наблюденіи не было надобности. Это напоминаетъ о томъ, какъ среди русскихъ рабочихъ, работающихъ вмѣстѣ, немедленно возникаютъ артели, т. е. потребительныя общества. Какъ мало развита индивидуальная личность, показываетъ то обстоятельство, что всѣ постановленія такихъ артелей дѣлаются большею частью единогласно. Не менѣе настоятельна, чѣмъ нужда въ продовольствіи, была и нужда въ кормѣ для скота. Только очень немногіе изъ крестьянъ могли сохранить прежнее количество скота. По отчету предсѣдателя мѣстнаго комитета „Краснаго Креста“ за время съ января 1892 г. по январь 1893 года въ деревняхъ уѣзда число лошадей уменьшилось на 30—55 процентовъ, число головъ крупнаго рогатаго скота—на 50—77 процентовъ. „Красный Крестъ“ открылъ въ

уѣздѣ нѣсколько складовъ, въ которыхъ продавалось сѣно по сильно уменьшенной цѣнѣ. При открытіи этихъ складовъ наплывъ покупателей былъ огромный; крестьянинъ продавалъ все, безъ чего можно было хоть какъ-нибудь обойтись, въ крайнемъ случаѣ даже свое платье, чтобы только сохранить лошадь, безъ которой ему невозможно вспахать весной свое поле. И если впослѣдствіи число покупателей нерѣдко падало, то это значитъ, что понизилась покупная сила населенія. Кромѣ того крестьянскія лошади часто настолько истощены, что не могутъ совершать длинный путь до сѣнныхъ складовъ: уже цѣлыми недѣлями ихъ кормятъ главнымъ образомъ соломой, сдираемой постепенно съ крышъ избъ и сараевъ.

Точно также и дрова, въ которыхъ нуждалось населеніе, „Красный Крестъ“ выписывалъ крупными партіями и продавалъ по пониженной цѣнѣ. Мой собесѣдникъ считалъ недостатокъ въ топливѣ столь же важнымъ, какъ и недостатокъ въ питаніи—странное явленіе, если подумать, что подъ избами мерзнущихъ крестьянъ на глубинѣ 30 — 40 футовъ тянется мощный слой бураго каменнаго угля, вполнѣ пригоднаго для употребленія въ домашнемъ хозяйствѣ. Въ то время какъ пудъ угля низшаго сорта стоитъ на мѣстѣ лишь 2—$2^1/_2$ коп. и одно англійское общество ежегодно вывозитъ изъ уѣзда 12 милліоновъ пудовъ этого угля, для крестьянъ топливомъ по прежнему служитъ солома. Они не могутъ пользоваться углемъ, потому что не имѣютъ денегъ на покупку приспособленной для угля печи, хотя такую печь можно пріобрѣсти за нѣсколько рублей. Древнюю-же русскую печь, пригодную только для соломы или дровъ, одновременно служащую главнымъ предметомъ убранства избы и замѣняющую кровати, крестьяне складываютъ при постройкѣ избъ сами. При плохомъ урожаѣ, когда нѣтъ ни соломы, ни кизяка, крыши сараевъ и избъ являются единственнымъ топливомъ; когда-же и оно выходитъ, то вмѣстѣ съ голодомъ въ крестьянскія избы проникаетъ и холодъ.

Экскурсіи по уѣзду показали мнѣ, что мой собесѣдникъ отнюдь не преувеличивалъ. Въ большомъ приходскомъ селѣ Л. обширная, покрытая массивнымъ куполомъ церковь свидѣтельствовала о быломъ богатствѣ. Священникъ разсказывалъ, что церковь эта была построена 30 лѣтъ тому назадъ, т. е. непосредственно послѣ уничтоженія крѣпостного права, самими крестьянами безъ посторонней денежной помощи и безъ долговъ. По обѣ стороны церкви необозримыми рядами тянутся крестьянскія избы, въ которыхъ помѣщается около 7,000 жителей. Что прежде всего бросается въ глаза европейцу—такъ это однообразіе наружнаго вида и размѣра избъ, едва позволяющее отличить богатыхъ отъ бѣдныхъ. И дѣйствительно, по-

сѣщеніе многихъ избъ показало мнѣ, что и внутри ихъ существуютъ почти одинаковые размѣры нужды.

Я просилъ, напримѣръ, показать мнѣ „богатаго“ крестьянина. Человѣкъ этотъ, лично обрабатывающій свой участокъ общинной земли, быть можетъ, прирендовывающій еще полоску и потому являющійся въ глазахъ сельскаго общества платежеспособнымъ, живетъ полученною имъ въ ссуду рожью въ количествѣ около 20 фунтовъ на человѣка въ мѣсяцъ. Другой пищи не имѣется. Скотъ содержится въ избѣ, вѣроятно съ цѣлью увеличить тепло. Каждое полѣно дровъ, каждую соломенку приходится беречь.

Въ сосѣднемъ селѣ, также посѣщенномъ мною, священникъ говорилъ, что съ величайшею охотою сложилъ бы съ себя званіе попечителя „Краснаго Креста“— настолько недостаточны средства помощи. Ежедневно приходятъ къ нему женщины съ просьбою дать имъ хлѣба для ихъ голодающихъ дѣтей, а онъ не можетъ ничѣмъ помочь имъ. Онъ видѣлъ, какъ плакали не только женщины, но и мужчины. Во время этого разговора передъ домомъ священника, мало чѣмъ отличавшимся отъ крестьянскихъ домовъ, собрались крестьяне и крестьянки. Однако ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ во все время нашей поѣздки насъ не безпокоили выпрашиваніемъ милостыни. И въ данномъ случаѣ проявилась характерная черта русскаго крестьянина—выступать всегда міромъ. Явилась депутація отъ общества съ старостой во главѣ, объяснившая моему спутнику, что крестьяне не могутъ покупать сѣно у „Краснаго Креста“ даже по пониженной цѣнѣ. Въ виду непрерывной убыли скота въ селѣ крестьяне просятъ дать имъ сѣно въ долгъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ невозможно будетъ весною обсѣменить поля. Затѣмъ появилась депутація деревенскихъ матерей, просившихъ крупы для прокормленія дѣтей моложе трехъ лѣтъ—въ виду невозможности кормить дѣтей столь нѣжнаго возраста ржанымъ хлѣбомъ—единственнымъ пищевымъ средствомъ даже въ зажиточныхъ дворахъ.

Мы посѣтили другую сосѣднюю деревню. Здѣсь мы натолкнулись на новую сторону нужды. Какъ уже было сказано, крестьяне вынуждены сокращать количество содержимаго скота. Но покупателей нѣтъ, потому что уѣздъ—чисто-земледѣльческій, евреямъ же, которые въ западной части Имперіи какъ-ни какъ дали-бы что нибудь, въ центральныхъ губерніяхъ жительство воспрещено. Цѣны на скотъ упали поразительно низко, меня увѣряли, что лошадь продавалась за 3 рубля, овца—за нѣсколько копѣекъ.

Въ другой части уѣзда нужда была еще болѣе острая. Можно было подумать, что снова наступили тѣ времена, когда татарскія полчища разоряли деревни русскихъ крестьянъ. Съ бо́льшей части крышъ солома была содрана и торчали однѣ голыя балки; часто и балокъ уже не было, и снѣгъ

лежалъ прямо надъ потолкомъ избы. Но нерѣдко и этотъ досчатый потолокъ уже исчезъ въ печи, и отъ избы, покинутой обитателями, оставались однѣ стѣны. Мы посѣтили нѣсколько еще обитаемыхъ избъ. Тающій снѣгъ капалъ сквозь щели потолка на земляной полъ и превращалъ его въ болото. Возлѣ печи и на ней тѣснились многочисленные обитатели избы, люди и жалкіе остатки домашнихъ животныхъ. Нерѣдко нѣсколько семей поселялись вмѣстѣ, и тѣ, которыя получали дрова отъ „Краснаго Креста“, были желанными гостями. Часто въ печахъ не было трубъ, и вся внутренность такой избы была черна отъ дыма, а атмосфера—пропитана испареніями и копотью. Но еще счастливы были тѣ, у которыхъ имѣлось хоть какое нибудь топливо; изъ другихъ избъ намъ несся навстрѣчу сырой и холодный воздухъ. Здѣсь крестьянинъ зачастую залѣзалъ въ печь; когда изба уже остыла, въ печи еще могло оставаться тепло отъ послѣдней сгорѣвшей искорки. Нерѣдко, особенно у стариковъ, появлялось полнѣйшее отупѣніе; по-крайней мѣрѣ на наши вопросы, даже сопровождаемые сильнымъ встряхиваніемъ, мы часто не получали никакого отвѣта.

Мы покинули эту особенно сильно пораженную нуждою мѣстность. Сани летѣли стрѣлою по безконечной, покрытой снѣгомъ равнинѣ. Взоръ, ограниченный только горизонтомъ, не встрѣчалъ ни холмика, ни деревца. Подъ снѣгомъ лежалъ черноземъ, выступавшій наружу на берегахъ рѣкъ; еще глубже дремалъ уголь, еще не пробужденный къ жизни, а люди изнывали и мерзли подобно сказочному царю Мидасу, умирающему съ голоду несмотря на груды золота. И въ данномъ случаѣ магическое слово, которое разрушитъ эти чары, будетъ—„современная техника“, особенно примѣненіе машинъ къ землѣ, которая какъ нигдѣ пригодна для нихъ. Конечно, и здѣсь, какъ и вездѣ, необходимымъ предварительнымъ условіемъ современной системы хозяйства является извѣстный психологическій обликъ, до сихъ поръ встрѣчающійся среди русскихъ крестьянъ лишь въ отдѣльныхъ личностяхъ. И на западѣ Европы личность, связанная общинными традиціями, оказывалась несоотвѣтствующей требованіямъ усиленнаго и улучшеннаго производства. Вспомнимъ о прежнемъ принудительномъ сѣвооборотѣ въ Германіи, оказавшемся несовмѣстимымъ съ улучшенною системою хозяйства; вспомнимъ о тѣхъ производительныхъ товариществахъ, которыя прежде повсемѣстно царили и въ промышленности, и въ горномъ дѣлѣ. Въ ихъ рукахъ „царь-паръ“ оказался непослушнымъ слугою. И только энергичная воля одного могла принудить его къ послушанію. Неужели-же въ данномъ случаѣ современная техника будетъ введена общинною организаціею?

Я не могъ не высказать моему спутнику этихъ сомнѣній. Онъ былъ вполнѣ согласенъ со мною; онъ долго жилъ въ деревнѣ среди крестьянъ. Иначе думали мои московскіе друзья. Какъ разъ тѣ, которые считали себя либералами, называли обыкновенно мои идеи реакціонными; въ качествѣ учениковъ западно-европейскаго соціализма они считали, что „соціалистическая" земельная община представляетъ собою драгоцѣнное зерно, изъ котораго непосредственно можетъ развиться соціалистическій строй общества. Въ отвѣтъ имъ я могъ только указать на то, что по крайней мѣрѣ въ данное время во всемъ посѣщенномъ мною уѣздѣ не голодали только наемные рабочіе индивидуалистически настроеннаго Карла Карлыча; кромѣ помѣщенія и отопленія—и притомъ отопленіе углемъ—онъ платилъ имъ въ годъ деньгами отъ 80 до 100 рублей.

Сани летѣли дальше мимо полуразрушенныхъ деревень и опустѣлыхъ дворянскихъ усадебъ, собственники которыхъ вѣроятно устроились гдѣнибудь въ качествѣ чиновниковъ. Мы приближались къ мѣстности, пораженной, по словамъ моего спутника, кромѣ холода и голода еще тифомъ. Признакомъ обостренія нужды служитъ тотъ фактъ, что въ прошломъ году тифъ появился только въ февралѣ, въ этомъ же году—уже передъ Рождествомъ. Вслѣдствіе полнаго отсутствія подходящаго для тифозныхъ больныхъ питанія и увеличивающейся скученности населенія въ жилищахъ, районъ болѣзни непрерывно растетъ. Уже въ январѣ 1893 года число тифозныхъ больныхъ въ уѣздѣ достигало 1,500—2,000. Въ слѣдующей деревнѣ мы посѣтили много домовъ подрядъ безъ выбора. Во многихъ избахъ мы нашли больныхъ, и истощенныя лица, безучастно смотрѣвшія на насъ съ печей, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ характерѣ болѣзни. Послѣ всего видѣннаго я повѣрилъ разсказанному мнѣ моимъ спутникомъ случаю, когда одинъ изъ больныхъ, залѣзшихъ въ печь, умеръ, а у другихъ не хватило силы вытащить трупъ; такъ онъ и лежалъ рядомъ съ больными, пока случайно не узнали объ этомъ сосѣди.

И здѣсь на помощь пришелъ „Красный Крестъ" и устроилъ тифозныя больницы; въ мартѣ такихъ больницъ было пять приблизительно съ 200 кроватей. Въ то же время главное управленіе „Краснаго Креста" прислало десять сестеръ милосердія. Одну изъ такихъ больницъ мы посѣтили; двѣ сосѣднихъ избы были обращены—одна въ палату для женщинъ, другая—для мужчинъ. Водившая насъ по больницѣ сестра разсказывала, что принять можно было всего 20 съ чѣмъ-то больныхъ, между тѣмъ какъ въ деревнѣ всего больныхъ около 200 человѣкъ. Поэтому она принимаетъ самыхъ бѣдныхъ и наиболѣе плохо обставленныхъ больныхъ. Но такой

выборъ сильно затрудненъ тѣмъ, что вторая сестра милосердія сдѣлалась жертвою заразы; сама-же она не можетъ покинуть больныхъ. Сколько дѣла лежитъ на этой самоотверженной женщинѣ посреди невѣжественнаго населенія, видно уже изъ того, что по ея словамъ врачъ посѣщаетъ больницу приблизительно разъ въ мѣсяцъ.

Спустя нѣсколько дней мнѣ представился случай познакомиться въ уѣздномъ городѣ съ этимъ страшно занятымъ, превосходнымъ человѣкомъ. Онъ сообщилъ мнѣ рядъ интересныхъ данныхъ. Въ 1891 году въ уѣздѣ, насчитывающемъ 170,000 жителей, число рожденій превышало число смертныхъ случаевъ на 860, въ 1892 же году, наоборотъ, число смертныхъ случаевъ на 1,027 превысило число рожденій.

Года:		Рожденій:	Смертей:
1887	Хорошій урожай .	9,125	6,177
1888		9,455	5,752
1889		8,975	7,644
1890	Средній урожай. .	8,769	8,118
1891		9,763	8,903
1892	Неурожай	8,708	9,735

Для выясненія причинъ, вліяющихъ на цифру смертности, характерно то обстоятельство, что число смертныхъ случаевъ чрезвычайно сильно упало въ тѣ мѣсяцы, когда крестьянинъ жилъ продуктами послѣдней жатвы. Въ деревнѣ К. съ 4,000 жителей, служащей примѣромъ сравнительно благопріятныхъ условій, такъ какъ она была пощажена тифозною эпидеміею въ 1892 году, смертность до и послѣ жатвы была такова:

Года:	Янв.	Февр.	Мартъ.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Окт.	Ноябрь.	Дек.
1891	13	9	3	8	11	19	33	27	11	22	9	17
1892	29	30	41	35	45	59	48	26	9	19	18	36

Картина, изображаемая этими цифрами, станетъ еще болѣе мрачною, если вспомнить, что вліяніе второго неурожая отражается здѣсь еще далеко не полно. Именно лѣто слѣдующаго года, до сбора новаго хлѣба, является особенно критическимъ временемъ.

Я видѣлъ, какъ тѣснятся толпы безработныхъ въ воротахъ лондонскихъ доковъ, и вблизи наблюдалъ колоссальныя стачки необученныхъ англійскихъ рабочихъ. Нищета силезкихъ ручныхъ ткачей, въ долинахъ которыхъ я выросъ, уже въ дѣтствѣ заставила меня почувствовать соціальную дисгармонію Западной Европы. Повсюду голодъ причиняетъ одинаковыя страданія, будетъ-ли то въ лондонскомъ Остъ-Эндѣ, у подножія Исполинскихъ горъ или въ равнинахъ Россіи. Но то, что я видѣлъ въ Россіи, носитъ ха-

рактерный отпечатокъ. Въ лондонскіе доки приплываютъ сокровища со всего свѣта; выходя изъ хижинъ силезкихъ ткачей, мы видимъ возвышающіяся изъ сосѣдней долины дымовыя трубы, а спускаясь въ долину, проходимъ мимо виллъ и окруженныхъ желѣзными рѣшетками парковъ фабрикантовъ. Въ Россіи-же я увидѣлъ, какъ голодаютъ сами „собственники“, изъ которыхъ никто не выжимаетъ „прибавочной цѣнности“, и которые къ тому же защищены особыми ограниченіями относительно продажи и заклада ихъ собственности. И именно самое безотрадное въ ихъ положеніи была равномѣрность бѣдствія, отсутствіе не нуждающихся. Здѣсь мнѣ осязательно представилось подчиненность соціальныхъ факторовъ экономическимъ и ошибка многихъ соціальныхъ реформаторовъ, ищущихъ причины массовыхъ бѣдствій исключительно въ недостаткахъ распредѣленія національнаго дохода. Вѣдь здѣсь именно помощи можно было ждать отнюдь не отъ улучшенія распредѣленія, а только отъ увеличенія и улучшенія производства!

Поѣздка въ русскія голодающія мѣстности дала мнѣ многочисленныя доказательства справедливости той мысли, что отсталыя системы производства, покоющіяся на первобытныхъ основаніяхъ, и создаваемая ими зависимость человѣка отъ силъ природы обусловливаютъ собою періодическія массовыя бѣдствія; только дифференція общества—или, если угодно, развитіе противоположности между богатыми и бѣдными—означаетъ увеличеніе производства и вмѣстѣ съ тѣмъ и первый шагъ къ возможному искорененію этихъ бѣдствій.

Чтобы сохранить за этимъ описаніемъ характеръ разсказа очевидца, я перепечаталъ выше приведенныя строки почти безъ измѣненія изъ моего письма въ „Münchener Allgemeine Zeitung“. Все описанное здѣсь составляетъ явленіе періодическое, снова повторившееся зимою 1898—99 г. По словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ князя Ухтомскаго постигнутый неурожаемъ 1898 г. районъ охватываетъ нѣсколько большихъ губерній и простирается отъ Урала на востокѣ почти до Москвы на западѣ, съ сѣвера-же на югъ обнимаетъ почти 10 градусовъ широты. Это почти все тѣ-же губерніи, которыя уже были поражены голодомъ въ 1891 и 1892 гг.

Прибавимъ, что это—именно тѣ мѣстности Восточной и Юго-восточной Россіи, въ которыхъ натуральное хозяйство и общинное землевладѣніе еще наиболѣе прочно и которые расположены наиболѣе континентально. Но какъ ни грустны эти періодическія голодовки, все же не слѣдуетъ преуве-

личивать ихъ экономическаго значенія, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою обычное азіатское явленіе, съ которымъ не всегда можетъ справиться даже просвѣщенное британское правительство въ Индіи.

III. Путевыя записки изъ Харьковской губерніи.

Лѣто 1895 г.

А. Общинное землевладѣніе. Передѣлы земли.

Харьковская губернія, перерѣзанная съ сѣвера на югъ важной желѣзнодорожной линіей, идущей изъ Москвы въ Крымъ, распадается на двѣ части. Сѣверная часть примыкаетъ къ центральному чернозему, подобно сосѣдней Курской губерніи; южная часть принадлежитъ къ черноземной степи. Сѣверная часть заселена издавна, южная—до эпохи Екатерины II была мѣстомъ кочевья азіатскихъ номадовъ; въ сѣверной части населеніе—малорусское, въ южной-же къ малороссамъ примѣшано много великороссовъ—государственныхъ крестьянъ, частью бывшихъ военныхъ поселенцевъ, и нѣмецкихъ колонистовъ. Оба района засѣваются почти исключительно хлѣбомъ; послѣдніе остатки дѣвственной степи въ настоящее время почти исчезли; но отсутствіе деревьевъ на югѣ еще напоминаетъ о прежней степи, тогда какъ на сѣверѣ однообразіе необозримыхъ хлѣбныхъ полей нарушается разбросанными кое-гдѣ дубовыми рощами.

Первый и важнѣйшій вопросъ, относящійся къ каждой русской крестьянской общинѣ, касается формы землевладѣнія. При освобожденіи крестьянъ общины получили въ общее владѣніе землю, равно какъ и право рѣшать, по какимъ единицамъ и черезъ какіе промежутки времени должны производиться земельные передѣлы. Этому широкому праву общинъ соотвѣтствуетъ необыкновенное богатство формъ хозяйственныхъ явленій въ отдѣльныхъ общинахъ. Какъ разнообразятся формы землевладѣнія въ описываемой мѣстности, показываютъ слѣдующіе примѣры.

Община К., *помѣщичьихъ крестьянъ* въ сѣверной части губерніи, не измѣнила разверсточной единицы со времени освобожденія крестьянъ (1861 г.). На каждую живую душу мужского пола, по переписи 1858 г., такъ называемую „ревизскую душу“, приходилось тогда по равному участку земли (надѣлу) приблизительно въ 3 десятины; съ тѣхъ поръ число и величина этихъ участковъ не измѣнились, и они считаются наслѣдственной частной собственностью надѣленныхъ ими душъ. Владѣльцы нерѣдко даже отчуждали при жизни свои участки однообщинникамъ, при чемъ на лицъ,

пріобрѣтавшихъ эти участки падала отвѣтственность по уплатѣ лежащихъ на надѣлѣ податей. На мірскомъ сходѣ имѣютъ право голоса только ревизскія души или ихъ замѣстители путемъ покупки или наслѣдованія, т. е. только владѣльцы надѣловъ; и въ то же время только они облагаются податями. Освобожденные безъ земли, такъ называемые „дворовые“, исполнявшіе ко времени освобожденія обязанности домашней прислуги на барскомъ дворѣ, затѣмъ крестьяне, родившіеся послѣ ревизіи, не существовавшіе еще во время послѣдняго передѣла, наконецъ люди, пришлые со стороны,—всѣ эти безземельные безправны по отношенію къ общинѣ. Тѣмъ не менѣе мы слышали отъ крестьянъ, что сильное меньшинство на сельскомъ сходѣ—хозяева съ большимъ количествомъ сыновей или братьевъ—добиваются новаго равномѣрнаго передѣла земли между всѣми наличными душами. Вѣроятно, по случаю предстоящей народной переписи эти желанія станутъ предметомъ обсужденія на сходѣ.

Итакъ, надъ крестьянами постоянно виситъ Дамокловъ мечъ полнаго переворота всѣхъ землевладѣльческихъ отношеній, но и помимо того право владѣльцевъ надѣловъ далеко еще отъ свободной частной собственности: ежегодно въ общинѣ происходитъ жеребьевки, опредѣляющія полевыя участки, приходящіяся на каждый надѣлъ: другими словами, надѣлъ есть лишь идеальное право на долю въ общинной землѣ, отнюдь не связанную съ опредѣленнымъ мѣстомъ. Ежегодно треть пашни на ново распредѣляется между имѣющими право на надѣлъ; крестьянинъ затѣмъ засѣваетъ доставшійся ему участокъ въ первый годъ озимымъ хлѣбомъ, а во второй—яровымъ; на третій годъ земля поступаетъ подъ общественный выгонъ, на которомъ пасется скотъ общины. Такимъ образомъ ясно, что крестьянинъ обрабатываетъ свое поле не долѣе двухъ лѣтъ.

Крестьяне прекрасно понимаютъ, что вслѣдствіе этого никто не станетъ прилагать особеннаго старанія, которое можетъ окупиться лишь при позднѣйшихъ жатвахъ: иначе онъ работалъ бы не для себя, а для другихъ. Въ особенности при такомъ способѣ землевладѣнія удобреніе почти совсѣмъ не примѣняется. На нашъ вопросъ, почему, въ виду такого зла, надѣлы не даются на болѣе продолжительное время, крестьяне отвѣчаютъ: каждый надѣлъ платитъ одинаковыя подати, а при разнообразіи почвы только ежегодными жеребьевками возможно достигнуть равномѣрнаго обложенія единичныхъ надѣловъ. Этотъ отвѣтъ служитъ доказательствомъ тому, какое важное значеніе по сравненію съ правомъ владѣнія придается связанной съ нимъ обязанности платить подати.

Впрочемъ, нѣкоторые зажиточные крестьяне освободили въ послѣднее

время нѣкоторое количество надѣловъ отъ господства общины, уплативши наличными деньгами весь выкупной долгъ, лежавшій на нихъ. Выкупленные надѣлы были вырѣзаны имъ изъ общинной земли сплошными участками; такимъ образомъ эти крестьяне стали частными собственниками и освободились какъ отъ круговой поруки въ уплатѣ податей, такъ и отъ принудительнаго сѣвооборота. Замѣчательно, однако, что всѣ тѣ крестьяне, которые выкупили свои надѣлы, удержали за собой по меньшей мѣрѣ по *одному* надѣлу въ общинной землѣ, чтобы не потерять права на выгонъ. Это показываетъ, что они не слишкомъ страшатся круговой поруки; дѣйствительно, въ общинѣ К. встрѣчается лишь немного пришедшихъ въ совершенный упадокъ хозяйствъ, которые продолжительное время не въ состояніи уплачивать податей. Дифференціація на богачей и бѣдняковъ не очень рѣзка; добровольное отреченіе „безхозяйныхъ“ отъ надѣла до сихъ поръ не встрѣчалось.

Подобныя отношенія въ сферѣ землевладѣнія мы встрѣчали во многихъ общинахъ помѣщичьихъ крестьянъ южной части Харьковской губерніи; ни число, ни размѣры надѣловъ не измѣнились со времени освобожденія; но при этомъ происходятъ ежегодные жеребьевки въ поляхъ, предназначенныхъ не только для озимыхъ, но и для яровыхъ хлѣбовъ. Такимъ образомъ, ежегодно передѣляются двѣ трети общинной пашни. Основаніе для этого то-же самое: уравненіе полосъ по качеству почвы въ соотвѣтствіи съ податями. Землевладѣніе точно также считается обязанностью, какъ и правомъ. Но на югѣ дифференціація на бѣдныхъ и богатыхъ пошла дальше, чѣмъ на сѣверѣ; для болѣе бѣдныхъ крестьянъ обязанности, связанныя съ надѣльной землей, настолько перевѣшиваютъ права, что они нерѣдко отдаютъ свои надѣлы и безъ оглядки бѣгутъ со своихъ пепелищъ.

Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣетъ возможность постояннаго массового переселенія; въ настоящее время многія тысячи крестьянъ и даже цѣлыя общины тянутся въ Енисейскую губернію и въ Амурскую область. Напр., въ деревнѣ Б. изъ 33 дворовъ всѣ, за исключеніемъ трехъ самыхъ зажиточныхъ, записались въ списки переселенцевъ, въ сосѣднемъ хуторѣ Г.—записалось больше половины дворовъ. Зажиточные крестьяне отказываются принимать обремененные податями и истощенные надѣлы переселенцевъ. Они предпочитаютъ расширять свои хозяйства отчасти покупкой, отчасти арендой помѣщичьихъ земель и тѣмъ самымъ освобождаютъ себя отъ связанныхъ съ общиннымъ владѣніемъ ограниченій собственности и отъ уплаты выкупныхъ платежей.

Особенно интересно было въ этомъ отношеніи посѣщеніе третьей, сосѣд-

ней деревни В., тоже населенной помѣщичьими крестьянами и расположенной въ степной части Харьковской губерніи. Эта община возникла въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ слѣдующимъ образомъ: изъ Б. выселилась часть дворовъ и съ помощью крестьянскаго банка купило сосѣднее имѣніе (по 65 рублей за десятину), въ которомъ и поселилась на основаніяхъ общиннаго владѣнія землей съ круговой порукой передъ банкомъ. Надѣлъ у нихъ составляетъ на дворъ 8 десятинъ, гораздо больше, чѣмъ въ родной деревнѣ (тамъ онъ равенъ $3^1/_2$ десятинамъ); съ каждаго надѣла вносится ежегодно въ банкъ по 35 рублей на уплату процентовъ и погашеніе ссуды, и, кромѣ того, уплачиваются государственные, земскіе и общественные налоги. И изъ этихъ крестьянъ значительная часть выразила намѣреніе переселиться, покинувши землю, за которую они уже втеченіе ряда лѣтъ уплачивали по частямъ амортизаціонную сумму, а вмѣстѣ съ землею—и свои дворы со всѣмъ хозяйствомъ. Земля снова поступаетъ въ собственность банка. Правительство, содѣйствовавшее переселенію въ первое время въ видахъ заселенія Сибирскаго пути, теперь, повидимому, задерживаетъ его изъ опасенія чрезмѣрнаго роста движенія.

Замѣчателенъ слѣдующій разговоръ. Мой спутникъ, мѣстный землевладѣлецъ, обратилъ вниманіе одного изъ крестьянъ на то, что правительство хотя и даетъ въ Сибири землю, но безъ скота, орудій и жилищъ, и что многіе изъ поселенцевъ въ первые годы гибли отъ голода и холода. На это послѣдовалъ фаталистическій отвѣтъ: „Божья воля, кто-нибудь да уцѣлѣетъ“. Дѣйствительно, въ массовомъ движеніи единицы не имѣютъ значенія. Во всякомъ случаѣ, эта переселенческая горячка, наблюдающаяся среди помѣщичьихъ крестьянъ описываемой южной части губерніи, является признакомъ идущей впередъ пролетаризаціи; она служитъ доказательствомъ тому, что „право на землю“, которое общинное землевладѣніе должно обезпечивать каждому, перевѣшивается „обязанностью по отношенію къ землѣ“.

Совершенно иныя отношенія существуютъ среди государственныхъ крестьянъ, деревни которыхъ я также посѣтилъ какъ въ сѣверной, такъ и въ степной части губерніи. Государственные крестьяне при освобожденіи получили вообще гораздо больше земли, чѣмъ помѣщичьи; послѣдніе должны были дѣлиться воздѣланной ими землей съ прежними господами, первые съ самаго начала широко разселились на просторныхъ государственныхъ земляхъ. Такъ какъ у государственныхъ крестьянъ право на землю по большей части перевѣшиваетъ лежащія на ней обязанности, то мы находимъ у нихъ гораздо больше, чѣмъ у помѣщичьихъ крестьянъ, склонности къ раз-

витію частной собственности, что обнаруживается, однако, самыми разнообразными способами.

Въ сѣверной части я посѣтилъ общину Деркачъ, распадающуюся на нѣсколько отдѣльныхъ поселеній, изъ которыхъ каждое владѣетъ своимъ особымъ участкомъ пашни. Мы посѣтили одно изъ этихъ поселеній; оно состоитъ изъ 14 дворовъ; всѣ крестьяне носятъ одну и ту же фамилію и считаютъ другъ друга родственниками—примѣръ тому, какъ часто изъ семьи непосредственно развивается община. Хотя крестьяне этой деревни владѣютъ своею землею на общинныхъ началахъ, однако въ дѣйствительности тутъ существуетъ почти частная собственность. Послѣ освобожденія не только число и величина надѣловъ остались неизмѣнными, но даже, въ отличіе отъ общинъ помѣщичьихъ крестьянъ, надѣлы превратились изъ идеальныхъ долей общинной земли въ постоянное право пользованія опредѣленными участками пашни. Изъ году въ годъ крестьянинъ обрабатываетъ одно и то же поле; замѣчательно, что у государственныхъ крестьянъ, хотяи въ единичныхъ случаяхъ, встрѣчаются первые опыты удобренія. Подати здѣсь относительно менѣе обременительны, такъ что уравнительныя стремленія отступаютъ на задній планъ и перевѣшиваютъ желаніе удержать за собой однажды обработанное и улучшенное поле. Но право владѣнія еще не прочно; достаточно рѣшенія общины, и за нимъ послѣдуетъ передѣлъ, который отниметъ у старательнаго хозяина плоды его стараній, вложенныхъ имъ въ землю. Въ ожиданіи народной переписи слышатся уже голоса, выражающіе желаніе новаго передѣла по числу живыхъ душъ. Мы спрашивали, почему временные владѣльцы надѣловъ во избѣжаніе этой опасности, не отмѣнятъ, по рѣшенію обществъ, общиннаго владѣнія и не обратятъ надѣлы въ частную собственность. Въ отвѣтъ на это, наше вниманіе обращаютъ на выгонъ; зажиточные крестьяне желаютъ пасти больше скота, чѣмъ бѣдняки, они даже покупаютъ на время скотъ, чтобы использовать общинный выгонъ; они опасаются, какъ бы въ случаѣ окончательнаго раздѣла земли болѣе бѣдные крестьяне не стали оспаривать такое неравномѣрное пользованіе выгономъ или даже не загородили плетнемъ пришедшійся на ихъ долю участокъ. Однако, это соображеніе, какъ мы узнали затѣмъ, потеряло свою силу въ сосѣдней общинѣ. Здѣсь, какъ и у государственныхъ крестьянъ Малороссіи, мірскимъ приговоромъ общины надѣлъ переданъ въ вѣчную собственность временнымъ владѣльцамъ его, при чемъ за всѣми односельчанами сохранено право общаго пользованія выгономъ; такимъ образомъ устранена опасность новаго передѣла по поводу народной переписи. Дѣйствительно, въ этомъ заключается единственный возможный способъ, пока вообще существуетъ

выгонъ, добиться частной собственности на пашню. Однако, этотъ способъ будетъ примѣняться лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, пока его примѣненіе будетъ предоставлено автономіи общинъ.

Совершенно иное развитіе наблюдается въ общинѣ государственныхъ крестьянъ, великорусскомъ военномъ поселеніи Лозовенкѣ, которую я посѣтилъ въ степной части губерніи. Это село—одно изъ тѣхъ обширныхъ поселеній, которыми живутъ въ большинствѣ случаевъ государственные крестьяне на югѣ Россіи; въ Таврической губерніи встрѣчаются села въ 15,000 и болѣе жителей съ общиннымъ землевладѣніемъ. Въ Лозовенкѣ — около 450 дворовъ и 1,500 жителей. Длинными рядами расположены дворы вдоль широкихъ улицъ, дома узкой стороной обращены къ улицѣ и отдѣлены другъ отъ друга дворами, — славянское поселеніе порядками. Вблизи церкви мы замѣчаемъ нѣсколько лавокъ, изъ чего можно заключить, что въ натуральномъ хозяйствѣ пробита брешь. Самая церковь, лишь недавно построенная крестьянами и украшенная богато позолоченнымъ иконостасомъ и многочисленными образами, произведеніями существующей по близости кустарной промышленности, служитъ признакомъ извѣстнаго благосостоянія.

Изъ нашихъ разспросовъ выяснилось, что въ Лозовенкѣ порядокъ землевладѣнія, повидимому, вполнѣ отличенъ отъ только что описаннаго, существующаго у государственныхъ крестьянъ сѣверной части губерній. Во время освобожденія надѣлъ былъ великъ—12 десятинъ на ревизскую душу, но ни число, ни размѣры надѣловъ не остались неизмѣнными. Напротивъ, крестьяне со времени освобожденія неоднократно наново дѣлили всю землю по числу всѣхъ живыхъ душъ мужского пола, вслѣдствіе чего число надѣловъ въ настоящее время значительно возросло, а размѣры ихъ уменьшились. Такимъ образомъ, надѣлъ уменьшился съ 12 десятинъ до $2^3/_4$ дес., и теперь поговариваютъ о новомъ передѣлѣ въ будущемъ году. Кромѣ того, и здѣсь надѣлъ есть лишь идеальная доля общинной земли. Ежегодно, поля, предназначенныя подъ озимь, наново распредѣляются между владѣльцами надѣловъ, такъ что въ распоряженіи хозяина одинъ и тотъ же участокъ остается втеченіе только двухъ лѣтъ, такимъ образомъ, право владѣнія землей крайне неустойчиво.

Такое положеніе дѣлъ, можетъ быть, отчасти зависитъ отъ того, что Лозовенка населена великороссами. Но, несомнѣнно, лишь отчасти. Славянофилы и ихъ послѣдователи полагаютъ, будто великороссовъ дѣлаетъ склонными къ передѣламъ земли особое чувство справедливости. Но, по крайней мѣрѣ, къ данному случаю эта теорія не примѣнима: я нахожу, что справедливость гораздо больше соблюдается у тѣхъ вышеописанныхъ госу-

дарственныхъ крестьянъ, которые больше уже совсѣмъ не производятъ передѣловъ; дифференціація на бѣдныхъ и богатыхъ пошла гораздо дальше у крестьянъ Лозовенки, часто производящихъ передѣлы. Уже при бѣгломъ взглядѣ на отдѣльные, окруженные исполинскими стогами соломы дворы становилось ясно, что этимъ дворамъ не повредило уменьшеніе надѣла до $2^3/_4$ десятины; наоборотъ, немалое число хижинъ въ отдаленныхъ улицахъ носятъ на себѣ явную печать „безлошадности“; ихъ хозяева заслуживаютъ названія „крестьянъ“ только въ юридическомъ, но ни въ коемъ случаѣ — не въ дѣйствительномъ значеніи этого слова.

Для чего же совершаются эти частые передѣлы? Крестьяне даютъ намъ на это отвѣтъ. Богатымъ они не вредятъ; большая часть общины такъ сильно задолжена имъ, что они безпрепятственно выбираютъ себѣ изъ надѣловъ бѣдняковъ удобную для нихъ землю; передѣлы даже выгодны для нихъ, такъ какъ стѣсняютъ среднихъ хозяевъ и препятствуютъ возникновенію прочнаго права владѣнія землею. Дѣйствительно, надѣлы скопляются въ рукахъ немногихъ хозяевъ. Это достигается различными путями. Не имѣющіе скота хозяева не въ состояніи обрабатывать землю; поэтому они являются плохими плательщиками податей. А общество имѣетъ право отнимать надѣлы у недоимщиковъ и отдавать ихъ такимъ хозяевамъ, которые представляютъ нѣкоторое ручательство въ уплатѣ податей и недоимокъ. Такимъ образомъ, общество предоставляетъ землю богатымъ, которые къ тому же пользуются руководящимъ вліяніемъ на мірскомъ сходѣ. Другой путь къ скопленію надѣловъ въ немногихъ рукахъ заключается въ слѣдующемъ: болѣе бѣдные и средніе хозяева должны для уплаты податей немедленно послѣ жатвы продавать хлѣбъ; зимой или весной нужда заставляетъ ихъ покупать хлѣбъ или, скорѣе, такъ какъ они не имѣютъ наличныхъ денегъ, дѣлать заемъ натурой въ видѣ хлѣба. Уплата этого натуральнаго займа часто производится землей и работой, единственнымъ достояніемъ этихъ пролетаріевъ.

Они уступаютъ свою землю заимодавцу на ближайшій годъ или на цѣлый рядъ лѣтъ для обработки или обязываются исполнять работы во время уборки хлѣба или же съ весны до осени. Итакъ, богатый одинаковымъ путемъ получаетъ и землю и рабочую силу.

Такимъ образомъ, немногіе хозяева держатъ деревню въ полнѣйшей зависимости отъ себя; когда онѣ проходятъ по улицѣ, мужики кланялись имъ такъ-же низко, какъ нѣкогда кланялись помѣщику. На мірскихъ сходахъ они господствуютъ, пользуясь голосами своихъ должниковъ. Общинное владѣніе, за которое держатся именно они, служитъ скрытному развитію новой

формы отчужденія рабочей силы; шаткость права владѣнія обращается въ средство увеличенія числа болѣе слабыхъ хозяевъ.

Даже по внѣшнему виду эти богатые хозяева отличаются отъ извѣстнаго типа русскаго крестьянина; они ужъ не напоминаютъ многострадальнаго мужика, лицо котораго заботы избороздили морщинами, и рѣдкія черты котораго какъ будто-бы созданы для модели художника; у этихъ „міроѣдовъ“, какъ ихъ называетъ народъ, черты лица полнѣе и самонадѣяннѣе, какъ будто они сами смотрятъ на себя, какъ на носителей будущаго и какъ на классъ, возвышающійся среди всеобщаго упадка.

Выѣзжая вечерней зарей изъ Лозовенки, мы любовались видомъ необозримой меланхолической степи. На горизонтѣ, на заходящемъ солнцѣ вырисовывалась характерная, современная картина: самый богатый крестьянинъ и фактическій господинъ Лозовенки обрабатывалъ съ помощью своихъ сыновей и работниковъ поле своихъ должниковъ. Три сильныхъ, трехлетнихъ плуга (буккера), въ каждый изъ которыхъ было запряжено по три пары воловъ, и за каждымъ изъ нихъ по одной баронѣ, въ которую также было запряжено по парѣ воловъ, всего, слѣдовательно, 12 паръ воловъ, дѣлали свою работу; за ними гордо шагалъ, надсматривая надъ работниками, самъ хозяинъ, насчитывающій въ своемъ хозяйствѣ 20 паръ воловъ и множество лошадей; рядомъ съ нимъ одинъ изъ его сыновей сѣялъ при помощи сѣялки.—Эта картина говорила противъ столь распространеннаго утвержденія относительно всеобщаго упадка русскаго крестьянства и, конечно, также противъ ученія, по которому общинное землевладѣніе разсматривается, какъ залогъ равенства и справедливости; наблюдаемая нами картина говорила также противъ ученія Льва Толстого о врожденной русскому крестьянину склонности къ аскетизму. Между тѣмъ, какъ мы по достоинству оцѣнивали техническій прогрессъ, воплощенной въ этой картинѣ, насъ не покидалъ вопросъ, не обрабатывалъ ли бы этотъ самый человѣкъ землю съ большимъ стараніемъ и любовью, если бы она составляла его наслѣдственную собственность и онъ могъ бы надѣяться, что будетъ имѣть неоспоримое право передать ее современемъ своимъ дѣтямъ, другими словами, если бы право собственности было прочнѣе? Теперь господство надъ землей легко можетъ ускользнуть изъ его рукъ; поэтому, онъ прямо вынужденъ господствующей формой землевладѣнія опутывать сѣтями растовщичества большинство своихъ односельчанъ.

Б. Размѣры сельско-хозяйственныхъ предпріятій.

Мы видѣли, что надѣлъ и крестьянское хозяйство отнюдь не совпадаютъ, что не каждый членъ общины обрабатываетъ надѣленный ему общиной участокъ земли или что онъ обрабатываетъ не только этотъ участокъ. Напротивъ, члены общины отчуждаютъ надѣлы другъ другу—разумѣется, не нарушая болѣе прочнаго права общины: она можетъ по своему усмотрѣнію уничтожить всякія соглашенія частнаго характера и во всякое время снова соединить всю землю въ одну общую площадь. Но вслѣдъ за передѣломъ снова возобновляется та дѣятельность частныхъ соглашеній, которая измѣняетъ границы между оффиціальнымъ и фактически существующимъ владѣніемъ.

Изъ свободныхъ рѣшеній, касающихся надѣловъ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ отказѣ отъ нихъ. Объ него одинаково разбивается власть государства и общины. Если остающіеся хозяева берутъ себѣ брошенные надѣлы, то площадь земли которой они владѣютъ, увеличивается,—но, какъ мы замѣтили, по большей части они бываютъ мало склонны брать на себя вмѣстѣ съ истощенной землей недоимки бѣглецовъ. Оставшаяся безъ хозяина земля возвращается общинѣ и сдается въ аренду, иногда отдается малоземельному крестьянину или наваливается на отдѣльныхъ членовъ общины.

Безвозмездное отчужденіе надѣла совершается каждодневно. По формѣ оно приближается то къ продажѣ, то къ отдачѣ въ залогъ съ передачей владѣнія, то къ отдачѣ въ аренду. Оно является важнымъ средствомъ создавать, вопреки общинному землевладѣнію, болѣе крупныя крестьянскія хозяйства. Въ посѣщенныхъ мною общинахъ я нашелъ, что такая передача владѣнія практикуется самымъ широкимъ образомъ. Коль скоро подати поступаютъ, община не обращаетъ вниманія на подобныя явленія. Въ случаѣ образованія недоимокъ, община отнимаетъ надѣлъ, кто бы на немъ не хозяйничалъ, и передаетъ его исправному плательщику.

Однако, мнѣ рѣдко встрѣчалось отчужденіе надѣловъ изъ общины на сторону, и совершалось оно съ затрудненіями. Постороннее лицо для пріобрѣтенія надѣла должно сначала стать членомъ общины и тѣмъ самымъ обязаться платить вмѣстѣ съ нею подати.

Третья форма отчужденія состоитъ въ наслѣдованіи или семейныхъ раздѣлахъ. Въ посѣщенныхъ мною общинахъ господствующіе обычаи наслѣдованія обнаруживаютъ мало различія и самымъ очевиднымъ образомъ показываютъ, какъ изъ замкнутой семьи выростаетъ право наслѣдства.

Собственно, семья существуетъ вѣчно; измѣненіе ея личнаго состава не касается ея существа; выдѣляющіеся члены, переселяясь на сторону, не могутъ взять съ собой земли, а она составляетъ почти единственную собственность семьи. Такимъ образомъ, они выходятъ изъ семьи ни съ чѣмъ. То же относится и къ дочерямъ, которыя выходятъ замужъ на сторону и могутъ получить въ приданое движимое имущество, но ни въ коемъ случаѣ—не землю. Напротивъ, семья можетъ принять въ свой составъ лицо со стороны въ качествѣ полноправнаго члена,—напримѣръ зятя,—который, въ такомъ случаѣ, вступая въ бракъ, остается въ семьѣ жены,не покидающей отчаго дома.

Пробужденіе индивидуалистическихъ стремленій ведетъ къ распаденію семьи; болѣе молодые члены не желаютъ больше подчиняться авторитету главы, особенно потому, что онъ нерѣдко злоупотребляетъ своей властью по отношенію къ женамъ болѣе молодыхъ членовъ.

Намъ не разъ встрѣчались подобныя большія семьи въ посѣщенныхъ нами общинахъ; напр., у помѣщичьихъ крестьянъ на сѣверѣ губерніи мы встрѣтили случаи, когда семь братьевъ съ семьями вели общее хозяйство. Однако, насъ всѣ увѣряли, что стремленіе къ раздѣламъ ростетъ изъ году въ годъ. При такихъ раздѣлахъ само собой подразумѣвается, что всѣ члены мужского пола получаютъ равныя доли, тогда какъ женщины— лишь случайныя члены товарищества—не принимаются во вниманіе.

Все право наслѣдованія есть въ сущности ничто иное, какъ семейный раздѣлъ, и въ посѣщенныхъ нами общинахъ между дѣлежемъ наслѣдства и семейнымъ раздѣломъ дѣйствительно не существуетъ никакого различія. И въ случаѣ наслѣдованія братья получаютъ равныя доли; дочери земли не получаютъ, тогда какъ посторонніе, принятые въ семью, напр. зятья, разсматриваются, какъ членъ ея. Наоборотъ, кровные родственники, которые болѣе не принадлежатъ къ данному двору, въ случаѣ дѣлежа наслѣдства не принимаются во вниманіе. Если семья переселяется, или въ ней не остается больше членовъ—мужчинъ, то земля поступаетъ въ общину. Этотъ порядокъ примѣняется тамъ, гдѣ крестьянинъ сидитъ на землѣ, составляющей его свободную частную собственность. Онъ господствуетъ, напримѣръ, при наслѣдованіи земли, купленной въ собственность крестьянами у помѣщика.

Иначе обстоитъ дѣло на общинной землѣ, тамъ, гдѣ преобладаетъ болѣе прочное право общины. Какъ прежде интересъ помѣщика не допускалъ дробленія земли, такъ русская община, на которую возложена круговая порука въ уплатѣ податей, противодѣйствуетъ семейнымъ раздѣламъ.

Каждый раздѣлъ подлежитъ утвержденію мірского схода; согласіе на раздѣлъ не дается всякій разъ, когда существуетъ опасеніе насчетъ способности владѣльца соотвѣтствующаго надѣла уплачивать подати. Такъ, въ посѣщенныхъ нами общинахъ сѣвернаго района, гдѣ, какъ мы видѣли, дифференцировка на богатыхъ и бѣдныхъ не зашла такъ далеко, какъ на югѣ, раздѣлы до сихъ поръ не встрѣчали возраженій со стороны общинъ, напротивъ, въ южномъ районѣ намъ часто приходилось слышать объ отрицательныхъ рѣшеніяхъ общинъ, и именно въ случаяхъ сомнительной способности ходатая платить подати.

Но дробленію семейнаго владѣнія ставятся еще дальнѣйшія ограниченія. Отецъ, или старшій братъ, или вообще глава семейной коммуны, кто бы онъ ни былъ, является представителемъ ея передъ общиной; его одного выслушиваютъ на сходѣ; поэтому одинъ только онъ можетъ ходатайствовать о раздѣлѣ, такъ что раздѣлъ въ дѣйствительности зависитъ и отъ его согласія. Въ противуположность ему младшіе члены семьи безправны, такъ какъ мірской сходъ знаетъ лишь того, отъ чьего имени производится уплата податей. Такимъ образомъ, старшій членъ семьи можетъ сдѣлаться фактически единственнымъ хозяиномъ двора, къ чему онъ и будетъ стремиться, если земли недостаточно, чтобы прокормить всѣхъ. Такъ, я зналъ одинъ случай, когда глава семьи отказалъ въ раздѣлѣ младшимъ членамъ ея и они были вынуждены существовать поденной работой на чужой сторонѣ, не имѣя возможности воспользоваться своими правами. Разумѣется, для отказавшихся отъ своихъ правъ членовъ семьи существуетъ способъ получить вознагражденіе отъ владѣльца надѣла, къ которому, напр., они могутъ вернуться, какъ больные фабричные рабочіе.

Однако въ посѣщенномъ нами районѣ намъ говорили, что, несмотря на эти препятствія, семейные раздѣлы неудержимо растутъ.

Несоотвѣтствіе между надѣломъ и размѣрами крестьянскаго хозяйства обусловливается не только переходами земли въ предѣлахъ общины; оно тѣмъ больше, что повсемѣстно въ Россіи крестьянскія хозяйства значительно расширяются насчетъ внѣнадѣльной земли. Средствомъ для этого служитъ купля или, гораздо чаще, аренда помѣщичьей земли. На этой землѣ, пріобрѣтенной на основаніяхъ частнаго права, крестьянинъ подпадаетъ дѣйствію общаго гражданскаго права, тогда какъ въ предѣлахъ общинной земли автономія и обычаи общины перевѣшиваютъ всякое частное право.

Дворянство лишь сравнительно поздно образующееся въ служилое дворянство сначала не было земледѣльческимъ сословіемъ; оно въ большинствѣ случаевъ получало скорѣе исключительно ренту и именно различныхъ ви-

довъ натуральную ренту отъ принадлежавшихъ ему крестьянъ, которымъ оно предоставляло сельско-хозяйственное производство. Такое положеніе и теперь широко распространено. Въ посѣщенныхъ мною районахъ Харьковской губерніи собственное земледѣльческое хозяйство, кромѣ крестьянъ, ведутъ въ своихъ имѣніяхъ только немногіе мелкопомѣстные дворяне, которые не могли бы существовать на одну арендную плату: обрабатывая сами свою землю, они ведутъ жалкое, полукрестьянское существованіе. Особнякомъ стоятъ немногочисленныя крупныя, иногда даже громадныя раціональныя хозяйства, которыя ведутся по большей части нѣмцами-управляющими и часто занимаются спеціальными отраслями сельско-хозяйственнаго производства, напр., въ западной части губерніи—культурой свекловицы, въ другихъ мѣстахъ скотоводствомъ и т. д.

Ниже я ограничусь изображеніемъ широко распространенной арендной системы въ томъ видѣ, въ какомъ я ее встрѣтилъ одинаково въ посѣщенныхъ мною сѣверномъ и южномъ районахъ губерніи; я могъ бы подчеркнуть, что купленный посредствомъ этой системы досугъ моихъ обоихъ гостепріимныхъ хозяевъ былъ посвященъ служенію наукѣ.

Въ посѣщенномъ мною районѣ крестьянская аренда крайне краткосрочна; и именно, какъ кажется, періодъ аренды приспособляется къ обычному въ этой мѣстности періоду передѣловъ крестьянской земли. На сѣверѣ мы видѣли, что помѣщичьи крестьяне ежегодно наново дѣлятъ между собою треть пашни, предназначенную подъ озимь; соотвѣтственно этому и сосѣдній помѣщикъ сдаетъ ежегодно треть своей пашни въ аренду на трехлѣтній сельско-хозяйственный періодъ. Участки помѣщичьей земли на подобіе крестьянской пашни раздѣлены на десятины и распредѣляются по жребію между имѣющими на то право. Въ южномъ районѣ, гдѣ крестьяне ежегодно перераспредѣляютъ между собою озимое и яровое поле, и помѣщикъ сдаетъ крестьянамъ $^2/_3$ своей земли на годичный срокъ, тогда какъ право пользованія выгономъ на помѣщичьей землѣ здѣсь отдается особо. Крестьяне въ большинствѣ случаевъ платятъ деньгами; но наряду съ этимъ существуетъ по возможности избѣгаемая помѣщиками обработка изъ части. Послѣдняя истощаетъ землю еще больше, чѣмъ даже краткосрочная сдача въ аренду за деньги, которая по крайней мѣрѣ точно опредѣляетъ размѣръ платы и предоставляетъ въ свободное распоряженіе крестьянина весь остатокъ дохода.

Изображенная арендная система съ очевидностью показываетъ, что прежнія крѣпостныя отношенія продолжаютъ существовать при измѣненныхъ правовыхъ формахъ; она напоминаетъ то время, когда крестьянинъ

обрабатывалъ землю помѣщика своимъ инвентаремъ. Этому соотвѣтствуетъ и то обезпеченіе въ исправномъ поступленіи арендной платы, которое имѣетъ теперь владѣлецъ земли: надѣлъ и рабочій скотъ не подвергаются описи, подобно тому какъ и прежде государство требовало сохраненія жилищъ крѣпостныхъ крестьянъ. А посѣвъ на полѣ фактически теперь, какъ и прежде, составляетъ собственность сдатчика. Арендаторъ можетъ увезти хлѣбъ съ поля лишь въ томъ случаѣ, если уплатилъ арендную сумму или получилъ отъ сдатчика особое разрѣшеніе.

Эта краткосрочная аренда вообще соотвѣтствуетъ непрочности отношеній землевладѣнія у крестьянъ: положеніе большинства крестьянъ-хозяевъ такъ непрочно, что даже при долгосрочныхъ условіяхъ ни въ коемъ случаѣ нельзя ручаться за дѣйствительное исполненіе ихъ. Съ другой стороны, эта арендная система отвѣчаетъ низкой ступени крестьянской техники; и при долгосрочныхъ арендныхъ условіяхъ нельзя въ ближайшемъ будущемъ ручаться за старательную обработку почвы. Поэтому не такъ легко ожидать измѣненія этой арендной системы, которая явно противорѣчитъ всякимъ правиламъ раціональнаго хозяйства. Можно предположить, что крестьянинъ только по отношенію къ собственной землѣ создаетъ болѣе устойчивыя правовыя нормы; рука объ руку съ этимъ пойдетъ постепенное улучшеніе техники. Такое предположеніе могло найти подтвержденіе въ посѣщенныхъ мною районахъ скорѣе среди государственныхъ, чѣмъ среди помѣщичьихъ крестьянъ, скорѣе на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ. На югѣ мы видѣли нѣсколько сильныхъ хозяевъ, выдвинувшихся надъ пролетарской массой людей, которые могли бы предоставить сдатчику земли достаточное обезпеченіе для долгосрочнаго контракта.

На основаніи изображенныхъ отношеній землевладѣнія фактическіе размѣры крестьянскихъ хозяйствъ представляются крайне измѣнчивыми. Однако я вынесъ слѣдующее общее впечатлѣніе. На сѣверѣ я встрѣчалъ очень много мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ; среднія хозяйства, принимая въ разсчетъ и надѣлъ и арендуемую землю, имѣютъ 6—7 десятинъ. Дифференціація на богатыхъ и бѣдныхъ, повидимому, ничтожна; мнѣ мало встрѣчалось хозяевъ, совсѣмъ неимѣющихъ скота; большинство имѣло 1—2 пары воловъ; хозяйствъ, имѣющихъ больше 3 паръ, не встрѣчалось. Въ имѣніи земля, сдававшаяся въ аренду, была раздѣлена болѣе чѣмъ между 500 арендаторами, и на каждаго изъ нихъ въ среднемъ приходилось не болѣе трехъ десятинъ. Значительная часть населенія для уплаты податей и арендной платы занимается поденщиной и сторонними заработками.

Напротивъ на югѣ я нашелъ довольно обширный низшій слой крестьянъ,

находящихся въ положеніи полныхъ пролетаріевъ, много хозяевъ безъ всякаго скота, нерѣдко—склонность къ покиданію надѣловъ.

Въ то же время мнѣ попадались отдѣльныя преуспѣвающія крестьянскія хозяйства такихъ размѣровъ, которые неизвѣстны на сѣверѣ. Имѣніе, которое мнѣ пришлось посѣтить въ южномъ районѣ, сдавало въ аренду, на ряду съ карликовыми участками въ 1 десятину, участки величиной до 40 десятинъ. Опредѣлить количество такихъ болѣе крупныхъ хозяйствъ невозможно. Размѣры ихъ часто остаются неясными, какъ, напр., въ случаяхъ, когда кредиторъ беретъ въ уплату долга землю должника, предоставляя ему обрабатывать ее изъ части.

Несомнѣнно, отношенія, которыя мы нашли на сѣверѣ, болѣе идиллическія. Принадлежитъ-ли имъ будущее? Отвѣтъ на это намъ даетъ бѣглое знакомство съ крестьянской техникой.

В. Крестьянская техника.—Нѣмецкія колоніи.

Крестьянская техника стоитъ въ посѣщенныхъ мною районахъ на очень низкой ступени. Причины этого, мнѣ кажется, многоразличны. На первомъ планѣ стоитъ малый интересъ крестьянина къ землѣ, которую вслѣдствіе тяготѣющихъ на ней податей и постоянной опасности новаго передѣла онъ обрабатываетъ, какъ крѣпостной на барщинѣ. Но благодаря богатству почвы и благопріятнымъ до извѣстной степени климатическимъ условіямъ, даже при крайне низкомъ уровнѣ техники хозяйство все же даетъ доходъ. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ, наконецъ, постоянная возможность переселенія, которая ослабляетъ прогрессивное вліяніе на технику закона народонаселенія.

Основной капиталъ крестьянскаго хозяйства въ посѣщенныхъ районахъ крайне ничтоженъ. Онъ заключается въ жилищѣ; послѣднее на сѣверѣ строится изъ дерева, на югѣ—постройки нерѣдко бываютъ плетневыя, щели въ которыхъ замазаны высохшимъ навозомъ. Избы выбѣлены известью и крыты соломой. За избой находится дворъ, на которомъ обыкновенно молотится хлѣбъ подъ открытымъ небомъ; за дворомъ располагается обыкновенно помѣщеніе для ссыпки и сохраненія вымолоченнаго зерна (амбаръ); рядомъ съ нимъ помѣщается одинъ или нѣсколько на половину покрытыхъ крышей, но съ одной стороны открытыхъ загородокъ (сараевъ), въ которыхъ скотъ ночуетъ и лѣтомъ и зимою на открытомъ воздухѣ. Овиновъ нѣтъ. Большими скирдами стоитъ во дворѣ солома и рядомъ съ ней высушенный въ видѣ кирпичей навозъ, который служитъ крестьянину цѣннымъ

горючимъ и строительнымъ матеріаломъ. Кому приходилось видѣть такой дворъ, тотъ пойметъ легкость, съ которой крестьянинъ покидаетъ свою родину и переселяется на чужбину: это—кочевникъ, который лишь недавно сдѣлался осѣдлымъ. На сѣверѣ, какъ и на югѣ я нашелъ повсемѣстное господство неусовершенствованнаго трехпольнаго хозяйства, съ которымъ, само собой разумѣется, связано содержаніе ничтожнаго количества скота. Между разными видами хлѣбовъ преобладаетъ рожь. Пахота очень поверхностная; она производится съ помощью великорусской сохи, которая бороздитъ почву не глубже, чѣмъ на $1^1/_2$ дюйма, или съ помощью малорусскаго плуга, углубляющагося въ землю на два-три дюйма. Но встрѣчаются и такіе случаи, когда ограничиваются тѣмъ, что пройдутъ лишь бороной, вслѣдъ за чѣмъ и сѣютъ. Молотятъ цѣпами, состоящихъ изъ двухъ связанныхъ между собой палокъ неодинаковой длины. Всѣ эти земледѣльческія орудія дѣлаются почти исключительно изъ дерева собственноручно самими крестьянами; особенно достопримѣчательна русская крестьянская телѣга, которая иногда не имѣетъ ни одной желѣзной составной части; антикварскій интересъ, который она представляетъ, покупается цѣной крайне незначительной грузоподъемности. Почву или совсѣмъ не удобряютъ, или же удобряютъ въ крайне рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Слѣдствіемъ этого при поверхностной пахатѣ является истощеніе крестьянской земли и скудныя жатвы. Въ одномъ изъ видѣнныхъ мною имѣній до недавняго времени велось хозяйство самимъ помѣщикомъ, который примѣнялъ глубокую пахоту и удобреніе. Слѣдствіемъ этого было то, что тѣ же самые крестьяне-арендаторы собирали здѣсь съ одной десятины жатву въ два или три раза болѣе обильную, чѣмъ на своей собственной землѣ; напримѣръ въ нынѣшнемъ году дала:

	Помѣщичья земля.	Крестьянская земля.	
Ржи	110 пудовъ	30—40 пудовъ	съ десятины.
Пшеницы .	65 „	30 „	

Всѣ наблюдатели въ этой мѣстности единогласно констатируютъ упадокъ средняго крестьянскаго хозяйства. Но этотъ упадокъ проявляется въ обоихъ описываемыхъ районахъ различнымъ образомъ. На сѣверѣ я наблюдалъ пониженіе средняго уровня. Хотя я встрѣчалъ здѣсь больше равенства между крестьянами, но этотъ одинаковый хозяйственный уровень понижается; напримѣръ въ послѣдніе 15 лѣтъ средній размѣръ пашни, приходящейся на одного арендатора, понизился; количество скота у крестьянъ уменьшилось.

На югѣ, напротивъ, я нашелъ, что рука объ руку съ болѣе сильной

дифференціей населенія замѣтны зачатки техническаго прогресса. Прежняя система обработки, какъ мы только что ее описали, оставлена болѣе состоятельными крестьянами.

Этотъ переворотъ совершаетъ машина. Прежде всего появляется вѣялка, за ней слѣдуетъ молотилка, приводимая въ движеніе рабочимъ скотомъ. У многихъ крестьянъ южнаго района мнѣ случалось видѣть въ дѣйствіи молотилки въ 3—4 запряжки. Слѣдствіемъ дальнѣйшаго замѣчаемаго во многихъ мѣстахъ прогресса является распространеніе косилокъ и сѣялокъ. Прежній плугъ забрасывается. Появляется буккеръ, трехлетешный желѣзный плугъ, на которомъ при запряжкѣ отъ двухъ до трехъ паръ воловъ можно вспахать отъ двухъ до трехъ десятинъ въ день, тогда какъ прежній крестьянскій плугъ осиливалъ лишь $^1/_2$—$^3/_4$ десятины. А при сухомъ и жаркомъ климатѣ Южной Россіи достигаемое такимъ образомъ ускореніе обработки приноситъ большую пользу. Благодаря ему сѣмена раньше попадаютъ въ землю и имѣютъ время укрѣпиться прежде, чѣмъ наступаетъ жара.

Позднѣе всего появляются усовершенствованія, имѣющія цѣлью болѣе интенсивную обработку почвы: западно-европейскіе глубокіе пашущіе плуги и обработка выгона. Я нашелъ лишь первые зачатки того и другого у русскихъ крестьянъ описываемаго района. Преуспѣвающій крестьянинъ прежде всего стремится расширить свое хозяйство и довести его до такихъ размѣровъ, при которыхъ производство хлѣба стало бы доходнымъ; удобный случай для такого расширенія представляютъ окрестныя помѣщичьи и крестьянскія хозяйства, приходящія въ упадокъ.

Такимъ образомъ, я нашелъ рѣзкую противоположность между сѣверной и южной частями описываемаго района. Каковы же основанія этого различія? По моему мнѣнію въ явленіяхъ, наблюдаемыхъ на югѣ, сказывается вліяніе Новороссіи, подъ которой я разумѣю главнымъ образомъ Таврическую и Херсонскую губерніи, но кромѣ нихъ—также Бессарабію, Екатеринославскую губернію, область Войска Донского и Кубанскую область. Во всякомъ случаѣ относительно этой полосы не можетъ быть и рѣчи о всеобщемъ упадкѣ крестьянскаго хозяйства. Напротивъ, по Постникову, тамъ существуютъ многочисленные сильно преуспѣвающіе элементы, такъ какъ нигдѣ примѣненіе машинъ не пользуется такимъ широкимъ распространеніемъ, какъ тамъ.

Для объясненія этого явленія можно принять во вниманіе два условія: во первыхъ, рѣшающее вліяніе сосѣдства моря, близости большихъ вывозныхъ портовъ Одессы, Херсона и Ростова, а вмѣстѣ съ тѣмъ — болѣе сильное дѣйствіе экспорта хлѣба и денежнаго хозяйства; съ другой стороны, не

слѣдуетъ забывать, что названныя области являются мѣстомъ колонизаціи [1]) и въ нихъ образуется новое, сильно смѣшанное населеніе—обстоятельства, которыя во всякомъ случаѣ должны способствовать прогрессу сельского хозяйства.

Большинство усовершенствованій исходитъ отъ *нѣмцевъ—колонистовъ*; между ними есть много менонитовъ, которые, поселившись здѣсь со временъ Екатерины II и Александра I, сдѣлались учителями крестьянъ Новороссіи. Образованіе сектъ, которыя соединяютъ высокую степень индивидуализма со строгимъ нравственнымъ единеніемъ, нерѣдко создавало въ Западной Европѣ благопріятную психологическую почву для сельско-хозяйственнаго прогресса; стоитъ только вспомнить о пуританахъ, этихъ основателяхъ Америки, о квакерахъ, этихъ піонерахъ англійской крупной промышленности, о процвѣтающихъ общинахъ гернкутеровъ Германіи [2]).

Но для того, чтобы проявились благопріятныя для хозяйственнаго прогресса психологическія условія, которыми обладали нѣмецкія колоніи Новороссіи, нуженъ былъ толчекъ извнѣ. Этотъ толчекъ и здѣсь, какъ это часто бывало въ экономической исторіи, дало море и торговля. До шестидесятыхъ годовъ нѣмецкія колоніи жили тихой, ограниченной жизнью, ведя натуральное хозяйство. Затѣмъ техническіе успѣхи въ мореплаваніи и развитіе городской жизни въ Западной Европѣ создали для нихъ возможность производить на міровой рынокъ цѣнный товаръ: пшеницу. На ней основали онѣ свое благосостояніе; ихъ примѣру послѣдовали крестьяне Таврической губерніи.

Мнѣ привелось наблюдать этотъ процессъ въ посѣщенной мною южной части Харьковской губерніи. Въ этой мѣстности въ самое послѣднее время появились нѣмцы-колонисты, которымъ по всеобщему признанію должны быть приписаны только что описанныя техническія усовершенствованія въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Насколько слабо вліяніе сосѣднихъ помѣщичьихъ хозяйствъ на русскаго крестьянина, настолько же внимательно онъ присматривается къ работѣ нѣмецкаго пришельца и настолько же охот-

---

[1]) Напр.—Одесса, важнѣйшій русскій портъ, болѣе чѣмъ съ 300,000 жителей — основана совсѣмъ недавно. Однажды на придворномъ балу Екатеринѣ II предложили дать вновь основанному военному порту на Черномъ морѣ, названіе бывшаго нѣкогда по сосѣдству греческаго города Одессосъ, на что императрица отвѣтила, что древній Одессосъ долженъ получить женское окончаніе.

[2]) О штундистахъ одинъ русскій священникъ говоритъ: „У нихъ все стремится къ наживѣ“. *Рождественскій.* Южно-русскій штундизмъ. С.-Пб, 1889 г. Печатано съ разрѣшенія ректора С.-Петербургской Духовной Академіи.

но перенимаетъ его пріемы. Я не замѣчалъ никакихъ намековъ національнаго антагонизма. Напротивъ, меня увѣряли въ посѣщенной мною колоніи, будто во многихъ случаяхъ, гдѣ русскіе крестьяне живутъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ меньшинствомъ въ одной и той же волости (самая мелкая административная единица), они выбирали старшину изъ самыхъ грамотныхъ нѣмцевъ. Такія отношенія станутъ вполнѣ понятны, если припомнить, что колонисты всегда были вѣрными подданными царей, великая прабабка которыхъ пригласила нѣкогда въ свою страну ихъ предковъ.

Взглянемъ на нѣмецкую колонію изъ 22 дворовъ, обнаруживающую столь сильное вліяніе на способъ веденія хозяйства въ описываемомъ районѣ.

Горохая (Gorochaja) до послѣднихъ лѣтъ представляла изъ себя расположенное на возвышенной степи имѣніе, которое разорялось выше описаннымъ образомъ крестьянами, арендовавшими его на годъ. Впослѣдствіе сюда явились колонисты и купили у помѣщика землю по цѣнѣ въ 120 руб. за десятину, на каждую десятину 60 рублей капитальной суммы долга оставалось въ банкѣ, 30 рублей имъ кредитовалъ помѣщикъ, и 30 рублей они заплатили изъ своего кармана. Переселилось сюда 22 человѣка, 20 изъ нихъ—младшіе сыновья, которые вслѣдствіе господствующаго въ материнской колоніи (Mutterkolonie), около Молочной (Molotschnaja), права наслѣдованія, должны были искать пристанища внѣ ея и вложили полученныя ими за отказъ отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ суммы въ болѣе дешевую землю Харьковской губерніи. Здѣсь они стали „полными хозяевами“, т. е. крестьянами, располагающими 60 десятинами; при своемъ трудолюбіи и благопріятныхъ условіяхъ они постепенно освободятъ эту землю отъ долговъ. Кромѣ нихъ сюда прибыли изъ материнской колоніи два полныхъ крестьянина, продавшіе тамъ свои участки и купившіе здѣсь взамѣнъ ихъ втрое большіе участки (180 дес.). Они сдѣлали это въ надеждѣ на то, что ихъ младшіе сыновья получатъ землю, такъ какъ послѣ ихъ смерти владѣніе каждаго изъ нихъ распадется на три полныхъ крестьянскихъ двора по 60 десятинъ каждый.

Вдоль широкой деревенской улицы колонисты выстроили опрятные кирпичные дома, крытые гонтомъ, рѣзко отличающіеся отъ русскихъ крестьянскихъ избъ. Каждый домъ своимъ боковымъ фасадомъ обращенъ къ улицѣ; передняя часть состоитъ изъ трехъ или четырехъ комнатъ и кухни; въ задней части дома подъ той же крышей находятся стойла для крупнаго скота. По прямой линіи за домомъ расположенъ амбаръ, служащій для ссыпки и храненія зерна. Въ сторонѣ стоитъ имѣющій второстепенное значеніе, иногда построенный по малорусскому образцу изъ высушеннаго навоза сарай

для земледѣльческихъ орудій и хлѣвъ для свиней. Въ задней части двора я всюду видѣлъ сады съ богатой древесной растительностью.

Каждый изъ полныхъ хозяевъ выдѣлилъ изъ своихъ 60 десятинъ около 15 десятинъ, болѣе крупные хозяева соотвѣтственно больше, подъ постоянный выгонъ; на немъ пасется сообща скотъ колонистовъ, причемъ, однако, право пользованія выгономъ для каждаго хозяина строго ограничено. Ежегодно сходъ опредѣляетъ, сколько, въ общемъ, скота должно выпускаться на выгонъ, соотвѣтственно чему опредѣляется приходящееся на каждаго хозяина количество головъ.

Вся остальная земля—пахотная; луговъ колонія не имѣетъ. На пашнѣ примѣняется четырехпольный сѣвооборотъ; три года сѣется хлѣбъ, затѣмъ слѣдуетъ обработанный паръ; напр., озимая пшеница, ячмень, яровая пшеница, паръ. Послѣдній отчасти оставляется чернымъ, отчасти засѣвается мансомъ, какъ кормовымъ растеніемъ. Принудительный сѣвооборотъ существуетъ лишь постольку, поскольку паръ, именно черный паръ, долженъ лежать въ одномъ мѣстѣ и слѣдовательно обрабатываться въ опредѣленной части деревенской пашни.

Но крестьяне поговаривали о томъ, чтобы перейти къ новой системѣ, которую они называютъ „зеленымъ паромъ“. Она заключается въ томъ, что, выдѣливъ выгонъ, все остальное поле обращаютъ въ пахотное; для этого въ опредѣленный періодъ плодосмѣна каждое поле оставляется на цѣлыхъ три или четыре года подъ выгонъ, такъ что пашня и выгонъ чередуются между собою. Эта система, болѣе и болѣе распространяющаяся въ материнскихъ колоніяхъ въ особенности среди менонитовъ Молочной, имѣетъ, какъ объясняли намъ, два преимущества: во-первыхъ, она лучше очищаетъ пашню отъ сорныхъ травъ, въ особенности отъ вреднаго степного чертополоха, во вторыхъ, она повышаетъ урожайность зерна, утилизируя нетронутый до того черноземъ выгона и предоставляя болѣе продолжительный отдыхъ землѣ, бывшей до того подъ пашней.

Обработка пашни производится, какъ обыкновенно у колонистовъ, буккеромъ (Виккег), трехлемешнымъ плугомъ, который проникаетъ вглубь не болѣе, чѣмъ на два дюйма. Выгонъ тщательно вспахивается желѣзными глубокими плугами, при помощи которыхъ изъ глубины въ 4 — 5 дюймовъ на поверхность извлекается богатый черноземъ. Я встрѣтилъ въ всеобщемъ употребленіи слѣдующія машины: молотилки, жалки, (сноповязалокъ, которыя употребляются многими колонистами Таврической губерніи, нѣтъ), сѣялки (рядовыя) и т. д. Видѣнныя мною у колонистовъ молотилки имѣли то

преимущество предъ молотилками сосѣднихъ русскихъ крестьянъ, что лучше вытряхивали снопы и такимъ образомъ значительно уменьшали потерю зерна. Многія изъ этихъ машинъ были сдѣланы въ собственныхъ мастерскихъ колонистовъ Таврической губерніи, другія были — нѣмецкой или англійской фабрикаціи. Удобреніе въ описываемой колоніи примѣняется такъ же мало, какъ и у русскихъ крестьянъ; этотъ недостатокъ техники полеводства первое время мало будетъ давать себя чувствовать вслѣдствіе принятой глубокой вспашки выгона. Напротивъ, въ материнскихъ колоніяхъ Таврической губерніи, удобреніе истощенной почвы распространяется все больше и больше. Главное препятствіе распространенію удобренія заключается въ томъ, что въ безлѣсной мѣстности навозъ является необходимымъ горючимъ матеріаломъ. Но если принять во вниманіе, какъ близко находятся каменноугольныя копи Донецкаго бассейна, то слѣдуетъ признать возможной замѣну навоза болѣе раціональнымъ топливомъ. Дѣйствительно, намъ сообщали, что въ материнскихъ колоніяхъ наряду съ удобреніемъ полей распространяется употребленіе каменнаго угля. Въ виду этой зависимости непонятна высота русскихъ пошлинъ на уголь. Высокія цѣны на уголь являются сильнымъ препятствіемъ для техническаго прогресса южно-русскаго сельскаго хозяйства.

Необходимость удобренія должна будетъ скоро сказаться именно въ хозяйствѣ описываемой колоніи, такъ какъ оно всецѣло основано на производствѣ пшеницы, какъ извѣстно, особенно много требующей отъ почвы. Пшеница—почти единственный продуктъ, производимый этими колонистами для сбыта; она занимаетъ 60—70% общей площади посѣва. Всѣ прочія полевыя растенія разводятся главнымъ образомъ для собственнаго потребленія.

Въ заключеніе спросимъ: въ чемъ заключается преимущество хозяйства колонистовъ передъ хозяйствомъ сосѣднихъ русскихъ крестьянъ. Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ разсмотрѣть его съ технической, правовой и психологической точекъ зрѣнія.

Въ техническомъ отношеніи хозяйство колонистовъ при безпощадномъ истощеніи почвы представляетъ собой наивозможное сбереженіе труда (замѣщеніе труда капиталомъ). И теперь еще не потеряло своего значенія высказанное Гакстгаузеномъ положеніе, которое при низкой заработной платѣ въ Россіи кажется парадоксальнымъ: „la main d'oeuvre est chère en Russie“ (рабочія руки дороги въ Россіи). Это утвержденіе станетъ понятно путешественнику, если онъ встрѣтитъ, напримѣръ, въ барскомъ домѣ вдвое и втрое больше прислуги, чѣмъ въ Западной Европѣ, и къ тому же подмѣтитъ ея лѣнь. Больше того: иногда въ Россіи вообще нельзя достать обученнаго и

высокопроизводительнаго работника. Я слышалъ отъ сосѣднихъ крестьянъ, что, по ихъ наблюденіямъ, не смотря на очень высокую плату, работа у нѣмцевъ такъ тяжела и утомительна, что только сильные, молодые люди рѣшались на нее. Незначительная производительность ручного труда дѣлаетъ выгодной машину, тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства къ культурѣ хлѣбовъ всего болѣе примѣнимы машины.

Но для того, чтобы машина приносила доходъ, необходимъ бо́льшій участокъ земли, чѣмъ какимъ надѣлены повсюду русскія крестьянскія хозяйства. Уже вслѣдствіе одной незначительности землевладѣнія средній русскій крестьянинъ въ описываемомъ мною районѣ лишенъ возможности примѣнять машины. Напротивъ, болѣе крупные хозяева, какъ мы видѣли, съ жадностью пріобрѣтали себѣ машины. Только такимъ путемъ, путемъ сокращенія издержекъ производства имъ возможно слѣдовать за колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ. Тѣми же рабочими силами болѣе зажиточный крестьянинъ воздѣлываетъ теперь въ четыре и въ пять разъ большій участокъ, чѣмъ средній мужикъ. Онъ производитъ дешевле по тѣмъ же причинамъ, по которымъ англійскій прядильщикъ производитъ дешевле нѣмецкаго, польскій—дешевле московскаго.

Въ правовомъ отношеніи колонистъ имѣетъ преимущество передъ крестьянами вслѣдствіе прочности его права владѣнія землей, что дѣлаетъ возможнымъ болѣе тщательную обработку и болѣе продолжительный плодосмѣнъ; далѣе, надо принять во вниманіе, что колонисты удерживаютъ въ одномъ хозяйствѣ такое количество земли, которое позволяетъ примѣнять машины и сберегать трудъ. Въ случаѣ наслѣдованія дворъ цѣликомъ передается *одному* наслѣднику или раздѣляется между старшимъ и младшимъ наслѣдниками такъ, что два „полухозяина“ получаютъ по 30 десятинъ. Половинное хозяйство далѣе не дѣлится.

Этому обычаю въ области наслѣдованія соотвѣтствуетъ своеобразный порядокъ, служащій для обезпеченія сыновей, не получающихъ наслѣдства и образовавшейся въ 70-хъ годахъ во время повышенія цѣнъ на хлѣбъ. Материнскія колоніи владѣютъ болѣе или менѣе обширными общинными землями, которыя когда-то находились подъ пастбищемъ, а теперь отдаются въ аренду въ качествѣ цѣнной пашни. Изъ доходовъ отъ этихъ арендъ образуются сбереженія, служащія для покупки земли безземельнымъ членамъ колоніи. Особенно, покупаются цѣлыя дворянскія имѣнія. Каждый дворъ, принадлежащій къ колоніи, имѣетъ право установить очередь для участника въ такомъ „выходѣ младшихъ“ сыновей. Соотвѣтственно пониженной расцѣнкѣ наслѣдствъ, существующей въ интересахъ наслѣдниковъ, и такіе

„выходцы“ получаютъ новыя земли точно также по пониженнымъ цѣнамъ противъ покупной цѣны; деньги за землю выплачиваются по частямъ въ фондъ, предназначенный для такихъ выселяющихся. Этому порядку обязана своимъ возникновеніемъ и посѣщенная мною колонія.

Напротивъ, общинное землевладѣніе принуждаетъ болѣе зажиточнаго русскаго крестьянина расширять свое хозяйство до требуемыхъ техникой размѣровъ посредствомъ раззоренія товарищей по общинѣ; то, что онъ пріобрѣлъ въ недвижимую собственность внѣ общины, снова распадется путемъ дѣлежа наслѣдства.

По духу нѣмецкій колонистъ большій индивидуалистъ, чѣмъ русскій крестьянинъ. Но индивидуализмъ—порицаютъ ли его или хвалятъ—развился изъ прежняго группового существованія человѣка, какъ могущественное орудіе въ борьбѣ за существованіе. Индивидуализму колонистовъ служитъ противовѣсомъ сильная нравственная связь. Замѣчательно, что 22 двора описанной колоніи немедленно выдѣлили кусокъ земли подъ школу и пригласили учителя, который въ настоящее время обучаетъ 25 дѣтей. Я самъ слышалъ, какъ онъ въ воскресеніе говорилъ крестьянамъ проповѣдь. Этотъ простой человѣкъ, на котораго крестьяне смотрятъ какъ на одного изъ своихъ, является связью, соединяющей этихъ разбросанныхъ по степи жителей съ міромъ „интеллигенціи“, связью, которой до сихъ поръ недостаетъ русскому крестьянину.

IV. Путевыя замѣтки изъ Украины.

A. Организація труда.

Полтавская губернія, центръ старой Украины, родина малорусскихъ казаковъ, на востокѣ граничитъ съ Харьковской губерніей; подобно послѣдней она входитъ въ составъ черноземной полосы. Ея благосостояніе основано исключительно на сельскомъ хозяйствѣ. Культура хлѣбовъ здѣсь преобладаетъ. Дѣятельность почти каждой станціи прорѣзывающихъ губернію желѣзныхъ дорогъ обнаруживаетъ въ высшей степени значительные размѣры вывоза хлѣба, нерѣдко превосходящіе одинъ милліонъ пудовъ въ годъ. Зерно доставляется къ черноморскимъ портамъ, а съ недавнихъ поръ, благодаря открытію желѣзной дороги Кременчугъ—Ромны, — и въ Либаву и Кенигсбергъ.

Имя Полтавы связано съ воспоминаніемъ о поворотномъ пунктѣ во всемірной исторіи: вслѣдствіе битвы 9 іюля 1709 года преобладаніе на сѣверѣ и востокѣ перешло отъ Швеціи къ Россіи. Причиной пораженія шведовъ

было то, что они, считая побѣду уже одержанной, слишкомъ рано прекратили преслѣдованіе и, такимъ образомъ, дали русскимъ время оправиться. „Русскаго надо не только убить, но еще и опрокинуть“, говорилъ впослѣдствіи Наполеонъ послѣ подобныхъ опытовъ. Этимъ онъ указывалъ на то свойство пассивнаго мужества, которое русскій крестьянинъ черпаетъ въ вѣрѣ въ предопредѣляющее провидѣніе.

Полтава—ничто иное, какъ обыкновенный русскій провинціальный городъ: одноэтажные дома, широкія улицы, нѣсколько казенныхъ зданій съ неизбѣжными коринѳскими колоннами, у которыхъ на капителяхъ облупливается штукатурка, напоминающія деревню предмѣстья. Для изслѣдователя народнаго хозяйства, Полтава представляетъ интересъ, какъ пунктъ, въ которомъ находится одно изъ превосходнѣйшихъ земскихъ статистическихъ бюро, многотомные труды котораго были очень любезно предоставлены въ мое распоряженіе завѣдывающимъ, г. Бунинымъ. Благодаря этому, я имѣлъ возможность провѣрить на данныхъ земской статистики наблюденія, сдѣланныя мною на мѣстѣ.

Въ Полтавской губерніи я объѣхалъ также два района, которые въ отношеніи соціальнаго разслоенія обнаруживаютъ такое же различіе, какъ и изображенное мною для Харьковской губерніи. Но основанія этого развитія здѣсь совсѣмъ иныя. Въ Харьковской губерніи въ южномъ районѣ хозяйственныя отношенія болѣе дифференцированы сравнительно съ сѣвернымъ райономъ потому, что югъ граничитъ съ Новороссіей, колоніальной областью, и подвергается распространяющимся оттуда вліяніямъ индивидуалистическаго денежнаго хозяйства. Напротивъ, различіе между западными и восточными уѣздами Полтавской губерніи, между Константиноградскимъ и Кобелякскимъ уѣздами имѣетъ наряду съ природными еще и историческія основанія, которыя сохраняются столѣтіями.

На одной картѣ начала прошлаго столѣтія я нашелъ нынѣшній Константиноградскій уѣздъ обозначеннымъ „campi deserti“;—онъ принадлежалъ къ тѣмъ степямъ, которыя такъ долго служили ареной борьбы между татарами и казаками. Только лишь послѣ того, какъ татары были прогнаны, онъ былъ населенъ, и именно путемъ пожалованія земель помѣщикамъ, нерѣдко счастливымъ генераламъ или дворянамъ. И теперь еще самый характерный и преобладающій элементъ населенія составляютъ здѣсь бывшіе помѣщичьи крестьяне.

Совсѣмъ не то Кобелякскій уѣздъ; это—древнее мѣстопребываніе казаковъ, ихъ давнишняя собственность; казаки служили польскимъ королямъ военной защитой противъ турокъ и татаръ. Казацкая земля этой области

образуетъ островъ никогда не утрачивавшейся общественной свободы посреди моря крѣпостничества Восточной Россіи. Казаки и теперь составляютъ преобладающую и въ хозяйственномъ отношеніи важнѣйшую часть населенія этого уѣзда. Подобно знатнымъ фамиліямъ (боярамъ), они получили отъ польскихъ королей земли въ даръ, въ наслѣдственное владѣніе. Впослѣдствіи они возстали противъ поляковъ и взяли православіе подъ свою защиту отъ вторгающагося іезуитизма; послѣ отдѣленія Малороссіи отъ Польши предводитель возстанія, Богданъ Хмельницкій, утвердилъ казаковъ во владѣніи наслѣдственными землями.

Посѣщеніе обоихъ названныхъ уѣздовъ представило интересный случай наблюдать послѣдствія свободы и неволи и проистекающія отсюда хозяйственныя и соціальныя различія. Разумѣется, я далекъ отъ того, чтобы приписывать указанныя въ дальнѣйшемъ изложеніи различія исключительно несходству историческихъ условій. Климатическія и другія природныя условія безспорно тоже играютъ свою роль; Константиноградскій уѣздъ суше, въ немъ есть всего лишь одна рѣка Берестовая, лѣтомъ высыхающая. Кобелякскій же уѣздъ омывается могучимъ теченіемъ Днѣпра, изрѣзанъ многочисленными притоками его и обладаетъ естественными лугами и рощами. Въ Константиноградскомъ уѣздѣ отсутствуютъ естественные луга и лѣсъ; одна и та же земля служитъ то какъ пашня, то какъ пастбище. Но роскошный лѣсъ великой княгини Екатерины Михайловны, черезъ который я проѣхалъ верхомъ, показываетъ, что и въ этой степной мѣстности при стараніи и настойчивости человѣкъ можетъ получить богатую древесную растительность.

Однако, несмотря на такое различіе природныхъ условій, нельзя придавать слишкомъ мало значенія наслѣдію прошлаго. Ни одинъ знатокъ этой мѣстности не станетъ оспаривать, что, какова бы ни была природная основа, малорусскіе казаки вообще сильнѣе, энергичнѣе и культурнѣе, чѣмъ ихъ сосѣди одинаковаго съ ними происхожденія, бывшіе помѣщичьи крѣпостные. Этотъ фактъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ Малороссіи—по сосѣдству съ свободными казаками—крѣпостничество вообще никогда не достигало такой суровости, какъ повсюду въ Великороссіи, гдѣ оно оставило болѣе глубокіе слѣды въ народной жизни.

Въ Константиноградскомъ уѣздѣ я посѣтилъ въ своемъ родѣ въ высшей степени замѣчательную экономію великой княгини Екатерины Михайловны, принадлежащую теперь ея сыну, герцогу Мекленбургскому; затѣмъ я проѣхалъ на лошадяхъ часть уѣзда, разсчитывая на гостепріимство мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ Кобелякахъ я много свѣдѣній получилъ отъ г.

Василенко, автора многочисленныхъ сельско-хозяйственныхъ монографій и спеціалиста—изслѣдователя этой родной ему земли.

Уже самыя названія деревень въ Константиноградскомъ уѣздѣ характерны для соціальнаго разслоенія населенія; они по преимуществу образованы изъ собственныхъ именъ, принадлежащихъ или помѣщикамъ-дворянамъ или же членамъ Императорской фамиліи, которыхъ путемъ такого крещенія желали почтить. Здѣсь есть Карловка и Варваровка, названія экономій, принадлежащихъ герцогу Мекленбургскому, по сосѣдству съ ними: Павловка, Елизаветовка, Михайловка и т. д. Бывшіе помѣщичьи крестьяне образуютъ преобладающій элементъ населенія, даже въ большей еще степени, чѣмъ это видно изъ статистики (32,3%); такъ какъ по случаю освобожденія крестьянъ нѣкоторые изъ нихъ, именно принадлежавшіе мелкимъ помѣщикамъ, были пріобрѣтены государствомъ и освобождены, какъ государственные крестьяне. Крестьяне втиснуты между средними и крупными имѣніями въ 500 дес. и больше; экономіи герцога Мекленбургскаго простираются свыше, чѣмъ на 50,000 дес. (больше 200,000 прусск. моргеновъ).

Когда я объѣзжалъ уѣздъ, мнѣ стало вполнѣ очевидно, что надѣленіе помѣщичьихъ крестьянъ клочкомъ пахотной земли, владѣніе которымъ юридически ограничено и который недостаточенъ для поддержанія существованія одной семьи; что это, такъ называемое и такъ часто прославляемое „освобожденіе крестьянъ съ землей“—есть ничто иное, какъ родъ замаскированной *организаціи труда*. Если бы крестьяне не были надѣлены землей, можно было бы опасаться, какъ говорили мнѣ многіе помѣщики, какъ бы крестьяне не бѣжали отъ земли, съ которой для нихъ еще такъ сильно связано воспоминаніе о ненавистномъ крѣпостномъ состояніи.

Надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ въ посѣщенномъ мною уѣздѣ составляютъ отъ 1 до 3 дес.; надѣлъ въ 4 дес. встрѣчается лишь въ исключительныхъ случаяхъ; такъ, напр., помѣщичьи крестьяне Карловки благодаря великодушью тогдашней помѣщицы были снабжены 4 дес. на взрослую душу мужского пола. Однако, по вычисленіямъ Полтавскаго статистическаго бюро, требуется 6 дес. для того, чтобы средняя крестьянская семья была въ состояніи существовать, а также вносить подать и выкупные платежи, ведя обычное хозяйство на одной лишь своей землѣ, безъ сторонніхъ заработковъ. Если же еще принять во вниманіе увеличеніе населенія, происшедшее со времени освобожденія, то станетъ ясно, что для поддержанія своего существованія крестьянинъ вынужденъ разсчитывать на помѣщичьи земли.

Зависимость крестьянина отъ помѣщичьяго хозяйства особенно велика тамъ, гдѣ крестьянская земля кольцевидно окружена помѣщичьей землей, какъ это я неоднократно встрѣчалъ; здѣсь крестьянинъ стоитъ лицемъ къ лицу съ однимъ лишь работодателемъ. Только отъ него можно получить необходимую для крестьянскаго хозяйства пастбищную землю.

Но не менѣе велика зависимость дворянскаго имѣнія отъ труда окружающихъ крестьянъ. Администрація помѣстій по принципу раздаетъ пахотную землю и пастбища только за отработки, но не за деньги. Въ описываемомъ уѣздѣ особенно работы по уборкѣ хлѣба исполняются почти исключительно въ видѣ отработковъ за арендованную землю; получаетъ крестьянинъ кусокъ пахотной земли, или его скотъ пасется съ помѣщичьимъ стадомъ, за то и за другое крестьянинъ обязуется скосить извѣстную площадь. Во многихъ случаяхъ цѣлыя общины, снимаютъ пастбищную землю за отработки, которые онѣ должны выполнить въ полномъ составѣ своихъ членовъ.

Въ Карловкѣ двадцать сосѣднихъ деревень принимаютъ участіе въ работахъ на помѣщичьей землѣ; если не смотря на это изъ 50,000 почти сплошь плодородной земли до сихъ поръ обрабатывается всего лишь 10,000 десятинъ, то главной причиной этого, какъ мнѣ указывали, является недостатокъ рабочихъ. Рабочимъ пришлымъ издалека работа не дается; напротивъ, эта мѣстность очевидно нуждающаяся въ людяхъ является скорѣе пунктомъ, откуда рабочіе уходятъ на сторону.

Совмѣстныя работы по уборкѣ хлѣба исполняются въ Карловкѣ крестьянами посредствомъ крестьянскаго инвентаря, — въ уплату за это крестьянамъ выдѣлялось въ послѣдніе годы изъ пахотной земли отъ 3,000 до 4,000 десятинъ, изъ пастбищной—около 6,000 десятинъ. За одну десятину пахотной земли арендаторъ долженъ жать хлѣбъ съ 1—$1^1/_4$ десятины помѣщичьяго поля, за одну десятину пастбища $^3/_4$ десятины помѣщичьяго поля, и въ обоихъ случаяхъ подвезти снопы къ молотилкѣ. Земля, сдаваемая крестьянамъ, не выдѣлена, но находится въ одномъ сплошномъ участкѣ съ помѣщичьими полями и вмѣстѣ съ ними къ ней примѣняется одинъ и тотъ же сѣвооборотъ.

Остальныя сельско-хозяйственныя работы исполняются точно также живущими поблизости крестьянами, но въ большинствѣ случаевъ за денежное вознагражденіе. Работники и работницы, нанятые на продолжительный срокъ, т. е. на лѣто и на зиму, служатъ исключительно для ухода за скотомъ; напротивъ, пашутъ, сѣютъ, молотятъ и пасутъ овецъ работники, нанятые лишь на лѣто или поденно, и ихъ выбираютъ изъ живущихъ по сосѣдству малоземельныхъ крестьянъ.

Размѣры заработной платы рабочимъ, нанятымъ въ Карловкѣ въ 1894 году, показываетъ слѣдующая таблица:

	Число рабочихъ дней.	Уплоченная сумма рублей въ годъ.	Слѣдовательно въ день коп.
Рабочіе, нанятые на продолжительный срокъ	26,032	5,453,70	21
Рабочіе, нанятые на лѣто	318,544	73,547,23	23
Рабочіе, нанятые поденно	272,921	69,395,25½	25½

Но организація труда въ Карловкѣ, гдѣ ведется крупное хозяйство съ большимъ капиталомъ и побочными промышленными предпріятіями, гораздо болѣе носитъ характеръ денежнаго хозяйства, чѣмъ въ среднихъ имѣніяхъ уѣзда. Въ послѣднихъ часто работы производятся крестьянами совмѣстно посредствомъ крестьянскаго инвентаря за отданную имъ землю. Эта система достигаетъ своего полнаго развитія тамъ, гдѣ все имѣніе по частямъ обрабатывается крестьянами, что, какъ я слыхалъ, встрѣчается нерѣдко въ этой мѣстности. Въ такомъ случаѣ въ имѣніи обыкновенно нѣтъ своего инвентаря.

Изображенная организація труда замѣняетъ внѣшнее принужденіе, устраненное освобожденіемъ крестьянъ, принужденіемъ непрямымъ на почвѣ малоземелья. Съ нимъ связаны всѣ экономическіе недостатки, которые присущи несвободному труду на господина. Всѣ спрошенные мною помѣщики въ одинъ голосъ жаловались на плохое качество крестьянской работы. У работника, какъ у крѣпостного, есть будто-бы одинъ лишь интересъ: сдѣлать какъ можно меньше. Мнѣ разсказывали, что крестьяне постоянно выдумываютъ новые праздничные дни, празднуютъ все новыхъ святыхъ; противъ этого помѣщикъ безсиленъ, потому что если бы кто-нибудь изъ болѣе прилежныхъ крестьянъ захотѣлъ работать въ такой праздникъ, то онъ долженъ былъ бы ожидать, что ночью его имущество будетъ разгромлено или даже будетъ подожженъ его домъ. Фруктовыхъ садовъ, какъ меня увѣряли, невозможно разводить, потому что если даже не будутъ уничтожаемы молодыя деревца, то плоды навѣрно раскрадутъ еще не въ зрѣломъ видѣ. Даже сады при народныхъ школахъ, служащіе образовательнымъ цѣлямъ, не будутъ пощажены. Только черезчуръ часто случались бы на поляхъ поджоги помѣщичьихъ скирдъ сѣна или хлѣба.

Я особенно хотѣлъ бы предостеречь читателя отъ обобщенія этихъ заявленій; они, пожалуй, представляютъ интересъ, какъ выраженіе мнѣній мелкопомѣстныхъ дворянъ описываемаго края. Въ то же время они служатъ доказательствомъ классовой ненависти, которая, какъ долговѣчное наслѣдіе крѣпостничества, еще раздѣляетъ населеніе многихъ мѣстностей русской земли на два рѣзко обособленныхъ общественныхъ слоя.

Но принужденіе къ труду, практикуемое при господствующей системѣ хозяйства, недостаточно сильно для того, чтобы дѣйствительно обезпечить помѣщику подневольный крестьянскій трудъ. Крестьянинъ, не находясь больше подъ страхомъ кнута, нашелъ исходъ, чтобъ уклоняться отъ ненавистной ему работы на господина: ограниченіе жизненныхъ потребностей при почти полномъ истощеніи доставшагося ему клочка земли, въ крайнемъ случаѣ—голодъ. Поэтому немало находится такихъ помѣщиковъ, которые съ тоской оглядываются на золотые дни крѣпостного права, почти забытые въ другихъ частяхъ Россіи, гдѣ преобладаютъ отхожіе промыслы.

Гибельныя послѣдствія изображенныхъ условій сказываются на состояніи *сельско-хозяйственной техники*. Прежде господствовала въ описываемой мѣстности, да и теперь еще господствуетъ на помѣщичьей землѣ залежная система; часть поля обрабатывается втеченіе ряда лѣтъ, затѣмъ обработка перемѣщается на сосѣдній участокъ, между тѣмъ какъ обрабатывавшееся раньше поле отдыхаетъ подъ выгономъ болѣе или менѣе продолжительное время, во всякомъ случаѣ втеченіе ряда лѣтъ.

Освобожденіе дало крестьянамъ слишкомъ мало земли для того, чтобы продолжать систему; съ другой стороны слишкомъ высокія подати тормазили развитіе индивидуалистическаго духа и интенсивности труда. Поэтому крестьяне дошли до того, что начали постепенно сокращать свой выгонъ, не переходя въ то же время къ болѣе употребленной системѣ полеводства, хотя бы къ трехпольному хозяйству. Такъ, мнѣ встрѣчались случаи, когда одно и то же поле шесть лѣтъ къ ряду засѣвалось хлѣбами и послѣ этого оставлялось въ залежи всего на три года; въ другихъ случаяхъ только часть пашни оставлялась періодически подъ выгонъ, вся остальная часть непрерывно обрабатывалась. Но въ большинствѣ случаевъ крестьяне идутъ еще дальше, ежегодно безъ перерыва и безъ удобренія засѣвается хлѣбомъ вся площадь пашни. Это значитъ, что вслѣдъ за жатвой ярового хлѣба сѣется озимый хлѣбъ—случай, неслыханный для заботливаго сельскаго хозяина. Вотъ примѣръ подобнаго плодосмѣна: рожь, яровая пшеница, рожь, ячмень и т. д. Въ случаѣ истощенія почвы сѣютъ гречиху. По земской статистикѣ, изъ 270 общихъ помѣщичьихъ крестьянъ 145 непрерывно обрабатываютъ

пахатную землю описаннымъ способомъ; изъ нихъ 109 общинъ не имѣютъ вообще выгона, а засѣваютъ всю общинную землю. Но и въ большей части остальныхъ общинъ предоставляется по временамъ отдыхъ лишь клочку пашни.

При этомъ обработка поля, какъ я многократно наблюдалъ во время моего путешествія, крайне примитивна. Пашутъ сохой или малорусскимъ плугомъ, лемехъ котораго еще довольно часто сдѣланъ исключительно изъ дерева и снабженъ только мѣднымъ краемъ. Но совсѣмъ не рѣдко случается, что вспашку плугомъ вообще не производятъ и ограничиваются только разрыхленіемъ почвы при помощи орудія [1]), напоминающаго экстирпаторъ (Exstirpator). Оно состоитъ изъ поперечнаго деревяннаго бруса; на немъ находится на разстояніи приблизительно пяти дюймовъ другъ отъ друга отъ трехъ до шести желѣзныхъ зубьевъ, которыми бороздится земля. Я даже слышалъ, что крестьяне нерѣдко сѣютъ прямо по жнивью и затѣмъ при помощи только что описаннаго орудія задѣлываютъ (заборанываютъ) сѣмена [2]). „Авось!“, столь излюбленное въ устахъ русскаго народа выраженіе фаталистической безпечности, было бы многознаменательной подписью подъ изображеніемъ крестьянина, обрабатывающаго описаннымъ способомъ свое поле. Все предоставлено на произволъ слѣпо распоряжающейся природы: участіе человѣка низведено до возможно ничтожныхъ размѣровъ.

Молотьба производится подъ открытомъ небомъ во дворѣ, такъ какъ у крестьянина, кромѣ избы и амбара, нѣтъ крытыхъ помѣщеній. У помѣщичьихъ крестьянъ—въ противоположность государственнымъ крестьянамъ и казакамъ,—какъ я нашелъ, цѣпъ еще пользуется всеобщимъ распространеніемъ; въ единичныхъ случаяхъ я даже видѣлъ, что зерно вымолачивается изъ сноповъ по ветхозавѣтному способу ногами рабочаго скота [3]).

Сокращеніе площади выгона и пара, при одностороннемъ зерновомъ хозяйствѣ, ведетъ къ уменьшенію количества содержимаго скота. Тамъ, гдѣ крестьяне уничтожили выгонъ и гдѣ всю землю пашутъ изъ года въ годъ, скотъ нерѣдко бываетъ такъ изнуренъ недостаткомъ пищи, что со-

---

[1]) Рало. *Прим. ред.*

[2]) [По даннымъ полтавской земской статистики (см. сборникъ по константиноградскому уѣзду) описанный способъ посѣва по „стернѣ“ называется посѣвъ „наволокомъ“ и отнюдь не представляетъ особенности Полтавской губ.: онъ встрѣчается при отсталомъ залежномъ хозяйствѣ въ равныхъ мѣстахъ Новороссіи и юго-востока Россіи, напр., на югѣ Самарской губ.] *Прим. ред.*

[3]) [Молотьба скотомъ (и телѣгами) распространена во многихъ мѣстностяхъ какъ Южной, такъ и Центральной Россіи.] *Прим. ед.*

всѣмъ бываетъ неспособенъ къ тяжелымъ полевымъ работамъ. Съ этимъ связано уменьшеніе глубины вспашки. Вмѣсто употреблявшагося прежде плуга, который пашетъ на 3 дюйма въ глубину и требуетъ по меньшей мѣрѣ одной пары рабочихъ воловъ, крестьянинъ берется за соху, которую онъ можетъ употреблять съ одной головой рабочаго скота; конечно, соха пашетъ на глубину всего лишь $1^1/_2$ дюйма. При дальнѣйшемъ „обезсиленіи“ крестьянинъ обыкновенно совсѣмъ оставляетъ запашку.

Слѣдствіемъ описаннаго способа веденія хозяйства является возрастающее истощеніе крестьянскихъ полей и засореніе ихъ сорными травами. Нигдѣ крестьянинъ не культивируетъ болѣе выгодной, но и предъявляющей къ почвѣ большія требованія озимой пшеницы, на которую обращается преимущественное вниманіе въ хорошо поставленныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ описанной мѣстности; во многихъ мѣстахъ онъ сократилъ даже культуру яровой пшеницы вслѣдствіе истощенія почвы. Прямо поразительна разница въ урожайности удобренныхъ и хорошо обработанныхъ помѣщичьихъ полей и истощенныхъ крестьянскихъ земель. Ниже приведенъ примѣръ такого различія; данныя получены путемъ разспросовъ; помѣщичьи поля, къ которымъ относятся цифры, удобряются и къ нимъ примѣняется система обработаннаго чернаго пара, но и крестьянскія пахотныя земли, относительно которыхъ здѣсь приведены данныя, скорѣе стоятъ выше средняго уровня въ уѣздѣ, чѣмъ ниже его.

Урожай съ десятины въ 1895 году:

	Помѣщичья земля.	Крестьянская земля.
Озимая пшеница . . .	156 пудовъ.	Не культивировалось.
Рожь	169 „	45 пудовъ.
Яровая пшеница . . .	88 „	35 „

Но различіе въ доходности увеличивается не въ пользу крестьянъ еще и тѣмъ, что крестьянскій хлѣбъ ухудшается примѣсью сѣмянъ сорныхъ травъ и другого сора. Крестьяне не обращаютъ даже вниманія на эти примѣси; они мелютъ и пекутъ хлѣбъ вмѣстѣ съ ними. Но когда они бываютъ вынуждены продавать хлѣбъ, то цѣна ихъ товара сильно понижается вслѣдствіе имѣющихся въ немъ примѣсей. Только этимъ можно объяснить то обстоятельство, что крестьяне продаютъ хлѣбъ по цѣнамъ значительно болѣе низкимъ сравнительно съ рыночными цѣнами и цѣнами, которыя получаютъ помѣщики. Въ началѣ сентября 1895 г. въ Ростовѣ стояла рыночная цѣна на пшеницу въ 45—64 копѣйки за пудъ; помѣщики продавали въ описываемомъ уѣздѣ пшеницу по 45 коп., крестьяне—по 30—35 коп. Въ то-же время крестьяне продавали рожь по 20—25 коп., помѣщики—по

35 коп. Эта разница, конечно, можетъ быть отчасти отнесена и на счетъ невыгоднаго положенія мелкаго продавца сравнительно съ крупнымъ,— однако худое качество крестьянскаго зерна несомнѣнно играетъ значительную роль.

Удивленіе путешественника вызываютъ крошечныя крестьянскіе телѣги, запряженныя тщедушными лошаденками, ничтожная провозоспособность которыхъ такъ поднимаетъ цѣну транспорта на желѣзнодорожныя станціи продаваемыхъ товаровъ; цѣлый обозъ такихъ лошадей везетъ едва-ли больше хлѣба, чѣмъ сколько могла-бы сдвинуть пара сильныхъ лошадей, впряженныхъ въ европейскій возъ.

Хотя указанныя явленія, можетъ быть, и рѣдки въ такой рѣзкой формѣ, въ какой они здѣсь изображены, но по своему существу они типичны для состоянія упадка, въ какомъ находится хозяйство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ обширной части Имперіи. При знакомствѣ съ ними становится непонятнымъ, что въ кругахъ русской „интеллигенціи“ все еще можно встрѣтить мнѣніе, будто въ Россіи нѣтъ пролетаріата. Напротивъ того, превращеніе крестьянина въ пролетарія заключаетъ въ себѣ въ извѣстномъ смыслѣ многообѣщающее начало.

Именно, первобытный человѣкъ никогда не рѣшался добровольно на совершеніе той усиленной работы, какой требуетъ культурный прогрессъ. Трусливо ищетъ онъ убѣжища, въ которомъ можно было бы влачить существованіе, лишенное всякой дѣятельности. Лишь впослѣдствіи, когда пробуждаются высшія потребности помимо потребности простого существованія, внѣшнее принужденіе замѣняется внутренними побужденіями, которыя заставляютъ человѣка подняться до ступеней, которымъ свойствененъ болѣе интенсивный трудъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждаются, способности хозяйственной самопощи и духовнаго самоопредѣленія, эти драгоцѣнные дары культуры; только такимъ путемъ человѣкъ доходитъ постепенно до политической свободы, которая безъ этого экономическаго и психологическаго предварительнаго условія является дѣломъ слѣпой судьбы.

Поводъ къ этимъ размышленіямъ мнѣ подала поѣздка по Константиноградскому уѣзду. Очевидно, кусокъ земли, который получилъ бывшій помѣщичій крестьянинъ, скрываетъ онъ него истинное положеніе вещей, заключающееся въ томъ, что въ дѣйствительности предназначено для наемнаго труда; земля до своего окончательнаго истощенія даетъ ему возможность существовать на почвѣ хозяйственнаго регресса.

Поэтому, нельзя, конечно, объяснить простымъ случаемъ то, что я при поѣздкахъ именно по этимъ мѣстностямъ слышалъ очень часто о примѣрахъ,

когда прежніе дворовые, которые совсѣмъ при освобожденіи не получили земли, достигали благосостоянія. Я неоднократно видѣлъ также, что общины, которыя были освобождены совершенно безъ земли, часто были въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ надѣлъ былъ слишкомъ малъ для того, чтобы жить, и слишкомъ великъ, для того, чтобы умереть. Первыя, съ самаго начала были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, которыя во всѣ времена были орудіемъ соціальнаго прогресса.

Подтвержденіе справедливости этого положенія я часто находилъ тамъ, гдѣ крестьянинъ получилъ отъ крестьянскаго банка помѣщичью землю, почти въ видѣ подарка, на условіяхъ широкаго и крайне долгосрочнаго кредита. Въ описываемомъ уѣздѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ я слышалъ относительно нѣсколькихъ случаевъ, когда покупщики, не внося процентовъ, истощали въ нѣсколько лѣтъ купленную ими землю и затѣмъ отказывались отъ нея. Тамъ-же, гдѣ эта сдѣлка понимается крестьянами, какъ постепенная покупка, и гдѣ они уплатой процентовъ и погашеніемъ долга банку стремятся къ владенію на правахъ собственности, вновь пріобрѣтенная земля обрабатывается гораздо тщательнѣе, чѣмъ принадлежащая общинѣ. Довольно замѣчательно, что несмотря на круговую поруку передъ банкомъ, покупатели заботятся о томъ, чтобы раздѣлить купленную землю для окончательнаго владенія ею. — Съ помощью подарковъ, могутъ, пожалуй, подняться единицы, но не цѣлый классъ народа.

Чѣмъ болѣе падаетъ собственное хозяйство бывшаго помѣщичьяго крестьянина и чѣмъ болѣе существуетъ онъ работой на помѣщика, тѣмъ болѣе общинная земля становится для него оковами, которыя мѣшаютъ ему пользоваться выгодами положенія „свободнаго“ работника; въ послѣднемъ счетѣ, надѣлъ можетъ стать средствомъ удержанія заработной платы за сельскохозяйственныя работы на самомъ низкомъ уровнѣ. Такое положеніе вещей заставляетъ вспомнить о томъ, что нѣмецкіе экономисты, напр., Максъ Веберъ, высказывались противъ надѣленія участками земли сельскихъ рабочихъ Восточной Германіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда работнику противостоитъ исключительно помѣщичье хозяйство и гдѣ, слѣдовательно, для него исключена возможность достигнуть положенія самостоятельнаго сельскаго хозяина; протестъ въ интересахъ рабочихъ.

Изображенное хозяйственное положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ даетъ теперь объясненіе господствующимъ въ описываемомъ уѣздѣ обычаямъ землевладѣнія, при чемъ формальное право почти не имѣетъ силы. *Право* владѣнія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Константиноградскаго

уѣзда очень разнообразно. Карловскіе крестьяне получили при освобожденіи землю въ великорусское общинное владеніе; напротивъ, остальные помѣщичьи крестьяне получили надѣлы въ наслѣдственное владѣніе каждаго двора. Несмотря на это, я нашелъ у всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ уѣзда мало различія въ дѣйствительномъ порядкѣ владѣнія землею. Надѣлы считаются всюду „вѣчной“ частной собственностью ревизскихъ душъ, которыя въ свое время получили ихъ. Невозможно уменьшить надѣлъ у ревизскихъ душъ или у ихъ законныхъ наслѣдниковъ, хотя бы новымъ передѣломъ земли по числу всѣхъ живыхъ душъ. Такая невозможность, какъ это уже сказано, у большинства помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи, имѣетъ юридическое основаніе; но она существуетъ и въ Карловкѣ и основана здѣсь, какъ я убѣдился изъ опроса крестьянъ, на глубоко укоренившемся правовомъ убѣжденіи. Хотя общины Карловской экономіи имѣютъ юридическую возможность передѣлять землю по числу живыхъ душъ, но въ дѣйствительности они отбросили всякую мысль о такой возможности.

Но надѣлъ не представляетъ изъ себя крестьянскаго имѣнія съ прочно опредѣленными границами, а идеальную долю въ общинномъ полѣ; часто, нерѣдко ежегодно, происходятъ жеребьевки, посредствомъ которыхъ опредѣляется мѣстоположеніе.

Мнѣ приводили въ описываемой мѣстности слѣдующее основаніе этого обычая.

Во первыхъ, община ведетъ въ интересахъ всѣхъ своихъ членовъ безпрерывную борьбу съ расширеніемъ пахотной земли на счетъ выгона; пользуясь такими жеребьевками, она старается освободить часть поля подъ общественный выпасъ. Мы видѣли выше, какъ часто эта борьба съ упадкомъ крестьянскаго хозяйства остается безъ результата. Съ тѣмъ большей силой говоритъ за жеребьевки другое основаніе. Именно, для отдѣльнаго хозяина нѣтъ никакой выгоды въ томъ, чтобы удерживать землю, къ которой онъ, конечно, ни въ коемъ случаѣ не намѣренъ примѣнить какое-нибудь улучшеніе; и даже, чѣмъ хуже обработка, тѣмъ выгоднѣе для него освободиться отъ хищнически истощенной земли въ надеждѣ получить при передѣлѣ поле болѣе заботливаго хозяина. На этотъ послѣдній умыселъ мнѣ много разъ указывали, какъ на основаніе, по которому большинство бѣдныхъ хозяевъ постоянно требуетъ частыхъ жеребьевокъ.

Но обычай жеребьевокъ вліяетъ въ свою очередь неблагопріятно на обращеніе съ землей; особенно онъ затрудняетъ удобреніе; это признавали всѣ крестьяне описываемаго уѣзда.

Въ виду изображенныхъ условій борьба, которую по иниціативѣ ны-

нѣшняго министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ повело начальство съ частными передѣлами, повидимому, очень похвальна.

Еще въ другомъ отношеніи дальнозоркое правительство могло бы многое сдѣлать; рѣчь идетъ о томъ, чтобы устранить случаи, подобные тому, о которомъ мнѣ разсказалъ одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ карловскихъ крестьянъ. Послѣдній купилъ два надѣла обѣднѣвшихъ товарищей по общинѣ, онъ заплатилъ весь лежавшій на нихъ выкупной долгъ и тѣмъ самымъ выкупилъ землю изъ общиннаго владѣнія. Тогда община выдѣлила ему изъ общиннаго поля выкупленную землю, какъ это предписывается въ такомъ случаѣ закономъ [1]), но не въ одномъ кускѣ, а въ видѣ многочисленныхъ узкихъ полосъ у крайнихъ границъ сельского поля. Такимъ образомъ, его земля опоясываетъ общинное поле почти по всей периферіи; до ближайшаго поля онъ считаетъ 7 верстъ, до самаго отдаленнаго — 15 верстъ.

Этотъ случай заслуживаетъ тѣмъ большаго сожалѣнія, что сильныя натуры, которыя превращаются въ самостоятельныхъ и умѣлыхъ сельскихъ хозяевъ, „крестьянъ“, какъ это слово понимается въ нѣмецкомъ языкѣ, очень рѣдки среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ этой мѣстности. Такіе элементы, какъ и въ Харьковской губерніи, я встрѣчалъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ въ большемъ числѣ среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ, чѣмъ среди бывшихъ помѣщичьихъ. Въ описываемомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, какъ и въ Харьковской губерніи, я нашелъ, что дифференціація на бѣдныхъ и богатыхъ пошла дальше среди государственныхъ, чѣмъ среди помѣщичьихъ крестьянъ; среди государственныхъ крестьянъ я встрѣчалъ наряду съ многочисленными раззоряющимися хозяевами отдѣльныхъ хозяевъ, благосостояніе которыхъ сильно растетъ. Среди помѣщичьихъ крестьянъ часто царила еще духовная ночь, среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ—болѣе развита религіозная жизнь и, конечно, расколъ.

Различіе между помѣщичьими и государственными крестьянами мнѣ стало ясно между прочимъ и изъ словъ одной народной учительницы, которая завѣдуетъ школой въ деревнѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Она говорила мнѣ, что школа больше и регулярнѣе посѣщается дѣтьми изъ деревни бывшихъ государственныхъ крестьянъ, находящейся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, чѣмъ дѣтьми изъ той деревни, гдѣ находилась школа; послѣднія къ тому же невыгодно отличаются отъ своихъ сосѣдей трудно искоренимыми воровскими наклонностями. Дѣйствительно, мнѣ казалась до-

[1]) По измѣненной теперь закономъ отъ 14 декабря 1893 г. 165 статьѣ „Положеніе о выкупѣ“.

стойной удивленія борьба съ дикостью, которую эта учительница ведетъ, подобно многимъ изъ своихъ товарокъ, среди духовной пустыни; достойны удивленія необходимыя для этого самоотреченіе и энергія. Сохранять порядокъ въ классѣ въ 40, 60 и болѣе учениковъ и дисциплинировать его — это задача, которая показалась бы нѣмецкой деревнѣ неразрѣшимой для силъ одной женщины,—но она, однако, разрѣшена какъ меня увѣряли знающіе дѣло наблюдатели. Какъ и въ южной части Харьковской губерніи, въ Константиноградскомъ уѣздѣ, помимо государственныхъ крестьянъ, развивается,—при томъ указывая послѣднимъ пути для ихъ хозяйственнаго прогресса,—болѣе сильный элементъ, вторгающійся извнѣ; но здѣсь это — не нѣмцы-колонисты съ Юга, а казаки съ Запада. Именно, они нерѣдко безъ помощи крестьянскаго банка, покупаютъ помѣщичью землю и создаютъ на ней цвѣтущее крупное крестьянское хозяйство; какъ арендаторы помѣщичьей земли, они пренебрегаютъ арендой за отработки и вмѣсто крошечныхъ участковъ, берутъ въ аренду за деньги большіе участки пашни.

Всего лишь втеченіе послѣднихъ приблизительно семи лѣтъ совершается мирное вторженіе казаковъ въ Константиноградскій уѣздъ, а мнѣ уже говорили о нихъ различные землевладѣльцы-дворяне, какъ о классѣ „новыхъ помѣщиковъ", которые вытѣсняютъ старыхъ. Дѣйствительно, я не разъ слышалъ о казакахъ, владѣющихъ нѣсколькими сотнями десятинъ земли; объ одномъ казакѣ мнѣ говорили, что онъ обрабатываетъ болѣе 1,000 десятинъ.

Казакъ, ведущій подобно крестьянину патріархальное существованіе, сберегаетъ средства, которыя тратятъ дворяне для поддержанія соотвѣтствующаго ихъ званію образа жизни. Напримѣръ, мнѣ разсказывали, какъ одинъ казакъ, купивши барскій домъ, устроилъ въ залѣ съ паркетнымъ поломъ амбаръ для хлѣба. Еще замѣчательнѣе былъ отвѣтъ, данный мнѣ однимъ землевладѣльцемъ-дворяниномъ на вопросъ, гдѣ онъ купилъ локомобили, которые я видѣлъ у него въ дѣйствіи во время молотьбы. Онѣ не составляютъ его собственность, отвѣтилъ онъ съ кислой усмѣшкой, онъ взялъ ихъ на прокатъ у казаковъ.

Кто такіе эти казаки? Для выясненія этого вопроса я отправился въ Кобелякскій уѣздъ, изъ котораго, главнымъ образомъ, переселяются казаки въ Константиноградскій уѣздъ.

В. Кобелякскіе казаки.

Другіе люди и другая обстановка—вотъ первое впечатлѣніе, которое получаетъ путешественникъ, приближаясь изъ обширнаго района бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и экономій къ старинной казацкой землѣ. Именно въ

такихъ условіяхъ находился я, когда, выѣхавши изъ имѣній великой княгини Екатерины Михаиловны, находящихся въ Константиноградскомъ уѣздѣ, посѣтилъ Кобелякскій уѣздъ; это путешествіе привело меня какъ разъ въ сердце старой Украйны. Вмѣсто той пассивности, которая отражается въ испуганномъ лицѣ мужика, въ темныхъ глазахъ потомковъ казаковъ свѣтится смѣлая жажда труда и южный огонекъ. Вмѣсто спутанной, ниспадающей на грудь русой бороды русскаго крестьянина, здѣсь видишь свисающіе внизъ у угловъ рта усы, какъ они изображены и на фамильныхъ картинахъ въ домахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, происходящихъ отъ казаковъ. Одна изъ такихъ видѣнныхъ мною картинъ, съ ея большой наивностью, показалась мнѣ особенно характерной для свѣжаго народа съ здоровой кровью: казакъ сидитъ въ степи, усѣянной крупными цвѣтами; на колѣняхъ у него—лира; онъ, навѣрно, поетъ смѣлую пѣсню любви или старинную сагу; возлѣ него—его вѣрный конь, внимательно слушающій пѣніе хозяина.

Способъ селиться у казаковъ уже по наружному виду отличается отъ крестьянскаго. Тогда какъ въ деревнѣ русскихъ крестьянъ съ ея часто необыкновенно вытянувшимися въ длину рядами избъ сразу можно узнать ихъ искусственное образованіе, возникшее и сохраняемое по приказанію свыше, казаки предпочитаютъ селиться отдѣльными дворами или, чаще, хуторами, состоящими изъ небольшого числа дворовъ.

Хутора состоятельныхъ казаковъ по большей части бываютъ окружены хижинами, обитатели которыхъ очевидно не ведутъ собственнаго сельскаго хозяйства. Они служатъ внѣшнимъ признакомъ того, что здѣсь крупный крестьянинъ создалъ свойственную ему организацію труда. Эти такъ называемые „підсусідки“—работники, не имѣющіе собственности и получающіе отъ казаковъ плату землей и продуктами.

Казаки, составляющіе большую и несравненно болѣе важную часть населенія Кобелякскаго уѣзда,—потомки свободныхъ воиновъ, которымъ—доказательство ихъ свободы—Литовскій Статутъ предоставляетъ наравнѣ съ шляхтой (мелкопомѣстнымъ дворянствомъ) право свободно владѣть землею и наслѣдовать ее. Лишь послѣ Полтавскаго боя они были окончательно покорены Москвой, позже центральнымъ правительствомъ была упразднена военная организація этихъ малорусскихъ казаковъ; такимъ образомъ, казаки были обращены въ простыхъ земледѣльцевъ.

Этихъ малорусскихъ казаковъ слѣдуетъ строго отличать отъ связанныхъ съ Москвою казаковъ, которые до сихъ поръ сохранили свою военную организацію, какъ, напр., донскіе, уральскіе, терскіе, сибирскіе казаки. У этихъ казаковъ и теперь еще всѣ молодые люди по достиженіи шестнадцатилѣт-

няго возраста поступаютъ въ военную службу, для которой они сами должны доставить оружіе и лошадь. На многіе годы оторванные отъ родины, они остаются вѣрными старинному взгляду всѣхъ носящихъ оружіе классовъ, по которому сельско-хозяйственный трудъ составляетъ позоръ и обязанность рабовъ. Въ противоположность малорусскимъ казакамъ, донскіе казаки заботятся о томъ, чтобы сдать въ аренду большую часть своей земли, и несмотря на то, что они щедро надѣлены землею съ плодородной почвой, теперь можно слышать у нихъ все болѣе громкія жалобы на недостатокъ земли. Односторонняя военная жизнь этихъ казаковъ, отвлекающая ихъ отъ хозяйственной дѣятельности, вызвала сильный притокъ „иногородныхъ“ въ область донскихъ казаковъ. „Иногородніе“ служатъ казакамъ въ качествѣ поденщиковъ, арендаторовъ и ремесленниковъ. Но нѣкоторые изъ нихъ, въ качествѣ торговцевъ и ростовщиковъ, обогатились, пользуясь хозяйственной неумѣлостью казаковъ. „Они—настоящіе помѣщики въ станицахъ, а казаки, кичащіеся своей свободой—ихъ крѣпостные“ [1]).

Въ иномъ положеніи находятся малорусскіе казаки, которыхъ мы посѣтили въ Кобелякскомъ уѣздѣ. Втянутые насильственно, но къ своей выгодѣ, въ промышленную жизнь, они умѣютъ устранять недостатокъ земли покупкой, арендой, т. е. хозяйственной самопомощью. Они энергично проникаютъ въ сосѣднія мѣстности, вмѣсто того чтобы самимъ служить объектомъ эксплуатаціи „иногородныхъ“.

И теперь еще полтавскіе казаки образуютъ самостоятельное сословіе, въ правовомъ отношеніи обособленное точно также отъ сосѣднихъ крестьянъ-какъ и отъ дворянъ; но и съ тѣми и съ другими они родственны по крови, на тѣхъ и на другихъ лежитъ отпечатокъ общаго съ казаками происхожденія. Крестьяне той мѣстности по большей части потомки казаковъ, опустившіеся до неволи,—только меньшая часть изъ нихъ происходитъ отъ великороссовъ, которыхъ Московское правительство разселило по рѣчкѣ Орели для умиротворенія Кобелякскаго уѣзда. Что дворяне по большей части происходятъ отъ казаковъ, явствуетъ уже изъ того, что первые стоятъ въ хозяйственномъ отношеніи лишь немногимъ выше послѣднихъ. Вмѣсто основанныхъ на пожалованной землѣ экономій, съ которыми я познакомился въ Константиноградскомъ уѣздѣ, я нашелъ въ Кобелякскомъ уѣздѣ мелкихъ дворянъ, ведущихъ

---

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, № отъ 26 іюля 1898 г. Вопросъ о донскихъ казакахъ часто обсуждается въ русской прессѣ; въ настоящее время происходятъ засѣданія правительственной комиссіи для устраненія бѣдности, существующей въ тѣхъ областяхъ.

по большей части крестьянское существованіе. Большую часть дворянства въ уѣздѣ составляютъ такъ называемые „полупанки“, т. е. дворяне, владѣющіе менѣе чѣмъ 50 десятинами и потому принужденные сами ходить за плугомъ. Въ уѣздѣ въ 1883 году было 1,469 хозяйствъ, принадлежавшихъ не крестьянамъ и не казакамъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ, дворянамъ и называемыхъ на оффиціальномъ языкѣ „частновладѣльческими“. Изъ этихъ хозяйствъ 1,163 имѣли менѣе чѣмъ по 50 десятинъ, слѣдовательно если не юридически, то по способу веденія эти хозяйства составляли то, что на нѣмецкомъ языкѣ называется „крестьянскими хозяйствами“.

Этотъ фактъ получитъ бо́льшее значеніе, если принять во вниманіе *соціальное разслоеніе* казаковъ: между ними преобладаютъ, конечно, не по числу, а по хозяйственному значенію, приближающіеся къ мелкимъ дворянамъ „*крупные крестьяне*“ (Grossbauer).

Въ Россіи часто оказывается, что „крестьяне“, въ смыслѣ сословнаго дѣленія, живутъ отнюдь не исключительно земледѣльческимъ трудомъ; въ особенности бывшіе помѣщичьи крестьяне по большей части существуютъ на заработокъ отъ работъ по найму.

Напротивъ, среди кобелякскихъ казаковъ существуетъ большая масса независимыхъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Всѣ, владѣющіе болѣе чѣмъ шестью десятинами, могутъ быть причислены, по мнѣнію земства, къ этому классу дѣйствительныхъ крестьянъ.

Но владѣніе шестью десятинами, какъ-разъ достаточное для существованія и для уплаты податей, еще не занимаетъ всѣхъ рабочихъ силъ одной семьи; это достигается при 15 десятинахъ; и чѣмъ болѣе распространяется примѣненіе машинъ, въ особенности — жатокъ и молотилокъ, тѣмъ болѣе эта величина возрастаетъ, достигая до 30 и болѣе десятинъ. Выше я показалъ, что такая площадь соотвѣтствуетъ наименьшему размѣру хозяйства, обезпеченному нѣмцамъ-колонистамъ ихъ наслѣдственнымъ правомъ, что болѣе зажиточные русскіе крестьяне, въ особенности государственные, увеличиваютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ размѣры хозяйства путемъ прикупки, аренды или ростовщичества; въ Кобелякскомъ уѣздѣ существованіе этого класса болѣе крупныхъ крестьянъ составляетъ характерное свойство казацкаго населенія.

Такія болѣе крупныя хозяйства, довольно рѣдко встрѣчающіяся въ другихъ мѣстахъ Россіи, составляютъ въ хозяйственномъ отношеніи центръ тяжести всей этой мѣстности. Эти хозяйства гораздо болѣе распространены, чѣмъ можно было бы заключить по статистикѣ землевладѣнія, такъ какъ зажиточные казаки значительно увеличиваютъ обрабатываемую площадь

путемъ аренды. Двѣ трети всего „частнаго землевладѣнія“ въ уѣздѣ, въ особенности среднія и крупныя дворянскія имѣнія, сдаются въ аренду; конечно, арендаторами выступаютъ не бѣдные и безземельные, а болѣе состоятельные хозяева. Итакъ, мы встрѣчаемъ здѣсь живой примѣръ тѣхъ хозяйствъ, о которыхъ говорилъ Витте: эти богатые казаки уплачиваютъ подати, покупаютъ продукты промышленности, продаютъ произведенія сельскаго хозяйства, слѣдовательно, оживляютъ товарное обращеніе и улучшаютъ торговый балансъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они, и не подозрѣвая этого, содѣйствуютъ устойчивости золотой валюты.

Между тѣмъ какъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ подъ видомъ *аренды* какъ мы видѣли, маскируется организація наемнаго труда, здѣсь аренда служитъ для увеличенія размѣровъ собственнаго крестьянскаго хозяйства. Вотъ доказательство этому: казаки гнушаются столь распространенной среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ аренды за отработки и арендуютъ землю главнымъ образомъ за деньги, дробя въ то-же время покупкой болѣе крупное землевладѣніе. На ряду съ однолѣтней арендой, которая преобладаетъ въ Россіи, въ Кобелякскомъ уѣздѣ значительную роль играетъ также многолѣтняя аренда; около $^2/_5$ всей арендованной земли снято на сроки на нѣсколько лѣтъ; — это точно также служитъ доказателъствомъ хозяйственной силы арендаторовъ.

Существованіе класса такихъ крестьянскихъ хозяйствъ, которыя не только обезпечиваютъ жалкое существованіе, но въ состояніи также дать избытки, является, конечно, важнымъ элементомъ прогресса. Но допуская это, приходится также считаться съ другимъ сопутствующимъ явленіемъ, противъ котораго ратуетъ большинство представителей русской аграрной литературы: гдѣ есть зажиточные, тамъ есть и бѣдняки. Впрочемъ, ходъ развитія не опредѣляется литературными мнѣніями: по фискальнымъ причинамъ у государства не остается никакого выбора; оно вынуждено стать на сторону такого развитія, которое знаменуетъ собой дальнѣйшіе успѣхи болѣе сильныхъ объектовъ, податного обложенія. Въ Полтавской губерніи число крестьянъ, не имѣющихъ рабочаго скота, достигаетъ 34 процентовъ крестьянскаго населенія — указаніе на далеко уже зашедшую пролетаризацію; напротивъ, сумма недоимокъ относительно ничтожна.

Въ Кобелякскомъ уѣздѣ наряду съ зажиточными казацкими хозяйствами существуетъ также значительное количество безземельныхъ и безлошадныхъ крестьянъ и казаковъ. Свыше 40 процентовъ всѣхъ крестьянскихъ и казацкихъ семействъ въ уѣздѣ не имѣютъ рабочаго скота, т. е. существуютъ не обработкой собственной земли, а работой по найму. Казаки нерѣдко

служатъ у казаковъ на положеніи „підсусідковъ“, которые напоминаютъ западно-германскихъ „новичковъ“ („Neuerlinge“). Кобелякскій уѣздъ также служитъ исходнымъ пунктомъ, откуда рабочіе отправляются на югъ (въ Херсонскую и Таврическую губ.), такъ какъ болѣе крупныя казацкія хозяйства и хозяйство мелкопомѣстныхъ дворянъ уѣзда ни въ коемъ случаѣ не потребляютъ всѣхъ наличныхъ рабочихъ силъ.

Каковы-же причины превосходства казаковъ надъ прочимъ крестьянскимъ населеніемъ? Я объясняю его прежде всего хозяйственнымъ и психическимъ вліяніемъ унаслѣдованной ими свободы. Какъ свободный человѣкъ, казакъ съ давнихъ поръ работалъ въ разсчетѣ на то, что самъ пожнетъ плоды своего трудолюбія; цѣлью его работы было его собственное благосостояніе, между тѣмъ какъ избытки, которые получалъ крѣпостной, принадлежали его господину, а усиленный трудъ и увеличеніе благосостоянія крестьянина нерѣдко влекли за собой лишь болѣе тяжелое обложеніе. И теперь еще эти старыя условія продолжаютъ оказывать свое дѣйствіе. Казакъ наравнѣ съ дворяниномъ уплачиваетъ лишь слѣдующіе закономъ уставленные налоги: государственный поземельный налогъ, земскіе налоги, и налоги, связанные съ ихъ сословной организаціей; крестьянамъ, какъ бывшимъ государственнымъ, такъ и бывшимъ помѣщичьимъ, приходится кромѣ того вносить еще очень обременительные выкупные платежи. Менѣе обложенный податями трудъ казака обѣщаетъ большіе результаты. Къ тому-же казакъ не стѣсненъ помѣщичьей землей, между тѣмъ какъ бывшій помѣщичій крестьянинъ упрочиваетъ свое благосостояніе на счетъ помѣщичьей земли хотя и вѣрно, но лишь очень медленно и путемъ тяжелой борьбы.

Если уже непосредственныя преимущества меньшаго налогового обложенія и большаго надѣленія землей должны быть высоко цѣнимы, то я готовъ придавать еще большее значеніе тому обстоятельству, что благодаря указаннымъ условіямъ у казаковъ съ давнихъ поръ существовали собственные хозяйственные интересы и связанныя съ этимъ хозяйственныя добродѣтели. У казаковъ мы находимъ духъ самопомощи, который такъ часто отсутствуетъ у русскихъ крестьянъ, но въ которомъ, однако, поэтому, нельзя вообще отказывать русскому народу. Крестьянинъ, вспахивающій только самую поверхность своего поля, говоритъ: „Божья воля“; если соотвѣтственно этому жатва оказывается скудной, онъ думаетъ: „Богъ покаралъ“; напротивъ, у казака есть своя пословица: „Помоги самъ себѣ, тогда и Богъ тебѣ поможетъ“.

Точно также, и коммерческія способности, которыми славятся казаки, представляютъ изъ себя ничто иное, какъ другую сторону той же черты

характера. Торговля индивидуалистична; она развивается вмѣстѣ съ паденіемъ группового существованія прежняго времени. Въ старину, до постройки желѣзныхъ дорогъ, русскій крестьянинъ обыкновенно занимался зимою извозомъ. Казакъ не довольствовался этимъ; онъ производилъ транспортъ товаровъ за свой собственный счетъ. Съ морского побережья, изъ Крыма, съ Дона онъ доставлялъ чрезъ невоздѣланныя еще въ то время степи Новороссіи соль и рыбу въ обмѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Были такіе казаки, у которыхъ число подводъ и воловьихъ запряжекъ къ нимъ достигало до дюжины и больше. Позднѣе, когда этотъ промыселъ палъ, казакъ употребилъ вложенный въ него капиталъ на покупку земли. Быстро приспособляясь, онъ устремился на производство новаго рыночнаго товара, *пшеницы*. Онъ началъ производить ее для вывоза и бралъ себѣ полностью барышъ, который доставляли высокія цѣны на хлѣбъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ [1]).

Въ своихъ правовыхъ обычаяхъ казакъ—тоже европеецъ. Въ противоположность общинному землевладѣнію крестьянина-великоросса, частная собственность на землю вошла въ плоть и кровь казака. Примѣръ казаковъ повліялъ и на сосѣднее крестьянское населеніе.

Разумѣется, и здѣсь частная собственность, какъ мы видѣли, сравнительно недавняго происхожденія.

Судя по тщательнымъ изслѣдованіямъ Лучицкаго, первоначальной формой поселенія у малороссовъ былъ отдѣльный дворъ (домашняя община) или состоящая изъ немногихъ дворовъ сельская община, послѣдняя, очевидно,—ничто иное, какъ распавшаяся домашняя община, связанная чувствомъ кровнаго родства. У каждаго двора была своя идеальная часть, доля въ семейной или общинной землѣ. Періодическіе жеребьевки совершались для того, чтобы сгладить неравенство долей, проистекавшее изъ несовершенства землемѣрной техники. Но доли, приходящіяся на каждый дворъ, оставались всегда неизмѣнными; онѣ отчуждались, наслѣдовались, дѣлились, тогда какъ для великорусской общины существенно именно то, что передѣлы земли измѣняютъ

---

[1]). На сдѣланный мною спеціальный запросъ близкій знатокъ Малороссіи, харьковскій проф. *И. Миклашевскій* въ своемъ письмѣ утверждаетъ о существованіи связи малорусскаго казацкаго и крестьянскаго хозяйства съ міровымъ хлѣбнымъ рынкомъ. Дѣйствительно, каждое крестьянское хозяйство, вообще вывозящее на продажу излишекъ своего хлѣба, связано съ міровымъ рынкомъ, если даже его хлѣбъ и не экспортируется въ натурѣ. Именно, онъ увеличиваетъ національный запасъ, который за покрытіемъ нуждъ своего народа, предназначается къ вывозу. Хлѣбныя цѣны—международныя цѣны независимо отъ того, съѣдается-ли хлѣбъ въ Россіи или заграницей.

самыя доли и, слѣдовательно, совершенно уничтожаютъ существующія права землевладѣнія; такъ, напр., вслѣдствіе прироста населенія общинная земля распадается на большее, чѣмъ прежде, число участковъ. Обычай такихъ передѣловъ слѣдуетъ разсматривать, какъ послѣдствіе прикрѣпленія къ землѣ: гдѣ существуетъ неволя, тамъ нерѣдко развитіе индивидуализма замедляется на столѣтія. Напротивъ, на почвѣ свободнаго семейнаго союза изъ идеальныхъ долей, которыми владѣютъ отдѣльные дворы, относительно легко создается путемъ реальнаго дѣленія земли европейская частная собственность. Причины такого раздѣла могутъ заключаться, напр., въ томъ, что вслѣдствіе дробленія идеальныхъ долей черезполосица становится невыносимой, или что увеличенная интенсивность труда дѣлаетъ для земледѣльца желательнымъ сохраненіе за собой поля, обрабатывавшагося имъ втеченіе продолжительнаго времени [1]).

Развитію землевладѣнія въ этомъ направленіи способствовало слѣдующее обстоятельство. Въ Малороссіи съ середины XVI вѣка имѣли дѣло съ казной не общины, а лично отдѣльные плательщики податей. Этимъ устранялось препятствіе, мѣшавшее возникновенію частной собственности на землю въ Великороссіи.

Дѣйствительно, уже прошлое столѣтіе было для Малороссіи временемъ распаденія общины, при чемъ остатки стараго права сохранялись исключительно въ общинномъ правѣ продажи. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ Малороссія въ противоположность Великороссіи является страной дѣйствительной частной собственности. Посредствомъ выдѣленія въ одинъ отрубной участокъ всѣхъ частныхъ владѣній, превышавшихъ 50 десятинъ, значительная часть земли была освобождена отъ черезполосицы и принудительнаго сѣвооборота (законъ о размежеваніи земель въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской) [2]).

Теперь у казаковъ посѣщенной мною мѣстности существуютъ лишь незначительные слѣды такихъ старинныхъ семейныхъ союзовъ. Гоголь повѣствуетъ о такихъ старинныхъ казацкихъ семьяхъ, въ которыхъ господство отца надъ сыномъ прекращалось, когда послѣдній доказывалъ отцу свое физическое превосходство, т. е. когда онъ могъ его побить (разумѣется,

---

[1]) Этотъ выводъ основывается на изслѣдованіяхъ кіевскаго профессора *И. В. Лучицкаго*: Матеріалы по исторіи землевладѣнія въ Полтавской губерніи въ XVIII столѣтіи. Отдѣлъ I: Казачьи владѣнія. Кіевъ, 1883 г.—*Его-же.* Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII в. Кіевъ, 1884 г.—*Его-же.* Zur Geschichte des Grundeigentums in Kleinrussland. Schmollers Jahrbuch, Bd, XX, 1896.

[2]) „Энциклопедическій Словарь“. Брокгауза и Ефрона, XXIV, стр. 213.

весьма древняя черта быта). И теперь еще я слышалъ о случаяхъ, когда жили вмѣстѣ подъ одной кровлей не только отецъ съ женатымъ сыномъ, но и братья со своими семьями.

Далѣе, на существовавшую нѣкогда домашнюю общину несомнѣнно указываютъ нѣкоторыя постановленія обычнаго права казаковъ: сынъ, ушедшій противъ воли отца изъ его дома, напримѣръ, переселившійся, теряетъ право на отцовское наслѣдство. Дочери не наслѣдуютъ земли; сыну, работавшему до смерти отца въ отцовскомъ домѣ, отдается предпочтеніе при дѣлежѣ наслѣдства; мужчина, не состоящій въ кровномъ родствѣ, но принятый въ домъ на равныхъ съ другими правахъ, работавшій въ немъ и плативній подати, считается при дѣлежѣ наслѣдства полноправнымъ членомъ семьи.

Но все это, однако, лишь слабыя остатки старины. Въ дѣйствительности, теперь у казаковъ рѣшительно преобладаетъ *малая семья*; она, подобно семьѣ, существующей въ Западной Европѣ и въ высшихъ слояхъ русскаго общества, представляетъ изъ себя не столько хозяйственную, сколько физіологическую и нравственную единицу. Казацкая поговорка мѣтко называетъ ее „союзомъ крови, но не труда“. Такой взглядъ на семью настолько преобладаетъ, что отцы, женя своихъ сыновей, стараются, по мѣрѣ возможности, снабдить ихъ домомъ и участкомъ земли. Если семья слишкомъ бѣдна для раздѣла, бываютъ случаи, когда братья по необходимости живутъ въ одномъ домѣ и даже въ одной комнатѣ, и однако ведутъ каждый свое хозяйство. Отсюда вытекаетъ существующій у казаковъ обычай селиться небольшими, неправильно расположенными хуторами, представляющими изъ себя ни что иное, какъ распавшіяся домашнія общины.

Распаденіе домашней общины и возникновеніе малой семьи и здѣсь, какъ всюду, прежде всего—дѣло рукъ *женщины*. Это распаденіе служитъ первымъ шагомъ вообще къ освобожденію женщины. Молодая жена всѣми силами стремится уйти изъ дома тестя и жаждетъ своего собственнаго очага. Въ большой семьѣ—она не больше, чѣмъ рабочая сила; въ малой семьѣ она—госпожа своихъ силъ, которыя она, особенно имѣя маленькихъ дѣтей, можетъ быть, должна больше напрягать, но за то примѣненіемъ которыхъ она свободнѣе распоряжается. Здѣсь впервые пробуждается въ ней то желаніе украсить жизнь, та настоящая женская заботливость, которыя составляютъ существенный элементъ культурнаго и хозяйственнаго развитія. Мужъ впервые научается цѣнить ее съ этой стороны, чтобы постепенно возвысить ее до положенія своей подруги.

У великороссовъ, у которыхъ старыя общинныя формы сохранялись болѣе продолжительное время благодаря неволѣ, положеніе женщины хуже,

чѣмъ въ Малороссіи. Самая мягкая изъ извѣстныхъ мнѣ великорусскихъ пословицъ о женщинѣ совѣтуетъ мужу: „люби жену, какъ душу, тряси ее, какъ грушу“, „у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ“, говоритъ другая великорусская пословица, тогда какъ малороссъ предоставляетъ своей женѣ распоряжаться въ домашнемъ хозяйствѣ по ея усмотрѣнію. Что женщина платитъ своему мужу за лучшее обращеніе съ нею большей опрятностью, знаетъ всякій, кто имѣлъ случай сравнить внутренность малорусской и великорусской крестьянской избы. Жизнь у малороссовъ веселѣе, чѣмъ у великороссовъ; въ праздники казацкія и крестьянскія дѣвушки украшаютъ свои волосы цвѣтами. Въ длинные зимніе вечера онѣ, по старому обычаю, занимаются вышиваніемъ „рушниковъ“, которые дѣвушка отсылаетъ впослѣдствіи своему жениху въ знакъ согласія выйти за него замужъ, женихъ украшаетъ себя ими на свадьбѣ и сохраняетъ ихъ до старости. На Кобелякскомъ и другихъ базарахъ Малороссіи я встрѣчалъ не только мужчинъ, но и женщинъ, однѣ изъ нихъ продаютъ хлѣбъ, другія — садовые плоды и продукты домашняго хозяйства, что также служитъ указаніемъ на большую самостоятельность женщины, рѣдкую въ Великороссіи.

Нельзя отрицать, что индивидуализмъ, какъ онъ проявляется въ Малороссіи, заключаетъ въ себѣ хозяйственную опасность. Онъ ведетъ къ распаденію большихъ дворовъ, къ дѣлежу наслѣдства на равныя части.

Такъ какъ здѣсь нѣтъ ипотеки, служащей въ Германіи для удовлетворенія членовъ семейства, отказывающихся отъ своихъ правъ на землю, то дѣлежъ наслѣдства сопряженъ съ фактическимъ *раздѣленіемъ земли*, а вмѣстѣ тѣмъ и съ опасностью невыгоднаго въ хозяйственномъ отношеніи дробленія ея. Слышатся жалобы, что на мѣсто прежнихъ зажиточныхъ дворовъ, дававшихъ обильное пропитаніе своимъ членамъ, возникаютъ хозяйства, которыя ведутъ сомнительное существованіе.

Въ дѣйствительности, мы видимъ, что вслѣдствіе этой причины общины, власти и законы борятся съ семейными раздѣлами, но, конечно, съ ничтожными результатами. Разъ въ большой семьѣ поселилась вражда и глава дѣйствительно потерялъ свой авторитетъ — чему не могутъ помѣшать никакіе законы, — то на такой семьѣ несомнѣнно лежитъ печать хозяйственнаго упадка; въ такомъ случаѣ всегда бываетъ лучше, если несогласные между собою члены семейства раздѣлятся. Тогда болѣе трудолюбивымъ изъ нихъ предоставляется по крайней мѣрѣ возможность успѣха на почвѣ малой семьи.

Среди кобелякскихъ казаковъ не встрѣчается больше и признаковъ сопротивленія общины семейнымъ раздѣламъ; малая семья совершенно вошла

въ сознаніе населенія. Но, къ удивленію, вліяніе господствующаго въ Кобелякскомъ уѣздѣ дѣлежа наслѣдства совсѣмъ не такъ неблагопріятно, какъ этого опасаются писатели, занимающіеся аграрнымъ вопросомъ.

Правда, приходится допустить, что частые семейные раздѣлы и дѣлежи наслѣдства несомнѣнно содѣйствовали образованію того обширнаго низшаго слоя, съ которымъ мы познакомились, такъ называемыхъ „маломощныхъ дворовъ“; раздѣлы, безспорно, совершенно уничтожили хозяйственную самостоятельность нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ дворовъ. Но въ то-же время существующее право частной собственности даетъ обѣднѣвшему возможность полнаго освобожденія отъ земли, которая при господствѣ общиннаго владѣнія нерѣдко сковываетъ его по рукамъ и по ногамъ.

Съ другой стороны, также несомнѣнно, что въ описываемомъ уѣздѣ система семейныхъ раздѣловъ и дѣлежа наслѣдства по крайней мѣрѣ нисколько не препятствуетъ возникновенію болѣе сильныхъ хозяйствъ. Напротивъ, судя по земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, приходится признать, что за послѣднія десятилѣтія число и значеніе болѣе крупныхъ хозяйствъ у казаковъ уѣзда скорѣе увеличилось. Только среднія хозяйства сократились благодаря развитію обѣихъ крайнихъ группъ; болѣе богатые казаки преуспѣвали на счетъ среднихъ.

О причинахъ этого замѣчательнаго явленія наблюдаемаго въ Кобелякскомъ уѣздѣ я могу на основаніи своихъ путевыхъ впечатлѣній высказать лишь предположенія, не исчерпывая, однако, вопроса. Обладающій, какъ производитель рыночнаго товара—пшеницы, наличными деньгами, казакъ вновь создаетъ путемъ аренды и покупки помѣщичьей земли болѣе крупное хозяйство, распадающееся вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ.

Къ тому-же земля для расширенія его хозяйства всегда имѣется въ избыткѣ, такъ какъ казакъ поѣдаетъ своего сосѣда, хозяйство котораго менѣе носитъ денежной характеръ. Дворянина - помѣщика онъ побѣждаетъ тѣмъ, что не знаетъ расходовъ на поддержаніе существованія соотвѣтствующаго званію послѣдняго; „онъ живетъ по спартански“, сказалъ мнѣ одинъ знатокъ существующихъ въ уѣздѣ отношеній. Хотя онъ не читаетъ французскихъ романовъ и воспитанъ не нѣмками — гувернантками, но, въ сущности, по сравненію съ изнѣженнымъ мелкопомѣстнымъ дворяниномъ, существованіе котораго зависитъ отъ правительства, онъ обнаруживаетъ гораздо больше способности къ хозяйственной самостоятельности, которую Левъ Толстой осуждаетъ и въ западномъ европейцѣ, какъ „жесткость“.

Но болѣе сильныя казацкія хозяйства могутъ дѣлать крупныя завоеванія и на почвѣ крестьянской земли; возможность переселеній, постоянно

освобождающая мѣстность отъ болѣе слабыхъ и болѣе бѣдныхъ элементовъ, имѣетъ здѣсь то-же самое значеніе, какое въ Западной Европѣ имѣетъ уходъ въ города. Массовый отливъ низшихъ слоевъ на новыя земли Востока несомнѣнно облегчаетъ присоединеніе оставленныхъ ими участковъ къ болѣе сильнымъ хозяйствамъ [1]). Частые переходы земельныхъ участковъ являются предварительнымъ условіемъ этой системы; дѣйствительно, я нерѣдко слышалъ жалобы на черезполосицу земельныхъ участковъ, которая, не смотря на состоявшееся размежеваніе и соединеніе полосъ, снова наступила черезъ 10—15 лѣтъ.

Наряду съ упадкомъ старой семейной организаціи упраздняется широкое право *общины* надъ отдѣльными членами ея—право, доходящее въ Великороссіи до самовластія общины и безправія индивидуума.

Правда, нѣкоторые помнятъ еще о прежнемъ значеніи общины даже при индивидуалистическомъ духѣ казацкой страны. Тамъ и сямъ попадается еще совмѣстная обработка общинныхъ земель, по крайней мѣрѣ, совмѣстная косьба травы на лугахъ, совершаемая всѣми членами общины, и дѣлежъ сѣна соотвѣтственно долѣ каждаго двора въ общинномъ угодьѣ. Совмѣстная обработка пашни, повидимому, производится лишь для пополненія хлѣбо-запасныхъ магазиновъ, которые, по закону, обязательны для каждой общины. Обыкновенно общинныя земли сдаются въ аренду, и повсюду существуетъ склонность къ окончательному раздѣленію остатковъ общинной земли.

Тамъ и сямъ признается еще право каждаго члена общины занять усадебное мѣсто для дома и сада и, при томъ безъ уплаты за это въ общественную кассу—остатокъ стариннаго владѣнія землею по праву захвата. Теперь въ большинствѣ общинъ общинная земля отдается лишь за плату, въ другихъ же общинахъ она вообще больше не отдается для новаго поселенія.

Дольше всего сохранились здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, права общины, касающіяся пастбища. По сообщенію знатока мѣстныхъ условій, г. Василенко, согласующимся въ общемъ съ изслѣдованіями профессора Лучицкаго, раньше преобладала страшная черезполосица какъ слѣдствіе дробленія приходящихся на каждый дворъ идеальныхъ долей общественнаго поля. Соотвѣтственно этому существовалъ строго принудительный сѣвооборотъ,

---

[1]) Я припоминаю слѣдующія слова одного зажиточнаго крестьянина, цитированныя *Симковичемъ* изъ сочиненія *Н. Н. Златовратскаго*, „Деревенскія будни“ С.-Пб., 1880 г. стр. 203. „Ну, у насъ чернота не держится... У насъ ей воздуху нѣтъ... Кабы не *они*, такъ развѣ намъ бы можно жить?.. Кабы не этотъ *„воздушный народъ“*, такъ намъ бы весьма утѣснительно было... А вотъ теперь, какъ поспустишь отъ міра этого воздушнаго-то народу достаточно, оно тебѣ и свободно...“

которымъ община пользовалась для того, чтобы періодически освобождать часть полей отъ запашки и оставлять ихъ подъ выгонъ. На этомъ пастбищѣ каждый имѣлъ право пасти столько скота, сколько его у него было.

За выгономъ простирались общинныя „степи“, на которыхъ въ старинное время каждый могъ пахать по своему желанію. Воздѣланныя здѣсь нивы были свободны отъ принудительнаго сѣвооборота. Такимъ образомъ, вѣроятно, возникли многіе отдѣльные дворы, изъ нихъ путемъ дѣленія, въ свою очередь, образовались, можетъ быть хутора, а можетъ быть и деревни; какъ напр., въ Россіи не рѣдкость встрѣтить дочернія общины, связанныя еще съ материнскими общинами общимъ владѣніемъ землей. По мѣрѣ того, какъ степи понемногу обращались въ собственность и запахивались, происходило прогрессирующее сокращеніе постоянныхъ выгоновъ.

Развитіе этой системы было прервано размежеваніемъ земель и соединеніемъ въ отрубные участки черезполосныхъ владѣній. Обѣ эти мѣры при ничтожной стоимости существующихъ построекъ одинаково содѣйствовали разселенію. Послѣдствіемъ было уничтоженіе принудительнаго сѣвооборота для болѣе крупныхъ хозяйствъ и сокращеніе общиннаго выгона. Ясно, что болѣе мелкіе хозяева страдали отъ такого сокращенія пастбища и были вынуждены уменьшить количества содержимаго скота — шагъ къ ихъ пролетаризаціи.

Но за то съ уничтоженіемъ стараго земельнаго устройства хозяйства болѣе богатыхъ казаковъ могли принять характеръ подобный характеру хозяйствъ нѣмцевъ-колонистовъ, съ которымъ мы выше познакомились: крайнее использованіе почвенныхъ силъ для возможно большаго производства хлѣба на рынокъ. Во время моего путешествія по Полтавской губерніи я не разъ имѣлъ случай самъ убѣдиться въ этомъ. Казакъ культивируетъ главнымъ образомъ пшеницу и ячмень, какъ продукты, предназначенные для продажи, тогда какъ самъ ѣстъ ржаной хлѣбъ. Больше половины общей посѣвной площади Кобелякскаго уѣзда занято исключительно культурой пшеницы, которая свозится по Харьково-Николаевской дорогѣ къ черноморскимъ портамъ.

Это производство для рынка ведетъ къ безразсудному расширенію посѣвной площади, сопровождающемуся истощеніемъ почвенныхъ силъ. Вмѣстѣ съ трехпольной системой казакъ бросилъ періодическій паръ; онъ обрабатываетъ землю непрерывно. Единственнымъ средствомъ для возстановленія силъ почвы и очищенія ея отъ сорныхъ травъ является гречиха, которая сѣется передъ озимыми хлѣбами. Опредѣленнаго плодосмѣна не существуетъ.

Дѣйствительно, отъ чернозема часто требуютъ невѣроятнаго. Нерѣдко вслѣдъ за яровой пшеницей сѣютъ озимую рожь, причемъ посѣвъ часто производится еще въ октябрѣ. Если для обработки остается недостаточно времени, то рожь сѣется по жнивью безъ предварительной запашки, и зерно лишь поверхностно покрывается землей при помощи желѣзной бороны (посѣвъ „наволокомъ“. *Ред.*). Большая часть вводимыхъ здѣсь машинъ имѣетъ цѣлью, какъ и у нѣмцевъ-колонистовъ, лишь сбереженіе рабочихъ силъ, а не болѣе интенсивную обработку почвы. Повсемѣстно у зажиточныхъ казаковъ попадаются молотилки, сортировочныя машины и жатки. Появляется буккеръ, этотъ многолемешный плугъ, который въ состояніи вспахать гораздо большую площадь, чѣмъ бывшій прежде въ употребленіи украинскій плугъ, но и требуетъ нѣсколько паръ рабочихъ воловъ. Насколько изображенный способъ обработки земли несовершененъ въ техническомъ отношеніи, настолько-же прекрасные доходы приносилъ онъ по временамъ—доказательство того, что болѣе совершенное въ техническомъ отношеніи не всегда предпочтительнѣе въ хозяйственномъ отношеніи.

Однако и здѣсь обнаруживается то, что обнаружилось въ прочихъ мѣстахъ: даже прекраснѣйшій черноземъ не неистощимъ; особеннымъ доказательствомъ этому служитъ невозможность культивировать озимую пшеницу на поляхъ, которыя втеченіе продолжительнаго времени отводились подъ посѣвъ хлѣбовъ, не подвергаясь удобренію. И здѣсь опять-таки энергичное казацкое населеніе идетъ впереди, придавая южно-русскому сельскому хозяйству болѣе цивилизованный характеръ.

Большее распространеніе удобренія, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ южно-русской черноземной полосы, мы находимъ уже теперь у малорусскихъ казаковъ—конечно, только у болѣе богатыхъ изъ нихъ—тогда какъ болѣе бѣдное крестьянское населеніе продолжаетъ хищническую обработку до предѣловъ возможности. Особенно важно еще слѣдующее различіе въ хозяйствѣ этихъ двухъ группъ населенія: богатые казаки теперь часто покупаютъ глубоко-работающіе нѣмецкіе желѣзные плуги, важный шагъ впередъ въ смыслѣ интенсивности обработки; напротивъ, пролетаризованные крестьяне бросаютъ даже малорусскій деревянный плугъ, требующій пары воловъ, чтобы перейти къ великорусской сохѣ.

Особенно тщательно обрабатываетъ казакъ усадебную землю, прилегающую къ дому. И въ этомъ отношеніи бросается въ глаза различіе между казацкими и крестьянскими жилищами. Крестьянскія хаты однообразно тянутся вдоль длинныхъ деревенскихъ улицъ, монотонность которыхъ не нарушается ни красками цвѣтовъ, ни зеленью деревьевъ. Въ разныхъ мѣ-

стахъ Россіи я имѣлъ случай наблюдать безплодныя попытки полиціи принудить населеніе деревень насаждать деревья. Чтобы внѣшнимъ образомъ исполнить предписаніе полиціи, крестьянинъ втыкаетъ въ землю передъ своей избой пару срѣзанныхъ вѣтокъ, которыя засыхаютъ, лишь только полицейскій перестаетъ останавливать на нихъ свое вниманіе. Можетъ быть, это послѣдствіе неволи, такъ какъ крѣпостной пренебрегалъ своимъ собственнымъ домомъ, какъ чужою собственностью.

Чего не могла сдѣлать полиція, то у казаковъ достигается давно укоренившейся привычкой къ частной собственности и присущей имъ любовью къ родинѣ. Казацкіе хутора всегда окружены тѣнистыми деревьями и фруктовыми садами. Въ Кобелякскомъ уѣздѣ можно встрѣтить такой уходъ за этими садами, который уже теперь создалъ садоводству хозяйственное значеніе, могущее въ будущемъ лишь возрости. Такъ, изъ этой мѣстности существуетъ значительный вывозъ плодовъ въ сосѣдніе города: Кіевъ, Екатеринославъ и Полтаву; кромѣ того, огородные продукты, особенно—арбузы, вывозятся въ отдаленныя мѣстности и въ значительномъ количествѣ по Днѣпру.

Въ противоположность малой подвижности великорусскихъ аграрныхъ отношеній, мы наблюдаемъ въ казацкомъ хозяйствѣ самое быстрое развитіе. Это относится къ нему въ такой же степени, какъ и ко всякому хозяйству, которое находится подъ вліяніемъ современнаго техническаго переворота. Дѣйствительно, предварительнымъ условіемъ для изображеннаго положенія вещей было примѣненіе техники къ области средствъ сообщенія и наступившее вмѣстѣ съ тѣмъ, по истинѣ, изумительное удешевленіе морского фрахта. Мимо сверкающаго купола Софійскаго собора, мимо высокихъ Гибралтарскихъ скалъ, можетъ быть, и мимо легендарныхъ рейнскихъ замковъ сила пара можетъ доставить казацкую пшеницу въ западно-германскій торговый городъ. Перевезти въ Маннгеймъ одно и то же количество пшеницы на пароходѣ изъ Одессы, стоитъ не дороже, чѣмъ по желѣзной дорогѣ изъ находящейся по сосѣдству Баваріи. А тамъ ждутъ русскаго хлѣба фабричный рабочій и мелкій крестьянинъ Рейнской долины, и тотъ и другой—дѣтища современнаго развитія денежнаго хозяйства. Съ благополучіемъ этого населенія самымъ тѣснымъ образомъ связано процвѣтаніе далекихъ казаковъ.

Но какъ настоящее, такъ и будущее малорусскихъ казаковъ зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ противоположность крестьянамъ средняго типа, ведущимъ натуральное хозяйство, а также въ противоположность тѣмъ крестьянамъ, существованіе которыхъ еще поддерживается на гнилой почвѣ кустарной промышленности, для казаковъ, какъ для товаропроизводителей, ведущихъ денежное хозяйство, рѣшающее значеніе имѣютъ хлѣб-

ныя цѣны. Поэтому они заинтересованы въ торговой политикѣ русскаго правительства и сосѣднихъ державъ, не менѣе также заинтересованы во внутренней русской желѣзнодорожной политикѣ, которая рѣшаетъ, въ какой степени новыя земли Дальняго Востока будутъ допущены къ конкурренціи съ болѣе старымъ Западомъ, далѣе заинтересованы въ сибирской переселенческой политикѣ и т. д. Всѣ эти обстоятельства, а также многія другія рѣшатъ, удержатся ли хлѣбныя цѣны на такой средней высотѣ, которая сдѣлаетъ возможнымъ для казаковъ переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству, или же цвѣтущіе казацкіе дворы придутъ въ упадокъ, какъ пришли въ упадокъ многочисленныя фермы Новой Англіи вслѣдствіе развитія сельскаго хозяйства на Дальнемъ Западѣ.

Но въ послѣднемъ счетѣ будущее казацкаго хозяйства можетъ быть связано съ будущими сосѣдняго Донецко-Днѣпровскаго горнаго округа. Новыя доменныя и бессемеровскія печи создаютъ для казаковъ возможность вывозить на сосѣдніе рынки, кромѣ хлѣба, другіе и болѣе цѣнные продукты земледѣлія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Реформа денежнаго обращенія.

I. Задачи реформы.

A. Задача валютной политики.

Мы познакомились съ противорѣчіями, благодаря которымъ потерпѣла крушеніе программа панславистовъ. Мы видѣли, далѣе, что и экономическое отреченіе отъ Европы, нашедшее свое выраженіе въ запретительныхъ пошлинахъ 80-хъ годахъ, противорѣчило лучше понятымъ интересамъ промышленнаго развитія самой Россіи. Дѣйствительно наступилъ поворотъ: политическая перемѣна фронта съ запада на востокъ и въ тоже время экономическое сближеніе съ Европой, выразившееся въ русско-французскомъ торговомъ договорѣ (іюнь 1893 г.) и русско-германскомъ, а также русско-австрійскомъ торговыхъ договорахъ (мартъ и іюль 1894 г.).

Въ борьбѣ съ ограниченностью и страстями дальновиднымъ государственнымъ людямъ пришелъ на помощь суровый и неумолимый учитель: давленіе со стороны финансовъ. Именно, къ концу 80-хъ г.г. на первый планъ выступила задача валютной политики; финансовыя условія, необходимыя для выполненія ея, повелительно требовали указаннаго выше двойного поворота. Финансы ставятъ предѣлъ осуществленію безграничныхъ желаній какъ частнаго лица, такъ и государства; это цѣпи, которыми дѣйствія государственнаго человѣка приковываются къ колесницѣ экономической необходимости.

Слова поэта: „Von der Parteien Gunst und Hass entstellt“ [1]) долгое время ни къ одному вопросу въ Россійской Имперіи не были приложимы въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ вопросу о ея финансахъ. Теперь, когда великая

[1]) „Искаженъ партійными пристрастіями и ненавистью“.

цѣль, подробности которой долгое время скрывались, достигнута, намъ видно это яснѣе.

Со времени Крымской войны въ Россіи царилъ неразмѣнный бумажный рубль, подвергшійся послѣ послѣдней Восточной войны сильному обезцѣненію. Хотя такое положеніе, согласно извѣстной доктринѣ, должно представлять большія выгоды, но Россія, какъ и всякое другое государство, извѣдавшее на собственномъ тѣлѣ „благословеніе бумажнаго обращенія“, не знала болѣе важной цѣли, какъ *возвращеніе ея денежнаго обращенія къ металлической основѣ*. Въ этомъ отношеніи оказала несомнѣнное просвѣтительное дѣйствіе книга А. Вагнера, который въ 60-хъ г.г. подвергнулъ подробному обсужденію бумажно-денежное обращеніе въ Россіи, его вліяніе на народное хозяйство и возможность его устраненія [1]). Несмотря на это, въ обществѣ вплоть до нашихъ дней преобладали извращенные взгляды. Денежную реформу правительство провело *вопреки* общественному мнѣнію [2]), *вопреки* — за немногими исключеніями — мнѣнію прессы, *вопреки* упорному сопротивленію публики. Но для правительства на первомъ планѣ стояли не общія соображенія о вредѣ бумажныхъ денегъ для народнаго хозяйства, а интересы государственнаго могущества.

Всякое копѣечное пониженіе курса бумажныхъ денегъ означало для Россіи, одного изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ должниковъ золота, милліонныя надбавки къ уплачиваемымъ процентамъ, и ставило въ опасность равновѣсіе бюджета. Одна возможность такихъ колебаній затрудняла всякія планомѣрныя предположенія въ области государственнаго хозяйства.

При политическихъ осложненіяхъ, съ которыми такому государству, какъ Россія, ежедневно приходится считаться, бумажная валюта является сильно ослабляющимъ моментомъ. Государству, которое вступаетъ въ войну, имѣя обезцѣненную бумажную валюту, приходится опасаться, чтобы не оказалось недѣйствительнымъ крайнее финансовое средство, выпускъ кредитныхъ билетовъ, такъ какъ убытки отъ пониженія курса могутъ превысить выручку отъ новыхъ выпусковъ. Напротивъ, металлическая валюта и при омраченіи политическаго горизонта представляетъ кредиторамъ государства гарантію уплаты какъ старыхъ, такъ и новыхъ долговъ; она облегчаетъ заключеніе фундированныхъ займовъ. Наконецъ, металлическое средство обращенія въ случаѣ крайней нужды можетъ быть вывезено, съ выпускомъ

---

[1]) *A. Wagner.* Die russische Papierwährung. Riga, 1868.

[2]) См., напримѣръ, доклады о реформѣ денежнаго обращенія въ „Вольномъ Экономическомъ Обществѣ“.

бумажныхъ денегъ; оно даетъ поэтому прочную финансовую опору въ случайностяхъ войны [1]).

Отъ бумажной валюты отказались, чтобы при случаѣ можно было снова выпустить бумажныя деньги; это можетъ показаться парадоксальнымъ, но для Россіи такой мотивъ игралъ не послѣднюю роль. Съ этой точки зрѣнія денежная реформа есть своего рода „перевооруженіе“, подобно тому какъ выпускъ бумажныхъ денегъ есть устраненіе на будущее время будущихъ фундированныхъ займовъ, которые во время войны трудно помѣстить заграницей [2]). Какъ бы ни была миролюбива теперешняя политика Имперіи, одна возможность прибѣгнуть къ 1,500 милліон. металлическаго запаса создаетъ значительное внѣшнее могущество. Реформа денежнаго обращенія представляетъ финансовую сторону русской міровой политики.

Господствующее значеніе, которое имѣла реформа валюты какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ Имперіи, усиливалось тѣмъ, что среди русскихъ государственныхъ людей двухъ послѣднихъ десятилѣтій особенно выдавались личности многихъ министровъ финансовъ. Къ сомнительному Грейгу это не относится; но Абазѣ лишь неблагопріятныя обстоятельства помѣшали доказать на дѣлѣ хорошія способности.

По основательному знанію дѣла, исполненному высокой научности, выше всѣхъ стоялъ преемникъ Абазы Николай Христіановичъ *Бунге*, бывшій профессоръ финансоваго права въ Кіевскомъ университетѣ (былъ министромъ финансовъ съ мая 1881 г. до 1 января 1887 г.) [3]). Отказываясь отъ минутныхъ успѣховъ, Бунге начерталъ программу денежной реформы на основѣ постепеннаго оздоровленія финансовъ. По трудности задачи, проведеніе этой программы должно было занять гораздо больше времени, чѣмъ срокъ дѣятельности одного министерства.

Смѣнившему Бунге Ивану Алексѣевичу *Вышнеградскому* благопріятствовали французская дружба и обильные урожаи. Напротивъ преемникъ

---

[1]) *Л. фонъ Штейнъ* ошибочно назвалъ возможность выпуска въ случаѣ войны государственныхъ кредитныхъ билетовъ „военнымъ фондомъ“; при этомъ уничтожалось съ трудомъ установленное въ теоріи различіе между банкнотами и бумажными деньгами. Этотъ терминъ примѣнимъ собственно лишь къ наличности центральнаго банка, выпускающаго банкноты, которую государство занимаетъ для военныхъ цѣлей.

[2]) *И. Кауфманъ*. Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе. С.-Пб., 1888 г., стр. 358 и слѣд.

[3]) Финансово-политическія сочиненія *Бунге*, о которомъ мы не нашли статьи въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, указаны у *Skalkowsk'ago*, Les Ministres des finances de la Russie, p. 231. По Скальковскому, Бунге же перевелъ „Russische Papierwährung“ А. Вагнера.

Вышнеградскаго Сергѣй *Витте* занялъ свой постъ въ тяжелую годину голода и, несмотря на появлявшіяся по временамъ на финансовомъ горизонтѣ тучи, съ удивительнымъ искусствомъ привелъ къ окончанію надолго затянувшуюся реформаторскую работу [1]).

Для достиженія поставленной цѣли — возстановленіе металлическаго обращенія—представлялось три пути.

1. Существующимъ узаконеніямъ отвѣчало возвращеніе къ серебряной валютѣ [2])—важное положеніе, принимая во вниманіе тѣ упреки въ девальваціи, которые дѣлались денежной реформѣ больше въ самой Россіи, чѣмъ заграницей.

Основу русскаго монетнаго устава вплоть до настоящаго времени составлялъ указъ 20 іюня 1810 г., принявшій за денежную единицу *серебряный рубль*, въ которомъ содержаніе серебра оставалось неизмѣннымъ въ продолженіе столѣтія [3]). Названный указъ предписывалъ въ то же время, чтобы всѣ денежныя сдѣлки заключались *только* въ серебряныхъ рубляхъ.

Фактически тогда обращались сильно обезцѣненныя ассигнаціи, не обладавшія къ тому же принудительнымъ курсомъ, который онѣ получили только по указу 9 апрѣля 1812 г. Справедливо замѣчаетъ *А. Миклашевскій* [4]), что девальваціи наступила тогда, а не съ 1839 г. Правительство принимало въ платежи свои ассигнаціи только по сильно пониженному курсу, т. е. отказывалось отъ своихъ собственныхъ долговыхъ обязательствъ.

Въ такомъ положеніи засталъ дѣло *Канкринъ*, извѣстный министръ финансовъ Николая I. Если до сихъ поръ правительство опредѣляло время отъ времени курсъ, по которому принимало въ уплату свои ассигнаціи, то Канкринъ прочно установилъ его, принявъ серебряный рубль равнымъ 3,50 руб. на ассигнаціи (манифестъ 1 іюля 1839 г.).

Въ то же время Канкринъ сдѣлалъ важный шагъ впередъ. Графъ Гурьевъ, въ которомъ онъ долженъ былъ бы видѣть цѣннаго предшественника, а не врага [5]), съ помощью фундированныхъ займовъ сильно уменьшилъ количе-

[1]) Русскихъ министровъ финансовъ за періодъ съ 1802 по 1890 г. обрисовываетъ нѣсколько анекдотически—*Skalkowski*, въ цитированной книгѣ. О Бунге достойныя вниманія данныя даетъ *Raffalovich*, Marché financier 1895—96, p. 292 и слѣд.

[2]) Представителемъ этого взгляда является, между прочимъ, *E. Lorini*, La Réforme monétaire de la Russie. Paris, 1898, p. 32, а также *Lexis*, Handwört. d. staatswiss., zweiter Suplementband, Artikel Papiergeld.

[3]) *H. Mayer*. Münzwesen und Edelmetallproduction Russlands. Leipzig, 1893, S. 15.

[4]) *А. Миклашевскій*. Деньги. 2 изданіе. Москва, 1895 г., стр. 580—588.

[5]) Такъ судитъ *Бунге*. *Zielinski*. Der Rubel jetzt und vor 100 Jahren. Conrads Jahrbücher. III Folge, 16 Bd., Heft 4, S. 447.

ство обращавшихся ассигнацій; черезъ это и въ силу возраставшей потребности въ платежномъ средствѣ снова поступило въ обращеніе, на основѣ хожденія съ обязательнымъ курсомъ, извѣстное количество металлическихъ денегъ. Эти обстоятельства позволили Канкрину приступить, несмотря на совершенно недостаточную наличность металла къ металлическому фундированію бумажныхъ денегъ. Его мѣропріятія, относящіяся сюда, распадаются на двѣ части—замѣну ассигнацій вновь выпущенными „кредитными билетами“ и установленіе размѣна этихъ кредитныхъ билетовъ на серебро.

Въ періодъ 1843—56 г.г. *серебряный рубль* былъ не только юридически, но и фактически денежной единицей въ полномъ смыслѣ слова [1]); всѣ контракты должны были писаться на серебро; кредиторъ всегда могъ требовать серебро, должникъ могъ всегда расплачиваться серебромъ. Юридически такое положеніе сохранялось до нашихъ дней. Законъ 1886 г. ничего не измѣнилъ въ немъ.

Выпущенные Канкринымъ *кредитные билеты*, несмотря на принудительный курсъ, которымъ они обладали съ самаго начала, были юридически и фактически представителями серебрянаго рубля. Они оцѣнивались на серебро. Если государство оставляло за собою право размѣнивать ихъ и на золото, то этимъ оно лишь хотѣло, какъ замѣчаетъ Лексисъ, „облегчить себѣ выполненіе своего обязательства относительно размѣна, безъ сомнѣнія, имѣя въ виду все возраставшую съ конца 30-хъ г.г. добычу золота въ Сибири“ [2]). Но владѣлецъ кредитнаго билета, подобно всякому другому кредитору, *вправѣ* былъ требовать уплаты только серебромъ.

Фактически размѣнъ кредитныхъ билетовъ просуществовалъ до 1856 г., несмотря на недостаточную наличность металла—по закону она должна была покрывать лишь одну шестую часть выпущенныхъ билетовъ. Во время Крымской войны размѣнъ былъ прекращенъ и съ тѣхъ поръ не возстановлялся, хотя спеціальнаго узаконенія на этотъ счетъ опубликовано не было.

Вмѣстѣ съ этимъ кредитные билеты стали суррогатомъ денегъ не только какъ платежнаго средства, какимъ были и раньше, но и какъ мѣрила цѣнности, конечно, не неизмѣннаго мѣрила, какъ металлическія деньги, а такого, которое само измѣняется въ зависимости отъ всѣхъ условій, опредѣляющихъ лажъ бумажныхъ денегъ. Пока сохранилась въ памяти ихъ

---

[1]) Важнѣйшія постановленія манифеста 1 іюля 1839 г. приведены у *Lexis*'а, S. 643 и у *А. Миклашевскаго*, цит. соч.

[2]) *Lexis*, S. 644. Поэтому я отбросилъ бы слово „биметаллизмъ“, которое Zielinski, 5 Heft., S. 624, употребляетъ по отношенію къ старой русской валютѣ.

серебряная основа, цѣнность ихъ оставалась въ извѣстномъ соотношеніи съ цѣнностью серебрянаго рубля; позднѣе это соотвѣтствіе фактически совершенно исчезло.

Что касается *золотого рубля*, то онъ не удовлетворялъ первому требованію, предъявляемому къ монетной единицѣ—служить законнымъ платежнымъ средствомъ въ неограниченномъ размѣрѣ. Чеканкой государство лишь удостовѣряло содержаніе въ немъ опредѣленнаго вѣса драгоцѣннаго металла. Первоначально онъ былъ чисто торговой монетой; номинальная цѣнность означала въ этомъ случаѣ вообще только теоретическое заявленіе объ отношеніи цѣнности золота и серебра, считаемомъ русскимъ законодателемъ за нормальное.

Манифестъ 1 іюля 1839 г. надѣлилъ эту золотую монету кассовымъ курсомъ въ томъ смыслѣ, что правительственныя кассы должны были принимать ее вмѣсто серебра въ опредѣленномъ отношеніи цѣнности, именно, по нарицательной цѣнности плюсъ 3%. Послѣдней надбавкой имѣли въ въ виду уравнять это отношеніе съ существовавшимъ заграницей, однако этимъ достигли только отношенія 1 : 15, 45; какъ и прежде, золото оставалось недоцѣненнымъ [1]).

Послѣ Высочайшаго повелѣнія 1885 г. золотой рубль снова сталъ чисто торговой монетой. Произведенное тогда измѣненіе содержанія благороднаго металла въ золотомъ рублѣ имѣло значеніе исключительно теоретическаго провозглашенія „классическаго“ отношенія цѣнности золота и серебра 1 : 15½, отношенія, которое въ дѣйствительности давно уже было тогда выше. Косвенное значеніе этой мѣры могло заключаться въ томъ, что полуимперіалъ по вѣсу и содержанію золота настолько приблизился къ 20-ти франковику, что обѣ монеты стали циркулировать на международныхъ рынкахъ почти съ одинаковою цѣнностью; это могло облегчить натурализацію русскихъ золотыхъ займовъ на Парижской биржѣ [2]).

Юридически-денежный характеръ золотого рубля, эти монетно-техническія постановленія затрогивали такъ же мало, какъ и спеціальныя узаконенія, предписывавшія въ опредѣленныхъ случаяхъ (уплата пошлинъ, процентовъ и погашенія по золотымъ займамъ) уплату золотомъ. По всѣмъ другимъ обязательствамъ, даже, напримѣръ, по векселямъ, писаннымъ на золото, должникъ всегда могъ расплачиваться равнымъ количествомъ серебряныхъ

---

[1]) *Mayer*, S. 15.

[2]) Такъ думаетъ *Lorini*, S. 63.

или бумажныхъ рублей, уплата же золотомъ предполагала соглашеніе обѣихъ сторонъ [1]).

Только Высочайшимъ повелѣніемъ 3 марта 1895 г., слѣдовательно, когда реформа шла полнымъ ходомъ, были санкціонированы сдѣлки въ золотыхъ рубляхъ, и должникъ, обѣщавшій золото, впредь былъ обязанъ расплачиваться золотыми рублями или соотвѣтствующимъ по курсу количествомъ бумажныхъ денегъ. Лишь съ этихъ поръ золото получило характеръ законнаго платежнаго средства.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что существующему *законодательству* въ Россіи отвѣчала бы реформа, которая ввела бы размѣнъ бумажныхъ денегъ на серебро. Помимо буквы закона въ пользу этого пути реформы можно было бы привести еще то соображеніе, что при слишкомъ низкой законной оцѣнкѣ золота [2]) впродолженіе цѣлаго столѣтія въ Россіи фактически циркулировало бы серебро, не будь бумажныхъ денегъ. Золото неминуемо ушло бы изъ государства какъ то и было въ дѣйствительности въ 1862—63 г.г., когда временно открыли размѣнъ кредитныхъ билетовъ одинаково на золото или серебро. Затѣмъ короткое время продолжали еще размѣнъ бумажекъ только на серебро, считая, что имѣютъ на то несомнѣнное право въ силу монетнаго устава [3]).

Въ наши дни паденія цѣнъ серебра серебряное обращеніе легко достижимо. Къ концу 1892 г. бумажный рубль стоялъ al pari съ серебрянымъ. Государство могло бы или само покупать и чеканить серебро, или предоставить чеканку серебра, ставшую съ 1893 г. доходною, частной иниціативѣ [4]).

Русское государство, одинъ изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ должниковъ на золото, по легко понятнымъ основаніямъ не избрало этого пути. Защищать его могли только самые радикальные инфляціонисты, къ удивленію нашедшіе себѣ пріютъ даже на страницахъ почтеннаго „Вѣстника Европы“ [5]).

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у *A. Ruetz*'а, Zur Geschichte der russischen Valutareform. Die Währungspolitik Russlands 1881—95. Диссертація Фрейбургскаго университета.

[2]) *И. И. Кауфманъ.* Вексельные курсы Россіи за 50 лѣтъ. 1840—1890. „Временникъ Центр. Стат. Ком. Мин. Вн. Дѣлъ“, 1892 г., № 22, стр. XV.

[3]) *Raffalovich.* Le Rouble credit. Paris, 1896, p. 6—7.

[4]) По *Янжулу,* (Начала финансовой науки. С.-Пб., 1890 г., стр. 216) Россія взимала по закону 1885 г. за чеканку высокую пошлину въ 60 руб. сер. съ пуда чистаго серебра, т. е. въ 6,5 коп. съ сер. рубля.

[5]) Защитникомъ чисто серебрянаго обращенія былъ, напримѣръ, *Л. Слонимскій.* Денежныя недорарумѣнія. „Вѣстникъ Европы“, 1895 г., іюнь. Накопленіе золотого размѣннаго фонда Слонимскій называетъ „огромной, разорительной жертвой“ (стр. 805.).

Для государственныхъ людей, сознававшихъ свою отвѣтственность, достаточно было опыта индійскаго бюджета. Россія закрыла бѣлому металлу доступъ на монетные дворы.

Русское государство могло избрать всякій другой путь реформы, при которомъ его кредиторы очутились бы не въ худшемъ положеніи, чѣмъ при размѣнѣ кредитныхъ рублей на серебро по номинальной цѣнности. Разсмотримъ эти возможныя пути.

Вмѣстѣ съ серебряной валютой былъ отвергнутъ національный или ограниченный лишь нѣсколькими государствами биметаллизмъ. Послѣдній въ виду слишкомъ высокой оцѣнки серебра, какой хотятъ биметаллисты, привелъ бы къ серебряному обращенію. Даже принявъ рыночное отношеніе, пришлось бы опасаться этого явленія, наступленіе котораго развѣ немного было бы отсрочено, такъ какъ благодаря успѣхамъ техники серебро въ настоящее время можно считать почти произвольно умножаемымъ товаромъ [1]).

Надѣяться на международный биметаллизмъ, нашедшій многочисленныхъ защитниковъ въ прессѣ, значило бы отсрочивать реформу на неопредѣленное время [2]).

По моему мнѣнію, съ практической точки зрѣнія представлялось лишь два выхода. Первый—сохранить прежнее положеніе, стараясь по возможности фиксировать курсъ рубля; тогда бумажный рубль оставался бы кредитнымъ, самостоятельнымъ мѣриломъ цѣнности, представителемъ болѣе или менѣе измѣнчиваго количества золота. Этотъ путь рекомендовалъ, между прочимъ, *Ходскій*, ссылаясь на русскій платежный балансъ [3]). Если же считать Россію созрѣвшею для металлическаго обращенія, то не оставалось ничего иного кромѣ перехода къ золотой валютѣ.

Такъ какъ въ настоящее время международнымъ мѣриломъ цѣнности служитъ золото, то лишь обладанія золотой валютой избавляетъ народное хозяйство отъ вредныхъ колебаній отношенія внутренняго средства обращенія къ всемірнымъ деньгамъ. Важнѣйшее возраженіе дѣлавшееся заграницей

---

[1]) *Zexis.* Handbuch d. politischen Ökonomie. Bd. I, 4 Aufl., S. 400. Производство серебра не имѣетъ другой границы, кромѣ той, которая ставится идущимъ все дальше паденіемъ его цѣны. Съ этимъ согласны многіе другіе авторы. См. также рефератъ *Zotz*'а о заключеніяхъ германской серебряной комиссіи въ Schmollers Jahrbuch 1894—95.

[2]) Сторонникомъ международнаго биметаллизма былъ, напримѣръ, *B. Butmy.* Betrachtungen eines südrussischen Landwirts. Berlin, 1897.

[3]) Докладъ *Л. Н. Ходскаго* въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Подобнымъ же образомъ высказывался *С. Шараповъ.* Цифровой анализъ разсчетнаго баланса Россіи за пятнадцатилѣтіе 1881—95 г.г. С.-Пб., 1897 г.

противъ торговыхъ договоровъ съ Россіей, состояло въ томъ, что колеблющаяся валюта дѣлаетъ непрочными тарифныя уступки Россіи. Если желали обезпечить русскій экспортъ путемъ торговыхъ договоровъ, то надо было устранить это возраженіе. А для этого необходимо было введеніе золотой валюты. Наконецъ, насыщенное золотое обращеніе представляетъ военный фондъ, на который можно положиться при всѣхъ политическихъ превратностяхъ, который можетъ быть реализованъ во всякое время, потому что золото—самый космополитическій изъ всѣхъ товаровъ. *Обладаніе золотомъ даетъ міровую силу*, вотъ почему Англія ни на волосъ не уклоняется отъ „воли Сити“, хотя англійскіе биметаллисты, и среди нихъ вліятельные государственные дѣятели, и совѣтуютъ биметаллизмъ остальному міру [1]). Этотъ „биметаллизмъ для другихъ“ напоминаетъ о „третейскомъ судѣ для другихъ“, за который Англія ратовала лѣтомъ 1899 г. въ Гаагѣ, готовя въ то же время южно-африканскую войну. Англія такъ же мало склонна отказаться отъ своей золотой валюты въ силу международныхъ договоровъ, какъ и урѣзать свой флотъ, который она раньше изъемлетъ изъ обсужденія при всѣхъ проэктахъ международнаго разоруженія.

Россія довно уже поставила себѣ цѣлью золотое обращеніе, это видно изъ того, что уже въ 70-хъ г.г. она собирала запасъ золота въ видахъ обезпеченія бумажныхъ денегъ [2]).

Для введенія золотой валюты представлялось опять два возможныхъ пути. Первый заключался въ поднятіи курса бумажнаго рубля до уровня стараго золотого, хотя узаконеннаго соотношенія между ними до сихъ поръ не существовало.

Этотъ путь представлялъ то преимущество, что пресѣкъ бы частью невѣжественную, частью злонамѣренную критику, которую денежная реформа встрѣтила въ самой Россіи [3]). Не пришлось бы пускать въ обращеніе новый золотой рубль, по вѣсу меньшій прежняго, что вводило въ соблазнъ не только невѣжественныхъ крестьянъ, но и городскую публику, не менѣе невѣжественную въ вопросахъ денежнаго обращенія: газеты за немногими исключеніями осуждали реформу какъ „замаскированное государственное банкротство“, а публика упорно отказывалась брать новыя золотыя деньги.

Но эти преимущества далеко перевѣшивались невыгодными сторонами

---

[1]) *Helfferich.* Geschichte der deutschen Geldreform. Leipzig, 1898, S. 465.

[2]) *Lorini*, S. 51 и слѣд.

[3]) См. пресловутыя произведенія *Cyon*'а, напримѣръ, Les finances Russes et L'Epargne Française. Изданіе A. Charles, Rue Monsieur Le-Prince, 8.

этого пути. Значительное поднятіе курса бумажныхъ денегъ возможно только подъ условіемъ сокращенія количества обращающихся кредитныхъ билетовъ—условіе, крайне трудно выполнимое при растущемъ населеніи и въ періодъ усиленной экономической дѣятельности.

При періодически повторяющемся спросѣ торговли на увеличенное количество средствъ обращенія русскому министерству финансовъ приходилось напрягать всѣ сили, чтобы хоть удержать бумажное обращеніе на данномъ уровнѣ. Тому вполнѣ законному спросу, который при металлическомъ обращеніи удовлетворяется банкнотами, Россія должна была отвѣчать новыми выпусками бумажныхъ денегъ, какъ было при необычайномъ урожаѣ 1888 г. и при неурожаяхъ 1891 и 1892 г.г.; снова изъять изъ обращенія эти вполнѣ покрытые золотомъ кредитные билеты было нелегко [1]).

Тѣмъ труднѣе сокращеніе количества обращающихся денегъ въ странѣ, гдѣ деньги обращаются очень медленно, а потребность въ кассовой наличности, въ виду отсутствія способа расплатъ посредствомъ разсчетныхъ банковъ, необычайно велика.

Наконецъ, поднятіе курса бумажнаго рубля до высоты стараго золотого было бы возможно лишь подъ условіемъ значительныхъ курсовыхъ колебаній, наносящихъ тяжелый ущербъ всему народному хозяйству.

Колебанія курса преимущественно *вверхъ*, какъ было бы въ Россіи, сопровождались бы паденіемъ цѣнъ. Вывозные товары, вывозимые изъ Россіи на міровой рынокъ, и преждѣ всего хлѣбъ, оцѣниваются на золото; всякое колебаніе курса тотчасъ отражается на ихъ бумажныхъ цѣнахъ. Какъ я убѣдился при своихъ путешествіяхъ, телеграфъ тотчасъ передаетъ всякое измѣненіе цѣнъ на всемірномъ рынкѣ на берега Волги и дальше. Напротивъ, лишь небольшая часть издержекъ сельско-хозяйственнаго производства, напримѣръ, ввозимыя изъ заграницы машины, оплачивается золотомъ; заработная же плата, проценты по займамъ, налоги—нѣтъ.

Въ Средней Россіи заработная плата, какъ мы видѣли, выдается въ натурѣ, и—такъ какъ крестьянинъ питается хлѣбомъ—представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ „золотую“ плату. Удешевленіе бумажной цѣны хлѣба вслѣдствіе повышенія курса рубля означаетъ здѣсь удешевленіе труда [2]).

---

1) *Raffalovich.* Marché financier 1892—93, p. 72. *Правильныя* посезонныя *колебанія* спроса на деньги покрывались кассовой наличностью Государственнаго Банка. Ibid., 1894—95, p. 216.

2) Иначе обстоитъ дѣло, по *Max Weber*'у съ аргентинскимъ рабочимъ, питающимся мясомъ, которое не составляетъ предмета вывоза. Deutsches Wochenblatt, 11 Jan. и 11 Febr. 1894. Подробнѣе см. у *Goodwin*'а, Wheat farming in Argentine.

Не то на недавно заселенномъ Югѣ и Востокѣ, главныхъ областяхъ производства хлѣба для вывоза. Здѣсь заработная плата, уплачиваемая деньгами есть бумажная заработная плата, которая не сразу падаетъ вслѣдъ за повышеніемъ курса. Преобладающій въ этихъ слабо населенныхъ районахъ пришлый трудъ находится въ выгодномъ положеніи, подобно тому, какъ въ колоніяхъ; здѣсь производители хлѣба могли бы лишь весьма постепенно и не совершенно отвѣчать на повышеніе курса рубля пониженіемъ заработной платы [1]).

Коллосальный долгъ русскаго землевладѣнія заключенъ также преимущественно въ бумажной валютѣ [2]). При повышеніи курса бремя процентовъ стало бы невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что капиталъ былъ выданъ обезцѣненными бумажками [3]).

Ожидать пониженія налоговъ, какъ слѣдствія повышающейся бумажной валюты, запрещала вся предыдущая финансовая исторія; давленіе растущихъ нуждъ государства не допускало бы облегченія сельскаго хозяйства, тѣмъ болѣе, что государству пришлось бы платить проценты по своимъ бумажнымъ займамъ въ повысившейся валютѣ.

Эти опасенія не разъ оправдывались дѣйствительностью въ послѣдніе годы. Преходящее повышеніе курса часто портило русскимъ сельскимъ хозяевамъ самыя благопріятныя конъюнктуры. Напримѣръ, никогда не было болѣе благопріятныхъ для Россіи обстоятельствъ, чѣмъ въ 1888 и 1890 г.г.: неурожай въ заокеанскихъ странахъ производства хлѣбовъ, обильный уро-

---

[1]) Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, совершенно неразработанъ въ русской экономической литературѣ, такъ что извѣстный писатель по вопросамъ денежнаго обращенія проф. *А. Миклашевскій* въ письмѣ ко мнѣ объявляетъ, что обстоятельный отвѣтъ поэтому вопросу невозможенъ.

[2]) Изъ всѣхъ ипотечныхъ учрежденій въ одномъ лишь „Обществѣ взаимнаго земельнаго кредита“ закладныя писались на золото, причемъ и проценты уплачивались золотомъ. Теперь это Общество составляетъ особый отдѣлъ Государственнаго Дворянскаго Банка и получаетъ со своихъ должниковъ проценты въ кредитной валютѣ. Въ иномъ положеніи находятся, по *Max Weber'y* аргентинскіе сельскіе хозяева, которые уплачиваютъ проценты золотомъ.

[3]) По *Saling'y*, Börsenhandbuch, 2 Teil 1896—97, были выпущены гарантированныя государствомъ закладныя: а) въ золотой валютѣ: 5%-ныя подлежащія налогу закладныя Общества Земельнаго Кредита. Ultimo іюнь 1895 г. еще около 5 мил. руб., 4½%-ныя свободныя отъ налога закладныя Общества Земельнаго Кредита. Ultimo декабрь 1895 г. въ обращеніи около 80 мил. руб. b) въ бумажной валютѣ: 5%-ныя премированныя Закладныя Дворянскаго Банка, около 80 мил. руб. 4½ и 4%-ныя закладныя того же банка, къ концу 1895 г. около 220 мил. руб. 4½ и 4%-ныя Крестьянскаго Банка, 1895 г. около 66 мил. руб. 4%-ныя ликвидаціонныя закладныя Польскаго Банка, обращеніе ultimo 1895 г. около 24 мил. руб.

жай въ Россіи, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ на всемірномъ рынкѣ. Но одновременное повышеніе курса бумажнаго рубля совершенно уничтожило для русскихъ сельскихъ хозяевъ выгоды положенія, вслѣдствіе паденія хлѣбныхъ цѣнъ внутри страны [1]). Приходилось продавать въ убытокъ, почему въ Россіи остались большіе запасы хлѣба.

То, что въ указанныхъ случаяхъ было вызвано улучшеніемъ торговаго баланса и политическими обстоятельствами, при планомѣрномъ сокращеніи количества обращающихся кредитныхъ билетовъ стало бы постояннымъ явленіемъ: русскій сельскій хозяинъ въ сокращеніи издержекъ производства всегда отставалъ бы отъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ внутри страны. Этотъ рекомендовавшійся многими путь реформы былъ бы раззореніемъ сельскаго хозяйства; поэтому онъ не годился.

Всѣ эти затрудненія были бы устранены, если бы удалось фиксировать курсъ рубля на средней высотѣ послѣднихъ лѣтъ. Тогда можно было бы надѣяться на постепенное выравненіе всѣхъ цѣнъ, пока онѣ не остановятся на уровнѣ, на которомъ бы стояли, будь исключено вліяніе валюты,—конечно, въ Россіи это выравниваніе цѣнъ, какъ справедливо указываетъ А. Вагнеръ, совершается медленнѣе, чѣмъ въ странахъ съ болѣе быстрымъ оборотомъ денегъ.

Только при этомъ пути свѣтъ и тѣни валютной реформы падали бы равномѣрно на всѣ классы населенія; только такимъ путемъ можно было приблизительно достичь того, что министръ провозгласилъ руководящимъ принципомъ реформы, именно, чтобы отъ нея „никто не сталъ богаче и никто—бѣднѣе“ [2]).

За этотъ путь реформы говорило еще одно основаніе. Хотя, *по закону* бумажный рубль былъ представителемъ серебрянаго рубля вплоть до закрытія серебру доступа на монетные дворы, но *принимался* онъ въ качествѣ представителя серебрянаго рубля только до первой половины 70-хъ г.г.; впродолженіе этого періода онъ обладалъ прочнымъ паритетомъ съ гамбург-

---

[1]) *Helfferich* въ Schmollers Jahrbuch. Jahrg. 21, S. 401.

[2]) Даже *A. Wagner*, отъявленный противникъ всякой девальваціи, высказался за этотъ путь денежной реформы въ Россіи, оставляя въ сторонѣ вопросъ, нужно ли вообще стремиться къ золотому обращенію. „Конечно, нельзя брать за исходной пунктъ прежнее al pari серебрянаго рубля съ золотымъ“. Handbuch d. polit. Ökonomie. 3 Bd. 1 Halbband. 4 Aufl. Tübingen, 1897, S. 848, 849. Въ германской серебряной комиссіи *Lexis*, согласно вышеизложенному сообщенію *Lotz*'а въ Schmollers Jahrbuch 1894—95, опредѣлялъ уменьшившуюся покупательную силу рубля внутри Россіи въ $2{,}_{20}$ мар. зол.

ской слитковой серебряной валютой и измѣнчивымъ паритетомъ сообразно съ колебаніями цѣны серебра—съ англійской золотой валютой.

Центральный статистическій комитетъ вычислилъ эти перемѣнные золотые паритеты рубля, исходя изъ постояннаго серебряннаго паритета до 1873 г. [1]).

Съ тѣхъ поръ условія измѣнились, и легальная металлическая основа утратила всякое значеніе для сужденія о цѣнности бумажнаго рубля. Фактически курсъ рубля опредѣлялся спросомъ и предложеніемъ трехмѣсячныхъ векселей на Лондонъ на Петербургскомъ вексельномъ рынкѣ, спросомъ и предложеніемъ бумажныхъ рублей въ обмѣнъ на германскую имперскую золотую монету на Берлинской рублевой биржѣ. Рубль оцѣнивался въ золотѣ, потому что расплаты съ заграницей, въ обычное время управляющія курсомъ [2]), давно уже производились *золотомъ*. Если не юридически, то фактически рубль былъ представителемъ золота.

Но бумажный рубль былъ представителемъ не того количества золота, которое содержитъ легальный золотой рубль, не 324 германскихъ имперскихъ пфениговъ или 38,35 пенс. при учетѣ изъ 4% трехмѣсячныхъ векселей на Лондонъ. Вообще съ золотымъ рублемъ бумажный рубль не имѣлъ ничего общаго, такъ какъ единственною связью между ними служилъ серебряный рубль, да и то исключительно благодаря кассовому курсу золотого рубля, основанному на совершенно устарѣломъ отношеніи цѣнности. Поэтому совершенно неправильно говорить о какомъ либо золотомъ паритетѣ бумажнаго рубля, какъ дѣлали то Кауфманъ и др. [3]).

Бумажный рубль скорѣе былъ представителемъ болѣе или менѣе измѣнчиваго количества золота, которое опредѣлялось цѣною векселей на Петербургъ въ Лондонѣ или цѣною рубля въ Берлинѣ. Въ 1884—1895 г.г. онъ стоилъ въ среднемъ, около 216 германскихъ имперскихъ пфениговъ; эта величина была правильно положена въ основу золотого рубля новаго чекана.

Наиболѣе отклоняющіеся отъ этого средняго уровня необычайно неблагопріятные курсы 1887—1888 г.г. и необычайно благопріятные 1890 г. были обусловлены „чрезвычайными обстоятельствами“ [4]). Разница между самымъ

---

[1]) *И. И. Кауфманъ*. Вексельные курсы Россіи за 50 лѣтъ. 1841—1891. „Временникъ Центр. Стат. Ком. Мин. Вн. Дѣлъ“, 1892 г., № 22, стр. VII и XVI.

[2]) *A. Wagner*. Russische Papierwährung, S. 87 и слѣд.: „въ обычное время вексельный курсъ управляетъ лажемъ“.

[3]) *Кауфманъ*, стр. IX.

[4]) *Lexsis*, S. 642, кажется, склоненъ принимать для средняго курса болѣе высокую цифру, чѣмъ 216, въ виду того, что на низкіе курсы 1887—1888 г.г. повліяла „политическая натянутость“. Но политическія обстоятельства вліяли и на благопріятные

высокимъ и самымъ низкимъ курсомъ съ каждымъ годомъ становилась все меньше и меньше.

Наконецъ въ пользу курса въ 216 имперскихъ пфениговъ говорило то важное преимущество, что при немъ $1^1/_2$ бумажныхъ рубля равняются старому золотому рублю.

При этомъ цѣль русской финансовой политики двухъ послѣднихъ десятилѣтій получала такое выраженіе: *фиксація курса на такомъ уровнѣ, чтобы полтора бумажныхъ рубля равнялись одному золотому стараго чекана, накопленіе золота для открытія размѣна обращающихся кредитныхъ билетовъ по этому курсу, чеканка новаго золотого рубля цѣнностью въ $^2/_3$ прежняго и насыщеніе обращенія этой монетой съ возможнымъ сокращеніемъ количества обращающихся кредитныхъ билетовъ.*

Цѣль эта была опредѣлена уже въ іюнѣ 1887 г. въ одномъ изъ засѣданій финансовой комиссіи; на протоколѣ этого засѣданія императоръ Александръ III собственноручно написалъ: „исполнить“. Конечно, прошлыя неудачи учили, что въ этой области черезчуръ торопиться нельзя и что мелкими мѣропріятіями ничего не подѣлаешь. Намѣченная программа реформы сохранялась въ тайнѣ, пока не былъ собранъ золотой размѣнный фондъ въ размѣрѣ, превышающемъ все бумажное обращеніе.

Въ настоящее время намѣченная тогда цѣль въ существенныхъ чертахъ осуществлена. Первой задачей русской экономической политики ближайшихъ десятилѣтій является *сохраненіе и защита* достигнутаго съ такимъ трудомъ результата.

Техническія мѣропріятія въ области монетнаго законодательства, сопровождавшія введеніе золотой валюты, выходятъ за предѣлы настоящаго сочиненія; притомъ они уже были предметомъ многихъ сочиненій и не только на русскомъ языкѣ.

Экономическими и финансовыми основами реформы мы займемся въ особыхъ отдѣлахъ этой главы, потому что онѣ въ одинаковой мѣрѣ имѣютъ рѣшающее значеніе какъ для введенія золотой валюты, такъ и для будущности ея. Здѣсь же представимъ вкратцѣ читателю настоящее положеніе денеж-

---

курсы 1890 г. *Raffalovich* указываетъ, что высокіе курсы 1890 г. не основывались на экономическомъ характерѣ этого года; урожай 1890 г. былъ слабѣе урожая 1888 г. Благопріятные курсы 1890 г. были скорѣе вызваны визитомъ имп. Вильгельма II, а кромѣ того—какъ увѣрялъ меня одинъ изъ берлинскихъ спекулянтовъ кредитнымъ рублемъ—ошибочнымъ мнѣніемъ Берлинской биржи, будто Россія замышляетъ денежную реформу въ смыслѣ возстановленія равенства бумажнаго рубля со старымъ золотымъ; это заблужденіе было, конечно, тоже „чрезвычайнымъ обстоятельствомъ“.

наго обращенія въ Россіи, являющееся непосредственнымъ результатомъ реформы.

1. *Золотой рубль новаго чекана* обладаетъ всѣми признаками настоящей денежной единицы; то обстоятельство, что чеканится монета, представляющая лишь кратное рубля, ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ золотой рубль новаго чекана обладаетъ *по закону неограниченной платежной силой*. Чеканка лишь удостовѣряетъ опредѣленное содержаніе въ немъ золота; на этой матеріальной цѣнности основана его международная цѣнность.

Эта связь цѣнности монеты съ ея матеріальной цѣнностью обезпечивается *свободной чеканкой*; разумѣется, незначительныя колебанія въ предѣлахъ цѣнности золота въ счетъ не идутъ. Практически свободная чеканка осуществляется такимъ образомъ, что Государственный Банкъ покупаетъ иностранную золотую монету и золото въ слиткахъ по опредѣленной цѣнѣ, съ незначительной сбавкой, соотвѣтствующей платѣ за перечеканку даннаго количества золота въ туземную монету [1]). По закону Русскій Государственный Банкъ не обязанъ платить за золото именно ту, а не другую цѣну; фактически для облегченія ввоза золота онъ идетъ дальше § 14 устава Германскаго Имперскаго Банка, взимая въ видѣ пошлины за чеканку только $1^0/_0$, какъ видно изъ слѣдующаго вычисленія:

Сколькимъ рублямъ новаго чекана = 1 русск. фунтъ чист. золота,
если $^9/_{10}$ фунта чист. зол. = 1 фунту золота въ монетѣ,
а 1 фунтъ = 9,216 долей,
290,4 доли = 1 имперіалу,
1 имперіалъ = 15 руб. новаго чекана?

При этихъ условіяхъ 1 фунтъ чистаго золота = 528,9254 руб.
Банкъ же платитъ за фунтъ чистаго золота = *528,39669* „

Слѣд., пошлина за чеканку 1 ф. чист. золота = 0,52871 руб., т. е. около $1^0/_0$ [2]).

Но золотое обращеніе проведенное въ полной мѣрѣ требуетъ возможности вывоза золота для улучшенія временно неблагопріятнаго вексельнаго курса. Соотвѣтственно этому Государственный Банкъ продаетъ въ любое

---

[1]) *W. Lotz.* Geschichte und Kritik des deutschen Bankgesetzes, S. 247; *Helfferich.* Geschichte der deutschen Geldreform, S. 297 и слѣд.

[2]) Германскій Имперскій Банкъ взимаетъ пошлины $2{,}16^0/_0$, за то даетъ извѣстныя облегченія въ видѣ безпроцентныхъ ссудъ подъ ввозимое золото.

время золотыя тратты на заграницу по цѣнамъ, отклоняющимся отъ pari лишь въ предѣлахъ колебаній цѣнности золота.

Если бы суммы, помѣщенныя въ заграничныхъ банкахъ, на которые Государственный Банкъ даетъ эти золотыя тратты, случайно истощились, и потребовался бы фактическій вывозъ золота, то хладнокровіе, съ какимъ правительство отнеслось бы къ этой случайности, дало бы доказательство прочности золотой валюты. Стѣсненіе вывоза не только уронило бы курсъ рубля ниже золотой точки, но и снова сдѣлало бы русское обращеніе въ глазахъ дѣлового міра бумажнымъ обращеніемъ, нуждающимся въ обезпеченіи.

2. *Серебряныя деньги* служатъ размѣнной монетой въ полномъ смыслѣ слова, онѣ обладаютъ лишь *ограниченной платежной силой* (до 25 руб.); свободной чеканки серебра нѣтъ, государственная чеканка ограничена опредѣленными размѣрами (3 рубля на душу населенія. Указъ 27 марта 1898 г.) [1]).

Серебряная монета—монета *неполноцѣнная*; это относится какъ къ мелкой „неполноцѣнной“ монетѣ; такъ и къ серебряному рублю, которому оставлено его прежнее металлическое содержаніе. Но эта неполноцѣнность не имѣетъ значенія: серебряный рубль является представителемъ золотого рубля его цѣнность не зависитъ отъ его матерьяльнаго содержанія.

3. *Бумажный рубль* есть представитель золотого рубля и подлежитъ размѣну. Прежніе бумажные займы стали теперь золотыми, ихъ купоны принимаются въ уплату таможенныхъ пошлинъ [2]); балансъ Государственнаго Банка сдѣланъ однороднымъ и выражается исключительно въ золотыхъ рубляхъ новаго чекана [3]). Въ виду этого принудительное хожденіе кредитнаго рубля, оставшееся ему отъ прошлаго, не имѣетъ значенія: вѣдь и банкноты англійскаго и французскаго банковъ обладаютъ принудительнымъ хожденіемъ. Государство не обращаетъ себѣ на пользу принудительнаго хожденія, размѣнивая во всякое время кредитные билеты.

Что золото насыщаетъ обращеніе лишь постепенно, это зависитъ отъ привычекъ публики, которая давно отвыкла отъ металлическихъ денегъ. Во всякомъ случаѣ Государственный Банкъ дѣятельно работаетъ въ этомъ направленіи: поступающіе кредитные билеты сосредоточиваются въ цент-

---

[1]) „Bulletin Russe“ 1898, p. 184.

[2]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., мартъ, стр. 145.

[3]) Раньше балансъ Государственнаго Банка раздѣлялся на двѣ части: коммерческую и эмиссіонную; въ послѣдней противъ обращающихся кредитныхъ билетовъ стояло наличное металлическое покрытіе (показанное въ золотыхъ рубляхъ стараго чекана) и долгъ казны. Коммерческая часть показывалась въ кредитной валютѣ. „Bulletin Russe“ 1895, p. 36, 37; новая форма баланса приведена у *Raffalovich*'а, 1897—98, p. 831.

ральномъ учрежденіи для уничтоженія въ надлежащее время; отдѣленія Банка, выпускающія деньги въ обращеніе, снабжаются преимущественно золотой монетой. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ путемъ будетъ достигнутъ желаемый результатъ.

B. Задача банковой политики.

Представляютъ ли кредитные рубли *банкноты*? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ на положеніе русскаго Имперскаго банка.

Русскій Имперскій Банкъ есть банкъ государственный, выпускъ имъ билетовъ основанъ на принципѣ непосредственнаго ограниченія; работаетъ онъ насчетъ приносящихъ проценты вкладовъ частныхъ лицъ и государства.

Разсуждая теоретически эти условія дѣятельности русскаго банка представляется очевидными, недостаткомъ его организаціи, но практика часто оправдываетъ ихъ какъ faute de mieux, т. е. какъ наилучшее изъ всего, что можетъ быть достигнуто при данныхъ условіяхъ. Наивно рекомендовать вмѣстѣ съ *Крамаржемъ* „подражаніе уставу Германскаго Императорскаго Банка“ [1]),—какъ будто всякій прогрессъ банковой организаціи не предполагаетъ прогресса общихъ экономическихъ отношеній.

Разсмотримъ каждый изъ трехъ указанныхъ сторонъ организаціи банка отдѣльно.

1. Русскій Имперскій Банкъ былъ и есть *чисто государственный банкъ*. Отсюда тѣ невыгоды, на которыя недавно указывали противники передачи въ собственность государства Германскаго Имперскаго Банка [2]).

Самодержавная форма правленія такъ же мало предохраняетъ Государственный Банкъ отъ злоупотребленія со стороны вліятельныхъ инфляціанистовъ, какъ и конституціонная. Борьба, происходящая въ одномъ случаѣ въ залѣ парламента, въ другомъ переносится на дворцовый паркетъ [3]) Все зависитъ отъ личности министра финансовъ, причемъ, конечно, извѣстную гарантію даетъ существующая въ Россіи гласность.

Далѣе при системѣ государственнаго банка особенно опасна возможность финансовыхъ сдѣлокъ между казною и банкомъ. Взглядъ, по которому Государственный Банкъ есть не стражъ денежнаго обращенія, а источникъ

---

[1]) *Kramarç*. Die russische Valutareform. Wien, 1896, S. 37.

[2]) Напр.—*Zotz*. Der Streit im die Verstaatlichung der Reichsbank; далѣе докладъ директора банка въ общемъ собраніи нѣмецкой торговой коммиссіи 14 марта 1898 г.; наконецъ — *Helfferich*. Die Erneuerung des Privilegiums der Reichsbank. Nation 1898, №№ 20—23.

[3]) На эту опасность указываетъ *Lorini*, p. 153, говоря объ „intrigue des feudataires aristocrates de la Cour“.

доходовъ для казны, до сихъ поръ еще широко распространенъ въ Россіи. Не устранена опасность позаимствованій изъ банка или выдачи ссудъ подъ трудно реализуемыя долговыя обязательства государства, билеты Государственнаго Казначейства и т. д. Вспомнимъ извѣстныя ссуды кредитныхъ билетовъ подъ облигаціи перваго внутренняго съ выигрышами займа 1864 г.

Несмотря на эти опасности, Россіи не оставалось иного выбора, кромѣ системы *государственнаго* банка. Какъ мы видѣли, вся дѣловая жизнь въ Россіи еще и теперь зависитъ отъ иниціативы министра финансовъ. Существующій крупный капиталъ обладаетъ какъ разъ наименьшей самостоятельностью по отношенію къ государству, такъ какъ его дѣятельность зачастую основана на государственномъ поощреніи и привилегіяхъ, какъ въ періодъ стараго меркантилизма [1]).

Сюда присоединяется еще одно обстоятельство. Русскій банкъ и является эмиссіонымъ банкомъ (Notenbank) въ томъ смыслѣ, чтобы необходимыя ему оборотныя средства онъ создавалъ съ помощью выпуска банкнотъ; выпускаемымъ кредитнымъ билетамъ соотвѣтствуетъ поступающая въ активъ не приносящая процентовъ наличность золота. Русскій Государственный Банкъ работаетъ насчетъ вкладовъ, среди которыхъ преобладаютъ вклады государства. Уже въ силу этого банкъ вполнѣ зависитъ отъ государства, а такъ какъ на почвѣ существующихъ экономическихъ отношеній иного пути для полученія необходимыхъ оборотныхъ средствъ пока нѣтъ, то уже на этомъ основаніи система Государственнаго Банка и неизбѣжна. Дѣлать отвѣтственной за это „автократическую форму государства“ [2]) безсмысленно.

Но, разумѣется, „общинно-хозяйственная“ организація русскаго центральнаго банка не есть идеалъ къ которому должна бы стремиться Западная Европа; и въ Россіи надо стремиться къ отдѣленію центральнаго банка отъ финансовъ государства и къ гарантіямъ, какія даютъ при системѣ частнаго банка §§ 31—35 германскаго банковаго устава. Какую выгоду представлялъ бы именно для Россіи центральный банкъ, кредитъ котораго былъ бы независимъ отъ государственнаго кредита, а также учрежденіе въ родѣ много разъ обвинявшагося въ ересяхъ комитета акціонеровъ Германскаго Имперскаго Банка, самостоятельно блюдущаго свои интересы [3])?

---

[1]) *Судейкинъ.* Государственный Банкъ. С.-Пб., 1891 г., стр. 249.

[2]) Это дѣлаетъ *Zielinski*, Heft 5, S. 634.

[3]) „Самостоятельно“—въ противоположность участію купцовъ въ администраціи бывшаго Русскаго Коммерческаго Банка, которое оказалось безполезнымъ по отсутствію заинтересованности и самодѣятельности. *Судейкинъ.* стр. 108.

Но если эта цѣль пока недостижима, то возможно уже и теперь сдѣлать шагъ въ указанномъ направленіи, который былъ бы порукою прочности валюты. Я разумѣю административное выдѣленіе Государственнаго Банка изъ министерства финансовъ, на подобіе прежняго Прусскаго Банка, управляющій которымъ былъ отвѣтственъ за свои распоряженія только передъ королемъ [1]). Должностныя лица Прусскаго Банка оставались чиновниками, но „съ почти судейской независимостью“.

2. Россія (Указъ 29 августа 1897 г.) приняла систему *непосредственнаго ограниченія количества кредитныхъ билетовъ* (Notenkontingentierung): находящіеся въ обращеніи кредитные билеты на сумму до 600 мил. руб. должны быть покрыты золотомъ наполовину, а сверхъ этой суммы—рубль на рубль. Такимъ образомъ Государственный Банкъ имѣетъ право выпустить только на 300 мил. руб. непокрытыхъ золотомъ кредитныхъ билетовъ.

Какъ извѣстно, система ограниченія (Kontingentierung) съ лежащимъ въ основѣ ея ученіемъ Currency теперь отвергнута какъ теоріей, такъ и практикой Западной Европы. Рѣшающее значеніе теперь всюду придаютъ „банковому покрытію“, съ проведеніемъ котораго самъ собою устанавливается нормальный предѣлъ выпуска банкнотъ. Несмотря на акты Пиля, принципъ „банковаго покрытія“, какъ извѣстно, господствуетъ и въ англійскомъ банкѣ. Этотъ принципъ не отрицаютъ и тѣ, которые защищаютъ систему косвеннаго ограниченія количества выпускаемыхъ билетовъ съ помощью ихъ обложенія какъ въ Германіи; тутъ играютъ роль извѣстныя побочныя цѣли, напримѣръ, „подготовленіе Имперскаго Банка къ жиро-операціямъ“ [2]).

Никто не видитъ теперь обезпеченія обращенія банкнотъ въ неэластическомъ и недѣйствительнымъ при кризисахъ ограниченіи его опредѣленной суммой. При банковомъ покрытіи даже держаніе въ запасѣ наличности, соотвѣтствующей извѣстной квотѣ обращающихся банкнотъ, находятъ сравнительно несущественнымъ [3]).

Это не „нѣмецкая только теорія“, какъ хочетъ насъ увѣрить *Федоровичъ* [4]), защищая русскіе порядки, но постольку же нѣмецкая, поскольку и англійская; это — новая теорія, противопоставляемая старой; впервые

---

[1]) *Lotz.* Zur Geschichte und Kritik des deutschen Bankgesetzes. Leipzig, 1888, S. 13, 33. *Судейкинъ*, стр. 48.

[2]) *Lotz*, S. 214, 285.

[3]) *A. Wagner* въ Schönbergs Handbuch. 4 Aufl. Band I, S. 506.

[4]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1897 г., ноябрь.

опровергнута доктрина currency англичаниномъ Тукомъ. Русскіе писатели, занимавшіеся банковой политикой стоятъ тоже на сторонѣ новаго взгляда [1]).

Но на ряду съ этимъ надо признать, что ученіе currency, подобно столь многимъ экономическимъ теоріямъ, оказывается въ настоящее время ложнымъ потому, что почерпнуто изъ прежнихъ экономическихъ отношеній. Гдѣ различіе между банкнотами и бумажными деньгами еще не вполнѣ проведено, гдѣ размѣры обращенія кредитныхъ билетовъ до сихъ поръ опредѣлялись финансовыми потребностями государства и чрезмѣрные выпуски были больнымъ мѣстомъ денежной системы, — тамъ обѣщаніе государства ни въ какомъ случаѣ не увеличивать количества обращающихся кредитныхъ билетовъ свыше опредѣленной суммы не лишено цѣны. Если принципъ банковаго покрытія соотвѣтствуетъ только истиннымъ банкнотамъ, то бумажнымъ деньгамъ, обращающимся въ банкноты, соотвѣтствуетъ система ограниченія.

Послѣдняя имѣетъ въ Россіи полное оправданіе, такъ какъ лучшая система въ виду ея неосуществимости оказалась бы вредной.

Чтобы вполнѣ оцѣнить совершившійся прогрессъ, вспомнимъ, что до 1897 г. соотвѣтствовало дѣйствительности слѣдующее положеніе *Судейкина* [2]): „Министерство финансовъ выпускало и выпускаетъ государственные кредитные билеты на покрытіе экстренныхъ потребностей, возлагая въ тоже время на банкъ, который не извлекаетъ изъ этой операціи никакихъ выгодъ, обязанность содѣйствовать упроченію ихъ курса... Государственный банкъ ... неприспособленъ для этой роли, потому что вопросъ о выпускѣ орудій кредита исключительно зависитъ отъ казначейства, а не отъ потребностей рынка“. Въ противоположность этому указъ 29 августа 1897 года предписываетъ, чтобы впредь Государственный Банкъ выпускалъ кредитные билеты исключительно для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ денежнаго рынка [3]). Эмиссіонное отдѣленіе Государственнаго Банка, которое подобно прежнему ассигнаціонному банку, было исключительно государственной фабрикой бумажныхъ денегъ, закрыто.

---

[1]) См., напр., ученую, но черезчуръ теоретическую статью въ органѣ московскихъ профессоровъ — „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 20 апрѣля 1896 г., далѣе проф. *Ходскаго*, который въ „Трудахъ Вольного Экономическаго Общества“ вполнѣ признаетъ принципъ банковаго покрытія; „Кредитные билеты“ *И. И. Кауфмана*, стр. 373—374, который отвергаетъ прямое ограниченіе, и т. д.

[2]) *Судейкинъ*, стр. 258.

[3]) Содержаніе этого важнаго указа приведено, между прочимъ у *Raffalovich a*, Marché financier 1897—98, p. 353.

Что въ виду неосуществимости банковаго покрытія строгія предписанія относительно покрытія наличностью были необходимы, — видно изъ слѣдующихъ фактовъ.

Обращающіеся въ Россіи векселя, какъ единогласно увѣряли меня выдающіеся знатоки русскаго банковаго дѣла, ни качественно, ни количественно непригодны въ настоящее время для покрытія обращенія кредитныхъ билетовъ. Причина тому—малые размѣры и медленность оборотовъ товарной торговли, а также крайне длинные сроки кредита. Отчасти тутъ играютъ роль естественныя причины, какъ огромныя разстоянія, замерзаніе водныхъ путей зимою, когда во многихъ мѣстахъ санный путь является единственнымъ способомъ сообщенія; представьте себѣ, напримѣръ, что лѣсъ зимою подвозится на саняхъ къ рѣкамъ, лѣтомъ сплавляется и попадаетъ въ руки покупателя лишь осенью. Въ противоположномъ направленіи дѣйствуютъ пароходы и желѣзныя дороги и вообще развивающееся денежное хозяйство, распространяя товарный обмѣнъ, а съ нимъ и векселя.

Соотвѣтственно этому Государственный Банкъ можетъ постепенно принимать педагогическія мѣры, направленныя на укороченіе сроковъ кредита, разумѣется, не заходя сразу слишкомъ далеко, во избѣжаніе чисто фиктивнаго раздробленія долгосрочныхъ векселей на нѣсколько краткосрочныхъ. И въ дѣйствительности онъ взимаетъ различный дисконтъ съ векселей; напримѣръ, 1 марта 1898 г. взималъ $4^1/_2\%$ съ трехмѣсячнымъ, $7^1/_2\%$—съ двѣнадцатимѣсячнымъ [1]). Сроки векселей сокращаются, но они все еще гораздо длиннѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ [2]).

Къ этому присоединяется еще слѣдующее: на Западѣ, напримѣръ, въ Германскомъ Имперскомъ Банкѣ [3]), наряду съ товарными векселями излюб-

---

[1]) „Bulletin Russe“ 1898, I, p. 168.

[2]) По даннымъ Судейкина, относящимся къ концу 80-хъ гг., изъ всѣхъ векселей, учтенныхъ Волжско-Камскимъ Коммерческимъ Банкомъ, однимъ изъ крупнѣйшихъ въ Россіи частныхъ банковъ, только 30% составляли 3—6 мѣсячные векселя; остальные были на болѣе длинные сроки. *Судейкинъ*, стр. 415. Средній срокъ векселей, учтенныхъ Государственнымъ Банкомъ въ 1888 г., былъ 124 дня, въ отдѣленіяхъ — 133 дня.

[3]) По наведеннымъ справкамъ, „со стороны Имперскаго Банка еще никогда не было ограниченій относительно этихъ дисконтовъ“. Если въ послѣднее время въ Имперскій Банкъ поступаютъ, какъ говорятъ, только банковые акцепты съ короткимъ срокомъ платежа, то это можетъ зависить отъ того, что въ послѣдніе два года банкъ учитывалъ не по частнымъ дисконтнымъ ставкамъ, и банковые акцепты съ болѣе долгими сроками платежа поступали преимущественно къ частнымъ дисконтерамъ. Къ Россіи это неприменимо, такъ какъ въ ней дисконтныя ставки Государственнаго Банка — самыя низкія.

леннымъ дисконтнымъ матеріаломъ, притомъ такимъ, значеніе котораго все растетъ, по мѣрѣ того какъ къ товарной торговлѣ прививается расплата наличными, служатъ тратты, проистекающія изъ прочныхъ акцептныхъ отношеній между банками и ихъ кліентами. Въ Россіи такого рода банковый кредитъ почти совершенно отсутствуетъ, потому именно, что вслѣдствіе прежней ненадежности валюты нѣтъ большого и правильнаго рынка для prima-papier; поэтому солидные банки опасались дискредитировать себя, въ случаѣ если бы ихъ акценты можно было учесть лишь по неблагопріятнымъ дисконтнымъ ставкамъ. Развитіе регулярнаго акцентрированія желательно въ интересахъ русскаго денежнаго обращенія, хотя при этихъ векселяхъ, какъ векселяхъ кредитныхъ, требуется особенная разборчивость выдающаго банкноты дисконтера.

Оставляя въ сторонѣ незначительное количество и слишкомъ долгіе сроки векселей, дисконтируемыхъ Государственнымъ Банкомъ, самое качество ихъ было до сихъ поръ вовсе не такъ безупречно, какъ требуютъ того принципы банкнотнаго покрытія. На это указываютъ многочисленные случаи опротестованія векселей [1]). Въ послѣднее время Государственный Банкъ, кажется, примѣняетъ свою „цензуру“ строже, чѣмъ прежде. На это указываетъ мнѣ въ письмѣ компетентное лицо изъ одного провинціальнаго центра. Судя по этому письму, банкъ учитываетъ только векселя съ двумя подписями, „одобренное учетнымъ комитетомъ изъ солидныхъ и почтенныхъ коммерсантовъ“. Вотъ одна изъ выгодъ золотой валюты: обращеніе легкоподвижного международнаго металла заставляетъ центральный банкъ ставить въ собственныхъ интересахъ болѣе строгія дисконтныя требованія.

Изъ сказаннаго видно, что учетныя операціи для русскаго Государственнаго Банка [2]), имѣютъ сравнительно малое значеніе.

Въ приводимомъ ниже балансѣ на весь активъ въ 1,700 мил. приходится учтенныхъ векселей 160 мил. руб.

Однако дальнѣйшее развитіе учета крайне важно, тѣмъ болѣе что ломбардная операція является въ Россіи особенно непригодной для покрытія кредитныхъ билетовъ.

Существующія условія выдачи ссудъ обнаруживаютъ серьезное желаніе солиднаго веденія дѣла, хотя до строгости Германскаго Имперскаго Банка имъ очень далеко. Относительно правилъ, которыми руководствуется въ данное

[1]) *Судейкинъ*, стр. 427.

[2]) *Канкринъ* совершенно запретилъ правительственнымъ банкамъ учетныя операціи. *Судейкинъ*, стр. 127, 241.

время Государственный Банкъ, я получилъ отъ русскихъ дѣловыхъ сферъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Ссуды выдаются предпочтительно подъ государственныя бумаги въ размѣрѣ до 85—90% биржевой цѣны, подъ закладныя учрежденій ипотечнаго кредита, городского и сельского, до 75—80% биржевой цѣны, подъ прочія цѣнности (акціи и пр.) по низкой оцѣнкѣ—этого рода ссуды почти можно не принимать въ разсчетъ; подъ товары, главнымъ образомъ хлѣбъ, не свыше 60% рыночной цѣны".

Однако ломбардныя обезпеченія въ качествѣ покрытія кредитныхъ билетовъ возбуждаютъ весьма сильныя сомнѣнія. Прежде всего можно указать на долгосрочность ссудъ: напримѣръ, въ 1888 г., по Судейкину, средній срокъ ссудъ подъ государственныя бумаги былъ въ центральномъ банкѣ 360 дней, въ отдѣленіяхъ—150. Сюда присоединяется, по крайней мѣрѣ, для времени, которое изображаетъ Судейкинъ, обычай отсрочекъ, нерѣдко приводившихъ къ убыткамъ для банка [1]). Тотъ же авторъ приводитъ случаи, когда ссуды великодушно выдавались для спасенія пошатнувшихся частныхъ промышленныхъ предпріятій и частныхъ банковъ,—въ духѣ стараго меркантилизма [2]).

Въ послѣднее время въ этомъ отношеніи положеніе несомнѣнно улучшилось. Но каково бы оно ни было, нельзя забывать, что одинаковые объекты залога естественно представляютъ гораздо меньшее обезпеченіе въ Россіи, чѣмъ на Западѣ.

Дѣло не только въ томъ, что заложенный хлѣбъ по недостатку надлежащихъ помѣщеній часто хранится у частныхъ лицъ, напримѣръ, у самихъ сельскихъ хозяевъ; этотъ хлѣбъ представляетъ во всякомъ случаѣ товаръ непроданный, зависящій въ своей цѣнѣ отъ возможности вывоза и могущій подвергнуться при извѣстныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, въ случаѣ блокады, самому сильному обезцѣненію. Закладываемыя цѣнныя бумаги представляютъ почти исключительно русскія государственныя бумаги, цѣны которыхъ устанавливаются заграницей. Политическія замѣшательства могутъ въ одинъ день уронить ихъ курсъ, и какъ разъ тогда, когда размѣнъ кредитныхъ билетовъ особенно важенъ.

Еще вопросъ, возможно ли будетъ въ такое время продать эти государ-

---

[1]) *Судейкинъ*, стр. 451, 454, 439.

[2]) *Судейкинъ*, стр. 455. Недавно газеты сообщали о вмѣшательствѣ Государственнаго Банка въ видахъ поддержанія, потерпѣвшихъ крахъ промышленныхъ предпріятій фонъ-Дервиза—конечно на основаніи меркантильныхъ соображеній, противорѣчащихъ по существу характеру центральнаго кредитнаго банка.

(*Къ стр. 405*)

Состоянiе счетовъ Государственнаго Банка

къ 1 апрѣля 1899 г. *)

Активъ.

№№		Въ С.-Петербургѣ. Рубли.	Коп.	Въ остальныхъ конторахъ и отд[illegible] Рубли.	Въ казначействахъ. Рубли.	ИТОГО Рубли	Коп.
1	Касса. а) кредитными билетами	33,065,440		12.917,000	18.177 000	64 149,440	—
	б) золотомъ	15,921,765	—	104,848,000	41 127,000	161 896,765	—
	в) полноцѣннымъ серебромъ	2,543,669		15 019,000	16,421 000	33 983 669	—
	г) размѣнною монетою	668,332	80 3/4	5,602,000	9,627,000	15,897,332	80 3/4
	Итого	52 189,206	80 3/4	138.386.000	85,352,000	275,927,206	80 3/4
2	Безпроцентный долгъ Госуд. Казнач. за кредитные билеты	100,000,000			—	100,000,000	—
3	Золото въ слиткахъ, монетѣ и ассигновкахъ горн. правл.	787,899,176	16 1/2	8 238,000		796 137,176	16 1/2
4	Золото заграницею [2])	22,352,118	42 1/4			22,352.118	42 1/4
5	Принадл. банку тратты и переводы на заграничныя мѣста	106 601	20		—	106 601	20
6	Учетные векселя и другія срочныя бумаги	12.924,548	79	137,870,000	7.375.000	158,169,548	79
7	Спеціальные текущіе счеты, обезпеч. векселями	996,617	01	1 236,000		2 232,617	01
8	" " " " " бумагами	3,637,571	08	12 397 000	—	16 034,571	08
9	Ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ	4.976 380	81 3/4	19 706 000		24,682,380	81 3/4
10	" " " товаровъ	16,800	—	19 028,000		19 044 800	—
11	" " документы на товары			1 443 000	—	1 443 000	
12	" сельскимъ хозяевамъ	241 280	21	9 087 000	—	9,328,280	21
13	" промышленнымъ предпріятымъ	5,039,606	54	3 723,000		8 762 606	54
14	" ремесленникамъ и кустарямъ	125	-	472,000	—	472, 25	—
15	" на покупку земледѣльч. машинъ и орудій	—	—	1,055,000	—	1,055,000	—
16	Счетъ авансовъ посредникамъ	—	—	78,000		78,000	
17	Ссуды городамъ и земствамъ	—	—	10,000		10,000	
18	Долгъ С.-Петерб. и Московской ссудн. казн.	2 764,000	—	790,000	—	3,554,000	—
19	Протестованные векселя	6,162	70	196,000	—	202,162	70
20	Разсроченные долги, обезпеченные недвижимыми имуществами	359,102	34	3 071,000		3,430,102	34
21	Проц. бумаги, принадлежащія банку	8,541,061	46	16,141,000	6,093,000	30,775,061	46
22	" " пріобрѣтенныя по коммиссіи	238,903	82		—	238,903	82
23	Суммы по разсчетамъ съ Двор. и Крест. банками и другими правительственными учрежд.	4,852,565	33	1,185,000	—	6,037,565	33
24	Расходы банка и разные счеты	5,291,535	04 1/4	4,376,000		9,667,535	04 1/4
25	Счетъ банка съ конторами и отдѣленіями	177,262,225	82 1/4	—	—	177,262,225	82 1/4
26	" казначействъ съ конторами и отдѣлен.			—	37,701,000	37,701,000	—
		1,189,695,588	56	378,488,000	136,521,000	1,704,704,588	56

Кромѣ того имѣется на храненiи
вкладовъ разныхъ лицъ и учрежденій:
золотомъ и серебромъ по оцѣнкѣ вкладовъ 5,127,744 30
процентными бумагами и документами 2,960,620,688 68 1/4

Пассивъ.

№№		Въ С.-Петербургѣ. Рубли	Коп.	Въ остальныхъ конторахъ и отдѣлен. [1]). Рубли	Въ казначействахъ [1]). Рубли	ИТОГО Рубли	Коп.
1	Кредитные билеты, выпущенные въ обращеніе	660.000,000	—			660,000 000	
2	Депозитныя металлическія квитанціи, выпущенныя въ обращеніе	12.845	25		—	12,845	25
3	Выданныя банкомъ тратты на заграничн. мѣста	9,644,377	29			9,644,377	29
4	Основной капиталъ Государственнаго Банка	50,000,000	—	—	—	50,000 000	
5	Резервный " "	3,000 000		—	—	3 000.000	—
6	Капиталъ на постройку домовъ для отдѣленій	129 652	30 1/2	—		129,652	30 1/2
7	Вклады срочные	2,759,995	33	24,759,000		27,518.995	33
8	" безсрочные	6,716,773	57 1/4	55,959 000		62,675.773	57 1/4
9	Текущіе счеты						
	а) Департамента Государств. Казначейства	326.398,018	71		—	326.398.018	71
	б) спеціальныхъ средствъ и депозитовъ		—	—	136 521,000	136.521,000	
	в) правительств. и обществ. учрежденій	66,418,672	99 3/4	7,484,000		73,902,672	99 3/4
	г) частн. лицъ кред. учр. и торг.-пром. тов.	23,413,458	46	56.480 000	—	79 893.458	46
10	Счетъ отдѣла разсчетовъ между желѣзными дорогами	16,989.146	33	—		18,989 146	33
11	Невыплаченные переводы	767,717	02 3/4	7 246.000	—	8 .13,717	02 3/4
12	Проценты по операціямъ	1,898 888	19 1/4	5.945 000		7 843 888	19 1/4
13	Проценты, причитающ. по вкладамъ, перех. и разныя суммы	8,559.974	51	5.516,000		14,075,974	51
14	Счетъ конторъ и отдѣленій съ банкомъ	—	—	187,285,000		187 285,000	—
15	Счетъ конторъ и отдѣленій съ казначействами	10,986,068	58 1/4	27.814,000		38,800,068	58 1/4
		1,189,695,588	56	378,488,000	136,521,000	1,704,704,588	56

Управляющій Э. ПЛЕСКЕ.

¹) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ по телеграфу (въ тысячахъ рублей).
²) Въ этой статьѣ показано только золото заграницею, принадлежащ. Государственному Банку, золото же заграницею, принадлежащее Государственному Казначейству, въ балансъ не включено.
*) „Вѣстникъ Финансовъ" 1899 г. № 15. Шульце-Геверницъ, „во избѣжаніе ошибокъ при переводѣ" приводитъ этотъ балансъ на французскомъ языкѣ, какъ онъ оффиціально публикуется. *Прим. ред.*

ственныя займы. Вѣдь даже въ спокойныя и мирныя времена эта возможность продажи не стоитъ выше всякихъ сомнѣній. По крайней мѣрѣ, прочно установлено, что въ послѣднія десятилѣтія ломбардированіе часто служило для размѣщенія государственныхъ займовъ, которые безъ того не нашли бы покупателей. Эти ломбардныя операціи возникли изъ нуждъ не одного частнаго, но и государственнаго кредита [1]).

Резюмируемъ сказанное.

Придать кредитнымъ билетамъ характеръ истинныхъ банкнотъ посредствомъ введенія дѣйствительнаго банковаго покрытія— такова должна быть цѣль русской денежной политики; только при этомъ золотое обращеніе было бы вполнѣ проведено. Эта цѣль можетъ быть достигнута лишь постепенно, подъ условіемъ измѣненія экономической структуры страны въ смыслѣ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Но для этого необходимо, какъ мы видѣли выше, благопріятствующая обмѣну, увеличивающая обороты торговли торговая политика, которая распространяетъ денежное хозяйство въ широкихъ слояхъ населенія и уже съ этой точки зрѣнія является основой всякой денежной реформы.

Вспомнимъ о предшественникѣ Германскаго Имперскаго Банка—Прусскомъ Банкѣ. Только путемъ работы, продолжавшейся нѣсколько десятилѣтій, удалось ему устранить изъ своего актива ипотеки и долговыя обязательства государства. Позднѣе была сначала ограничена, а затѣмъ и совсѣмъ упразднена собственная наличность въ цѣнныхъ бумагахъ, еще значительная въ срединѣ столѣтія. Центръ тяжести актива все болѣе и болѣе переходилъ на краткосрочныя долговыя документы, пока, наконецъ, въ Германскомъ Имперскомъ Банкѣ въ качествѣ покрытія банкнотъ не стали приниматься въ разсчетъ только надежные краткосрочные векселя. Но такая эволюція была невозможна безъ переворота въ германскомъ народномъ хозяйствѣ.

Уяснивъ себѣ, что Русскій Государственный Банкъ не есть кредитный банкъ подобно западно-европейскимъ кредитнымъ банкамъ и не можетъ сразу стать таковымъ, посмотримъ на настоящее положеніе банка, основываясь на его послѣднемъ балансѣ (См. таблицу).

---

[1]) *Судейкинъ*, стр. 444 и слѣд. Справедливо говоритъ *A. Wagner*, Zettelbankpolitik, S. 325: „Покрытіе кредитныхъ билетовъ ломбардированіемъ государственныхъ бумагъ противорѣчитъ положенію, что банкноты никоимъ образомъ не могутъ основываться только на государственномъ кредитѣ“. Объ опасности ломбардированія еще не сбытыхъ государственныхъ займовъ см. у него же, S. 613.

Обратимся сначала *къ пассиву*. На 1 апрѣля 1899 г. обращеніе кредитныхъ билетовъ составляло около 600 милл. руб. (было выпущено 660 милл., изъ нихъ 64 находились въ кассѣ Банка).

Ничто не является болѣе наглядным показателемъ успѣховъ достигнутыхъ Россіей въ послѣднее время въ области денежнаго обращенія, чѣмъ уменьшеніе суммы обращающихся кредитныхъ билетовъ, которая въ декабрѣ 1896 г. составляла еще 1,121 милл. руб. Такъ какъ денежное обращеніе не сократилось, то, слѣдовательно, за это время поступило въ обращеніе по меньшей мѣрѣ 500 милл. новыхъ золотыхъ рублей [1]).

Обращающимся кредитнымъ билетамъ соотвѣтствуетъ запасъ наличности въ 980 милл. руб. зол. (статьи 1 в, 3 и 4 актива). Правда, для точности изъ ст. 4 актива („золото заграницею“) слѣдуетъ вычесть ст. 3 пассива, къ которой относятся находящіяся въ обращеніи тратты Государственнаго Банка на его заграничныхъ корреспондентовъ. Но все же кредитные билеты покрыты съ избыткомъ.

Дѣйствительный избытокъ покрытія еще больше, такъ какъ помимо золота, принадлежащаго Государственному Банку, и Государственное Казначейство располагаетъ значительными суммами золота, хранящимися заграницей. По сообщенію Рафаловича, Государственный Банкъ и Государственное Казначейство вмѣстѣ въ концѣ 1898 г. располагали 1,146 милл. руб. золота.

Существующее избыточное покрытіе допускаетъ извѣстное приспособленіе обращенія къ требованіямъ торговли, такъ какъ Государственный Банкъ можетъ въ случаѣ нужды пустить въ обращеніе вполнѣ покрытые кредитные билеты или же золотую монету.

Конечно, этимъ не достигается эластичность, какая свойственна банкнотному обращенію. Но пока настоящихъ банкнотъ нѣтъ, чрезвычайное накопленіе наличности необходимо для названной цѣли, хотя и дорого обходится, такъ какъ наличное золото не приноситъ процентовъ.

Оборотныя средства Государственному Банку даютъ вклады, среди которыхъ преобладаютъ вклады приносящіе проценты [2]). Банкъ платилъ

---

[1]) Это согласуется съ письменнымъ сообщеніемъ, сдѣланнымъ мнѣ г. *Рафаловичемъ*, который для декабря 1 98 г. золотое обращеніе опредѣляетъ въ 445 милл. руб.

[2]) „Consignations“ (ст. 9 б „Текущій счетъ спеціальныя доходовъ и депозитовъ“. *Ред.*)—это, по наведеннымъ справкамъ, спеціальные фонды отдѣльныхъ вѣдомствъ, „не проистекающіе изъ общаго государственнаго бюджета“, а также деньги частныхъ лицъ, находящіяся у казны на храненіи, напримѣръ, залоги, оспариваемыя суммы и т. д. Отсюда надо бы вычесть незначительную статью 24 (23?) актива, долги государственныхъ земельныхъ банковъ (дворянскаго и крестьянскаго).

своимъ вкладчикамъ въ мартѣ 1898 г. 2% по вкладамъ на текущемъ счету, 1—3½ % по вѣчнымъ вкладамъ и 1% по онкольнымъ [1]).

Важнѣйшимъ вкладчикомъ является казна, кредиторъ банка по статьямъ 9 а, б, в пассива (текущіе счеты). Эти помѣщенія казны давно уже состовляютъ нѣсколько сотъ милліоновъ, въ лежащемъ передъ нами балансѣ они переходятъ за 500 милл.; ихъ минимумъ, непрерывно приносящій проценты, во всякомъ случаѣ значительно превышаетъ 100 милл. Поэтому непокрытый безпроцентный 100-милліонный долгъ казны Банку (ст. 2 пассива) не можетъ возбуждать опасеній [2]). Хотя эта статья служитъ нерадостнымъ напоминаніемъ о тѣхъ временахъ, когда печатаніе ассигнацій считалось источникомъ доходовъ, но эволюція ея въ послѣдніе годы доказываетъ сильный прогрессъ въ русскихъ финансахъ. Еще въ ноябрѣ 1895 г. долгъ казны Банку, какъ видно изъ соотвѣтствующаго баланса, составлялъ 671 милл. руб. [3]) Кромѣ того этому долгу казны Банку надо противопоставить основной и запасной капиталъ, вмѣстѣ составляющіе 53 милл.,—фондъ, который казна дала Банку и, слѣдовательно, вправѣ потребовать съ него.

Но чѣмъ меньшее значеніе мы придаемъ долгу казны Банку, тѣмъ энергичнѣе настаиваемъ на томъ, что созданіе оборотныхъ средствъ насчетъ приносящихъ проценты вкладовъ казны и частныхъ лицъ совершенно противорѣчитъ сущности кредитнаго банка. Если Россія хочетъ имѣть настоящій кредитный банкъ, то такое положеніе нуждается въ радикальномъ измѣненіи.

Депозиты въ Государственномъ Банкѣ—наслѣдіе прошлаго. Сущность прежнихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій заключалась въ томъ, чтобы принимать сбереженія публики, по возможности удерживать ихъ предложеніямъ высокихъ процентовъ и употреблять на правительственныя нужды. По словамъ *Судейкина*, на эти деньги строились крѣпости, покупались военные припасы и т. д. [4]).

Такіе вклады въ банкѣ съ цѣлью полученія процентовъ характеризуютъ собой отсталые народно-хозяйственные уклады, лишенные духа предпріим-

---

[1]) „Bulletin Russe“ 1898, I, p. 168

[2]) Въ этомъ я согласенъ съ *Lexis*'омъ, Handwörterbuch, S. 649; *Kramarç*, S 33-34, на мой взглядъ, черезчуръ напираетъ на этотъ пунктъ.

[3]) *Moos*. Finanzen Russlands. Berlin, 1896, S. 96—97.

[4]) *Судейкинъ*, стр. 127 и слѣд. Это напоминаетъ первоначальную исторію западноевропейскихъ банковъ. *Sieveking*. Genueser Finanzwesen II, die Casa di S. Giorgio. (volkswirtsch. Abhand. d. bad. Hochschulen, III, 3), S. 203, 214 и слѣд., 221 и слѣд. пользованіе депозитами банковъ для государственныхъ надобностей (постройка флота, сооруженіе гавани, etc).

чивости; въ 60-хъ г.г. въ Русскомъ Государственномъ Банкѣ вклады на 5-10 лѣтъ еще были обычнымъ явленіемъ [1]). Позднѣе стали помѣщать сбереженія въ цѣнныя бумаги, да и послѣ краха старыхъ кредитныхъ учрежденій ихъ кредиторы были большею частью, удовлетворены билетами приносящихъ проценты государственныхъ займовъ.

Фактически и въ Россіи банковые вклады становятся все подвижнѣе; долгосрочные вклады уменьшаются, краткосрочные увеличиваются. Первые въ настоящее время поступаютъ преимущественно изъ провинціи; это сбереженія частныхъ лицъ, средній размѣръ которыхъ невеликъ. Вклады же изъ крупныхъ торговыхъ центровъ принимаютъ все болѣе и болѣе характеръ „текущихъ капиталовъ", которые помѣщаются въ Государственный Банкъ на проценты лишь на время [2]), а въ періоды какъ оживленія дѣлъ, такъ и кризисовъ берутся обратно:—„невѣрные друзья"[3])

Вмѣстѣ съ тѣмъ вклады на проценты становятся все болѣе и болѣе опасными для центральнаго банка, который въ трудное время долженъ служить оплотомъ кредита всей страны. Дѣло не только въ томъ, что они побуждаютъ банкъ обращаться къ рискованнымъ операціямъ съ цѣлью достать деньги на уплату процентовъ и заработать сверхъ того прибыль; какъ извѣстно изъ опыта, въ критическія времена требованія возврата вкладовъ опаснѣе предъявленія банкнотъ.

Требованія возврата вкладовъ вызвали въ 1806 г. крахъ Прусскаго Банка. Уже съ 1850 г. Прусскій Банкъ пересталъ платить проценты по вкладамъ, пролежавшимъ менѣе трехъ мѣсяцевъ [4]). Съ 1879 г. были совершенно упразднены вклады на проценты, принятые Германскимъ Имперскимъ Банкомъ отъ Прусскаго Банка [5]).

Среди безпроцентныхъ вкладовъ въ Россіи еще и теперь преобладаютъ вклады Министерства Финансовъ [6]). Эти вклады въ послѣдніе годы, годы мира и экономическаго оживленія, постоянно предоставляли въ распоряженіе Государственнаго Банка весьма значительныя суммы. Но такъ какъ въ случаѣ политическихъ замѣшательствъ или хотя бы мобилизаціи эти суммы будутъ навѣрное взяты обратно, то къ нимъ примѣнимы доводы, которые выставляетъ А. Вагнеръ противъ помѣщенія военнаго фонда въ централь-

---

[1]) *Судейкинъ*, стр. 176.

[2]) *Судейкинъ*, стр. 210, 305 и слѣд., 318.

[3]) *Lotz*. Geschichte und Krtik des deutschen Benkgesetzes. Leipzig, 1888, S. 287

[4]) *Poschinger*. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen, II, S. 27, также—III, S. 41.

[5]) *Lotz*, S. 284.

[6]) *Судейкинъ*, стр. 313.

номъ банкѣ: банкъ долженъ былъ бы отказывать въ своемъ кредитѣ „въ ту самую минуту, когда запросъ на ссуды все растетъ“ [1]). Если бы это не привело ни къ чему, не оставалось бы иного средства, кромѣ какъ прибѣгнуть къ печатному станку. Извѣстной гарантіей, значеніе которой нельзя слишкомъ преувеличивать въ виду чисто государственнаго характера Банка, и во всякомъ случаѣ прогрессомъ сравнительно съ настоящимъ положеніемъ было бы, если бы минимумомъ этихъ суммъ, ниже котораго онѣ не спускаются, воспользовались для уплаты долга казны Банку и для увеличенія основного капитала послѣдняго.

Но важнѣе всего прочаго было бы поощреніе такихъ вкладовъ, которые отдаются въ Банкъ не только для храненія и роста, но и для облегченія разсчетовъ. Кассовые запасы дѣлового міра подлежатъ слабымъ колебаніямъ; въ худые времена кліенты Банка будутъ стремиться даже къ умноженію такого рода помѣщеній, потому что нужда въ платежныхъ средствахъ увеличивается [1]).

Въ Россіи имѣются пока слабые задатки развитія такихъ вкладовъ. Я вижу ихъ въ незначительной статьѣ 11 пассива: „невыплаченные переводы“. Дальнѣйшее развитіе ихъ требуетъ большой предупредительности по отношенію къ вкладамъ для разсчетныхъ цѣлей (Giroeinlagen), напримѣръ, въ видѣ безплатныхъ перечисленій; но прежде всего нужно пониженіе, а въ концѣ концовъ, и совершенная отмѣна, процентовъ по вкладамъ,— мѣра, которая окончательно отдѣлила бы кассовые запасы отъ помѣщеній съ цѣлью полученія прибыли (Anlagekapitalien) [3]).

Взглянемъ теперь на активъ баланса.

О векселяхъ и заложенныхъ цѣнностяхъ мы уже говорили. Наряду съ ними въ немъ еще и теперь встрѣчаются статьи, напоминающія о тѣхъ временахъ, когда Государственный Банкъ былъ „ипотечнымъ банкомъ и учрежденіемъ движимаго кредита вмѣстѣ“ [4]). Впрочемъ, эти кредиты землевладѣльцамъ, промышленникамъ, ремесленникамъ, благотворительнымъ учрежденіямъ и т. д. въ настоящее время портятъ лишь красоту баланса; ихъ сумма незначительна. При желаніи финансоваго вѣдомства эта статьи со временемъ могутъ быть упразднены. Тутъ важно только, чтобы и въ публикѣ привился взглядъ о несовмѣстимости подобнаго рода долгосрочныхъ креди-

---

[1]) *A. Wagner.* System der Zettelbanpoliik, S. 390.

[2]) *Nasse.* Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Band II, S 17.

[3]) За это основательно ратуетъ *Судейкинъ*, стр. 210 и 309—310.

[4]) *Raphael Georges Levi.* Revue des deux mondes, 1895, t. 130, p. 81 и слѣд.

товъ съ задачами Банка. Нельзя также забывать, что кредиты эти хотя здѣсь неумѣстны, но все же служатъ экономически полезнымъ цѣлямъ.

То же самое относится и къ держанію банкомъ цѣнныхъ бумагъ (ст. 21 актива, сильно уменьшившаяся сравнительно съ прежними временами). При слабомъ развитіи частныхъ банковъ въ провинціи, Государственный Банкъ, и особенно его отдѣленія, долженъ держать довольно значительный запасъ цѣнныхъ бумагъ для распространенія государственныхъ фондовъ въ публикѣ [1]). Да и по инымъ основаніямъ теорія вовсе не противъ умѣреннаго держанія центральнымъ банкомъ цѣнныхъ бумагъ [2]).

Статьи 13 и 14 пассива показываютъ выплачиваемые проценты, ст. 24 актива—расходы на дѣлопроизводство; статьи 14, 15 пассива, подобно 25—26 актива, имѣютъ чисто бухгалтерское значеніе.

Набросанная нами въ краткихъ чертахъ картина положенія русскаго Государственнаго Банка показываетъ огромный прогрессъ, если сравнить его съ состояніемъ всѣхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій къ 1 января 1859 г. [3]). Это сравненіе необходимо сдѣлать для того, чтобы при сопоставленіи съ западно-европейскими банками не обнаружились для насъ одни лишь несовершенства русскаго Государственнаго Банка.

Активъ.

1. Ссуды		1,038,199,531 руб.
менѣе чѣмъ на годъ	37,868,406 р.	
на 1—15 лѣтъ	31,371,460 „	
болѣе чѣмъ на 15 лѣтъ	968,959,665 „	
2. Наличность		68,849,427 „
Итого		1,107,048,958 руб.

Пассивъ.

Вклады частныхъ лицъ	725,074,952 руб.
Вклады казны	242,032,089 „

Далѣе при сужденіяхъ о русскомъ Государственномъ Банкѣ не надо забывать того, что и Прусскій Банкъ вплоть до 50-хъ г.г. при покрытіи на-

---

[1]) Уже по закону 1860 г. Имперскому Банку разрѣшалась покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ только на сумму, не превышавшую его собственнаго капитала. *Keussler*. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. II, S. 158.

[2]) См., напр., *A. Wagner*. System der Zittelbankpolitik, S. 414.

[3]) Взято у *Zielinsk*'аго Heft 4, S. 466.

личностью или избыточномъ покрытіи своихъ билетовъ черпалъ оборотныя средства изъ приносящихъ проценты вкладовъ частныхъ лицъ и государства; только во второй половинѣ текущаго столѣтія „банковымъ“ покрытіемъ постепенно стало замѣщаться покрытіе наличностью и вкладами для расчетныхъ цѣлей—вклады для приращенія процентами.

Въ заключеніе спросимъ, какими средствами для охраны золотого обращенія обладаетъ Банкъ при своемъ теперешнемъ устройствѣ? Для нормальнаго времени справедливы слова одного знатока русскихъ банковыхъ сферъ который въ письмѣ ко мнѣ выражается такъ: „Учетный процентъ Государственнаго Банка имѣетъ въ странѣ рѣшающее значеніе, тѣмъ болѣе, что частный дисконтъ обыкновенно выше. Что касается вопроса сбъ отливѣ золота заграницу, то врядъ ли можно допустить, чтобы при сравнительно высокомъ русскомъ дисконтѣ заграницѣ было выгодно получать золото изъ Россіи. Въ случаѣ надобности для предотвращенія отлива золота Государственный Банкъ могъ бы повліять на дискантъ“.

Точно также и для Россіи вѣрно положеніе: „разъ всѣ банкноты дѣйствительно могутъ быть размѣнены на полноцѣнную золотую монету въ крупныхъ торговыхъ центрахъ, то нечего опасаться, чтобы въ странѣ когда либо явился недостатокъ золота“ [1]).

Но тутъ же указывается условіе, при которомъ центральный банкъ можетъ бороться съ отливомъ золота мѣрами дисконтной политики: увѣренность заграницы, что посланный въ страну золотой капиталъ можно во всякое время получить обратно золотомъ же. При боязни заграницы „обжечься на валютѣ“ никакой учетный процентъ, какъ бы высокъ онъ ни былъ, не привлечетъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію и не предупредитъ отлива помѣщенныхъ въ ней раньше капиталовъ. Будутъ покупать по какой угодно цѣнѣ золотыя тратты, чтобы только развязаться съ заподозрѣнной валютой.

На чемъ же основано это довѣріе заграницы? Какъ мы видѣли не столько на надежности и реализуемости долговъ Русскаго Государственнаго Банка, сколько прежде всего на его колоссальномъ золотомъ запасѣ [2]). Это довѣріе въ настоящую минуту велико; такъ и должно быть, потому что предѣлы ошибокъ, возможныхъ безъ опасности для денежнаго обращенія, въ данную минуту широки, какъ видно изъ слѣдующаго.

Въ настоящее время находится въ обращеніи приблизительно:

---

[1]) *Nasse* въ Hirths Annalen des Deutschen Reichs, 1875, S. 299.

[2]) *Lorini*, p. 142, считаетъ не лишнимъ сообщить, что онъ собственными глазами видѣлъ этотъ золотой запасъ въ подвалахъ Банка. Это критикамъ à la Ціонъ.

500 милл. руб. золот.
120 „ „ серебр.
660 „ „ бумажн.

Такъ какъ по уставу Банка 300 милл. бумажныхъ рублей могутъ обращаться безъ покрытія, то для теперешняго бумажнаго обращенія нужна бы наличность въ Банкѣ 360 мил. руб. зол., а въ дѣйствительности Банкъ и Казна вмѣстѣ обладаютъ болѣе чѣмъ 1,000 мил. руб., слѣдовательно, около 640 мил. руб. зол. могутъ уйти изъ страны безъ опасности для валюты.

Для противодѣйствія мимолетнымъ ухудшеніямъ платежнаго баланса этого запаса золота болѣе чѣмъ достаточно. Противъ продолжительнаго ухудшенія платежнаго баланса онъ былъ бы такъ же безсиленъ, какъ и противъ массоваго возвращенія русскихъ цѣнныхъ бумагъ, размѣщенныхъ заграницей. Объ эти опасности мы обсудимъ ниже.

II. Курсъ рубля и рублевая биржа.

Съ 70-хъ г.г. кредитный рубль, несмотря на свою легальную серебряную основу, оцѣнивался на золото причемъ руководящую роль въ этой оцѣнкѣ играла *Берлинская рублевая биржа*. Въ Россіи въ этомъ фактѣ съ болью видѣли зависимость отъ заграницы въ дѣлѣ, оказывающемъ рѣшающее вліяніе какъ на равновѣсіе бюджета, такъ и на торговлю, производство и распредѣленіе богатства. „Было нѣчто унизительное въ зависимости отъ милостей берлинскихъ спекулянтовъ, которые посылали рублю дождь и ведро“ [1]).

Отголоски этого унылаго настроенія 80-хъ г.г. слышны еще и теперь; но послѣ укрѣпленія валютныхъ отношеній и паденія Берлинской рублевой биржи мыслящіе русскіе люди получили возможность судить спокойнѣе. Такъ какъ настоящее сочиненіе стремится устранить недоразуменія между двумя сосѣдними націями, которымъ суждено экономически тяготѣть другъ къ другу, то новое разсмотрѣніе пугала, о которомъ такъ много кричали, будетъ не лишне. Разсмотрѣніе это не безынтересно и съ научной точки зрѣнія, особенно въ виду пробѣловъ въ германской биржевой анкетѣ, благодаря чему мнѣ пришлось прибѣгнуть почти исключительно къ личнымъ разспросамъ. Нако-

[1]) *Raffalovich.* Marché financier 1894—95, p. 234; подобнымъ же образомъ выражается *Lorini*, p. 78: „унизительное иго Берлинской биржи“.

нецъ настоящій отдѣлъ поможетъ уяснить основы русскаго золотого обращенія и потому не можетъ быть выкинутъ изъ этой главы.

Прежде всего слѣдуетъ признать, что тягостная для Россіи зависимость отъ заграницы въ курсовой оцѣнкѣ валюты основывалась на самомъ фактѣ существованія бумажнаго обращенія. Было бы поверхностно винить биржу въ томъ, что она опредѣляетъ цѣну рубля.

Эта зависимость отъ заграницы существуетъ не въ меньшей, а въ большей степени и тогда, когда кредитные билеты страны съ бумажнымъ обращеніемъ не имѣютъ биржеваго рынка заграницей. Напримѣръ, отдѣльные лондонскіе банкирскіе дома сразу уронили курсъ южно-американскихъ бумажныхъ денегъ отказомъ принимать правительственные векселя; весьма дорого стоившая сдѣлка съ однимъ только такимъ банкирскимъ домомъ также быстро могла поднять курсъ. Сносить эту личную зависимость отъ отдѣльныхъ фирмъ не легче и, пожалуй, постыднѣе, чѣмъ зависимость отъ большого безличнаго рынка.

Размѣръ и степень безличности рынка и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, зависѣли отъ различія *биржевыхъ сдѣлокъ на срокъ*.

Прежде чѣмъ входить въ подробности организаціи Берлинской рублевой биржи, припомнимъ общій характеръ биржевыхъ операцій на срокъ: обычность сдѣлокъ повышаетъ вѣроятность, что сдѣлка можетъ быть передана другому лицу; устанавливаемый обычаемъ срокъ, въ нашемъ случаѣ мѣсячный, даетъ спекулянту время спокойно обдѣлать удачную спекуляцію съ помощью соотвѣтствующихъ реализаціонныхъ сдѣлокъ, развязаться съ неудачной или недостаточно прибыльной; для послѣдней цѣли служитъ кредитъ, причемъ третье лицо *беретъ* наличное количество бумаги или *ссужаетъ* желаемое количество („herein nimmt“, „herausgiebt“). Такъ какъ субстратомъ кредита здѣсь является сама бумага и кредиторъ, слѣдовательно, рискуетъ только курсовой разницей, то кредитъ сравнительно дешевъ. Это вмѣшательство кредита въ его технически наиболѣе развитыхъ формахъ расширяетъ рынокъ, а широта рынка, т. е. возможность исправить заключенную сдѣлку сдѣлкой въ противоположномъ направленіи уменьшаетъ опасности спекуляціи и потому въ свою очередь удешевляетъ кредитъ. Въ концѣ мѣсяца происходитъ общій учетъ заключенныхъ обязательствъ на основѣ общаго курса (ликвидаціонный курсъ), путемъ сведенія счетовъ ликвидаціоннымъ бюро, благодаря чему масса требуемой бумаги сильно уменьшается сравнительно съ часто колоссальнымъ расширеніемъ рынка.

Перейдемъ теперь къ деталямъ дѣятельности Берлинской рублевой биржи.

A. Возникновеніе Берлинской рублевой биржи.

Естественно, что цѣнность рубля, послѣ того какъ воспоминаніе о его металлической основѣ изгладилось, стала измѣряться въ валютѣ страны, съ которою у Россіи были наиболѣе оживленныя торговыя сношенія. А такою страной была прежде, да и теперь остается, Германія. Вывозъ въ Германію составлялъ, напримѣръ, въ 80-хъ г.г. треть всей экспортной торговли Россіи [1]).

Такимъ образомъ рѣшающее значеніе для курса рубля имѣлъ торговый обмѣнъ Россіи съ Германіей, исключая тѣ случаи, когда кредитныя отношенія, напримѣръ, отсрочка векселей, уничтожали значеніе торговаго баланса для платежнаго баланса. Однако для возникновенія на Берлинской биржѣ сдѣлокъ съ кредитными билетами этого было недостаточно. Въ Лондонѣ, напримѣръ, нѣтъ биржеваго рынка для мильрейсовъ, несмотря на господствующее положеніе Лондона относительно Рio [2]).

Здѣсь сказывается разница между странами Восточной Европы и Азіи, которыя лишь медленно освобождаются отъ натуральнаго хозяйства, и тѣми колоніальными областями, гдѣ желѣзная дорога и банкъ предшествуютъ распространенію земледѣлія и товарной торговли отъ побережья вглубь страны. Такимъ колоніямъ господствующая страна съ золотымъ обращеніемъ легко можетъ навязать собственную валюту при всѣхъ международныхъ разсчетахъ; даже туземное населеніе за кулисами бумажныхъ денегъ видитъ послѣднее и настоящее мѣрило цѣнности въ золотѣ. Напротивъ, неподвижность Востока часто заставляетъ Европу пользоваться туземнымъ платежнымъ средствомъ, а широкія народныя массы этихъ самыхъ континентальныхъ въ свѣтѣ областей въ своихъ повседневныхъ разсчетахъ еще и теперь упорно игнорируютъ золотого владыку міра. Съ этой точки зрѣнія Берлинскую рублевую биржу можно сравнить съ Лондонской серебряной биржей.

Германія издавна вела съ Россіей небольшую пограничную торговлю, и

---

[1]) *Ratner*. Rubel- und Wechselkurse. München, 1898, S. 32. Приводитъ въ качествѣ дальнѣйшаго основанія для возникновенія Берлинской рублевой биржи тотъ фактъ, что „наибольшее количество русскихъ государственныхъ фондовъ, помѣщенныхъ заграницей, находилось въ нѣмецкихъ рукахъ“, по крайней мѣрѣ въ столь общей формѣ—ошибочно. Въ началѣ 80-хъ г.г. гораздо больше русскихъ бумагъ было въ рукахъ англичанъ и голландцевъ—у первыхъ до афганскаго столкновенія.

[2]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ не разъ придется сравнивать русскія отношенія съ во многомъ противоположными имъ бумажно-валютными отношеніями Рio, которыя я изучилъ на практикѣ гамбургскихъ банковъ.

это еще въ тѣ времена, когда въ этихъ странахъ банковыя системы расплатъ были совершенно неизвѣстны. Къ тому же здѣсь торговали другъ съ другомъ классы населенія, лишенные всякаго кредита, а потому и всякихъ кредитныхъ способовъ расплатъ. Помѣщикъ русской Польши, какъ и мелкій торговецъ-еврей, продавая за прусскую границу сельско-хозяйственные продукты, хотѣли получать плату рублями. Нѣмецкій фабрикантъ, продававшій въ Россію, самъ ѣздилъ за полученіемъ денегъ; на эти путешествія, какъ я знаю по семейнымъ преданіямъ, родственники и друзья смотрѣли какъ на рискъ еще въ половинѣ нашего столѣтія; если все обходилось благополучно, купецъ привозилъ кредитные рубли. Поэтому въ Бреславлѣ и Кенигсбергѣ издавна шла торговля рублями. Позднѣе рынокъ этотъ перешелъ въ Берлинъ.

Но и болѣе крупной торговлѣ, которая развилась вслѣдствіе появленія пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ и вмѣстѣ съ которой быстро росъ спросъ Германіи на привозной хлѣбъ, приходилось считаться съ недостаточнымъ развитіемъ въ Россіи банковъ.

Не было банковъ въ такихъ крупныхъ центрахъ экспорта, какъ Николаевъ, Ростовъ на Дону, Евпаторія, и русскій экспортеръ или помѣщикъ ничего не могъ бы сдѣлать съ векселями на Германію. Онъ хотѣлъ, чтобы ему платили кредитными рублями, которые нѣмецкій хлѣботорговецъ долженъ былъ покупать въ Берлинѣ. Да и нѣмецкій фабрикантъ, открывшій филіальное отдѣленіе въ Россіи, нелегко находилъ переводные векселя, посредствомъ которыхъ могъ бы перевести въ Германію свои русскія поступленія. И тутъ кредитный рубль служилъ удобнымъ платежными средствомъ, такъ какъ его всегда можно было обмѣнять на германскую валюту на Берлинской биржѣ.

Такъ какъ торговля въ Россіи доставляла недостаточное количество переводныхъ векселей, то спекуляція на курсъ была лишена подходящаго объекта. Позднѣе, правда, извѣстное число русскихъ банковъ стали пользоваться акцентнымъ кредитомъ заграницей, преимущественно въ Берлинѣ, гдѣ ихъ лучше всего знали; это сдѣлало возможной въ Россіи спекуляцію на валюту съ помощью переводныхъ векселей; но въ виду концентраціи спекуляціи въ Берлинѣ, — что было уже совершившимся фактомъ, — она могла развиться въ Россіи лишь въ слабой мѣрѣ, притомъ эти русскіе банки сами были заинтересованы въ добромъ расположеніи своихъ заграничныхъ кредиторовъ, и въ силу этого порученія русской спекуляціи передавались Берлинской биржѣ.

Всѣ эти потребности торговли и спекуляціи получили свое конечное

удовлетвореніе только съ развитіемъ на Берлинской биржѣ сдѣлокъ *насрокъ* съ кредитными рублями. Благодаря послѣднимъ Берлинъ сталъ центромъ расцѣнки рубля. Это стало совершившимся фактомъ ко времени Восточной войны и было обусловлено слѣдующими обстоятельствами: во-первыхъ, ввозъ Германіею хлѣба сталъ благодаря ея промышленнымъ успѣхамъ послѣ франко-прусской войны нормальнымъ явленіемъ, и спросъ въ Берлинѣ на русскую валюту увеличивался съ каждымъ годомъ.

Далѣе, вслѣдствіе массовыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, которыми Россія во время Турецкой войны покрывала часть своихъ военныхъ издержекъ даже заграницей, кредитные билеты приливали крупными партіями въ Берлинъ; только расширившійся благодаря сдѣлкамъ на срокъ рынокъ могъ поглотить ихъ, аналогично тому, какъ размѣщеніе процентныхъ государственныхъ займовъ на крупныя суммы совершается легче при существованіи „срочнаго“ рынка чѣмъ безъ него. И дѣйствительно Берлинская биржа поглощала весьма значительныя количества русскихъ бумажныхъ денегъ in natura, черпая порою изрядныя суммы изъ самого русскаго обращенія. Мнѣ разсказывали, напримѣръ, что для надобностей биржи молодцы берлинскихъ банковъ часто проносили русскіе кредитные билеты чрезъ границу въ ручныхъ чемоданахъ: ослабленіе давленія новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ посредствомъ вывоза заграницу.

Наконецъ, со времени Восточной войны изъ Россіи начали стекаться въ Берлинъ бумажные такъ называемые „восточные займы“, причемъ лица сбывавшія ихъ, были заинтересованы въ обезпеченіи курса. Признанный фактъ, что помѣщеніе русскихъ бумажныхъ займовъ въ Германіи, ихъ единственномъ заграничномъ рынкѣ, и возникновеніе Берлинской рублевой биржи съ сдѣлками на срокъ находятся во взаимной причинной связи.

При внезапно усилившейся нуждѣ Россіи въ деньгахъ во время войны, въ которую она вступила финансово неподготовленною, возникновеніе на Берлинскомъ рынкѣ сдѣлокъ на срокъ съ кредитными билетами несомнѣнно представляло для нея большую выгоду [1]).

B. Функціи Берлинской рублевой биржи.

1. Первое мѣсто занимаетъ функція *страхованія*. При слабомъ развитіи въ Россіи переводныхъ векселей, возникновеніе по сосѣдству крупнаго рублеваго рынка съ сдѣлками на срокъ было прямо необходимо для товарной торговли въ видахъ страхованія курса. Въ частности, вывозъ

[1]) *Raffalovich*, Marché financier 1894—95, стр. 233.

хлѣба, эта основа платежнаго баланса Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея положенія въ міровомъ хозяйствѣ, не достигъ бы своего теперешняго огромнаго размѣра, не будь возможно страхованіе курса.

Разсмотримъ теперь отдѣльные случаи страхованія курса, конечно, не задаваясь цѣлью исчерпать предметъ вполнѣ; при этомъ ограничимся русско-германскими платежными отношеніями.

Въ русской экспортной торговлѣ, какъ мы видѣли, болѣе старой формой является та, когда европейскій импортеръ покупаетъ на рубли, напримѣръ, нѣмецкій хлѣботорговецъ покупаетъ *на рубли* въ августѣ еще необмолоченную пшеницу, которая можетъ быть доставлена въ Одессу въ декабрѣ. Этотъ, прежде частый, случай теперь имѣетъ мѣсто собственно лишь при непосредственныхъ сдѣлкахъ съ крупными землевладѣльцами. Здѣсь обезпеченіе курса—дѣло нѣмецкой импортирующей фирмы, которая покупаетъ въ Берлинѣ рубли на декабрь.

Масса хлѣбнаго отпуска Россіи въ настоящее время оплачивается иначе, русскій экспортеръ продаетъ за марки, скажемъ, въ августѣ на декабрь. Одновременно со сдачей товара и индоссированіемъ коносамента русскій экспортеръ получаетъ трехмѣсячный вексель на германскую импортирующую фирму или ея банкъ, писанный на имперскія марки [1]). Онъ можетъ не ждать наступленія срока платежа, а продать вексель, который и до акцента имѣетъ цѣнность самъ по себѣ, благодаря приложенному коносаменту и страховому полису. Обыкновенно такіе векселя поступаютъ въ портфели берлинскихъ крупныхъ банковъ, которые взамѣнъ акцепта или уплаты выдаютъ лицу, на которое написалъ вексель, коносаментъ на полученіе хлѣба. Основу такого положенія Берлина какъ резервуара русскихъ векселей составляютъ существующія издавна сношенія съ Россіей, позволяющія судить о кредитоспособности векселедателя: дѣло въ томъ, что коносаментъ еще не гарантируетъ надежность векселя, не говоря уже о томъ, что можетъ быть поддѣланъ. Когда хлѣбъ плыветъ, нѣмецкое народное хозяйство уже оплатило его; русскій—получилъ свои рубли. Чтобы не впутаться въ спекуляціи на валюту, онъ уже при заключеніи сдѣлки и сведеніи счетовъ продастъ золотую тратту къ сроку, когда хлѣбъ будетъ сданъ, или, что то же, покупаетъ на биржѣ рубли (въ нашемъ случаѣ въ августѣ на декабрь).

Относительно *ввозной торговли* съ Россіей надо прежде всего замѣ-

[1]) *Borgius.* Mannheim und die Entwickelung des südwestdeutschen Getreidehandels. Volkswirtschaftliche Studien der badischen Universitäten. Bd. II. Freiburg, 1899, S. 65.

тить, что здѣсь обезпеченіе курса не можетъ считаться установившимся. Во многихъ случаяхъ поступленіе уплаты такъ невѣрно, что о страхованіи курса думать не приходится. Чтобы ни случилось съ цѣною рубля, весь рискъ несетъ европейскій экспортеръ или фабрикантъ. Послѣдній часто пытается отстранить отъ себя опасность тѣмъ, что ставитъ счетъ въ имперскихъ маркахъ. Разумѣется не всегда это средство дѣйствительно; одинъ промышленникъ, принимающій выдающееся участіе въ экспортѣ въ Россію, разсказывалъ мнѣ, что при низкихъ курсахъ рубля русскій кліентъ просто откладываетъ уплату до тѣхъ поръ, пока курсъ не станетъ для него болѣе благопріятнымъ. Это во многихъ случаяхъ вѣрно еще и теперь относительно средней и мелкой торговли, особенно непосредственно съ потребителемъ.

Большую гарантію имѣетъ европейскій промышленникъ или экспортеръ (въ Россію) тогда, когда между нимъ и потребителемъ, положимъ, мелочнымъ торговцемъ, стоитъ русская импортирующая фирма. Такія фирмы во многихъ отрасляхъ обязаны своимъ происхожденіемъ, кажется, такъ называемымъ въ западномъ краѣ „агентамъ“, въ большинствѣ случаевъ евреямъ, которые необходимы иностраннымъ комми-вояжерамъ какъ лица, знакомыя съ мѣстностью и языкомъ. Что касается, напримѣръ, торговли земледѣльческими машинами, то „агентъ“ часто заключаетъ сдѣлку съ германскимъ промышленникомъ отъ своего имени и на свой рискъ сбываетъ машины окрестнымъ хозяевамъ. То, что агентъ ради требуемаго имъ широкаго кредита часто даетъ въ залогъ нѣмецкой экспортирующей фирмѣ долгосрочные соло-векселя своихъ кліентовъ, характеръ дѣла не измѣняетъ.

Гдѣ можно сколько нибудь разсчитывать на вѣрность поступленій, тамъ и ввозная торговля прибѣгаетъ къ страхованію курса.

Нѣмецкій промышленникъ или экспортеръ обращается къ страхованію курса, если продаетъ за рубли, что бываетъ нерѣдко: германско-русская торговля пользуется вовсе не исключительно золотой валютой, какъ принимаетъ *Зилинскій* [1]). Напримѣръ, извѣстная восточно-германская фирма, торгующая колоніальными товарами, пишетъ мнѣ: „Не только русскіе, но и польскіе кліенты предпочитаютъ рубли и для этого переводятъ въ русскую валюту фактуры въ маркахъ. Полученные рубли мы продаемъ здѣсь. Пока курсъ устойчивъ, мы не дѣлаемъ никакихъ курсовыхъ сдѣлокъ въ видѣ запродажъ. Если положеніе измѣнится, мы будемъ обезпечивать для себя курсъ посредствомъ запродажи, какъ дѣлали раньше. Это будетъ дѣлать и *долженъ* дѣлать всякій купецъ, не желающій, чтобы его польза

[1]) *Zielinski*, Heft. 5, S 607.

исчезла благодаря внезапному пониженію курса". Повидимому, уступчивость въ валютномъ вопросѣ часто служитъ Германіи боевымъ средствомъ противъ конкурренціи другихъ странъ на русской почвѣ. Англичане не продаютъ за бумажныя деньги. Не будь страхованія курса, т. е. не будь рублевой биржи, это средство не годилось бы.

Правильное страхованіе курса является съ развитіемъ постоянныхъ дѣловыхъ сношеній, которыя при всей невѣрности единичныхъ поступленій позволяютъ опредѣлить вѣроятное среднее поступленіе. Въ частности такъ бываетъ тогда, когда европейскія фирмы открываютъ въ Россіи свои отдѣленія. Будучи первоначально складами для продажи, эти отдѣленія позднѣе часто начинаютъ заниматься фабрикаціей или окончательной отдѣлкой. Эти филіальныя отдѣленія продаютъ за рубли. Когда можно, напримѣръ, имѣя дѣло съ болѣе крупными и солидными русскими фабриками, которымъ продаютъ химическія вещества, машины, хлопокъ и пр.—онѣ страхуютъ курсъ. Для этой цѣли филіальное отдѣленіе продаетъ на срокъ большія круглыя суммы рублей. Ожидаемое среднее поступленіе обыкновенно закругляется кверху и остатокъ переносится въ слѣдующую четверть года, причемъ приходится нести только лишніе банковые коммиссіонные расходы.

Если такимъ образомъ германско-русскіе разсчеты часто производятся рублями, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что, гдѣ только можно, германскія экспортирующія фирмы ставятъ въ счетахъ марки. Чрезъ это курсовой рискъ перекладывается на покупателя. Болѣе крупные русскіе потребители, напримѣръ, фабрики, сельско-хозяйственныя общества, крупныя помѣщичьи экономіи часто могли бы страховать себѣ курсъ, но, конечно, это бывало не часто, въ силу слабаго распространенія въ Россіи коммерческаго образованія. Русскія импортирующія фирмы, служащія посредниками между потребителемъ и заграницей, часто встрѣчали въ невѣрности своихъ поступленій препятствіе къ страхованію курса, поэтому онѣ должны были набавлять къ цѣнамъ большую страховую премію. Отсюда ясно видна польза денежной реформы, напримѣръ, для русскаго сельскаго хозяина, какъ потребителя европейскихъ орудій и машинъ.

Наивысшую ступень платежныхъ отношеній Россіи къ Европѣ представляетъ европейскій „Rembours". Тутъ экспортеръ въ Россію получаетъ въ уплату акцептъ извѣстнаго банкирскаго дома страны съ золотой валютой; такимъ образомъ онъ избавленъ не только отъ случайностей курса, но и отъ невѣрности расплаты, и можетъ отдавать свой товаръ соотвѣтственно дешевле. Акцептомъ у странъ съ золотой валютой пользуются только наиболѣе кредитоспособныя и наиболѣе извѣстныя заграницей русскія фабрики,

напримѣръ, Кноопа (Лондонъ), лодзинскія (Берлинъ), южно-русскіе желѣзные заводы (Парижъ). Такого рода кредитъ, оказывается ли онъ in blanco или подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ, требуетъ быстрѣйшаго выполненія заключеннаго договора. Крупные банки не могутъ запутывать свои денежные счеты невѣрностью уплаты. Разъ тратты не продлены, то онѣ обыкновенно должны быть очищены *за день* до срока. Эти строгія требованія дѣлаютъ необходимымъ для фирмъ, пользующихся акцептомъ въ Европѣ, страхованіе курса. То же можно сказать и про тѣ кредитныя отношенія съ европейскими банками, посредствомъ которыхъ крупнѣйшія русскія фирмы добываютъ себѣ деньги по дешевому европейскому дисконту, притомъ не одинъ оборотный, но, при посредствѣ возобновленія траттъ, часто даже основной капиталъ.

И русское правительство тоже пользовалось раньше для заграничныхъ платежей векселемъ, но не хотѣло знать страхованія курса, такъ какъ „хозяйничало во всю“. Теперь оно уже не нуждается въ вексельномъ кредитѣ, такъ какъ имѣетъ въ главныхъ банкахъ Европы крупныя суммы золота и просто даетъ на нихъ приказы.

Посмотримъ теперь на различные *виды* страхованія курса, предлагаемыя торговлѣ Рублевой биржей съ сдѣлками на срокъ.

Если торговецъ желалъ избавиться отъ всякихъ счетовъ съ курсомъ, то просто заключалъ на „срочной“ биржѣ обратную сдѣлку: русскій экспортеръ или нѣмецкій импортеръ покупалъ на срокъ рубли, русскій импортеръ или нѣмецкій экспортеръ продавалъ ихъ.

Сдѣлка съ преміей, напротивъ, представляла удобное средство участвовать въ возможныхъ курсовыхъ выигрышахъ, причемъ рискъ ограничивался опредѣленной суммой. Предположимъ, напримѣръ, что русскій прядильщикъ купилъ на срокъ на 100,000 марокъ хлопка; такъ какъ ему приходилось опасаться, чтобы конкурренція не воспользовалась возможнымъ повышеніемъ курса для пониженія цѣны пряжи, то онъ продавалъ на Рублевой биржѣ неустойку (Rückprämie). При этомъ онъ оставлялъ за собой выборъ или доставить рубли въ случаѣ пониженія курса или уплатить премію въ случаѣ повышенія и тѣмъ развязаться съ обязательствомъ поставки. Напротивъ, импортирующая хлѣбъ нѣмецкая фирма, неувѣренная въ курсѣ рубля, покупала премію (Vorprämie), чѣмъ пріобрѣтала право требовать въ условленный срокъ рубли по установленному курсу или получить неустойку и извлечь пользу изъ паденія цѣны рубля.

Сдѣлка съ преміей была необходима, когда русскій покупатель оставлялъ за собою право расплатиться рублями или марками по условленному курсу, напримѣръ, 200 марокъ = 100 руб. Въ этомъ случаѣ нѣмецкій

экспортеръ обезпечивалъ себя отъ убытковъ сдѣлкой съ неустойкой, т. е. продажей рублей съ правомъ отказа отъ выполненія обязательства за неустойку, если бы русскій заплатилъ марками [1]).

Важно уяснить себѣ, что товарная торговля необходимо нуждалась въ биржѣ и спекуляціи для страхованія курса.

Экспортеръ хлѣба не могъ искать въ обширной Россійской Имперіи импортера, который случайно пожелалъ бы продать такое же самое количество рублей, какое онъ хочетъ купить. Простой концентраціи предъявляемаго товарной торговлей запроса на куплю-продажу было недостаточно: спросъ и предложеніе приходились на разное время, отдѣльныя суммы рѣдко совпадали по величинѣ. Количественно запросъ экспортной (изъ Россіи) торговли былъ гораздо больше, чѣмъ импортной, которая была не только абсолютно меньше, но и не во всѣхъ случаяхъ могла прибѣгнуть къ страхованію курса.

Необходимое расширеніе рынка дала спекуляція. Только благодаря ей стало возможно ежедневно продавать и покупать на срокъ произвольно большія количества кредитныхъ билетовъ. Будь спросъ и предложеніе обусловлены только товарной торговлей, то уже сравнительно незначительныя суммы вліяли бы на курсъ безъ объективнаго основанія, исключительно потому, что въ данный день не хватало противоположныхъ сдѣлокъ. Конечно, эти колебанія быстро выравнивались бы, но все же оказывали бы весьма вредное вліяніе на народное хозяйство страны съ бумажной валютой.

На расширенномъ спекуляціею рынкѣ колебанія, исходящія отъ товарной торговли, поглощались какъ ручейки рѣкою. Мнѣ, напримѣръ, извѣстенъ случай, когда нѣмецкая фирма для обезпеченія курса при хорошемъ ходѣ дѣлъ обыкновенно продавала на срокъ каждую четверть года, круглымъ счетомъ, по милліону рублей, и эти продажи не оказывали ни малѣйшаго вліянія на рынокъ. Хлѣбная торговля покупала порою колоссальныя суммы, и тоже безъ разстройства рынка.

Каждая сдѣлка съ премій предполагаетъ въ послѣднемъ счетѣ спекулянта въ качествѣ контрагента.

Итакъ, для товарной торговли Рублевая биржа была необходима; вслѣдствіе этого она была полезна для Россіи. Въ этомъ то именно и заключается особенно печальная сторона бумажнаго денежнаго хозяйства, что при немъ биржевая игра выполняетъ экономически необходимую функцію.

Обсуждая страховую функцію сдѣлокъ на срокъ, я былъ въ нерѣши-

[1]) На этотъ случай указываетъ *Max Weber*. Ergebnisse der deutschen Börsenenquete. Zeitschrift für Handelsrecht, Bd. XLV, S. 58.

тельности, говорить ли мнѣ въ настоящемъ или же прошедшемъ времени. Гдѣ только я ни распрашивалъ объ этомъ, отовсюду я слышалъ, что въ настоящее время русская валюта считается достаточно прочной, чтобы требовалось еще страхованіе курса. Въ большинствѣ отраслей торговли оно совсѣмъ исчезло.

2. Если функція страхованія Рублевой биржи съ сдѣлками на срокъ вполнѣ ясна, то вопросъ о вліяніи ея на самое *движеніе курса* гораздо болѣе теменъ. Этотъ вопросъ распадается на два подвопроса: первый касается функціи сдѣлокъ на срокъ какъ *выравнителя курса*, второй—вліянія ихъ на *матеріальное развитіе* курса, т. е. на среднюю высоту курса.

Смягчила или усилила „срочная“ биржа колебанія курса рубля? Послѣднее мнѣніе раздѣляется многими русскими, безъ дальнѣйшихъ разсужденій о предметѣ; въ основѣ этого мнѣнія лежитъ наивная привычка людей сводить экономическіе недуги, особенно непонятые, къ злой волѣ отдѣльныхъ лицъ и таинственнымъ интригамъ. Оно перецѣниваетъ силы биржевыхъ дѣльцовъ. Но было бы доктринерствомъ защищать безъ всякихъ оговорокъ первое мнѣніе. Хотя, повидимому, вѣрно, что на фондовой биржѣ, благодаря сдѣлкамъ на срокъ, крупныя курсовыя колебанія дня часто разрѣшаются въ „легкую зыбь“ [1]), и хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ сдѣлки на срокъ были даже введены съ цѣлью смягченія курсовыхъ колебаній, но этимъ еще не доказывается одинаковое дѣйствіе сдѣлокъ на срокъ на всѣ цѣнности, а тѣмъ болѣе на кредитные билеты.

Далѣе: будь даже для *одного* валютнаго рынка доказано смягченіе или обостреніе курсовыхъ колебаній спекуляціей, мы еще не имѣли бы права распространять этотъ выводъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія на другіе рынки. *Крамаржъ*, напримѣръ, утверждаетъ [2]), что спекуляція съ переводными векселями въ Вѣнѣ значительно усилила курсовыя колебанія австрійской валюты. Въ доказательство онъ ссылается на опытъ 40-хъ, 50-хъ и начала 60-хъ г.г. Но этотъ опытъ уже потому нельзя распространять на настоящее время, что съ той поры телеграфъ и телефонъ чрезвычайно усовершенствовали расцѣниваніе цѣнныхъ бумагъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выравниваніе международнаго разсчетнаго баланса.

Относительно рубля, повидимому, прочно установлено, что, при своеобразной періодичности вывозной и ввозной торговли, а также уплаты заграницу процентовъ, спросъ и предложеніе валюты не совпадаютъ во вре-

---

[1]) *Max Weber*. S. 55; u. 63; далѣе: *Pfleger* и *Gschwindt*. Die Börsenreform. Stuttgart; 1897. Bd. III, S. 32.

[2]) *Kramarç*. Papiergeld in Oesterreich. Leipzig, 1886, S. 69, 70.

мени наряду съ другими факторами, напримѣръ, финансовымъ вліяніемъ банковъ; несомнѣнно и спекуляція на валюту оказываетъ уравнительное дѣйствіе.

Россія имѣетъ деньги осенью, нуждается же въ деньгахъ въ періодъ нижегородской ярмарки, но въ этотъ періодъ биржа уже учитываетъ будущій урожай, какъ видно изъ того, что какъ разъ въ эти дни извѣстія объ урожаѣ оказываютъ наибольшее вліяніе на курсъ рубля. По временамъ года курсъ рубля не колебался.

Съ другой стороны, нельзя отрицать доли справедливости въ жалобахъ русскихъ на Берлинскую Рублевую биржу. На послѣдней вела свое существованіе масса такъ называемыхъ „умовъ безъ капитала“ („Kapitalloser Intelligenz“), слишкомъ слабыхъ, чтобы проводить свои собственныя тенденціи въ противоположность паролямъ, исходящимъ отъ болѣе сильной стороны. Что при этомъ отсутствіе капитала часто соединялось съ отсутствіемъ ума, видно изъ того, что, какъ увѣряло меня одно компетентное лицо, спекулировали на рубль люди, „врядъ ли знавшіе, гдѣ находится Россія“. Такіе бойцы биржи при наступленіи пониженія скорѣе бросаютъ оружіе, чѣмъ энергичный спекулянтъ, видавшій виды; когда первыми овладѣваетъ паника, послѣдній раскрываетъ зонтикъ кредита, чтобы переждать непогоду.

Еще вреднѣе участіе людей, „все вооруженіе которыхъ составляютъ здоровыя легкія, карандашъ и записная книжка“ [1]), во времена оживленной спекуляціи и разгоряченной фантазіи: тутъ оно можетъ вызвать прямо сказочныя вздутія курса, которыя также быстро исчезаютъ. Если Берлинская рублевая биржа — я тутъ не судья, но впечатлѣніе опытныхъ спеціалистовъ таково — выполняла свою задачу „выравниванія курса“ съ помощью сдѣлокъ на срокъ, довольно неудовлетворительно, то не зависитъ ли это отъ пресловутаго „демократическаго“ характера ея, благодаря которому иные изъ ея посѣтителей смахивали на босяковъ!

Второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ—это вліяніе Рублевой биржи на матеріальное развитіе курса, среднюю высоту курса.

Прежде всего надо откинуть наивное представленіе, часто проявляющееся въ русской прессѣ и спеціальной литературѣ, будто Берлинская Рублевая биржа представляла заговоръ съ цѣлью угнетенія курса рубля. Разумѣется, спекулянты имѣли лишь *одинъ* интересъ — именно, нажиться, что было возможно какъ при падающемъ, такъ и при поднимающемся курсѣ. Вышеуказанное представленіе можно уподобить заблужденію замерзающаго, ко-

---

[1]) *Max Weber*, S. 55. 63. Также *его же*, Die Börse. Göttingen, 1894, S. 77.

торый въ холодѣ винилъ бы термометръ; если для поднятія курса надо было стремиться сокрушить биржу, то это походило на надежду согрѣться, разбивъ измѣрительный снарядъ.

Если у спекуляціи временами имѣли перевѣсъ тенденціи продажи, то слѣдуетъ принять въ разсчетъ, что она составляла contre-partie товарной торговли, у которой, какъ мы видѣли, потребность въ покупкѣ валюты далеко перевѣшивала потребность въ продажѣ.

Но, съ другой стороны, нельзя приписывать безъ дальнѣйшихъ околичностей Рублевой биржѣ повышательное вліяніе, какое сдѣлки на срокъ часто оказываютъ на фондовомъ рынкѣ.

Предлагая къ услугамъ *фондовой* торговли кредитъ въ технически наиболѣе совершенномъ видѣ, сдѣлки на срокъ умножаютъ число лицъ, оперирующихъ съ фондами. Этимъ онѣ облегчаютъ эмиссіонныя операціи ссудныхъ банковъ и ускоряютъ концентрацію крупныхъ капиталовъ, въ особенности для банковъ, горнозаводской промышленности, судоходства и т. д. [1]). Подобныя же услуги сдѣлки на срокъ оказываютъ государству относительно курса и размѣщенія долговыхъ обязательствъ.

Нѣкоторыя данныя говорятъ и въ пользу того, что срочныя сдѣлки Берлинской Рублевой биржи имѣли умѣренно повышательное дѣйствіе на курсъ.

По разсчету биржеваго представителя одного крупнаго банка, принимавшаго выдающееся участіе въ операціяхъ съ рублемъ, въ 80-хъ годахъ обращалось въ Берлинѣ въ натурѣ около 10 мил. руб., въ остальной Германіи около 5 мил.; кромѣ того Берлинъ для цѣлей ликвидаціи ежемѣсячно бралъ въ натурѣ изъ своихъ помѣщеній въ Россіи крупныя суммы, каждый разъ по нѣсколько милліоновъ (часто 10—15) [2]). И если эти суммы отправлялись въ Берлинъ только на нѣсколько дней, то все же русскіе банкиры, чтобы быть наготовѣ, должны были по временамъ усиливать свою кассовую наличность. Возможно, что сокращеніе обращенія русскихъ кредитныхъ билетовъ Берлинскою рублевой биржей, скажемъ, на 2—3%, благопріятно вліяло на курсъ рубля; это можно допустить, даже будучи

---

[1]) Въ гамбургскихъ биржевыхъ сферахъ расцвѣтъ нѣмецкой пароходной компаніи, обладающей величайшими и быстрѣйшими въ мірѣ пароходами, ставятъ въ причинную связь со сдѣлками на срокъ съ ея акціями.

[2]) Одной фирмѣ не разъ приходилось поставлять столь значительныя суммы, что она посылала въ Россію за кредитными билетами трехъ курьеровъ, такъ какъ это обходилось дешевле пересылки по почтѣ, несмотря на стоимость дороги и пребыванія въ Петербургѣ.

противникомъ количественной теоріи, такъ какъ косвеннаго вліянія количества обращающихся бумажныхъ денегъ на ихъ курсъ, по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, отрицать не приходится.

Сверхъ того, благодаря сдѣлкамъ на срокъ съ кредитными билетами, появились нѣкоторыя формы кредитованія Россіи Германіей. Оперировавшіе съ рублемъ берлинскіе банкиры держали крупныя суммы въ русскихъ банкахъ [1]), откуда въ случаѣ надобности брали рубли въ натурѣ. Далѣе нѣмецкіе капиталисты и банки держали большія количества русскихъ векселей. Пользуясь высокими процентами (часто 8—14%), они гарантировали себя отъ курсовыхъ потерь посредствомъ продажи на срокъ кредитныхъ билетовъ. Кредитъ этотъ, подобно всякому другому, улучшалъ платежный балансъ Россіи, по крайней мѣрѣ, на короткое время, и тѣмъ благопріятно вліялъ на вексельный курсъ. Сильная конкурренція нѣмецкихъ капиталистовъ изъ-за русскихъ векселей держала учетъ въ Петербургѣ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ какой былъ бы безъ нея,—не малая выгода для Россіи, связанная съ существованіемъ Берлинской Рублевой биржи.

Наконецъ, можно допустить, что Берлинская биржа облегчала помѣщеніе процентныхъ бумажныхъ займовъ въ Германіи, давая возможность страхованія курса. Вѣроятно, этимъ воспользовались во время войны. Но въ 80-хъ гг. обладаніе русскими бумажными займами децентрализировалось въ Германіи и стало обычной спекуляціей на валюту безъ страхованія курса. Если приведенныя соображенія дѣлаютъ вѣроятнымъ извѣстное благопріятное вліяніе Рублевой биржи на курсъ рубля, то еще гораздо важнѣе косвенное вліяніе, на которое мы уже указывали выше. Безъ возможности страхованія курса, которую создавала Рублевая биржа, вывозная торговля Россіи навѣрное бы не развилась до тѣхъ огромныхъ размѣровъ, какіе приняла она во вторую половину 80-хъ г.г.; наряду со множествомъ другихъ моментовъ и благопріятный торговый балансъ, особенно повторяющійся въ теченіе ряда лѣтъ, навѣрное дѣйствуетъ повышательно на курсъ, не только потому, что увеличиваетъ предложеніе золотыхъ векселей, но также и потому, что улучшаетъ виды на переходъ къ золотому обращенію.

Но несмотря на несомнѣнное вліяніе Рублевой биржи на развитіе курса, остережемся преувеличивать ея значеніе. *Важнѣйшіе изъ опредѣляющихъ курсъ факторовъ лежатъ внѣ биржи.* Биржа взвѣши-

[1]) „Колоссальныя суммы“, Bericht der Ältesten der Kaufmannschaft von Berlin, 1893, S. 266.

ваетъ и учитываетъ ихъ. Такъ дѣлала и Рублевая биржа, обращая вниманіе на экономическія отношенія Россіи, правда, часто очень поверхностное, въ виду столь малаго знакомства Германіи съ послѣднею; она принимала въ разсчетъ, напримѣръ, свѣдѣнія объ урожаѣ, заключеніе бюджета, политическое положеніе по газетнымъ сообщеніямъ. Биржа могла ошибаться; такъ, въ 1890 г. она вздула курсъ рубля, ошибочно думая, будто Россія предполагаетъ установить размѣнъ бумажнаго рубля al pari съ старымъ золотомъ, тогда какъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ послѣдовала Высочайшая резолюція въ противоположномъ смыслѣ, державшаяся въ тайнѣ. Но заблуждавшаяся биржа должна была рано или поздно подчиниться фактамъ, опредѣляющимъ направленіе движенія курса.

Среди этихъ лежащихъ внѣ биржи факторовъ, управляющихъ курсомъ, въ нормальное время главенствуетъ спросъ страны съ бумажнымъ обращеніемъ на благородный металлъ: „вексельный курсъ управляетъ лажемъ“. Здѣсь, между прочимъ, могутъ имѣть вліяніе бумажныя деньги, предназначенныя для покупки благороднаго металла, слѣдовательно, и наличное количество бумажныхъ денегъ.

При чрезвычайныхъ обстоятельствахъ управляетъ курсомъ просто довѣріе или недовѣріе. Такъ какъ это невѣсомое часто исходитъ отъ биржи, то послѣдняя въ силу этого пріобрѣтаетъ большое матеріальное вліяніе на образованіе курса. Въ свою очередь несомнѣнно также часто повышательное и понижательное настроеніе передается отъ публики или политическихъ сферъ биржѣ. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ забывать, что въ болѣе важныхъ политическихъ вопросахъ биржа зависѣла отъ иностранной политики Германіи, даже когда считала ее ошибочною, какъ изгнаніе въ 1887 г. русскихъ фондовъ съ нѣмецкаго рынка. Въ особенности надо считаться съ вліяніемъ оффиціозной прессы на владѣльцевъ мелкихъ сбереженій, которые своимъ расположеніемъ или нерасположеніемъ къ данной бумагѣ часто берутъ биржу на буксиръ.

Довѣріе и недовѣріе рѣшаютъ дѣло частью прямо, частью косвенно, вліяя на платежныя отношенія: довѣріе склоняетъ заграницу помѣщать деньги въ странѣ съ бумажной валютой; недовѣріе, особенно превращаясь въ панику, заставляетъ заграницу извлечь, поскольку возможно, изъ страны съ бумажнымъ обращеніемъ свои золотыя помѣщенія, чтобы „развязаться съ валютой“.

Это—общепризнанное ученіе, за обоснованіемъ котораго мы отсылаемъ читателя къ А. Вагнеру. Здѣсь намъ требуется обсудить только одинъ пунктъ: вліяніе *движеній фондовъ* на курсъ бумажныхъ денегъ, связь между фондовой и кредитно-билетной биржей.

Различаютъ слѣдующіе случаи:

Новые займы, помѣщаемые заграницей, будутъ ли то золотые или бумажные, имѣютъ тенденцію угнетать курсы фондовъ вслѣдствіе усиленнаго предложенія на фондовомъ рынкѣ. Напротивъ, курсъ бумажныхъ денегъ они поднимаютъ, по крайней мѣрѣ, на время, благодаря тому, что страна съ бумажной валютой оказывается обладательницею долговыхъ обязательствъ, на большія суммы.

Помѣщенные заграницей остающіеся безъ движенія займы часто въ развитіи своего курса обнаруживаютъ параллелизмъ съ бумажными деньгами, хотя между курсами тѣхъ и другихъ отсутствуетъ причинная связь. Пожалуй, курсами тѣхъ и другихъ управляютъ сходныя соображенія: соображеніе о нуждѣ въ благородномъ металлѣ страны съ бумажнымъ обращеніемъ, которой надо платить заграницу проценты и погашеніе.

Иначе обстоитъ дѣло съ находящимися въ движеніи массами цѣнностей. Здѣсь приходится различать золотые и бумажные займы. Продленіемъ сроковъ *бумажныхъ займовъ* фондовая биржа можетъ оказывать самое глубокое вліяніе на разсчетный балансъ задолжавшаго заграницѣ народнаго хозяйства; настолько сильное, что порою значеніе торговаго баланса отходитъ совершенно на задній планъ. Повышеніе курса на заграничной биржѣ привлекаетъ фондъ, паденіе курса—гонитъ ихъ обратно въ ихъ отечество. Эта „тоска по родинѣ“ международныхъ цѣнностей понятна сама собою у бумажныхъ займовъ, такъ какъ на родинѣ обезцѣненіе бумажныхъ денегъ идетъ медленнѣе, чѣмъ заграницей [1]).

Пока главная масса русскихъ бумажныхъ займовъ, такъ называемые восточные займы, находилась въ обладаніи Германіи и главнымъ рынкомъ ихъ былъ Берлинъ, Берлинская фондовая биржа оказывала глубокое вліяніе на опредѣленіе курса рубля. Изъ 800 милл. руб. восточныхъ займовъ по крайней мѣрѣ половина находилась въ Германіи. Вліяніе Берлина было тѣмъ болѣе рѣшительнымъ, что прочіе европейскіе рынки относились къ русскимъ бумажнымъ займамъ вполнѣ отрицательно; такимъ образомъ все сводилось къ движенію Германія - Россія и обратно. Вліяніе русскихъ бумажныхъ займовъ на курсъ кредитныхъ рублей проявлялось внѣшнимъ образомъ въ томъ, что сдѣлки съ тѣми и другими совершались одинаково на Берлинской биржѣ. Къ государственнымъ бумажнымъ займамъ присоединились бумажныя желѣзнодорожныя акціи, значительныя количества которыхъ также находились въ Германіи и усиливали ея вліяніе на курсъ рубля.

---

[1]) На это справедливо указываетъ *Ratner*, S. 35—36; но онъ недостаточно различаетъ золотые и бумажные займы.

Золотые займы никоимъ образомъ не обладаютъ такимъ вліяніемъ на курсъ бумажной валюты. Золотые займы лишь тогда могутъ быть возвращены безъ дальнѣйшихъ околичностей въ отечество, когда тамъ ихъ главный рынокъ. А съ Россіей было вовсе не такъ; главная масса русскихъ золотыхъ займовъ находилась заграницей, только незначительная доля въ Россіи [1]). Россію нельзя было заставить взять обратно свои золотые займы, когда заграницѣ они опостылѣли.

Испытаніе правильности этого положенія произвела Англія, которая въ началѣ 80-хъ г.г. владѣла еще большимъ количествомъ русскихъ золотыхъ займовъ. Когда въ 1884/85 г. Афганскій вопросъ грозилъ войной съ Россіей, Англія продала не только всѣ принадлежавшіе ей русскіе займы, но даже больше, такъ что въ Лондонѣ временно насчитывался депортъ въ 1% Не только биржевые дѣльцы, но и аристократы и политическіе клубы отворачивались тогда отъ Россіи. Однако, Россія взяла назадъ лишь очень малую долю своихъ золотыхъ займовъ, которые нашли помѣщеніе въ Германіи по пониженному курсу; курсъ рубля остался незатронутымъ, въ 1884 г. средній курсъ стоялъ даже выше, чѣмъ въ 1883 г.

Напротивъ, независимо отъ своихъ курсовъ золотые займы небольшими партіями часто возвращались въ Россію, когда высокій курсъ рубля рекомендовалъ русскимъ покупку золотыхъ займовъ съ цѣлью спекуляціи на валюту; эти спекуляціи реализовались продажей и вывозомъ золотыхъ займовъ при низкомъ курсѣ рубля. Такимъ образомъ движенія золотыхъ займовъ, въ противоположность бумажнымъ, имѣли скорѣе умѣряющее вліяніе на колебанія курса рубля хотя и въ слабой мѣрѣ.

Сказанное можно резюмировать такъ: хотя воздѣйствія рублевой биржи на развитіе курса рубля отрицать нельзя, но важнѣйшія вліянія исходили изъ сферъ, лежащихъ внѣ биржи, и среди этихъ постороннихъ Рублевой биржѣ факторовъ самое вѣское вліяніе на матеріальное развитіе курса рубля давало Берлинскому рынку обладаніе бумажными займами.

3. Наконецъ, Рублевая биржа съ сдѣлками на срокъ имѣла большое вліяніе на *арбитражъ*.

Бросимъ сначала взглядъ на арбитражъ въ цѣнныхъ бумагахъ (Effektenarbitrage).

Какъ извѣстно, арбитражъ въ бумагахъ оказываетъ наиболѣе цѣнную услугу народному хозяйству тѣмъ, что выравниваетъ saldi международныхъ платежныхъ балансовъ, сокращая пересылку благороднаго металла. Это справедливо даже для весьма значительныхъ saldi пассива, напримѣръ,

[1]) *Theodor v. Buck.* Nation 1896. № 21, S. 320.

въ случаѣ неурожая въ экспортирующей хлѣбъ странѣ или чрезвычайныхъ расходовъ заграницей (ввозъ цѣнностей) и т. д. Но этотъ арбитражъ возможенъ только для бумагъ, для которыхъ на той или другой сторонѣ существуетъ большой рынокъ, такъ что арбитражистъ можетъ купить здѣсь и продать тамъ значительныя количества, не вліяя на курсъ,—такъ какъ сущность арбитража состоитъ именно въ устраненіи спекуляціи на курсъ.

Такой крупный рынокъ представляетъ вообще только „срочная“ биржа, которая кромѣ того имѣетъ еще ту выгоду, что здѣсь дѣла совершаются съ круглыми установленными обычаемъ суммами, такъ что арбитражистъ можетъ разсчитывать на успѣхъ. Въ силу этого арбитражъ, если не въ идеѣ, то фактически соединяется съ „срочнымъ“ рынкомъ, и притомъ такъ, что по внѣшности спекуляціонныя и арбитажныя сдѣлки вообще не различимы: арбитражистъ покупаетъ, продаетъ на срокъ и продляетъ сдѣлку; онъ не спекулируетъ, потому что заключаетъ на другой биржѣ противоположную сдѣлку. Поэтому арбитражъ ограничивается излюбленными на многихъ биржахъ ultimo-бумагами, такъ называемыми „международными бумагами“.

Если между Берлиномъ и другими крупными биржевыми центрами Западной Европы производился арбитражъ въ „международныхъ бумагахъ“, то это оказывало косвенное вліяніе и на курсъ рубля, пока Берлинъ былъ главнымъ рублевымъ рынкомъ. Въ тѣ времена, когда международныя бумаги вывозились для арбитража, безъ этого вывоза на Берлинскомъ рынкѣ господствовалъ бы общій недостатокъ денегъ, который вліялъ бы понижательно и на бумажный рубль. Въ другія времена, напротивъ, арбитражъ боролся посредствомъ ввоза бумагъ съ чрезмѣрнымъ наплывомъ денегъ, которое оказывало бы на рубль преходящее повышательное вліяніе. Участіе расцѣнивающаго рубль рынка въ международной торговлѣ бумагами, выравнивая денежную наличность, чрезъ то вліяло уравнительно и на курсы бумажнаго рубля.

Но международное выравниваніе денежной наличности ограничивается въ сущности денежными рынками странъ съ золотой валютой, потому что свобода передвиженія международныхъ бумагъ взадъ и впередъ прекращается на границѣ страны съ бумажнымъ обращеніемъ въ виду опасностей валюты. Поэтому для Россіи, пока въ ней господствовало бумажное обращеніе, было выгодно, что главный рублевый рынокъ находился въ странѣ съ золотой валютой, и она косвеннымъ образомъ присвоивала себѣ нѣкоторыя выгоды золотой валюты.

Но само собою разумѣется, непосредственное вліяніе на курсъ рубля оказывало не обиліе или скудость денегъ въ Европѣ, а спросъ русскаго на-

роднаго хозяйства на золото для разсчетовъ съ заграницей. Saldi русскаго разсчетнаго баланса не могли выравниваться арбитражемъ въ „международныхъ бумагахъ“, потому что таковыми Россія не обладала. Они не могли выравниваться и арбитражемъ въ золотыхъ займахъ, которые хотя приливали изъ Россіи въ изобиліи, но отливали обратно въ Россію лишь мелкими партіями.

Но по ту сторону границы существовалъ большой „срочный“ рынокъ для цѣннаго объекта, который въ Россіи обладалъ еще большимъ рынкомъ, который такъ же легко возвращался въ Россію, какъ и уходилъ изъ нея: мы разумѣемъ *кредитный рубль*. Въ 80-хъ г.г. важнѣйшимъ объектомъ арбитража между Россіей и заграницей былъ кредитный рубль; наряду съ нимъ арбитрировались бумажные займы, которые также обладали рынкомъ какъ на Берлинской биржѣ, такъ и въ Россіи. Но открытіе въ Берлинѣ рынка для бумажныхъ займовъ впервые стало возможно, какъ мы видѣли, лишь съ возникновеніемъ рублевой биржи.

Сверхъ того Берлинская биржа удовлетворяла потребности, въ силу которой, главнымъ образомъ, арбитражистъ и посѣщаетъ „срочный“ рынокъ: масса заключавшихся на ней сдѣлокъ была такъ велика, что отдѣльная сдѣлка утрачивала вліяніе на курсъ, а это гарантировало арбитражиста противъ опасностей спекуляціи.

Не существуй этого рода арбитража между Россіей и Европой, несомнѣнно, спросъ и предложеніе золотыхъ векселей въ Россіи колебались бы рѣзче, чѣмъ то было въ дѣйствительности, соотвѣтственно преходящему состоянію русскаго платежнаго баланса. Но Берлинская рублевая биржа позволяла при активѣ русскаго разсчетнаго баланса съ Берлиномъ покупать въ Петербургѣ за кредитные рубли золотые векселя, на которые въ Берлинѣ покупались кредитные рубли, посылавшіеся въ Петербургъ для уплаты по этимъ векселямъ. При пассивномъ же разсчетномъ балансѣ Берлинъ ввозилъ кредитные рубли и продавалъ за нихъ въ Петербургѣ золотые векселя, чрезъ что уменьшалась для Россіи нужда въ переводныхъ векселяхъ, которой иначе приходилось бы опасаться. Напримѣръ: въ октябрѣ продавались въ Петербургѣ векселя на Лондонъ на декабрь, къ каковому времени предполагалась нужда въ Россіи въ переводныхъ векселяхъ; зато въ Берлинѣ продавались рубли на тотъ же срокъ, которые при случаѣ брались изъ рублевой наличности, пріобрѣтенной въ Петербургѣ продажей золотыхъ векселей. Чтобы исключить изъ разсчетовъ возможное колебаніе вексельнаго курса на Лондонъ въ Берлинѣ, должны были одновременно покупать въ Берлинѣ векселя на Лондонъ на декабрь, которые надо было послать въ Петербургъ.

Вычисленіе производилось по слѣдующей простой формулѣ: ? марк. = 100 руб. на срокъ, если, положимъ, 94 руб. на срокъ = 10 ф. ст. срочныхъ векселей на Лондонъ (въ Петербургѣ), а 1 ф. ст. срочнаго векселя на Лондонъ (въ Берлинѣ) = $20_{,30}$ марокъ. Результатъ сравнивался со срочнымъ курсомъ рубля въ Берлинѣ, чѣмъ опредѣлялось направленіе арбитража.

Я не сомнѣваюсь, что облегченіе арбитража между Россіей и Европой было, наряду съ страхованіемъ курса, самой цѣнной и прямо незамѣнимой функціей бывшей Берлинской Рублевой биржи.

Съ введеніемъ золотой валюты Рублевая биржа потеряла свое значеніе и для арбитража. Послѣ того какъ пала разница между золотыми и бумажными займами, русскія цѣнности могутъ свободнѣе, чѣмъ прежде, передвигаться взадъ и впередъ между Россіей и Европой.

Далѣе, въ настоящее время арбитражъ пользуется кассовымъ рынкомъ въ векселяхъ и ордерахъ. Раньше кассовый рынокъ былъ слишкомъ малъ; арбитражу приходилось опасаться, какъ бы болѣе крупными передачами не повліять на курсъ, почему предпочитался срочный рынокъ. Теперь кассовый рынокъ расширился, какъ благодаря тому, что въ торговлѣ преобладаютъ кассовыя сдѣлки на наличныя, такъ и благодаря операціямъ русскаго правительства съ переводными векселями; наконецъ, колебанія вексельнаго курса вообще менѣе значительны, такъ какъ возможность посылки благороднаго металла ограничиваетъ ихъ предѣлами золотой точки.

C. Конецъ Берлинской рублевой биржи.

Предложенія парализовать дѣятельность Берлинской Рублевой биржи запрещеніемъ вывоза кредитныхъ билетовъ постоянно появлялись въ русской прессѣ съ начала 80-хъ г.г., но понимающія дѣло лица, стоявшія во главѣ министерства финансовъ, остерегались слѣдовать имъ. Правда, Берлинская спекуляція на рубль, какъ и всякая биржевая игра, имѣла весьма непривлекательныя стороны; справедливо должно было раздражать русскихъ государственныхъ людей, что по противузаконнымъ внушеніямъ, исходившимъ изъ Берлина, русскіе подданные вели на иностранной биржѣ колоссальную игру на русскую валюту. Но эти люди знали, что спекуляція есть неизбѣжный, даже необходимый спутникъ бумажнаго обращенія и устранима только вмѣстѣ съ послѣднимъ. Лишь послѣ того, какъ долгой реформаторской работой удалось устранить внутреннія условія существованія спекуляціи, была брошена политика laissez faire по отношенію къ Берлинской биржѣ, которой слѣдовали до тѣхъ поръ въ Россіи. Первымъ шагомъ въ этомъ на-

правленіи былъ циркуляръ министра финансовъ банкамъ отъ 16 января 1893 г. Этотъ циркуляръ воспретилъ банкамъ помогать биржевой игрѣ на курсъ рубля „продажей рублей въ натурѣ заграничнымъ фирмамъ, предоставленіемъ имъ открытаго кредита или другими путями, облегчающими закупку рублей". Непокорнымъ грозило прекращеніе кредита въ Государственномъ Банкѣ.

Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 8 іюля 1893 г. всѣ сдѣлки на разность съ валютой были запрещены подъ страхомъ взысканій, доходившихъ до смѣщенія виновныхъ директоровъ банковъ. Правда, этотъ законодательный актъ страдалъ недостаткомъ германскаго биржеваго закона, именно желаніемъ различать солидныя и несолидныя *формы* операцій, вмѣсто того, чтобы признать, что нейтральными формами операцій могутъ пользоваться солидныя и несолидныя *лица* [1]). Но русскіе банкиры знали, что подразумѣвалось подъ этимъ: нигдѣ частный банковый міръ не находится въ такой зависимости отъ министра финансовъ, какъ въ Россіи. Если послѣдній—человѣкъ энергичный, то частные банки простое орудіе въ его рукахъ. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, Россія прямая противоположность Англіи. „Вожжи выскользнули изъ рукъ Англіи" [2]). Правда, этотъ фактъ вполнѣ уравновѣшивается тѣмъ, что Сити, проникнутое національнымъ духомъ, чувствуетъ себя по отношенію къ заграницѣ trustee (представителемъ) государственныхъ интересовъ—болѣе, чѣмъ частный банковый міръ гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ.

Къ названнымъ мѣрамъ надо прибавить вывозную пошлину на кредитные рубли, установленную 29 марта 1893 г. (въ 1 коп. съ 100 руб., слѣдовательно, преимущественно для статистическихъ цѣлей, чтобы наблюдать за движеніемъ рублей). Этимъ удалось, какъ выразительно констатируетъ отчетъ старшинъ Берлинскаго купечества за 1894 г. (стр. 226), „сдѣлать вывозъ рублей фактически невозможнымъ".

Стали наблюдать за клерками германскихъ банковъ, покупавшими въ Варшавѣ и Петербургѣ рубли для ликвидаціонныхъ цѣлей Берлинской биржи; устанавливали, гдѣ и сколько рублей они добывали; на границѣ ихъ раздѣвали до нага; случалось, говорятъ, что черезъ прусскую границу перелетали снѣжки, ядро которыхъ состояло изъ кредитныхъ билетовъ.

Послѣ этихъ подготовительныхъ шаговъ удалось нанести Рублевой биржѣ рѣшительный ударъ при знаменитой октябрской ликвидаціи 1894 г.

---

[1]) *Max Weber.* Die Ergebnisse der deutschen Börsenenquete. Zeitschrift für Handelsrecht. Bd. XLV, S. 47.

[2]) *Struck.* Englischer Geldmarkt въ Schmollers Jahrbuch, 1886, S. 43.

Издавна бывшій въ союзѣ съ русскимъ министромъ финансовъ Берлинскій банкирскій домъ Мендельсона участвовалъ во всѣхъ продажахъ рублей въ качествѣ покупателя и потребовалъ отъ сильно зарвавшейся партіи понижателей выполненія обязательствъ in natura. Такъ какъ получить кредитные рубли изъ Россіи было нельзя, то депортъ дошелъ до 15 марокъ за 100 рубл. Ликвидація была на нѣсколько дней отсрочена, и русскій министръ финансовъ при посредствѣ Мендельсона приглашенъ опредѣлить неустойку за невыполненную поставку. Послѣдній разрѣшилъ вывезти 3 мил. кред. руб. по курсу 234, тогда какъ понижатели продали по курсу 220 [1]).

Берлинская биржа отвергла крайне простой, но противный коммерческой чести путь,—именно, объявить запрещеніе вывоза vis major и допустить поставку въ Петербургѣ; голоса, раздавшіеся въ пользу такой мѣры, были просто заглушены. Такимъ образомъ это пораженіе составляетъ почетную главу въ исторіи Берлинской биржи.

Этимъ *форма* спекуляціи на рубль была уничтожена однимъ ударомъ; но важнѣе было то, что одновременно были устранены и *внутреннія* условія спекуляціи [2]). Опираясь на свой колоссальный запасъ золота и золотыя помѣщенія, русское министерство финансовъ стало періодически публиковать курсы, по которымъ оно покупаетъ и продаетъ переводные векселя. Это дало потребности въ страхованіи курса иной исходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, регулированіе курса рубля перешло къ Петербургскому рынку переводныхъ векселей и стоявшему за нимъ министру, и созданы были условія для постепенной фиксаціи курса, которая сдѣлала страхованіе курса ненужнымъ, а рубль неинтереснымъ для спекулянтовъ.

Бросимъ взглядъ на операцію русскаго правительства съ переводными векселями, потому что введеніе ихъ означало конецъ спекуляціи на рубль.

При металлическомъ обращеніи цѣнность монеты, какъ извѣстно, опредѣляется ея матеріальнымъ содержаніемъ; колебанія возможны только въ узкихъ границахъ золотыхъ точекъ. Свободная чеканка мѣшаетъ поднятію цѣнности монеты выше ея матеріальной цѣнности, какъ то бываетъ съ металлическими деньгами, не пользующимися свободной чеканкой (Sperrgeld); возможность вывоза и обращенія въ слитки мѣшаетъ паденію цѣнности мо-

[1]) Подробности этого эпизода см. у *Raffalovich*'а, Marché financier 189—495, р. 235 и слѣд. Депортъ ошибочно показанъ въ 20 марокъ, самый высокій уплаченный депортъ составлялъ 15 мар.

[2]) Русская публицистика часто забываетъ послѣднее, полагая, что на устойчивость курса повліяли мѣры, направленныя противъ берлинской спекуляціи на пониженіе. Ср. *Zielinsky*, Conrads Jahrbücher, 1898, Heft 5, S. 601.

неты ниже ея матеріальной цѣнности, въ противоположность бумажнымъ деньгамъ, не обладающимъ самостоятельной цѣнностью.

Аналогично свободной чеканкѣ дѣйствуетъ въ странѣ съ бумажнымъ обращеніемъ объявленіе Государственнаго Банка, что онъ будетъ покупать золотыя тратты по установленному на болѣе или менѣе долгій срокъ курсу. Бумажныя деньги не могутъ подняться выше этого курса, потому что иначе дѣловой міръ продавалъ бы Государственному Банку за бумажки золотыя тратты товарной торговли и финансовыя тратты банкировъ, что понизило бы курсъ бумажекъ. Съ другой стороны курсъ, по которому Государственный Банкъ продаетъ, дѣйствуетъ аналогично возможности вывоза золота въ странѣ съ золотой валютой. Ниже этой границы курсъ бумажныхъ денегъ упасть не можетъ, иначе дѣловой міръ покупалъ бы золотыя тратты Государственнаго Банка и пользовался ими для заграничныхъ платежей, а также могъ бы покупать за золотыя тратты заграницей валютные векселя на родину на большую сумму, чѣмъ какую платилъ за тратты Государственному Банку. Это подняло бы курсъ бумажныхъ денегъ.

Правительственныя покупныя и продажныя цѣны являются такимъ образомъ золотыми точками, между которыми колеблется курсъ бумажныхъ денегъ. Чѣмъ уже граница, тѣмъ слабѣе колебанія, пока, наконецъ, бумажныя деньги не станутъ представителемъ опредѣленнаго вѣса золота. Здѣсь мы у порога золотой валюты.

Но примѣненіе этого средства, при всей его простотѣ, опасно. Ради временнаго упроченія курса слабыя финансовыя управленія (какъ часто бывало это въ Южной Америкѣ!) продавали и продавали золотыя тратты, пока крупныя фирмы странъ съ золотой валютой не отказывали правительству въ акцептѣ. Затѣмъ, послѣ того какъ искусственное предложеніе переводныхъ векселей прекращалось, курсы бумажныхъ денегъ падали рѣзче и ниже, чѣмъ это было бы безъ указанной мѣры, такъ какъ теперь правительство само должно было являться покупателемъ переводныхъ векселей и покупать ихъ по всякой цѣнѣ, чтобы покрыть въ срокъ свои тратты. Въ результатѣ—колоссальныя убытки, рѣзкія колебанія курса.

Раньше и русское правительство не разъ прибѣгало къ этому средству, и всегда дѣло кончалось полной неудачей [1]).

По А. Миклашевскому, 17 ноября 1861 г. впервые появился на Петербургской биржѣ представитель министра финансовъ и объявилъ курсъ, по которому продаетъ значительное количество золотыхъ векселей; не встрѣ-

[1]) *Судейкинъ*, стр. 424 и слѣд.

тивъ поддержки, онъ пріостановилъ операцію, и курсъ въ тотъ же день значительно упалъ.

Въ 1862 г. Россія заняла у Ротшильда 15 мил. ф. ст. спеціально съ цѣлью упроченія курса рубля. Начиная съ 1 мая 1862 г. Государственный Банкъ покупалъ и продавалъ золото и золотыя тратты, позднѣе серебро и серебряныя тратты, по заранѣе установленной восходящей скалѣ. Сначала, когда курсъ рубля былъ низокъ, дѣловой міръ продавалъ Банку золотыя тратты за валюту. Позже, когда курсъ рубля поднялся, картина измѣнилась: теперь изъ Банка брали его золото, потомъ, когда онъ продавалъ только серебро, — это послѣднее. 5 ноября 1863 г. Государственный Банкъ прекратилъ операцію, результатомъ которой былъ для кассы убытокъ въ 75—80 мил. рублей. Единственнымъ воспоминаніемъ объ этой неудачной попыткѣ остались проценты по займу, подлежавшіе уплатѣ золотомъ и которые при послѣдовавшемъ обезцѣненіи рубля дѣйствовавали тѣмъ болѣе угнетающимъ образомъ [1]).

Одинаково неудачно окончилась попытка остановить паденіе курса продажею золотыхъ траттъ, сдѣланная въ 1875 г. Спекулянты добывали необходимые имъ запасы рублей, закладывая цѣнныя бумаги, и покупали на нихъ у правительства золотыя тратты. Полученныя такимъ путемъ золотыя переводныя векселя на заграницу они ссужали подъ залогъ русскихъ государственныхъ фондовъ, взятые фонды переводили въ Россію и вновь продѣлывали съ Государственнымъ Банкомъ ту же операцію. Въ октябрѣ 1876 г. рессурсы Государственнаго Банка истощились; онъ долженъ былъ прекратить операцію съ большими убытками для себя и съ потрясеніемъ курса [2]).

Умудренное опытомъ, русское финансовое управленіе 80-хъ г.г. воздерживалось отъ всякаго воздѣйствія на курсъ рубля. Только въ началѣ 90-хъ г.г. въ этомъ наступила перемѣна. Такъ, въ 1890 г., когда курсъ поднялся выше положеннаго въ основу новой валюты отношенія (1 руб. зол. $= 1^1/_2$ руб. кред.), Вышнеградскій покупалъ золотыя тратты. Этимъ противодѣйствовали дальнѣйшему повышенію курса [3]). Наоборотъ, въ

---

[1]) Этотъ замѣчательный эпизодъ изъ исторіи русской валюты разбираетъ *A. Wagner*, Russische Papierwährung, S. 132, причемъ онъ настоятельно предостерегаетъ отъ опытовъ съ недостаточными средствами. См. затѣмъ — *А. Миклашевскій*. Деньги. Москва, 1895 г., стр. 596.

[2]) *А. Миклашевскій*, по Бліоху, стр. 601. Такъ пропала значительная доля золота, купленнаго въ предшествовавшіе годы при повышательной тенденціи рубля на вновь выпущенные кредитные билеты—обѣ эти операціи были одинаковы ошибочны.

[3]) *Raffalowich*. Marché financier 1892—93, p. 68.

1892 г., во время неурожая и запрещенія вывоза хлѣба, русское министерство финансовъ противодѣйствовало паденію курса продажей золотыхъ траттъ и, въ частности, надолго пріостановило свои покупки траттъ для уплаты заграницѣ процентовъ.

Съ середины апрѣля 1895 г. Государственный Банкъ началъ періодически публиковать курсъ, по которому онъ покупаетъ и продаетъ золотыя тратты, и съ этими цѣнами сообразовались биржевыя цѣны [1]). Съ этой поры курсъ рубля былъ фактически фиксированъ, хотя въ послѣдніе годы не было недостатка въ политическихъ и иныхъ событіяхъ, которыя при прежнихъ условіяхъ оказывали бы сильное вліяніе на курсъ.

Спрашивается, каковы причины этого теперешняго успѣха въ противоположность прежнимъ неудачамъ?

Прежнія попытки поднять курсъ тотчасъ же разбивались о недостаточную металлическую наличность, съ какою къ нимъ приступали. Взявшись за ту же задачу въ 1890 г., русское правительство обладало золотымъ запасомъ, покрывавшимъ обращавшіеся кредитные билеты. Въ декабрѣ 1896 г. золотая наличность превысила бумажное обращеніе [2]). Этотъ колоссальный запасъ золота, частью купленнаго на бюджетные остатки, частью полученнаго путемъ процентныхъ займовъ, основывался во всякомъ случаѣ не на умноженіи бумажныхъ денегъ. Количество послѣднихъ со времени Восточной войны оставалось приблизительно одинаковымъ или даже уменьшилось. Выпущенные кредитные билеты составляли въ 1880 г. 1,162 милліона руб., въ 1895—1,121 мил. [3]).

Но предъ запросами спекуляціи и величайшій золотой запасъ таетъ какъ снѣгъ на солнцѣ. Указанное средство фиксаціи курса годится только тогда, когда обезпеченъ *періодическій приливъ* золотыхъ траттъ на руководящій рынокъ страны съ бумажнымъ обращеніемъ, благодаря вывозной ли торговлѣ, или же регулярнымъ кредитнымъ операціямъ. Только это даетъ правительству возможность своевременно очищать выданныя имъ тратты на заграницу или держать на надлежащей высотѣ золотыя помѣщенія заграницей для цѣлей трассированія и оплаты купоновъ. Своими операціями съ переводными векселями правительство можетъ вызвать исключительно нивеллированіе курса; мѣшая паденію курса, оно напередъ учитываетъ будущее поднятіе его.

---

[1]) *Theodor von Buck.* Nation 1896, № 20, S. 308.

[2]) *Issajeff.* Zur Politik des russischen Finanzministeriums. Stuttgart, 1898, S. 18.

[3]) *Raffalovich.* Marché financier 1894—95, p. 250.

Въ сущности здѣсь дѣло состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ періодическомъ выравниваніи платежей, которое между странами съ золотой валютой совершается автоматически [1]), напримѣръ, если въ данное время траттъ на заграницу мало, но въ будущемъ предвидятся многочисленные приказы на заграницу, то курсъ долгосрочной бумаги со включеніемъ дисконтной ставки заграничнаго рынка ниже чѣмъ—краткосрочной. Поэтому тотъ, кому приходится платить заграницу теперь, будетъ переводить бумаги съ болѣе длиннымъ срокомъ. Съ другой стороны банкиры отпираютъ свои портфели и посылаютъ заграницу долгосрочныя бумаги, находящіяся у нихъ на вкладѣ. Въ частности, на континентѣ считаютъ надежнѣйшимъ помѣщеніемъ для денегъ „долгосрочный Лондонъ“ (langes London), который въ случаѣ нужды можно перевести въ Лондонъ [2]). На основѣ пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ долговыхъ обязательствъ банки выдаютъ векселя на предъявителя, чрезъ что увеличивается число существующихъ въ данное время приказовъ мѣстнаго народнаго хозяйства на заграницу. Сюда присоединяются еще чисто финансовые векселя на заграницу, выдаваемые на короткіе сроки туземными банкирами исключительно на основѣ кредитныхъ отношеній. У дисконтера тонкій нюхъ, и онъ отлично умѣетъ отличать это вполнѣ солидное предвосхищеніе будущихъ приказовъ отъ вексельной легкой кавалеріи. Всѣми такими способами увеличиваютъ предложеніе траттъ въ настоящемъ, спросъ въ будущемъ.

Обратно поступаютъ, если долгосрочный курсъ стоитъ выше краткосрочнаго, если въ данную минуту много приказовъ на заграницу, но въ будущемъ предвидится перевѣсъ приказовъ заграницы. Кому придется платить заграницѣ лишь въ будущемъ, тотъ воспользуется сравнительной дешевизной краткосрочной бумаги, чтобы уже теперь запастись долговыми обязательствами для будущихъ платежей. Банки переводятъ краткосрочныя бумаги заграницу, чтобы затѣмъ выдать долгосрочныя, или же выдаютъ на основѣ существующихъ кредитныхъ отношеній долгосрочные финансовые векселя. Благодаря всему этому курсъ долгосрочной бумаги понижается, краткосрочной—повышается, платежи соотвѣтственныхъ странъ временно выравниваются [3]).

Разность между долгосрочными и краткосрочными курсами,—причемъ надо принимать въ соображеніе и дисконтъ,—показываетъ, какъ дѣловой міръ думаетъ насчетъ будущаго разсчетнаго баланса.

---

[1]) Объ этомъ выравниваніи см.: *Goschen*. Theorie der Wechselkarse, нѣм. изд., S. 37.
[2]) Примѣры у *Clare*, ABC des Changes étrangers. Paris, 1894, p. 113 и слѣд.
[3]) Цифровые примѣры см. у *Wenzely*, Lehrbuch der kaufm. Arithmetik, S. 360.

Но указанное автоматическое выравниваніе между настоящими и будущими платежами предполагаетъ прочное обоюдное довѣріе къ валютѣ. Оно надежно дѣйствуетъ только между странами съ золотымъ обращеніемъ. Тутъ то и оказывала свое вліяніе планомѣрная дѣятельность русскаго правительства, которое своими операціями съ переводными векселями временно выравнивало активъ и пассивъ русскаго народнаго хозяйства. Этого оно не могло бы достигнуть при постоянномъ перевѣсѣ пассива. Поэтому за фиксацію курса слѣдуетъ благодарить не таинственныя махинаціи какого либо финансоваго мага, а фактъ, правда, измѣнчиваго, но, въ общемъ, не благопріятнаго платежнаго баланса въ продолженіе довольно долгаго періода времени. Нижеслѣдующее изслѣдованіе русскаго платежнаго баланса затронетъ основу валютной реформы въ прошломъ и будущемъ.

Но прежде чѣмъ перейти въ эту область, не безъинтересно спросить себя: что вышло бы, будь мѣропріятія русскаго правительства, направленныя противъ Берлинской биржи, начаты тогда, когда внутреннихъ условій фиксаціи курса рубля еще не существовало?

Уничтожило ли бы запрещеніе вывоза кредитныхъ билетовъ сдѣлки на срокъ съ кредитными рублями въ Берлинѣ? Безусловно да; послѣ октябрьской ликвидаціи 1896 г. эта *форма* спекуляціи умерла. Само собою разумѣется, спекуляція на валюту этимъ не была убита, а лишь должна была избрать иные пути. Въ доказательство того, что такіе пути открыты, приведемъ только одинъ примѣръ изъ многихъ.

Бразильская валюта подъ вліяніемъ политическихъ смутъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ имперіи, отъ стоянія al pari и временами выше pari перешла къ крайнимъ колебаніямъ. Результатомъ этого была сильная спекуляція на валюту бразильскихъ и европейскихъ спекулянтовъ при содѣйствіи водворившихся въ Ріо банковъ, которые покупали или продавали золотыя тратты и должно быть были отдѣленіями крупныхъ европейскихъ акцентирующихъ фирмъ или же близко стояли къ нимъ; иначе они не могли бы располагать дешевымъ трассированнымъ кредитомъ. Спекуляція производилась per kassa или на срокъ. Въ послѣднемъ случаѣ мнѣніе банка о спекулянтѣ опредѣляло, будетъ ли онъ вообще допущенъ къ операціи или нѣтъ: всякая сдѣлка на срокъ уже заключаетъ въ себѣ оказаніе кредита.

Банки давали также ссуды для цѣлей спекуляціи. И тутъ отдѣльные спекулянты, съ которыми банкъ имѣлъ дѣло, подвергались искусу; кредитъ оказывался только подъ условіемъ взноса цѣнными бумагами или деньгами 5—10% цѣнности подлежащихъ поставкѣ или отдачѣ векселей; проценты и задатки были велики; отсрочки не допускались, такъ что банки

отказывали въ текущемъ кредитѣ, какъ только спекулянты становились ненадежными или понесли большіе убытки. Часто спекулянты могли поставить бумаги, когда пожелаютъ, т.-е. сдѣлки часто длились только отъ одного дня до другого. Это стѣсняло банки въ распоряженіи деньгами и въ частности заставляло держать большіе запасы наличности, чтобы можно было во всякое время принять поставленные векселя, и располагать большимъ трассированнымъ кредитомъ въ Европѣ, чтобы можно было во всякое время поставить проданные векселя. По обѣимъ этимъ причинамъ банки относились безпощадно къ нуждающимся въ кредитѣ и зависящимъ отъ нихъ спекулянтамъ [1]).

Съ своей стороны банки при этомъ не пользовались валютой, по крайней мѣрѣ, принципіально, а необходимыя оборотныя средства въ мильрейсахъ добывали, гдѣ было можно, такимъ образомъ, что продавали per kassa золотые векселя и возмѣщали себя за то покупками на срокъ товарныхъ траттъ экспортеровъ или спекулятивныхъ золотыхъ векселей. Можно думать, что послѣ упраздненія Берлинской рублевой биржи при существованіи по прежнему (или появленіи вновь) колебаній курса рубля спекуляція приняла бы формы, подобныя только что описаннымъ. Такая перемѣна, надо полагать, сопровождалась бы для Россіи большими невыгодами сравнительно съ прежнимъ положеніемъ, и вотъ почему.

Внѣшнее перенесеніе рынка въ Петербургъ было бы уравновѣшено зависимостью отъ акцентирующихъ фирмъ Европы, тѣмъ болѣе, что перенесеніе спекуляціи на вексельный рынокъ потребовало бы колоссальнаго увеличенія этихъ акцентныхъ кредитовъ. Издержки спекуляціи [акцентные расходы и задатки, вносимыя банкамъ (Bankprovisionen)] были бы значительно выше низкихъ коммиссіонныхъ, взимавшихся Берлинской рублевой биржей; онѣ обременяли бы курсъ рубля. Число спекулянтовъ свелось бы къ небольшой горсти извѣстныхъ биржевыхъ дѣльцовъ, такъ какъ вещественная основа кредита, дававшаяся передвиженіемъ кредитныхъ билетовъ, отсутствовала бы. Банки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ испытывали бы кредитоспособность спекулянтовъ. Съ съуженіемъ рынка и вздорожаніемъ кредита колебанія курса рубля стали бы значительнѣе. Общепризнано, что большіе размѣры рынка дѣйствуютъ уравнительно на курсы.

Сверхъ того петербургской спекуляціи съ переводными векселями приходилось бы опасаться ударовъ со стороны правительства, подобныхъ тѣмъ,

---

[1]) О другой одинаково грубой формѣ спекуляціи см *Max Weber*. Zeitschrift für Handelsrecht. Bd. XLV, S. 40.

подъ которыми пала Берлинская рублевая биржа. Въ Россіи банки вполнѣ подчинены всемогущему вліянію министра финансовъ. Послѣдній, надо полагать, не особенно благосклонно смотрѣлъ бы на биржевую игру на валюту и ставилъ бы препятствія открытію на русской почвѣ филіальныхъ отдѣленій европейскими банками для цѣлей спекуляціи на валюту [1]).

Оставался еще третій путь, о которомъ уже подумывали заинтересованные круги и къ которому, надо полагать, прибѣгнутъ, въ случаѣ если бы русская валюта подверглась новымъ колебаніямъ: сдѣлки на срокъ съ векселями на предъявителя или ордерами (Auszahlungen) на Петербургъ на одной изъ главныхъ европейскихъ биржъ. Эта спекуляція въ техническомъ отношеніи далеко уступала бы сдѣлкамъ на срокъ съ кредитными билетами.

Кредитные билеты качественно равны между собою; векселя на предъявителя на Петербургъ различаются въ зависимости отъ личности выдающаго и того, на кого они выданы. Вслѣдствіе этого векселя на предъявителя негодятся прежде всего для выравненія счетовъ (clearing), посредствомъ котораго кредитной биржѣ удавалось справляться съ сдѣлками на колоссальныя суммы съ помощью сравнительно незначительнаго запаса кредитныхъ билетовъ. По той же причинѣ векселя на предъявителя мало пригодны для репортированія. Кредитные билеты представляютъ fungibilem основу кредита, такъ что стороны выдачей и пріемомъ кредитныхъ билетовъ обезпечиваютъ себя, рискуя только курсовой разницей. Не то съ векселями на предъявителя, такъ какъ полученіе по нимъ не всегда возможно. Благодаря этому операція съ векселями по плечу лишь немногимъ сильнымъ спекулянтамъ; потому что всякое заключеніе сдѣлки означаетъ взаимный кредитъ на весь капиталъ.

Далѣе надо имѣть въ виду слѣдующую разницу: кредитные билеты служатъ въ Россіи платежнымъ средствомъ, слѣдовательно имѣютъ цѣну при всѣхъ обстоятельствахъ. Но будетъ ли что нибудь стоить вексель на предъявителя, который я покупаю на срокъ, это еще вопросъ; онъ не будетъ обладать цѣнностью, если поставившій подпись окажется по какой бы то ни было причинѣ несостоятельнымъ; если лицо, на которое данъ вексель, по-

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ введеніе золотой валюты устранило послѣднюю опасность, пало главное возраженіе противъ открытія въ Россіи филіальныхъ отдѣленій европейскихъ банковъ; въ настоящее время оно скорѣе является послѣдствіемъ прилива европейскихъ капиталовъ вообще. При этомъ теперь дѣло идетъ постольку же о финансированіи промышленности, поскольку объ удешевленіи онкольнаго (kontocorrentcredit) и акцептнаго кредита, т.-е. удешевленіи оборотнаго капитала, который въ Россіи недостаточно участвовалъ въ удешевленіи капитала вообще.

чему либо откажется уплатить, то мнѣ предстоятъ псковыя хлопоты. Поэтому лишь немногія крупнѣйшія фирмы были бы въ состояніи выдавать срочные векселя на предъявителя, по надежности приближающіеся къ кредитнымъ билетамъ. Къ этимъ немногимъ домамъ и пришлось бы прибѣгать спекуляціи; она была бы тѣмъ зависимѣе отъ нихъ, что всякая сдѣлка начиналась бы съ испытанія личной кредитоспособности спекулянта. Послѣдствія были бы тѣ же, что и отъ вышеописанныхъ операцій съ золотыми переводными векселями въ странѣ бумажнаго обращенія: съуженіе рынка, преобладающее вліяніе немногихъ крупныхъ банковъ, болѣе рѣзкія колебанія курса.

Изъ вышесказаннаго видно, что спекуляція на валюту, эта печальная спутница всякой колеблющейся бумажной валюты, въ Берлинской рублевой биржѣ представляла все же наиболѣе благопріятную для Россіи форму; возможно было упразднить эту технически наиболѣе развитую форму спекуляціи и испытать худшія бѣды отъ болѣе грубыхъ формъ. Къ счастью, золотая валюта устранила спекуляцію на валюту вообще.

III. Финансово-политическія основы денежной реформы.

A. Податная реформа Бунге.

Первое условіе всякой денежной реформы—устраненіе изъ государственнаго бюджета обычнаго дефицита. Вмѣстѣ съ нимъ устраняется весьма печальное,—ибо оно хроническое,—побужденіе къ умноженію бумажныхъ денегъ; улучшая кредитъ государства, устраненіе дефицитовъ облегчаетъ обращеніе текущаго бумажнаго долга въ фундированные долги. Регулярные бюджетные остатки позволяютъ даже добыть часть необходимаго для реформы валюты благороднаго металла безъ посредства кредита, покупкой металла по вольной цѣнѣ.

Съ конца 80-хъ г.г. Россія избавилась отъ обычнаго дефицита, и ея бюджетъ сталъ давать *остатки*.

Этотъ успѣхъ былъ обусловленъ различными причинами. На первомъ планѣ надо поставить ростъ денежнаго хозяйства и повышеніе вмѣстѣ съ нимъ платежной способности народа—результатъ реформъ Александра II, освобожденія крестьянъ, желѣзнодорожнаго строительства и не въ меньшей мѣрѣ—растущей плотности населенія и покупательной силы Западной Европы. Сюда присоединились мирная и бережливая политика Александра III,

которая хотя и не помѣшала росту государственныхъ расходовъ, но все же держала его въ узкихъ границахъ; чрезвычайные урожаи; вліяніе конверсій и т. д.

Слѣдующія цифры, относящіяся къ обыкновенному бюджету, иллюстрируютъ благопріятные результаты сочетанія всѣхъ этихъ факторовъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этихъ цифръ, не забудемъ, что закономъ 4 іюня 1894 г. чрезвычайный бюджетъ былъ сильно уменьшенъ. Законъ этотъ относитъ къ обыкновенному бюджету содержаніе желѣзныхъ дорогъ, обновленіе подвижного состава [1]), портовыя работы, перевооруженіе и т. д., оставляя въ чрезвычайномъ бюджетѣ только сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ и пріобрѣтеніе новаго подвижного состава [2]). Этому принципу остался вѣренъ по существу и бюджетъ чрезвычайныхъ расходовъ на 1899 г. доходящій до 109 мил. руб. Приводимыя ниже цифры съ 1886 г. соотвѣтствуютъ этой болѣе строгой классификаціи, по которой онѣ вычислены государственнымъ контролемъ; при такой формѣ отчетности прежніе дефициты представились бы еще большими.

Годы.	Обыкновен. доходы	Обыкновен. расходы	Дефицитъ.	Остатокъ.
	въ милліонахъ рублей [3]).			
1883	700,4	723,6	23,2	—
1884	706,2	727,9	21,7	—
1885	764,4	806,6	42,2	—
1886	774,3	847,6	73,3	—
1887	820,4	842	21,6	—
1888	873,6	837	—	36,6
1889	914,5	868,8	—	45,7
1890	933,4	914,8	—	18,6
1891	890,5	925,4	34,9	—

[1]) Въ 1887—1898 г.г. включительно по *обыкновенному* бюджету было израсходовано на поддержаніе и улучшеніе подвижного состава 239 мил. руб. „Bulletin Russe“ 1898, p. 407.

[2]) *Raffalovich.* Marché financier 1895—96, p. 282. 90 мил. руб., назначенные указомъ 24 февраля 1898 г. на сооруженіе военныхъ судовъ, были отнесены къ *чрезвычайному* бюджету. „Bulletin Russe“ 1898, p. 66.

[3]) *Raffalovich.* Les finances de la Russie 1887—89, p. XX; Marché financier 1896—97, p. 341. — Новѣйшія цифры взяты изъ „Bulletin Russe“ 1898, p. 494—497. См. также сводную таблицу русскихъ ординарныхъ и экстраординарныхъ бюджетовъ за 1887—98 г. г., приводимую *Heckel*'емъ въ „Conrads Jahrbücher für National ökonomie“, III Folge Bd. 16, S. 92.

1892	964,7	952,6	—	12,1
1893	1,031,5	996,4	—	35,1
1894	1,145,4	1,045,5	—	99,9
1895	1,244,4	1,129,4	—	115
1896	1,368,7	1,129,4	—	239,3
1897	1,416,7	1,229	—	187,7

Заключеніе бюджета 1898 г. также даетъ благопріятную картину. Сошлюсь на недавно опубликованныя предварительныя кассовыя свѣдѣнія за 1898 г., которыя, какъ извѣстно изъ опыта, близко подходятъ къ окончательному виду выполненія государственной росписи.

Болѣе подробно достигнутые финансовые успѣхи характеризуетъ приводимое ниже сопоставленіе важнѣйшихъ статей доходовъ съ 1878 г. Обнаруживаемое имъ измѣненіе въ источникахъ доходовъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: *уменьшеніе прямого обложенія земледѣльческихъ классовъ, сильный ростъ косвенныхъ налоговъ*, въ особенности налоговъ на необходимые предметы массоваго потребленія, *сильный ростъ доходовъ отъ предпріятій, принадлежащихъ казнѣ, умѣренное повышеніе налоговъ, падающихъ на городскіе промышленные классы, движимое имущество, торговлю и перевозочную промышленность.*

Доходы въ милліонахъ руб. кред. [1]).	Г о д ы: 1878.	1886.	1895.	1897 [2])
A. Прямые налоги и выкупные платежи крестьянъ:				
a) подушная подать, поземельный и лѣсной налогъ	122,1	86,1	49,2	39,2
b) выкупные платежи б. помѣщичьихъ крестьянъ [3])	—	41,7	42,1	37,5
c) выкупные платежи б. удѣльныхъ крестьянъ	—	2,9	3,3	3
d) оброчная подать, съ 1887 г.				

[1]) *Raffalovich.* Finances de la Russie 1887—89, p. 50; Marché financier 1896—97, p. 360. *Moos.* Die Finanzen Russlands. Berlin, 1896, S. 66—67 Далѣе,—„Bulletin Russe“ 1898, p. 494—495.

[2]) Съ 1897 г. исчезаетъ различеніе бумажныхъ и золотыхъ рублей; съ этихъ поръ государственная роспись исчисляется въ золотыхъ рубляхъ новаго чекана.

[3]) Съ 1885 г. относятся къ обыкновенному бюджету.

выкупные платежи б. государственныхъ крестьянъ . . .	4,4	5,3	55,8	47,95
B. Налоги на предметы потребленія:				
a) напитки (включая водочную монополію)	214,8	237,0	298,2	332,6
b) табакъ	12,4	20,1	34,5	35,3
c) сахаръ	5,1	15	47,6	55,5
d) соль (отмѣненъ)	9,1	—	—	—
e) керосинъ	—	—	19,7	22,8
f) спички	—	—	7,4	7,1
g) таможенныя пошлины . . .	97,7	112,8	167,7	195,6
C. Государственныя имущества:				
a) земля	7,4	11,1	14	15,7
b) лѣса	11,6	13	28,6	37,7
c) казенныя желѣзныя дороги . .	5,9	12,7	194,6	277,8
D. Доходы отъ обложенія промысловъ, движимаго капитала, торговли, средствъ сообщенія:				
a) промысловый налогъ . . .	15	28	42,7	46,6
b) налогъ на ренту съ капитала .	—	10	13,8	15,50
c) платежи горныхъ заводовъ . .	0,5	2	3,5	3,45
d) гербовый сборъ	17,8	18,6	29,7	31,7
e) почта	13,7	16,3	24,8	25,8
f) телеграфъ и телефонъ . . .	6,9	9,2	14	17,7

Этими цифрами выражается финансовая реформа, связанная съ именемъ Бунге [1]).

Реформа эта была подготовлена введеніемъ въ 1875 г. *общаго поземельнаго налога*, которому подлежали и дворянскія земли, до того времени свободныя отъ обложенія. Въ виду отсутствія кадастра этотъ налогъ былъ разверстанъ по губерніямъ; въ послѣднихъ были начаты оцѣночныя

[1]) О новѣйшихъ русскихъ финансахъ см. превосходный учебникъ финансоваго права проф. *Янжула*: Основныя начала финансовой науки. С.-Пб. 1890 г.; есть новое изданіе; далѣе—*М. Кашкаровъ*. Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства за послѣднее десятилѣтіе (1885 — 1894 г.), С.-Пб., 1895 г. Обильный матерьялъ даютъ часто цитируемыя нами сочиненія *Raffalovich*'а, затѣмъ — „Bulletin Russe“; кое что встрѣчается и въ нѣмецкомъ „Finanzarchiv.“ Далѣе см. часто цитированную книгу *Skalkowsk*'аго.

работы, иногда на весьма различныхъ принципахъ. Изъ этихъ работъ возникла цѣнная земская статистика. Несмотря на то, поземельный налогъ раскладывается еще и теперь грубо и неравномѣрно; нерѣдко открываются „ускользавшія отъ обложенія земли". Этотъ налогъ даетъ мало; въ 1891 г. онъ далъ 44 милліона, изъ которыхъ на Россію въ собственномъ смыслѣ приходилось только 14 мил., остальное на Польшу, азіатскія владѣнія и т. д. [1]).

Съ отмѣной *подушной подати* (законы 1882—1885 г.г.) государство отбросило точку зрѣнія, видѣвшую мѣрило платежной способности въ грубой физической рабочей силѣ, въ существенномъ одинаковой у всѣхъ подданныхъ; правильной основой обложенія оно признало индивидуально различныя владѣнія и доходъ [2]). Этимъ была косвенно осуждена и круговая порука общины, какъ несовмѣстимая съ обложеніемъ сообразно съ платежной способностью каждаго отдѣльнаго лица. Только съ отмѣной этого столь же важнаго, какъ и рокового института будетъ завершена финансовая реформа, проводимая съ 80-хъ г.г. [3]).

Вызванное отмѣной подушной подати уменьшеніе доходовъ составило около 60 мил. руб.

Въ тѣсной связи съ отмѣной подушной подати находится *уничтоженіе соляного налога* (1881 г.). Послѣдній въ странѣ съ широкораспространеннымъ питаніемъ рыбной и растительной пищей дѣйствовалъ подобно подушной подати и всею своей тяжестью ложился, какъ общепризнано, почти исключительно на крестьянъ [4]). Вмѣстѣ съ нимъ государство отказалось отъ дохода въ 12 мил. руб.

Рука объ руку съ этими мѣропріятіями шло пониженіе выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, совершенное указомъ 28 января 1881 г., который въ то же время уничтожилъ зависимость выкупа отъ желанія сторонъ и сдѣлалъ его обязательнымъ.

При постоянныхъ дефицитахъ эти податныя облегченія требовали не малаго мужества отъ руководителя финансовъ. Они окупились: владѣніе землей, бывшее до того времени преимущественно обязанностью крестьянъ, спало ихъ правомъ въ большей части Россіи. Это было основой всякаго какъ хозяйственнаго, такъ и народно-психологическаго прогресса.

---

[1]) О послѣднихъ налогахъ см. *Янжулъ*, стр. 302.

[2]) Обложенія, конечно, не въ формѣ подоходнаго налога въ собственномъ смыслѣ, для котораго Россія еще далеко не созрѣла. См. ниже.

[3]) На возможности отмѣны круговой поруки настаиваетъ *Янжулъ*, стр. 358.

[4]) *Янжулъ*, стр. 493.

Вызванное реформой уменьшеніе поступленій было отчасти уравновѣшено тѣмъ, что законъ 12 іюня 1886 г. предписалъ выкупъ земли и для государственныхъ крестьянъ. Разрѣшавшійся раньше добровольный выкупъ оброка совершался до той поры лишь въ очень ничтожныхъ размѣрахъ. Земля, находящаяся въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, должна быть выкуплена къ 1 января 1931 г. Ежегодные выкупные платежи опредѣлены въ 49,03 мил.; но зато были уничтожены оброчная подать, приносившая 33,84 мил., и подушная подать съ государственныхъ крестьянъ, приносившая 19 мил., такъ что платежи государственныхъ крестьянъ все же сократились на 3,9 мил. руб. [1]).

Въ итогѣ реформа прямыхъ налоговъ и выкупныхъ платежей означала (если сложить выкупные платежи б. помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ и прибавить повышеніе поземельнаго налога на 3 мил.) уменьшеніе поступленій на 47 мил. руб. [2]).

Направленію указанныхъ реформъ отвѣчала и недавняя *отмѣна паспортнаго сбора* (законъ 7 апрѣля 1897 г.). До этого времени крестьянинъ, оставляя родину, долженъ былъ платить паспортный сборъ, а при болѣе продолжительномъ отсутствіи еще возобновлять паспортъ, что тоже было сопряжено съ расходами. При широкомъ распространеніи отхода и отсутствіи въ Россіи какихъ либо рабочихъ бюро сборъ этотъ, подобно подушной подати, обременялъ именно низшіе слои крестьянскаго населенія. Въ настоящее время паспорта, по словамъ Рафаловича, служатъ только полицейскимъ, а не фискальнымъ цѣлямъ. Государство отказалось отъ дохода въ $4^1/_2$ мил. руб. [3]).

При растущихъ потребностяхъ государства уменьшеніе поступленій, вызванное реформой налоговъ, не могло быть покрыто *увеличеніемъ обложенія промышленныхъ и торговыхъ классовъ*. Еще и теперь промысловый налогъ (патентный сборъ и налогъ на прибыли акціонерныхъ обществъ [4]) играютъ въ русскомъ обществѣ второстепенную роль. То же можно сказать и про налогъ на ренту съ капиталовъ. Послѣдній обнимаетъ сборы, „которые весьма удобно взимать въ самомъ источникѣ дохода“, въ

---

[1]) „Finanzarchiv“ IV, S. 1144—1150: *Simkowitsch*, S. 271—272; *Янжулъ*, стр. 301.

[2]) *Raffalovich*. Finances de la Russie 1887—89, p. XIX.

[3]) *Raffalovich*. Marché financier 1897—98, p. 342—343.

[4]) Во Всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ при представленіи государственной росписи на 1899 г. доходъ отъ преобразованнаго промысловаго налога принятъ на 8,8 мил. руб. выше, чѣмъ въ росписи 1893 г.

формѣ обложенія купоновъ или процентовъ со вкладовъ, помѣщенныхъ въ Государственномъ или акціонерныхъ банкахъ.

Конструкція только что названныхъ налоговъ указываетъ на то, что подоходный налогъ, затрогивающій не источникъ, а субъекта дохода, для Россіи долженъ на долгое время оставаться утопіей. Послѣдняя форма обложенія предполагаетъ объявленіе дохода (Fassion), слѣдовательно, чувство солидарности между государствомъ и управляемыми, какое нескоро разовьется въ Россіи [1]). Даже въ Англіи [2]) и Германіи эта форма обложенія встрѣтила величайшее противодѣйствіе и была осуществлена только путемъ медленной воспитательной работы; Франція еще до сихъ поръ не дошла до нея; а Италія въ виду недостаточной квалификаціи плательщиковъ должна была свести задуманный по англо-германскому образцу подоходный налогъ къ частичному обложенію прибыли (Ertragssteuersystem).

Чрезвычайно значительно увеличеніе цифры доходовъ отъ *предпріятій, принадлежащихъ казнѣ*. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ доходъ отъ *желѣзныхъ дорогъ*, результатъ прогрессирующаго перехода ихъ въ государственную собственность [3]). Но такъ какъ этой статьѣ надо противопоставить проценты и погашеніе по желѣзнодорожному долгу, то вліяніе перехода желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства оказывается болѣе посредственнымъ: активъ колоссальнаго желѣзнодорожнаго хозяйства уже теперь повышаетъ кредитъ государства. Въ будущемъ, и притомъ, надо полагать, близкомъ будущемъ, въ этой рубрикѣ слѣдуетъ ожидать значительныхъ избытковъ. Ростъ транспорта повышаетъ чистую выручку.

Приведу интересныя въ этомъ отношеніи данныя изъ таблицы генерала Борковскаго, составленной для Всероссійской Выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Съ 1880 по 1894 г. пассажирское движеніе возросло на 52%, товарное на 103%. Увеличеніе послѣдняго обусловлено, главнымъ образомъ,

---

[1]) Отъ подоходнаго налога, сущность котораго состоитъ въ „объявленіи“, каждый будетъ стараться уклониться, какихъ бы либеральныхъ финансовыхъ теорій онъ ни держался, и при томъ богатый сдѣлаетъ это съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ бѣдный. Такъ думаетъ *Skalkofski*, p. 238.

[2]) Какъ извѣстно, тотчасъ послѣ наполеоновскихъ войнъ ненавистный подоходный налогъ былъ снова уничтоженъ; при введеніи его вновь сэромъ Робертомъ Пилемъ предполагалось, что онъ будетъ лишь временной мѣрой. *A. Wagner.* Finanzwissenschaft. T. 1, 2. Aufl., S. 227 и слѣд.

[3]) По „Bulletin Russe“, 1898, p. 401, къ 1 октября 1898 г. изъ 42,000 километровъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи 28,000 кил. принадлежали казнѣ. Въ началѣ 80-хъ г.г. казнѣ принадлежало только 4,500 кил. См. также „Bulletin Russe“ 1897, p. 644.

развитіемъ транспорта слѣдующихъ товаровъ: хлѣба, каменнаго угля, керосина и лѣса. Стоимость перевозки товаровъ понизилась на 29% на единицу товара, пассажировъ—на 12%. Пониженіе стоимости перевозки пассажировъ происходило одновременно съ сильнымъ пониженіемъ пассажирскаго тарифа. Несомнѣнно, ни въ одной странѣ въ мірѣ путешествіе на далекія разстоянія не обходится такъ дешево, какъ въ Россіи—обстоятельство, имѣющее также и политическое значеніе для сплоченія колоссальной имперіи.

Валовой доходъ желѣзныхъ дорогъ возросъ за указанный промежутокъ времени на 90%, валовой расходъ по эксплоатаціи—только на 40%. Отсюда значительное увеличеніе чистаго дохода. По Исаеву, послѣдній составлялъ въ 1881 г.— 2,524 руб. съ версты, въ 1898 — свыше 4,000 руб. [1]) Послѣдняя цифра согласуется съ слѣдующей таблицей „Bulletin Russe“, въ которой увеличеніе чистаго дохода эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и Германіи сопоставляется съ застоемъ, или понятнымъ движеніемъ въ Англіи и Франціи [2]):

Чистый доходъ съ километра въ тысяч. фр.	1883 г.	1896 г.
Англія	28,27	29,41
Франція	18,50	16,63
Германія	15,31	18,95
Россія	9,64	13,31

Въ 1894 г. государственное желѣзнодорожное хозяйство уже дало небольшой избытокъ. Чистая выручка составляла 81,1 милл. руб.; однако если принять въ разсчетъ выпущенныя взамѣнъ акцій Московско-Курской ж. д. государственныя облигаціи, то эксплоатація казенной сѣти требовала въ 1894 г. расхода въ 80,733 тыс. руб.; послѣдняя цифра на 365 тыс. руб. ниже дохода отъ сѣти [3]). Въ 1896 г. доходъ отъ казенныхъ ж. д. уже превысилъ на 34 милл. руб. расходы по эксплоатаціи и платежи по желѣзнодорожному долгу [4]).

Изъ прочихъ государственныхъ регалій прежде всего *казенные лѣса* являются источникомъ доходовъ, способнымъ къ сильному развитію. Извле-

---

[1]) *Issajeff.* Zur Politik des russischen Finanzministeriums. Stuttgart, 1898, S. 10.

[2]) „Bulletin Russe“ 1898, p. 410. По „Bulletin Russe“ 1897, S. 404 за промежутокъ 1881—1895 г. валовой доходъ русскихъ ж. д. (казенныхъ и частныхъ) удвоился, чистый доходъ—утроился.

[3]) *Moos.* Die Finanzen Russlands. Berlin, 1896, S. 73.

[4]) „Bulletin Russe“ 1897, p. 645, 656.

ченіе дохода изъ огромныхъ часто недоступныхъ областей Сѣвера и Востока предполагаетъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, портовъ и каналовъ; но ихъ осуществленіе—только вопросъ времени. Проведеніемъ желѣзной дороги отъ Петербурга къ Архангельску [1]) положено было начало открытію Сѣвера. Сюда присоединилось сооруженіе незамерзающаго порта на Мурманскомъ берегу,—служащее, правда, прежде всего стратегическимъ цѣлямъ. Растущій спросъ Европы на лѣсъ обѣщаетъ русской казнѣ, величайшему лѣсовладѣльцу въ мірѣ, устойчивыя и даже повышающіяся цѣны [2]).

Но желѣзныя дороги и лѣса пока лишь подаютъ надежды на будущее, укрѣпленіе же русскихъ финансовъ, наблюдаемое съ середины 80-хъ г.г., основано на сильномъ увеличеніи поступленій отъ *косвенныхъ налоговъ*. Послѣдніе надолго еще останутся единственнымъ способомъ обложенія измѣнчивыхъ денежныхъ доходовъ крестьянъ, отхожихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, фабричныхъ, широкихъ массъ населенія, занимающихся рыболовствомъ, рубкой и сплавомъ лѣса. При данныхъ обстоятельствахъ въ развитіи косвеннаго обложенія слѣдуетъ видѣть прогрессъ, тѣмъ болѣе, что оно не касается предметовъ первѣйшей необходимости (отмѣна соляного налога, за то, правда, пошлина на желѣзо!) [3])

Настоящую опору русскихъ финансовъ составляетъ довольно сложное теперь *обложеніе водки*. Оно слагается изъ патентнаго сбора, акциза съ фабриката, пошлины за разрѣшеніе раздробительной продажи, налога на фабрикаты, въ которые входитъ спиртъ [4]). Съ 1895 г. взамѣнъ обложенія водки вводится *казенная монопольная продажа вина* область, господства которой теперь расширяется съ востока на западъ. Въ послѣдніе годы различные налоги на водку и монополія давали свыше 300 мил. руб., въ 1897 г. — свыше 330 мил., откуда надо вычесть расходы по казенной продажѣ питей. При всемъ томъ одинъ водочный налогъ почти покрываетъ расходы военнаго министерства. Съ проведеніемъ монополіи надѣются дер-

---

[1]) [Прямой дороги отъ Петербурга на Архангельскъ, какъ извѣстно, не существуетъ хотя проектировалось нѣсколько линій; есть Московско-Ярославско Архангельская жел. дорога]. *Прим. ред.*

[2]) Подробнѣе объ увеличеніи доходовъ отъ казенныхъ лѣсовъ см. „Bulletin Russe“ 1897, p. 360—366.

[3]) [Черезчуръ апологетическое отношеніе Шульце-Геверница къ русской финансовой политикѣ послѣднихъ двухъ десятилѣтій заставляетъ его въ данномъ случаѣ грѣшить противъ истины: акцизомъ и другими формами косвенныхъ налоговъ обложены именно предметы первой необходимости, предметы массового потребленія,—въ этомъ заключается и вся финансовая сила косвеннаго обложенія]. *Прим. ред.*

[4]) *Янжулъ*, стр. 454 и слѣд.

жать чистый доходъ на высотѣ, по крайней мѣрѣ, 300 мил., ограничивая потребленіе путемъ повышенія продажной цѣны. Чтобы монополія давала менѣе 300 милліоновъ, надо было бы, по разсчетамъ Рафаловича, сократить потребленіе больше, чѣмъ на 20%. На чрезвычайную высоту обложенія алкоголя указываетъ то, что казна продаетъ водку по цѣнѣ, превышающей покупную цѣну въ 6—8 разъ [1]).

Значеніе налога на водку въ государственномъ бюджетѣ свидѣтельствуетъ о некультурности широкихъ массъ населенія. Но западно-европейцамъ, особенно намъ, нѣмцамъ, не слѣдуетъ морщиться при этомъ фактѣ. Въ Германіи потребленіе вдвое выше, чѣмъ въ Россіи; въ Англіи и особенно во Франціи оно все растетъ.

Вотъ *потребленіе чистаго алкоголя* (за исключеніемъ вина и пива) *на душу населенія* въ литрахъ [2]):

	1888 г.	1896 г.
Франція	3,87	4,19
Германія	4,50	4,30
Англія	2,42	2,64
Россія	2,80	2,52

Еще позорнѣе это сравненіе для Германіи, если принять въ разсчетъ вино и пиво, причемъ на душу придется больше $8^1/_2$ литровъ [3]). Въ Россіи же пиво потребляется въ заслуживающемъ вниманія количествѣ только въ западныхъ окраинныхъ губерніяхъ, а вино на Кавказѣ. Русскій крестьянинъ обыкновенно нѣсколько разъ въ году напивается до безчувствія водкой, разведенной водою; но безчувствіе это отчасти зависитъ отъ того, что крестьянинъ совсѣмъ не привычный пьяница и не „силенъ пить“.

Такая сравнительно бѣдная страна, какъ Россія, производитъ водки на душу слишкомъ вдвое больше, чѣмъ Германія, а между тѣмъ Германія потребляетъ почти вдвое больше!

Таможенные доходы Россіи непрерывно росли, какъ при высокихъ покровительственныхъ пошлинахъ 80-хъ г.г., такъ и при тарифныхъ послабленіяхъ, которыя принесла съ собою политика торговыхъ договоровъ 90-хъ г.г. [4]).

Резюмируемъ сказанное. Ростъ таможенныхъ, желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ доходовъ непосредственно указываетъ на растущее передвиженіе и обмѣнъ товаровъ. Возможность получать огромныя

---

[1]) *Raffalovich.* Marché financier 1895—96, p. 280.
[2]) Подробнѣе см. „Bulletin Russe“ 1898, p. 664.
[3]) „Bulletin Russe“ 1898, 695.
[4]) *Кашкаровъ*, стр. 86—87.

и все повышающіяся денежныя суммы отъ косвеннаго обложенія доказываетъ, что широкія массы крестьянскаго населенія владѣютъ наличными деньгами: онѣ продаютъ—для насъ безразлично что—сельско-хозяйственныя произведенія или рабочую силу. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно значеніе урожая для поступленія важнѣйшихъ налоговъ, налоговъ на водку [1]). Такимъ образомъ весь финансовый подъемъ Россіи основывается въ послѣднемъ итогѣ *на побѣдѣ денежнаго хозяйства надъ натуральнымъ*; а такъ какъ прочные финансы составляютъ основу всякой сильной внѣшней политики, то у русскаго государства нѣтъ выбора: оно *должно* европеизировать русское народное хозяйство. Взглянемъ еще на бюджетъ расходовъ [2]).

	Расходы въ милліонахъ руб.			
	1878 г.	1886 г.	1895 г.	1897 г.
Платежи по госуд. долгу	139,7	246,5	277,1	258,6
Высшія государств. учрежденія	2,2	2,1	2,4	2,7
Святѣйшій Синодъ	10,1	11	13,8	19,8
Министерство Императорскаго Двора	10,5	10,5	12,6	12,9
„ Иностранныхъ Дѣлъ	3,9	4,5	5,1	4,9
„ Военное	189,2	212,7	285,2	293,8
„ Морское	26,1	44,6	57,1	85,2
„ Финансовъ [3])	91,2	116,4	140	204,3
„ Государств. Имуществъ	19,4	22,5	29,9	31,1
„ Внутреннихъ Дѣлъ	58,4	71,8	86,1	80,4
„ Народн. Просвѣщенія	17	21,2	23,5	26,5
„ Путей Сообщенія	12,4	25,7	162,9	226,8
„ Юстиціи	17,4	20,3	26,1	41,8
Государственный Контроль	2,2	3,1	5,3	6,8
Государственное Коннозаводство	0,8	1,1	1,5	1,6
За истекшіе бюджетные періоды	1,1	—	—	—
Итого	601,6	832,4	1,129,4	1,299,6

Прежде всего бросается въ глаза въ бюджетѣ расходовъ слабый ростъ, а затѣмъ и пониженіе платежей по государственному долгу. Издержки на эту статью въ 1896 г. несущественно превышаютъ издержки въ 1886 г.

[1]) На связь ихъ указываетъ *Кашкаровъ*, стр. 73.

[2]) Беру эти цифры изъ источниковъ, указанныхъ выше; см. стр. 444, примѣч.

[3]) Главныя статьи расходовъ министерства финансовъ составляютъ: финансовое управленіе, пенсіи чиновникамъ, расходы по водочной монополіи.

Это указываетъ на благопріятное развитіе русскаго государственнаго кредита, о чемъ мы будемъ говорить далѣе.

Прискорбны незначительные размѣры и медленный ростъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія.

Далѣе, для 80-хъ г.г. характерно пониженіе расходовъ военнаго министерства въ періодъ, пока въ отношеніяхъ къ Германіи не было натянутости (въ 1881 г.—229 мил. руб., въ 1884 г.—201 мил.). Въ началѣ 90-хъ г.г. прежняя величина расхода была снова достигнута, а вскорѣ и значительно превзойдена. Послѣдніе бюджеты показываютъ дальнѣйшій ростъ расходовъ военнаго и морского министерствъ. На 1899 г. смѣта военнаго министерства исчислена въ 323 мил. руб., морского—въ 89 мил. руб. При всемъ томъ въ росписи на 1899 г. показанъ избытокъ доходовъ; этотъ избытокъ, вѣроятно, въ дѣйствительности будетъ больше предположеннаго, въ виду обычной въ Россіи скромности въ предварительномъ исчисленіи доходовъ. Тѣмъ не менѣе Россія была бы не въ состояніи соединить въ теченіе долгаго времени нынѣшнюю активную азіатскую политику съ ея запросами на флотъ и колонизацію, сооруженіе портовъ и желѣзныхъ дорогъ—съ дальнѣйшимъ развитіемъ того колоссальнаго милитаризма, какого требуетъ обращенный на Западъ панславизмъ. Для Азіи этотъ тяжелый панцырь ненуженъ и даже непригоденъ. Россіи скорѣе нужны регулярные бюджетные избытки, главнымъ образомъ, для поддержанія ея колоссальныхъ азіатскихъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, которыя не могутъ выполняться на счетъ одного кредита.

Если расходы военнаго министерства будутъ и дальше расти съ быстротою послѣднихъ лѣтъ, то это возбудитъ самыя серьезныя опасенія относительно равновѣсія русскаго государственнаго бюджета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и относительно прочности валюты.

В. Развитіе государственнаго кредита при Вышнеградскомъ и Витте.

80-тые и первая половина 90-хъ г.г. были временемъ предложенія капиталовъ и пониженія нормы процента. Тѣ государства, въ которыхъ можно видѣть великія державы въ народно-хозяйственномъ смыслѣ, воспользовались этимъ періодомъ для пониженія процентовъ по своимъ долгамъ. Вспомнимъ конверсію англійскихъ 3%-ныхъ займовъ въ $2^3/_4$ и $2^1/_2$%-ные. Въ 1883 г. Франція обратила 5%-ную ренту послѣдней войны въ $4^1/_2$%-ную, въ 1887 г. прежнюю $4^1/_2$%-ную и небольшое количество 4%-ной въ

3%-ную; съ той поры благодаря дальнѣйшимъ пониженіямъ процентовъ платежи по $4^1/_2$%-ной рентѣ еще уменьшились, по 3%-ной—увеличились. Соединенные Штаты посредствомъ повторныхъ конверсій сильно сократили платежи по той части своего военнаго долга, которая еще не была выплачена. Съ 1885 г. и Германія вступила въ эру конверсій, закончившуюся замѣной преобладавшихъ 4%-ныхъ государственныхъ долговъ $3^1/_2$ %-нымъ.

Въ болѣе слабыхъ государствахъ: Италіи, Испаніи, Греціи, Португаліи, Южно-Американскихъ республикахъ это явленіе не имѣло мѣста [1]).

Россія вполнѣ воспользовалась выгодами конверсій благодаря, прежде всего, благопріятнымъ результатамъ внутренняго финансоваго управленія, съ которыми мы уже познакомились. Но весьма существенное содѣйствіе оказали ей и политическіе моменты.

Еще невозможно написать исторію того замѣчательнаго эпизода новѣйшей европейской финансовой политики, когда Бисмаркъ, въ 1887 г., изгналъ изъ нѣмецкихъ владѣній милліарды [2]) русскихъ цѣнностей, хотя всего за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (1884 г.) въ ихъ выпускѣ участвовало прусское государственное учрежденіе. Еще не выяснены мотивы, побудившіе нѣмецкаго государственнаго человѣка къ этому финансовому походу. Высказывалось мнѣніе, что здѣсь играло роль недостаточное знаніе и вытекавшая изъ него недостаточная оцѣнка экономическихъ отношеній. Но вредъ, наносимый германскому народному хозяйству, былъ ясенъ, и едва ли можно допустить, что Бисмаркъ принесъ столь большую жертву исключительно ради мимолетнаго успѣха въ дѣлѣ пониженія курса. Такъ какъ важныхъ политическихъ выгодъ отъ этого шага для Германіи не проистекало, то возможно, что имѣлось въ виду предотвратить грозящую опасность: наканунѣ осады уничтожаютъ зданія и деревья предъ крѣпостью, наканунѣ войны никакая жертва не велика, если она затрудняетъ вооруженіе и боевую готовность врага и тѣмъ способствуетъ сохраненію мира. То было время буланжизма во Франціи.

При всей невыясненности мотивовъ твердо установлены внѣшніе факты. Съ начала 1887 г. германская оффиціозная пресса стала предсказывать близкое банкротство Россіи и выставлять патріотическимъ долгомъ нѣмцевъ сбыть свои русскія цѣнности. Затѣмъ послѣдовало запрещеніе Имперскому Банку принимать въ залогъ русскіе государственные займы. Сама по себѣ

---

[1]) *A. Wagner* въ „Schönbergs Handbuch." Finanzwissenschaft. IV Aufl. Tubingen, 1897, S. 827 и слѣд., S. 853 и слѣд.

[2]) Въ тѣ дни „Kreuzzeitung" опредѣляла цѣнность русскихъ бумагъ, находившихся во владѣніи у нѣмцевъ, въ $2^1/_2$ милліарда руб.

эта мѣра имѣла мало значенія (такъ какъ сумма заложенныхъ русскихъ цѣнностей была незначительна въ сравненій съ той массой, которой владѣли нѣмцы); но она была важна благодаря своему психологическому дѣйствію. Послѣдствіемъ ея была паника, передавшаяся отъ публики къ оказывавшей противодѣйствіе биржѣ: Германія продавала съ большими потерями свои русскія цѣнности по падающему курсу и продолжала эти продажи позднѣе при крѣпнущихъ курсахъ, такъ что къ концу 80-хъ г.г. почти совершенно лишилась русскихъ цѣнностей.

Прежде всего отлили золотые займы, перешедшіе, большею частью, прямо во Францію; бумажные, которые, какъ мы видѣли, не располагали международнымъ рынкомъ, крѣпче держались въ Германіи. Однако въ слѣдующіе годы ушли и они, большею частью, прямо назадъ въ Россію, гдѣ и нашли окончательный пріютъ.

Еще значительнѣе damnum emergens (непосредственнаго вреда) было для Германіи lucrum cessans (прекращеніе наживы). 1887 годъ—годъ необычайнаго урожая и усиленнаго экспорта—случайно оказался въ русской финансовой исторіи поворотнымъ пунктомъ къ лучшему. Россія дѣлала выгодную операцію, продавая дальнѣйшія цѣнности во Францію. Для Франціи послѣдующее повышеніе курса русскихъ бумагъ означало уже въ серединѣ 90-хъ г.г. выигрышъ около 500—600 милл. франковъ [1]). Сюда надо прибавить еще весьма значительные, хотя и трудно поддающіеся исчисленію эмиссіонные барыши, которые теперь вмѣсто Берлина доставались Парижу. Германія кромѣ того понесла убытки на итальянской рентѣ, которую купила взамѣнъ русскихъ бумагъ; послѣдняя 1 января 1887 г. стояла еще на 102, въ октябрѣ же 1893 г. только на 80, теперь на 90.

По *политическимъ* основаніямъ Франція во вторую половину 80-хъ г.г. была крайне усердной покупательницей русскихъ цѣнностей, причемъ сбывала итальянскія, аргентинскія и т. д. [2]).

Три факта: оздоровленіе внутреннихъ финансовыхъ отношеній, международное пониженіе процентной нормы и не въ меньшей мѣрѣ политическое сближеніе съ Франціей обусловили въ концѣ 80-хъ и въ 90-хъ г.г. то блестящее повышеніе курса русскихъ государственныхъ бумагъ, которое еще у всѣхъ въ памяти. 4%-ные русскіе золотые займы, которые въ 1880 г.

---

[1]) *Raffalovich.* Marché financier 1895—96, p. 284.

[2]) Такъ именно объясняетъ извѣстный французскій писатель-финансистъ *Альфредъ Неймаркъ*: нами „руководили не финансовыя разсчеты". „Русское Экономическое Сбозрѣніе", 1897 г., декабрь, стр. 23.

отмѣчались еще 75, въ 1894 г. поднялись до $97^1/_4$, а въ декабрѣ 1897 г. достигли pari, и съ этихъ поръ курсъ ихъ держался на этомъ уровнѣ и даже поднимался выше его. Даже при недостаткѣ денегъ лѣтомъ 1899 г. 4%-ные русскіе золотые займы стояли выше pari. 5%-ный бумажный заемъ стоялъ въ 1881 г. на 93; въ 1894 г. новый 4%-ный внутренній консолидированный заемъ, замѣнившій прежніе восточные займы, достигъ курса въ 95, чтобы позднѣе перейти за pari, и это не смотря на обложеніе купоновъ, понизившее чистый процентъ до 3,80 [1]).

Названными тремя фактами были въ то же время даны благопріятныя условія для крупныхъ конверсій, благодаря которымъ преобладающимъ типомъ русскихъ государственныхъ займовъ стали вмѣсто 5%-ныхъ—4%-ныя бумаги. Средній процентъ по государственному долгу составлялъ въ 1885 г. еще 5,08%, въ 1894 г.—только 4,19% [2]). Сравнительно высокій процентъ по прежнимъ займамъ оказался обстоятельствомъ, благопріятствующимъ конверсіи [3]).

Связанное съ конверсіями увеличеніе сроковъ погашенія не должно возбуждать тревоги въ виду того, что въ настоящее время какъ теорія, такъ и практика предпочитаетъ неподлежащую востребованію (unkündbare) ренту. Въ бѣдной капиталами странѣ, какъ Россія, слѣдуетъ обращать менѣе вниманія на темпъ погашенія долговъ, чѣмъ на то, на какія цѣли тратится занятый капиталъ.

Первыя крупныя конверсіи пришлись на „медовый мѣсяцъ“ франко-русскаго сближенія, 1889—92 г.г. Онѣ связаны съ именемъ Вышнеградскаго (былъ министромъ финансовъ съ 1 января 1887 г. по 30 августа 1892 г.). Какъ сильно помогало этому министру расположеніе французскаго рынка, видно не только изъ того, что подписка была покрыта много разъ,—это съ тѣхъ поръ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ для русскихъ займовъ въ Парижѣ,—но еще яснѣе – изъ большой массы подписчиковъ. Когда въ

---

[1]) Въ концѣ іюля 1899 г. $3^1/_2$%-ный германскій имперскій заемъ стоялъ на 100,10, $3^1/_2$%-ный русскій золотой заемъ на 99,80, 3%-ный германскій имперскій заемъ на 90, 3%-ный русскій—на 89,90—двадцать лѣтъ назадъ такое улучшеніе русскаго государственнаго кредита показалось бы невѣроятнымъ.

[2]) *Kramarç.* Russische Valutareform Wien, 1896, S. 24; по „Bulletin Russe“ 1898, p. 433 въ 1898 г. только 3,86%. „*Bulletin Russe*“ 1898, p. 433. Однако этими процентными нормами слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью, такъ какъ онѣ вычислены по номинальному, а ни дѣйствительно полученному капиталу.

[3]) *Raffalovich.* Marché financier 1893—94, p. 157. Такъ въ 1883 г. 6%-ный золотой заемъ былъ выпущенъ почти al pari, причемъ было сохранено право выплаты въ 10 лѣтъ.

1894 г. на золотой заемъ подписалось во Франціи 173,705 человѣкъ [1]), то это свидѣтельствовало объ участіи націи, а не однихъ банковыхъ и биржевыхъ сферъ.

По отчету государственнаго контролера сенатора Филиппова въ 1889—92 г.г. былъ конвентированъ наличный капиталъ въ 1,667 милл. кред. руб., считая золотой рубль равнымъ 1 р. 60 коп. кред. по курсу, принятому для государственной росписи на 1892 г. Эти конверсіи коснулись преимущественно *золотыхъ* займовъ и стоили государству 1,705½ милл. руб.; новые же займы, включая бумаги, не представленныя владѣльцами къ оплатѣ, а обмѣнныя, дали 1,680 милл. руб.; 25½ милл. руб. были покрыты бюджетными остатками. Кромѣ того за этотъ промежутокъ времени Россія употребила 143 милл. кред. руб. на погашеніе 79 милл. руб. золотыхъ и 23 милл. руб. бумажныхъ займовъ [2]).

Однако въ мартѣ 1893 г. Россіи пришлось заключить новый 4½%-ный бумажный заемъ въ 100 милл. руб. для борьбы съ неурожаемъ и голодомъ. Все же о несомнѣнно успѣшномъ финансовомъ управленіи свидѣтельствовало то, что благодаря предшествовавшимъ конверсіямъ и погашеніямъ голодные годы съ ихъ расходами на народное продовольствіе и податными недоимками не вызвали существеннаго обремененія бюджета процентами по займамъ.

Послѣ короткаго перерыва, въ 1893 г. и слѣдующихъ годахъ преемникъ Вышнеградскаго Витте продолжалъ политику конверсій, на этотъ разъ преимущественно *бумажныхъ* займовъ. Въ 1894 г. Россія обмѣняла 5%-ные бумажные займы на сумму свыше милліарда на 4%-ную вѣчную ренту; эта мѣра означала ежегодное сбереженіе 23,2 милл. руб. на процентахъ и погашеніи [3]).

Въ томъ же году былъ выпущенъ въ Парижѣ 100 милліонный 3½%-ный золотой заемъ для обмѣна 5 и 6%-ныхъ облигацій центральнаго банка Поземельнаго Кредита и нѣкоторыхъ 5%-ныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ, перешедшихъ въ собственность государства.

1896 годъ принесъ стомилліоный 3%-ный золотой заемъ, выручка отъ

) *Skalkofski*, p. 296.

[2]) *Lorini*, S. 71; *Raffalovich*. Marché financier 1893—94, p. 156.

[3]) Подробнѣе о конверсіи восточныхъ займовъ см. въ „Bulletin Russe“ 1897, p. 97. При факультативной конверсіи съ 26 апрѣля по 14 мая 1894 г. изъ 967 мил. номинальнаго капитала 882 милл. были предъявлены къ обмѣну въ *русскихъ* банкахъ, только 38 — въ Германіи и во Франціи, — доказательство того, что къ тому времени восточные займы вернулись въ Россію.

котораго была употреблена не на цѣли конверсіи, а на частичную уплату бумажнаго долга казны Государственному Банку, слѣдовательно, на созданіе золотого запаса для реформы валюты. Кромѣ того въ этомъ и слѣдующемъ году продолжалась конверсія прежнихъ бумажныхъ долговъ какъ государства, такъ и перешедшихъ въ казну желѣзныхъ дорогъ въ 4%-ную ренту, далѣе обмѣнъ на 4%-ную ренту билетовъ Государственнаго Казначейства [1]), срокъ которымъ истекалъ въ 1897 и 1898 г.г. Эти билеты, раньше излюбленное средство покрытія долгосрочныхъ долговъ краткосрочнымъ кредитомъ, теперь извлекались изъ обращенія по мѣрѣ того какъ имъ истекаетъ срокъ [2]).

Если взглянуть на десятилѣтіе 1887—1897 г.г., втеченіе котораго былъ преобразованъ русскій бюджетъ, то результатъ конверсій выяснится изъ слѣдующихъ цифръ:

Сумма государственнаго долга въ милліонахъ кред. руб. или новой валютѣ:

Начало 1887 г.—5,281,4 Начало 1897 г.—6,735,4

Ежегодные платежи:

1887 г.—280,9 [3]) (1883 г.—259,4) 1897 г.—258,8

Обыкновенные государственные доходы:

1887 г.—829,6 1897 г.—1,416,3

Мы видимъ *сильное увеличеніе номинальной суммы государственнаго долга и несмотря на то, приблизительное равенство ежегодныхъ платежей*, процентное отношеніе которыхъ къ государственнымъ доходамъ значительно упало.

Конечно, глядя на вышеприведенныя цифры, нельзя забывать, что пониженіе ежегодныхъ платежей обусловлено не однимъ сбереженіемъ на процентахъ, но и уменьшеніемъ погашенія. Отношеніе между процентами и погашеніемъ видно изъ слѣдующихъ цифръ [4]):

---

[1]) „Bulletin Russe“ 1897, p. 629.

[2]) Интересный обзоръ употребленія всѣхъ выпусковъ новой 4%-ной ренты даетъ *Raffalovich*, Marché financier 1897—98, p. 364.

[3]) Въ 1887 г. платежи были необычайно высоки благодаря неблагопріятному курсу.

[4]) См. сообщеніе корреспондента „Frankfurter Zeitung“ отъ $^{15}/_{27}$ декабря 1898 г., основанное на оффиціальныхъ источникахъ. О погашеніи см. также *Raffalovich*, Marché financier 1895—96, p. 282.

Золотые долги въ милліон. руб.

	1888 г.	1898 г.
Сумма занятаго капитала	1,307,5	2,133,7
Ежегодные платежи	73,18=5,6%	93,88=4,4%
изъ нихъ приходится на % . .	61,58=4,71%	82,78=3,88%
„ погашеніе	11,59=0,89%	11,09=0,52%

Бумажные долги въ милліон. руб.

	1888 г.	1898 г.
Сумма занятаго капитала	2461,43	2,900,70
Ежегодные платежи	156,43=6,35%	131,15=4,5%
изъ нихъ приходится на % . .	121,=4,91%	121,79=4,18%
„ погашеніе	35,42=1,44%	9,35=0,32%

Однако эти голыя цифры не даютъ отвѣта на вопросъ, имѣющій рѣшающее значеніе для сужденія о русской государственной задолженности за занимающій насъ періодъ. Все дѣло въ томъ, *какой цѣли* послужило несомнѣнное увеличеніе долга, отвѣчало ли ему соотвѣтственное увеличеніе производительности страны.

Къ несчастью, невозможно свести (aufzumachen) балансъ государства какъ балансъ торговаго дома, и всего менѣе это возможно относительно Россіи. Въ активѣ имѣются невыразимыя въ числахъ величины, напримѣръ, обширныя почти неотчуждаемыя государственныя земли,—пахотныя и лѣсныя, доходъ отъ которыхъ медленно растетъ.

Сюда присоединяется еще то, что на русскомъ фискѣ лежатъ широкія обязательства, хотя бы носящія характеръ субсидій и проистекающія изъ дѣятельности государственныхъ банковъ, которые въ смыслѣ счетоводства совершенно отдѣлены отъ него. Укажемъ здѣсь на долгъ Государственнаго Банка по его прежнему коммерческому отдѣлу и на ипотечные долги государственныхъ Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ. Къ 1 января 1898 г. находилось въ обращеніи закладныхъ листовъ Дворянскаго банка на 335,5 милл. руб., Крестьянскаго на 85,5 милл., съ преобладаніемъ среди нихъ 4 и $4^1/_2$%-ныхъ [1]); въ силу указа 16 января 1898 г. предвидится конверсія $4^1/_2$%-ныхъ закладныхъ листовъ Дворянскаго Банка въ $3^1/_2$%-ные [2]). Ясно, что сравнительно низкая процентная норма покупается государственной гарантіей, которая можетъ когда нибудь стать обременительной, хотя по книгамъ закладнымъ листамъ соотвѣтствуетъ болѣе высокое ипотечное

[1]) „Bulletin Russe“ 1898, p. 352.

[2]) „Bulletin Russe“ 1898, p. 67.

обезпеченіе, въ общемъ на сумму 509,7 милл. руб. [1]). То же самое же относится и къ весьма значительнымъ суммамъ гарантированныхъ правительствомъ облигацій желѣзныхъ дорогъ, которымъ близко соотвѣтствуетъ активъ соотвѣтствующихъ желѣзнодорожныхъ обществъ.

Если теперь мы обратимся къ государственному долгу въ узкомъ смыслѣ слова, то надо различать текущій (schwebende) и фундированный долгъ.

Посмотримъ сначала на *текущій* долгъ. Къ 1 января 1887 г. въ обращеніи былъ 941 милліонъ кредитныхъ рублей; имъ отвѣчалъ государственный золотой фондъ въ 281,5 милл. золот. руб., равный 422,2 милл. золотыхъ рублей новаго чекана. Если считать текущимъ долгомъ кредитные билеты и билеты Государственнаго Казначейства вмѣстѣ, то онъ, по Рафаловичу, къ 1 января 1887 г. былъ на 24,5% покрытъ металломъ [2]). Къ 1-му же января 1898 г. бумажное обращеніе составляло 901,2 милл. руб., а золотой фондъ Государственнаго Банка и Казначейства 1,319,2 милл. руб. новаго чекана. Кредитные билеты и билеты Государственнаго Казначейства были покрыты съ избыткомъ (на 122,2%).

Номинальная сумма *фундированнаго* долга составляла къ 1 января 1887 г. 5,281,4 милл. кред. руб. Изъ нихъ 1,238,7 милл. пошло на постройку или выкупъ желѣзныхъ дорогъ [3]). Далѣе въ высшей степени производительное назначеніе имѣли 417 милл. руб. выкупного долга, который государство взяло на себя при освобожденіи крестьянъ для удовлетворенія помѣщиковъ. Этотъ долгъ былъ соединенъ съ государственнымъ, и выкупные платежи крестьянъ съ 1885 г. поступали непосредственно въ бюджетъ государственныхъ доходовъ.

Съ 1 января 1887 г. по 1 января 1899 г. фундированный долгъ развивался слѣдующимъ образомъ (заимствую цифры изъ „Bulletin Russe“ [4]), который относительно каждой отдѣльной суммы показываетъ, какъ она получена, и потому представляется наиболѣе надежнымъ источникомъ).

Номинальная сумма въ милліонахъ рублей новаго чекана [5]).

---

[1]) „Bulletin Russe“ 1898, p. 358.

[2]) Беру эти цифры и соотвѣтствующія имъ для 1898 г. у *Raffalovich*'а, Le rouble Crédit 1896, p. 13 и слѣд.; Marché financier 1897—98, p. 366.

[3]) *Raffalovich.* Marché financier 1897—98, p. 365. Золотые долги здѣсь переведены на кредитные рубли, что кажется мнѣ мало практичнымъ по отношенію къ *номинальнымъ* суммамъ.

[4]) „Bulletin Russe“ 1898, p. 455 и 459.

[5]) „Bulletin Russe“, 1898, p. 426. 1 руб.=$^2/_3$ стараго золотого рубля=$2^2/_3$ франк.=2,16 имп. мар.

A. Долги въ старыхъ золотыхъ рубляхъ или иностранной валютѣ:
1 января 1887 г.—1,975,4 1 января 1899 г.—3,062,2

B. Долги въ кредитныхъ руб. или золотыхъ руб. новаго чекана:
1 января 1887 г.—2,381,8 1 января 1899 г.—3,046,6

Итого:
1887 г.—4,357,2 1889 г.—6,108,8

Конечно, далеко не все приращеніе номинальной суммы къ 1899 г. сравнительно съ 1887 г. досталось фиску, такъ какъ важнѣйшія конверсіи были произведены по курсу 90.

Противовѣсомъ этому сильно возросшему пассиву служитъ золотой фондъ, который теперь болѣе чѣмъ покрываетъ долгъ по кредитнымъ билетамъ. Съ 1 января 1887 г. по 1 января 1899 г. онъ увеличился приблизительно на 900 милл. руб. новаго чекана. Нѣтъ назначенія болѣе производительнаго, чѣмъ какое дано этому не приносящему процентовъ золотому сокровищу, служащему для возстановленія валюты! Избыточное покрытіе необходимо и производительно, такъ какъ при невозможности настоящаго банкнотнаго обращенія лишь такимъ путемъ достигается извѣстная эластичность денежнаго обращенія.

Что цѣнность желѣзнодорожной сѣти, цѣликомъ взятой, въ настоящее время больше израсходованной на нее суммы, что доходъ отъ нея растетъ и ростъ этотъ подаетъ большія надежды,—это уже было показано выше.

Слѣдующую весьма значительную статью актива составляютъ въ настоящее время казенныя желѣзныя дороги, на постройку и выкупъ которыхъ истрачено было съ 1 января 1899 г. 1,564 мил. руб. [1]) при этомъ 425 милл. было взято изъ бюджетныхъ остатковъ. Зато желѣзнодорожный долгъ увеличился за этотъ періодъ на 1,139 милл. руб. [2]). Особенно умножилась благодаря выкупу желѣзныхъ дорогъ сумма 4%-ной русской государственной ренты, но и золотые займы, напримѣръ 3½%-ный 1894 г. на номинальную сумму 100 милл., тоже служили для выкупа желѣзнодорожныхъ облигацій [3]).

---

[1]) Эта цифра взята изъ Всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ Витте на 1899 г.

[2]) Эта цифра, взятая изъ того же доклада, довольно близко согласуется съ данными *Raffalovich*'а, Marché financier 1897—98, p. 365, по которымъ желѣзнодорожный долгъ государства съ 1 января 1887 г. къ концу 1896 г. возросъ на 1,112 милл. руб. кред.

[3]) Подр. см. въ „Börsenjahrbuch" von *Saling*'a.

Далѣе на увеличеніе государственнаго долга повліялъ переходъ въ казну разныхъ учрежденій поземельнаго кредита. Выпущенное обществомъ Земельнаго Кредита 5%-ные закладные листы на сумму около 5 милл. руб. зол. и 4½%-ные на сумму около 80 милл. руб. зол., въ силу указа 6 февраля 1895 г. были причислены къ государственному долгу. Послѣдніе закладные листы на сумму 80 мил. руб. въ 1898 г. были замѣнены 3,8%-ными конверсіонными облигаціями въ новой валютѣ [1]) 5 % же не могутъ быть конвертированы, но погашаются по плану à 125% полугодичными взносами.

Подобнымъ же образомъ государство взяло на себя 5%-ныя облигаціи центральнаго банка Земельнаго Кредита, которыхъ въ обращеніи находилось 1 января 1894 г. на номинальную сумму въ 37,6 милл. руб. зол. Банкъ этотъ переводилъ свои писанныя на золото облигаціи на европейскій рынокъ и покупалъ на нихъ писанные на бумажную валюту русскіе закладные листы, чтобы извлечь выгоду изъ болѣе низкой европейской процентной нормы. Паденіе курса рубля уже съ 1877 г. имѣло своимъ послѣдствіемъ затрудненіе платежей; такому состоянію правительство положило конецъ, взявъ банкъ въ свое завѣдываніе, чтобы не портить русскаго кредита въ Европѣ [2]). Соотвѣтствующія облигаціи были обмѣнены на золотой заемъ второго выпуска 1894 г.; номинальная величина этого займа составляла около 40 милл. руб. зол.

Государственному долгу, образовавшемуся благодаря этимъ операціямъ, надо противопоставить активы соотвѣтствующихъ учрежденій, которые съ трудомъ поддаются исчисленію. По словамъ „Bulletin Russe“, въ обладаніи Общества Земельнаго Кредита къ 1 января 1897 г. находилось на 157 мил. руб. ипотечныхъ претензій [3]). Ко времени перехода центральнаго банка Земельнаго Кредита въ казну его активъ составлялъ 52,2 мил. руб. кред., преимущественно въ формѣ закладныхъ.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что съ 1887 г. *активъ русскаго государства возросъ значительно больше, чѣмъ долги.* Это объясняется образованіемъ бюджетныхъ остатковъ, на которые была пріобрѣтена часть казенной желѣзнодорожной сѣти и часть золотого фонда.

Положеніе это основывается не только на приведенныхъ цифрахъ, спра-

---

[1]) Объ этой конверсіи см. „Bulletin Russe“ 1898, p. 70—71.

[2]) Относительно центральнаго банка Земельнаго Кредита см. *Raffalovich*, Marché financier 1894—95, p. 229.

[3]) „Bulletin Russe“ 1898, p. 358.

ведливость которыхъ можетъ быть подробно провѣрена по имѣющемуся матеріалу. Съ полученнымъ результатомъ согласуются и взгляды на русскія финансовыя отношенія наиболѣе близко состоящихъ къ Россіи крупныхъ западно-европейскихъ банковъ, какъ я не разъ имѣлъ случай убѣдиться изъ личныхъ разспросовъ.

IV. Платежный балансъ Россіи.

A. Платежный балансъ 1887—98 г.г.

Чтобы судить о будущности русскаго платежнаго баланса, а съ нимъ и золотой валюты, взглянемъ прежде всего на ближайшее прошлое, на десятилѣтіе финансоваго оздоровленія съ 1887 г.

Что въ это десятилѣтіе преобладалъ благопріятный для Россіи платежный балансъ, о томъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ вексельные курсы и ввозъ золота. Вопросъ лишь въ томъ, на чемъ основывался этотъ благопріятный платежный балансъ. Относительно этого въ послѣднее время было высказано много гипотезъ, которыя однако для изслѣдователя, стремящагося къ точности, представляютъ мало утѣшительнаго. Онѣ сводятся, большею частью, къ вычисленіямъ, которыя безъ достаточнаго фактическаго основанія разнятся одно отъ другого на десятки милліоновъ и результатъ которыхъ вполнѣ зависитъ отъ предвзятаго мнѣнія вычислявшаго лица. Всякое цифровое изображеніе русскаго платежнаго баланса, даже детализированное, представляетъ, по моему, статистическій абсурдъ [1]).

Это обнаруживается тотчасъ же, какъ только мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя второстепенныя статьи, не совсѣмъ маловажныя, но прямо неуловимыя статистически.

Кто можетъ опредѣлить тратты русскихъ путешественниковъ заграницей, не пускаясь въ догадки? Тѣмъ, кто видитъ въ нихъ чистую потерю для народнаго хозяйства, можно указать, что отчасти онѣ служатъ научнымъ цѣлямъ и постольку должны считаться производительными. Этой статьѣ надо противопоставить точно также статистически неопредѣлимую заработную плату, которую отхожіе рабочіе русской Польши приносятъ домой изъ Пруссіи и Австріи [2]). Для сравненія кредита и дебета здѣсь нѣтъ никакого опорнаго пункта.

---

[1]) Всѣхъ обстоятельнѣе старается быть *Оль*. См. *С. Шараповъ*. Цифровый анализъ разсчетнаго баланса Россіи за пятнадцатилѣтіе 1881—1895. С.-Пб., 1897 г.

[2]) Въ своей таблицѣ *Оль* упускаетъ эту статью.

Справедливо, что пребываніе въ Россіи иностранцевъ преимущественно обременяетъ русскій платежный балансъ, такъ какъ иностранцы являются въ Россію, большею частью, для наживы, рѣдко въ качествѣ туристовъ. Въ послѣднемъ отношеніи только Кавказъ и Крымъ подаютъ благопріятныя надежды на будущее; важнѣе будетъ транзитное движеніе пассажировъ, слѣдующихъ въ Восточную Азію, которое разовьется послѣ окончанія Сибирской желѣзной дороги, такъ какъ она даетъ значительное сбереженіе времени сравнительно съ морскимъ путемъ.

Какія суммы проживающіе въ Россіи иностранцы пересылаютъ заграницу въ видѣ торговой прибыли и сбереженій изъ жалованья,—смѣшно было бы и вычислять статистически. И это обремененіе баланса зачастую служитъ производительнымъ цѣлямъ и въ конечномъ итогѣ обогащаетъ Россію, поскольку иностранное образованіе, умъ и рабочая сила посвящаются экономически полезнымъ цѣлямъ.

Точно также трудно статистически опредѣлить довольно значительную контрабанду золота въ Китай,—одну изъ статей дебета Россіи,—равно какъ и обремененіе баланса фрахтами, достающимися иностраннымъ судамъ. Послѣднюю статью Россія пытается сократить тѣмъ, что прилагаетъ всѣ усилія къ образованію собственнаго торговаго флота. Такъ какъ прежняя таможенная пошлина съ морскихъ судовъ въ размѣрѣ 20—25% ихъ цѣнности не подвинула отечественнаго судостроенія, то протекціонистское русское правительство закономъ 27 апрѣля 1898 г. освободило отъ платежа пошлинъ морскіе суда и металлическія составныя части судовъ. Въ тоже время оно сдѣлало привилегіей русскаго флага большой каботажъ между русскими портами Балтійскаго и Чернаго морей и Тихаго океана [1]).

Впрочемъ, фрахты, платимые иностраннымъ судамъ, лишь мало измѣняютъ приводимую дальше статистическую картину русскаго платежнаго баланса: для вывозимыхъ Россіею товаровъ основными цѣнами служатъ цѣны отпускающихъ портовъ, слѣдовательно, цѣны мірового рынка минусъ фрахтъ, въ цѣнахъ же ввозимыхъ товаровъ фрахтъ, въ большинствѣ случаевъ, уже включенъ.

Желѣзнодорожное строительство въ Азіи открываетъ Россіи виды на довольно значительные транзитные фрахты. Уже теперь Россія владѣетъ международнымъ транзитомъ на Закавказской дорогѣ [2]). Большее значеніе

[1]). Подробнѣе объ этомъ см. въ „Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи“, 1898 г., май, стр. 90.

[2]) „Торгово-Промышленная Газета“ отъ 1 апрѣля 1899 г. Ходатайство старшинъ берлинскаго купечества о безпошлинномъ транзитѣ въ Персію.

въ этомъ отношеніи будетъ имѣть Сибирская дорога, доходность которой зависитъ отъ обратной клади взамѣнъ чая, шелка и т. д. Что эта обратная кладь будетъ доставляться не исключительно русскою промышленностью, и что послѣдняя будетъ играть даже не первую роль, съ этимъ согласны всѣ спокойно мыслящія компетентныя лица [1]). Поэтому Россія заинтересована въ германской сухопутной торговлѣ съ Центральной Азіей.

Мы назвали менѣе важные пункты платежнаго баланса; но рѣшающее значеніе для платежнаго баланса Россіи принадлежитъ ея торговому балансу и ея международной задолженности.

Обратимся сначала къ *торговому балансу*. Несмотря на всю невѣрность торговой статистики, рѣзко выставленную сэромъ Чарльзомъ Дилькомъ [2]), мы можемъ спокойно пользоваться приводимыми ниже цифрами, взятыми изъ русской статистики, тѣмъ болѣе, что сдѣланныя ошибки измѣняютъ результатъ значительно не въ пользу Россіи. Факты, вѣроятно, благосклоннѣе къ Россіи, чѣмъ ихъ статистическое изображеніе. Дѣло въ томъ, что экспортъ Россіи ввозящими странами показывается значительно больше [3]). Съ другой стороны, у импортеровъ нѣтъ поводовъ уменьшать цѣнность ихъ товаровъ, такъ какъ пошлины взимаются по вѣсу, а не по цѣнности. Въ дѣйствительности Россія оцѣниваетъ свой импортъ значительно выше, чѣмъ страны вывоза, напримѣръ, за 1889—94 г.г. въ среднемъ, на 68,5 % выше [4]).

Контрабанда, ухудшающая русскій балансъ сравнительно съ данными статистики, при массовомъ характерѣ современной торговли и сосредоточеніи транзита въ немногихъ крупныхъ пограничныхъ станціяхъ, по общему приговору компетентныхъ лицъ значительно уменьшилась противъ прежняго.

---

[1]) Напримѣръ, кн. *Ухтомскій*, стоящій во главѣ Русско-китайскаго банка, въ часто цитированной статьѣ въ „Preussischen Jahrbücher". Bd. 92, Heft. 2, S. 341.

[2]) *Karl J. Fuchs.* Die Handelspolitik Englands und seiner Kolonieen. Leipzig. 1893, S. 90. Всякая торговая статистика уклоняется отъ истины, по меньшей мѣрѣ на 20%.

[3]) По *Raffalovich*'у, Marché financier 1897—98, p. 410, Россія въ 1889—94 г.г. вывезла по собственной статистикѣ на 3,509 милл. руб., по иностранной—на 4,701 милл. руб. То же самое весьма обстоятельно доказываетъ *Покровскій* („Объ устойчивости русскаго торговаго баланса". С.Пб.; годъ не показанъ). По его словамъ, напримѣръ, въ 1894 г. цѣнность вывезеннаго въ Англію масла въ англійской статистикѣ показана на 45% выше, чѣмъ въ русской; цѣнность вывезеннаго въ Германію льна, по германской статистикѣ на 22,4 % выше, чѣмъ по русской; вывезеннаго во Францію ячменя—по французской статистикѣ на 89,9 % выше.

[4]) *Покровскій*, стр. V.

Вотъ цифры русской статистики:

Годы	Ввозъ	Вывозъ	Торговый балансъ [1])
	въ милліонахъ рублей:		
1885	435,3	538,6	+ 103,2
1886	426,5	488,4	+ 61,9
1887	399,6	622,9	+ 223,3
1888	386,1	793,8	+ 407,7
1889	431,9	766,0	+ 334,0
1890	406,6	703,9	+ 297,2
1891	371,5	721,6	+ 350,0
1892	399,5	475,2	+ 76,0
1893	449,6	599,5	+ 149,6
1894	575,2	664,2	+ 149,0
1895	489,4	691,0	+ 201,6

Для самаго послѣдняго времени приведу слѣдующія цифры, конечно, только предварительныя, взятыя изъ публикацій таможеннаго департамента [2]):

Годы:	Ввозъ	Вывозъ	Торговый балансъ
	въ тысячахъ рублей:		
1896	540,267	667,412	+ 127,145
1897	501,531	704,347	+ 195,816
1898	562,013	708,857	+ 206,874

Не меньше, чѣмъ торговый балансъ, значеніе для платежнаго баланса Россіи имѣетъ ея *международная задолженность*.

Превышеніе вывоза надъ ввозомъ служитъ для уплаты процентовъ иностраннымъ кредиторамъ. Достаточно ли этого превышенія для названной цѣли, или же необходимъ вывозъ цѣнностей, т.-е. дальнѣйшая задолженность, для того, чтобы создать благопріятный платежный балансъ? Будемъ различать въ интересующемъ насъ промежуткѣ времени два періода: періодъ, предшествующій фиксаціи курса рубля, и періодъ осуществленія реформы.

Де-Клеркъ (De Clerc) въ 1886 г. опредѣлялъ сумму ежегодно платимыхъ Россіею заграницѣ процентовъ въ 131 милл. кред. руб. Въ 1895 г. министерство финансовъ, принявъ въ разсчетъ цѣнныя бумаги, находящіяся

[1]) Беру эти цифры у *Raffalovich*'а, Le rouble-crédit. Paris, 1896.

[2]) „Торгово-Промышленная Газета", 1898 г., № 74.

на вкладѣ въ русскихъ государственныхъ и частныхъ банкахъ, опредѣлило *maximum* ежегодно платимыхъ государствомъ заграницѣ процентовъ и погашенія въ 181 милл. кред. руб. Въ этихъ цифрахъ сосчитаны только проценты по государственнымъ фондамъ и гарантированнымъ правительствомъ желѣзнодорожнымъ облигаціямъ, проценты же по частнымъ цѣннымъ бумагамъ, равно какъ и выплачиваемое государствомъ вознагражденіе за размѣнъ купоновъ и эмиссіонные барыши заграничныхъ банковъ,—не приняты въ разсчетъ.

Писателями противоположнаго направленія сумма, ежегодно уплачивавшаяся государствомъ и частными лицами заграницу въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ г.г. въ видѣ процентовъ, погашенія, дивидендовъ и т. д., довольно единодушно, хотя на весьма шаткихъ основаніяхъ, опредѣляется въ 150 милл. руб. [1]).

Если сравнить эту цифру съ вышеприведенными данными относительно торговаго баланса, то окажется довольно порядочная разность въ пользу Россіи. Этотъ заемъ могъ быть употребленъ, на ряду съ прочими цѣлями (напримѣръ, на издержки русскихъ заграницей), на ввозъ золота.

Избытокъ ввоза золота надъ вывозомъ за 1887—1894 г.г. включительно составилъ, круглымъ счетомъ, 260 милл. руб. зол. [2]). Сколько изъ этой суммы приходится на избытокъ торговаго баланса надъ процентами, уплачиваемыми государствомъ по долгамъ, и сколько на кредитныя операціи,—нельзя опредѣлить съ точностью; повторять же неудовлетворительныя вычисленія я не хочу [3]).

Во всякомъ случаѣ имѣющіяся данныя не противорѣчатъ тому, къ чему мы пришли выше нѣсколько инымъ путемъ. Кредитныя операціи указанныхъ выше годовъ не могли имѣть слишкомъ значительнаго вліянія на пла-

[1]) Th. v. *Buck* въ „Nation“ отъ 15 февраля 1896 г., далѣе—*Kramarç*. Russische Valutareform. Wien, 1896, S. 32; *Raffalovich*. Marché financier 1896—97, p. 408 и слѣд. Съ этою цифрой достаточно согласуются данныя *Оля* для 1894 г., если исключить кредитные займы. Послѣдніе, какъ увѣряли меня на Берлинской биржѣ весьма компетентныя лица, къ началу 90-хъ г.г. почти совершенно ушли изъ Германіи, своего единственнаго внѣшняго рынка. См. выше, стр. 456, примѣч. См. *С. Шараповъ*. Цифровой анализъ русскаго разсчетнаго баланса за пятнадцатилѣтіе 1881—95. С.Пб., 1897 г., стр. 40—43.

[2]) Цифры *Покровскаго*, стр. 7, даютъ для 1887—94 г.г. включительно избытокъ ввоза золота въ 266 милл. руб. зол.; съ этимъ приблизительно сходятся данныя *Raffalovich*'а, Marché financier 1896—97, p. 410.

[3]) Золотой фондъ Государственнаго Казначейства и Государственнаго Банка вмѣстѣ съ 1 января 1887 г. по 1 января 1895 г. увеличился, круглымъ счетомъ, на 350 милл. руб. зол.; разность между этой суммой и ввозомъ золота (260 милл.) должна была быть доставлена отечественнымъ производствомъ.

тежный балансъ: конверсіи, принятіе на себя казною обязательствъ по уже находившимся заграницей желѣзнодорожнымъ облигаціямъ, акціямъ и закладнымъ листамъ хотя и значительно увеличили за этотъ промежутокъ времени русскій государственный долгъ, но не вызвали движенія золота въ крупныхъ размѣрахъ. Заграница въ то время еще боялась помѣщать капиталы въ русской валютѣ, напримѣръ, путемъ основанія въ Россіи промышленныхъ предпріятій; напротивъ, взамѣнъ медленнаго отлива золотыхъ займовъ, о которомъ говоритъ пониженіе количества зарегистрированнаго въ Россіи золотыхъ цѣнностей, возвращались домой кредитные займы: золотые фонды отливали изъ Россіи въ Парижъ, бумажные—изъ Берлина въ Россію.

Это былъ періодъ медленнаго накопленія золота, которое должно предшествовать всякому оздоровленію валюты, причемъ странѣ приходилось разсчитывать прежде всего на свои собственныя силы. Совершенно иную картину представляетъ новѣйшій періодъ съ 1895 г. Курсъ рубля былъ фиксированъ, заграницей пробудилось довѣріе къ возстановленію металлическаго обращенія, особенно послѣ побѣды министра финансовъ надъ берлинскими понижателями въ октябрѣ 1894 г. Отсюда тотъ *колоссальный приливъ капиталовъ извнѣ* и та быстро наступающая задолженность Европѣ [1]), которые лучше всего характеризуютъ русскую экономическую жизнь.

Накопленіе золота идетъ теперь ускореннымъ темпомъ. Это золотое сокровище было пріобрѣтено частью прямо путемъ займовъ, напримѣръ стомилліоннаго $3^0/_0$-наго золотого займа 1896 г., частью куплено на бюджетные остатки—ввидѣ золотыхъ траттъ, которыя теперь доставлялъ въ изобиліи не одинъ заемъ торговаго баланса, но прежде всего европейскій кредитъ, оказываемый желѣзнымъ дорогамъ, промышленнымъ предпріятіямъ и т. д. *Гольффериxъ* справедливо выставляетъ этотъ наплывъ капитала первымъ результатомъ валютной реформы; то, что онъ говоритъ относительно Индіи, не менѣе вѣрно и по отношенію къ Россіи [2]).

Въ Россію направлялись прежде всего, французскіе и бельгійскіе капиталы [3]).

---

[1]) Отчетъ американскаго генеральнаго консула въ Петербургѣ. „Consular Reports January 1898". Washington.

[2]) *B. Helfferich.* Währung und Landwirtschaft. Stuttgart, 1895, S. 23 и слѣд.

[3]) Характерно заявленіе „Revue des deux mondes", 1885, Livre 130, p. 92, относительно предстоящей денежной реформы: „Тогда наши промышленники будутъ не колеблясь, дѣлать *en masse* то, что нѣкоторые изъ нихъ уже практикуютъ, т. е. не-

Къ ввозу иностранныхъ капиталовъ какъ финансовое управленіе, такъ и общественное мнѣніе относится теперь явно благосклонно, въ противоположность 80-мъ годамъ [1]). Такъ министръ Витте заявилъ: „покровительственная система есть школа промышленности, содержаніе которой падаетъ на всѣ слои населенія. Поэтому должно смотрѣть, какъ бы избавиться отъ этого бремени. Освобожденіе отъ него можетъ быть достигнуто съ помощью привлеченія въ Россію иностранныхъ капиталовъ. Собственныхъ капиталовъ у насъ нѣтъ; гдѣ они есть, тамъ закрѣплены. Привлеченіе капиталовъ удешевляетъ школу протекціонизма. Надо по возможности поощрять широкій приливъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію".

Приливъ капиталовъ замѣчается въ самыхъ различныхъ областяхъ.

Прежде всего онъ обнаруживается на *государственной* задолженности.

Золотые займы какъ раньше, такъ и теперь уходятъ изъ Россіи, теперь даже въ усиленномъ размѣрѣ; на это указываетъ уменьшеніе вкладовъ золотыхъ фондовъ внутри Россіи, причемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что русскіе капиталисты почти повсемѣстно имѣютъ привычку хранить свои цѣнныя бумаги въ банкахъ. Приведу изъ оффиціальнаго „Вѣстника Финансовъ" слѣдующія цифры [2]):

	Общая сумма.	Изъ нея зарегистровано въ Россіи.	Не зарегистровано.
1 января 1893 г.	2,138,5	286,6	1,851,9
„ „ 1894 „	2,119,9	224,4	1,895,5
„ „ 1895 „	2,388,6	217,4	2,171,3
„ „ 1896 „	2,249,0	210,6	2,038,4
„ „ 1897 „	2,365,7	192,3	2,173,4
„ „ 1898 „	2,429,4	192,4	2,337,0

реносить въ Россію часть своихъ заведеній и предлагать къ услугамъ этой молодой страны, гдѣ предпріимчивости открыто столько горизонтовъ, свой опытъ".

[1]) См. оффиціозное „Русское Экономическое Обозрѣніе", 1898 г., мартъ, стр. 145 и 1898 г., ноябрь и декабрь: „Письма о русской промышленности и иностранныхъ капиталахъ". Многія газеты горячо защищаютъ допущеніе иностранныхъ капиталовъ; изъ ученыхъ, между прочимъ, извѣстный академикъ *И. И. Янжулъ*. См. „Русь", № отъ 13 декабря 1898 г. [Авторъ здѣсь игнорируетъ, очевидно, мнѣніе той части общества, которую представляетъ „патріотическая" печать, открыто и рѣзко выступившая въ послѣдніе годы противъ вторженія въ Россію иностранныхъ капиталовъ. *Прим. ред.*].

[2]) Относительно кредитныхъ займовъ подобная статистика не имѣетъ значенія, потому что въ ней не приняты въ разсчетъ бумаги, принадлежащія сберегательнымъ кассамъ, которыя не имѣя вовсе золотыхъ цѣнностей, владѣютъ большимъ количествомъ кредитныхъ.

Далѣе надо имѣть въ виду, что прежніе бумажные займы государства, бумажныя облигаціи перешедшихъ въ казну желѣзныхъ дорогъ и закладные листы государственныхъ земельныхъ банковъ теперь ничѣмъ не отличаются отъ прежнихъ золотыхъ займовъ. Они стали золотыми цѣнностями и благодаря этому стали служить для международнаго помѣщенія капиталовъ. Хорошій знатокъ русскихъ финансовъ Т. фонъ-Букъ называетъ выпускъ 4%-ной ренты „извѣстнымъ“ („notorisch“). Этотъ же финансовый писатель пишетъ мнѣ про золотые и кредитные займы вмѣстѣ: „Сумма русскаго государственнаго долга въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, помѣщеннаго заграницей, за послѣдніе пять лѣтъ (1893—1897) увеличилась на 400—500 мил. руб., слѣдовательно, ежегодно прирастала на 80—100 мил.“. Это вычисленіе соотвѣтствуетъ вышеприведенному вычисленію американскаго генеральнаго консула. Для провѣрки его правильности у меня нѣтъ матерьяла.

Не менѣе значителенъ и точно также трудно поддается вычисленію приливъ капитала въ область частной предпріимчивости и прежде всего въ *промышленность*[1]). Къ 1 января 1895 г. въ Россіи было, помимо желѣзнодорожныхъ компаній, 784 акціонерныхъ общества съ капиталомъ въ 890 мил. руб. Къ 15 апрѣля 1898 г. акціонерныхъ обществъ насчитывалось 990 съ капиталомъ въ 1,686 мил. руб. Въ одной металлургической промышленности акціонерный капиталъ за это короткое время поднялся съ 86 до 350 мил. руб. Очевидно, что это увеличеніе промышленнаго капитала могло быть вызвано только притокомъ иностраннаго капитала, а не внезапнымъ увеличеніемъ русскихъ сбереженій. Помимо новыхъ предпріятій и болѣе старыя акціонерныя общества въ послѣдніе годы съ успѣхомъ заключали заграницей облигаціонные займы, что во времена колеблющейся бумажной валюты было немыслимо. Напримѣръ назову предпріятія Нобеля, Донецкія каменноугольныя копи и проч.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ денежной реформы былъ *сильный ростъ желѣзнодорожнаго строительства*, тоже съ помощью иностранныхъ капиталовъ. Явленіе это замѣчается всюду, какъ только желѣзнодорожные доходы изъ колеблющихся доходовъ въ бумажной валютѣ становятся золотыми.

Здѣсь помимо государственныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ обращаютъ

---

[1]) О трудности опредѣленія вложеннаго въ русскую промышленность иностраннаго капитала см. „Bulletin Russe“ 1890, p. 394 — 395. Авторъ упускаетъ изъ виду, что и акціи русскихъ акціонерныхъ обществъ могутъ уходить заграницу.

на себя вниманіе облигацій частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ; этихъ облигацій въ одной Германіи было помѣщено съ 1894 г. до начала 1899 г. на сумму около $^3/_4$ милліарда марокъ. Кромѣ того въ послѣднее время строятся дороги исключительно на частныя средства и безъ гарантіи со стороны государства, особенно въ Западномъ краѣ—небывалое прежде въ Россіи явленіе [1]).

Кромѣ этихъ долгосрочныхъ помѣщеній капитала со времени упроченія валюты Европа помѣщала въ Россіи до востребованія краткосрочные *банковые кредиты* на значительныя суммы, причемъ приманкой служила разница въ процентной нормѣ. Эти банковые кредиты предполагаютъ увѣренность кредита, что онъ можетъ развязаться съ валютой, когда захочетъ, т.е., что Государственный Банкъ въ любое время продастъ золотые переводные векселя по установленному курсу. Кредиты эти были немыслимы, пока рубль оставался бумажными деньгами, подверженными колебаніямъ.

Подобно выжатой губкѣ Россія жадно поглощаетъ въ настоящее время иностранные капиталы. Реакціонеры называютъ это „продажей Россіи иностранцамъ“,—упрекъ, часто прикрывающій интересы частныхъ монополистовъ, „облекающихся въ личину патріотизма“ [2]).

Развѣ колоніи развивались когда-нибудь иначе, чѣмъ съ помощью капиталовъ старыхъ народно-хозяйственныхъ единицъ? Развѣ зачастую не служитъ признакомъ процвѣтанія торговой фирмы или промышленнаго предпріятія то, что они располагаютъ чужими деньгами? Правда, всякая такая „задолженность“ возлагаетъ на руководителя какъ частнаго предпріятія, такъ и государственныхъ финансовъ тяжелую отвѣтственность за настоящее и будущее.

Каковы послѣдствія ввоза капиталовъ для платежнаго баланса народнаго хозяйства?

Ввозъ капиталовъ означаетъ возникновеніе банковыхъ долговъ (Bankguthaben) ввозящей заграницѣ, которые служатъ для компенсаціи требованій, предъявляемыхъ со стороны заграницы къ странѣ. Иначе эти претензіи должны были бы покрываться вывозомъ. *Ввозъ капиталовъ означаетъ отсроченный вывозъ*. Возможно, что требованія со стороны заграницы процентовъ, диви-

---

[1]) Подр. „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., сентябрь, стр. 109 и слѣд.

[2]) Такъ выразился министръ финансовъ *Витте* въ своей вышеприведенной рѣчи въ комиссіи для упорядоченія хлѣбной торговли. Послѣдній упрекъ неприемлемъ къ *Шарапову-Олю*, которые искренно видятъ въ задолженности „потерю“ и предпочитаютъ бумажную валюту, потому что она затрудняетъ задолженность заграницѣ. Цит. брошюра С. Шарапова, стр. 14 и слѣд.

дендовъ и погашенія, возникающія изъ ввоза капитала, будутъ каждый разъ покрываться новымъ ввозомъ капитала, но это только отсрочиваетъ необходимость конечнаго очищенія (Regelung) платежныхъ обязательствъ избыточнымъ вывозомъ, а не устраняетъ ее.

Конечно, по временамъ отношеніе принимаетъ противоположный видъ. Именно, если привозъ капитала превышаетъ въ данный моментъ платежныя обязательства страны предъ заграницей, то могутъ явиться отсрочки (Stundungen) банковыхъ долговъ. Но такія отсрочки невыгодны въ виду потери процентовъ. Да и оборудованныя насчетъ заграничнаго кредита желѣзныя дороги, промышленныя предпріятія и т. д., большею частью, вовсе не пользуются этими отсрочками, такъ какъ въ своихъ тиражахъ они руководятся не соображеніями о платежномъ балансѣ страны, а собственной нуждой въ деньгахъ.

Въ значительно большей своей части активный saldo платежнаго баланса, особенно если онъ повторяется нѣсколько лѣтъ, долженъ идти на оплату увеличеннаго ввоза.

Этотъ ввозъ есть, прежде всего, ввозъ благороднаго металла, ограниченный однако же потребностью въ средствѣ обращенія; перейдя эту границу, онъ повышаетъ туземныя цѣны, затрудняетъ этимъ вывозъ и поощряетъ ввозъ и такимъ образомъ самъ себя исправляетъ.

Далѣе увеличенный ввозъ представляетъ ввозъ товаровъ, что часто является для страны единственнымъ средствомъ производительнаго пользованія необычайно благопріятнымъ платежнымъ балансомъ. Отвѣтомъ на переходъ въ Германію французскихъ милліардовъ въ началѣ 70-хъ г.г. былъ неблагопріятный для Германіи торговый балансъ [1]). Кромѣ того привозъ капитала затрудняетъ, по крайней мѣрѣ, въ тенденціи, вывозъ товаровъ, такъ какъ рабочіе, которые иначе изготовляли бы товары для экспорта, напримѣръ, хлѣбъ, въ качествѣ батраковъ, теперь заняты въ производствахъ, работающихъ на внутренній рынокъ, напримѣръ, на плавильныхъ заводахъ, на желѣзнодорожныхъ работахъ и т. д. [2]).

Временное ухудшеніе торговаго баланса въ такихъ случаяхъ вовсе не должно пугать,—оно часто неизбѣжно. Дѣло лишь въ томъ, чтобы этотъ избыточный ввозъ имѣлъ производительное назначеніе, т. е. служилъ уменьшенію будущаго ввоза и увеличенію будущаго вывоза.

Чтобы пояснить эту мысль, вернемся къ употребленному выше срав-

---

[1]) *Helfferich.* Deutsche Geldreform. I, S. 380.

[2]) *Nasse.* Münzreform und Wechselkurse, въ Hirts Annalen 1875, S. 596.

ненію государственныхъ финансовъ съ частнымъ предпріятіемъ. Для частнаго предпринимателя, заключающаго заемъ, важно лишь то, чтобы на полученныя деньги были пріобрѣтены зданія, машины и т. д., которыя въ концѣ концовъ дадутъ больше, чѣмъ уплачиваемые проценты и погашеніе. Примѣнимъ теперь это положеніе къ Россіи. Потокъ иностранныхъ капиталовъ, вливающійся въ послѣднее время въ Россію, можетъ направиться обратно. Его продолжительное послѣдствіе, обремененіе Россіи платежемъ процентовъ, дивидендовъ и погашенія, не опасно лишь въ томъ случаѣ, если этотъ капиталъ получаетъ такое назначеніе, которое à la longue настолько улучшитъ торговый балансъ Россіи, что въ сопоставленіи съ этимъ улучшеніемъ временное ухудшеніе торговаго баланса представляется не имѣющимъ значенія.

B. Торговый балансъ Россіи.

Такъ какъ у Россіи, страны, не получающей процентовъ изъ заграницы, торговый балансъ, какъ мы видѣли, имѣетъ въ концѣ концовъ рѣшающее значеніе для платежнаго баланса, то разсмотримъ отдѣльные элементы торговаго баланса нѣсколько ближе и постараемся дать себѣ отчетъ въ ихъ будущности.

Россія, которой, въ виду ея задолженности заграницѣ, приходится вести борьбу за сохраненіе золотого обращенія въ странѣ, справедливо старается ограничить *ввозъ* изъ заграницы, какъ обременяющій ея платежный балансъ; но такъ какъ всякое такое ограниченіе означаетъ обложеніе пошлинами, т. е. удорожаніе ввозимыхъ товаровъ, то оно можетъ безнаказанно распространяться лишь на такіе предметы, которые находятся въ отдаленномъ отношеніи къ производству вывозимыхъ товаровъ и сравнительно мало удорожаютъ послѣдніе. Сюда надо отнести прежде всего сыры и полуфабрикаты подтропическаго происхожденія.

Одинъ изъ прекраснѣйшихъ результатовъ русской экономической политики двухъ послѣднихъ десятилѣтій представляетъ развитіе хлопководства въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Благодаря ему уже въ настоящее время ввозъ въ Россію хлопка обнаруживаетъ лишь незначительное увеличеніе, несмотря на сильный ростъ русской хлопчатобумажной индустріи (въ 1886 г.—3,9 милліон. веретенъ, въ 1898 г.—6,4 мил.), при колоссальномъ потребленіи хлопка на веретено (грубая пряжа!)

Почти треть своего сырья русская хлопчатобумажная индустрія полу-

чаетъ изъ Россіи же [1]). Уже въ 1895 г. сборъ хлопка составлялъ болѣе 4½ мил. пуд. [2]).

Русская хлопчатобумажная промышленность представляетъ единственный во всемъ мірѣ примѣръ протекціонистскаго насажденія производства сырья. Съ развитіемъ хлопководства въ Закаспійскомъ краѣ *фискальная политика* на хлопокъ обратилась въ покровительственную, и съ 80-хъ годовъ ее сознательно развивали въ этомъ направленіи далѣе. По постановленію Государственнаго Совѣта отъ 20 декабря 1894 г. эта пошлина была значительно повышена—съ 1 р. 40 к. до 2 р. 10 к. зол. съ пуда. Это составляло около 60% цѣны хлопка въ русскихъ портахъ. Названную мѣру министръ финансовъ обосновывалъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ:„Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія желательно, чтобы Средняя Азія всю свою годную для культуры землю отвела подъ хлопокъ, ограничивъ свое производство пшеницы, чтобы она не только перестала быть конкуррентомъ южно-русскихъ и кавказскихъ производителей пшеницы, но даже явилась покупателемъ пшеницы на русскомъ рынкѣ"; можемъ прибавить и на сибирскомъ рынкѣ, который открылся послѣ проведенія желѣзной дороги между Ташкентомъ и Самаркандомъ.

Нѣкоторыя данныя относительно азіатской хлопководной области будутъ не безъинтересны для читателя, тѣмъ болѣе, что ея значеніе въ Зап. Европѣ часто недостаточно оцѣнивается; я могъ здѣсь воспользоваться показаніями двухъ компетентныхъ лицъ, практически знакомыхъ съ предметомъ.

Хлопководствомъ въ Туркестанѣ занимались издревле, но до присоединенія края къ Россіи разводился только туземный видъ хлопка, дающій короткое малоцѣнное волокно. Чтобы сдѣлать среднеазіатскій хлопокъ пригоднымъ для цѣлей европейской индустріи, надо было замѣнить туземные сорта американскимъ.

Русскіе переселенцы пробовали было разводить цѣнный Sea-Islands, но неудачно, по причинѣ сухости климата отъ него они перешли въ началѣ 80-хъ г.г. въ окрестностяхъ Ташкента къ Upland-Saat, культура котораго съ открытіемъ въ 1888 г. Закаспійской желѣзной дороги распространилась на юго-западъ къ Самарканду и Мерву. Но самыя выгодныя условія для хлопководства представляетъ Ферганская область, лежащая на востокѣ.

---

[1]) „Торгово-Промышленная Газета" № отъ 18 марта 1899 г., далѣе цитированный выше, частью уже устарѣвшій отчетъ *Менделѣева* для Чикагской выставки, англ. изд., стр. 13.

[2]) Подробнѣе *Raffalovich*, Marché financier 1896—97, p. 382.

Здѣсь благопріятный климатъ соединяется съ возможностью искусственнаго орошенія. Условія, существующія въ Ферганской области, могутъ считаться типичными для закаспійскаго хлопководства вообще.

„Землевладѣніе у туземцевъ-сартовъ сильно измельчено; площадь, принадлежащая одному лицу, не превосходитъ $^1/_2$—5 десятинъ и обрабатывается самимъ собственникомъ. Кабала этихъ мелкихъ крестьянъ у мѣстныхъ ростовщиковъ препятствовала производству такого сырья, которое годилось бы для прядильныхъ машинъ. Улучшеніе было возможно лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы у азіатскаго ростовщика явился европейскій конкуррентъ. Роль послѣдняго выполняютъ агенты русскихъ фабрикантовъ, которые раздаютъ крестьянамъ задатки и сѣмена и обязываютъ ихъ контрактомъ поставлять собранный хлопокъ по опредѣленной цѣнѣ. Возникшее въ Сыръ-Дарьинской области русское крупно-плантаторское производство оказывается неспособнымъ конкуррировать съ организованнымъ такимъ образомъ мелкимъ производствомъ. Напротивъ, очистка собраннаго хлопка производится машинами и поэтому находится въ рукахъ выдающихъ ссуды купцовъ и фабрикантовъ“ [1]).

Сдѣланные до сихъ поръ опыты показали, что въ Закаспійскомъ краѣ возможно разводить наилучшіе сорта хлопка. Это видно уже изъ сравнительно высокихъ цѣнъ азіатскаго хлопка; напримѣръ, въ февралѣ 1896 г. стоили въ Москвѣ:

американскій Full good meddling Savanna .	9,70— 9,75	р. за пудъ
египетскій good tupe 16	12,35—12,50	„ „
наилучшій коканскій хлопокъ (Ферганской области), машинной очистки, изъ американскихъ сѣмянъ	10,20—10,30	„ „
самаркандскій 1 сортъ, машинной очистки изъ американскихъ сѣмянъ	9,90— 9,95	„ „
напротивъ, хивинскій, ручной очистки . . .	7,85	„ „
персидскій, изъ туземныхъ сѣмянъ	6,00— 6,10	„ „

Главнымъ препятствіемъ распространенію хлопководства служатъ плохіе пути сообщенія. Издержки караванной доставки до желѣзнодорожныхъ станцій, включая страхованіе, коммиссіонные и проч., составляютъ 20% цѣнности хлопка. Въ настоящее время довольно порядочная часть сбора

[1]) Сообщеніе одного изъ моихъ корреспондентовъ, принимающаго участіе въ этомъ дѣлѣ.

потребляется на мѣстѣ. Развитіе желѣзнодорожной сѣти и здѣсь оттѣснитъ натуральное хозяйство и повыситъ вывозъ.

Съ начала 90-хъ г.г. азіатскій хлопокъ получаетъ право гражданства не только въ Москвѣ, но даже и въ Польшѣ. Тѣмъ болѣе пошлина на хлопокъ означаетъ обремененіе Польши и Петербурга въ пользу Москвы и Владиміра. Впрочемъ, и Москва не въ состояніи воспользоваться вполнѣ выгодами волжскаго пути для доставки хлопка. Лишь малая часть хлопка, собираемаго въ сентябрѣ—ноябрѣ, можетъ въ томъ же году быть отправлена въ Москву водою. Наибольшая часть, для сбереженія вѣсовыхъ потерь, расходовъ на храненіе въ складахъ и страхованіе идетъ болѣе длиннымъ и дорогимъ желѣзнодорожнымъ путемъ чрезъ каспійскій портъ Петровскъ. Дастъ ли хлопчатобумажная промышленность отпрыскъ возлѣ этого каспійскаго порта, подобно тому какъ рядомъ съ Манчестеромъ явился Бомбей? Азіатскіе рынки сбыта здѣсь подъ руками, и въ то время какъ Бомбею нуженъ англійскій уголь, возлѣ каспійскаго порта находятся неистощимыя залежи нефти. Этотъ вопросъ, поставленный мною нѣсколько лѣтъ назадъ [1]), рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ раньше чѣмъ я ожидалъ, появленіемъ крупныхъ бумагопрядильныхъ фабрикъ въ Баку и Петровскѣ [2]).

Я считалъ нужнымъ остановиться нѣсколько на хлопководствѣ въ Закаспійскомъ краѣ, потому что оно можетъ служить прообразомъ развитія въ Россіи другихъ субтропическихъ культуръ. Для джуты и шелка эта эволюція уже началась [3]). Кавказъ и южный берегъ Крыма доставляютъ во все возрастающихъ количествахъ вино и фрукты. Послѣдняя мѣстность уже пробуетъ выдѣлывать вина высшаго качества, какъ я узналъ по опыту, гостя у одного изъ тамошнихъ пріятелей.

При огромномъ потребленіи въ Россіи чаю привозъ въ Одессу цейлонскаго чая означаетъ тяжелое обремененіе русскаго платежнаго баланса. Въ 1896 г. въ Одессу было ввезено частью прямо, частью чрезъ Лондонъ около 1 милліона англійскихъ фунтовъ, въ 1897 г. уже свыше двухъ милліоновъ, что служитъ признакомъ скачкообразнаго развитія этой отрасли торговли [4]). То же относится и къ Батуму, откуда цейлонскій чай распространяется чуть не до китайской границы. Что касается успѣховъ разве-

---

[1]) „Schmollers Jahrbuch“, Bd. XX, S. 1185.

[2]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., декабрь, стр. 19.

[3]) *Raffalovich.* Marché financier 1897—98, p. 384 и отчетъ англійскаго консула въ Одессѣ за 1897 г., стр. 6.

[4]) Отчетъ англійскаго консула въ Одессѣ за 1897 г., стр. 7—8, далѣе,—англійскаго консула въ Батумѣ за 1897 г., стр. 12.

денія чая на Кавказѣ, то они еще незначительны; быть можетъ, съ окончаніемъ Сибирской желѣзной дороги частичное возвращеніе чайной торговли къ старому сухопутному пути обогатитъ русскій платежный балансъ фрахтомъ этого цѣннаго продукта.

И въ области *обрабатывающей промышленности* несомнѣнно существуютъ важныя отрасли, въ которыхъ усиленіе отечественнаго производства совершенно ограничило ввозъ изъ заграницы; это между прочимъ, можно прослѣдить на германскомъ ввозѣ въ Россію [1]), въ которомъ теперь играютъ роль совсѣмъ не тѣ предметы, что двадцать лѣтъ назадъ.

Посмотримъ на русскій ввозъ изъ заграницы, причемъ возьмемъ самую важную и характерную отрасль его, именно ввозъ изъ Германіи; конечно, здѣсь мы будемъ обсуждать его съ точки зрѣнія интересовъ русскаго народнаго хозяйства.

И тутъ имѣетъ силу положеніе Туккера (Josiah Tucker), что въ молодой и бѣдной капиталами странѣ прежде всего способны развиваться тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ сырой матерьялъ играетъ въ издержкахъ производства болѣе важную роль сравнительно съ трудомъ и капиталомъ [2]). Поэтому въ этихъ отрасляхъ заграница [3]) получила по русско-германскому договору наибольшія уступки,—что и справедливо съ точки зрѣнія интересовъ Россіи.

На Россію уже нельзя смотрѣть какъ на рынокъ для иностраннаго *сахара*; небольшія уступки полученныя Германіей и касающіяся Финляндіи, не имѣютъ большого значенія уже въ силу того, что ограничены извѣстнымъ срокомъ. То же справедливо и для *бумаги*, сырымъ матерьяломъ для производства которой Россія располагаетъ въ изобиліи, по крайней мѣрѣ, если имѣть въ виду обычные массовые продукты; напротивъ договоръ поощряетъ, вывозъ изъ Германіи высшихъ сортовъ бумаги (цвѣтной, фотографической и пр.). Сильно уменьшился также съ начала 80-хъ г.г. вывозъ изъ Германіи *стеклянныхъ* издѣлій, производство которыхъ высоко развито въ Россіи и обыкновенно распространено здѣсь въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ; съ этимъ

---

[1]) Auswärtiger Handel des deutschen Zollgebietes 1880—96, herausgegeben vom Reichsamt des Innern. V Russland. — Интересные примѣры сокращенія ввоза отдѣльныхъ произведеній промышленности даетъ *Покровскій*, Объ устойчивости русскаго торговаго баланса. С.-Пб., стр. XXVII—XXX. Къ сожалѣнію, періодъ послѣ заключенія торговыхъ договоровъ у него совершенно не затронутъ.

[2]) См. мое „Крупное производство", русск. изд., стр. 8.

[3]) Какъ извѣстно, таможенный тарифъ договора съ Германіей распространяется и на другія наиболѣе благопріятствуемыя державы.

сокращеніемъ Германіи приходится считаться и послѣ заключенія торговаго договора. Точно также мало помогло прежде значительному вывозу *цемента*, пониженіе въ силу договора пошлины на него. Напротивъ, тарифныя уступки для глиняныхъ, фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій были не безрезультатны.

Естественно также, что съ развитіемъ *кожевеннаго* производства понижается ввозъ въ Россію обыкновенной кожи; но тарифныя скидки для тонкой кожи способствовали развитію германскаго вывоза.

Подобное же явленіе наблюдается и относительно произведеній текстильной промышленности. *Хлопчатобумажные* товары, предметы широкаго массоваго потребленія, Россія изготовляетъ сама. Въ этой самой могущественной отрасли крупной промышленности въ Россіи уже успѣшно изготовляются товары высокаго качества. Московскіе ситцы, видѣнные мною недавно въ Мюльгаузенскомъ химическомъ училищѣ (Эльзасъ), выдерживаютъ сравненіе съ наилучшими издѣліями Западной Европы во всемъ,—пожалуй кромѣ цѣны. Германскій ввозъ въ Россію хлопчатобумажной пряжи и тканей съ 80-хъ г.г. значительно упалъ; въ виду этого извѣстныя уступки въ силу торговаго договора, напримѣръ, на хлопчатобумажныя ткани, не очень важны. Сильно понизился также ввозъ германскихъ *шелковыхъ* и *льняныхъ* издѣлій.

Нѣсколько благопріятнѣе со времени заключенія торговыхъ договоровъ виды Европы на вывозъ въ Россію *шерстяныхъ* издѣлій. Въ особенности слѣдуетъ привѣтствовать, какъ прогрессъ устраненіе различія въ обложеніи пошлиной издѣлій изъ *Streichgarn* и *Kammgarn* [1]), трудно-различимыхъ даже для спеціалиста, создававшаго раньше много таможенной возни. Однако съ 80-хъ г.г. Польша и въ этой области сдѣлала большіе успѣхи, развивъ—часто на нѣмецкія деньги—собственную выпрядку чесанной пряжи (Kammgarn). Обезпеченъ пока сбытъ въ Россію только пряжъ высокаго качества и спеціальныхъ сортовъ. Въ болѣе благопріятномъ положеніи находится ввозъ въ Россію шерстяныхъ тканей, конфекціонныхъ и шляпочныхъ товаровъ; послѣдніе получили тарифныя скидки въ силу русско-французскаго торговаго договора.

Въ общемъ, текстильная промышленность въ Россіи въ настоящее время весьма окрѣпла. На долю Европы оставляются болѣе изысканные товары, сбыту которыхъ и въ будущемъ даетъ нѣкоторое ручательство растущее благосостояніе городскихъ промышленныхъ классовъ и увеличивающаяся вмѣстѣ

[1]) [Сорта пряжи съ различнымъ способомъ чесанья]. *Прим. ред.*

съ нимъ роскошь. Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ протекціонистское насажденіе текстильной промышленности понятно: эта промышленность, и прежде всего хлопчатобумажная, даетъ главные товары, которыми Россія платитъ за произведенія своихъ азіатскихъ владѣній, облегчая тѣмъ свой платежный балансъ по отношенію къ сырью.

Напротивъ, безсмысленно ограничивать ввозъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ прямо или косвенно создается больше цѣнностей для вывоза, чѣмъ сколько даетъ ввозъ. Въ этомъ случаѣ ввозъ дѣйствуетъ въ интересахъ платежнаго баланса, а, значитъ, и охраны валюты. Тутъ saldo между вывозомъ и ввозомъ представляетъ чистый выигрышъ, который послужитъ русскому народному хозяйству въ качествѣ резервнаго капитала или же для постепеннаго возвращенія изъ заграницы русскихъ цѣнностей.

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ тѣ отрасли ввоза, отъ бывшаго до сихъ поръ таможеннаго покровительства въ области которыхъ непосредственно страдали важнѣйшіе экспортные интересы Россіи, интересы *сельскаго хозяйства*. Нѣтъ для русскаго народнаго хозяйства интереса болѣе важнаго, чѣмъ улучшеніе сельско-хозяйственной техники и уменьшеніе издержекъ земледѣльческаго производства! Этой цѣли служатъ всѣ пониженія пошлинъ на произведенія *желѣзодѣлательной* промышленности; нѣкоторыя довольно существенныя пониженія принесъ съ собою русско-германскій торговый договоръ. Назовемъ здѣсь, между прочимъ, пониженіе пошлинъ на листовое желѣзо [1]), гвозди, котлы, ведра, резервуары, мосты, трубы [2]) и т. д. Еще болѣе непосредственное отношеніе къ сельскому хозяйству имѣетъ одновременное пониженіе пошлинъ на эмаллированную желѣзную посуду, сельско-хозяйственныя орудія и машины, локомобили, пожарные снаряды и т. д.

Недавно Россія сдѣлала по собственному почину дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи, введя съ 1 сентября 1898 г. безпошлинный ввозъ многихъ сложныхъ земледѣльческихъ машинъ [3]). Къ нимъ принадлежатъ извѣстные сорта косилокъ, молотилокъ, далѣе паровые плуги, аппараты для винодѣлія и т. д. Упомянемъ еще о пониженіи болѣе чѣмъ вдвое пошлины съ локомобилей, безпошлинномъ ввозѣ капнита, чилійской селитры, кали и нѣкоторыхъ химическихъ веществъ, служащихъ для истребленія паразп-

---

[1]) Замѣна соломенныхъ крышъ желѣзными, уменьшеніе пожаровъ, этого бича деревенской Россіи!

[2]) Осушеніе и орошеніе!

[3]) „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., май, стр. 94.

товъ, вредныхъ для сельского хозяйства. Всѣ эти тарифныя изъятія и послабленія установлены закономъ по 18 декабря 1903 г. — повидимому, Россія хочетъ сохранить относительно нихъ свободныя руки, чтобы предложить ихъ въ качествѣ компенсаціи при заключеніи будущаго торговаго договора съ Германіей.

Напротивъ, по отношенію къ *желѣзнодорожному инвентарю* Россія до сихъ поръ держится политики высокихъ пошлинъ 80-хъ г.г. Только локомотивы—и въ немаломъ числѣ—снова привозятся съ Запада. Разумѣется, дорогамъ, проводимымъ отъ тихо-океанскихъ портовъ, приходится въ данное время прибѣгать къ иностранному матерьялу; недавно, напримѣръ, газеты сообщали о заказѣ 180,000 тоннъ стальныхъ рельсъ американской Carnegie Steel C°.

Какъ долго сохранится политика отгораживанія отъ Европы въ этой области, предсказать не берусь. Во всякомъ случаѣ съ завершеніемъ денежной реформы Россія нуждается въ усиленномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ, чтобы поддерживать благопріятный торговый балансъ съ помощью повышеннаго экспорта. Говоря кратко, нужны три вещи: азіатскія желѣзныя дороги, которыя огромный континентъ отъ Персидскаго залива до Тихаго океана соединятъ сначала съ важнѣйшими магистралями, далѣе, новыя магистрали въ Европейской Россіи въ направленіи съ востока на западъ, такъ какъ теперешнія линіи не въ силахъ справиться съ азіатскими грузами, наконецъ, новыя европейскія соединительныя вѣтви и сгущеніе сѣти въ западныхъ провинціяхъ, сообразно усиленію ихъ промышленнаго характера [1]).

Въ тѣсной связи съ сказаннымъ находятся сферы, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ общими *культурными* интересами, значеніе которыхъ для хозяйственнаго прогресса трудно оцѣнить достаточно высоко.

Въ странѣ, гдѣ пословица „время-деньги“ усвоена лишь немногими, противокультурно удорожать часы пошлиной [2]). Въ странѣ, въ которой нѣтъ болѣе высокой задачи, чѣмъ развитіе народнаго образованія, то же можно сказать про пошлины на грифельныя доски, грифеля, книги, карты, ноты, картины, гравюры, математическіе инструменты, типографскій шрифтъ, клише, типографскіе валы и т. д., а также про обложеніе по-

---

[1]) Подробнѣе о русскомъ желѣзнодорожномъ строительствѣ см. почти въ каждомъ № „Русскаго Экономическаго Обозрѣнія“.

[2]) Отчетъ англійскаго консула въ Варшавѣ за 1897 г., стр. 40: „часы уже стали предметомъ потребленія рабочихъ“.

шлиной необработаннаго свинца, котораго въ Россіи добывается мало и который, большею частью, служитъ образовательнымъ цѣлямъ. Въ странѣ со смертностью выше 40 на 1,000 во внутреннихъ губерніяхъ (цифры Янсона для 1884—88 г.г.) многія химическія произведенія имѣютъ важное гигіеническое значеніе. Огромныя разстоянія въ Имперіи, на противокультурное дѣйствіе которыхъ жалуются столь многіе русскіе, побѣждаютъ телеграфные и телефонные проводы, телеграфные и телефонные аппараты. Облегченіе ввоза этихъ продуктовъ подыметъ производительность русскаго народнаго хозяйства.

То же можно сказать и про вспомогательные матерьялы и орудія производства, избытокъ ввоза которыхъ свидѣтельствуетъ именно о промышленномъ развитіи. Сюда относятся, напримѣръ, чесалки, машинные передаточные ремни, огнеупорный камень, которые въ послѣднее время ввозятся въ значительныхъ количествахъ, въ особенности же *машины*, которыхъ было ввезено въ Россію въ 1896 г. на 30 милліоновъ марокъ и которыя были важнѣйшей статьей нѣмецкаго отпуска въ Россію, если не считать благороднаго металла.

Для послѣднихъ товаровъ русско-германскій торговый договоръ принесъ частью довольно значительныя пониженія пошлинъ. Безспорно, русское машиностроеніе далеко не соотвѣтствуетъ нуждамъ Россіи. Усиленный ввозъ машинъ поощряетъ учрежденіе многочисленныхъ мастерскихъ для починокъ, разсѣянныхъ по всей странѣ, въ чемъ Россія очень заинтересована.

Было вполнѣ своевременно сравнять динамо-электрическія машины съ прочими машинами, включивъ ихъ въ § 167,2 тарифа. Передача электрической энергіи и добываніе металловъ электролитическимъ путемъ составляютъ для Россіи важныя задачи развитія техники въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ эта отрасль въ русской промышленности отсутствуетъ [1]).

Облегченіе ввоза многочисленныхъ произведеній химической промышленности — также въ интересахъ русской промышленности. Былъ ли бы возможенъ расцвѣтъ хлопчатобумажнаго производства и экспортъ въ страны Востока, любящіе яркіе цвѣта, безъ той радуги красокъ, которую европейская наука создала изъ неприглядnаго каменно-угольнаго дегтя.

Промышленный прогрессъ совершается не скачками, а шагъ за шагомъ. Какъ мы видѣли, сначала онъ овладѣваетъ тѣми областями, гдѣ сырой матерьялъ имѣетъ перевѣсъ надъ трудомъ и капиталомъ; затѣмъ онъ пере-

[1]) „Materialien zur Beurteilung des Entwurfs eines deutschrussischen Handelsvertrags“, herausgegeben im Auftrage von Mitgliedern des Zollbeirats, S. 40.

ходитъ на тѣ области, въ которыхъ существуетъ среднее отношеніе между этими тремя слагаемыми всякаго производства; напримѣръ, обширныя области хлопчатобумажной и желѣзодѣлательной промышленности. Только исподволь онъ проникаетъ въ тѣ области, въ которыхъ трудъ и капиталъ вполнѣ господствуютъ надъ сырымъ матерьяломъ. Всего труднѣе ему доступъ въ тѣ сферы, гдѣ самъ трудъ становится квалифицированнымъ, т.-е. интеллигентнымъ, будетъ ли то требующая значительной подготовки работа при машинѣ, какъ въ машинномъ судостроеніи и машиностроеніи, или научной работой мысли, какъ въ электрической или химической промышленности.

Центръ тяжести европейскаго ввоза въ Россію долженъ все болѣе и болѣе передвигаться на послѣднія области; у Россіи же по горло другихъ промышленныхъ задачъ первой важности. Такого рода ввозъ, какъ ввозъ средствъ производства, для Россіи прямо желателенъ, особенно въ тѣ годы, когда необычайно благопріятный платежный балансъ можетъ выравниваться только съ помощью избыточнаго ввоза. И для ввозящей Европы такая эволюція не безвыгодна, потому что зажиточный полупромышленный сосѣдъ обыкновенно является лучшимъ покупателемъ, чѣмъ бѣдный и ведущій преимущественно натуральное хозяйство.

Прочное улучшеніе русскаго платежнаго баланса, которое во дни растущаго обремененія страны платежомъ процентовъ и дивидендовъ должно составлять задачу всякой русской экономической политики, достижимо только подъ условіемъ сильнаго *увеличенія экспорта*.

Но абсолютныя цифры экспорта гораздо больше, чѣмъ импорта; поэтому процентное увеличеніе имѣетъ гораздо большее значеніе. Поощреніе вывоза тѣмъ важнѣе, что всесторонне сокращеніе ввоза, которое сильно улучшило бы платежный балансъ, немыслимо. Оно было бы возможно развѣ при сохраненіи натуральнаго хозяйства. Для молодой колоніальной страны, какъ Россія, въ которой происходитъ полный переворотъ хозяйственныхъ отношеній, оно невозможно.

Сюда присоединяется дальнѣйшее соображеніе: только увеличеніе вывоза умножаетъ число торговыхъ оборотовъ. Оно прямымъ образомъ умножаетъ торговые обороты съ заграницей и косвеннымъ образомъ—между промышленностью и земледѣліемъ внутри страны. А вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ фондъ счетовъ (Devisen) и векселей, необходимый для развитія настоящихъ банкнотъ,—т.-е. для цѣли, лишь по достиженіи которой будетъ, какъ мы видѣли, завершена денежная реформа.

Слѣдующая таблица показываетъ главныя статьи русскаго экспорта.

	Въ милліон. руб. кред.	
	1895 г.	1896 г. [1]).
Пищевыя вещества	371	357
Сырые и вспомогательные	232,3	235,9
Матерьялы промышленности:		
живыя животныя	0,01	0,01
фабрикаты	12	10,3

Одинъ взглядъ на эти цифры тотчасъ опровергаетъ утопистовъ, которые полагаютъ, будто вывозъ произведеній промышленности уже произвелъ переворотъ въ русскомъ платежномъ балансѣ. Правда, вывозъ нѣкоторыхъ продуктовъ въ Азію навѣрное можетъ успѣшно развиваться и далѣе. Такъ, хлопчатобумажная промышленность въ 1881—84 г.г. вывозила, въ среднемъ, на 1,9 милл. руб. въ годъ, а въ 1891—94 г.г.—на 7,8 милл. [2]). Но что такое эти цифры въ сравненіи съ сотнями милліоновъ, которыхъ требуетъ активъ русскаго платежнаго баланса? Эти суммы можно выручить только на богатыхъ рынкахъ Западной Европы.

Выше мы видѣли на примѣрѣ, почему для большинства отраслей русской промышленности долгое время будетъ невозможна конкурренція на германской и англійской почвѣ. Ссылки на Америку тутъ не годятся; Америка—страна машинъ, Россія—низко оплачиваемаго, но въ дѣйствительности дорого стоющаго труда. Поэтому центръ тяжести массоваго вывоза Россіи какъ прежде лежалъ, такъ еще долгое время и впредь будетъ лежать въ сырьѣ, полуфабрикатахъ и пищевыхъ продуктахъ, и это тѣмъ болѣе, что въ Сибири расцвѣтаетъ новая Россія.

Здоровый прогрессъ заключается въ переходѣ отъ вывоза сырья къ вывозу полуфабрикатовъ, напримѣръ, муки вмѣсто зернового хлѣба, досокъ или теса вмѣсто бревенъ; но для этого нужны дешевыя машины, слѣдовательно, облегченіе ввоза квалифицированныхъ произведеній промышленности.

Повидимому, особенно способенъ къ развитію вывозъ изъ Россіи слѣдующихъ предметовъ. Я лишь поименую ихъ, потому что болѣе детальное изложеніе этого вопроса требуетъ спеціальныхъ изслѣдованій.

---

[1]) *Raffalovich.* Marché financier 1896—97, p. 398. Болѣе новыя, но лишь предварительныя цифры даетъ „Торгово-Промышленная Газета“, въ № отъ 4 марта 1899 г.

[2]) *Raffalovich.* Marché financier 1897—98. p. 383. Въ послѣднее время вывозъ хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ снова понизился, несмотря на преміи. См. „Торгово-Промышленную Газету“, № отъ 4 января 1899 г.

Весь Сѣверъ Россіи и большая часть Сибири покрыты дѣвственными лѣсами. Съ улучшеніемъ путей сообщенія, напримѣръ, съ проведеніемъ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, съ развитіемъ навигаціи вдоль сѣвернаго побережья и т. д. эти прежде втунѣ лежавшія лѣсныя пространства пріобрѣтутъ высокое значеніе для экспорта.

Крайній Югъ точно также обладаетъ естественнымъ продуктомъ, вывозъ котораго будетъ получать все большее и большее значеніе для платежнаго баланса Россіи: мы имѣемъ въ виду нефть и продукты ея переработки. По мнѣнію спеціалистовъ, добыча нефти не только надолго обезпечена, но и способна къ сильному увеличенію [1]). Начавшись съ небольшихъ размѣровъ, русское производство нефти въ теченіе немногихъ лѣтъ сравнялось съ американскимъ.

Нефтяные остатки также получаютъ все большее и большее значеніе. Уже въ настоящее время русскія смазочныя масла господствуютъ на рынкѣ. Къ тому же нефтяные остатки цѣнны, напримѣръ, какъ концентрированное топливо для военнаго флота, играютъ важную роль во многихъ отрасляхъ химической промышленности,—все это открываетъ перспективы въ смыслѣ увеличенія вывоза.

Тѣмъ удивительнѣе видѣть, что въ послѣднее время вывозъ изъ Россіи керосина снова упалъ. Русскій керосинъ, нѣсколько лѣтъ назадъ покрывавшій четвертую часть западно-германскаго спроса, теперь исчезъ изъ Роттердама [2]). По свѣдѣніямъ „Вѣстника Финансовъ“ вывозъ такъ распредѣлялся между Россіей и Америкой:

Годы:	Вывозъ Америки:	Вывозъ Россіи:
1888	79,2 %	20,8 %
1892	69,8 „	31,2 „
1897	75 „	25 „

Эти цифры заставляютъ предполагать существованіе соглашенія между американскими и русскими экспортерами, тѣмъ болѣе, что въ русскую нефтяную промышленность, какъ извѣстно, вложено много англійскихъ и американскихъ капиталовъ. При „раздѣлѣ рынка“ доля Россіи была урѣзана [3]).

[1]) „Торгово-Промышленная Газета“, въ № отъ 18 марта 1899 г., говоритъ о „Новомъ Баку“.

[2]) „Frankfurter Zeitung“ № отъ 16 декабря 1898 г.

[3]) См. относительно этого труднаго вопроса статьи „Frankfurter Zeitung“ въ №№ отъ 24, 25 и 26 ноября 1898 г. и отвѣтъ статскаго совѣтника *Д. Тимирязева.*

Далѣе, нельзя обойти молчаніемъ русскую золотопромышленность. Послѣдняя въ настоящее время, когда для обезпеченія валюты металлъ уже запасенъ, можетъ снова вывозить свой продуктъ, за вычетомъ того количества, которое ежегодно поглощается увеличивающимся спросомъ на средства обращенія и собираніемъ сокровища [1]).

Послѣднюю сумму нельзя оцѣнивать слишкомъ низко, между прочимъ, въ виду колоссальнаго потребленія золота на оклады иконъ въ церквахъ и монастыряхъ. Можно ли совѣтовать съ точки зрѣнія интересовъ валюты проектируемую высокую пошлину на серебро?

Какъ бы тамъ ни было, говорить о неблагопріятномъ платежномъ балансѣ, который въ будущемъ грозитъ валютѣ, можно будетъ лишь тогда, когда вывозъ благороднаго металла превыситъ туземную добычу за вычетомъ двухъ названныхъ статей потребленія металла. Внутри этихъ границъ вывозъ золота есть такая же статья актива въ русскомъ торговомъ балансѣ, какъ и вывозъ хлѣба.

Въ настоящее время добыча золота составляетъ около 60 милл. руб. новаго чекана [2]), и на этой цифрѣ держится довольно долго. Успѣшное сооруженіе Сибирской желѣзной дороги, недавно разрѣшенный безпошлинный ввозъ примѣняемыхъ въ золотопромышленности машинъ и химическихъ веществъ, открытіе новыхъ золотоносныхъ областей (Охотскъ) [3]),—все это позволяетъ надѣяться, что русское производство если не увеличится, то сохранитъ свою величину.

Къ этимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ должна, конечно, присоединиться реформа устарѣлаго законодательства, которое требуетъ, чтобы каждое зерно добытаго золота поступало въ руки казны и тѣмъ вызываетъ неслыханную контрабанду, сбывающую золото по безпутнымъ цѣнамъ. „Для защиты и охраны законнаго порядка правительство окидываетъ все производство сѣтью затрудненій, останавливающихъ всякій прогрессъ“ [4]).

---

[1]) Необычайное увеличеніе вкладовъ въ сберегательныя кассы („Bulletin Russe“ 1897, p. 221) свидѣтельствуетъ, что прятанье денегъ въ „кубышкахъ“ и въ Россіи замѣщается новыми методами помѣщенія денегъ; въ 1877 г. вклады сберегательныхъ кассъ составляли всего $6^1/_2$ милл. руб., въ 1896 г.—428,8 милл. руб.

[2]) Очень трудно вычислить количество добываемаго золота въ виду контрабанды, которую свѣдущія должностныя лица опредѣляютъ въ 20 проц. оффиціальной добычи.

[3]) *Ratzel.* Geographische Zeitschrift 1898, S. 271.

[4]) *H. Meyer.* Münzwesen und Edelmetallproduction Russlands. Leipzig, 1893 S. 102 и слѣд.

Дальнѣйшей помѣхой служатъ невозможно дурные сибирскіе пути сообщенія. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ и оружій рѣчнымъ и саннымъ путемъ ко многимъ пріискамъ Ленскаго округа отъ Иркутска требуетъ около $1^1/_2$ года съ долгими остановками, обусловленными климатомъ, — „срокъ, который даже неподдающагося унынію человѣка подвергаетъ тяжелому испытанію“. Какой прогрессъ означаетъ здѣсь желѣзная дорога!

Все-же рѣшающее значеніе для русскаго платежнаго баланса принадлежитъ теперь и будетъ принадлежать въ будущемъ, поскольку его можно предвидѣть, экспорту *сельско-хозяйственныхъ произведеній*, подобно тому, какъ во времена колеблющейся бумажной валюты въ сущности управлялъ валютой урожай, величина экспорта и хлѣбныя цѣны [1]). Введеніе золотой велюты было бы дорогимъ и напраснымъ экспериментомъ, если бы нельзя было разсчитывать на ростъ вывоза сельско-хозяйственныхъ произведеній и не имѣлось въ виду поощрять его всѣми средствами.

Производство нѣкоторыхъ продуктовъ русскаго сельскаго хозяйства, которыми до сихъ поръ болѣе или менѣе пренебрегали, подаетъ надежды на расширеніе вывоза въ будущемъ; сюда относятся яйца, экспортъ которыхъ въ послѣднее время необычайно усилился, масло, сыръ, мясо и мясные консервы, ленъ [2]), вино, сахаръ для азіатскаго потребленія и т. д. Несмотря на то еще долгое время первенствующее значеніе въ экспортѣ будетъ принадлежать *хлѣбу*.

Къ счастью для Россіи, производительность ея въ этой области еще способна къ необычайному развитію. Тутъ надо принять въ разсчетъ слѣдующее.

Сѣть русскихъ желѣзнодорожныхъ и водныхъ путей еще такъ рѣдка, что обширныя части Европейской Россіи совершенно не участвуютъ въ отпускѣ хлѣба. Даже въ земледѣльческой полосѣ на западъ отъ Волги многія мѣстности отстоятъ отъ желѣзной дороги на 200—300 верстъ, тогда какъ среднее разстояніе подвоза, по вычисленію Мертенса для 16 желѣзнодорожныхъ линій, составляетъ 14—42 версты, а наибольшее—25—183 версты [3]).

---

[1]) Такъ справедливо думаетъ *Helfferich*, AussenhandeI und Valutaschwankungen, Schmollers Jahrbuch 1897, S. 392; разумѣется, тутъ мы оставляемъ въ сторонѣ отсрочку платежей (Effektenverschiebungen).

[2]) Въ письмѣ ко мнѣ одно авторитетное въ русскихъ торговыхъ дѣлахъ лицо считаетъ количество сибирскаго льна очень высокимъ, цѣны его подходящими; но площадь посѣва его до сихъ поръ слабо увеличивалась; собранный въ Сибири ленъ преимущественно перерабатывается на мѣстѣ для домашнихъ нуждъ. Напротивъ, льняное сѣмя еще до постройки Сибирской желѣзной дороги вывозилось изъ Сибири.

[3]) *Mertens*. Russlands Bedeutung für den Weltgetreidemarkt. Mayr's statistischen Archiv 1892, S. 587.

Лишь внутри этихъ границъ избытки урожая идутъ на всемірный рынокъ.

Но и въ этой открытой для торговли области издержки колесной или санной доставки на станцію очень высоки; онѣ угнетаютъ мѣстныя цѣны и мѣшаютъ воспользоваться возможностью расширенія производства, создаваемою успѣхами техники и пр. Состояніе грунтовыхъ дорогъ самими русскими характеризуется „непроѣзднымъ“. Ва самомъ дѣлѣ, такъ называемыя „дороги“ представляютъ изрѣзанныя колеями полосы земли неопредѣленной ширины; въ черноземной полосѣ онѣ по цѣлымъ недѣлямъ въ году просто непроходимы, во время таянія снѣга представляютъ бездонныя моря грязи. Я самъ извѣдалъ это и чувствую большую признательность къ крестьянамъ, которые въ Донской области вытащили чужеземца вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми изъ грязи, совершенно наполнявшей выбоину и грозившей потопленіемъ нашему экипажу.

Несмотря на такое состояніе дорогъ, примитивная форма транспорта, описанная выше (глава V), еще и теперь играетъ въ Россіи громадную роль. Напримѣръ, въ 1894 г. къ портамъ Чернаго моря, по вычисленію одной сельско-хозяйственной газеты, было подвезено гужемъ 110 милліоновъ пудовъ хлѣба [1]). Всякое улучшеніе путей сообщенія и прежде всего всякое сгущеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ должно и въ Европейской Россіи значительно увеличить производство хлѣба для рынка.

Въ настоящее время производителями хлѣба для вывоза являются еще преимущественно крупные помѣщики-дворяне. Выше мы видѣли, что крупное землевладѣніе дробится между купеческими хозяйствами, направленными спеціально на производство для рынка. Болѣе того: и въ средѣ крестьянства обнародованіе „зажиточныхъ“ хозяйствъ („Ueberschusswirtschaften“) составляютъ важнѣйшую задачу всякой аграрной политики. Мы видѣли, что государство должно поощрять естественную эволюцію, уже начавшуюся въ этомъ направленіи: дальнѣйшее существованіе крестьянской бѣдноты, ведущей натуральное хозяйство, à la longue несовмѣстимо съ интересами мощи государства. А такъ какъ Россія есть преимущественно крестьянская страна, то очевидно, какъ сильно эта эволюція должна способствовать экспорту хлѣба.

Всякое улучшеніе народнаго образованія также развиваетъ производительныя силы крестьянства, а, слѣдовательно, и производство хлѣба для рынка.

---

[1]) „Хозяинъ“, 1896 г., № 44, стр. 783.

Техника земледѣлія въ Россіи еще очень низка. Превосходный черноземъ, выдерживающій сравненіе съ наилучшими частями Германіи, напримѣръ, Магдебурга, еще мало эксплуатируется; благодаря поверхностной вспашкѣ нижніе слои его еще нетронуты. Изъ обрабатываемой площади ежегодно около 40—60% оставляется подъ паромъ [1]), сама же эта площадь составляетъ только около 40% всей поверхности страны. Всякое легкое повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ вызываетъ не только распашку новыхъ земель, но и болѣе интенсивную обработку старыхъ, наоборотъ, паденіе цѣнъ сокращаетъ обрабатываемую площадь и понижаетъ интенсивность обработки, а вмѣстѣ съ этимъ и размѣры вывоза.

Одинаковое съ повышеніемъ цѣнъ дѣйствіе оказываетъ и всякое сокращеніе издержекъ производства, напримѣръ, удешевленіе сельско-хозяйственныхъ машинъ и желѣза благодаря мѣрамъ торговой политики, пониженіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ, пониженіе процентной нормы—какъ вѣроятное послѣдствіе денежной реформы, наконецъ, упорядоченіе хлѣбной торговли. Въ области послѣдней недавно сдѣланы значительные успѣхи. Еще немного лѣтъ назадъ русскій хлѣбъ расцѣнивался на западно-европейскихъ рынкахъ значительно ниже своего заатлантическаго соперника [2]), вслѣдствіе своей засоренности. А теперь одинъ выдающійся западно-германскій хлѣботорговецъ сообщаетъ мнѣ, что благодаря улучшенію качества русскаго отпуска эта разница почти исчезла. Относительно дѣвственныхъ земель Востока и ихъ значенія для вывоза хлѣба мнѣнія расходятся. Одни утверждаютъ, что пригодныя для культуры хлѣбовъ пространства Сибири уже заселены; другіе возражаютъ, что наибольшая часть Сибири еще до сихъ поръ покрыта сосновыми лѣсами, а гдѣ растетъ лѣсъ, тамъ возможно и воздѣлываніе хлѣбовъ, по крайней мѣрѣ, ржи. Въ доказательство они ссылаются на отдѣльные поселки и цѣлыя деревни, которыя еще и теперь постоянно возникаютъ въ этихъ лѣсныхъ пустыняхъ, якобы непригодныхъ для земледѣлія, и „открываются“ властями часто лишь спустя много лѣтъ.

Чтобы разобраться въ литературныхъ противорѣчіяхъ, я обратился къ нѣсколькимъ крупнѣйшимъ хлѣботорговымъ фирмамъ Петербурга и Ревеля, которыя въ качествѣ экспортеровъ сибирскаго хлѣба состоятъ въ самыхъ

---

[1]) Въ степной области еще больше; по *А. А. Шишкину*, Сельско-хозяйственная экономія, часть 2, стр. 12—13, тамъ засѣвается только $^1/_4$—$^1/_3$ всей площади пашни.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія для 1894 г. см. у *Покровскаго*, Объ устойчивости русскаго торговаго баланса, стр. 66 и слѣд.

тѣсныхъ сношеніяхъ съ тамошними хлѣботорговцами. Результаты разспросовъ можно резюмировать такъ.

Районъ вывоза опредѣляется по существу уровнемъ хлѣбныхъ цѣнъ на международномъ рынкѣ (при болѣе высокихъ цѣнахъ можно покупать съ болѣе далекихъ разстояній внутри страны) и высотой издержекъ перевозки: благодаря сооруженію желѣзныхъ дорогъ сталъ вывозиться и сибирскій хлѣбъ. Лишь послѣ проведенія линіи Пермь-Екатеринбургъ-Тюмень и особенно послѣ открытія движенія по линіи Обь-Челябинскъ сибирская пшеница появилась въ большихъ и все растущихъ количествахъ на Петербургскомъ и Ревельскомъ рынкахъ, а также и въ Ростовѣ на Дону; на первые рынки она идетъ чрезъ Рыбинскъ, частью воднымъ путемъ, на послѣдній чрезъ Царицынъ по желѣзной дорогѣ. Недавно законченная постройкой Пермь-Котласская дорога открываетъ сибирскому продукту новый портъ въ Архангельскѣ.

Практическое значеніе для экспорта пока имѣетъ только Западная Сибирь, бассейнъ Иртыша и Оби съ хлѣбными рынками въ Семипалатинскѣ и Барнаулѣ. Однако уже отъ Барнаула фрахтъ поглощаетъ около $^2/_3$ петербургской цѣны, причемъ мы не принимаемъ въ разсчетъ процентной убыли зерна отъ весьма продолжительной перевозки. Дальше Барнаула хотя заселеніе и не прекращается, но хлѣбъ, большею частью, потребляется на мѣстѣ или идетъ въ горные округа Восточной Сибири. Фрахтъ отъ Иркутска до Ревеля стоитъ уже дороже цѣны хлѣба на всемірномъ рынкѣ; даже подаренный товаръ нѣтъ смысла везти въ Европу.

До сихъ поръ Сибирь отпускала исключительно пшеницу весьма высокаго качества, очень популярную въ торговлѣ. По свойствамъ своимъ она болѣе пригодна для заграничнаго, чѣмъ для русскаго рынка. Рожь не вывозится, вѣроятно, потому, что не окупаетъ издержекъ перевозки [1]). Сибирскіе производители—исключительно крестьяне, которыхъ посѣщаютъ агенты мѣстныхъ хлѣботорговцевъ и поощряютъ производить на рынокъ. Всякое копѣечное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ на международномъ рынкѣ, всякое удешевленіе перевозки, всякая новая желѣзнодорожная вѣтвь [2]), всякое сокращеніе пути, проходимаго внутри Европейской Россіи, увеличиваетъ районъ

[1]) Избытки въ Сибири идутъ преимущественно для винокуренія; въ настоящее время для этой цѣли распространяется культура картофеля на счетъ ржи. Недавно, правда, правительство вывезло изъ Сибири значительныя количества ржи для продовольствія голодающаго населенія внутреннихъ губерній. Изъ одного Кургана отправлено, говорятъ, до 3 милліоновъ пудовъ.

[2]) Напримѣръ, предположенная къ постройкѣ вѣтвь Бійскъ-Кривощеково.

вывоза. Такъ, напримѣръ, отъ недавно утвержденной къ постройкѣ линіи Вятка-Тосна ожидаютъ увеличенія сибирскаго подвоза и увеличенія экспорта чрезъ Ревель и Ганге (Финляндія).

Вопросъ о пригодности Сибири для заселенія тутъ не имѣетъ значенія; вѣдь уже заселены обширныя области, и все-таки онѣ не посылаютъ ни зерна на всемірный рынокъ.

Но навѣрное и тѣ области, которыя уже вовлечены во всемірную торговлю, могутъ еще значительно увеличить свое производство. Сибирь заселена очень рѣдко. Переселенцамъ дается, большею частью, 15-ти десятинный надѣлъ, и кромѣ того при всякомъ переселенческомъ участкѣ имѣется земельный резервъ, который можетъ быть сданъ въ аренду. А арендаторы тутъ по большей части крупные крестьяне, производящіе на рынокъ. Увеличеніе населенія и облегченіе сбыта позволяютъ разсчитывать на увеличеніе экспорта и изъ этихъ уже открытыхъ для торговли областей. „Фактически площадь культуры расширяется во всей Сибири; особенно вѣрно это для мѣстностей по Иртышу, гдѣ поселились, главнымъ образомъ, молокане, извѣстные своимъ трудолюбіемъ и настойчивостью. Расширенію культуры очень способствовали новыя земледѣльческія орудія, привезенныя новоселами и въ нѣсколько лѣтъ вытѣснившія прежній крайне первобытный инвентарь“. Такъ передавало мнѣ одно лицо, близко знакомое съ сибирскими условіями.

Резюмируемъ сказанное. Въ виду огромныхъ естественныхъ богатствъ Россіи, эксплуатація которыхъ теперь развивается быстрѣе и энергичнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, представляется справедливымъ мнѣніе, что платежный балансъ Россіи будетъ достаточно охранять и защищать золотую валюту,—конечно, при соблюденіи условій, подробно изложенныхъ выше. Сюда относятся прежде всего *сильное развитіе вывоза*, для чего нужны *желѣзныя дороги* съ удешевленіемъ желѣза и *аграрно-политическія реформы*, въ смыслѣ расчистки пути для перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ частноправовымъ отношеніямъ и существеннаго поощренія такъ называемыхъ „богатыхъ крестьянъ“; далѣе содѣйствіе *народному образованію*, особенно въ деревнѣ, и *благопріятная торговымъ сношеніямъ торговая политика*, которая, не отказываясь отъ охраны существующихъ производствъ, должна удешевлять издержки производства экспортируемыхъ товаровъ, обезпечивать рынки сбыта и заграждать путь крайне протекціонистскимъ стремленіямъ Западной Европы.

Все это примѣнимо въ періоды политическаго затишья. При омраченіи же политическаго горизонта *международная задолженность* Россіи

выступитъ еще болѣе, чѣмъ прежде, на передній планъ. Помимо увеличенія этой задолженности, вызваннаго денежной реформой, здѣсь надо считаться и съ тѣмъ, что съ введеніемъ золотой валюты всѣ русскіе займы имѣютъ рынокъ какъ внутри страны, такъ и заграницей. Потому опасность отъ обратнаго отлива въ отечество этихъ цѣнностей, а также и прежнихъ золотыхъ займовъ теперь больше, чѣмъ прежде. Нельзя отрицать того, что при такомъ отливѣ русская золотая валюта можетъ лопнуть.

Правда, въ случаѣ внезапной паники Государственный Банкъ, пожалуй, могъ бы, отказывая въ кредитѣ, помѣшать на время русскимъ подданнымъ брать изъ заграницы русскія цѣнности взамѣнъ вывоза золота, хотя опытъ учитъ, что въ случаѣ политическаго кризиса такое затрудненіе кредита едва ли выполнимо. Но противъ продолжительнаго и исподтишка дѣйствующаго недовѣрія, благодаря которому русскія цѣнности возвращались бы въ ихъ отечество, у Россіи нѣтъ средствъ. Вотъ гдѣ настоящая опасность для золотой валюты.

Какъ относятся факты къ этой теоретической возможности? Этотъ вопросъ вводитъ насъ въ область внѣшней политики.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я не намѣренъ въ заключеніе моего длиннаго и утомительнаго изложенія вводить читателя въ область вопросовъ внѣшней политики. Обсужденіе деталей требуетъ здѣсь спеціальныхъ свѣдѣній, въ частности и о лицахъ,—свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ спеціалистами только путемъ долгой практики. А трактовать безъ такихъ свѣдѣній трудныя и важныя проблемы этой области государствовѣдѣнія—было бы пустымъ фразерствомъ.

Напротивъ, въ общихъ чертахъ международное положеніе Россіи представляется ясно для всѣхъ. Насколько вѣроятно, что Россія можетъ разсчитывать на дружбу Франціи, настолько же вѣроятной и, быть можетъ, еще болѣе вѣроятной представляется вражда между Англіей и Россіей. Англія можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ сравняться съ Россіей, но она постоянно будетъ смотрѣть враждебно на ростъ ея могущества, что дѣлаетъ вопросъ объ обладаніи Индіей — вопросомъ о сухопутномъ войскѣ, и въ этомъ отношеніи Англія лишается преимуществъ своего островного положенія. Какъ тори, такъ и соціалъ-демократы въ Англіи сходятся въ своемъ враждебномъ отношеніи къ Россіи [1]).

Поддержка же въ лицѣ Франціи, правда, является цѣнной для русскаго колосса, но недостаточно широкой.

Прежде всего это имѣетъ мѣсто въ области *финансовой политики*.

Статистики о распредѣленіи по странамъ русскихъ цѣнностей, помѣщенныхъ заграницей,—не существуетъ и не можетъ быть. Приблизительный расчетъ по мѣстамъ уплаты процентовъ почти не имѣетъ значенія,

---

[1]) О томъ, насколько англійскіе рабочіе заинтересованы государственными дѣлами свидѣтельствуетъ статья соціалъ-демократа *Гайндмана* (Hyndman), который въ качествѣ вожака крайней лѣвой,—какъ извѣстно, имѣетъ нѣкоторое вліяніе среди англійскаго рабочаго класса. Онъ выражалъ сожалѣніе по поводу послѣдняго договора Сольсбери съ Россіей, такъ какъ при этомъ теряются благопріятныя шансы войны; такъ думаетъ классъ, предки котораго, чартисты, угрожали существующему общественному порядку—убійствами и поджогами и искали помощи заграницей противъ своего отечества.

такъ какъ вексельный курсъ привлекаетъ переводные векселя туда, гдѣ реализація ихъ болѣе выгодна. Поэтому можно положиться только на мнѣнія лучшихъ знатоковъ дѣла.

Одинъ выдающійся французскій авторитетъ по финансовымъ вопросамъ, который принималъ видное участіе въ русскихъ эмиссіонныхъ операціяхъ во Франціи, устно сообщилъ мнѣ, что сумма русскихъ государственныхъ и гарантированныхъ государствомъ желѣзнодорожныхъ займовъ, помѣщенныхъ во Франціи, составляетъ по меньшей мѣрѣ 6 милліардовъ франковъ. Этому соотвѣтствуютъ и обычные разсчеты, которые колеблются между $3^1/_2$ и 7 милліардами франковъ. Сюда надо присоединить еще 300—400 милліоновъ франковъ русскихъ промышленныхъ цѣнностей во Франціи.

Но потребность Россіи въ капиталахъ не можетъ ограничиться французскимъ рынкомъ. Послѣ того какъ около начала 90-хъ годовъ почти всѣ русскія цѣнности ушли изъ Германіи, недавно на германскомъ рынкѣ были помѣщены значительныя суммы гарантированныхъ государствомъ русскихъ желѣзнорожныхъ облигацій. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ изъ самаго компетентнаго источника, эти цѣнности въ началѣ 1899 года составляли свыше $^3/_4$ милліарда марокъ. Сюда надо прибавить еще подобныя же цѣнныя бумаги, помѣщенныя въ Голландіи, сумма которыхъ намъ неизвѣстна, но во всякомъ случаѣ гораздо меньше; затѣмъ, около 500 милліоновъ франковъ русскихъ промышленныхъ цѣнностей — въ Бельгіи. Англія до настоящаго времени владѣетъ очень малымъ количествомъ русскихъ цѣнностей.

Теперь, имѣя въ рукахъ эти данныя, посмотримъ, насколько велика опасность возвращенія русскихъ цѣнностей на ихъ родину, около того времени, когда на политическомъ горизонтѣ будетъ пасмурно.

Русскіе государственные займы, находящіеся во Франціи, помѣщены чрезвычайно прочно. Они все болѣе и болѣе притекаютъ въ руки мелкихъ вкладчиковъ. Теперь мало французскихъ рентьеровъ, которые наряду съ французской, не имѣли бы русской ренты! Эти круги реагируютъ только на острыя политическія событія, въ особенности на такія, которыя могутъ поставить Россію во враждебныя отношенія къ Франціи, чего нѣтъ основаній опасаться. Опасеніе оказаться при бумажной валютѣ едва можетъ побудить ихъ отказаться отъ русскихъ цѣнностей.

Иначе дѣло обстоитъ съ промышленными цѣнностями, помѣщенными въ Западной Европѣ, которыя въ общемъ должны составлять около милліарда франковъ. Онѣ находятся преимущественно въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, которые очень подвержены опасеніямъ за валюту; онѣ бываютъ

тѣмъ болѣе подвижны, что въ случаѣ войны внутренняя промышленность процвѣтаетъ и потому пріобрѣтателя русскихъ цѣнностей привлекаетъ надежда на повышенные дивиденды.

Сюда надо присоединить русскія государственныя цѣнности, помѣщенныя въ остальной Европѣ, которыя, навѣрное, болѣе подвижны, чѣмъ помѣщенныя во Франціи, и, наконецъ банковый кредитъ, широко открытый русскимъ фирмамъ со времени установленія золотой валюты. Эти ссуды, безъ сомнѣнія, тотчасъ были бы затребованы обратно, разъ возникла бы опасность очутиться при бумажно-денежной валютѣ.

Цѣнныя бумаги, возвращающіяся въ Россію, и кредиты, по которымъ требуютъ уплаты, русскіе должны были бы оплачивать золотомъ, находящимся въ обращеніи, и золотомъ изъ Государственнаго Банка, выдаваемымъ въ обмѣнъ на кредитные рубли. Суммы, которые при этомъ пришли бы въ движеніе, даже допуская что милліарды, помѣщенные во Франціи, остались бы неподвижными,—достаточно велики, чтобы подвергнуть опасности русскую золотую валюту.

Такимъ образомъ, если Россія при такихъ обстоятельствахъ нуждается въ финансово-политической поддержкѣ всей Европы, то во время мира такое же значеніе имѣетъ будущая потребность въ капиталахъ, ибо Россія не довольствуется кредитомъ, которымъ она располагала до сихъ поръ: вспомнимъ только о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ огромныхъ размѣрахъ, которая потребуется въ ближайшемъ будущемъ.

Недавно Россія искала сбыта для новыхъ займовъ на англійскомъ рынкѣ. Въ извѣстныхъ кругахъ даже предложенію Россіи о разоруженіи приписывали эту побочную цѣль. Очевидно, результаты этой попытки были не велики, такъ какъ Сити и въ этомъ случаѣ проявило себя стражемъ англійскихъ національныхъ интересовъ. Но если бы даже повтореніе этой попытки должно было имѣть лучшіе результаты [1]), то все же, какъ показалъ опытъ, русскія цѣнности не прочно держатся на англійскомъ рынкѣ и могутъ отъ политическаго толчка легко придти въ движеніе.

Какъ и прежде, Россіи остается еще разсчитывать на Парижскій и на Берлинскій денежный рынокъ и на стоящій въ связи съ обоими—Амстердамскій, которые были закрыты единственно вслѣдствіе скудости денежныхъ средствъ. Въ случаѣ если бы эта скудость оказалась длительной, Россія могла бы снова открыть себѣ эти рынки, предложивъ болѣе высокіе проценты.

---

[1]) На эти политическія помѣхи на англійскомъ рынкѣ указываетъ министръ финансовъ въ своемъ докладѣ Комитету Министровъ, отъ 26 апрѣля 1899 г.

Въ частности, на французскій рынокъ Россія съ достаточной увѣренностью можетъ разсчитывать и на будущее время. Въ началѣ 90-хъ годовъ политическія упованія извѣстнаго рода вызвали во Франціи жадную погоню за русскими цѣнностями [1]). Постепенно выяснилась невозможность воспользоваться Россіей для цѣлей, на которыя возлагались надежды. Но Франція къ этому времени уже такъ много набрала русскихъ цѣнностей, что надолго связала свои интересы съ благосостояніемъ Россіи. Сюда присоединились еще англо-французскія столкновенія, которыя снова оживили симпатіи къ Россіи. Независимо отъ этого, факты свидѣтельствуютъ, что обиліе капиталовъ во Франціи, которые недостаточно используются внутреннимъ спросомъ, привлекаетъ ихъ въ Восточную Европу, гдѣ они могутъ быть обращаемы въ дѣло, безъ опасенія политическихъ осложненій.

Но Франція уже въ настоящее время порядочно переполнена русскими цѣнностями, и ея кредитоспособность въ этомъ отношеніи на будущее время ограничена. Россіи же нужно больше.

Напротивъ, на спокойномъ Берлинскомъ рынкѣ соображенія чувства имѣютъ мало значенія. Здѣсь нужна увѣренность, что экономическое будущее Россіи не вызываетъ опасеній, что обезпеченіе, которое она предлагаетъ, надежно, ея финансовое управленіе—солидно, и что нѣтъ основаній бояться политическихъ столкновеній съ сосѣдями.

Въ финансово-политическихъ интересахъ Россіи нужны дружественныя отношенія съ европейскими государствами, и въ томъ числѣ съ Германіей. Только въ цѣломъ европейскій континентъ могъ бы обезпечить такую же поддержку, какою Соединенные Штаты располагаютъ на Лондонскомъ денежномъ рынкѣ.

Но если въ финансово-политическомъ отношеніи Германія имѣетъ все-таки для Россіи второстепенное значеніе, то она стоитъ на первомъ мѣстѣ въ качествѣ *рынка русскихъ товаровъ*. Это видно изъ помѣщаемой ниже таблицы, на основаніи данныхъ русской статистики вывоза (См. стр. 502) [2]).

Слѣдующія цифры показываютъ значеніе Германіи какъ естественнаго рынка для русскихъ продуктовъ. По даннымъ русскаго „Вѣстника Финан-

---

[1]) См., кромѣ др., оффиціозное „Русское Экономическое Обозрѣніе“, 1898 г., іюнь, стр. 138, 148; сентябрь, стр. 120, далѣе извѣстную книгу *И. С. Бліоха:* Будущая война. С.-Пб., 1898 г.

[2]) См. также Statistik des Deutschen Reichs, Auswärtiger Handel des deutschen Zollgebiets im Jahre 1897, S. 240.

совъ", ввозъ изъ Россіи въ процентахъ ко всему ввозу отдѣльныхъ странъ составлялъ [1]):

	Пшеница		Рожь		Овесъ		Ячмень	
	1894-5 г.	1895-6 г.	1894-5 г.	1895-6 г.	1894-5 г.	1895-6 г.	1894-5 г.	1895-6 г.
въ Англію	25,6	28,3	—	—	72,2	67,5	74,8	45,9
во Францію. . . .	44,3	40,9	—	—	49,1	35,1	28,3	5,1
въ Германію . .	39,3	51,9	88,5	83,3	88,7	91,9	50,8	62,3
въ Голландію. . .	62,0	61,2	73,6	70,2	97,6	92,9	71,8	67,8

По Раффаловичу, вывозъ Россіи въ милліонахъ франковъ былъ [2])

	въ Германію:	во Францію:
въ среднемъ между 1885—1892 г.г.	543	192
„ „ въ 1894 г.	678	281
„ „ „ 1895 „	710	194

Русскіе спеціалисты, повидимому, даже склонны считать ввозъ изъ Россіи въ Германію болѣе значительнымъ, чѣмъ показываетъ русская и нѣмецкая статистика, такъ какъ составныя части этого ввоза входятъ въ составъ ввоза въ Германію изъ Голландіи и Бельгіи, а значитъ и въ составъ вывоза Россіи въ эти страны, которыя служатъ посредниками для Германіи въ отношеніи морскаго транспорта.

По извѣстіямъ русскаго консульства въ Штутгартѣ, приведеннымъ въ „Матеріалахъ для выработки желѣзнодорожныхъ тарифовъ для хлѣбныхъ грузовъ", (1889 г., стр. 85 и 86), рожь, которая ввозится въ Баденъ и Вюртембергъ, по большей части русскаго происхожденія, тогда какъ въ статистикѣ ввоза въ Германію изъ Россіи показана только небольшая часть ея.

Что этотъ взглядъ правиленъ, указываетъ то обстоятельство, что, напримѣръ, въ 1889 г. ввозъ ржи въ Германію изъ Россіи составлялъ, по оффиціальнымъ даннымъ, 66% русскаго вывоза ржи, а ввозъ въ Германію, Бельгію и Голландію вмѣстѣ—95,7%, тогда какъ извѣстно, что обѣ послѣднія страны потребляютъ мало ржи.

Надо принять во вниманіе также значительное возрастаніе, при всѣхъ отдѣльныхъ колебаніяхъ, ввоза въ Германію изъ Россіи въ послѣдніе годы; въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключаются важные шансы для будущаго. Ввозъ Германіи изъ Россіи съ 300—400 милліоновъ марокъ ежегодно возросъ къ концу 80-хъ годовъ до 700 милл. марокъ.

---

[1]) *Raffalovich.* Marché financier 1896—97, p. 376.

[2]) *Raffalovich,* p. 407.

А по своему географическому положенію часть Германіи представляетъ какъ разъ такого покупателя, которому для Россіи продавать наиболѣе выгодно, такъ какъ издержки по транспорту здѣсь наименьшія.

Это обнаружилось послѣ заключенія Германскаго торговаго договора съ съ Австріей и Балканскими государствами, льготами котораго воспользовалась Америка, а не Россія. Оффиціальный „Вѣстникъ Финансовъ“ (1893 г., № 32) писалъ по этому поводу: „Германскимъ хозяевамъ дано преимущество передъ русскими въ 25 мет. коп. съ пуда, остальнымъ же конкуррентамъ Россіи—въ 7,6 мет. коп., или въ среднемъ въ 12 кредитныхъ коп., если считать по среднему курсу за 10 лѣтъ. Для того, чтобы нагляднѣе выразить значеніе этого преимущества можно напомнить, что это равняется стоимости провоза пуда хлѣба на разстояніи 500 верстъ, по русскому желѣзнодорожному тарифу“.

На самомъ дѣлѣ германская дифференціальная пошлина оказала такое же дѣйствіе, какъ и русская вывозная пошлина,—отношенія, которыя еще болѣе были ухудшены германскими боевыми пошлинами (Kampfzoll).

Насколько Германія является естественнымъ рынкомъ для русскихъ продуктовъ, выясняется также изъ того, какъ быстро она снова получила для русскаго сбыта прежнее значеніе, нарушенное таможенной войной [1]).

Наконецъ, Германія является единственнымъ заграничнымъ потребителемъ русской ржи. Германія въ случаѣ нужды можетъ найти другихъ покупателей для своихъ фабрикатовъ, а Россія не можетъ — для своей ржи. Поэтому, по изслѣдованіямъ Конрада, при покупкѣ ржи большая часть германской хлѣбной пошлины перелагается на русскихъ производителей, какъ и при покупкѣ пшеницы; при возрастаніи германскихъ пошлинъ, такимъ образомъ, напр., при боевыхъ пошлинахъ во время таможенной войны, Россія стремилась продавать свой излишекъ ржи—при всякихъ условіяхъ, даже при большихъ убыткахъ въ цѣнѣ: происходило „предложеніе вслѣдствіе нужды“ („Notangebot“), когда продавцу приходится довольствоваться наименьшей цѣной. А причины климатическаго и экономическаго характера препятствуютъ въ обширныхъ областяхъ Россіи—переходу отъ культуры ржи къ культурѣ пшеницы. Рожь есть продуктъ крестьянъ въ значительной части Россіи.

Такимъ образомъ, торговый договоръ съ Германіей, какъ обезпеченіе

---

[1]) См. объ этомъ интересный отчетъ *генеральнаго консула Соединенныхъ Штатовъ* во Франкфуртѣ, извѣстный мнѣ изъ книги *Raffalovich'a*, Marché financier 1894—95, p. 202.

важнѣйшаго рынка, имѣлъ для Россіи большое значеніе, въ особенности ко времени возвышенія французскихъ хлѣбныхъ пошлинъ.

Но для русскаго государственнаго дѣятеля, который смотритъ дальше, должно имѣть значеніе еще слѣдующее соображеніе: развитіе городовъ и промышленности Германіи создаетъ значительный рынокъ, на которомъ Россія можетъ сбывать свои товары въ случаѣ нужды чрезъ посредство желѣзной дороги, и постоянно по Дунаю,—даже и при блокадѣ русскихъ портовъ враждебнымъ флотомъ. Для защиты золотой валюты и международнаго кредита, который особенно нуженъ Россіи при такихъ обстоятельствахъ, первое условіе—составляетъ непрерывный вывозъ русскихъ продуктовъ.

Но не только финансовые и торгово-политическія причины, не только заботы о новой золотой валютѣ, купленной съ тяжелыми жертвами, побуждаютъ Россію къ согласію съ западными сосѣдями. Сюда присоединяются еще политическія причины въ тѣсномъ смыслѣ слова. По отношенію къ поступательному движенію въ Азіи Россія заинтересована въ сохраненіи нейтралитета Германіи.

Необходимость прикрытія тыла на западѣ ослабила бы силы Россіи на востокѣ.

По отношенію къ этой потребности Россіи слѣдуетъ выяснить вопросъ: въ какомъ отношеніи сюда находятся не симпатіи Германіи, но германскіе интересы? Въ противоположность временамъ княжескихъ кабинетныхъ войнъ, теперь взаимныя отношенія значительныхъ и равноправныхъ націй опредѣляются только соображеніями разумной и дальновидной политики интересовъ. Живущее поколѣніе только пользуется наслѣдствомъ, накопленнымъ до него, и въ тоже время передаетъ полученное владѣніе грядущимъ поколѣніямъ. Отвѣтственность, заключающаяся въ этомъ, слишкомъ велика для того, чтобы сюда могли примѣшиваться соображенія чувства и страсти; никто не можетъ благоденствовать на чужой счетъ.

Поэтому, мнѣ кажется правильнымъ и здѣсь на первый планъ выдвинуть вопросъ о соотношеніи интересовъ. Если общность интересовъ всѣхъ народовъ, какъ училъ о ней Ричардъ Кобденъ, еще долгое время останется прекрасной мечтой, то, несомнѣнно, существуютъ случаи продолжительнаго параллелизма интересовъ отдѣльныхъ націй; разъ такой параллелизмъ на лицо, онъ является самымъ вѣрнымъ и самымъ надежнымъ основаніемъ обоюднаго согласія.

Германія, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ никакого интереса, который

противорѣчилъ бы росту могущества Россіи. Нѣтъ основаній, почему нѣмцамъ нужно было бы отказаться отъ дружественнаго нейтралитета, которымъ они оказали Россіи существенныя услуги во время Крымской войны и во время Польскихъ возстаній. Но могутъ существовать основанія споспѣшествовать экономическому прогрессу Россіи; такъ, напр., во время послѣдней Восточной войны Берлинская срочковая биржа служила парашютомъ, на которомъ держался русскій рубль, Германія являлась тогда единственнымъ рынкомъ, который принималъ русскіе бумажные займы, и вскорѣ послѣ этого предложилъ помѣстить русскія цѣнности, непринятыя Англіей, вслѣдствіе вопроса объ Афганистанѣ.

Въ пользу этого положенія представляются слѣдующія соображенія.

Какъ ни высоко мы всегда цѣнимъ успѣхи, которые въ послѣднее время сдѣлала Россія, все же теперь существуетъ опасность возникновенія не русскаго, а скорѣе англо-саксонскаго міроваго господства. Какъ разъ въ Англіи идеалъ Кобдена былъ преувеличенъ болѣе чѣмъ гдѣ либо: идея общности равноправныхъ націй и устраненіе политическихъ вліяній изъ сферы отношеній мірового хозяйства. Стоящіе во главѣ правительства Англіи государственные люди говорятъ о „расѣ, охватывающей все“, о „низложеніи самостоятельности среднихъ государствъ“. Что можетъ быть естественнѣе существованія „среднихъ“?

Въ частности Англія далека еще теперь отъ того, чтобы разсматривать соперничество Германіи, какъ такой же естественный фактъ, какимъ она считаетъ болѣе опасную конкурренціею Америки. Еще болѣе она далека отъ того, чтобы содѣйствовать Германіи, какъ содѣйствуетъ Америкѣ. Такъ новѣйшія разногласія между Америкой и Германіей произошли въ Лондонѣ. Помимо отдѣльныхъ симпатій общественное мнѣніе широкихъ слоевъ по ту сторону Ламанша разсматриваетъ нѣмцевъ—какъ несносныхъ parvenu, а русскихъ—какъ полуварваровъ-„туземцевъ“.

Эти склонности и нерасположеніе не могутъ быть безразличны для нѣмцевъ; нѣмцы стараются удержаться отъ того, чтобы не воздать тѣмъ же своимъ англо-саксонскимъ братьямъ, ибо между націями, которыя являются другъ для друга лучшими покупателями, слѣпой шовинизмъ, безъ сомнѣнія, очень дурной совѣтникъ для урегулированія ихъ взаимныхъ отношеній [1]).

[1]) Англія, конечно, является не только потребителемъ, но и посредникомъ въ торговлѣ для германскихъ товаровъ. Для Англіи единственно Индія лучшій рынокъ, чѣмъ Германія,—доказательство экономическаго значенія политическаго господства въ настоящее время.

Точно также нѣмцы не могутъ и игнорировать это нерасположеніе, такъ какъ съ нимъ связываются для нихъ серьезныя экономическія затрудненія. Растущіе съ каждымъ днемъ заокеанскіе интересы Германіи въ настоящее время болѣе или менѣе находятся въ зависимости отъ усмотрѣнія Англіи. Каждымъ новымъ рельсовымъ путемъ, который нѣмцы прокладываютъ въ Африкѣ, они даютъ Англіи залогъ своего благорасположенія; такимъ образомъ, Германія заинтересована въ томъ, чтобы господство Стараго Свѣта больше, чѣмъ прежде сдѣлалось вопросомъ о сухопутныхъ средствахъ, ибо при этомъ Германія, благодаря ея военнымъ сооруженіямъ между Кенигсбергомъ и Бреславлемъ, становится въ матеріальномъ отношеніи равноправной партіей, такъ какъ уравниваются силы. Въ качествѣ первостепенной сухопутной державы Германія заинтересована въ томъ, чтобы значеніе желѣзныхъ дорогъ и сухопутнаго войска возрастало по сравненію съ флотомъ, въ которомъ она не можетъ состязаться съ Англіей.

Этотъ фактъ долженъ рѣшить тотъ важный и отвѣтственный вопросъ который предстоитъ нѣмцамъ [1]).

На ряду съ этимъ нельзя игнорировать совершенно и другихъ, гораздо менѣе вѣскихъ соображеній. То обстоятельство, что естественная склонность нѣмцевъ къ Западу находитъ свой противовѣсъ въ ознакомленіи и оцѣнкѣ по достоинству развитія, происходящаго на Востокѣ,—имѣетъ благотворное воспитательное значеніе для народа.

Симпатіи къ Англіи покоятся у нѣмцевъ по большей части не на сознательной оцѣнкѣ интересовъ, но на космополитическомъ настроеніи, которое и теперь еще присуще лучшимъ англичанамъ, какъ наслѣдіе великихъ апостоловъ идеи свободной торговли. По ту сторону Ламанша эти интернаціональные идеалы не опасны, такъ какъ они связываются съ идеей мірового господства, которая по своему существу интернаціональна: для англичанъ „прогрессъ человѣчества“ есть прогрессъ Англіи. Такимъ образомъ эти интернаціональные идеалы приводятъ даже къ тому, что развивается та величественная національная замкнутость, которой мы удивляемся у англичанъ. Напротивъ, то же настроеніе ослабляетъ силу и самосознаніе тѣхъ „среднихъ“ націй, которыя не могутъ ставить себя наравнѣ съ человѣчествомъ.

Правда, такое положеніе не представляется для Германіи неизбѣжно постояннымъ на все будущее время. Великій англичанинъ, весьма хорошо

---

[1]) [Здѣсь, очевидно, авторъ намекаетъ на вопросъ о кредитахъ на флотъ, составлявшій недавно политическую злобу дня въ Германіи]. *Прим. ред.*

знакомой съ нѣмецкой образованностью, Томасъ Карлейль, всегда признавалъ ея превосходство: въ нѣмецкомъ идеализмѣ онъ находилъ высшее примиреніе противорѣчія обыденнаго церковнаго міросозерцанія съ утилитаристскими взглядами,—того диссонанса, которымъ проникнута англійская духовная жизнь. Онъ указывалъ на Канта и Гете, какъ на двухъ великихъ геніевъ, трудами которыхъ, взаимно пополнившими другъ друга, была разрѣшена эта великая задача.

Но это сознаніе собственной національной духовной сущности далеко еще не сдѣлалось общимъ достояніемъ образованныхъ круговъ Германіи. Еще менѣе проникнуты истиннымъ духомъ національной культуры тѣ классы, которыхъ выдвинуло новѣйшее развитіе Германіи: представители крупнаго капитала, съ одной стороны, и верхній слой рабочаго сословія, съ другой стороны,—являются homines novi въ духовномъ мірѣ Германіи. Еще не построены каналы, которые соединили бы водоемы нашего духовнаго прошлаго съ новью XX столѣтія. Еще менѣе получили осуществленіе выводы этой нашей культуры въ области государственнаго устройства, которые безъ сомнѣнія признаютъ полную свободу личности, конечно, при существованіи крѣпкой связи для общей національной цѣли.

До тѣхъ поръ пока все это обстоитъ такъ, для многихъ изъ насъ культура Англіи, временно опередившая насъ, будетъ представляться высшей и по своему внутреннему содержанію.

Напротивъ, сознаніе общности интересовъ, желаніе дружбы съ Россіей возможно для нѣмцевъ безъ риска забыть самихъ себя. Онъ можетъ соединить это чувство съ искренней симпатіей къ „той удивительной Одиссеѣ великорусскаго племени“, какъ назвалъ Leroy-Beaulieu русскую исторію. Онъ не забудетъ, что извѣстныя учрежденія Россіи, которыя вызываютъ недоумѣніе у европейца, какъ, напр., отсутствіе свободы печати, существуютъ также и въ Индіи, но тамъ они не служатъ цѣлямъ національнаго государства. Одно ужъ существованіе русскаго мірового государства является для него опроверженіемъ доктрины о „*единой* всеуничтожающей расѣ“. Ближайшее знакомство съ русской литературой выясняетъ въ то же время для нѣмца—существованіе самой тѣсной связи съ развитіемъ мѣстной духовной культуры.

Наряду съ этими болѣе общими причинами представляется цѣлый рядъ *экономическихъ* соображеній, которыя должны были бы склонить нѣмцевъ къ тому, чтобы не смотрѣть враждебно на развитіе Россіи въ новое время.

Ежегодно значительная сумма нѣмецкихъ интеллектуальныхъ и физическихъ силъ утрачивается для Германіи, когда англо-саксонская раса съ не-

вѣроятной быстротой поглощаетъ нѣмецкую эмиграцію. Въ иномъ положеніи нѣмцы въ Россіи. Правда, со времени Екатерины, великой дочери Германіи, они приняли значительное участіе какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ расцвѣтѣ Россіи. Стоитъ только вспомнить о нѣмецкихъ колонистахъ, объ управителяхъ имѣній, о московской колоніи, которая положила основу русской индустріи, и т. д. Русскіе націоналисты, но изъ числа умѣренныхъ, откровенно признаютъ эту пользу нѣмецкой эмиграціи, такъ, напр., „С.-Петербургскія Вѣдомости“ князя Ухтомскаго, которыя справедливо заявляютъ по поводу шовинистскихъ опасеній: что значатъ эти капли въ славянскомъ морѣ?

Но всетаки эти эмигранты не вполнѣ утеряны для Германіи. Это само собой понятно въ странѣ, гдѣ еще теперь религія тожественна съ національностью. Сдѣлавшись русскими подданными, они удерживаютъ нѣмецкіе трудовые и жизненные навыки. Такъ какъ они являются экономическими учителями русскихъ, особенно въ области сельско-хозяйственной техники, то это облегчаетъ для Германіи ввозъ въ Россію противъ соперничества англо-саксонцевъ.

Русскій сельскій хозяинъ знаетъ, что нѣмецъ является лучшимъ потребителемъ сельско-хозяйственнаго вывоза Россіи. Крестьянинъ наполовину съ завистью, наполовину съ удивленіемъ отзывается о нивѣ, зрѣющей на поляхъ нѣмца въ годы неурожая: „хитеръ нѣмецъ, даже у Бога урожай отнялъ“. Но они охотно учатся у нѣмцевъ. Именно потому Петръ Великій былъ истинно русскимъ царемъ, что онъ позналъ эту способность своего народа и использовалъ ее въ интересахъ государства [1]).

Въ томъ же направленіи оказываются благопріятными и для нѣмцевъ извѣстныя другія условія. Индустрія Германіи стоитъ ближе къ ремеслу и домашней промышленности, которыя еще и теперь играютъ крупную роль въ русской промышленной жизни, чѣмъ индустрія Англіи и Америки, покоющаяся на примѣненіи машинъ и высоко квалифицированномъ трудѣ. Въ русскомъ, какъ и въ нѣмецкомъ сельскомъ хозяйствѣ мелкое производство преобладаетъ надъ крупнымъ фермерскимъ производствомъ, сберегающимъ трудъ и прилагающимъ капиталъ, которое обычно въ названныхъ странахъ. Вслѣдствіе этого русскій гораздо лучше можетъ работать съ нѣмецкими орудіями. Такъ, напр., отчетъ англійскаго консула изъ Одессы указываетъ на то, что англійскія машины „слишкомъ сложны“; что только англича-

[1]) См. прекрасную статью князя *Д. Оболенскаго:* Тульская губернія и вліяніе иностранцевъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1898 г., № 194 и 206.

нинъ можетъ съ ними работать [1]). Этимъ можно объяснить, что Германія ввозитъ въ Россію не только больше орудій, но и машинъ, чѣмъ Англія, эта родина машинъ, которая только для извѣстныхъ машинъ, какъ напр., машинъ хлопчатобумажной промышленности, и теперь имѣетъ въ Россіи монопольное положеніе.

Наконецъ, употребляя англійское выраженіе,—англійскій товаръ на русскомъ рынкѣ очень часто оказывается „слишкомъ хорошимъ“. И въ Россіи часто еще можетъ примѣняться положеніе, которое „Nineteenth Century“ недавно выставилъ по отношенію къ Азіи: „кто хочетъ имѣть вполнѣ хорошую вещь, настаиваетъ, чтобы она была англійская“;—но немногіе русскіе въ состояніи платить за высшее качество [2]).

Впрочемъ, болѣе дешевый нѣмецкій товаръ часто гораздо болѣе соотвѣтствуетъ вкусу и потребностямъ русскаго покупателя и является для него болѣе удобнымъ, напр., благодаря прейсъ-курантамъ на его языкѣ и цѣнамъ, благодаря комми-вояжерамъ и т. д. Англійскаго путешественника страшитъ злой взглядъ казака, стоящаго у русской границы; нѣмецъ пьетъ съ нимъ водку, и чувствуетъ себя на русской почвѣ, какъ дома, такъ какъ ему не безызвѣстны въ отечествѣ нѣкоторыя непріятныя явленія русской жизни.

Каковы бы ни были причины, фактъ на лицо: противъ третьей конкурренціи Германія имѣетъ на русскомъ рынкѣ относительно благопріятное положеніе [3]). За единственнымъ исключеніемъ таможенной войны 1893 года, Германія издавна стоитъ впереди всѣхъ народовъ, ведущихъ торговлю съ Россіей.

Приведу слѣдующія цифры, основанныя на данныхъ русской статистики; ссылаюсь при этомъ на мои замѣчанія на стр. 464.

		Милліоны рублей (исключительно благороднаго металла).		
		1886 г.	896 г.	1897 г.
Англія.	Вывозъ въ Россію. . . .	110,3	111,4	102,1
	Ввозъ изъ Россіи. . . .	142,9	160,9	150,9
Соединенные Штаты.	Вывозъ въ Россію . . .	26,8	65,7	47,7
	Ввозъ изъ Россіи. . . .	0,3	1,6	2,7
Германія.	Вывозъ въ Россію. . . .	135,3	190,1	179,3
	Ввозъ изъ Россіи. . . .	119,2	185,4	175,2

[1]) „Handel und Gewerbe“, отъ 24 декабря 1898 г.

[2]) „Handel und Gewerbe“, отъ 15 мая 1898 г.

[3]) См., напр., отчетъ англійскаго консула изъ Варшавы за 1897 г., стр. 4, 6, 7; изъ Риги, стр. 5; изъ Одессы, стр. 6, 7, 11.

Бельгія.	Вывозъ въ Россію . . .	8,9	19,5	25,0
	Ввозъ изъ Россіи . . .	18,2	23,1	32,7
Франція.	Вывозъ въ Россію . . .	12,3	23,4	24,7
	Ввозъ изъ Россіи . . .	30,3	58,2	63,7
Австро-Венгрія.	Вывозъ въ Россію . . .	17,0	22,9	19,3
	Ввозъ изъ Россіи . . .	25,3	29,9	39,1

Перевѣсъ Германіи тѣмъ значительнѣе, что Англія частью вывозитъ въ Россію сырые матеріалы и полуфабрикаты, какъ, напримѣръ, каменный уголь, чугунъ, искусственные удобрительные матеріалы, оловянные листы для петролеума и т. д. Напротивъ, Германія превосходитъ Англію размѣрами вывоза товаровъ высокой обработки, какъ напримѣръ, химическихъ продуктовъ, машинъ, аппаратовъ и т. д.

По названнымъ причинамъ и расширеніе и открытіе доступа въ *Азіатскую* Россію нисколько не противорѣчитъ интересамъ Германіи.

Въ Центральной Азіи въ настоящее время область восточно-европейской торговли расширяется насчетъ англо-индійской. Это расширеніе наблюдается въ западной части Китая, Афганистанѣ и Сѣверной Персіи [1]).

Крупныя затраты капитала, которыя Россія недавно сдѣлала и еще будетъ дѣлать на постройку желѣзныхъ дорогъ и портовъ въ сѣверныхъ областяхъ, могутъ быть возмѣщены только вовлеченіемъ Мурмана въ морскую торговлю. И здѣсь шансы Германіи, по сравненію съ Норвегіей и Англіей,— недурны. Гамбургъ непрестанно стремится открыть доступъ въ порты Полярной и Тихо-океанской Россіи [2]).

Но дѣйствительное вовлеченіе Сибири въ сферу мірового хозяйства создаетъ только постройка Сибирской дороги. Уже теперь, еще прежде, чѣмъ открылся транзитъ чрезъ тихо-океанскіе порты, подтвердилось положеніе, что въ рѣдко населенныхъ, но способныхъ къ культурѣ мѣстностяхъ постройка желѣзной дороги создаетъ обмѣнъ, привлекаетъ поселенцевъ, открываетъ сокровища земли [3]). А, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересы сибиряковъ склоняютъ вѣсы въ пользу умѣренной и благопріятной для развитія обмѣна торговой политики внутри всей Россіи. Это тѣмъ болѣе должно имѣть мѣсто,

---

[1]) См. извѣстіе капитана *Chevenix-Trenche*, въ „Handel und Gewerbe“, отъ 1 апрѣля 1899 г.

[2]) *К. Носиловъ*. Норвежцы у береговъ Я—мала. „Новое Время“, № 7855, отъ 9-го января 1898 г.

[3]) Расчитываютъ, что въ 1900 году расходы и доходы по эксплоатаціи жел. дороги сбалансируются. Большое значеніе, оказывается, имѣетъ мѣстное грузовое движеніе.

что русская промышленность еще долго не въ состояніи будетъ удовлетворить потребности русско-азіатскаго континента. Экономическій подъемъ этихъ огромныхъ областей требуетъ производства вывозныхъ товаровъ: хлѣба, металловъ и т. д. Но массовое производство товаровъ для вывоза невозможно безъ ввоза средствъ производства: орудій, машинъ, химическихъ продуктовъ и т. д.

Въ настоящее время Сибирь, которая еще недавно считалась снѣговой пустыней и колоніей для преступниковъ, посѣщается торговыми агентами всѣхъ націй. Что и нѣмцы не отстаютъ, показываетъ замѣтка одной русской газеты: „киргизы по Иртышу употребляютъ нѣмецкіе плуги“ [1]).

Приведенные факты получаютъ тѣмъ больше значеніе, если мы сопоставимъ ихъ съ той еще ничтожной ролью, которую играютъ нѣмецкая торговля и нѣмецкіе товары въ области британскаго господства. Несмотря на свободу торговли нѣсколькихъ британскихъ колоній, несмотря на наибольшія преимущества, которыми нѣмцы пользуются и въ колоніяхъ съ таможенной защитой, за исключеніемъ Канады, всетаки очень часто американскій товаръ получаетъ преобладаніе передъ нѣмецкимъ [2]). Причины этого факта заключаются въ навыкахъ и личныхъ отношеніяхъ какъ частныхъ потребителей, такъ и правительствъ [3]).

Само собой разумѣется, что здѣсь не мѣсто останавливаться на этихъ соображеніяхъ, такъ какъ они относятся скорѣе къ области нѣмецкой, чѣмъ русской экономической политики. Тѣмъ болѣе цѣннымъ мнѣ кажется привести мнѣніе одного весьма интеллигентнаго нѣмецкаго промышленника, участвовавшаго въ вывозной торговлѣ во всѣ страны, который писалъ мнѣ слѣдующее:

„Для нѣмецкой промышленности легче выдерживать конкурренцію съ англичанами и американцами въ русскихъ предѣлахъ, чѣмъ на почвѣ британскихъ колоній. Я объясняю это тѣмъ, что русская промышленность еще далеко отстала, и борьба съ упомянутыми промышленными странами нахо-

---

[1]) Цитировано по „Handel und Gewerbe“; отъ 11 февраля 1899 г.

[2]) Это абсолютное преобладаніе метрополіи естественно легко связывается съ относительнымъ распространеніемъ иноземной торговли въ области британскихъ колоній. *K. S. Fuchs.* Die Handelspolitik Englands, S. 259 и слѣд.

[3]) Самый фактъ оказывается несомнѣннымъ по даннымъ торговой статистики, такъ какъ даже крупныя ошибки послѣдней въ отношеніи абсолютныхъ цифръ не имѣютъ значенія. Цифровыя данныя см. въ „Statistical abstract for the several colonial and other possessions of the united Kingdom“ и „Statistical abstract for principal and other foreign countries“.

дитъ въ Россіи нейтральную почву, такъ какъ ни русскіе потребители, ни русское правительство не имѣетъ никакихъ предубѣжденій противъ нѣмецкихъ фабрикатовъ, напротивъ, часто отдаютъ имъ предпочтеніе, тогда какъ въ колоніяхъ, подъ вліяніемъ Англіи,—заказовъ со стороны правительства не бываетъ, со стороны переселенцевъ они едва могутъ удержаться въ томъ случаѣ, если имъ не могутъ быть предоставлены совершенно особыя преимущества въ отношеніи цѣны и проч., по сравненію съ англійской промышленностью“ [1]).

Подведемъ итоги. *Россія* теперь уже не страна сѣверныхъ медвѣдей и соболей; въ ея предѣлахъ растутъ хлопковые кусты и финиковыя пальмы; своими желѣзнодорожными сооруженіями она связываетъ все большую часть азіатскаго материка. Въ концѣ среднихъ вѣковъ перенесеніе направленія міровой торговли на западъ означало упадокъ Германіи, но уже Суэзкій каналъ улучшилъ это периферическое положеніе Германіи. Съ развитіемъ Восточной Европы и континентальной Азіи положеніе Германіи снова становится болѣе центральнымъ: по окончаніи постройки Сибирскаго пути можно будетъ достигнуть Тихаго океана, выѣзжая и на востокъ и на западъ отъ Берлина (Петербургъ-Пекинъ—14 дней пути). Надежда на устройство обще-азіатской сѣти желѣзныхъ дорогъ и соединеніе ея съ европейскей теперь уже не праздная мечта. Только силы Россіи не доросли еще до этой колоссальной задачи; но въ интересахъ Россіи видѣть турецкія дороги скорѣе въ рукахъ нѣмцевъ и французовъ, чѣмъ англичанъ.

Соотвѣтственное выраженіе эта общность интересовъ получила въ *германско-русскомъ торговомъ договорѣ 1894 г.* Этотъ договоръ былъ событіемъ широкаго экономическаго значенія, законной сдѣлкой, въ которой обѣ стороны получили выгоду. Что послѣднее дѣйствительно имѣло мѣсто,—въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія торговая статистика обѣихъ странъ. Впрочемъ, пониженіе таможенныхъ пошлинъ, которое было допущено Россіей въ торговомъ договорѣ, несмотря на его несомнѣнныя выгоды для нѣмецкаго вывоза [2]), нисколько не повредило русской промыш-

---

[1]) Ближайшія указанія въ этомъ направленіи можно найти у *Martin Bürgel*'а, Unsere Handelsbeziehungen zu England, den Vereinigten Staaten und Russland. Докладъ, читанный 16 февраля 1899 г., при учрежденіи *германско-русскаго ферейна.* (Бюро помѣщается въ Берлинѣ, S. W. Königgrätzerstrasse, 49). Этотъ ферейнъ ставитъ своей задачей заботиться о сношеніяхъ обѣихъ сосѣднихъ странъ, нуждающихся другъ въ другѣ. Свои труды онъ публикуетъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ.

[2]) См. сообщенія многочисленныхъ нѣмецкихъ торговыхъ камеръ.

ленности; наиболѣе сильный подъемъ русской промышлености произошелъ уже по заключеніи договора.

Торговый договоръ означалъ ударъ, направленный противъ извѣстныхъ экономическихъ заблужденій, широко распространенныхъ съ той и съ другой стороны.

Обѣ націи, силою фактовъ, увидѣли, что представленіе объ экономической „независимости отъ заграницы“ теперь устарѣло, что скорѣе дѣло идетъ о возрастающемъ сплетеніи интересовъ народныхъ хозяйствъ, и что благо сосѣда совмѣстимо съ собственнымъ.

Въ послѣднемъ счетѣ германско-русскій торговый договоръ 1894 года имѣлъ широкое политическое значеніе, какъ и вообще его неоднократно имѣли крупныя событія въ области торговой политики. Я вспоминаю знаменитый торговый договоръ съ Наполеономъ III, при помощи котораго Бисмаркъ устроилъ „судьбу Австріи“.

Наши торгово-политическія отношенія съ Россіей во второй половинѣ 80-хъ годовъ походили на таможенную войну. Жизненныя интересы и страсти обоихъ народовъ были затронуты. Отношеніе политической дружбы оказалось не совмѣстнымъ съ этимъ, несмотря на намѣреніе, высказанное Бисмаркомъ, поддерживать эту дружбу. Всякій нѣмецъ, который въ то время посѣщалъ Россію, зналъ, какіе цвѣты разцвѣли тогда на почвѣ враждебнаго иностранцамъ націонализма.

Всякій, кто съ тѣхъ поръ часто посѣщалъ Россію, можетъ говорить о переворотѣ, который произошелъ въ общественномъ мнѣніи Россіи. Торговый договоръ означалъ первое пораженіе враждебнаго Европѣ и рѣзко реакціоннаго панславизма. Онъ устранилъ вмѣстѣ съ тѣмъ для обѣихъ сторонъ опасность самой безполезной изъ всѣхъ войнъ, что удостовѣрено намъ компетентнымъ источникомъ, который *долженъ* это знать. Въ этомъ смыслѣ торговый договоръ былъ потребностью внѣшней политики обоихъ государствъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Изданіе *П. П. Сойкина* подъ ред. д-ра философіи *М. М. Филиппова.*

Въ **„Научномъ Обозрѣніи“** участвуютъ слѣдующіе авторы: **Б. Авиловъ, Викторъ Анри,** проф. **Д. Анучинъ, Аранжо,** проф. **П. Бахметьевъ** акад. **Н. Н. Бекетовъ, П. Берлинъ, А. Богдановъ, Я. Богучарскій, Э. Борецкая, А. Борисякъ, Е. Булгакова,** доц. **С. Н. Булгаковъ,** проф. **С. Буличъ,** проф. **В. А. Вагнеръ,** проф. **А. В. Васильевъ,** прив. доц. **П. Б. Вейнбергъ** (Одесса), прив. доц. **Левъ Винярскій** (Женева), проф. **Н. А. Гезехусъ,** проф. **А. А. Герценъ,** проф. **С. П Глазенапъ,** проф. **Х. Я. Гоби,** прив. доц. **І. Гольдштейнъ** (Цюрихъ), доц. **М. Ю. Гольдштейнъ,** проф. **де-Греефъ,** доц. **В. Денъ, К. И. Диксонъ, В. Дингельштедтъ, А. Егоровъ, П. В. Засодимскій,** проф. **Зомбартъ** (Бреславль), **А. Изгоевъ, В. Ильинъ,** проф. **А. А. Исаевъ,** доц. **А. Н. Карножицкій,** проф. **П. Казанскій, А. Кирсановъ, Максимъ Ковалевскій,** доц. **А. Красновъ, М. Кроль, С. Кулябка,** проф. **В. Куриловъ, В. Лесевичъ, Б. Львовъ,** доц. **В. Львовъ, А. Лосицкій, П. П. Масловъ,** проф. **И. Оршанскій, И. Палибинъ, С. Прокоповичъ, А. Россикова,** проф. **Э. Реклю,** проф. **Л. Саккетти, А. Санинъ, И. Стешенко, Е. А. Соловьевъ,** проф. **В. Стекловъ, П. Б. Струве,** д-ръ **С. Сухановъ, В. Таліевъ,** д-ръ соц. наукъ **В. Тотоміанцъ,** проф. **А. С. Трачевскій, М. И. Туганъ-Барановскій, В. А. Тюринъ, В. Ульрихъ,** доц. **В. Фаусекъ, Л. И. Филиппова,** д-ръ философіи **М. Филипповъ** (редакторъ), проф. **О. Д. Хвольсонъ, Н. Х. Херсонскій,** проф. **Н. А. Холодковскій, С. М. Чугуновъ, П. Ю. Шмидтъ,** инж.-техн. **П. К. Энгельмейеръ,** проф. **Эрисманъ** и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки въ С.-Пб. и Москвѣ (у Н. Печковской) 6 р. 50 к., съ доставкою въ С.-Пб. и Москвѣ и пересылкою во всѣ города и мѣстности Россійской Имперіи 7 р., на полгода 4 р., на четверть года 2 р. За границу 10 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные. Уступки никому не дѣлается.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Стремянная, собств. домъ, № 14.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ,

пріобрѣтенныя М. В. Терентьевымъ:

Н. Березинъ. Разсказы о томъ, какъ трясется земля. Съ 8 рис. Цѣна 5 к.

Его же. Разсказы о лавинахъ и о людяхъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Съ рис. Цѣна 5 коп.

„. . . . Обѣ книжки состоятъ, главнымъ образомъ, изъ описанія того явленія природы, которому авторъ посвящаетъ вниманіе; описаніе землетрясеній и паденіе снѣжныхъ лавинъ сопровождается цѣлымъ рядомъ разсказовъ очевидцевъ и потерпѣвшихъ. . . Рядомъ съ описаніями и картинами приводится и достаточное объясненіе причинъ паденія снѣжныхъ массъ съ горныхъ высотъ, а также сообщается о тѣхъ способахъ, какіе придуманы людьми для предохраненіясебя отъ страшнаго бѣдствія. . .“

„Міръ Божій“, 1900 г., № 2.

Ч. Вѣтринскій. Очеркъ жизни и дѣятельности В. Г. Бѣлинскаго. Съ портретомъ и приложеніемъ указателя литературы о Бѣлинскомъ и его времени. Цѣна 15 коп.

„. . . Среди популярныхъ книжекъ, посвященныхъ жизни и дѣятельности великаго критика, книжка г. Вѣтринскаго останавливаетъ на себѣ особое вниманіе, какъ по своему назначенію спеціально для народнаго чтенія, такъ и по той заслуженной извѣстности, какою пользуются составленныя тѣмъ же авторомъ біографіи другихъ выдающихся писателей (Тургенева, Шевченко и др.). Въ данномъ случаѣ задача автора была гораздо труднѣе, такъ какъ ему нужно было не только передать читателю исторію жизни и творчества писателя, но и уяснить самое значеніе произведеній не художественныхъ, а критическихъ. Выясненію значенія критики посвящена первая глава очерка; . . она дѣлаетъ понятнымъ для читателя воспитательное значеніе образованнаго и добросовѣстнаго критика. Разсказъ о дѣтскихъ, отроческихъ и университетскихъ годахъ Бѣлинскаго (гл. II и III) написанъ чрезвычайно живо и интересно, краткая характеристика университетской среды и первыхъ литературныхъ вліяній на начинающаго писателя сдѣлана также вполнѣ понятно и хорошо. . . Авторъ обнаруживаетъ большую заботливость о читателѣ, вездѣ переводя и объясняя иностранныя и книжныя выраженія. . . Отъ души желаемъ книгѣ Вѣтринскаго самаго широкаго распространенія. Она можетъ сдѣлать имя великаго критика менѣе чуждымъ массѣ русскаго народа, она заставитъ читателя, никогда раньше не знавшаго этого имени, полюбить образъ Бѣлинскаго и преклониться передъ памятью великаго писателя и человѣка“. „Міръ Божій“, 1900 г., № 1.

Его же. Очеркъ жизни и дѣятельности Н. А. Некрасова. Съ двумя портретами и приложеніемъ избранныхъ стихотвореній. Цѣна 15 коп.

И. Давидсонъ. Борьба въ природѣ. Цѣна 10 коп.

„. . . Авторъ ставитъ себѣ трудную задачу: разсказать объ основѣ, на которой лежитъ наука, объясняющая явленія міра, т. е. изложить популярно основной законъ естествознанія. . . Такимъ основнымъ закономъ авторъ ставитъ слѣдующее положеніе, вложенное въ уста мудреца: „всякая тварь борется за свою жизнь, это основа, все остальное въ моей наукѣ (біологіи) есть только толкованіе этого закона“ . . . Переходя далѣе къ вопросу о происхожденіи видовъ, авторъ упоминаетъ о Дарвинѣ, не называя по имени, и устанавливаетъ слѣдующее положеніе: „Тѣло каждаго живущаго и растущаго существа мѣняется съ измѣненіемъ образа жизни и роста“. . . По приведенному содержанію можно видѣть, что эта книжка столько интересна, сколько и поучительна. „Міръ Божій“, 1900 г., № 2

А. Свирскій. Забракованный. Разсказъ. Цѣна 3 коп.

И. Франко. Цыгане. Разсказъ. Переводъ съ малорусскаго. Цѣна 3 коп.

. . . Произведенія выдающагося по таланту галицкаго писателя дѣлаются все болѣе извѣстными у насъ . . . Разсказы г. Франко отличаются не только высокохудожественнымъ реализмомъ, они проникнуты какъ и все выходящее изъ подъ его пера, страстнымъ призывомъ къ справедливости и гуманности въ человѣческихъ отношеніяхъ. . „Міръ Божій“, 1900 г. № 2.

Е. Чижовъ. Отъ лучины до электричества. Съ 34 рис. Цѣна 15 коп.

„. . . Въ популярномъ очеркѣ г. Чижова разсказывается о разныхъ способахъ освѣщенія отъ лучины до электричества. . . Вся повѣствовательная часть книги читается живо, легко. Издана книга хорошо, стоитъ не дорого“. „Міръ Божій“, 1900 г., № 2.